
Литература
Сибирь
2

Литературная Сибирь

Биобиблиографический
словарь
писателей
Восточной Сибири

2

Восточно-Сибирское книжное издательство
Иркутск 1988

8
Л64

Составители: В. П. Трушкин, В. Г. Волкова
Научный редактор В. П. Трушкин
Рецензент Н. Н. Яновский
Библиография подготовлена
Л. А. Казанцевой и Е. В. Путинцевой

Литературная Сибирь: Биобиблиографический
Л64 словарь писателей Восточной Сибири/ Составители В. П. Трушкин, В. Г. Волкова. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1988, вып. 2. 352 с.
1 р. 50 к.

Второй выпуск словаря (первый состоялся в 1986 г.) содержит биографии, краткие очерки творчества, библиографию писателей, статьи о литературном процессе Восточной Сибири начиная с 1923 г., с основания Иркутского литературно-художественного объединения. В этот том включены писатели 1902—1927 годов рождения.

Л $\frac{4603010100-19}{М141(03)-88}$ без объявл.—88

ISBN 5-7424-0186-8

ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ

Литература Восточной Сибири 20—80-х годов

Литературное движение в советской Сибири, как и во всей советской литературе, имеет славную и богатую историю. За десятилетия своего развития оно накопило не только опыт, но и значительные идейно-художественные ценности, выдвинуло из своей среды немало оригинальных и талантливых литераторов. И на всех этапах своего становления и развития это движение проходило под девизом служения идеалам Октябрьской революции и коммунистической нравственности, начиная от первого советского романа «Два мира» и кончая выдающимися произведениями наших дней — драматургией Александра Вампилова, повестями Валентина Распутина и Виктора Астафьева. В исторической перспективе довольно отчетливо просматриваются основные вехи и тенденции развития литературного процесса в Сибири. Для него характерны в основном те же закономерности, которые свойственны были всей молодой Советской литературе на ее неизведанном и многотрудном пути. Они выстраиваются приблизительно в такой же историко-литературной и временной последовательности.

В первой половине 20-х гг. в Иркутске возникает литературно-художественное объединение пролетарских поэтов — ИЛХО. В него входили такие впоследствии крупные поэты, как Д. Алтаузен, И. Уткин, И. Молчанов-Сибирский, М. Скуратов, критик В. Друзин, журналисты М. Озерных, А. Вечерний, Г. Ржанов, Н. Хребтовский, В. Томский, А. Оборин, художники Д. Болдырев-Казарин, К. Мозылевский, С. Бигос и др.

Формирование молодой советской литературы в Сибири проходило в борьбе и противоречиях. Илховцы вынуждены были преодолевать чуждые эстетические влияния и концепции, которые они испытывали со стороны старшего поколения литераторов, группировавшихся в кружке под названием «Барка поэтов», отражавшем во многом отжившие, эстетские, порой явно декадентские тенденции в искусстве.

Идейно-эстетические позиции ИЛХО четко выразились в статье одного из членов этого объединения художника Сергея Бигоса «О свободе творчества», опубликованной в журнале «Красные зори». Искусство, по Бигосу, не должно и не может быть аполитичным. «Нужно научиться, — говорил он, — быть политиком. Этого требует время... Творчество художника не свободно: оно ответственно перед эпохой и массами»[1].

Творческие устремления илховцев как раз и развивались в этом направлении. Героика гражданской войны, становление нового со-

[1] Бигос С. О свободе творчества. — Красные зори, 1923, № 2—3, с. 58.

ветского быта, формирование нового человека в ходе революции — таково основное содержание их лирики, первых рассказов и очерков, публиковавшихся в газете «Власть труда», в журнале «Красные зори», в сборниках стихов «Май» и «Ильичу»[2].

В середине 20-х гг. на смену зачинателям ИЛХО приходят их продолжатели — подросшая поэтическая молодежь — Е. Жилкина, В. Непомнящих, Л. Черноморцев, В. Вихлянцев и другие. В 1925 г. они издают свой первый коллективный сборничек стихов. В 1927 г. за ним последовала новая книга — «Иркутские поэты», в которую вошли, кроме стихов молодых авторов, и произведения поэта более старшего поколения А. Балина.

В эти же годы многогранно и ярко развертывается творчество И. Гольдберга, одного из значительнейших прозаиков Сибири. «Человек с ружьем» положил начало теме гражданской войны в творчестве писателя. За ним последовали «Бабья печаль», «Сладкая полынь», «Гроб подполковника Недочетова», «Пятый четверг» и другие произведения, составившие великолепную книгу «Путь, не отмеченный на карте», многократно переиздававшуюся и в Москве, и у нас, в Сибири. В ней автор с большой художественной силой показал обреченность старого мира, разложение и деморализацию белогвардейщины. Интересно и сильно написаны им повести о пути в революцию сибирской женщины-крестьянки.

В 30-е гг. Гольдберг выступил с повестями «Главный штрек», «Поэма о фарфоровой чашке», романами «День разгорается» и «Жизнь начинается сегодня». Значительным событием в советской литературе стала его «Поэма о фарфоровой чашке», тепло встреченная М. Горьким. В ней запечатлено социалистическое строительство в Сибири.

Теме социалистического преобразования Сибири посвящены и романы П. Петрова — «Борель», «Шайтан-поле», «Золото». Произведения Петрова привлекли внимание Горького, высоко ценились В. Шишковым.

Большую роль в развитии литературного движения, собирании разрозненных литературных сил Восточной Сибири — от Читы до Красноярска — в тридцатые годы сыграл журнал «Будущая Сибирь». Журнал начал выходить в 1931 г. Издание его приветствовал М. Горький. «Будущая Сибирь», — говорилось в редакционной статье первого номера нового журнала, — ставит своей целью организовать читателя — рабочего, колхозника, советского работника — на включение в дело стройки социалистической Сибири». Он стремился «мобилизовать массы на борьбу за превращение отсталой окраины Советского Союза в одну из передовых индустриальных баз социализма». В «Будущей Сибири» активно участвовали И. Гольдберг, П. Петров, А. Балин, И. Молчанов-Сибирский, М. Ошаров, И. Рождественский, Н. Устинович, Илья Чернев, Семен Метелица, Н. Асанов, М. Гудошников, К. Седых, И. Луговской, П. Маляревский, А. Ольхон, Л. Черноморцев, В. Чугунов, Е. Березницкий, П. Комаров, М. Азадовский, А. Гуревич и многие другие. Немало писателей обрело здесь впервые путевку в литературу.

Тридцатые годы — одна из примечательнейших вех в истории советского народа. Это героическое время первых пятилеток, время социалистических преобразований в городе и деревне. Бурное, го-

---

[2] Подробно о литературном движении Сибири в революционную эпоху см.: Трушкин В. Литературная Сибирь первых лет революции. Иркутск, 1967; Он же. Из пламени и света. Иркутск, 1976; Он же. Литературный Иркутск. Иркутск, 1981.

рячее дыхание его, стремительность его темпов живо ощущаются в книгах тех лет, вышедших из-под пера писателей-сибиряков, в их стихах и поэмах, рассказах и очерках, репортажах и газетных заметках, в повестях и романах, коллективных сборниках и альманахах.

Показательно, что именно на это время (наряду с изданием регулярного журнала) приходится наибольшее количество альманахов и коллективных сборников — «Сверстники» (1930), «Стремительные годы» (литературно-художественный альманах, 1932), «Переплав» (литературно-художественный альманах, 1933), «Стихи о героях» (1932), «Комсомольское племя» (1933), «Хвойный ветер» (1935), «Родина» (1935), «Молодость» (1936), «Прибайкалье» (1936) и др. Все эти издания наглядно свидетельствовали о том, насколько полнокровной и разнообразной была литературная жизнь Восточной Сибири в предвоенные годы.

Писатели старшего поколения хорошо умели сочетать собственную напряженную творческую работу с многогранной общественно-политической и воспитательной деятельностью. Они постоянно выезжали на стройки, в колхозы и совхозы, на рыболовецкие промыслы. Особенно активно такие творческие рейды проводили Иннокентий Луговской, Иван Молчанов-Сибирский, Константин Седых.

Постоянно помнили они и о подрастающей литературной смене. Много и с увлечением занимались с литкружковцами города А. Балин, И. Гольдберг, П. Петров, И. Молчанов-Сибирский. В 1934 г. иркутские школьники под руководством Молчанова-Сибирского издали замечательную книгу «База курносых». Книгу приветствовал М. Горький. Иркутские пионеры, авторы «Базы курносых», были приглашены в Москву на Первый съезд писателей. На подаренной руководителю «курносых» сибирскому поэту книге «В людях» М. Горький с душевной теплотой и добродушным юмором написал: «Дяде Ване Молчанову-Сибирскому. Хорошее дело делаете, дядя».

Накануне Великой Отечественной войны, во второй половине 30-х гг., интересно и ярко начинает развертываться творчество А. Ольхона, И. Луговского, К. Седых, Г. Маркова, Г. Кунгурова, П. Маляревского. В поэзии А. Ольхона всесторонне и глубоко разрабатывается тема Сибири. Он пишет о прошлом ее и настоящем. Декабристы и Чернышевский, первые русские землепроходцы, исследователи Сибири и Крайнего Севера, герои гражданской войны и рыбаки Байкала, Сибирь каторжная и Сибирь социалистическая — таково содержание многих произведений поэта. Немало сделал Ольхон и как переводчик. Он познакомил русского читателя с лирикой якутского поэта Тимофеева-Терешкина, охотно переводил поэтов советской Бурятии.

Старейший сибирский поэт А. Балин в 30-е гг. создает свои лучшие произведения. Он пишет стихи об Ангарстрое и республиканской Испании, создает поэтический образ рабочего-металлиста, мечтает о покорении звездных пространств. В 1934 г. выходит единственная прижизненная книга стихов поэта — «Берег», тепло встреченная современниками.

Как поэт выступает вначале и П. Маляревский, но уже в конце 30-х гг. отходит от поэзии и целиком отдается театру, создает свои первые пьесы для юношества, активно сотрудничает с театром юного зрителя в качестве драматурга и консультанта.

И. Луговской много и плодотворно работает в сибирских газетах, создает самобытные, отмеченные ярким сибирским колоритом стихи о родной природе, о лесорубах и охотниках, о сибирских колхозах и новостройках.

Писатель Г. Кунгуров, чей путь в литературу начался с хорошей детской книжки об эвенкийском мальчике «Топка» (1935), перед войной публикует исторические повести «Артамошка Лузин» и «Путешествие в Китай». Это талантливо написанные книги о русских землепроходцах, об исторически складывавшейся дружбе русских с коренными народностями Сибири — бурятами, эвенками, об их совместной борьбе против угнетателей.

С предвоенным Иркутском связано начало литературной биографии замечательного советского поэта В. Федорова. Двадцатилетним пареньком в 1938 г. после окончания Новосибирского авиационного техникума он прибыл в Иркутск и несколько лет проработал старшим мастером на Иркутском авиазаводе. Здесь же стал посещать заводское литобъединение, печатал в заводской многотиражке очерки о рабочих завода и первые свои стихи. Самое раннее его стихотворение — «К матери» — опубликовал в иркутской газете «Советская молодежь» поэт И. Луговской. В комсомольскую газету оно попало без ведома автора. Один из сотрудников заводской многотиражки отнес эти стихи в редакцию «Советская молодежь».

С рабочим коллективом иркутских железнодорожников тесно переплелись жизнь и творчество еще одного сибирского литератора — очеркиста и прозаика В. Шалагинова, автора талантливого, романтически окрашенного романа из эпохи гражданской войны в Сибири — «Кафа», основное действие которого развертывается в Омске времен колчаковщины и в железнодорожном поселке с громким названием «Городища», в котором легко узнать станцию Иркутск-Сортировочный, бывшую станцию Иннокентьевская.

С сотрудничества в иркутской губернской газете «Власть труда» начиналась творческая биография П. Нилина, большого художника слова, чьи произведения, особенно повести «Испытательный срок» и «Жестокость», выросли на специфически сибирском материале.

Сибирь, земля иркутская питали творчество и Ю. Бессонова, автора интересного романа о гражданской войне в Сибири — «Восстание». Сибирский север, жизнь и судьба эвенков нашли свое воплощение в романе «Большой аргиш» писателя-красноярца М. Ошарова. Судьба эвенков в годы революции и гражданской войны привлекает внимание и И. Гольдберга.

Тема преображения далеких окраин, становление новой личности и новых человеческих отношений в процессе революции и социалистического строительства становятся основным лейтмотивом в творчестве писателей-сибиряков тридцатых годов. Эта тема звучит в публицистике, в книгах стихов и прозы. Она нашла отражение в романах П. Петрова и И. Гольдберга, в лирике И. Молчанова-Сибирского и К. Седых.

Несколько книг лирики выпустил в предвоенные годы К. Седых. Самая ранняя из них называлась «Забайкалье» (Иркутск, 1933). Родное Забайкалье, его природа, история, люди, судьбы трудового казачества в революции — основные мотивы поэзии и прозы К. Седых тех лет.

Глубокое осмысление судеб народных, исторически закономерный путь народа к революции лежат в основе таких крупных эпических полотен, созданных писателями-сибиряками, как «Строговы» Г. Маркова, «Даурия» К. Седых, «Хребты Саянские» С. Сартакова.

Первые книги «Даурии» и «Строговых» были задуманы и завершены в самый канун войны. Великая Отечественная война прервала на долгое время работу писателей над завершением этих произведений, внесла существенные коррективы в первоначальные авторские замыслы. Художники стали глубже и острее воспринимать мир. Оте-

чественная война помогла нашим писателям отчетливее увидеть пути своих героев, осмыслить их в большой исторической перспективе, углубила философскую основу произведений. Об этом хорошо сказал К. Седых в «Автобиографии». Вспоминая о том, с каким жаром принялся он после войны за завершение «Даурии», писатель рассказывает: «Работал с большим увлечением. Пережитое за годы войны заставило меня увидеть все в более ясном свете, на многое взглянуть по-новому».

Десятки и сотни патриотических стихотворений, очерков, рассказов, взволнованных публицистических статей, отразивших величие народного подвига, создали писатели-иркутяне в годы войны. Многие из них в это время находились в армии, главным образом на Востоке. В 1945 г. им пришлось участвовать в войне с Японией. Армейские впечатления позднее нашли свое отражение в их творчестве. Поэт И. Молчанов-Сибирский написал великолепное стихотворение «Дуб в пустыне Чахар», И. Луговской — «Песню о русском солдате», «Мой товарищ лежит на Хингане», Г. Марков — повести «Орлы над Хинганом» и «Моя военная пора».

В военное лихолетье погибло немало талантливых литераторов Сибири — Д. Алтаузен и И. Уткин, юные поэты — иркутяне М. Рыбаков и И. Черепанов, красноярцы Г. Суворов, Б. Богатков; не вернулись с полей сражений Е. Березницкий, В. Чугунов. Многие из них ушли из жизни совсем юными, буквально «не долюбив, не докурив последней папиросы». Однако любой из них с полным правом мог сказать о себе ставшими крылатыми стихами Г. Суворова: «Свой добрый век мы прожили как люди и — для людей».

Заметное оживление в литературной жизни Сибири наблюдается после окончания Великой Отечественной войны. Немаловажную роль в активизации литературного процесса в послевоенное время сыграло издание литературно-художественных альманахов — «Новой Сибири» в Иркутске, «Енисея» в Красноярске и «Забайкалья» в Чите. Так, альманах «Забайкалье» возник в 1947 г. и выходил по 1959 г. На страницах альманаха печатались первые рассказы И. Лаврова, вскоре завоевавшие большую популярность у массового читателя. В «Забайкалье» часто выступали со своими произведениями прозаики Б. Костюковский, О. Хавкин, В. Лавринайтис, опубликовавший цикл рассказов из жизни лесников — «Записки лесообъездчика». Здесь печатались очерки и рассказы Н. Ященко, Г. Кобякова, В. Шорора, бурятского писателя Ж. Балданжабона, стихи К. Седых, Н. Савостина, Ю. Гольдмана, Г. Граубина, культуроведческие разыскания из прошлого Забайкалья Е. Петряева.

Таким образом, альманах давал выход в печать, а следовательно и к читателю, молодым дарованиям, способствовал собиранию местных литературных сил, выявлению новых талантов и в определенной степени пробуждал интерес забайкальцев к духовной жизни родного им края, к его культурному прошлому и настоящему. В том же «Забайкалье», например, печаталось немало материалов, связанных с пребыванием здесь декабристов, народовольцев, ссыльных большевиков.

То же самое следует сказать и о многолетних альманахах Иркутска и Красноярска — «Новый Сибири» и «Ангаре», «Сибири» и «Енисее». Их роль в становлении литературного движения в Восточной Сибири трудно переоценить.

Как известно, до 1937 г. весь обширный регион Восточной Сибири составлял единый Восточно-Сибирский край с административным центром в Иркутске. В Иркутске же выходил с 1931 по 1935 г. включительно один единственный на всю Восточную Сибирь журнал «Будущая

Сибирь», переименованный в 1935 г. в «Новую Сибирь». На страницах этого журнала и пришедшего ему на смену в 1937 г. альманаха «Новая Сибирь» печатались не только иркутские авторы, но и широко были представлены литераторы Читы, Красноярска, Бурятии — С. Метелица, Х. Намсараев, Н. Устинович, М. Ошаров, И. Рождественский и многие другие. И только в самый канун войны, в 1940 г., красноярским литераторам удается организовать издание собственного альманаха, которое прекращается с началом войны и возобновляется лишь в 1944 г.

До 1960 г. альманах «Енисей» издавался по одной книжке в год. В дальнейшем периодичность его стала нарастать, и в 1966 г. альманах превращается в двухмесячник, повышается его тираж, который удается поднять до 25 тысяч экземпляров. Альманах открыл дорогу в литературу многим талантливым литераторам. Постоянными авторами его были прозаики С. Сартаков, Н. Устинович, поэты И. Рождественский, К. Лисовский, фольклорист А. Гуревич. На его страницах печатались главы из романа-эпопеи «Хребты Саянские» С. Сартакова, главы из не менее популярного романа А. Черкасова «Хмель» и его же романа «Конь рыжий», исторический роман А. Чмыхало «Дикая кровь», повести В. Астафьева «Гори, гори ясно», Р. Солнцева «Тянигус», проникнутые трепетной любовью к таежной сибирской природе и таежным следопытам многочисленные рассказы рано ушедшего из жизни писателя Н. Устиновича и его же роман «Маяк в степи».

В середине шестидесятых годов в альманахе «Енисей» печатался только что входивший тогда в литературу В. Распутин. Здесь он публиковал свои очерки о строителях Красноярской ГЭС — «Возвращение», о строителях железной дороги Абакан — Тайшет — «Золотые костры романтики». На страницах «Енисея» впервые был опубликован и его рассказ «Продается медвежья шкура».

На рубеже пятидесятых-шестидесятых годов в альманахе «Енисей», как, впрочем, и в других сибирских изданиях, активно печаталась талантливая поэтесса М. Борисова. В эти же годы через альманах «Енисей» и периодику Сибири входят в литературу такие яркие и самобытные поэты, как В. Назаров, Р. Солнцев, З. Яхнин. Сборники их стихов выходят не только в Красноярске или, скажем, в Новосибирске, но и в центральных книжных издательствах, становятся фактом литературной жизни страны в целом.

Из одаренных молодых авторов альманаха «Енисей», уверенно входящих в литературу, следует назвать имя прозаика Э. Русакова. Врач по профессии, Э. Русаков пишет давно и много, но печататься стал сравнительно недавно, в семидесятые годы. Судя по опубликованным его рассказам, он тяготеет к бытовой, несколько ироничной по стилю и тону повествования прозе. Зарисовки в его рассказах психологически точны, сдержанны, очень лапидарны. Он избегает пространных, «разъясняющих» авторских описаний. По своей манере они напоминают ранние юмористические рассказы А. П. Чехова. В этом «чеховском» ключе написаны многие вещи Э. Русакова — рассказы «Голос пропащей жены», «Золотые купола». Они проникнуты сдержанным лиризмом, согреты целомудренной любовью к человеку. Это своеобразие Русакова — рассказчика и повествователя — отчетливо проявилось и в его книге «Белый медведь» (М., 1981).

Аналогичный процесс становления литературных судеб, обретения своего места и имени в литературе можно проследить и на истории Иркутской писательской организации и издаваемых ею периодических изданиях, да и вообще на развитии литературного процесса всей Восточной Сибири.

Уже в первые послевоенные годы в литературу Восточной Сибири

влился целый отряд молодых писателей. С опаленных пороховым дымом дорог войны пришли Л. Стекольников и Ю. Левитанский, взыскательный художник слова, талантливый лирик. Первая его книга, посвященная ратным подвигам советского солдата на дорогах войны, так и называлась — «Солдатская дорога» (Иркутск, 1948).

В конце 40-х гг. в альманахе «Новая Сибирь» публикует свои первые рассказы и очерки И. Дворецкий. Рыбаки, лесорубы, скромные, простые советские люди, труженики «незаметных» профессий — герои ранних рассказов и повестей Дворецкого. В середине пятидесятых годов он обращается к драматургии, которая отныне становится ведущим жанром в его творчестве. Пьесы «Трасса», «Взрыв», «Большое волнение» и др., посвященные молодежи, строителям, острым морально-этическим проблемам нашего времени, раскрывающие всю сложность человеческих взаимоотношений в нашем обществе, обошли многие театры страны.

О судьбе женщины-солдатки, потерявшей на фронте мужа, рассказывает Л. Огневский в романе «На другой день». Послевоенная колхозная деревня с ее трудными путями и судьбами изображена в его романе «Белый хлеб». О ленских событиях, прогремевших в свое время на всю Россию и всколыхнувших ее, написал в 1949 г. драматург П. Маляревский талантливую пьесу «Канун грозы», удостоенную в 1952 г. Государственной премии.

В середине пятидесятых годов появляются первые книги Н. Чаусова, В. Тычинина, Л. Кукуева, В. Козловского, В. Мариной, пьесы Б. Левантовской, первые детские книжки А. Шастина, стихотворения А. Преловского и М. Сергеева, П. Реутского и С. Кузнецовой.

Бывший офицер саперного батальона Л. Кукуев в романе «Живые и мертвые» нарисовал путь простых русских парней, прошедших дорогами войны от Сталинграда до Берлина. В. Козловский в романе «Верность» рассказал о летчиках-воинах, обслуживавших в годы войны партизанские отряды в тылу врага.

В 1950 г. в альманахе «Новая Сибирь» печатается первая повесть Ф. Таурина «К одной цели». Ведущей темой его творчества, начиная от романов «На Лене-реке», «Ангара» и до трилогии «Далеко в стране Иркутской», становится тема рабочего класса Сибири. Эта тема взята писателем широко и многогранно. Она прослеживается им на протяжении целого столетия.

Проблемы современной деревни своеобразно и остро освещаются в рассказах и очерках В. Мариной. В сатирической повести «Павильон Раймонды» писательница остроумно и весело высмеивает бюрократизм, шаблонность, фальшь, фанфаронство в быту наших современников, смеется над литературными штампами и поделками ремесленников от литературы.

В различных жанрах выступает М. Сергеев. Он пишет веселые, занимательные книжки для детей, создает сценарии и книги очерков, выпускает отличную работу о секретах поэтического слова для юношества, работает над книгой о Пушкине, издает прекрасную книгу новелл о женах декабристов «Несчастью верная сестра». И, конечно же, везде и во всем остается поэтом, поэтом по самой «своей строчечной сути».

Мягкие акварельные краски отличают лирику С. Кузнецовой, острые морально-этические проблемы, подсказанные временем, затрагивает в своей лирике П. Реутский. А. Преловский стремится запечатлеть современность и современников в их трудовом бытие, в той «черной работе», в которой закаляются характеры и просветляется природа человека. С эпическим размахом написан его свод поэм «Вековая дорога», удостоенный Государственной премии.

На рубеже 50—60 гг. полнозвучно раскрылось поэтическое дарование Е. Жилкиной. Ее книги «Парус», «Сентябрь», «Пора листопада», «После вьюги» и др. свидетельствуют о творческой зрелости автора, о мужании таланта, глубоко лирического и гуманного по природе своей.

Успешно работают в литературе в это время и такие старейшие литераторы, как забайкальцы В. Балябин, Г. Шелест, красноярские прозаики Н. Устинович, Н. Мамин, А. Черкасов, поэты И. Рождественский, Л. Черноморцев, М. Скуратов, поэт и романист А. Чмыхало, читинцы Н. Ященко, В. Лавринайтис, В. Никонов, иркутянин Н. Печерский.

Большую известность приобрела, в частности, трилогия А. Черкасова «Хмель», «Конь рыжий», «Черный тополь». Автор назвал свое обширное повествование «Сказание о людях тайги». Это большое панорамное художественное полотно. В «Сказании» развернута широкая картина жизни сибирского крестьянства на протяжении многих десятилетий — от времени восстания декабристов и вплоть до 50-х гг. нашего века. Здесь изображены многие исторические события, пережитые русским народом, глубоко исследована и ярко показана трудовая Сибирь, классовое расслоение в старообрядческой среде. Короче говоря, автору удалось создать своеобразную сибирскую эпопею.

Трудящимся Забайкалья, судьбам простого народа в первые годы революции посвящена и тетралогия В. Балябина «Забайкальцы» — главная книга старейшего современного писателя Сибири. Заметным явлением в детской литературе стали книги Н. Печерского — «Генка Пыжов — первый житель Братска», «У тебя все впереди, Валерка», «Красный вагон».

Значительные события произошли в литературной жизни Сибири во второй половине шестидесятых — начале семидесятых годов. Важнейшим из них стал читинский семинар начинающих литераторов, проходивший в сентябре 1965 г. Именно он дал путевку в литературу целому отряду талантливых писателей-сибиряков. В. Распутин, Г. Машкин, В. Шугаев, А. Вампилов, Ю. Самсонов, Д. Сергеев, Р. Филиппов, С. Иоффе, Б. Лапин, Г. Пакулов, Л. Красовский, Р. Солнцев, З. Яхнин — все они прошли через читинский семинар, на котором заинтересованно и взыскательно разбиралось и обсуждалось их творчество и получило одобрительную оценку у таких опытных мастеров, как Л. Соболев, В. Астафьев, Д. Ковалев, М. Соболь. Показателен следующий факт: из большого числа участников семинара, объединившего молодых прозаиков и поэтов от Красноярска до Сахалина, тринадцать человек было рекомендовано в члены Союза писателей СССР, причем семь из рекомендованных являлись литераторами-иркутянами — В. Распутин, В. Шугаев, Д. Сергеев, Л. Красовский, А. Вампилов, Г. Машкин, Ю. Самсонов. Из читинцев получил рекомендацию в Союз поэт Р. Филиппов. Не случайно сами участники читинского семинара любят говорить о дружной, сплоченной «стенке», которой они входили в литературу.

Вскоре большую известность приобретает повесть Г. Машкина «Синее море, белый пароход». Талантливо написанная, утверждающая высокие идеи интернационализма, дружбы между народами, она переводится на многие иностранные языки. Театры страны с неизменным успехом ставят пьесы А. Вампилова. В 1967 г. выходит из печати первая повесть В. Распутина «Деньги для Марии». В семидесятые годы за ней последовали «Последний срок», «Живи и помни», «Прощание с Матерой», выдвинувшие автора в первые ряды советской литературы. Острая постановка сложнейших морально-этических

проблем времени, яркость и неординарность исконно народных характеров, мастерство и искусство проникновения во внутренний мир человека, богатство и незамутненная свежесть, живописная образность, первозданность народной речи позволяют говорить о произведениях В. Распутина, как о незаурядном явлении в развитии современной художественной прозы. В 1977 г. за повесть «Живи и помни» писателю была присуждена Государственная премия СССР.

В семидесятые годы набирает высоту и обретает известность творчество таких прозаиков-сибиряков, как Д. Сергеев, А. Зверев, Г. Николаев, В. Шугаев, А. Шастин, Г. Михасенко, А. Гурулев, поэтов М. Сергеева, А. Преловского, С. Иоффе, С. Кузнецовой, Г. Граубина, Р. Филиппова, З. Яхнина, Р. Солнцева и более молодых — М. Трофимова, В. Козлова, А. Горбунова, А. Кобенкова, прозаиков В. Жемчужникова, Е. Суворова, В. Сидоренко, С. Китайского, красноярца Э. Русакова, В. Захаровой, В. Хайрюзова, И. Черемных.

Литературный процесс наших дней в Сибири отличается обилием имен, разнообразием творческих индивидуальностей и таким же многообразием художественных поисков и решений. Все пристальней становится взгляд писателей, уверенней словесное и живописное мастерство, глубже проникновение в сложнейшие явления и процессы действительности, жизни и самого бытия человека в окружающем его беспокойном и тревожном мире. Острые морально-этические проблемы современности стоят в центре внимания многих прозаиков и поэтов. Они все глубже и основательней идут от чисто внешнего описания и изображения мира вещей к выявлению и постижению глубинных связей между ними, к возможно полному и всестороннему постижению внутреннего мира человека, стремятся смелее и острее проникать в сферу нравственных отношений своих современников. Художественное познание человека наших дней во всей сложности и противоречивости его связей с окружающим миром, с природой, с обществом — магистральная тема в творчестве сибирских литераторов разных поколений.

С особой остротой, я бы сказал, с болью и тревогой стала разрабатываться в последнее время в творчестве писателей подсказанная самой действительностью тема взаимоотношения человека и природы, когда, казалось бы, чисто экологические, природоведческие проблемы неожиданно обрели глубоко нравственный аспект, стали проблемой номер один в современном мире, в самом существовании людей на земле.

Эта тревога за будущее родной земли, ее красоту, за все живое на ней по-особому близка и понятна литераторам-сибирякам. Достаточно здесь вспомнить хотя бы многолетние споры и дискуссии вокруг проблемы Байкала, в которых громко звучит и голос сибирских писателей. С острыми публицистическими статьями о Байкале выступает в центральной печати Ф. Таурин, поэт А. Преловский пишет поэму «Заповедник», прозаик Л. Кукуев создает роман «Море в ладонях». Большой общественный резонанс вызвали страстные публицистические выступления в защиту Байкала В. Распутина.

Но, пожалуй, с особой художественной силой и выразительностью, гражданственностью и философской насыщенностью повествования этот мотив ответственности за судьбы и будущее родной земли и ее богатств, мотив долга перед грядущими поколениями прозвучал в повести В. Распутина «Прощание с Матерой», в сущности, положившей начало новой разработке темы «Человек и природа» в творчестве многих современных сибирских литераторов.

Писателей-сибиряков глубоко волнует проблема бережного отношения человека к природе, к окружающей природной среде в век

НТР, стремление сохранить эту земную красоту для потомков. С покоряющей задушевностью и художественной экспрессией эта тема прозвучала в повести В. Астафьева «Царь-рыба», значительнейшем произведении советской литературы последних лет. Новеллистическая форма повествования, ее раскованность позволили автору создать произведение эмоционально-философского плана, насыщенное раздумьями о смысле человеческого существования, о кровных связях его с окружающим миром, о нравственных устоях нашего современника, о доверии к человеку и людском братстве. Так рассказ о временно возникшем северном поселке рыбаков перерастает под пером Астафьева в проиведение высокого гуманизма, остро современное по проблемам и идейной направленности.

О связи человека с родной землей интересную повесть написал иркутский прозаик А. Гурулев — «Дом на своей земле». Тема природы и отношения к ней разрабатывается в повестях А. Зверева «Лыковцы и лыковские гости» и «Живые деньги» молодого прозаика А. Скалона. Авторы с гневом и возмущением пишут о браконьерах, наносящих непоправимый урон живой природе, говорят о том, насколько непроста, а подчас и смертельно опасна борьба с ними. Страстное разоблачение, бескомпромиссное осуждение психологии и морали собственников, стяжателей, активное утверждение принципов социалистической нравственности, единения между людьми составляют пафос этих талантливых книг. И, конечно же, обличение всех и всяких форм мимикрии, бездуховности, варварского отношения к природе и к ее ничем не восполнимой красоте и одухотворенности.

Те же мотивы, но всякий раз по-новому, в каких-то новых гранях и связях, на новом материале звучат в произведениях и других писателей-сибиряков — в повести В. Жемчужникова «Белая лайка», Е. Суворова «Не плачь, ястреб» и вплоть до прозы В. Нефедьева, выступившего недавно в печати с первой своей повестью «Ухожу в море».

Обстоятельно и многогранно разрабатывается в прозе писателей-сибиряков тема героического, прежде всего революционного прошлого русского народа. Здесь и прославленные, давно известные читателю «Даурия» и «Отчий край» К. Седых, «Строговы» Г. Маркова, «Хребты Саянские» С. Сартакова, и законченное в начале семидесятых годов панорамное, широкомасштабное произведение Г. Маркова роман «Сибирь», и талантливые книги более молодых прозаиков — «Поле сражения» С. Китайского, «Росстань» А. Гурулева, трилогия А. Шастина «Время стрекоз».

Обращение к давно, казалось бы, исследованной в литературе теме гражданской войны и революции позволяет писателям во многом по-новому, с высоты исторической дистанции поставить и осветить жгучие современные проблемы гуманизма, коммунистической нравственности, вскрыть идейную и просто человеческую несостоятельность белогвардейского движения, показать историческую обреченность и антинародную, антигуманную, реакционную сущность всякой контрреволюции, эгоистически собственнической буржуазной морали, в каких бы формах и обличиях они ни выступали.

Исследованию истоков народного характера и подвига народного в годы Великой Отечественной войны посвящены повести Д. Сергеева, А. Зверева, «Живи и помни» В. Распутина. А. Звереву, например, в повести «Раны» удалось создать поистине величественный при всей его простоте и кажущейся обыденности образ простого русского человека на войне. Солдат Гневышев в чем-то самом существенном, исконно русском сродни образу Андрея Соколова из рассказа «Судь-

ба человека» М. Шолохова. И там и тут перед нами русский характер, характер человека из народа, на долю которого выпали жесточайшие испытания. Однако они не смогли сломить ни волю к жизни, ни душу его. Образ Евлампия Гневышева вырастает до большого типического обобщения, до образа-символа русского солдата.

На материале современности построены повести «Семейский сруб» Д. Сергеева и «Человек из поезда» А. Шастина. Повесть «Семейский сруб» в первых изданиях называлась «Крепость на отшибе». По мотивам своим и идейной направленности она перекликается с повестью «Мшава» А. Якубовского. В ней так же, как и у Якубовского, в остроконфликтной ситуации изображено столкновение двух мировоззрений, двух моралей — морали советской, гуманной в своей основе, и морали собственнической, царящей в кондовом быту раскольников-староверов. Своим произведением писатель утверждает незыблемость и неодолимость поступательного хода истории, движения самой жизни, необратимость социальных перемен, говорит о неодолимости нового в борьбе с носителями всего косного, заскорузлого и отживающего, какой бы подчас трагический характер не приобретала эта борьба в тех или иных конкретных условиях, борьба, нередко приводящая, как и случилось в повести, к невосполнимым потерям, к гибели хороших, душевно чистых людей.

В «Человеке из поезда» А. Шастин решает иную, но не менее важную проблему. Речь идет здесь о сопротивляемости человека обстоятельствам, о нравственной чистоте и стойкости его, о засасывающей власти привычки плыть по течению, о разрушительной силе всяких сделок с собственной совестью, о разъедающем душу конформизме. В повести на глазах читателя, с хорошим художественным тактом, ненавязчиво совершается процесс саморазоблачения героя.

Становление характера молодого современника наших дней исследуется в повестях В. Шугаева. Та же, в сущности, тема привлекает к себе пристальное внимание и другого талантливого писателя, автора целого ряда книг о подростках Г. Михасенко. В остро драматических коллизиях и ситуациях изображает мир наших современников Г. Николаев. Стоит в данном случае хотя бы назвать его раннюю повесть о трубоукладчиках «Плеть о двух концах».

Интересные публицистические и очерковые книги о прошлой и современной Сибири создал журналист и писатель Л. Шинкарев «Путешествие по острову АЕ», «Сибирь: откуда она пошла и куда она идет», «Второй транссиб». Живо написанные, они насыщены богатейшим в познавательном отношении материалом об обширном крае Зауралья, о его людях, о делах и проблемах, встающих перед ними.

Земля сибирская всегда была щедра на таланты. Литература, создаваемая писателями-сибиряками, давно уже перешагнула границы Сибири и в лучших своих образцах стала неотъемлемой составной частью общерусского литературного процесса, заметным явлением всей нашей большой советской литературы. Произведения писателей-сибиряков охотно публикуются в лучших столичных издательствах, переводятся на иностранные языки. Книги сибирских литераторов — живая художественная летопись современности, «трудов и дней» советского человека, его дум и чаяний, это взволнованный рассказ художников слова «о времени и о себе», рассказ о нравственной красоте человека, стремящегося преобразовать мир на началах добра, справедливости, человеческого счастья.

Как-то в одном из интервью В. Распутин обронил характерное замечание: «Литература, на мой взгляд, это воспитание чувств и, прежде всего, доброты, чистоты, благородства. Внутреннего, исполненного душой долга перед своей Родиной и своим народом». И далее: «Нет

сейчас проблемы важней, чем высокое, достойное времени, нравственное утверждение человека».

Вот это глубоко гуманистическая и гуманная, нравственная проблематика, о которой говорит писатель, приобретает первостепенную роль в художнических поисках, в литературном движении наших дней. Она же определяет и ведущие тенденции в развитии литературной жизни современной Сибири.

Русская литература в лице лучших ее представителей всегда стремилась быть и была совестью своего народа, болела его болями, выражала его затаенные думы и заветные мечты о добре и справедливости. Она воспитывала в читателе непримиримость к злу во всех его видах и обличиях. Первоклассные художники слова, взращенные землей сибирской, Виктор Астафьев и Валентин Распутин, остаются и в наши дни верны этим священным заветам большой русской литературы. Их гражданское и художническое сознание чутко реагирует на все болевые точки современного социального бытия человека. Так, В. Распутин задолго до официальной кампании по борьбе с алкоголизмом и пьянством в рассказе «Не могу-у!» показал, к каким необратимым и страшным последствиям ведет алкоголизм, как идет процесс разрушения личности, утраты человеческого в человеке. Никого не оставила равнодушным и недавняя повесть В. Распутина «Пожар», написанная с публицистической остротой и страстной непримиримостью ко многим бедам наших дней. Пожар на складах в его произведении вырастает до символического обобщения, обнажая многие язвы в жизни обитателей Сосновки, до времени скрытые буднями текущей повседневности. Через мироощущение пожилого человека шофера Ивана Петровича Егорова, спасающего общественное добро на пожаре, автор сумел с обнаженной прямотой и гражданской бескомпромиссностью высказать много горьких истин в адрес своих современников, сумел сказать им, что так дальше жить нельзя.

Много толков и споров вызывает и астафьевский «Печальный детектив». В. Распутин об этом произведении писателя так сказал с трибуны писательского съезда: «Вспомним «Печальный детектив» Виктора Астафьева — столь откровенный, кровью собственного сердца написанной книги у нас еще не было».

Поставив в центре повествования милицейского работника Леонида Сошнина, который по самому характеру своей службы вынужден каждодневно сталкиваться с темными сторонами жизни, с разноликими проявлениями зла, автор настойчиво зовет своего читателя задуматься над истоками и самой природой зла как такового. Он задается вопросом, как бороться с этой скверной, отравляющей нам жизнь. В одних ли социальных, бытовых и житейских обстоятельствах дело, откуда и как рождается преступность, хорошо ли мы знаем внутреннюю природу человека, закоулки его души — вот тот круг совсем не легких и не простых вопросов, которые волнуют писателя и его героя. Он не дает на них готовых ответов, да, очевидно, и не дело писателя давать такие ответы. Важно другое. Художник ставит перед обществом наболевшие проблемы и зовет к их разрешению.

Так, литература Сибири выходит на магистральные пути современного искусства, служит Времени и Человеку.

В заключение необходимо сказать хотя бы несколько добрых слов в адрес таких литераторов Восточной Сибири, много сделавших для осмысления литературного процесса и внесших свой вклад в советскую науку о литературе и литературную критику, как М. Азадовский, Б. Жеребцов, А. Гуревич, С. Баранов, А. Абрамович, историки Ф. А. Кудрявцев, М. А. Гудошников (Ф. А. Кудрявцев — автор первых

работ по биографии и творчеству Д. П. Давыдова. М. А. Гудошников писал об И. Гольдберге, В. Шишкове, Н. И. Наумове, И. В. Федорове-Омулевском, сибирском областничестве).

Проф. М. К. Азадовский воспитал в Сибири десятки талантливых учеников, плодотворно работающих в литературе и поныне. Он автор книг и многочисленных статей по истории литературного движения Сибири, ее фольклора и этнографии. А. Гуревич в 30-е гг. выпустил в Иркутске несколько фольклорных сборников, опубликовал книгу старых сибирских писателей — «Восточная Сибирь в ранней художественной прозе» (Иркутск, 1938). Интересные работы по партизанской поэзии Сибири принадлежат перу С. Ф. Баранова. Б. Жеребцов издал накануне войны книгу мемуаров о старой Сибири, сборник дореволюционной сатирической поэзии, выпустил «Сибирский литературный календарь», к которому и поныне обращаются библиографы и исследователи.

Активнейшее участие в литературной жизни Иркутска 40—50-х гг. принимал А. Ф. Абрамович, критик и литературовед, автор многих статей и рецензий о писателях Сибири и книг «Критические статьи и очерки о творчестве сибирских писателей» (1958), «Поэты стороны сибирской» (1963). В пятидесятые годы иркутскими критиками и литературоведами были изданы два сборника литературно-критических очерков «Писатели советской Сибири», в которых даны литературные портреты и характеристики творчества крупнейших писателей-сибиряков.

Литературно-критическая мысль, вдумчивый анализ живого литературного процесса и стремление воздействовать на него никогда не затухали на земле сибирской. Здесь можно было бы назвать имена таких авторов, успешно работающих в нелегком жанре литературной критики, как читинцы А. Татуйко и Н. Дворниченко, красноярцы Г. Шленская, Б. Чмыхало, Т. Павская, А. Малютина, иркутяне Н. Антипьев, С. Смирнов, О. Шахерова, И. Плеханова, А. Кобенков, пишущий о поэзии и поэтах, П. Забелин, А. Рубанович и Н. Тендитник. Надежду Тендитник как критика отличает нелицеприятность критических суждений, острота в постановке наболевших проблем литературной современности. Оценки ее порой бывают излишне суровыми и даже беспощадными, но они продиктованы искренней заинтересованностью и заботой о действительно высоком качественном уровне художественной литературы. Перу ее принадлежит немало статей и рецензий, первые монографические очерки о творчестве В. Распутина, А. Вампилова, А. Зверева, Д. Сергеева, объединенные в книгу «Мастера».

Литература современной Сибири в пути, в движении. Она вся устремлена в будущее

В. Трушкин

РУССКАЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКА В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Фольклористика в Восточной Сибири в своем развитии проходит в основном те же этапы, что и на европейской территории России. Она также связана с общественно-политической жизнью государства, борьбой философских течений, с литературой.

Теснейшая связь русской фольклористики с литературой сложилась исторически. С одной стороны, она определялась особым местом русской литературы в культурном развитии страны, сосредоточивая в себе, по словам Н. Г. Чернышевского, «почти всю умственную жизнь» общества. С другой, — содружество литературы и фольклористики усиливалось проблемой народа, стоявшей в русской литературе особенно остро и обусловленной в европейской части страны наличием крепостного права, а в Сибири угнетенным положением малых народностей.

Постоянное и глубокое внимание русских писателей к фольклору породило такое явление, как фольклоризм, т. е. разнообразные формы использования устно-поэтических произведений в литературном творчестве.

В начальный период своего развития фольклористика Сибири, как и в центральной России, еще не выделяется в самостоятельную область. Фактически она сливается с фольклоризмом. Однако, в отличие от центра страны, где значительная фольклористическая деятельность имеет место уже в 18 столетии, Восточная Сибирь приобщается к ней лишь в 30—40 гг. прошлого века. В это время выступает целая группа писателей, главным образом иркутян, в романах, повестях, очерках и поэмах которых, опубликованных в разных столичных изданиях, первое место занимают сибирские темы, материалы этнографического характера, переработка старинного предания, наблюдения над устно-поэтическим творчеством малых народностей и русских. Дорогу этой литературе пролагает Н. А. Полевой своей повестью «Сохатый» (1830). Возглавляемый им в течение 10 лет «Московский телеграф» (1825—1835) способствует популяризации фольклора и этнографии Сибири.

Наиболее характерными для фольклоризма 30—40-х гг. являются романы И. Т. Калашникова «Дочь купца Жолобова» (1831), «Камчадалка» (1832); повести Н. Щукина «Посельщик» (1834), «Ангарские пороги» (1835); романтические очерки Н. Бобылева: «Чингисов столб» (1838), «Ждарго — Аега» (1839), «Сибирские скопцы» (1840) и др.

Особую роль в становлении фольклористики Сибири играет собирательская и творческая деятельность Е. А. Авдеевой-Полевой (1789—1865). Ее книги, очерки, статьи: «Записки и замечания о Сибири». М., 1837; «Записки о старом и новом русском быте». М., 1842; «Русские сказки для детей». СПб., 1844; «Воспоминания об Иркутске». — Отечественные записки, 1848, ч. 59; «Очерки масляницы в Европейской России и в Сибири, в городах и деревнях». — Отечественные запис-

ки, 1849, ч. 62 и др. насыщены не только местными этнографическими сведениями, но содержат публикации записанных автором самих народных обрядов и фольклорных текстов. Некоторые из ее описаний и заметок имеют уже собственно фольклористическое значение (например, заметки о сказочном жанре в Сибири, попытка воссоздать образ сказочника и его творческую манеру, проникнуть в суть синкретической природы народной поэзии).

Одним из зачинателей собирательства в Восточной Сибири был также А. П. Степанов (1781—1837). Просвещенный Енисейский губернатор и литератор, Степанов пытался создать в Красноярске общество по изучению всего края, но Николай I не одобрил его проект. Результатом деятельности Степанова явился двухтомный труд «Енисейская губерния» (СПб., 1835). В нем собран большой этнографический и фольклорный материал. Правда, каких-либо теоретических выводов о бытовании устно-поэтических жанров в Сибири Степанов не делал. Но его работа ценна публикацией самих фольклорных произведений, обрядов, игр, гаданий и т. п.

В 30-е же годы в Нерчинске организуется кружок любителей и собирателей фольклора, состоявший из местных литераторов. М. А. Зензинов (псевдоним Пастух-даурец), В. П. Паршин, И. А. Юренский и другие записали большое количество произведений устного народного творчества, русских, бурятских и др., которые, к сожалению, в основной своей части ныне утрачены. Перу А. Мордвинова и М. Зензинова принадлежат также очерки фольклорно-этнографического характера, печатавшиеся главным образом на страницах газеты «Золотое Руно».

Подъем общественной и научной жизни страны, связанный в середине XIX в. с новым этапом революционного движения, выражается, в частности, и в повышенном интересе к вопросам этнографии и фольклора в Сибири. На страницах возникающей в пятидесятых годах периодической печати («Иркутские губернские ведомости», «Иркутские епархиальные ведомости» — в их неофициальной части) находят место статьи и очерки на фольклорные и этнографические темы. В 1851 г. в Иркутске открывается Сибирский отдел Русского географического общества, который становится центром этнографического и фольклорного изучения края. Исследованию поэтического творчества русских и нерусских народностей Сибири отдают свои силы в ту пору многие просвещенные люди, зачастую к профессиональной филологии отношения не имевшие. Так, большую собирательскую работу в эти годы ведет Н. А. Костров (1823—1881). По окончании Московского университета в 1849 г. он приехал в Сибирь, служил в административных учреждениях Красноярска, Минусинска, позднее Томска. Уже в Москве он приобрел опыт фольклористической работы под руководством П. В. Киреевского. Всего Костровым опубликовано свыше 130 статей и заметок по разным вопросам фольклора, этнографии, истории, географии и экономике региона. Основные работы Кострова по фольклору: «Онские селения» (Москвитянин, 1851, № 24); «Свадебный обряд минусинских крестьян» (Иллюстрация, 1861, т. 8); «Народные приметы крестьян-старожилов Минусинского округа» (Зап. Сиб. отд. РГО, 1956, кн. 2).

Интересные сведения о народном творчестве Восточной Сибири в середине прошлого столетия сообщает медик-краевед Н. И. Кашин (1825—1872). Уроженец Иркутска, он окончил Московский университет и почти всю жизнь прожил в Иркутске. Наряду с интереснейшими трудами медицинско-этнографического характера Кашин имеет две работы и по фольклору: «Празднества и забавы приаргунцев» (Вестн.

РГО, 1858, ч. XXVI); «Свадебные обычаи приаргунцев» (Вестн. РГО, 1860, ч. XXX).

В «Записках РГО» за 1869 г., т. 2 публикуется статья Н. С. Щукина «Народные увеселения в Иркутской губернии», в которой впервые дается описание народного кукольного театра в Сибири.

Любопытные взгляды на произведения устно-поэтического творчества содержат работы енисейского доктора медицины и этнографа М. Ф. Кривошапкина (1825—1900). Большое внимание Кривошапкин уделял обрядовой поэзии, особенно свадебной, выделяя в ней языческие элементы. Наиболее ценным в его двухтомной монографии «Енисейский округ и его жизнь» (СПб., 1865) представляется попытка анализа психологии свадебного обряда. Им собраны и опубликованы разнообразные фольклорные материалы: описания народных игр, приметы, заговоры, гадания, былина, историческая песня об Ермаке.

Значительную роль в развитии фольклористики Сибири сыграла научная и публицистическая деятельность А. П. Щапова (1831—1876). Щапов родился в верхнеленском с. Анга в семье пономаря. Окончил Казанскую духовную академию. В 1864 г. выслан в Сибирь по подозрению в связях с Герценом и Огаревым. Сотрудничал в «Записках Сибирского отдела РГО».

Его теория о «русско-сибирском этнографическом типе» и вытекающее из нее положение о неспособности русского населения края к устно-поэтическому творчеству оказали определенное влияние на последующие выводы некоторых ученых, в основном областнического направления, об особенностях бытования фольклорной традиции в Сибири. Но вместе с тем в работах Щапова содержится немало интересных наблюдений над фольклорным творчеством сибиряков, к которому он проявлял на протяжении всей жизни пристальное внимание, как к важному материалу для изучения народного быта и миропонимания. С особенностями последнего он связывал происхождение легенд, загадок, пословиц и поговорок (см.: Исторические очерки народного миросозерцания и суеверия. 1863). В исследовании народных движений (Земство и раскол, 1862) Щапов также опирается на фольклорные произведения, в частности на исторические песни и в том числе песни о Степане Разине. Многочисленные тексты свадебных песен, несколько былин, заговоров привлекает он и в оригинальном труде «Влияние общественного миросозерцания на социальное положение женщины в России» (Дело, 1871, № 7—8).

Вслед за Щаповым нигилистические взгляды на устно-поэтическое творчество сибиряков высказывает историк-славист, этнограф и публицист П. А. Ровинский (1831—1916). См. его работы: «Сообщение о поездке на Тунку и на Оку до Окинского караула» (Изв. Сиб. отд. РГО, 1870, т. 1, № 4—5); «Сообщение о поездке по Ангаре и Лене» (там же, 1871, т. II, № 3); «Между Ангарой и Леной (Продолжение сообщения о поездке по Ангаре и Лене)» (там же); «Этнографические исследования в Забайкальской области» (там же, 1872, т. III, № 3); «Материалы для этнографии Забайкалья» (там же, 1873, т. III, № 3, т. IV, № 3); «Замечания об особенностях сибирского наречия и словаря» (там же, т. IV, № 1).

К наиболее резким выводам о грубой природе сибиряков, об отсутствии у него эстетических запросов, а потому и поэтического творчества приходит в конце XIX в. известный беллетрист, автор многих очерков о деревенской жизни в Восточной Сибири Н. М. Астырев (1857—1894). В Сибирь Астырев приехал в 1887 г. и занялся изучением статистики Иркутской и Енисейской губерний. Его наблюдения над жизнью крестьян главным образом в Тункинской долине дали материал для книги «На таежных прогалинах. Очерки жизни населения

Восточной Сибири» (М., 1891). «Сибиряк забыл свою историю, свое кровное родство с Россией, — категорично заключал Астырев, — он не имеет никакого понятия об Ермаке, не знает ни песен, ни эпоса, ни легенд, ни преданий, ни «хороводных игрищ», «с удивлением и любопытством слушает изредка забредающего в его деревню мастера говорить сказки, и таким мастером оказывается не кто иной, как ссыльно-переселенец из России».

К подобным взглядам присоединились и некоторые другие писатели и исследователи Сибири (С. В. Максимов, И. П. Белоконский). В какой-то мере такие взгляды разделял и кое-кто из представителей областнического направления в науке. Со стороны прогрессивных ученых и беллетристов эти теории были подвергнуты резкой критике. Началась полемика, длившаяся в течение почти всей второй половины XIX — начала XX вв. и в известной степени отразившая борьбу разных общественных групп.

Наиболее яркой фигурой в общественной и культурной жизни Восточной Сибири этого периода является один из крупнейших этнографов Д. А. Клеменц (1848—1914). Высланный в Сибирь за участие в народническом движении, Клеменц начинает и здесь активную общественную деятельность: он — правитель дел Восточно-Сибирского отдела РГО, постоянный сотрудник «Восточного обозрения» и «Сибирской жизни». Наряду с проблемами общественной жизни Клеменц уделяет в своих этнографических статьях постоянное внимание вопросам народного творчества. В специальной работе «Наговоры и приметы крестьян Минусинского округа» (Изв. Вост.-Сиб. отд. РГО, 1888, т. XIX, № 3) он приходит к выводу о сохранности народного творчества сибиряков, особенно свадебной поэзии, в наиболее удаленных от цивилизации местах Сибири, исследует архаические корни некоторых фольклорных жанров, а также влияние местности на устно-поэтические произведения. В работах более позднего периода Клеменц, не отказывая сибирякам в эстетическом чувстве, все-таки проводит мысль о постепенной утрате в Сибири фольклорной традиции, объясняя это отсутствием общественной жизни и суровой природой (см.: Население Сибири. Сибирь, ее современное состояние и нужды: Сб. статей под ред. И. С. Мельникова. СПб., 1903)

Активное участие в полемике о русском сибирском характере и судьбах народного творчества сибиряков принял в конце XIX столетия В. И. Вагин (1823—1900). Известный журналист, общественный деятель и историк Сибири, первый редактор и издатель (с 1874 по 1877) газеты «Сибирь» (Иркутск), (см. его ст.: Судьбы сибирской жизни. — Вост. обозрение, 1892, № 7). Вагин известен как собиратель песен. Часть собранных им текстов («Баклашинские песни») была опубликована в газете «Сибирь» (1886, № 4, 22, 29). Дополненные новыми (всего 78) вместе со вступительной статьей «Нынешняя деревенская песня», они были позже опубликованы в «Известиях ВСОРГО» (1888).

К этим же годам относится статья известного литератора и общественного деятеля И. И. Попова «Песни Иркутской губернии» (Памятная книжка Иркутской губернии 1881 г. Иркутск, 1881).

Большую роль в изучении фольклора Восточной Сибири сыграла политическая ссылка. Первым исследователем народного творчества северо-востока Сибири был И. А. Худяков (1842—1876), которому принадлежит особое место не только в сибирской, но и общерусской фольклористике. По мнению М. К. Азадовского, Худяков — фольклорист-революционер не только потому, что он сочетал революционную работу с фольклористикой, но и потому, что он «стремился поставить фольклор на службу революции».

Худяков родился и вырос в Сибири, где уже в юношеские годы

записывал произведения фольклора. Учился в Казанском, затем в Московском университетах. Тогда же издал свои первые фольклористические работы. В 1866 г. за участие в революционной деятельности сослан в Верхоянск Якутской области. Выучил якутский язык и занялся собиранием якутского и русского фольклора. Материалы эти (большая их часть) составили «Верхоянский сборник», который был издан лишь 14 лет спустя после смерти Худякова (1890) Восточно-Сибирским отделом РГО. Важные сведения содержит неизданное до сих пор «Краткое описание Верхоянского округа», включающее в себя наблюдения над обычаями якутов, их мифологией, обрядами, играми и пр., а также заметки о русском населении края, особенностях его быта и мировоззрения, записи фольклорных текстов.

Крупным явлением в истории изучения Восточной Сибири была состоявшаяся в 1894—1896 гг. первая стационарная этнографическая экспедиция, снаряженная на средства купца И. М. Сибирякова. Основные ее участники — политссыльные. Организовал и возглавил экспедицию на первом этапе ее работы Д. А. Клеменц. В задачи Сибиряковской экспедиции входило разностороннее обследование северо-восточной Сибири. Значительное место в ее программе отводилось и вопросам фольклора, которые следовало рассматривать, по указанию Клеменца, в неразрывной связи с этнографией края. Изучение фольклора входило в непосредственную задачу Э. К. Пекарского, С. В. Ястремского, В. И. Иохельсона, В. Г. Богораза.

Наиболее результативными оказались исследования В. Г. Богораза (псевдонимы: Н. А. Тан, В. Г. Тан) (1865—1936). Этнограф, писатель, общественный деятель, он в 1889 г. был выслан в Колымск. Принимал участие в нескольких экспедициях, изучал на Колыме народный быт и фольклор русских, ламутов, чукчей, коряков, ительменов, эскимосов. Эти наблюдения легли в основу многих публикаций (см. его отчет в «Изв. Вост.-Сиб. отд. РГО», 1899, т. XXX, № 1) и многотомного исследования «Чукчи». Фольклорные русские материалы (былины, сказки, песни, пословицы и поговорки, загадки) опубликованы им в «Сборнике отделения русского языка и словесности Академии наук» (1901, т. 68, № 4).

Богораз отмечает хорошую сохранность устно-поэтической традиции у колымчан в недалеком прошлом, вскрывает условия ее живого бытования, показывает обогащение и местное своеобразие песенного репертуара, отмечает высокие эстетические запросы русских на Колыме, обращает внимание на их музыкальный фольклор. Выводы Богораза были чрезвычайно важны, так как опровергали утверждение о непоэтичности сибиряка, неспособности его к художественному творчеству. Весьма важным моментом в работах Богораза было стремление к сопоставительному изучению фольклора народов Севера, что также нашло отражение во многих его публикациях.

О русской народной поэзии северо-востока Сибири имеются еще две работы ссыльных: С. Попова «Некоторые данные по изучению быта русских на Колыме» (Этнографическое обозрение, 1907, № 1, 2). И статья М. Зензинова «Русское Устье Якутской области Верхоянского округа» (Этнографическое обозрение, 1913, № 1—2). ,

Дальнейший этап в развитии фольклористики Сибири связан с именем замечательного русского фольклориста А. А. Макаренко (1868—1942), с работ которого, по замечанию М. К. Азадовского, и «начинается настоящее, систематическое, научное изучение русской народности в Сибири».

В 1886 г. Макаренко за участие в народническом движении был сослан в Восточную Сибирь, где жил до 1897 г. в с. Казачинском и в Красноярске. Возвратясь из ссылки в Петербург, он в предре-

волюционные годы и после продолжает систематически выезжать в Сибирь с целью пополнить материалы исследования.

Фольклористическая работа Макаренко в совокупности своей опровергает теорию об особом этнографическом типе русских сибиряков и о их непоэтичности. В наиболее крупном своем исследовании «Сибирские песенные старины» (Живая старина, 1907, вып. I—IV) он на большом фактическом материале показывает сохранность и особенности бытования устно-поэтической традиции в восточносибирских селах. Выводы об эгоизме и жестокости сибиряков, убивающие в них поэтический дар, Макаренко считает «напраслиной». По его мнению, лишены основания и доводы о том, что суровая природа края якобы убивает в сибиряке способность к эстетическому переживанию. «Суровая природа и упорная борьбе с ней не помешали появлению на свет исландских и скандинавских саг и финской Калевалы», — замечает он. Лучшим подтверждением выводов Макаренко являются собранные им песенные старины.

В этом же плане следует рассматривать и публикации многих сказочных текстов. По инициативе Макаренко Красноярским подотделом Восточно-Сибирского отдела РГО в 1902 и 1906 гг. были изданы «Русские сказки и песни Сибири», собранные в разных ее местах. Из 120 сказок 29 представлены Макаренко. Его предисловие к другой подборке сказок, опубликованных в 1912 г. в «Живой старине», является первой теоретической работой по этому жанру. Здесь Макаренко ставит ряд интересных проблем: о своеобразии русской сказочной традиции в Сибири, о влиянии на нее устно-поэтической традиции аборигенов, о народном сказковедении. Особо следует отметить творческий и психологический портрет сказочника Е. М. Кокорина (Чимы), выполненный Макаренко с большим мастерством и в соответствии с требованиями передовой фольклористической науки.

Вопросы фольклора находят место и во многих других работах Макаренко, опубликованных на страницах «Живой старины» с 1897 по 1907 г. Во многом новаторским явилось его исследование «Сибирский народный календарь в этнографическом отношении», изданное РГО в 1913 г., где рассматривается календарная обрядность сибиряков в связи с их социальным и экономическим положением.

Единомышленником Макаренко во многих общественных и научных вопросах был В. С. Арефьев (1874—1901).

«Убежденный социалист-революционер», как характеризовала его ленинская «Искра» (1901, № 9, окт.), Арефьев рано связал себя с революционной работой. В шестнадцать лет он был впервые арестован и до конца своей жизни (прожил всего 27 лет) ссылается еще трижды. С 1897 по 1900 г. он жил вначале в Казачинском, затем — в Пинчуге и Кежемском. Человек больших и разносторонних способностей, Арефьев был автором многих критических статей и рецензий, известен как яркий публицист и один из зачинателей сибирского краеведения. Фольклорист и этнограф, он, как и Макаренко, тесно увязывал устно-поэтическое творчество с особенностями народного быта, утверждал поэтическую одаренность сибиряка. Особенно Арефьева интересовал песенный фольклор. Основные работы: «К вопросу о сибирской народной песне» (Сибирский сборник. Иркутск, 1899, вып. I); «Нечто о народных песнях в Сибири» (Сибирская жизнь, 1897, № 270, 271); «Несколько тюремных и поселенческих песен» (Сибирский сборник, 1898, вып. I); «Крестьянские вечерки в Енисейском округе» (Енисей, 1898, № 34); «В низовьях Ангары» (Сибирский сборник, 1901, вып. I). Арефьев раскрыл не только большой репертуар народной песни в Сибири, но пришел к выводу и о «продуктах несомненного сибирского творчества» в нем (песни приискательские, переселенчес-

кие, тюремные), а также впервые обратил внимание на песни рабочих.

Одним из крупнейших фольклористов того времени был Г. Н. Потанин (1835—1920). Будучи одновременно известным географом, этнографом и публицистом, Потанин начал работу по фольклору в 60-е гг. прошлого века. Он предпринял многочисленные экспедиции в Туву, Монголию, Центральную Азию и др. области. И хотя полевые исследования Потанина проводились в основном за пределами Восточной Сибири, тем не менее его теоретические положения и выводы (Потанин был сторонником теории заимствования), а также богатейшие наблюдения над культурой, бытом и устно-поэтическим творчеством многих тюркских и монгольских народов Сибири, Центральной Азии и др. внесли значительный вклад в развитие отечественной фольклористики. В Томске он организовал общество по изучению Сибири, принимал вместе с Макаренко непосредственное участие в подготовке и издании упоминавшихся солидных томов «Русских сказок и песен Сибири».

В конце XIX — начале XX вв. собирательская работа по фольклору Восточной Сибири заметно активизируется. Появляются многочисленные энтузиасты этого дела, часто не фольклористы. Их имена и биографии иногда затруднительно учесть и восстановить. Но тем не менее это люди, внесшие значительный вклад в изучение фольклорной традиции Сибири. Обширные материалы содержат статьи Д. К. Логиновского: «Свадебные песни и обычаи казаков Восточного Забайкалья» (Записки Приамурского отдела РГО, 1899, т. V, вып. II) и «О быте казаков Восточного Забайкалья» (Живая старина, 1902, вып. II). Впервые объемные записи музыкального фольклора в Забайкалье делает приказчик из Кяхты Н. П. Протасов (1865—1913). Его интересуют главным образом старинные русские мелодии, которые он записывает по Ангаре и Илиму, а также бурятские и тунгусские. Протасовым было подготовлено два сборника песен, теперь, к сожалению, утерянных, и лишь 16 текстов из второго сборника были опубликованы в «Сибирской живой старине» (1926, вып. II).

В Забайкалье собирательскую работу вел. А. М. Станиловский (1876—1905), всю свою недолгую жизнь посвятивший изучению русского прибайкальского населения. Его заметки этнографического и фольклористического характера, а также записи текстов в основной своей части, были опубликованы уже после смерти собирателя (Записки Антона Михайловича Станиловского. — Труды Вост.-Сиб. отд. РГО, 1912, № 7). Станиловский, как ранее Щапов, приходит к выводу о непоэтичности сибиряка, однако в отличие от своих предшественников этот взгляд он обосновывает иными аргументами. По мнению Станиловского, непоэтичность сибиряка — явление временное, связанное с особой психологией русского-колониста, который смотрит на красоты окружающей его природы, и в частности Байкала, «зорким хозяйским оком». Впоследствии же, утверждает исследователь, они сживутся с новым краем, встанут к нему в сыновне-родственные отношения и тогда смогут воспринимать его эстетически.

К противоположным выводам приходит современник Станиловского Г. М. Осокин. В своей книге «На границе Монголии: Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья» (СПб., 1906) он на довольно обширном материале показывает широкое бытование эпической традиции в Забайкалье. Особое внимание уделяет Осокин местному материалу (сказки, предания, легенды топонимического характера, сказания из исторического прошлого сибиряков).

Двадцатое столетие выдвинуло целую плеяду собирателей и ученых-фольклористов. Некоторые из них начали свою работу еще в конце прошлого века, а продолжили в советское время.

На протяжении всей своей жизни занималась собирательством М. В. Красноженова. Родилась она в 1871 г. в с. Бирюса Иркутской губернии, окончила Красноярскую гимназию, учительствовала, вела этнографические наблюдения. Ей принадлежат: описания свадебного обряда, «Взятие снежного городка в Енисейской губернии» (Сибирская живая старина, 1924); «Материалы по народной медицине Енисейской губернии» (Изв. Вост.-Сиб. отд. РГО, Иркутск, 1908, т. 39); «Из народных обычаев крестьян д. Покровка» (Изв. Красноярского подотдела РГО, т. II, вып. 5). Красноженовой собрано свыше пяти тысяч текстов разных жанров. Но опубликованы в основном сказки: «Сказки Красноярского края» (под общей ред. М. К. Азадовского и Н. П. Андреева. Л., 1937) и «Сказки нашего края» (предисловие и редакция С. Ф. Савинича. Красноярск, 1940). Остальные тексты хранятся в архиве Географического общества. Там же, а также в архиве Литературного музея в Москве хранятся многочисленные тексты, представляющие почти все фольклорные жанры, записанные в основном в 1910—1917 гг. политссыльным А. А. Савельевым. Записи велись главным образом в Приангарье, где, по-видимому, Савельев намеревался собрать фольклор в наиболее полном объеме.

Интересные фольклорные материалы, особенно песни, представлены известным писателем В. Я. Шишковым. Еще до революции, будучи инженером-путейцем, он ежегодно совершал длительные поездки по рекам Сибири, которую считал «второй своей родиной». Разнообразный фольклор Сибири (русский и эвенкийский) во многом питал его творчество, особенно ранние рассказы. Песни (87), собранные Шишковым, и заметки о них составили публикацию «Песни, собранные в селениях Подкаменской и Преображенской волостей Киренского уезда Иркутской губернии, расположенных по течению реки Нижней Тунгуски» (Изв. ВСОРГО, 1914, т. XI, вып. III).

XX век в истории сибирской фольклористики дал таких ученых, деятельность которых по своему объему, методологии и теоретическим выводам выходит далеко за пределы региона. К ним следует прежде всего отнести М. К. Азадовского, который начал изучение фольклора Восточной Сибири в 1915 г. Азадовский выявил необычайное богатство фольклорной традиции края во весм разнообразии ее жанров, открыл выдающихся мастеров поэтического народного слова, обосновал методику и методологию собирательского дела, создал большой обобщающий труд по истории русской фольклористики. По инициативе Азадовского и профессора Иркутского университета этнографа Г. С. Виноградова был создан и редактировался ими фольклорно-этнографический журнал «Сибирская живая старина» (1923—1930). Виноградовым положено начало исследованию русского детского фольклора (Детский фольклор и быт. Иркутск, 1925).

Большую организаторскую роль в собирании и изучении фольклорной традиции в Сибири сыграл заслуженный деятель науки Бурятской АССР Лазарь Ефимович Элиасов (1914—1976). Сибиряк по рождению, он с 14 лет работал на золотых приисках Баргузинского района. После окончания Иркутского финансово-экономического института был направлен в Улан-Удэ в Институт общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР, в котором, за исключением военных лет, проработал всю жизнь. Ученый и прекрасный организатор, Элиасов возглавлял отдел литературоведения, фольклористики и искусствоведения СО АН СССР, сумел повести широкое изучение фольклорной традиции по всей Сибири. В послевоенный период им было организовано свыше 30 экспедиций в районы Приморского, Хабаровского, Алтайского, Красноярского краев, Амурской, Читинской, Иркутской, Омской, Тюменской, Томской областей; Бурятской, Тувинской,

Якутской автономных республик; Хакасской, Еврейской, Горно-Алтайской автономных областей. Результатом полевых исследований, помимо статей, явились многие книги, изданные в Улан-Удэ. Среди них: «Устные рассказы Забайкалья о двух войнах» (1957); «Народно-революционная поэзия Сибири эпохи гражданской войны в Забайкалье» (1957); «Фольклор семейских» (1963); «Русский фольклор Прибайкалья» (1966); «Сказки и предания Магая» (1968); «Фольклор казаков Сибири» (1969); «Ленин в творчестве народов Бурятии» (1968). Наиболее значительной из работ Элиасова следует считать трехтомник, посвященный русскому фольклору Сибири. В первом из томов дается очерк о собирателях и исследователях русской народной поэзии Восточной Сибири прошлого. В третьем — первая глава посвящена состоянию фольклора и фольклористики Сибири.

Делом всей жизни Элиасова был «Словарь русских говоров Забайкалья», выпущенный АН СССР (М., 1980). Немаловажную инициативную роль сыграл ученый в проведении четырех всесибирских фольклорных конференций в 60—70 гг., организованных Сибирским отделением АН СССР. Он же был инициатором многотомного издания русских сказок Сибири, первая книга которого увидела свет в 1979 г.

Профессионалом-фольклористом, составившим солидные собрания фольклора Восточной Сибири, был А. В. Гуревич (1905—1953). По свидетельству Л. Е. Элиасова, хорошо знавшего архив Гуревича, им было записано свыше 800 текстов сказок, больше 5000 песен, несколько десятков тысяч пословиц и поговорок, значительное количество текстов детского фольклора, богато представлен рабочий фольклор (см.: Элиасов Л. Е. Фольклор Восточной Сибири: Локальные песни. Улан-Удэ, 1973, т. III, с. 29—34). В собрании Гуревича представлены тексты сказок почти всех крупных сказочников Сибири того времени: Е. И. Сороковикова-Магая, Н. О. Винокуровой, Д. С. Асламова, А. А. Шелиховой. Гуревич опубликовал лишь часть собранных им материалов: Фольклор Восточной Сибири/ Сборник составил Александр Гуревич. Иркутск, 1938; Русские сказки Восточной Сибири/ Сборник Александра Гуревича. Иркутск, 1939; Песни и устные рассказы рабочих старой Сибири/ Сборник составил Александр Гуревич. Иркутск, 1940. Большая часть материалов фольклориста не опубликована и хранится в Красноярском государственном архиве.

Солидная коллекция сказок была собрана в 40-е гг. в Приленье К. А. Копержинским. Но записанные им тексты до сих пор не опубликованы и хранятся в отделе рукописей библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

В 60-е гг. большую собирательскую работу в Сибири начинает вести Р. П. Матвеева. С 1976 г. она становится во главе группы Русского фольклора Института общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР. Помимо монографического исследования творчества сибирского сказителя Е. И. Сороковикова-Магая (Новосибирск, 1976), а также статей, связанных с исследованием фольклорной традиции Сибири, Матвеева является составителем многотомной серии сказок.

В эти же годы бытование русского фольклора Сибири изучается Н. В. Соболевой (Русские народные сатирические сказки Сибири. Новосибирск, 1981) и Р. П. Потаниной, которая основное внимание сосредоточивает на обрядовой и главным образом свадебной поэзии (Потанина Р. П. Свадебная поэзия семейских Забайкалья. Улан-Удэ, 1977; Русские свадебные песни Сибири/ Сост., вступ. ст. и примеч. Р. П. Потаниной. Новосибирск: Наука, 1979; Обрядовые песни русской свадьбы Сибири/ Сост.,предисл. и примеч. Р. П. Потаниной. Новосибирск: Наука, 1981; Русская свадебная поэзия Сибири/ Вступ. ст., сост. и примеч. Р. П. Потаниной. Новосибирск: Наука, 1984).

Интенсивная работа по собиранию и исследованию восточносибирского фольклора ведется в этот же период Л. П. Кузьминой, И. З. Ярневским (Улан-Удэ), В. С. Левашовым (Чита). Вклад политических ссыльных в изучение фольклора Сибири исследуется В. И. Зоркиным (Иркутск).

На основе многолетних полевых наблюдений над эстетикой народного слова А. П. Селявская (Иркутск) приходит к чрезвычайно интересным выводам, касающимся многих общетеоретических проблем фольклора (См. ее статью «К проблеме гномических форм народного красноречия». — В кн.: Сибирский фольклор. Новосибирск, 1971, вып. 2).

Много сделано по собиранию и изучению фольклорной традиции Забайкалья талантливым, рано скончавшимся ученым В. П. Зиновьевым (1942—1983). Читатель знаком с двумя его книгами: «Жанровые особенности быличек» (Изд. Иркутского госуниверситета. Иркутск, 1974) и «Русские сказки Забайкалья» (Иркутск, 1983). Многочисленные записи песен, быличек, устных рассказов, сказок, а также рукописи статей остаются пока архивным материалом и хранятся у вдовы собирателя.

С конца 60-х гг. начинается планомерное многолетнее исследование устно-поэтического творчества восточносибирских сел, расположенных в бассейне реки Лены и ее притоков, в междуречье Лены и Ангары, по Нижней Тунгуске, а также в северных районах Якутии (низовья Индигирки) экспедициями Иркутского государственного педагогического института под руководством автора этих строк. Результатом изучения фольклора Восточно-Сибирского региона явились многочисленные публикации. Среди них книги: Шастина Елена. Сказки Ленских берегов. Иркутск, 1971; коллективный студенческий труд: Сказки Приленья. Иркутск, 1974; Шастина Е. И. Сказки и сказочники Лены-реки. Иркутск, 1975; Она же. Сказки, сказочники, современность. Иркутск, 1981.

Говоря о фольклористике Восточной Сибири, следует подчеркнуть: записи текстов, как и научные обобщения, сделанные на их основе, имеют важное значение не только для Восточно-Сибирского региона, ибо Восточная Сибирь, и особенно ее крайний север, сохранили наиболее древние устно-поэтические варианты и редакции. Вот почему выводы, предлагаемые в результате изучения их, могут пролить свет на многие общетеоретические вопросы генезиса, а также исторического бытования древнего фольклорного искусства.

Е. Шастина

ЛИТЕРАТУРА

Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958—1963 т. 1—2; Он же. Очерки литературы и культуры Сибири. Иркутск, 1947; Кошелев Я. Р. Русская фольклористика Сибири XIX — начала XX вв. Томск, 1962; Элиасов Л. Е. Русский фольклор Восточной Сибири: Собиратели и исследователи русской народной поэзии Восточной Сибири. Улан-Удэ, 1958, ч. 1; Он же. Фольклор Восточной Сибири. Улан-Удэ, 1973, ч. III; Азадовский Марк. Сказки Верхнеленского края. Иркутск, 1925; Сказки из разных мест Сибири/Под редакцией М. К. Азадовского. Иркутск, 1928; Русские народные сказки Сибири о богатырях/Сост., вступ. ст. и коммент. канд. филолог. наук Р. П. Матвеевой. Отв. ред. д-р филолог. наук. Л. Е. Элиасов. Новосибирск: Наука, 1979; Русские героические сказки Сибири/Сост., предисл. и коммент. канд. филолог. наук Р. П. Матвеевой. Отв. ред. д-р филолог. наук Л. Е. Элиасов. Новосибирск: Наука, 1980; Русские волшебные сказки Сибири/Сост., вступ. ст. и коммент. канд. филолог. наук Р. П. Матвеевой. Отв. ред. д-р истор. наук. Э. В. Померанцева; Русские народные сказки Сибири о чудесном коне/Сост., предисл. и коммент. канд. филолог. наук Р. П. Матвеевой. Отв. ред. д-р истор. наук Л. Г. Бараг; Русские сказки Восточной Сибири/Сост., подготовка текста, коммент. и предисл. д-ра филолог. наук проф. Е. И. Шастиной. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1985.

ИЛХО (1923—1926).

После Октябрьской революции помимо литературных кружков, создававшихся на предприятиях, в школах и вузах Иркутска, здесь организовалось в 1920 г. литературное общество поэтов, известное под названием «Барка поэтов». Это название возникло в связи с тем, что его собрания проходили на барке у пароходной пристани, расположенной на Ангаре против нынешнего здания Научной библиотеки Иркутского государственного университета (Белый дом). Официально оно называлось ИЛХО — Иркутское литературно-художественное объединение. Одним из организаторов общества был поэт футуристического направления Анчаров, предоставивший свою «барочную квартиру» для организации «поэзо-вечеров». История сохранила нам имена некоторых из участников общества: В. Преловский, С. Алякринский, Е. Титов, А. Мейсельман, М. Имрей, А. Шостакович, Н. Шастина.

В деятельности участников «Барки» обнаруживалось весьма сильное стремление к «чисто эстетическому» творчеству. Стихи «нейтральные», далекие от идейных мотивов современности, свидетельствовали одновременно о кризисе, который переживали некоторые из поэтов, еще не нашедшие своего места в новой советской действительности.

Участники «Барки поэтов», как правило, не публиковали произведений, а читали их на своих вечерах на рабфаках, в культурных организациях города. Но сохранившиеся архивные документы совершенно очевидно свидетельствуют о широком распространении именно аполитичных стихов. Стихотворение М. Имрея «Бессонница» (1921)[1] наиболее наглядно обнаруживает стремление поэта отойти от внешнего мира, сосредоточить внимание на субъективных переживаниях:

Красная труба (в окне напротив)
Бросает черную дыма гарь.
В серой комнате, в серой дремоте
Мой мозг — потухший фонарь.
Жалко выбрасывает слова мертвые
Деревянный человеческий язык.
Скучно. Половина четвертого.
Привык.

В. Преловский написал в 1922 г. программное стихотворение «Поэты», со специальным посвящением «Барке поэтов». Образные детали здесь характеризуют поэтическую «изощренность» сторонников искусства, принципиально уходящего от реальной современности в мир условных символов. Тут и «дремотная тьма стакана Мокко», и «круженье таинства Астарты», и игра словом,— увлечение формой ради самой формы. Поэт любуется неожиданным эпитетом, неожиданным «девичьим трепетом рифмы страстной», стремящихся «в плен созвучный букв».

В 1921 г. несколько произведений участников «Барки поэтов» были напечатаны в сборнике «Отзвуки», изданном в Иркутске. И среди них значительное место

[1] Цикл рукописных стихов Михаила Имрея, переписанный другим членом группы «Барка поэтов» В. И. Преловским, сохранился в архиве последнего и любезно предоставлен нам его сыном А. В. Преловским.

занимают, как сказано в предисловии, далекие от злободневных политических проблем «чисто» лирические стихи, воспевающие природу или сугубо интимные переживания героев. Таковы стихотворения «Песня о зимнем солнцевороте» Е. Титова, «Кто желанье ловит...» И. Славнина, «Научи меня быть приветливым...» С. Алякринского, «Завещание Пилигрима» А. Мейсельмана.

Однако знакомство с такого рода произведениями не дает оснований причислять весь состав участников «Барки поэтов», в том числе абсолютное большинство имен из перечисленных выше, к лагерю декадентского искусства.

Сам факт участия Е. Титова, М. Имрея, А. Шостаковича, А. Мейсельмана и других в сборнике «Отзвуки», изданном литературным подотделом Иркутского губполитпросвета в помощь голодающим Поволжья, знаменателен, раскрывает стремление поэтов помочь большому общественному делу.

Что же касается опубликованных стихотворений, то в большинстве это, как правило, только весьма общие «отзвуки» на большие революционные события. Так, в произведении М. Имрея «Из цикла «Кровавая нежность» изображаются последние минуты жизни осужденного, муки, испытанные человеком под топором гильотины. Судя по некоторым деталям, речь здесь идет о Великой французской революции. Характерно, что эта же тема развивается и в стихотворении А. Шостаковича «Человеку французской революции». Поэт готов умереть на гильотине так же спокойно и мужественно, как и гражданин революционной эпохи во Франции.

Наиболее конкретно тема империалистической войны и революции решена в двух больших стихотворениях В. Преловского «Перед грозой» и «Туда, туда, где люди бьются...» Поэт уверен, что мировые разрушения приведут к освобождению народных масс от угнетения, что революция закончится победой труженика.

В стихотворении «Перед грозой» В. Преловский определяет место и значение поэзии и самого поэта в начавшихся революционных боях. Не тоска и разочарование, а активнейшая борьба за свободу — вот удел художника: «И я хочу движенья, бури, мне ненавистен плен оков»[2].

Тем не менее в целом деятельность «Барки поэтов» была противоречивой. Поскольку состав ее участников был весьма пестрым, она не смогла закрепиться организационно, не смогла выработать четкой идейной программы. Просуществовав до начала 1923 г., «Барка поэтов» распалась. Но лучшие демократические элементы «Барки...» создали некоторые предпосылки для дальнейшего роста литературного движения в Иркутской области, в частности, в какой-то мере подготовили возникновение и развитие деятельности нового ИЛХО — Иркутского литературно-художественного объединения и журнала «Красные зори».

Новое ИЛХО возникло в 1923 г. по инициативе группы журналистов, активно сотрудничавших в краевой газете «Власть труда» (Г. А. Ржанов, Н. Д. Хребтовский, А. Вечерний, А. Шульгин). В объединение вошел также «Кружок молодых поэтов», работавший в это время при Иркутском государственном университете, куда входили активные комсомольцы И. Уткин, В. Друзин, М. Скуратов, Д. Алтаузен, И. И. Молчанов. Несколько позже к ИЛХО присоединились художники С. Бигос, К. Мазылевский, Болдырев-Казарин.

В отличие от «Барки поэтов» ИЛХО сразу же при своем возникновении ориентировалось на

---

[2] Стихотворения В. Преловского цитируются по рукописи из архива А. В. Преловского.

совершенно четкую, ясную и верную политическую программу. На первом же собрании организации было подчеркнуто, что она возникла «...вполне самостоятельно, можно сказать, стихийно, в результате могучей тяги к объединению, к организованной планомерной работе, к коллективной борьбе за пролетарскую идеологию, литературу, культуру... В состав ИЛХО вошли поэты и художники, объединенные одним общим мировоззрением — материалистическим пониманием вещей, — и это самое характерное, самое основное, дающее общее направление в литературной работе»[3].

Идейная программа ИЛХО последовательно реализовалась во всей его деятельности. Первое публичное выступление участников новой литературной организации состоялось 25 марта 1923 г. в клубе Иркутского губкома РКП(б). С докладом «Ростки поэзии грядущего» выступил В. Друзин. Подробно охарактеризовав развитие советской литературы в первые годы революции, докладчик призвал к самой решительной борьбе против декадентских групп и группочек, враждебных новому общественному строю. Затем молодые поэты прочли стихи, прославляющие новый мир, нового, советского героя. Как вспоминают участники вечера, рабочие, студенты, интеллигенция проявили большой интерес к этому вечеру. Зал клуба был переполнен. В дальнейшей своей работе литературная организация Иркутска присоединилась к идеологической и художественной платформе московской группы пролетарских писателей «Октябрь». 22 апреля 1923 г. состоялось заседание членов организации, которая, признав, что в условиях нэпа получили известное распространение мелкобуржуазные, а иногда и враждебные пролетариату идеологические настроения, поставила самой важной задачей дня создание художественных произведений, отвечающих требованиям и запросам советского народа.

С самого начала возникновения ИЛХО его деятельность носила широкий, массовый характер, создав прекрасную традицию, усвоенную в дальнейшем на многие годы. Литературная организация жила кипучей жизнью. Члены ее выступали с докладами и с чтением своих произведений на предприятиях, на вечерах рабфаковцев, студентов, в учреждениях. Одновременно главной задачей ИЛХО считало воспитание, развитие самих писателей, повышение идеологической зрелости и художественного мастерства в их произведениях.

ИЛХО организовало две литературные студии для политической и художественной учебы писателей. Первая студия включала в себя более или менее опытных писателей. Президиум ИЛХО утвердил программу теоретических занятий, включающих два основных цикла лекций: «История русской литературы XIX и начала XX вв. в связи с историей русской общественности» и «Основные вопросы теории поэзии и прозы». Во второй студии учились начинающие авторы, для которых читались популярные лекции по вопросам культуры и искусства. Здесь также проводились практические занятия с детальным разбором стихов и прозаических произведений участников студии.

ИЛХО не было организацией текучей, составленной из всех желающих. Теоретические занятия и литературные вечера мог посещать любой житель Иркутска, но одновременно существовал устав, ставивший определенные требования перед вступающими в члены объединения. В этом уставе было записано, что

[3] Илховец. Первые шаги. — Красные зори, 1923, № 5.

в ИЛХО принимаются писатели и художники, разделяющие идеи передовой общественности, принципы пролетарской социалистической литературы. Помимо этого, от каждого вступающего требовались две рекомендации членов объединения и творческий отчет на общем собрании с прочтением самостоятельных, вполне оригинальных художественных произведений, которые удовлетворяли бы требованиям участников собрания. Для принятых в объединение были установлены взносы — вступительный и ежемесячный. ИЛХО влилось в секцию работников печати при губернском отделе профсоюза работников просвещения.

Помимо самого активного участия в газете «Власть труда» и особенно в журнале «Красные зори», члены иркутского литературного объединения выпустили сборник «Май», в который вошли стихи Н. Хребтовского, Д. Алтаузена, М. Бельского (Скуратова), В. Друзина, И. Уткина, И. Молчанова.

В 1922 г. организовался и начал выходить первый в Советской стране журнал «Сибирские огни». Члены ИЛХО приняли в нем самое активное участие. Здесь публиковали свои произведения И. Молчанов-Сибирский, И. Уткин, М. Скуратов.

Печатным органом ИЛХО был общественно-политический и литературно-художественный журнал «Красные зори», издававшийся в Иркутске в 1923 г. Выходил вначале еженедельно, затем ежемесячно и просуществовал около года. Всего вышло 5 номеров.

В журнале были отделы: общественно-политический, критики и библиографии. Две трети страниц были посвящены литературе и искусству. За время существования журнала в нем было опубликовано множество рассказов, стихотворений и критических статей С. Доброславина, В. Друзина, Бельского (М. Скуратова), Н. Колесникова, А. Титовой, Г. Матвеева, Н. Хребтовского, И. Уткина, Д. Алтаузена.

В первом же номере журнала «Красные зори» опубликовано стихотворение И. Уткина «Красноармеец». Пусть это произведение носит заметные следы неопытности автора, но идейный смысл его совершенно ясен и весьма значителен. Поэт прославляет бойца Красной Армии — «незатейливого» и простого, но вовек не забудет страна величия его боевых дел:

И слава светлостью жива,
В сердцах народа не остынет,
Он будет сказочный Добрыня,
Он будет сказочный Бова.

Непосредственно тема гражданской войны решается в рассказе С. Доброславина «Жужелица». Два конных разведчика — Маурин и Гришка Жужелица — разоружают белогвардейский батальон и приводят его, вместе со связанными офицерами, в расположение красных войск. Солдаты, силой мобилизованные для защиты интересов господ, отказываются воевать против родного народа, и только при таких условиях оказалась возможной победа Жужелицы и Маурина над целым батальоном.

Интересен рассказ В. Друзина «Происшествие» — трагичный по содержанию и верно рисующий широту конфликтов, противоречий в сибирской деревне начала 20-х гг.

Но в деревне авторы журнала «Красные зори» видели не только размежевание сил и неизбежную борьбу между новым и старым. Уже тогда деревенская тема интересовала их с точки зрения перспектив, которые открывала крестьянству советская действительность. И. Усов в рассказе «Лучи» показал, как «выпрямился» ранее забитый темный крестьянин, как он начинает осознавать человеческое достоинство труженика.

В каждом из названных выше рассказов есть реальные приме-

ты Сибири, сказывающиеся то в говоре героев, то в особенности пейзажа, то в этнографических подробностях.

Произведений на тему борьбы за Советскую власть, за свободу народа напечатано в журнале немало. Правдивость в оценке исторических событий, глубокая уверенность в победе показательны для большинства авторов.

Страна только что перешла к мирному труду, к преодолению разрухи. В рассказах и стихах молодые писатели рисуют неприкрашенные картины невзгод и лишений, вызванных империалистической войной и разрушениями белогвардейцев, тем самым призывая к преодолению тяжелого наследия, доставшегося новому обществу.

Грусть и сожаление пронизывают лирическое стихотворение И. Молчанова-Сибирского «Полустанок № 40». На этом полустанке оставили тяжелые следы только что отошедшие в прошлое события. Здесь «стебли кротких повилик обнимают стрелки, шпалы», «острый времени топор беспощадно рельсы метит». Уже тогда поэт избегал извлекать прямые выводы из содержания своих произведений. Тем не менее элегическая картина запустения, созданная им, вызывала активные чувства и мысли, побуждала к действию.

С такой же перспективой написана и поэма «Маленький босяк» Д. Алтаузена. Беспризорность десятков тысяч детей была бедствием всей страны. Борьба с ним глубоко волновала весь народ. Партия и правительство принимали все меры, чтобы вернуть сыновьям и дочерям бойцов, погибших на фронтах гражданской войны, возможность жить по-человечески, расти и учиться. Иркутский поэт, отказавшись от жалостливых эпитетов, от экзотического обыгрывания «босячества», сурово и прямо рассказал о бедствиях маленького, одинокого человека. Именно поэтому ему удалось создать образ яркий и трогательный.

В лохмотьях бежит курносый,
Выгнув задорно спину,
Играя кривыми шагами,
Руки закинув назад.
Кому-то вдогонку бросил
Кусочек засохшей глины
И спрятался между столбами,
Пугливо закрыв глаза.

Тоска ребенка по материнской ласке, его убогое голодное существование раскрыты с такой взволнованностью, что общественно-политическое значение выдвинутой поэтом темы говорит само за себя.

У нас нет возможности подробно проанализировать все произведения, опубликованные в журнале «Красные зори». Но важно указать, что в пяти вышедших номерах напечатано 53 произведения — стихи, рассказы, литературно-критические статьи, обзоры. К этому нужно прибавить статьи на экономические, политические, научные темы, обзоры советской и зарубежной печати, библиографию, культурную хронику, воспоминания участников гражданской войны. Перелистывая страницы журнала, мы убеждаемся: это был живой орган, сыгравший весьма важную роль в собирании и сплочении литературных сил Восточной Сибири. Поставив своей первой задачей — дать выход в свет лучшим произведениям молодых писателей, он одновременно стремился к расширению политического и культурного кругозора своих читателей и авторов, справедливо считая, что только глубокое знание жизни поможет воспитанию настоящих художников слова.

Иркутское литературно-художественное объединение в 1926 г. вошло в состав Сибирского союза писателей. Оно полностью одобрило принятую на съезде идейно-политическую, художественную платформу и устав Союза. Как вспоминал И. Молчанов-Сибирский, особенно горячо был принят пункт платформы: «Союз в своей работе целиком

руководствуется резолюцией ЦК РКП(б) о политике партии в художественной литературе...»[4]

Когда прекратил деятельность Сибирский союз писателей, иркутские литераторы вошли в состав РАППа. Но, принимая и используя все положительное в его деятельности, писательская организация в Иркутске, как и многие другие организации в краях и областях, отнюдь не следовала отрицательным стремлениям ряда его руководителей к кружковой замкнутости, их политике подозрительного отношения к художникам, которые не хотели создавать произведения на основе заранее преподанных вульгарно-социальных схем. Постановление ЦК ВКП(б) от 14 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» и создание Союза советских писателей, сыгравшее огромную роль в подъеме их творчества, вдохновило и иркутский коллектив на еще более широкую организацию творческой деятельности.

В Иркутской области к 30-м гг. завершился период собирания и сплочения литературных сил. Вокруг активно работающих писателей объединился значительный отряд авторов, упорно стремившихся к овладению высотами художественного творчества. В связи с этим возникла мысль о создании нового общественно-политического и художественного журнала, который бы восстановил, упрочил и развил традиции журнала «Красные зори». В начале 30-х гг. при помощи и поддержке А. М. Горького возник новый орган иркутских писателей, которому было присвоено глубоко символическое название «Будущая Сибирь». Основное ядро авторов составили участники литературно-художественного объединения в Иркутске.

А. Абрамович

[4] Художественная литература в Сибири (1922—1927): Сб. статей и докладов/Изд. Сибирскго союза писателей.— Новосибирск, 1927.

ЖУРНАЛ ИЛХО

Красные зори: Лит.-худож., науч.-попул. и обществ.-полит. ежемесячник. Иркутск, 1923. Ред. Б. Ольховый, Г. Ржанов, Н. Хребтовский. Изд. газ. «Власть труда» [Губком РКП(б), Губисполком. Губпрофсовет]. 1923, № 1 (янв.) — № 5 (май). Подзаг.: № 1—3 Еженедельник.

СБОРНИКИ ИЛХОВЦЕВ

Май: Лит. худож. сб. ИЛХО/Предисл. Г. А. Ржанова. Иркутск, 1923; Ильичу: Лит.-худож. сб. ИЛХО. Иркутск, 1924; Стихи. Иркутск, 1925.

ЛИТЕРАТУРА

[Вечерний А.] Первые шаги. — Красные зори. 1923, №, 5 с. 148—154.— Подпись: Илховец: ИЛХО: — Красные зори, 1923, № 4, с. 120—121.— Подпись: Член объединения; Жеребцов Б. И. Литературная традиция в Иркутске.— В кн.: Иркутские поэты. Иркутск, 1927, с. 4—10; Абрамович А. В широком потоке советской литературы. — В кн.: Абрамович А. Ф. Критические статьи и очерки о творчестве сибирских писателей. Иркутск, 1958, с. 12—22; Трушкин В. Первое ИЛХО, или «Барка поэтов»; Новое ИЛХО; Первые комсомольские поэты Иркутска: И. Уткин, Д. Алтаузен, И. Молчанов, В. Друзин, М. Скуратов; Журнал «Красные зори»; Поэзия и проза в журнале; Поэтические сборники «Май», «Ильичу»; Выход к большому читателю; Первые стихи Льва Черноморцева и Василия Непомнящих. — В кн.: Трушкин В. Литературная Сибирь первых лет революции. Иркутск, 1967, с. 175—217; Он же. Литературный Иркутск. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во. 1981, с. 24—105; Он же. Октябрем рожденная: (Лит. жизнь Вост. Сибири нач. 20-х гг.) — Сиб. огни, 1967, № 8, с. 170—177; Он же. Писатели в газете: (Лит. жизнь Сибири на стр. «Власти труда» и «Вост.-Сиб. правды»). — В кн.: Журналистика в Сибири. Иркутск, 1967. Вып. 1, с. 73—77; Скуратов М. Илховцы. — Сиб. огни, 1969, № 7, с. 169—171; Томский В. В. Ветер юности: Иркут. поэма. [Воспоминания о лит. жизни Сибири 20-х гг.]. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1974; О журн. «Красные зори»: Правдухин В. — Сиб. огни, 1923, № 1—2, с. 243—245; Березовская Л. В. Иркутский журнал «Красные зори».— В кн.: Советская журналистика. М., 1973, вып. 1, с. 36—47; о сб. «Стихи»: Вяткин Г. — Сиб. огни, 1925, № 6, с. 191; О сб. «Ильичу»: Итин В. — Сиб. огни, 1924, № 1. с. 243—244; Ржанов Г. Ильичу от ИЛХО: (Вместо предисл.). — В кн.: Ильичу. Иркутск, 1924, с. 5—7; Мутин В., Хамзин А. Строки, рожденные скорбью.— Ангара, 1966, № 1, с. 110—111; Трушкин В. П. Начальные страницы ленинианы. — В кн.: Вопросы русской и

советской литературы Сибири. Новосибирск, 1971, с. 229—237; Мутин В., Хамзин А. Слова из сердца. — В мире книг, 1978, № 1, с. 90—91.

БИБЛИОГРАФИЯ

Полный указатель литературно-художественных произведений, помещенных в журнале «Красные зори». — В кн.: Художественная литература в Сибири. Новосибирск, 1927, с. 129—130; Школьник Б. М. Иркутские литературно-художественные альманахи и журналы: (1923—1960 гг.) Библиогр. указ. [содерж.] — Ангара, 1961, № 4, с. 135—141; 1962, № 4, с. 129—134; 1963, № 4, с. 189—199.

Е. В. ЖИЛКИНА (р. 1902)

Елена Викторовна Жилкина родилась 27 декабря 1902 г. в Иркутске в семье служащего. В 1931 г. окончила Иркутский университет и до 1943 г. работала учителем, сначала в селе Хилок Читинской области, а потом в Иркутске. Позднее она — сотрудник областных газет «Восточно-Сибирская правда» и «Советская молодежь».

Первые произведения Жилкиной были опубликованы в сборнике «Стихи» (ИЛХО, 1925). В 30-е гг., совмещая литературную деятельность с педагогической, поэтесса сотрудничала в журналах «Сибирские огни», «Будущая Сибирь» и альманахах «Переплав», «Стремительные годы». Произведения ее вошли в сборники поэтов-иркутян: «Сверстники», 1930; «Прибайкалье», 1936; «Родной партии», 1939. С этого времени начался творческий путь Елены Жилкиной, определились основные особенности ее мастерства. Каждое стихотворение поэтессы — раздумье, негромкая, задушевная беседа о самом заветном. В 30е- гг. такими заветными были для Жилкиной героика гражданской войны («Стихи о партизанах»), материнство «Рождение дочери»), мужество советского человека («На аэродроме»). Среди этих ранних произведений встречаются созерцательные, несколько претенциозные стихи и строки, но в целом очевидно: на литературное поприще вступил поэт, остро чувствующий современность, светло и радостно воспринимающий жизнь.

Во время Отечественной войны Жилкина, вместе с другими писателями-иркутянами, читала свои произведения в госпиталях, школах, колхозах, на шахтах. Стихотворения военных лет включены в сборники: «За Родину, за честь, за свободу», 1941; «Бомба и знамя», 1941; «Походная тетрадь», 1942; отдельной книжкой вышла «Верность», Улан-Удэ, 1943.

«Верность» — значительное событие в творческой жизни поэтессы. Окреп ее голос, шире стал охват явлений жизни, стихи зазвучали чище, яснее, освободились от вычурных выражений. Жилкина со свойственным ей лиризмом проникновенно обращается к сверстникам-воинам, шагающим по дорогам войны, рисует облик самоотверженной девушки-санитарки, задушевно рассказывает о тех, кто в военные весны решал судьбу урожая. Наиболее интересные стихи сборника воссоздают образ женщины-матери. Не случайно эти произведения Жилкина включила и в сборник «Сердце не забывает» (Иркутск, 1958).

«Сердце не забывает» — результат многолетнего поэтического труда. Как и обычно, лирическое стихотворение Жилкиной написано в форме беседы с читателем, разговора о том, чего не забывает ее сердце — сердце поэта и советского человека: красота духовного мира наших современников, красота их отношения к труду, к матери, другу, природе. Теперь, как и в ранних произведениях, лучшие стихи свои посвящает Жилкина теме материнства, однако прочно определилась другая, успешно решенная тема — труда. Значительное место в духовном мире героев Жилкиной занимает природа —

источник их вдохновения в труде, большой дружбе и любви.

В 1963 г. в Иркутске вышел новый сборник стихотворений Жилкиной «Парус», свидетельствующий о росте творческих возможностей поэтессы. Сказывается это и в мастерстве — большей психологизации явлений духовной жизни человека, и в том, что палитра Жилкиной обогащается новыми красками социальной жизни, она стремится философски осмыслить, обобщить личные, порою интимные переживания («Принимаю шторм», «В пути», «Раздумье» и т. д.).

В сборнике стихотворений «Сентябрь» (Иркутск, 1966) развита тема «Паруса»: красота, многогранность жизни, величие человека — современника, сложность и благородство чувства любви. Все это раскрывается теперь более лаконичным стихом, с более явной философской целенаправленностью («Мужество», «Спасибо, жизнь», «Тополь», «Жалость», «Время» и т. д.). Стих поэтессы, как всегда проникновенный, обрел новые мужественные интонации и философичность. Несомненный расцвет дарования поэтессы обнаруживается и в последующих сборниках ее произведений. Три из них вышли в Восточно-Сибирском книжном издательстве: «Островки» (1969), «Родные ветры» (1977) и «После вьюги» (1980). Издательством «Современник» в 1976 году выпущен сборник «Пора листопада».

Не изменяя обычной манере поэтического раздумья, Жилкина ведет разговор о нестареющих с годами ценностях нашего бытия — дружбе, любви, взаимопонимании и обязательно — доброте. Доброжелательность — особая примета индивидуальности Жилкиной и пафос ее творчества. При этом одним из способов художнической мотивировки идей, образов поэтесса избирает мир природы. Призывает всмотреться в нее, прислушаться, найти опору для собственного духовного взлета.

По мастерству особенно выделяются сборники «Пора листопада» и «После вьюги», где каждая строка (и новых и давно созданных стихотворений) не случайна, выстрадана, художнически осмыслена. Поэтесса взывает к человечности, полнота чувств не принимает полуправды, воспевает немеркнущую силу ума и высокое гражданственное сознание долга.

Углубляя философичность своего творчества и вместе с тем конкретизируя его фактами реальной жизни, Жилкина расширяет круг проблемы Время — Природа — Человек, обращаясь к изображению труда. Производственной темы в прямом смысле этих слов, как и производственных конфликтов, в творчестве поэтессы нет. Она акцентирует внимание на психологии труда — на духовном подъеме человека, преодолевшем огромную физическую нагрузку. Не страшась контрастов — физически тяжкого и духовно радостного, не избегая диссонансов, она включает в одну поэтическую канву приметы природы, изображение механизмов, тревоги и переживания человека. Таким образом, производственная тема перерастает в нравственную, сливается с нею

(«Утро», «В Саянах», «Белые ночи в Братске», «Плотогон» и др.). Нравственная же идея опять-таки в утверждении величия, красоты труда. Именно таков труд строителей, прокладывающих новый тракт в тайге, рыбаков, плотогонов. Девиз плотогонов, побеждающих строптивую горную реку — «Не уступай, держись на перекатах!» — звучит как призыв автора, обращенный к другу-читателю. Такого же рода призыв к мужеству и отваге уже давно прозвучал в известном стихотворении Жилкиной «Принимаю шторм!». Нравственный смысл стиха определен очень точно:

Я никогда теперь не уступлю
Предательскому подлому покою.

Истинность этих строк подтверждается бескомпромиссным выступлением против мещанства, «ленивого глухого чванства», против «молчанья, ставшего виной». Не обращаясь к сатирическим приемам, Жилкина сдержанно, без претензий на боевитость, но горячо обличает бездуховность ничтожных в моральном отношении людей:

Скучаю я среди людей чванливых,
Сугубо деловых, болтливых,
Преуспевающих за счет другах.
Мне жалко их.

Поэтесса непримиримо относится к «хитрости предательским повадкам», к «жестокости, не знающей родства». Она находит при этом убедительную аналогию: «Мне не понять жестокости нелепой, когда стреляют птицу на лету».

Мужество, воля лирического героя Жилкиной сказывается в постоянном утверждении бессмертия подлинной красоты, подлинной человечности. Поэтесса не любит слово «конец», избегает его, умеет смотреть в будущее, угадывая его очертание в настоящем. Одним из самых ярких выражений такой художнической проницательности стало стихотворение «Уже сентябрь осыпался». В пору осеннего увядания внезапно «цветы лиловым вспыхнули огнем». Второе цветение вызывает глубокую мысль, любимейшую, пожалуй, мысль Елены Жилкиной:

Да будет час, расцвета
Вечный свет!
Приход его таит в любую пору
Все те же краски,
Тот же аромат,
Со смертью неоконченные споры.
Благословлю нетленную красу.
Похожее на чудо повторенье:
Там,
В обреченном осенью лесу,
Шло по земле упрямое цветенье.

Все, чем живет духовно богатый наш современник, в лирике Жилкиной обосновано общим критерием — требованием доброты, отзывчивости, человеколюбия.

«Заскучать о лете», о его «пахучей спелости», о «ласковой и спесивой вербе», о «шуме лесов» — это значит жить в том поэтическом измерении, без которого человек духовно усыхает и мельчает. Вот потому-то Жилкина так любит рисовать своего героя в пути, на дорогах Родины, когда его связь с природой особенно ощутима. И хотя при этом ничего особенного не происходит, хотя лирический герой не совершает никаких впечатляющих поступков, читатель вовлекается в особый мир, ощущая полноту жизни, ее обаяние и силу.

Поэтесса неустанно следует принципу полноценной деятельной жизни, не ограничиваясь при этом собственным творчеством, она — активный общественник, неоднократно избиралась депутатом районного и городского Советов депутатов трудящихся. Уделяет много внимания творчеству молодых поэтов. Многие из них обязаны Елене Викторовне совершенствованием своего мастерства.

Только человек, художник, знающий подлинную цену добру и злу, может с пронзительной искренностью заявить:

Иду по жизни,
а не по ступеням,
Пусть он изменчив,
Пусть неровен — путь,

Я никогда не стану на колени,
И оступиться не боюсь ничуть.

В этом признании сказывается добрая, плодотворная пора творчества, которую переживает Елена Жилкина.

А. Рубанович

СОЧИНЕНИЯ

Верность: Стихи. Улан-Удэ: Кн. изд-во, 1943; Сердце не забывает: Стихи. Иркутск: Кн. изд-во, 1958; Парус: Стихи. Иркутск: Кн. изд-во, 1963; Сентябрь: Стихи. Иркутск: Кн. изд-во, 1966; Островок: Стихи. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во. 1969; Родные ветры: Стихи. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1972; Пора листопада: Стихи. М.: Современник, 1976; После вьюги: Стихи. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1980; Земные дни: Стихи. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1982; Заморозки: Стихи/Вступ. слово С. Иоффе. М.: Современник, 1986.

ЛИТЕРАТУРА

Никульков А. О правде большой и маленькой: [О сб. «Сердце не забывает»] — Сиб. огни, 1959, № 6, с. 173—174; Трушкин В. «Сентябрь» — пора зрелости: [О сб. «Сентябрь»] — Вост.-Сиб. правда, 1966, 11 нояб.; Ивашковский В. Незримое напутствие.— Вост.-Сиб. правда, 1968, 28 марта; Жигулев В. Земля Елены Жилкиной.— Вост.-Сиб. правда, 1969, 14 дек.; Леонович В. Забота впрок: [О сб. «Островок»] — Лит. Россия, 1970, № 24. с. 17; Скуратов М. Зрелость поэта. — Сиб. огни, 1970, № 9, с. 183—184; Селявская А. По сердцебиению своему: [О сб. «Родные ветры»]. — Сибирь, 1973, № 4, с. 125—129; Иоффе С. Поэзии высокий ветер: [О сб. «Пора листопада»]. — Сов. молодежь, 1976, 2 июня; Кузнецова Н. Открытый разговор. — Вост.-Сиб. правда, 1976, 18 июля; Трушкин В. Восхождение. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978, с. 288; Поэты и писатели — воспитанники Иркутского университета. Иркутск, 1979, с. 24—26; Смирнов Р. Поэт и его книга: [О сб. «После вьюги»]. — Сов. молодежь, 1980, 24 апр.; Кобенков А. Островок Елены Жилкиной. — Сибирь, 1983, № 3, с. 93—99; Он же. «Я живу ожиданием чуда». — В кн.: Кобенков А. Путь неизбежный. Иркутск, 1983, с. 32—39.

БИБЛИОГРАФИЯ

Рубанович А. Е. В. Жилкина.— В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 162—164; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 111—112; Тартаковский Т. И. Русская поэзия и Восток: Опыт библиографии. М., 1975, с. 100; Русская литература Сибири. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 113; Приангарье: Годы, события, люди. Иркутск, 1982, с. 59—62.

А. С. ОЛЬХОН (1903—1950)

Известный не только в Сибири, но и далеко за ее пределами, поэт Анатолий Сергеевич Ольхон родился 11 марта 1903 г. в г. Вологде в семье рабочего обувной фабрики. Окончил заочно Ленинградский пединститут им. Герцена. В юности работал грузчиком на лесозаготовках, рабочим, сотрудничал в газетах как корреспондент, много ездил по стране. Побывал на Крайнем Севере, в Коми АССР, на Украине, в Закавказье, в Средней Азии. Сибирь привлекла и очаровала его. С 1930 г. сибирская тема в творчестве поэта стала ведущей и решающей. Свой талант отдал он Сибири — «окраине милой отчизны».

Печататься он начал в 1924 г. Уже первые его поэтические опыты представляют определенный интерес. Это были стихи о комсомольской молодости, полные стремления познать мир, найти в нем свое место, приложить свои юные силы. Стихи начального периода далеки еще от поэтического совершенства. Однако несомненное дарование отразилось и в этих первых опытах автора, они покоряли искренностью, своеобразным художественным колоритом и целеустремленностью («Мурманск», «Былина вологодская», «Ледовитый океан», «Утро в гавани», «Северное сияние»). В 1926 г. была опубликована его первая поэма «Тундра». В этом раннем произведении было немало юношески незрелого, торопливого. В поисках поэтических средств молодой автор щедро насытил свою поэму «оригинальными», ошеломляющими читателя метафорами, которые только затемняли смысл.

Но эта небольшая поэма, посвященная человеку Заполярья, тематически определила линию автора, его устойчивый интерес к Северу.

Вся последующая работа Ольхона неразрывно связана с отображением в поэзии Сибири и ее северных окраин.

Поэта интересует прошлое кандальной Сибири, ее революционное пробуждение, настоящее и будущее. Он целиком отдает свои силы изучению жизни людей родных и любимых сибирских окраин. Ездит по Сибири, Якутии, Бурятии, Заполярному Северу. Он внимательно знакомится с природой, с подвигами русских людей, осваивающих далекие, недоступные северные окраины: советскими мореходами-полярниками, таежниками-звероловами, зимовщиками, рыболовами, геологами, лесорубами, оленеводами. Изучает быт и нравы коренных северных жителей — якутов, эвенков, ненцев, чукчей; увлекается их устным поэтическим творчеством. Поэт становится неутомимым, страстным певцом Сибири, открывателем того нового, что рождалось волею партии и свободного народа на далекой окраине — земле сибирской.

Ольхон опубликовал более сорока книг стихотворений, поэм, переводов, очерков. Многие из них стали известными и любимыми не только в Сибири («Ведомость о секретном преступнике Чернышевском», «Служба погоды», «Депутаты тундры»).

Называя имя Ольхона среди других поэтов Сибири, известный советский поэт Лебедев-Кумач подчеркивал: «Своеобразнее других Анатолий Ольхон... Он продолжает разрабатывать в своих стихах мотивы и темы сибирского фольклора. Его ритм, интонации и образы свежи и своеобразны...»[1]

В поэме «Ведомость о секретном преступнике Чернышевском» поэт изображает стойкого, несгибаемого борца, заброшенного царским правительством в страшный Вилюйский острог. Эта поэма — плод пятилетней, добросовестной и самоотверженной поэтической работы.

В строгом смысле слова «Ведомость...» не может быть названа поэмой. По композиционному построению, развитию образа Чернышевского, идейно-философскому раскрытию она не представляет цельного, завершенного произведения. Это — цикл стихотворений, связанных между собою тематически, но каждое из них — самостоятельный поэтический очерк. Сам автор в первых публикациях назвал произведение не поэмой, а стихотворениями о Чернышевском.

«Ведомость...» написана в основном в народно-сказовой форме; повествовательный эпически-спокойный тон помогает реалистически воспринимать описываемые события, людей, историческую и бытовую обстановку эпохи. Особое место и оправданное поэтическое звучание получили умело введенные в текст сибирские народные песни. Язык всего

---

[1] Лебедев-Кумач В. Стихи поэтов Сибири.— Лит. газета, 1939, 10 июня.

цикла колоритный, расцвеченный сибиризмами, народными эпитетами, сравнениями, иносказаниями. «Ведомость о секретном преступнике Чернышевском» — одно из лучших произведений в творческом наследии поэта.

По характеру своего творчества Ольхон — поэт современности, но в его книгах уделено много места и старой Сибири, «Сибири — царевой вотчине». Не случайно он поставил эпиграфом к первой части сборника «Большая Ангара» строки из стихотворения старого сибирского поэта Шумахера: «Ой, ты, горечь, злая мачеха Сибирь!».

Обнаженно и ярко рисует Ольхон картины Сибири каторжной, страны кандалов, страданий и слез. Перед читателем проходят суровые образы ссыльных, людей, брошенных в каменные ящики-тюрьмы, на каторгу, на вечное поселение: арестанты, варнаки, каторжники, кандальники, копачи, таежные беглецы. Поэт использовал старинные сибирские бывальщины, сказы, легенды, песни, пословицы, поговорки, приметы, тюремный фольклор.

Изображая революционное пробуждение Сибири, автор правдиво рисует самоотверженную борьбу трудящихся с белогвардейцами и интервентами в стихах «Песня байкальских партизан», «Кешка Бедолаз в партизаны идет», «Выборы вождей», «Комиссар Багров», «Дарья-партизанка», «Баргузинская походная», «Бой на Байкале», «Памятник Хамардабанскому отряду», «Партизаны».

Ценную страницу вписал Ольхон в поэзию Сибири, изобразив многосторонне, ярко и правдиво советскую Арктику и ее героических людей. Его сборники «Восточный сектор Арктики» (Москва), «Окраины милой Отчизны» (Москва) — лучшее, что создано поэтом за последние годы. Ему удалось передать то новое, что причесли с собой в Заполярье советские люди — смелые победители, созидатели и преобразователи суровой природы. Стихотворения о советской Арктике, поэмы: «Служба погоды», «Мать», «Депутаты тундры» убедительно это подтверждают. Сочными, свежими красками рисует он пейзажи далекого севера, мужественных и храбрых людей, отдающих свои силы на преобразование когда-то недоступного и грозного «ледового царства».

Прекрасно сделаны автором зарисовки далеких северных городов — Якутска, Олекмы, Вилюйска, Петропавловска, Колымы, — полярных пристаней, радиопостов, поселков зимовщиков. Поэту удалось увидеть и показать своеобразную красоту и суровую привлекательность тундры в разные времена года. В одном из лучших произведений «Календарь оленевода» он запечатлел тундру во «время ранних телят», «время летних пастбищ», «время оленних ночей», «время зимних стоянок». Как поэтический гимн северной природе звучит своеобразная и оригинальная поэма «Марь».

Поэт показывает, как изменилась жизнь коренных обитателей севера — якутов, ненцев, эвенков, чукчей. Забитые и обреченные на вымирание при царизме, эти народности после Великой Октябрьской революции обрели гражданское право и человеческое достоинство и участвуют в преобразовании своего родного края. Это новое в жизни коренных жителей севера правдиво и поэтически убедительно показано в поэме «Депутаты тундры». Поэма написана в лирическом, приподнятом тоне, образ оленегона ненца Калтана Бодонова — несомненная удача автора.

В поэме «Служба погоды» ярко представлен образ советского синоптика, героя «ледяного царства Арктики» Багрова и его жены Людмилы, героически погибшей на фронте. Поэма звучит как исповедь ее главного героя; каж-

дая строка согрета теплом сердца самого автора.

Ольхон создал немало лирических стихотворений. Они отличаются мягкими поэтическими красками, задушевной искренностью, напевностью. Наибольшую известность и признание читателей получили стихотворения, переложенные на музыку: «Байкальское сердце», «Речка Паледуй», «Сибирь — советская земля», а также стихотворения: «Окно в небо», «Красная смородина — тундровый виноград», «Май», «Конец августа», «Проводы друга», «Май — месяц любви», «Прощание», «Сентябрь — месяц разлуки».

Поэт плодотворно сочетал служение поэзии с большой общественной работой. В годы Великой Отечественной войны он, как и другие писатели, объявил себя мобилизованным, выполнял все поручения, которые диктовало то суровое время; он стал одним из активных авторов агитационно-сатирических произведений для «Иркутских окон ТАСС». «Окна» сыграли действенную мобилизующую роль, их горячо принимали широкие массы трудящихся. Высокую оценку «окнам» дал известный советский художник П. П. Соколов-Скаля[2].

Много и плодотворно работал поэт над переводами произведений якутских, бурятских, эвенкийских поэтов и прозаиков. В результате его переводческой деятельности русские читатели познакомились с интересным и оригинальным литературным творчеством этих народов. Его переводы сохраняют самобытные образы национальной поэзии, ее своеобразную напевность, лексическую насыщенность, особый синтаксический строй. Наиболее ярко это отразилось в книгах: «Песни Дальнего Севера», «Северное сияние», «Источники песен», «Созвездие смелых»; в романе Эрилика Эристина «Марыкчанские парни».

Последняя работа А. С. Ольхона как переводчика — повесть Николая Якутского (Н. Г. Золотарева) «Золотой ручей» (Иркутск, 1950). Жюри юбилейного литературного конкурса, посвященного 25-летию Якутской АССР, отметило повесть первой премией.

Приметные страницы оставил Ольхон и как детский писатель: «Якутские волшебные сказки о Нюргуне Стремительном — Светлом витязе» (1951), «Сказки тайги и тундры» (1955), «Сказки Севера» (1960), «Волшебные сказки» (1963) и др. Есть исследование творчества Ольхона для детей[3].

Творчество Ольхона — своеобразный и правдивый поэтический голос, который выделяется среди голосов наших лучших поэтов-сибиряков. Он может быть по праву назван вдохновенным певцом Сибири. Его многолетний литературный труд является достойным примером самоотверженного служения искусству, настойчивых и мучительных поисков; примером сердечной и безраздельной любви к окраинам родной страны.

Умер А. С. Ольхон 13 ноября 1950 г. в поселке Новая Руза Московской области.

Г. Кунгуров

СОЧИНЕНИЯ

Байкал: Стихотворения и поэмы за 20 лет. 1926—1946. Иркутск: Обл. изд-во, 1946; Стихи и поэмы: (Избранное)/ Сост. и вступ. ст. Г. Кунгурова. Иркутск: Обл. изд-во, 1951; Избранное. Иркутск: Кн. изд-во, 1959; Большая Ангара: Сиб. поэмы. Иркутск: Огиз, 1938; Далеко в стране сибирской...: Стихи и сказы. Иркутск: Обл. изд-во, 1939; Ведомость о секретном преступнике Чернышевском за 1862—1883 гг.: Стихотворения. Иркутск. Обл. изд-во, 1941; Мои байкальские знакомцы:

[2] Соколов-Скаля П. П. Иркутские окна ТАСС. — Литература и искусство, 1943, 7 мая.

[3] Малютина А. А. С. Ольхон и его произведения для детей. — Енисейск. 1959, с. 161—208. Учен. зап. Вып. 3.

Стихотворения. Иркутск: Обл. изд-во, 1941; Сухой порох: Сатира и агитстихи. Иркутск: Огиз, 1941; Глубокий тыл: Агитстихи и песни. Иркутск: Обл. изд-во, 1942; Красная ракета: Агитстихи и сатира. Иркутск: Обл. изд-во, 1942; Байкал: Стихи и поэмы. М.: Сов. писатель, 1945; Падунский порог: Стихи. Иркутск: Обл. изд-во, 1945; Сибирский тракт: Стихи. Якутск: Якутгиз, 1945; Солнце над Леной. Новосибирск: Гос. изд-во, 1947; Ведомость о Чернышевском:. Стихотворения. Новосибирск: Обл. изд-во, 1948; Вилюйский узник: Драма в 3-х д., 6-ти карт. Иркутск: Обл. изд-во, 1948; Окраины милой отчизны: Стихотворения и поэмы. Иркутск: Обл. изд-во, 1948; Сказки тайги и тундры. Иркутск: Кн. изд-во, 1948; Восточный сектор Арктики: Стихи. М.; Л.: Главсевморпуть, 1949; Звезды полярного круга: Стихотворения. Иркутск: Кн. изд-во, 1949; Огни Витимской тайги: Приисковые бывальщины. Иркутск: Обл. изд-во, 1950; Окраины милой отчизны: Стихотворения. М.: Сов. писатель, 1950; Якутские волшебные сказки о Нюргуне Стремительном — Светлом витязе. Иркутск: Обл. изд-во, 1950; Сказки Дальнего Севера. Иркутск, 1951; Волшебные сказки. Иркутск: Кн. изд-во, 1963; Стихи/Предисл. А. Срывцева. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1967; Северное сияние: Стихи/Предисл. И. Луговского. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978.

ЛИТЕРАТУРА

Воинов Р. Стихи Анатолия Ольхона. — Нов. мир, 1945, № 11—12, с. 326—327; Смердов А. Поэты советской Сибири. — Сиб. огни, 1947, № 6, 118—129; Кунгуров Г. Ф. Певец окраин милой отчизны. — В кн.: Писатели советской Сибири. Иркутск, 1952 [вып. 1], с. 104—123; Малютина А. Сибирский поэт-патриот. — Енисей, 1953, кн. 16, с. 220—227; Абрамович А. Певец «окраин милой отчизны», — В кн.: Абрамович А. Поэты стороны сибирской. Иркутск, 1963, с. 46—79; Срывцев А. Н. Тень друга. — В кн.: Срывцев А. Н. Хозяйка сибирского тракта. Кемерово, 1963, с. 5—63; То же.— В кн. Срывцев А. Свидание. Кемерово, 1972, с. 87—128; Трушкин В. П. А. С. Ольхон (Пестюхин) — Крат. лит. энциклопедия. 1968, т. 5, стб. 432; Срывцев А. Поэты с нами. Кемерово: Кн. изд-во, 1978, с. 9—29.

БИБЛИОГРАФИЯ

Кунгуров Г. А. С. Ольхон. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 133—137; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 189—192; То же. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 133—134; Русская литература Сибири. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 298—301.

Г. Ф. КУНГУРОВ (1903—1981)

Гавриил Филиппович Кунгуров родился 23 марта 1903 г. в семье железнодорожного рабочего. Детство его прошло в суровоживописном уголке Забайкалья на станции Сретенск Читинской области. Во время гражданской войны он красногвардейцем служил на Дальнем Востоке. В 1924 г. окончил Сретенскую учительскую семинарию, в 1928 г. — Иркутский государственный университет. Работал учителем, директором школы, возглавлял дело народного образования в Восточной Сибири. С 1937 г. работал на кафедре литературы Иркутского педагогического института, имея степень кандидата филологических наук, звание профессора.

С 30-х гг., на которые падает начало литературной деятельности Кунгурова, он выступает в печати как публицист и литературный критик, переводчик сказок народов Севера, как автор разнообразных по темам и жанрам художественных произведений.

Живо и ярко написанные статьи и очерки «Пушкин и старая Сибирь», «Ранние культурные и литературные интересы в Сибири», «Белинский о писателях-сибиряках», «Певец окраин милой Отчизны» (о творчестве поэта А. Ольхона), «В. Я. Шишков. Сибирский период творчества», «Город на Ангаре», «Аратская революция»[1] отражают глубокий интерес автора к истории Сибири, ее культуре, жизни коренных сибирских народов и дружественного монгольского народа.

Два издания выдержала его книга «Сибирь и литература» (Иркутск, 1965; Иркутск, 1975). Она насыщена множеством интереснейших фактов из истории обще-

[1] «Аратская революция» — исторический очерк, написанный вместе с И. Сороковиковым.

ственной и культурной жизни старой Сибири. В первой части ее автор рассказывает о творчестве Е. Авдеевой, Н. Полевого, Н. Щукина, И. Калашникова, Е. Милькеева, П. Ершова. Большой раздел посвящает он роли ссыльных декабристов в культурной жизни Сибири. Интересно написаны главы о рукописной литературе сибиряков, в частности о драме «Колокольников» и о таких рукописных журналах, как «Мещанин», «Козуля», «Заушаковский вестник», «Якутский сборник». Много нового содержится в разделе о сибирской печати и таких деятелях, как М. В. Загоскин, А. П. Щапов, В. И. Вагин, о накоплении книжных богатств в Сибири и литературных интересах сибиряков.

Интерес к истории Сибири определил тематику и первых художественных произведений Кунгурова.

Первая повесть для детей «Топка» (1935), занимательно написанная, согретая чувством любви к эвенкийскому народу, впервые знакомила юных читателей с домашним бытом, обычаями, устным народным творчеством эвенков, воспитывала чувство уважения и дружбы к этому народу. Вторая историческая повесть «Артамошка Лузин» (1937), созданная на основе тщательного изучения исторических источников, правдиво изображает жизнь Восточной Сибири XVII в., историю Иркутска, движение трудового русского населения и «инородцев» — бурят, эвенков — против царских воевод. В повести на широком историческом и этнографическом фоне выдвигаются значительные проблемы — дружба и солидарность трудящихся различных национальностей, общая борьба против классового и национального угнетения, сочетание освободительных и патриотических тенденций в стихийных народных восстаниях прошлого. Писатель нашел впечатляющие краски для изображения грозной силы народа, мстящего за притеснения и обиды. Казачья ватага под руководством Филимона Лузина, восставшего против жадного и жестокого управителя Братска, поднимается за «сибирскую землицу», «за Русь-матушку кровную», как только до нее доходит слух о том, что на Сибирь идут монголы.

В повести «Артамошка Лузин» привлекает и захватывает все: идейная целеустремленность, драматизм сюжета, яркие характеры Филимона и Артамошки Лузиных и эвенкийского мальчика Чалыка, картины жизни Иркутска в далеком прошлом, поэтически воссозданное национальное своеобразие быта эвенков.

Изучение исторических и этнографических материалов в процессе создания повести «Артамошка Лузин» натолкнуло писателя на разработку новой исторической темы — темы освоения и присоединения к России Сибири вольными людьми — казаками. В 1939 г. появляется повесть «Путешествие в Китай». Центральная фигура повести — землепроходец, открыватель новых мест Тимофей Сабуров.

Как и в «Артамошке Лузине», в «Путешествии в Китай» подчеркивается ненависть казачьей вольницы к воеводскому произ-

волу. Эта ненависть и гнала казаков все дальше на Восток. Но, уходя от воевод, казаки оставались верными сынами Родины. В 1959 г. в издательстве «Молодая гвардия» эта повесть, дополненная и переработанная, вышла под названием «Албазинская крепость».

Новое заглавие книги обусловлено второй сюжетной линией, переплетающейся с линией Сабурова — дипломатической миссией русского посольства в Китай, которую возглавлял умный, образованный книжник Николай Спафарий. Человек непреклонной воли, ясного ума, горячей патриотической преданности, Спафарий, преодолевая трудности и лишения, совершил это далекое путешествие с целью установления торговых и дипломатических отношений с Китаем.

Рисуя взаимоотношения землепроходцев и коренных жителей Сибири, автор раскрывает историческое значение освоения русскими людьми сибирских земель: землепроходцы несли новую культуру, все то, что облегчало жизнь кочевых народов. «Путешествие в Китай» — серьезный этап в творчестве Кунгурова, свидетельствующий о росте и совершенствовании писательского мастерства.

К современной тематике автор обращается в годы Великой Отечественной войны. Он пишет очерки, рассказы, выходит в свет строго документальная, небольшая книга очерков «С подарками на фронт» (1942), семь рассказов о жизни колхозной сибирской деревни, объединенных в цикле «Тыловые рассказы». В 1947 г. написана повесть «Свет не погас» на актуальную для тех лет тему — о возвращении в строй, в труд, в жизнь инвалида Отечественной войны. Герой повести — Николай Усачев, потерявший зрение после ранения на фронте, благодаря упорству и воле находит свое место в жизни.

Глубоко современна и книга рассказов о людях новой Монголии «Золотая осень» (1946). Рассказы раскрывают поэтическую душу смелого и мужественного монгольского народа, его мудрость, его героическую борьбу за свою независимость в прошлом, то новое, что вошло в жизнь монгольского народа за годы его свободного существования.

Автор не раз побывал в МНР, хорошо знал эту страну, ее талантливый, свободолюбивый народ, ее природу, историю, литературу, устное народное творчество. Умение отобрать из многообразных жизненных явлений важное, типическое, увидеть в незначительных, на первый взгляд, фактах приметы нового сделало автора «Золотой степи» подлинным первооткрывателем области жизни, не изображенной никем до него в художественной литературе.

Познавательная ценность и поэтичность книги обусловили ее широкую популярность в нашей стране и в странах народной демократии — она выдержала четырнадцать изданий. К монгольской тематике обращается автор в книге «Оранжевое солнце» и в очерке «В стране золотых степей». И в этих произведениях говорится о том, чем живет МНР сегодня: о стремительном развитии всех областей культуры и экономики, о молодом рабочем классе, о дружбе наших народов.

В 50-е гг. Г. Кунгуров создает роман «Наташа Брускова». В нем автор обращается к новому для него жанру социально-бытового романа, рисуя жизнь советского студенчества с его широкими духовными интересами, увлечениями, спорами, научными исканиями.

В последние годы писателем были созданы произведения, посвященные судьбам советской интеллигенции, главным образом учителей, самоотверженно работающих в глухих таежных уголках Сибири, — повесть «Так велит

сердце» (1962) и большой многоплановый роман «Светлеют далекие горы».

Имя Кнугурова неотделимо от культурной жизни Восточной Сибири: один из деятельнейших членов общества по распространению политических и научных знаний, председатель Иркутского отделения общества Советско-Китайской дружбы, член Иркутского областного комитета защиты мира. С 1957 по 1962 г. — ответственный секретарь Иркутской писательской организации.

Умер Г. Ф. Кунгуров в Иркутске 13 июня 1981 г.

Е. Макарова

СОЧИНЕНИЯ

Топка. Москва; Иркутск, 1935; Артамошка Лузин. Иркутск: Облиздат, 1937; Путешествие в Китай: Ист. повесть. Иркутск: Облиздат, 1940; То же. Под загл.: Албазинская крепость. — М.: Мол. гвардия, 1959. [Перераб. и доп. изд. повести «Путешествие в Китай»]; Моя Родина непобедима: Рассказы. Иркутск: Обл. изд-во, 1941; Тыловые рассказы. Иркутск: Обл. изд-во, 1942; Золотая степь: Рассказы о Монголии. М.: Сов. писатель, 1946; То же. М.: Сов. писатель, 1958; Свет не погас: Повесть. Иркутск: Обл. изд-во, 1948; Повести и рассказы. Иркутск: Обл. изд-во, 1949; Бессмертное имя: Рассказы. Иркутск: Облиздат, 1952; Письмо Ленину: Рассказы. Иркутск: Облиздат, 1953; Сказки — Иркутск: Облиздат, 1953; Наташа Брускова: Роман. Иркутск: Кн. изд-во, 1959; Так велит сердце: Повесть. Иркутск: Кн. изд-во, 1962; Хозяева тайги: Сказки. Новосибирск: Кн. изд-во, 1962; Светлеют далекие горы: Роман. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1969; Оранжевое солнце: Повесть. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1972; То же. М.: Современник 1976. Пушкин и старая Сибирь. Иркутск: Облиздат, 1949; Сибирь и литература. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1965; То же. 2-е изд., дораб. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. издво, 1975.

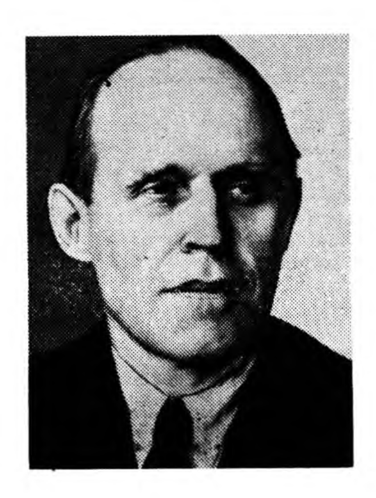
ЛИТЕРАТУРА

Макарова Е. Патриотизм и дружба народов. — В кн.: Писатели советской Сибири. Иркутск, 1954, вып. 2, с. 92—118; Беляев Б. История и современность. — Енисей, 1957, кн. 19, с. 237—248; Одиноков В. Г. О творчестве Г. Ф. Кунгурова. — В кн.: Вопросы творчества и языка русских писателей. Новосибирск, 1960, вып. 2, с. 80—98; Трушкин В. Горизонты художника. — В кн.: Трушкин В. Литературные портреты. Иркутск, 1961, с. 43—75; Яновский Н. Гавриил Кунгуров. — В кн.: Яновский Н. Художник и время. Новосибирск, 1962, с. 80—103; Яновский Н. Н. Кунгуров Г. Ф. — Крат. лит. энциклопедия, 1966, т. 3, с. 899; Якимова Л. П. Тема «Великого кочевья» в русской литературе Сибири 30-х гг. — В кн.: Проблемы литературы Сибири XVII—XX вв. Новосибирск, 1974, с. 190—193; Поэты и писатели — воспитанники Иркутского университета. Иркутск, 1979, с. 33—36; О кн. «Албазинская крепость»: Абрамович А. Подвиг русских землепроходцев.— Ангара, 1960, № 1, с. 144—149; Панневиц И. Повесть о русских землепроходцах. — Дал. Восток, 1961, № 1, с. 177—179; Хоменко Н. Землепроходцы в историческом романе.— Дал. Восток, 1973, № 7, с. 128; О кн.: «Золотая степь»: Гайдук В. Вечная песнь Золотой степи. — Ангара, 1959, № 3, с. 156—158; Марков Г. Книга о новой Монголии.— В кн.: Марков Г. Жизнь. Литература. Писатель. М., 1971, с. 350—353. То же. — В кн.: Марков Г. Горизонты жизни и труд писателя. М., 1978, с. 499—502; О кн.: «Наташа Брускова»: Леваковская Е. Проза в сибирском альманахе. — Октябрь, 1955, № 4, с. 186—188; Хайлов А. Дорога становится шире.— Звезда, 1959, № 2, с. 230—231; Мутин В. — Свет над Байкалом, 1960, № 5, с. 153—155; О кн.: «Светлеют далекие горы»: Владимирцев В. Стиль и тема. — Вост.-Сиб. правда, 1970, 31 янв.; О кн.: «Сибирь и литература»: Воскобойников М. Книга о зарождении сибирской литературы. — Полярн. звезда, 1966, № 6, с. 141—142; Петряев Е. Страницы литературной летописи Сибири. — Сиб. огни, 1966, № 10, с. 182—185; Рассадин В. Новые книги о сибирских писателях. — Дал. Восток, 1977, № 3, с. 134—140.

БИБЛИОГРАФИЯ

Скаллер Р. С. Гавриил Филиппович Кунгуров: Библиогр. указ. Иркутск: Кн. изд-во, 1963; Пузрина Л. Н. Гавриил Филиппович Кунгуров. — В кн.: Русские советские писатели. Прозаики: Библиогр. указ. Л., 1964, т. 2, с. 609—621; Макарова Е. Г. Ф. Кунгуров. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 128—132; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 137—140; То же. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 94—97; Русская литература Сибири. Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 200—203.

И. И. МОЛЧАНОВ-СИБИРСКИЙ (1903—1958)

Один из создателей и руководителей Иркутской писательской организации, большой общественный деятель Иван Иванович Молчанов-Сибирский родился 1 мая 1903 г. во Владивостоке в семье военного моряка-баталера канонерской лодки «Кореец». Когда мальчику исполнилось два года, родители переехали в Иркутск, и с тех пор вся жизнь его связана с этим крупнейшим центром Сибири. Шестнадцати лет начинает Иван Иванович работать в Иркутском депо помощником слесаря. Здесь же в 1923 г. вступает в комсомол, включается в активную общественную работу. Учился в Иркутской прогимназии, окончил 4 класса, затем продолжал образование в техническом училище и в железнодорожном техникуме. В 1930 г. окончил факультет советского строительства и права в Иркутском госуниверситете.

В 1923 г. создано было Иркутское литературно-художественное объединение (ИЛХО) — первая советская писательская организация в Иркутске. Члены литературного объединения — поэты И. Уткин, В. Друзин, Д. Алтаузен, О. Имов — все комсомольцы, принесли с собой молодой задор, непримиримость к идеологии старого мира. Здесь впервые и зазвучал голос молодого поэта Олега Имова — литературный псевдоним 20-х гг. Молчанова-Сибирского. В 1923 г. в Иркутске начал выходить журнал «Красные зори», в первых номерах которого были напечатаны стихотворения Олега Имова «В тайге», «Заброшенный прииск», «Полустанок № 40». Почти одновременно с этим в журнале «Сибирские огни» появляются его стихи «Партизан», «Коммунар», «Военорг» и другие.

Первые произведения Молчанова в значительной степени подражательны, в них звучат совершенно несвойственные поэту в дальнейшем ноты грустного раздумья над жизнью. Этим настроением проникнуто и стихотворение «Полустанок № 40» (Красные зори, № 5, 1923).

Полустанок не воспрянет.
Не воспрянет... Он погас...

И словно полемизируя с юношей Олегом Имовым, поэт зрелых лет Молчанов-Сибирский начнет одно из лучших своих стихотворений «Весна в тайге» знаменательными словами:

И закипала жизнь на полустанке.
Пурга вметала распушенный снег,
Вагоны подходили по времянке
До самых отдаленных лесосек.

Следует, однако, заметить, что уже в те годы, воспевая тишину заброшенных приисков и глухих полустанков, неприступность дикой сибирской тайги, поэт вместе с тем предчувствовал великие перемены, видел огромные перспективы социалистического будущего Сибири. Это настроение звучит в его стихотворениях «Сибирь», «Таежный город», «Заклокочет скоро».

Зазвенит железо, золото заблещет.
Не узнает края и луна-объездчик.
Загремят мартены, заклокочут домны,

Скоро станет бурным край мой тихий,
скромный...

Так писал Молчанов еще в 1924 г.

В январе 1927 г. Молчанов вступает в члены Коммунистической партии, и с этого времени еще более многообразной и кипучей становится его литературная и общественная деятельность.

Свидетель и участник великих событий, не мог комсомольский поэт первых лет революции пройти мимо героических картин и образов гражданской войны. Героическая комсомольская юность 20-х гг., полная дерзаний и творчества, прекрасная и суровая, требующая мужества, воли, а иногда и жертв, нашла своего поэта в лице Молчанова.

Бессмертной памяти славных бойцов революции посвящает поэт свои стихи. Прекрасный образ несгибаемого, бесстрашного комсомольца тех лет создан им в «Сказе о Бонивуре».

В 1932 г. выходит первая книга стихов Молчанова «Покоренный Согдиондон». Вместе с другими поэтами Сибири, своими литературными сверстниками — А. Ольхоном, И. Луговским, И. Мухачевым, В. Непомнящих — включается он в самую заветную и близкую ему тему социалистического преобразования и расцвета родного края.

Лирический герой книги — мужественный, смелый человек, творец, энтузиаст, переделывающий жизнь, покоряющий природу. Однако не всегда еще удается поэту конкретное изображение человеческого характера, и это приводит его в ряде случаев к творческой неудаче: стихи становятся слишком декларативны, сухое перечисление фактов подменяет художественный поэтический образ.

Сам Молчанов очень верно оценил свои творческие неудачи и причины, породившие их: «Охваченный жаждой показать новые формы социалистического труда, я написал несколько неудачных вещей. Взять хотя бы стихотворения «Первый эшелон» и «Эль-42». Вместо показа героев я дал перечень ударников, а ведь у каждого ударника своя замечательная жизнь, свои думы и мысли. Ведь каждый из них не только строил самолет, но и мечтал о будущем, грустил, любил, ненавидел»...

Последующие сборники стихов — «Рождение радости» (1934), «Стихи» (1935), «Синие Саяны» (1937), «Граница на Востоке» (1939) — выгодно отличаются от «Покоренного Согдиондона».

В центре творческого внимания художника — советский человек, его дела, поступки, чувства. Герои произведений — друзья юности поэта, участники социалистического строительства. Это поэтическое продолжение биографии комсомольского поколения, которое вступало в жизнь «в двадцатом далеком, но милом...», а ныне — они уже «старая гвардия».

Молчанов по существу своему, по своей индивидуальной манере прежде всего поэт-лирик. И не только потому, что основная лирическая тема — тема любви занимает в его творчестве такое большое место. Во все, о чем бы ни писал поэт, он всегда вносил горячую заинтересованность, душевность, искренность. Он писал взволнованно, иногда увлекаясь и торопясь, но никогда холодная рука и равнодушное сердце не водили его пером.

Для Молчанова чувство любви неотделимо от борьбы за новые отношения между людьми, за нового, красивого человека. Удивительно молодая и чистая любовь утверждается его лучшими лирическими стихотворениями. В них запах тающих снегов и набухающих почек, красота первого чувства и горечь разлуки, радость встречи и тревожное ожидание, любовь к жене, проверенная годами, скрепленная испытаниями, не ослабленная временем.

Многие лирические произведения Молчанова-Сибирского напи-

саны в стиле народной поэзии. Они отличаются особой напевностью, легко могут быть положены на музыку. Широко известно его лирическое стихотворение «Грустная», написанное в лучших традициях народной песни.

Туча по небу идет,
Ветер поднимается,
У меня, у молодого,
Сердце разрывается...

Чрезвычайно разнообразны лирические интонации его стихотворений. Сохраняя задушевность и искренность, они становятся мужественными и сильными, когда поэт говорит о любви к Родине, к родному городу. Не мог поэт-коммунист, вся жизнь которого так органически была связана с современностью, с народом, пройти мимо военной темы, темы защиты своего социалистического отечества. Тема эта раскрывает славную биографию поколения, к которому принадлежал и сам Молчанов, которое прошло через гражданскую войну, нелегкие армейские «будни» мирного времени с полковыми ученьями и боевыми тревогами, через события на озере Хасан и Халхин-Голе и встретило Великую Отечественную войну уже зрелыми и закаленными в трудностях людьми.

Сборник его стихов «Граница на Востоке» и цикл стихотворений «Под небом Монголии» рассказывают о разгроме японского империализма в районе озера Хасан и на Халхин-Голе, о воинской славе советских людей.

Офицер, политработник, военный журналист, награжденный орденом Красной Звезды и несколькими медалями, Молчанов-Сибирский всю свою деятельность и творчество в годы Великой Отечественной войны подчинил единой цели — победе над врагом. Тема эта приобретает у него глубокое лирическое звучание, она перерастает в тему борьбы за мир. Не случайно после войны Молчанов — председатель Иркутского областного комитета защиты мира и член Всесоюзного Советского комитета защиты мира.

Большое сердце поэта вмещало необыкновенно чуткую, нежную и сильную любовь к детям. Первым среди поэтов Сибири Молчанов начал писать для детей. Занятый большой и ответственной работой, он поддерживал постоянную дружбу с детьми, начало которой было положено много лет тому назад.

Еще в начале тридцатых в Иркутской шестой школе ФЗД организсвался литературный кружок, которым руководил «дядя Ваня» — так звали пионеры молодого поэта Молчанова-Сибирского. Коллективная работа пионеров литературного кружка и «дяди Вани» над книгами «База курносых» и «В гостях у Горького» — интересная страница в истории не только сибирской, но и советской литературы вообще. И как-то по-новому вдумываешься в слова А. М. Горького, написанные на книге «В людях», которая была подарена поэту-сибиряку в 1934 г., во время Первого съезда советских писателей. А. М. Горький написал: «Дяде Ване Молчанову-Сибирскому. Хорошее дело делаете, дядя».

Первая книга стихов Молчанова для детей «Милая картошка» была издана еще в 1933 г. За ней последовали «Лыженята», «Таежная тропинка», «Лодка-мореходка», «Малыши», «Белкин дом», сборник маленьких рассказов «Медвежонок на палубе» и другие.

До последних дней своей жизни работает поэт над самой любимой и близкой ему темой — темой социалистического преобразования и расцвета Сибири.

Горячая заинтересованность в жизни своего народа, своего края составляет одну из самых дорогих и положительных сторон поэзии Молчанова-Сибирского. Строители Ангарской ГЭС, молодые рабочие, комсомольцы, под-

нимающие целину на просторах Сибири, — герои стихов Молчанова-Сибирского. Широко представлена эта тема в двух сборниках поэта «Письмо из тайги» и «Походный дневник».

Кавалер ордена «Знак Почета», депутат областного Совета, секретарь Иркутского отделения союза писателей, поэт Молчанов-Сибирский умер после тяжелой болезни сердца 1 апреля 1958 г.

Н. Кузнецова

СОЧИНЕНИЯ

Покоренный Согдиондон: Перв. кн. стихов. Иркутск: Огиз, 1932; Милая картошка. Иркутск: Огиз, 1933; Рождение рдости: Стихи. Иркутск: Крайгиз, 1934; Синие Саяны: Стихи. Иркутск: Вост.-Сиб. обл. изд-во, 1937; Граница на Востоке: Стихи. Иркутск: Огиз, 1939; Полевая почта: Стихи и поэмы. Иркутск: Огиз, 1942; Мои товарищи: Стихи. Иркутск: Огиз, 1948; Таежная тропинка: Стихи. Чита: Обл. изд-во, 1948; Костер: Стихи для детей. Чита, 1949; Здравствуй, лагерь!: Стихи. Новосибирск: Огиз, 1951; Зорька: Стихи. Красноярск: Крайиздат, 1951; Лодка-мореходка: Стихи. Иркутск: Огиз, 1951; Письмо из тайги: Стихи. М.: Сов. писатель, 1951; Белкин дом. Иркутск: Кн. изд-во, 1952; То же. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1969; Зарницы: Стихи. Иркутск: Огиз, 1952; Живой уголок: Стихи. Красноярск: Кн. изд-во, 1953; Таежная тропинка: Стихи. Хабаровск: Кн. изд-во, 1953; В школе и дома: Стихи. Новосибирск: Обл. изд-во, 1954, 2-е изд.; Таежница: Стихи. М.; Л., Детгиз, 1954; Медвежонок на палубе: Рассказы. Иркутск: Кн. изд-во, 1955; Походный дневник: Стихи. Иркутск: Кн. изд-во, 1956; Елка — зеленая иголка: Стихи. Иркутск: Кн. изд-во, 1957; Акимкина маевка. Иркутск: Кн. изд-во, 1958; Дорогая моя Сибирь: Стихи. Иркутск: Кн. изд-во, 1959; Лирика/Предисл. Н. Кузнецовой. Иркутск: Кн. изд-во. 1959; Иринка: Сб. рассказов. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1964; Синий снег: Стихи. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1970; Мое предместье: Стихи. Рассказы. Очерки. Письма/Вступ. Г. Маркова. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985.

ЛИТЕРАТУРА

Горький М. Мальчики и девочки. Собр. соч. В 30-ти т. М., 1953, т. 27, с. 287—293; Срывцев А. Поэзии солдат. — Нов. Сибирь, 1954, кн. 31, с. 297—309; Абрамович А. Детская тема в творчестве И. И. Молчанова-Сибирского. — Ангара, 1960, № 2, с. 127—134; Молчанов-Сибирский И. Пионерский литературный кружок Сибири. (К истории одной дружбы). — Ангара, 1961, № 4, с. 116—121; Абрамович А. Ф. Талант поэта, талант организатора. — В кн.: Абрамович А. Ф. Поэты стороны сибирской. Иркутск, 1963, с. 3—46; Гайдай А. Из литературного наследия И. И. Молчанова-Сибирского. — Ангара, 1963, № 2, с. 42—43; Срывцев А. Хозяйка сибирского тракта. Кемерово, 1963, с. 107—130; Трушкин В. Литературная Сибирь первых лет революции. Иркутск, 1967, с. 186—189, 199—200; Кузнецов И. И. Иркутские писатели на фронте. — Ангара, 1970, № 3, с. 11—25; Дружинин И. Наш Иван Иванович: Воспоминания. — Дал. Восток, 1974, № 7, с. 134—137; То же. — Сибирь, 1975, № 1, с. 118—126; Татуйко А. О стихотворении И. Молчанова-Сибирского «Забайкалец рядовой». — В кн.: Литертура и фольклор Восточной Сибири. Иркутск, 1978, с. 61—71; Об отдельных сборниках: Вихлянцев В. Две книги оборонных стихов: [О сб. «Граница на Востоке»]. — Сиб. огни, 1940, № 3, с 130—134; Югов Л. Письмо другу: [О сб. «Письмо из тайги»]. — Нов. Сибирь. 1952, кн. 27, с. 223—226; Сергеев М. Таежница: [Об одноим. сб.]. — Вост.-Сиб. правда, 1954, 25 сент.: Трушкин В. Стихи о родном крае. — Вост.-Сиб. правда, 1957, 4 апр.; Жилкина Е. Синий снег: [Об одноим. сб.]. — Вост.-Сиб. правда, 1970, 27 дек.

БИБЛИОГРАФИЯ

Шолохова Р. И. Его имя носит библиотека: [Указ. лит.]. — Иркутск, 1968. Кузнецова Н. И. И. Молчанов-Сибирский. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 121—125; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. — Иркутск, 1973, с. 167—170; То же. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 122—124; Русская литература Сибири: Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 269—274.

И. П. УТКИН (1903—1944)

Иосиф Павлович Уткин родился 14 мая 1903 г. в Хингане, на КВЖД[1], где служили родители. Но детство его неотторжимо от Иркутска. Здесь в 13 лет и началась «полная ранних обид и досад» жизнь будущего поэта: шла первая мировая война, старшего брата угнали на фронт,

[1] Китайско-Восточная железная дорога.

Иосиф остался единственным в доме мужчиной... Он побывал и «мальчиком» на кожзаводе, и разносчиком копеечной газетки-телеграммы, и, наконец, маркером в бильярдной «Гранд-отеля», благо у него уже был опыт, приобретенный в третьеразрядном ресторане «Крит», где собиралась подозрительная публика, одарившая будущего поэта не только знанием блатного жаргона, характеров и психологии людей «дна», так блистательно использованных впоследствии в «Милом детстве», но и стойкой ненавистью ко всему подлому и нечестному.

Служба в «Грант-отеле», однако, грозила исключением из вышеначального училища, которое он заканчивал. Но не бильярдная была виной тому, что Уткин все-таки оказался на улице. Когда весть о революции докатилась и до училища, он, по свидетельству одноклассника, молниеносно раздобыл лестницу, приставил ее к стене, на которой висел портрет Николая II, сорвал его.

Трудно сказать, чего в этом поступке было больше — мальчишеского озорства или осознанного порыва: мать его участвовала в революции 1905 г., распространяла подпольную литературу, квартира ее служила конспиративной явкой.

Уткин устремляется навстречу революционному вихрю, ворвавшемуся в Иркутск. События следуют за событиями — декабрьские бои, героическая оборона Белого дома, мятеж чехословацкого корпуса, полуторалетие колчаковщины, организация рабочих дружин, уличные бои, — и цепь их логично приводит шестнадцатилетнего Уткина в ряды революционных бойцов. В составе одной из рабочих дружин он участвует в антиколчаковском восстании и устанавливает Советскую власть в Иркутске. Одним из первых вступает в комсомол и, когда формируется «Первая ударная

группа», уходит добровольцем на Дальневосточный фронт. С гражданской войны — Уткин закончил ее в Чите в 1922 г. заместителем военкома Инсковарма ДВР — он вернулся не только комиссаром, но и поэтом.

И. Уткин, Д. Алтаузен, И. Молчанов-Сибирский, М. Скуратов, В. Друзин составили ядро «Кружка молодых поэтов», мечтавших служить революции оружием художественного слова. Их приметил Г. А. Ржанов, главный редактор газеты «Власть труда», и пригласил в штат редакции.

Газета не только предоставляла молодому поэту свои страницы, она определяла направление и жанр его поэтической работы, диктовала ему темы стихов, влияла на их стиль, форму и тональность. Стихи, написанные «по поводу», нередко выходили за рамки своего непосредственного назначения, но были далеки от совершенства. Поэтический язык еще слабо справлялся с напором и энергией мысли. А когда он наконец понял, что поэзия — это искусство оставаться самим собой, когда убедился, что ни юношеская восторженность, ни поэтическая актуальность не заменят глубокого психологического анализа действительности, тогда и

произошло чудо рождения настоящего поэта. Жизнь входит в его стихи такой, как она есть: с ее взлетами и провалами, с ее кровью, жестокостью и трагизмом, но вместе с тем ее величием, красотой и героизмом. Не случайно одно из лучших стихотворений того периода так и называлось — «Такая жизнь» (1924). Одной-двумя, но тщательно отобранными деталями Уткин представлял законченную картину, пронизав лирическое стихотворение глубоким раздумьем. О новом, советском человеке он рассказывал так, как это, в сущности, было доступно только много пережившим людям. Зрелость замысла, чувство композиции, убедительность интонации, весомость и точность слова говорили о качественных сдвигах в его поэзии.

И если одни стихи раннего Уткина оставались фактом его биографии, как, например, «Красноармеец» (1922), положивший начало рождению того уткинского героя, который под разными именами, в разных жизненных ситуациях, пройдет затем, взрослея и мужая, через все творчество поэта, то другие уже в те годы стали достоянием истории страны и литературы. В молодой советской поэзии «Счет» (1924), например, долго оставался единственным стихотворением, отразившим ужасы интервенции, «Партизан» (1923) — лучшим стихотворением о партизанской борьбе в Сибири, а «Расстрел» (1924) вводил форму посмертного монолога, которой и теперь еще пользуются писатели.

В творческом росте и возмужании Уткина большую роль сыграло ИЛХО — первая в Восточной Сибири советская литературная организация. ИЛХО, образовавшееся от слияния «Кружка молодых поэтов» с газетным кружком при «Власти труда», возникло как прямое отрицание старого ИЛХО, больше известного под именем «Барки поэтов», представлявшей различные течения дореволюционной поэзии.

В своеобразной полемике с «Баркой», чуждой какой-либо единой, отчетливо выраженной идейной программе, оттачивалось мастерство комсомольских поэтов, противопоставивших ей ясную и верную программу борьбы «за пролетарскую идеологию, литературу и культуру». Илховцы были благодарны членам «Барки»: они учили тому, как надо писать, а их стихи — тому, о чем писать не надо. Эти вопросы обсуждались и на собраниях ИЛХО, часто проходивших в доме Уткина, когда читались новые стихи, намечались программы литературных вечеров и диспутов, готовились очередные номера журнала «Красные зори», составлялись коллективные сборники «Май» (1923) и «Ильичу» (1924).

В это время стихи Уткина появляются и в газете «Советская Сибирь» и в журнале «Сибирские огни». С весны 1924 г. он много сил отдает созданию молодежной газеты в Иркутске, первый номер которой выходит 7 июня. Сотрудничество его в иркутской прессе продолжается вплоть до осени 1924 г., хотя он уже знал о решении губкома партии направить его на учебу в Москву, в Коммунистический институт журналистики.

С осени 1924 г. начинается московский период жизни и творчества Уткина. В мае 1925 г. его приглашают заведовать литературным отделом только что организованной «Комсомольской правды». Редактируемые Уткиным «Литературные страницы» скоро стали своеобразной школой поэтического мастерства, через которую прошли многие ныне известные поэты. Именно на «литстраницах» впервые увидели свет «Гармонь» Жарова и «Гренада» Светлова, «Дума про Опанаса» Багрицкого и «Послание пролетарским поэтам» Маяковского, многие стихи П. Васильева, Н. Дементьева, В. Гусева,

Н. Ушакова, статьи А. В. Луначарского, проза М. Шолохова и т. д.

Однако связь Уткина с Иркутском, с Сибирью не оборвалась. «Художественные корни — нет сомнения — у провинциала родятся в провинции», — заметил както Уткин.

Конечно, славу ему принесла изданная в 1926 г. «Повесть о рыжем Мотэле», восторженно встреченная и читателями, и такими строгими судьями, как Горький, Луначарский и Маяковский. Но она только закрепила успех стихотворений о революции и гражданской войне в Сибири, с которыми поэт пришел в литературу. Именно в этих стихах впервые проявилось его умение, становившееся с годами объемней и глубже, сплавлять в единый слиток гражданские и личные мотивы. Именно в этих стихах двадцатидвухлетний поэт смог охватить почти все многообразие жизни. Он смог осознать и донести до современников трагизм и пафос революции и гражданской войны («Расстрел», «Атака», «Налет»), оставаясь нежным лириком («Курган», «Свидание», «Песня матери»), вскрыть истинную суть пролетарского интернационализма («Баллада о мечтах и хлебе», «Углекоп», «Сунгарийский друг») и с легкой усмешкой умудренного в жизни человека рассказывать о прозе быта («Гостеприимство», «Песня бодрости», «Канцеляристка»). Углубленная психологичность, яркие и многокрасочные образы, метафоричность и афористичность многих строк, скоро ставших крылатыми, — все это дало основание А. В. Луначарскому «поздравить русскую литературу с появлением первых произведений Иосифа Уткина... Мы имеем в его лице настоящего поэта».

Эти первые произведения поэта и составили его «Первую книгу стихов», выдержавшую в 1927—1931 гг. пять изданий подряд, снискавших поэту такую широкую популярность, которую не могла поколебать рапповская критика, объявившая поэзию Уткина «мелкобуржуазной».

Но он не поверил в свою «мелкобуржуазность», напротив, рискнул обратиться к новой для себя теме. С арматурных лесов пятилетки он попытался обозреть фронт трудовых работ, не учтя, видимо, того, что с высоты видится далеко, но не глубоко. Естественно, эти попытки не увенчались успехом. Нужно было время, чтобы осмыслить происходящее и рассказать о нем без торопливости и упрощения, не избегая психологической сложности.

Частные неудачи, неизбежные на первых порах, не означали, однако, «идеологического и художественного умирания» Уткина, в чем пытались уверить читателей и самого поэта рапповские чиновники от литературы. Уже в 1932 г. Уткин публикует стихотворение «Соль», знаменовавшее крутой поворот в его творчестве, за которым последовала «Комсомольская песня» («Мальчишку шлепнули в Иркутске...»), «Сибирские песни» и большой цикл стихов о гражданской войне, высоко оцененный, в частности, Н. Асеевым; одно из них — «Батя» («По Кузнецкой улице...») он назвал «хрестоматийным»: «...оно характерно для эпохи гражданской войны более, чем целые тома беллетристики о ней».

На протяжении же всего десятилетия были созданы прекрасные образцы, до сих пор пленяющей нас лирики — лирики глубоких философских раздумий, тончайших душевных движений и переживаний, страстной гражданственности и публицистичности. «Лирика — не жанр, а натура художника... Лирика — борьба за новый тип человека», — утверждал Уткин.

Когда началась Великая Отечественная война, Уткин встретил ее во всеоружии своего поэти-

ческого слова. «Враг опасен, — говорил он на митинге в Союзе писателей 23 июня 1941 г. — Но это тот враг, с которым мы, может быть, больше всего хотели бы сразиться».

Он долго добивался отправки на фронт, пока в середине августа не получил назначения в газету «На разгром врага» только что организованного Брянского фронта. В редакции он делал все: писал стихи, статьи, а по заказу Политуправления фронта — листовки, которые сбрасывались в тылу врага, придумывал подписи к сатирическим рисункам и «шапки» к газетным полосам и рвался на передовую. В сентябрьском контрнаступлении наших войск он был тяжело контужен и ранен.

За участие в боевой операции Уткин был награжден орденом Красной Звезды, но подлежал демобилизации. Он отказался наотрез. Это ему принадлежит фраза, ставшая крылатой: «Поэт всегда остается в строю!» И он снова стал в строй, на этот раз в качестве специального военного корреспондента «Правды», «Известий» и Совинформбюро.

Лирика поэта военных лет — это подлинная «летопись боя» и чуткая «хроника чувств». Но о чем бы он ни писал, любое стихотворение пронизывала мысль о неизбежности победы, до которой ему не удалось дожить: 13 ноября 1944 г. он погиб в авиационной катастрофе, возвращаясь с фронта. Но победа осталась жить в его стихах и привела их в поверженный Берлин.

Вот когда война пройдет сторонкой
И действительную отслужу,
Я в Сибирь, в родную деревеньку
На могилу к матери схожу —

выцарапал чем-то острым, должно быть штыком, на рейхстаге советский солдат, оставшийся неизвестным. Редкий поэт удостоивается такой чести.

И в наши дни Уткин остается одним из любимейших поэтов.

Дань признательности, дань любви — улица имени Иосифа Уткина в Иркутске, и мемориальная доска с профилем поэта и стихами об иркутском мальчишке, отдавшем свою молодую жизнь за родину, и премия имени Иосифа Уткина, учрежденная Иркутским обкомом ВЛКСМ, присуждаемая за лучшие произведения о молодежи...

Иосиф Уткин продолжает шагать «в ногу с тревожным веком».

Д. Фикс

СОЧИНЕНИЯ

Избранные стихи. М.: Гослитиздат, 1936; Избранные стихи. М.: ГИХЛ, 1953; Избранное. М.: Худож. лит., 1975; Повесть о рыжем Мотеле, господине инспекторе, раввине Исайе и комиссаре Блох. М.: Правда, 1926; Первая книга стихов. М.; Л.: Гиз, 1927; Публицистическая лирика. М.: Кн. изд-во О-ва «Огонек», 1931; Стихи. М.: Сов. писатель, 1936; Лирика. М.: ГИХЛ, 1939; О Родине. О дружбе. О любви. М.: Гослитиздат, 1944; Стихи и поэмы. М.: ГИХЛ, 1956; Стихотворения и поэмы/Вступ. статья М. Светлова. М.:ГИХЛ, 1958; Стихотворения и поэмы. М.; Л.: Сов. писатель, 1966; Стихотворения. М.: Худож. лит., 1967; Стихи и поэмы Вступ. статья В. Коржева. Новосибирск, 1971; Комсомольская песня: Стихи/Предисл. М. Сергеева. Иркутск. Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973.

ЛИТЕРАТУРА

Саакянц А. А. Иосиф Уткин: Очерк жизни и творчества. М.: Сов. писатель, 1969; В ногу с тревожным веком: Воспоминания об И. Уткине/Сост. Д. Фикс. М.: Сов. писатель, 1971; Коржев В. Иосиф Уткин. Новосибирск, 1971; Паперный З. Стихи о любви и мужестве. — В кн.: Паперный З. Самое трудное. М., 1963, с. 261—276; Из литературных архивов. — Нов. мир, 1964, № 10, с. 192—206; Луначарский А. В. Иосиф Уткин. — Собр. соч. В 8-ми т. М., 1964, т. 2, с. 317—319, 339; Соколов С. Листки военного альбома. — Звезда Востока, Ташкент, 1964, № 10, с. 149—152; Уткин И. Воспоминания: Из неизданного и забытого. — Ангара, 1964, № 2, с. 130—135; Абрамович А. Ф. О творчестве Иосифа Уткина 20-х гг. — Уч. зап./Моск. обл. пед. ин-т, 1965, т. 157, вып. 5, с. 139—156; Фикс Д. Первая глава поэтической биографии Иосифа Уткина. — Сиб. огни, 1965, № 12, с. 161—166; Рахтанов И. А. Рассказы по памяти. М., 1966, с. 127—136; Абрамович А. Ф. О поэтах комсомолии 20-х гг. — Уч.

зап./Моск. обл. пед. ин-т, 1967, т. 187. Сов. лит., вып. 8; с. 103—112; Васильев С. Проза про поэзию. М., 1967, с. 68—79; Трушкин В. Литературная Сибирь первых лет революции. Иркутск, 1967. См. имен. указ.; То же. — В кн.: Трушкин В. Литературный Иркутск. Иркутск, 1981, с. 43—105; Кудреватых Л. На фронтовых перекрестках. — Наш современник, 1968, № 2, с. 96—100; Рыленков Н. Нежность и мужество живут рядом: Из воспоминаний. — Дружба народов, 1968, № 3, с. 214—220; Фикс Д. Максим Горький и комсомольские поэты. — Наш современник, 1968, № 7, с. 104—109; Горький и Сибирь: Неизд. переписка, воспоминания. — В кн.: Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1969, т. 1, с. 9—104; Светлов М. А. Памяти друга.— В кн.: Светлов М. А. Беседа. Мол. гвардия, 1969, с. 259—260; Хелемский Я. По старым пылающим адресам: Воспоминания. — Знамя, 1969, № 2, с. 212—229; Кузнецов И. И. Иркутские писатели на фронте. — Ангара, 1970, № 3, с. 11—25; Рубинштейн Л. Поэт-воин. — Ангара, 1970, № 3, с. 83—90; Потапов Н. Встречи без стенограмм. М.: Сов. Россия, 1971, с. 59—68; Ленц Л. Это был храбрый человек. — В кн.: В редакцию не вернулся... М., 1972, кн. 2, с. 339—351; Саакянц А. А. Уткин И. П. — Крат. лит. энциклопедия, 1972, т. 7, стб. 853; Советские писатели. М.: Худож. лит., 1972, т. 4, с. 604—615; Железнов П. Штрихи к портрету. — Октябрь, 1973, № 5, с. 159—161; Кудреватых Л. На жизненных перекрестках. М.: Сов. писатель, 1973, с. 80—82; Фикс Д. Иркутская страница. — Сибирь, 1973, № 2, с. 73—80; Томский В. В. Ветер юности. Иркутск, 1974, с. 13—54, 59—76; Скуратов М. Полжизни рядом. — В кн.: Пороховая память. Иркутск, 1975, с. 90—99; Васильев С. Лицом вперед. — В кн.: Васильев С. Зарубки на память. М., 1975, с. 60—70; Строка, оборванная пулей. М., 1976, с. 141—149; Жаров А. Романтика мужества: К 75-летию И. Уткина. — Лит. газ., 1978, 14 июня, с. 5; Трушкин В. П. Восхождение. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978. См. имен. указ.; Иоффе С. Иосиф Уткин. — В кн.: Иоффе С. Живут стихи... Иркутск, 1979, с. 144—161.

БИБЛИОГРАФИЯ

Фикс Д. И. П. Уткин. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 116—120; Писатели Восточной Сибири. Иркутск, 1973, с. 269—270; То же. — Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 201—203; Русская литература Сибири: Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 429—434.

Л. Н. ЧЕРНОМОРЦЕВ (1903—1974)

Лев Николаевич Черноморцев родился в Красноярске 16 мая 1903 г. в семье железнодорожного техника. Учился в Томской гимназии. Двенадцати лет он остался без отца в большой семье и рано начал трудовую жизнь. Работал по найму у кустарей, был грузчиком на пристани, затем в деревне под Томском служил конторщиком в мастерских уземотдела и одновременно работал там слесарем. В 1921 г. ушел добровольцем в Красную Армию.

Большое влияние на формирование интересов и всего духовного облика будущего поэта оказал его дядя со стороны матери Дмитрий Иннокентьевич Каратанов, известный сибирский художник-пейзажист. Он прививал молодому Черноморцеву интерес к искусству, поощрял его любовь к прекрасной сибирской природе, брал с собой в длительные походы по тайге, плавал с ним по сибирским рекам.

Черноморцев учился в Иркутском государственном университете на литературном отделении педагогического факультета и окончил его в 1927 г. Среди профессоров университета большое влияние на Черноморцева, по собственному его признанию, оказали этнограф Г. С. Виноградов, а еще более — историк литературы и этнограф-фольклорист М. К. Азадовский. Они умели привить своим слушателям вкус к книге, к поэзии. Будучи студентом, Черноморцев принимал участие в работе Иркутского литературно-художественного объединения (ИЛХО). Там он встретился и подружился со своим ровесником И. Молчановым-Сибирским. Там же познакомился с И. Г. Гольдбергом.

Первая публикация стихов Черноморцева относится к 1925 г., когда вышел очередной сборник ИЛХО «Стихи». В нем были по-

мещены два юношеских, еще довольно слабых стихотворения Черноморцева. С 1926 по 1929 г. стихи Черноморцева печатались в иркутской газете «Власть труда» и в других сибирских газетах: «Красное знамя» (Томск), «Советская Сибирь» и «Молодой рабочий» (Новосибирск), в журналах «Сибирские огни», «Охотник и рыбак Сибири», «Охотник и пушник Сибири».

В 1928 г. Черноморцев был призван на действительную военную службу в Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии, участвовал в боях на КВЖД. Во время военной службы Черноморцев со своими стихами выступал в армейской газете «Тревога» и в газете «Забайкальский рабочий» (Чита). Уволившись из армии, Черноморцев в 1930 г. уехал в Москву, но не порвал творческой связи с родными местами. Он остался верен своей большой теме — Сибири.

Переселившись в Москву, Черноморцев много раз до Великой Отечественной войны и после нее приезжал в Сибирь. Свою кровную связь с Сибирью он подчеркивает в стихах.

В 1934 г. вышла первая книга стихов Черноморцева «Тайга». В этой книге ярко проявились основные черты творчества поэта: оптимистическая, жизнеутверждающая направленность, характерные для него темы природы, труда, возрождения народов Сибири, дружбы народов, победы нового над старым. Уже в первой своей книге Черноморцев выступает как зрелый поэт, обладающий зорким глазом, ярким и точным языком. В книгу «Тайга» вошла «Песнь о Сибири» — наиболее крупное из стихотворений Черноморцева, которое он впоследствии много раз перерабатывал и закончил работу над ним лишь в 1952 г. Излюбленные герои Черноморцева — охотники, геологи, лесорубы, сплавщики леса, плотники. Не могла не привлечь Черноморцева и тема партизанской борьбы в Сибири. Стихотворение «В партизанах», впоследствии названное «Тропой большевиков», вошло во все основные издания стихов Черноморцева, всякий раз в переработанном виде. Ломка старых отношений отразилась в стихотворении «Кержак», «Кержацкий дом», «Последний шаман», «Одинские стойбища Тыма». Поэт утверждает неизбежность победы нового над обреченным старым. Пусть мрачна и темна старая изба с божницей и пыльными вербами в углу («Ночлег»), но на столе лежит стопка книг, а сын старой хозяйки — тракторист, участник борьбы за победу нового на селе. Яркие поэтические образы находит поэт при изображении своей любимой тайги («...холодною брусничной кровью твои обрызганы кусты», «...медвежий новолунья коготь проснулся, цепляясь за сосну», «...косматой собакой костер прилег»). Однако в первой книге Черноморцева встречаются и замысловатые, и надуманные образы.

Через три года после выхода в свет «Тайги» появилась вторая книга Черноморцева «Стихи».

Во время Отечественной войны Черноморцев добровольцем пошел на фронт. Служил рядовым и литработником в дивизионной

и армейской газетах на Калининском и Втором Прибалтийском фронтах. В 1942 г. в Красноярске вышла книга стихов Черноморцева о подвиге народа на войне «Мое оружие».

В 1946 г. была издана «Песнь о Сибири». В нее вошли лучшие военные стихи: «Раздумье», «Между боями», «Баллада о танкисте», «Граната», «Тагам» и другие. В этих стихах отразилось пережитое и выстраданное поэтом, они отличаются большой искренностью. Лирический герой Черноморцева — мужественный человек, отстоявший Родину в тяжелой борьбе, пронесший в своем сердце великую любовь к ней.

В книгах Черноморцева, вышедших в 50—60 гг., большое место занимают стихи о людях труда. Не случайно поэт утверждает: «Счастлив тот, кто крепко делом занят». И в стихах о природе у Черноморцева всегда присутствует человек, душе которого она близка и дорога. Через восприятие этого лирического героя и дается природа. В этих стихах много солнца, света, ярких красок. Поэт видит, как «стекольщик утреннее солнце пронес на поднятом плече». «Полярный городок» Игарка у Черноморцева весь освещен вспышками электросварки, огнями кораблей в порту и игрой северного сияния («Огни Игарки»). Тайга наполнена звоном синиц, шумом «зеленых ветров», светом солнца, в лучах которого «вспыхивая, золотится на кедрах смуглая кора» («Солнце мира»).

Если в первых своих книгах поэт нередко подчеркивал дикость и необжитость сибирских просторов, порой злоупотребляя словами «глухомань», «чаща», «трущоба», «бурелом», то в книгах «Моя Сибирь», «Сибирская земля» и «На просторах Сибири» он показывает Сибирь такой, какой она стала сейчас — краем строек и колхозов, краем с богатой и щедрой, покоряющейся человеку природой: «Не таежной, старой, промысловой, Я горжусь своей Сибирью новой». И в книге «Приметы» (1967) поэт остался верен и своим темам, и своему мироощущению. Многие стихи посвящены социалистическому преобразованию Сибири: «Здравствуй, Енисей!», «На строительстве ГЭС», «Тайгу корчуем», «Уремы», «Конец глухомани». О дружелюбии, выручке, заботе о человеке — незнакомом друге — стихотворение «Зимовье».

Как и всякий поэт, Черноморцев много размышлял о задачах поэта и о назначении поэзии («Моя тропа», «Родные места», «Жажда», «Родной Сибири», «Цветок», «Тагам»). Быть может, ярче всего его представление о задачах поэта выражено в стихотворении «Друзьям-сибирякам».

Просторно и чудесно
С людьми на свете жить!..
Об этом надо песню
Хорошую сложить,
И пусть она вливается
В сердца моих друзей,
Как Ангара-красавица
В могучий Енисей.

Черноморцев умер 9 ноября 1974 г. в Москве.

А. Боннер

СОЧИНЕНИЯ

Избранные стихотворения / Предисл. Л. Вольпе. — М.: Худож. лит., 1973; Тайга: Стихи. М.: ГИХЛ, 1934; Стихи. М.: Сов. писатель, 1937; Мое оружие: Стихи. Красноярск: Краснояргиз, 1942; Песнь о Сибири. М.: Сов. писатель, 1946; Сибирская земля: Стихи. М.: Сов. писатель, 1950; Моя Сибирь. Новосибирск: Новосибгиз, 1951; На просторах Сибири: Избр. стихи. М.: Сов. писатель, 1956; Приметы: Стихи. М.: Сов. писатель, 1967.

ЛИТЕРАТУРА

Черноморцев Л. И. — В кн.: Стихи. Иркутск, 1925; Герланц А. Певец сибирской тайги. — Сиб. огни, 1973, № 10, с. 181—182; Герланц А. Черноморцев Л. Н. — Крат. лит. энциклопедия, 1975, т. 8. стб. 461; Трушкин В. Восхождение. Иркутск, 1978, с. 146, 288, 305; Поэты и писатели — воспитанники Иркутского университета. Иркутск, 1979, с. 18—20; Об отд. произведениях: Утков В. С позиции прошлого: [О сб. «Песнь о Сибири»]. —

Сиб. огни, 1947, № 3, с. 123—124; Сидоренко Н. Новая книга стихов Л. Черноморцева: [О сб. «Сиб. земля»]. — Октябрь, 1950, № 12, с. 162—164; Чернев И. Новая книга нашего земляка: [О сб. «На просторах Сибири»]. — Енисей, 1956, кн. 18, с. 248; Скуратов М. Слово поэта-сибиряка: [О сб. «Приметы»]. — Сиб. огни, 1968, № 5, с. 183—185.

БИБЛИОГРАФИЯ

Боннер А. Л. Н. Черноморцев. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 141—144; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 284—285; Русская литература Сибири: Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 467—468.

Г. О. КУКЛИН (1903—1938)

Георгий Осипович Куклин (по документам — Иосифович) родился 25 мая 1903 г. в деревне Игнатьево Нижне-Илимской волости Иркутской губернии в крестьянской семье.

По свидетельству родных и близких, он с детства отличался исключительным трудолюбием на пашне, в поле, а также в учении. Еще ребенком поражал всех отличной памятью, острой наблюдательностью и живостью характера.

В марте 1917 г. Куклин стал первым председателем союза учащейся молодежи в Нижнеилимском вышеначальном училище, а через три года, уже в Киренске, вступил в комсомол. Окончив Киренскую учительскую семинарию, он в 1921 г. поступает в Иркутский университет. После окончания второго курса Куклин в числе лучших студентов переводится на факультет общественных наук Петроградского университета на отделение языковедения и литературы, который закончил весной 1925 г.

Работал преподавателем языка и литературы в железнодорожных ремесленных училищах и библиотекарем в ленинградских библиотеках.

По воспоминаниям родных, друзей и учителей Куклина, его влюбленность в литературу и жажда художественного творчества проявлялись уже в детстве. В юности его дарование вспыхивает еще ярче. Этому способствуют и приобретаемые им знания, и расширение жизненного опыта, и творческое общение с поэтом Уткиным и редактором Иркутской газеты «Власть труда» Г. А. Ржановым. По свидетельству вдовы писателя Л. А. Мандрыкиной, Куклин, живя в Ленинграде, не пропускал ни одного литературного вечера и диспута. Слушал Маяковского и Есенина. Сблизился с детским писателем Виталием Бианки. В эти годы он пробует свое перо.

В 1926 г. Куклин публикует в журнале «Дружные ребята» серию детских рассказов. Памятью сердца писатель оживил впечатления своего детства, прошедшего на берегах Илима в условиях суровой, но прекрасной тайги. Поэзией труда и природы проникнута каждая страница этих рассказов. Среди детских писателей двадцатых годов Куклину несомненно принадлежит одно из первых мест.

В 1929 г. увидело свет первое крупное произведение Куклина — повесть «Краткосрочники», написанная под свежим впечатлением от службы в Красной Армии (1926—1927). Тонкие наблюдения военного быта, пристальное внимание к внутреннему миру красноармейцев и командиров, сочный и меткий язык — все это делало повесть явлением незаурядным в советской литературе конца двадцатых годов.

В 1930 г. Куклин принят в члены Всероссийского Союза писателей. С этого времени он целиком посвящает себя творческой работе. Писатель некоторое время находился под влиянием литературной группы «Перевал». Однако его художественная практика резко расходилась с антинаучными и аполитичными декларациями этого объединения.

Произведения Куклина проникнуты революционным духом, отличаются социальной заостренностью и актуальностью тематики.

В мае 1930 г. Куклин в составе ударной писательской бригады совершает поездку по Ленинградской области и Карелии в целях изучения общественных и экономических условий края. В результате поездки была написана и опубликована книга очерков «Сквозь ветер». Из двадцати семи очерков десять принадлежат перу Куклина («Сапоги», «Северный оазис», «Люди и пилы» и др.). В них ярко выражено стремление показать формирование нового человека.

В 1931 г. вышли два сборника: повестей — «Школа» и рассказов — «Непредвиденные записи». Рассказы взволновали читателей лирически проникновенным повествованием о начавшемся колхозном движении, о просветлении сознания крестьян, о повседневной жизни в частях Красной Армии. Особенно удачными были рассказы «Шаланда» и «Непредвиденные записи». Материалом для рассказа «Шаланда» послужила собственная нелегкая поездка восемнадцатилетнего Куклина по Ангаре в Иркутск. Поэтому так ярок рассказ, так достоверен гуманизм советских людей, которые в исключительно трудных обстоятельствах не теряют мужества, помогают друг другу в беде. «Непредвиденные записи» — это страшная, но вместе с тем величественная история о том, как одинокий человек, попавший в беду в таежной глухомани (он посек себе ногу,— и рана его опасна), самоотверженно борется за жизнь.

В 1932 г. издана повесть «На-гора», написанная после творческой поездки в Кузбасс, повесть о духовном росте людей в процессе социалистического строительства. В борьбе с трудностями и лишениями, учась на ходу, в поисках путей более рационального хозяйствования, преодолевая ошибки и заблуждения, огромный коллектив людей строит новую жизнь, перековывая свою природу. «На-гора» — пример смелого вторжения писателя в жизнь, в ее сложные процессы.

С начала 1930 г. Куклин начал собирать материал для романа о жизни и делах политических ссыльных на Илиме в 1912—1914 гг., о их благотворном влиянии на крестьян сибирского таежного села. Встреча автора с земляками летом 1930 г., беседы с ними о политических ссыльных — первая стадия работы над романом, получившим название «Учителя». Произведение создавалось на протяжении длительного времени. В 1934 г. оно печатается в журнале «Звезда», а в 1935 году выходит отдельным изданием.

Перед читателем развертывается трудная жизнь крестьян-таежников. Стонал народ в кабале у купца Голована (один из прототипов его — нижнеилимский купец Я. А. Черных). Но жизнь не стояла на месте. В ходе войны крестьяне постепенно убеждались в ее антинародном характере. Извещения о гибели на фронте братьев, сыновей и отцов будоражили село. Усиливались классовые противоречия. В становлении революционного сознания тружеников решающую роль сыграли политические ссыльные, особенно большевики (Антипов, Петров). Образы большевиков — несомненная удача автора. Он сумел показать их истинными учителями крестьян. Куклину удалось избежать схематизма в их изображении. В романе это живые, чуткие, отзывчивые люди, подлинные гуманисты, страстно верующие в торжество социалистических идеалов.

Куклин один из первых советских писателей, кто обратился к изображению политической ссылки. Заслугу его в этом трудно переоценить.

9 ноября 1939 г. жизнь Георгия

Осиповича трагически оборвалась.

Архив Куклина бережно собрала его вдова Л. А. Мандрыкина, он хранится в Ленинградской публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Тридцать шесть лет писатель был незаслуженно забыт. Только в 1973 г. иркутская газета «Советская молодежь» опубликовала рассказ «Один в лесу».

Творчество Куклина, этого самобытного художника слова, имеет не только историко-литературное значение — оно актуально, оно свежо звучит и в наши дни.

П. Моролев

СОЧИНЕНИЯ

Деревенские ребята: Рассказы. Л.: Прибой, 1926; Игренька: Рассказ. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929; Краткосрочники. Л., 1929; Один в лесу. М., 1929; Ребята и кони: Пять рассказов из жизни деревен. ребят. Л., 1929; Шальная вода. М.; Л.: Мол. гвардия, 1929; Сквозь ветер/В соавт. с С. Спасским, Е. Тагером, Н. Чуковским. Л., 1931; Школа: Повести. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1931; На-гора. Л., 1932; Непредвиденные записи. Л., 1932; Учителя: Роман. Л., 1935.

ЛИТЕРАТУРА

Штейнман З. Литературные заметки. — Ленинград, 1931, № 7, с. 103—107; Он же. Ветер на перевале... — Резец, 1931, № 22, с. 14—16; Мандрыкина Л. А. Г. О. Куклин. — Крат. лит. энциклопедия, 1966, т. 3, стб. 880; Моролев П. Кто он, Георгий Куклин? — Вост. -Сиб. правда, 1967, 19 марта; Елизаров В. Писатель-илимчанин Георгий Куклин? — Сов. молодежь, 1973, 27 янв.; Моролев П. Писатель с берегов Илима. — Вост.-Сиб. правда, 1973, 14 сент.; Макарова Е. М., Моролев П. М. Детские рассказы Г. О. Куклина. — В кн.: Литература и фольклор Восточной Сибири. Иркутск, 1977, с. 142—152; О кн. «Краткосрочники»: Златова Е.— Звезда, 1930, № 2; Лин Д. Исповедь Георгия Куклина; Свирин Н. Исповедь лжесвидетеля; Уричанин. Мы протестуем. — В кн.: Первый залп. Л., 1930; Свирин Н. Исповедь лжесвидетеля. — В кн.: Свирин Н. Литература и война. Л., 1931, с. 82—96; О кн. «Сквозь ветер»: Мазурин Б. Обыватели путешествуют. — На лит. посту, 1931, № 7, с. 38—40; Майзель М. — Звезда, 1931, № 1, с. 225—228; Оксенов И. Сквозь ветер. — Ленинград, 1931, № 1, с. 123—124; Плиско А., Покровский А., Цыпышев Д. Против буржуазной теории и практики очерка. Состязание певцов. — Перелом, 1931, № 1, с. 44—46; О кн. «Школа»: Гнедина Н. — Книга — строителям социализма (худож. лит.), 1932, № 6—7, с. 27; Малев В. — Локаф, 1932, № 4, с. 158—160; О кн.: «На-гора»: Гнедина Н. Подъем без подъема. — Худож. лит., 1933, № 5, с. 23—25; О кн. «Учителя»: Капитанская дочка. — Лит. обозр., 1936, № 2, с. 56; Лесючевский Н. — Лит. Ленинград, 1936, № 5, с. 3; [О кн. «Учителя»]. — Огонек, 1936, № 1, с. 23.

БИБЛИОГРАФИЯ

Советские детские писатели: Биобиблиогр. словарь. М., 1961, с. 209; Моролев П. Г. О. Куклин. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 144—146; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 135; Русская литература Сибири.— Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 196.

В. П. ДРУЗИН (1903—1980)

Имя Валерия Друзина, известного советского критика и литературоведа, тесно связано с литературной жизнью Иркутска начала 20-х гг. Здесь начиналась его комсомольская юность, здесь же вынашивались и рождались первые творческие замыслы, формировались литературные интересы. Друзин был одним из активных организаторов ИЛХО — творческого объединения комсомольских поэтов Иркутска. Вместе со своими сверстниками и друзьями-поэтами он принимал живейшее участие в создании и деятельности первого советского литературно-художественного и общественно-политического журнала в Восточной Сибири — «Красные зори», в коллективном поэтическом сборнике илховцев «Май».

Валерий Павлович Друзин родился 8 ноября 1903 г. в городе Сестрорецке, под Ленинградом, в семье учителя гимназии. Отроческие и юношеские годы его прошли в Иркутске. В сентябре

1920 г. он поступил в Иркутский госуниверситет на экономическое отделение факультета общественных наук. Проучившись около двух лет в Иркутске, Друзин осенью 1923 г. уезжает в Ленинград и продолжает образование в Ленинградском университете, который и оканчивает в 1925 г.

Будучи студентом Иркутского университета, он принимает активное участие в работе литкружка, существовавшего при педфаке, выступает на общеуниверситетских литературных вечерах, в частности на большом вечере, посвященном памяти А. Блока, пишет первые стихи и рассказы. Летом 1922 г. Друзин входит в только что созданный журналистский кружок имени П. Ф. Парнякова при губернской газете «Власть труда». «Одновременно со мной, — вспоминал он позднее, — этот газетный кружок стали посещать мои ровесники, начинающие поэты И. Уткин, Д. Алтаузен, И. Молчанов-Сибирский, М. Скуратов (Бельский). Не зная до этого времени друг друга, мы создали внутри газетного кружка своеобразную комсомольскую литературную секцию. Тогдашний редактор «Власти труда» старый большевик Георгий Александрович Ржанов, один из руководителей большевистского подпольного губкома, в период колчаковщины, очень тепло и заботливо отнесся к начинающим комсомольским поэтам. Он вскоре устроил нас на штатную работу в газете и начал печатать наши произведения (стихи, очерки, фельетоны, рецензии). В конце 1922 г. мы создали литературное объединение при газете «Власть труда», названное нами ИЛХО (то есть Иркутское Литературно-художественное объединение)»[1].

Так возникло это крепкое содружество юных талантов, вскоре подарившее нашей большой со-

ветской литературе хороших поэтов и критиков.

Первые стихотворения Друзина появились в печати осенью 1922 г. на страницах «Власти труда»: «Простой Октябрь», «Коминтерну слава!» и др.

Стихи начинающего поэта были проникнуты молодым задором и удалью, отличались острой публицистической направленностью. Друзин пишет о героях октябрьских боев, посвящает «строчки, звенящие болью», коммунарам парижских баррикад и делегатам конгресса Коминтерна. Много лет спустя автор так оценивал эти первые свои поэтические выступления в печати: «Написание их было делом важным. Ведь мы, тогдашние дебютанты, стремились овладеть разными жанрами и, главное, расширить свой кругозор, включив политические понятия и термины в свой поэтический обиход... Таково было наше мировоззрение — активно политическое, комсомольское...»[2]

С начала 1923 г. илховцы развертывают большую литературно-общественную деятельность — начинают издавать журнал, вы-

[1] К шестидесятилетию Валерия Друзина. — Ангара, 1963, № 4, с. 168—169

[2] Из письма В. П. Друзина к автору статьи от 6 июня 1966 г.

пускать коллективные поэтические сборники, организовывать вечера поэзии и публичные диспуты. Во всех этих начинаниях Друзину принадлежала одна из ведущих ролей. В журнале «Красные зори», выходившем с января 1923 г., он опубликовал стихотворения «Поэт» и «Круг», рассказ «Происшествие», изображающий трагическую гибель пяти комиссаров в одном из сибирских сел в первые годы советской власти.

В поэтическом сборнике илховцев «Май», изданном в том же 1923 г., появляются его стихи «Октябрь» и «Красные крылья».

Последние стихотворные произведения Друзина печатались в Иркутске в 1925 г. на страницах «Власти труда», когда он приезжал в город своей юности на зимние каникулы. В это время увидели свет его стихотворения «Партизан», «Листик железа» и «Сибирь». С любовью пишет он в них о родной Сибири и ее людях.

Однако настоящее призвание Друзин нашел не в поэзии, а на поприще литературной науки и критики. Вот как об этом рассказывает он сам: «В марте 1923 г. ИЛХО устроило большой литературный вечер общегородского масштаба, на котором мы огласили наши программные установки и выступили с чтением своих произведений. Большой доклад на этом вечере было поручено прочитать мне. Постепенно в ИЛХО я занял место главного литературного теоретика, докладчика, критика, поскольку в сочинении стихов и прозы особого рвения я не проявлял, охотно уступая место даровитым поэтам, моим товарищам»[3].

Вскоре по мотивам доклада Друзиным была написана и опубликована большая статья «Заметки о русской поэзии последних лет» (Красные зори, 1923, № 5).

В своих «Заметках» Друзин дал сжатую, но яркую характеристику различных поэтических школ в канун Октября и в первые годы после революции. С молодым полемическим задором, остроумно и талантливо он подверг критике акмеистов, символистов, футуристов. Вся статья проникнута верой в будущий расцвет советской поэзии, первые ростки которой в то время еще только-только пробивались. Друзин приветствовал появление в поэзии В. Казина, Н. Асеева, Н. Тихонова.

В последующие годы Друзин становится активнейшим участником живого литературного процесса. Он с жаром бросается в литературную борьбу, включается во многие дискуссии по проблемам развития поэзии и прозы, начиная со второй половины 20-х гг. вплоть до конца 70-х. Критик-боец, он был далек от псевдоакадемического бесстрастия, которым нередко прикрывается равнодушие. Друзин же всегда «пристрастен», пристрастен в хорошем значении этого слова, даже в своих сугубо академических исследованиях.

Его перу принадлежит множество рецензий и статей, публиковавшихся в лучших журналах страны: «Резец», «Звезда», «На литературном посту», «Жизнь искусства», «Нева», «Октябрь», «Литературный современник», «Москва» и др. В двадцатые годы он писал о молодой пролетарской поэзии и крестьянских писателях, полемизировал с Чужаком и Лелевичем, давал обзорные рецензии на очередные номера журналов «Красная новь», «На посту», «Новая Россия», «Новый мир», «Октябрь», на многочисленные альманахи и коллективные сборники того времени. Он писал и спорил о книгах В. Каверина и М. Козакова, К. Федина и Ю. Тынянова, А. Фадеева и Д. Фурманова и о многих других, он пристально следил за развитием советской литературы.

---

[3] Ангара, 1963, № 4, с. 169.

Особенно же много и плодотворно занимался Друзин проблемами советской поэзии. В 1927 г. он издал брошюру «Сергей Есенин». В различных изданиях не раз появлялись его проблемные и полемические статьи и заметки о путях развития советской поэзии. В них он настойчиво борется против опошления высокого назначения поэта, против псевдоноваторства, всякого рода модернистских и декадентских увлечений, выступает против мелкотемья, погони за эстрадным успехом, настойчиво утверждая искусство больших, глубоких чувств и мыслей, верность лучшим традициям русской классики.

Ряд критических очерков Друзин посвятил творчеству В. Саянова, Б. Ручьева, М. Скуратова, А. Прокофьева, В. Луговского, Э. Багрицкого, С. Щипачева. Перу критика принадлежит несколько историко-литературных работ, посвященных Г. Р. Державину, Н. А. Некрасову, Г. И. Успенскому (под его редакцией вышло 9-томное собрание сочинений Успенского в Гослитиздате) и несколько брошюр и книг. В 1929 г. он издал книгу «Стиль современной литературы», в 1962 г. в издательстве «Знание» вышла его брошюра «Человек и его дела», посвященная писателям Дона, Кубани, Ставрополья — А. Калинину, В. Закруткину, М. Соколову, В. Фоменко, М. Никулину, Г. Шолохову-Синявскому.

Наиболее характерные и лучшие работы по актуальным проблемам развития русской советской поэзии вошли в итоговую книгу Друзина «Вблизи и на расстоянии» (1974). Она посвящена истории и современному состоянию советской поэзии. Литературные портреты и очерки о поэтах старшего поколения — от С. Есенина и В. Маяковского до Н. Полетаева и И. Садофьева — соседствуют здесь с остро полемическими авторскими раздумьями о путях развития советской поэзии на рубеже 70-х гг. Автор взволнованно пишет о лирике Н. Рубцова и О. Фокиной, Д. Ковалева и В. Фирсова, В. Федорова и Л. Решетникова. Не со всеми оценками и выводами его можно согласиться, но нельзя не признать, что все они продиктованы глубокой заинтересованностью в судьбах родной поэзии и ее завтрашнем дне.

Друзин — участник Великой Отечественной войны, где он был политработником и спецкором армейских газет. С 1947 по 1957 г. он возглавлял редколлегию журнала «Звезда», а в 1957—1959 гг. был заместителем редактора «Литературной газеты». Много лет он руководил кафедрой советской литературы в Литературном институте имени А. М. Горького в Москве. С 1971 г. и до конца своих дней профессор Друзин работал на кафедре советской литературы Московского педагогического института имени В. И. Ленина. Многие его ученики стали известными литературоведами и критиками. Друзин скоропостижно скончался 29 декабря 1980 г. в Москве.

В. Трушкин

СОЧИНЕНИЯ

Коминтерну слава!: Стихи. — Власть труда, 1922, 15 нояб.; Простой Октябрь: Стихи. — Власть труда, 1922, 9 нояб.; Коммунарам венок: Стихи. — Власть труда, 1923, 18 марта; Круг: Стихи. — Красн. зори. 1923, № 2—3, с. 8; Нет, не воскрес...: Стихи. — Власть труда, 1923, 8 апр.; Октябрь; Красные крылья: Стихи. — В кн.: Май. Иркутск, 1923, с. 23—24; Поэт: Стихи. — Красн. зори, 1923, № 1, с. 5; Происшествие: Рассказ. — Красн. зори, 1923, № 1, с. 9—11; Партизан: Стихи. — Власть труда, 1925, 14 янв.; Сибирь: Стихи. — Власть труда, 1925, 15 февр.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ РАБОТЫ

Заметки о русской поэзии последних лет. — Красн. зори, 1923, № 5, с. 139—144; Сергей Есенин. Л.: Прибой, 1927; Стиль современной литературы. — Л.: Красн. газ., 1929. — 109 с.; Человек и его дела. М.: Знание, 1962. — 31 с.; Вблизи и на расстоянии: Кн. статей о сов. поэзии. М.: Сов. писатель, 1974.— 302 с.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамович А. Критические статьи и очерки о творчестве сибирских писателей. Иркутск, 1958, с. 13—14, 18, 22; Друзин В. П. Крат. лит. энциклопедия, 1962, т. 2, с. 807; К 60-летию Валерия Друзина/Публ. и коммент. В. П. Трушкина. — Ангара, 1963, № 4, с. 168—169; Скуратов М. Илховцы. — Вост.-Сиб. правда, 1967, 14 мая (спецвып.); Трушкин В. П. Литературная Сибирь первых лет революции. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967. См. имен. указ.; То же. — В кн.: Трушкин В. Литературный Иркутск. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981, с. 43—82; Он же. Из пламени и света. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1976, с. 209, 215, 228, 229.

БИБЛИОГРАФИЯ

Трушкин В. П. В. П. Друзин. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 137—140; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 103—104; Русская литература Сибири: Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 104—105.

Г. И. ШЕЛЕСТ (1903—1965)

Георгий Шелест был представителем старшего поколения литераторов Забайкалья, чьи первые произведения стали известны массовому читателю в конце 20-х начале 30-х гг.

Творческий путь Шелеста был нелегок. В его биографии еще есть провалы, которые нужно восстановить. Много ненужного к биографии «добавили» те, кто знавал его понаслышке. Многое, видимо, не так сказал и сам писатель. Теперь отсеялось несущественное и наносное, стало возможным яснее понять творчество этого самобытного художника слова, настоящего самородка.

Георгий Иванович Шелест (Егор Иванович Малых) родился в Томске в 1903 г., а не в 1898 г., как указывалось ранее. В Читу из Томска он переезжает с родителями в конце 1917 г., здесь учится в реальном училище. В 1920—1923 гг. служит рядовым бойцом в народно-революционной армии ДВР и после демобилизации приезжает в поселок Дровяная, к родителям. Отец работал весовщиком материального склада Забайкальской железной дороги. Здесь Шелест работает грузчиком, становится рабкором, а затем в 1925—1926 гг. сотрудником газет «Забайкальский рабочий» и «Молодой крестьянин». Первые рассказы, скорее зарисовки и очерки, которые он подписывал псевдонимом Егор Бродяга, появились в 1926 г. В 1929 г., когда на Дальнем Востоке возник военный конфликт, Шелест едет корреспондентом на театр военных действий, становится сотрудником военной газеты «Отпор». В 1931 г. переезжает в Иркутск, где в 1931—1932 гг. работает инспектором отдела социального обеспечения. В 1933 г. Шелест живет в Архангельске, работает в Севкрайгизе. В этом же году в журнале «Звезда Севера» № 12 появился рассказ писателя «Смерть комполка». В январе 1934 г. в том же журнале в разделе «Литературная хроника» сообщалось: «Редакцией журнала «Звезда Севера» было проведено три литдекадника. На литдекадниках обсуждались произведения В. Сидоренко «Кольцо» и Г. Шелеста «Кордебалет поручика Сударикова». Этот рассказ под названием «Конец поручика Сударикова» был напечатан в «Звезде Севера» № 2. Первые рассказы писателя изображали полные ужаса события из эпохи гражданской войны на Востоке. В них было много смертей, натуралистических сцен казней, истязаний. Вместе с тем они ярко передавали героизм и отвагу партизан в борьбе с белогвардейцами и интервентами.

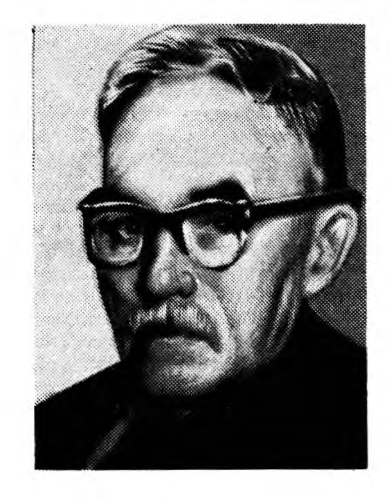
В 1934 г. первым, а в 1935 г. вторым изданием выходит сборник рассказов Шелеста «Неоконченный путь». Он сразу же был замечен не только местной, но и всесоюзной критикой. Критик П. Артюхов в статье, напечатанной в «Звезде Севера» № 7 за

1935 г., писал: «...Г. Шелест совершенно прав, отстаивая законность темы смерти героев в своих партизанских рассказах. Но тема смерти — тема чрезвычайно трудная. Нужно суметь так показать этот акт, чтобы смерть рождала жизнь. У Шелеста же смерть не всегда показывается с такой точки зрения. В некоторых рассказах смерть у него изображается ради смерти». В журнале «Художественная литература», № 3 (Москва, 1935) положительно отозвался о рассказах Шелеста И. Зубковский: «В сборнике — двенадцать коротеньких рассказов, заключающих эпизоды гражданской войны на Дальнем Востоке и Севере. Это бывальщины. Их можно услышать у костра. Возможно, что и сам автор ощутил впервые дар рассказчика, когда ему пришлось во время маневров передавать молодым бойцам опыт прошлого... О чем говорят бывальщины? О классовой ненависти, об отваге красных бойцов, чести, любви партизанской, мужестве перед лицом смерти, подлости и трусости врага. В них отсутствуют психологические тонкости. Они прямолинейны и, может быть, схематичны. Но они трогают читателя, ибо написаны кровью...»

Годы спустя в автобиографии Шелест написал: «Дозреть мне, как писателю, не дал 1937 год». В этом году прервалась на длительное время его активная творческая и общественная деятельность.

В 1954 г. Шелест был реабилитирован. Он работает мастером на строительстве ГЭС «Дружба народов» в Ходженте.

С этого момента начинается новый этап в творчестве писателя. Он подвергает строгой ревизии все ранее созданное. В сборниках рассказов, вышедших после 1954 г., по-новому зазвучала тема рождения новой морали, новой нравственности, новых человеческих отношений, пробивающих себе дорогу через жес-

токость, кровь, страдания и несправедливость. Писатель показывает, как в ожесточенных боях выковывалась революционная армия, спаянная одной целью, одной мыслью — победить врага, построить новое общество, во имя которого гибли в боях лучшие сыны трудового народа. Во имя светлого будущего погибли красноармейцы Дрокин и Максудов, облитые бензином и сожженные басмачами («Неугасимая звезда»), во имя будущего терпели нужду незаметные совработники, отправляя последний хлеб голодающим рабочим России («Наш мост»). «Конец будет мне, а коммунизм будет жить... Вечно будет!» — бросает в лицо белогвардейцам коммунист Петров («Вражий корень»).

Ярче всего присущий Шелесту гуманизм проявился в большом рассказе «Горячий след», давшем название всему посмертному однотомнику рассказов, вышедшему в Иркутске в 1966 г.

Партизанский батальон занял большое село, из которого в панике бежали белые. В одной избе партизаны нашли брошенную белыми девочку. Не знавшие страха в боях, тут партизаны растерялись: как им быть? Одно было ясно — ребенка нельзя бро-

сить. И партизаны принимают решение найти мать и вернуть ей ребенка. Правда, для этого надо ехать к белым. И они едут, рискуя жизнью, в самое логово врага.

Герои невыдуманных рассказов — героических сказаний,— как определил их жанр сам автор,— умели не только воевать. Они с небывалым в истории энтузиазмом ринулись на штурм разрухи. Комдив Франц Кужелло, сдав свою дивизию, стал директором Петровского Завода. Иван Пакулов — вожак забайкальских партизан — организовывал артели. Яков Каратаев — партизанский комдив — стал работником милиции, «городским головой», председателем горсовета стал Александр Евтихиев, Никита Коренев — начальником дороги, а Яков Попок — секретарем ЦК Туркмении.

У писателя была большая и благодарная аудитория. Книги его быстро расходились. В небольшую, заставленную стеллажами с книгами квартиру, ежедневно почта доставляла десятки писем. В газетах и журналах печатались рецензии, высоко оценивающие труд писателя-сибиряка, летописца гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке.

С 1959 по 1965 г. выходят в свет несколько сборников рассказов. В художественном фильме «Если ты прав» (1964) был использован известный рассказ Шелеста «Самородок».

Шелест жил последние годы в Чите. Он многое задумал, о многом хотел еще написать. Тяжелая болезнь, а затем смерть, последовавшая 8 августа 1965 г., не дали возможности сбыться новым творческим планам. Но и сегодня его светлый талант продолжает служить народу.

Н. Дворниченко

СОЧИНЕНИЯ

Неоконченный путь: Рассказы. Архангельск: Севкрайгиз, 1934; Горячий след: Повесть, рассказы. Душанбе: Таджикгосиздат, 1958; То же. Иркутск, 1984; Немеркнущие зори: Рассказы. М.: Воениздат, 1959; Манящие огни: Рассказы. Чита. Кн. изд-во, 1960; Баргузин: Героич. сказания. Чита: Кн. изд-во, 1962; Конец рыжего Идола: Рассказы. Хабаровск: Кн. изд-во, 1962.

ЛИТЕРАТУРА

Артюхов Н. О пролетарском оптимизме. — Звезда Севера, 1935, № 11, с. 71—73; Попов Н. О литературном языке наших северных писателей. — Звезда Севера, 1935, № 5, с. 105—114; Он же. Состояние и задачи северной литературы. — Там же, 1935, № 6, с. 49—63; Елькович Я. Волочаевские дни и немеркнущие зори. — Дал. Восток. 1961, № 5, с. 178—182; Нинов А. Искусство невыдуманного рассказа. — В кн.: Нинов А. Современный рассказ. Л., 1969, с. 118—122; Яновский Н. Н. Шелест Г. И. — Крат. лит. энциклопедия, 1975, т. 8, стб. 680; Дворниченко Н. Самородок. В кн.: Дворниченко Н. Вчера и сегодня забайкальской литературы. Иркутск, 1982, с. 126—131.

БИБЛИОГРАФИЯ

Дворниченко Н. Г. И. Шелест. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 101—103; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 292—293; То же. Иркутск, 1983. вып. 2, ч. 1, с. 219—220; Русская литература Сибири: Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 476—478.

М. М. СКУРАТОВ
(р. 1903)

Один из зачинателей советской поэзии в Сибири Михаил Маркелович Скуратов родился 5(18) ноября 1903 г. в селе Уян Куйтунского района Иркутской области в семье потомственного сибиряка. Род Скуратовых корнями своими уходит в седую сибирскую старину. «Пращуры мои, — рассказывает Скуратов, — поселились в Ангаро-Илимских урочищах в XVII веке». Отец поэта, рано выучившись грамоте, перебрался в город, работал вначале кондуктором на Забайкальской железной дороге, а потом долгое время писарем. Мать его — полуграмотная женщина, типичная сибирячка, хранила в памяти

своей множество легенд и преданий о сибирской старине. Мальчик с детства заслушивался рассказами о стародавних временах, о ямщицкой удали, о тысячеверстном Московском тракте, на котором разыгрывались многочисленные кровавые драмы и умопомрачительные происшествия. В этих рассказах оживала каторжная и бродячая Сибирь. Они захватывали мальчишеское воображение, пленяли его меткой образностью изустного сказа, расцвеченного всеми красками народного красноречья, полнозвучно отразившегося позднее в лирике поэта.

Первоначальное образование Скуратов получил в Иркутске. Здесь он в Глазковском предместье закончил три класса железнодорожной школы, затем в самую революцию 1917 г. Высшее городское начальное училище (равное четырем классам гимназии). После него около двух лет учился в Иркутском горном училище, готовившем штейгеров. Будучи студентом-горняком, летнее время проводил на практике на угольных шахтах Черемхова и на Ленских золотых приисках. После закрытия горного училища работал чернорабочим, сплавщиком леса, конторщиком, жнецом, учетчиком на Култукской скотобойне. Вечерами посещал Народный университет, а затем рабфак. В 1922 г., сдав экстерном вступительные экзамены, поступил в Иркутский университет на Восточное отделение внешних сношений. В это же время стал работать в губернской газете «Власть труда» штатным репортером и, по совместительству, сборщиком объявлений.

В августе 1924 г. Скуратов переезжает в Москву и вскоре поступает в Высший литературно-художественный институт им. В. Я. Брюсова. Через год после закрытия Брюсовского института переводится на литературное отделение этнологического факультета МГУ, который и оканчивает в 1928 г.

Путь в поэзию для Скуратова начинался с красноармейской газеты «Красный стрелок», печатного органа Политуправления героической 5-й Армии. Именно здесь 12 февраля 1921 г. на литературной странице, выходившей под названием «Красные звоны», появилось его первое стихотворение «Золото». Ранние стихи свои в печати он публиковал под псевдонимом Михаил Бельский.

В это время Скуратов был усердным посетителем литературных вечеров, которые регулярно проводились участниками «Барки поэтов» — литературной организации, существовавшей в те годы в Иркутске. У поэтов «Барки» учился он «стихов российских механизму», постигая первые секреты «святого ремесла». Особенно большое влияние на него оказал молодой поэт И. Славнин, в ту пору заведующий литературным отделом газеты «Красный стрелок». Славнин познакомил его с поэзией Бодлера, Верлена и Верхарна, с лирикой русских символистов и футуристов.

От «Барки поэтов» вел прямой путь к ИЛХО. Вместе со своими сверстниками — И. Молчановым-Сибирским, В. Друзиным, И. Уткиным, Д. Алтаузеном, В. Том-

ским и другими Скуратов создавал в Восточной Сибири комсомольскую поэзию первого призыва. Это они, в то время безусые юнцы, организовали в начале 1923 г. в Иркутске при губернской газете «Власть труда» своеобразную литературную ассоциацию, творческое содружество молодых и талантливых литераторов — ИЛХО (Иркутское литературно-художественное объединение). Руководили объединением работники газеты — редактор Г. А. Ржанов, сотрудники А. А. Вечерний, А. К. Оборин, Н. Д. Хребтовский, Б. Ольховый. Илховцы устраивали публичные вечера поэзии, издавали свой журнал «Красные зори», выпускали коллективные сборники стихов. Скуратов был неизменным участником всех этих начинаний. Вскоре имена многих из них появятся на страницах «Сибирских огней», а потом и в центральной печати.

В середине 20-х гг. стихи поэта печатались не только в «Сибирских огнях» и вообще в сибирских изданиях той поры, но и в «Красной нови», «Новом мире», «Прожекторе», «Красной ниве», «Звезде», «Смене», в альманахах «Перевал», «Ковш», «Наши дни» и др. популярных органах печати.

Уже в те годы Скуратовым были написаны такие характерные для него произведения, как «Московский тракт», «Таежные думы», «Сибиряки», «Сибирская бась», «Ангара», «Старый бродяга», «Из байкальских картинок», «Первый ссыльный», «Краснобай», «Раздумье», «Острог» и многие другие. Это как раз те стихи, которые, по признанию самого Скуратова, «надолго определили» его путь в поэзии. «Как бы там ни было, — говорит поэт, — а «сибирские побывальщины», склонность к родной истории неизбывно живут во мне. Может, для кого это и старина, — для меня это была сама живая жизнь!»[1] И здесь же Скуратов приводит характерный отзыв о нем известного критика А. Макарова. «У Михаила Скуратова ощущение истории, видно, в крови. Он как у себя дома и в стихии образов прошлого Сибири, и в стихии узорчатой и певучей старинной речи»[2].

Седая древность в стихах Скуратова — не бутафория, не условный поэтический реквизит. Поэт чувствует, ощущает ее всеми порами своего существа. Для него она — явь во всей ее первозданной стихии, со всей непосредственностью ее проявлений.

Мне чудилось: у берега Байкала
Сибирский кедр на страже задремал.
Кругом вода ползучая вздыхала —
Таилась жуть у пропастей и скал.
И будто я — разбойник и бродяга,
Душа во мне — дырява и глуха...
На мне висит измятая сермяга,
И на плечах косматая доха.
Я — тощий зверь из арестантской стаи
По гривам гор ныряю в полумрак...

Иркутский период в творческом становлении поэта сыграл немаловажную роль. В журнале илховцев «Красные зори» появляются его лирические миниатюры «Вешнее», «На луга, на дальние покосы» и такие типично «скуратовские» стихи, определившие во многом направление и характер всего его последующего творчества, как «Московский тракт», «Из байкальских картинок». И если стихотворения «Вешнее», «На луга, на дальние покосы» довольно нейтральны по своей тематике и мотивам, выдержаны в жанре обычной любовной лирики, то «Из байкальских картинок» и особенно «Московский тракт» отмечены печатью определенной творческой индивидуальности. Поэзия исконного сибирского быта во всей его неповторимости и своеобразии, суровое величие сибирских рек, могучий и грозно-величавый Байкал, бескрайние таежные просторы, заснеженные Саяны, уходящая в далекое прошлое бро-

[1] Скуратов М. Мой путь.— В кн.: Скуратов М. Избранное. М.: Худ. лит., 1985, с. 6.

[2] Там же.

дяжья и каторжная Сибирь — такова атмосфера многих стихов Скуратова, придающая им особый колорит и поэтическую свежесть. Еще в середине 20-х гг. поэт-сибиряк Г. Вяткин писал о нем: «У Скуратова — не только современная Сибирь, он прекрасно чувствует и глубокую сибирскую старь, и крепки, кряжисты, хороши в самой тяжеловесности своей старосибирские его мотивы»[3].

Вместе с тем, поэтизируя свободолюбивую и трудовую сибирскую старину, воскрешая в своей лирике старые легенды и предания, поэт решительно не приемлет этого прошлого, напрочь отказывается от былой разбойной романтики Сибири, ее прежнего пути, «разбойного и кровавого». В превосходном своем стихотворении «Московский тракт», живописуя былой «сибирской вольницы разбой», он скажет со всей определенностью:

Не хочу возврата старины я,
Поножовщины у пустырей —
Но люблю сказанья я былые
Трактовых буянов-почтарей.

Далекое и близкое прошлое Сибири в стихах Скуратова проецируется на современность, поверяется ею. В стихотворении «Байкальская бась» поэт скорбит об участи красногвардейцев, погибших в байкальской пучине, в «Сказе о бердане» и «Якутской повести» поэтизируется героическая борьба народа, вставшего на защиту революции против колчаковщины. В одних рядах оказываются здесь «отважный охотник» из челдонов и бедняк-якут, которого нещадно обирал русский «собака-купец».

Лучшие стихи Скуратова насыщены живописной образностью народной речи. У него своеобычный поэтический язык — богатый, сочный, по-сибирски ядреный, уходящий своими истоками в сибирское народное просторечие, и он умеет рачительно пользоваться этим богатством. Его ухо тонко улавливает и различает все оттенки исконно народной русской речи сибиряков, особенно старожилов. Поэт любит «поиграть» со словом, выявить все его скрытые потенции. Еще в 1925 г. он написал одно из лучших своих стихотворений «Краснобай», построенное на причудливом сцеплении переливающихся из строки в строку россыпей народного русского слова, звуковых повторов. «Краснобая» трудно цитировать — настолько это произведение цельно по своей структуре и внутренней завершенности.

Думы, думы мои — песенные стаи!
В них — то степь загрустит,
то река застонет,
То ямщик запоет — ржут и мечут кони.
В них и девка слезой омывает очи,
И бродяга свой нож на дороге точит.

Скуратов — своеобычный, насквозь русский национальный поэт. В сущности, ведь и Сибирь с ее «преданиями старины глубокой», десятилетиями питающая его творчество, это ведь не что иное как все та же самая Русь, Русь, быть может, в наихарактернейшем ее выражении, и прошлое ее — сама история русского народа с его извечной тягой к вольности, свободолюбию, к простору, к удали и молодечеству. Русский национальный характер во всю свою мощь и ширь как раз и проявился и в подвигах первых землепроходцев, торивших путь к океану, одолевавших «за далью даль», и в освоении бескрайних сибирских пространств, в нелегком ратном и мирном труде. Вот эта колоритная и живописная Русь, судьба ее отважных сынов и станет на долгие годы основным содержанием как лирики, так и эпики Скуратова — его поэм «Сибирская родословная, или Сказания о Братском остроге», «Ангарские пороги», «Слово об Илимской пашне».

Самым, пожалуй, значительным эпическим произведением Скура-

---

[3] Сиб. огни, 1925, № 6, с. 190.

това, посвященным истории заселения и освоения Сибири русским народом, следует признать его поэму «Сибирская родословная, или Сказания о Братском остроге», над которой автор долго и упорно работал в предвоенные годы. В поэме немало живописных сцен и картин, воскрешающих былую старину.

Плодились, селились по новым местам.
По праздникам в бабки ребячились
там,
Не то в городки — богатырский обычай!
К ангарским они нанесли берегам
И русские песни, и нрав, и обличье,
И сказки дремучие, баб ворожбу,
Поверья в сон, в птичий грай и божбу,
И святки с гаданьем,
на масленой — тройки
С дугой расписной, золоченой, резной,
Блины, угощенье, гулянки, попойки,
И русская удаль, и нрав озорной!

При работе над «Сибирской родословной» и другими произведениями сибирского цикла автор опирался на старинные документы и книги, на специальные исторические исследования типа «Илимской пашни» В. Шерстобоева, на труды известного этнографа и бытописателя С. Максимова с его книгой «Бродячая Русь» и другие источники. Все это способствовало воссозданию подлинной атмосферы изображаемого автором времени.

В поэме «Сибирская родословная», например, движение истории во времени показано в нескольких ракурсах. В ней воссоздана широкая панорама исторических событий за три столетия. Первые землепроходцы на Ангаре — казаки, стычки с местным коренным населением, постройка Братского острога, простой русский люд — мужики, бегущие в Сибирь от притеснений и барщины, раскольники, посылающий свои проклятия царю и патриарху Никону неистовый протопоп Аввакум, — все это оживает в отдельных сценах и эпизодах поэмы. Тут же купцы и воеводы, рассказ о различных челобитных посланиях царю — казаков, местного воеводы, мужицкий бунт, какой-то пьяненький поп Григорий, помогающий воеводе расправиться с бунтовщиками. Эти описания сменяются событиями из восемнадцатого «пудреного» века — рудознатцы, первые ссыльные — стрельцы, племянник Мазепы Андрей Войнаровский, старый Меншиков в Березове, Радищев. И все это, сменяя друг друга, движется сплошным потоком. Автору важно дать, прежде всего, суммарную, обобщенную картину, его увлекает масштабность, движение людских масс. Он не идеализирует своих героев, дает их без ретуши, и в этом одно из несомненных достоинств его поэмы. Ему дороги эти разбойные, отважные и смелые пращуры.

Поэт хорошо чувствует движение времени и поколений, он заставляет современного читателя ощутить родство свое с далекими предками, увидеть в их буйстве и отваге, в их свободолюбии и ратных подвигах, в труде и стойкости их прообраз новой России, прошедшей путь от первых землепроходцев до первых в мире покорителей космоса. Очень хорошо сказал об этом своеобразии Скуратова-поэта вдумчивый и проницательный критик А. Макаров: «В стихах М. Скуратова ощущаешь связь времен, а еще более, пожалуй, родство характеров предков и потомков. Сибирь же в его прошлом — тема в наши дни, пожалуй, самая современная из исторических тем»[4].

Скуратов — автор доброго десятка поэтических книг. Наиболее полно творчество поэта представлено в его однотомнике «Избранное», вышедшем в издательстве «Художественная литература» в 1985 г. «Мой однотомник, — замечает автор, — это живая летопись всей моей писательской судьбы на протяжении шести с лишним десятков лет. В своем «Избранном» я лицом к лицу с моими читателями, с самим собой. Заглянул в прошлое, и в

[4] День поэзии. М.: Сов. писатель, 1968, с. 215.

настоящее нашей страны, да тем самым и в будущее. Эта дума не покидает меня. Тем и жива моя книга»[5]. Поистине поэт живет, говоря его словами, «на рубеже времен», где прошлое органически входит в настоящее и пробуждает думы о будущем. Его поэзию высоко ценили такие первоклассные поэты, как В. Саянов, Н. Рыленков, И. Авраменко.

В. Трушкин

СОЧИНЕНИЯ

Избранное: Стихотворения. Поэмы. М.: Худож. лит., 1985; Сибирская родословная: Стихи. М.: ГИХЛ, 1937; На рубеже времен: Стихотворения и поэмы. М.: Сов. писатель, 1963; Всполохи: Стихотворения и поэмы. М.: Сов. писатель, 1958; Родня: Стихи и поэмы. М.: Сов. писатель, 1946; Стихотворения и поэмы/Вступ. статья В. Друзина. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1965; Рунный ход: Стихотворения и поэма. М.: Сов. Россия, 1970; Солнечный бубен: Стихи. М.: Сов. писатель, 1973; Истоки: Стихи/Предисл. В. Трушкина. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1974.

ЛИТЕРАТУРА

Вихлянцев В. Сибирь в стихах М. Скуратова. — Сиб. огни, 1946, № 5—6, с. 160—162; Павлов К. Поэт одной темы.— Нева, 1959, № 12, с. 193—194; Саянов В. Поэт Сибири. — Звезда, 1959, № 4, с. 205—206; Лисовский К. Один из первых запевал. — Сиб. огни, 1960, № 3, с. 179—180; Клитко А. Михаил Скуратов. — Сиб. огни, 1962,, № 7, с. 178—183; [Друзин В. Д.] Михаил Скуратов: [К 60-летию со дня рождения]. — Ангара, 1963, № 4, с. 170—171. — Подпись: В. Д.; Гринберг И. Покоренное слово: [О сб. «На рубеже времен»]. — Знамя, 1964, кн. 2, с. 245; Даржаа А. Сын Сибири и певец ее. — Лит. Россия, 1966, 16 сент., с. 9; Трушкин В. Литературная Сибирь первых лет революции. Иркутск, 1967, с. 186—192, 199—200, 209—211, 213—215, 301—302; Дагуров Г. Сибирская родословная: [О сб.: «Сибирская родословная»].—Лит. Россия, 1971, 27 авг., с. 17; Яновский Н. Скуратов М. М. — Крат. лит. энциклопедия, 1971, т. 6, с. 905; Друзин В. Михаил Скуратов. — В кн.: Друзин В. Вблизи и на расстоянии. М., 1974, с. 172—186; Трушкин В. Из пламени и света. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1976. — См. имен. указ.; Срывцев А. Истоки. — В кн.: Срывцев А. Поэты с нами. Кемерово, 1978, с. 67—72; Трушкин В. П. Восхождение. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978. — См. имен. указ.; Поэты и писатели — воспитанники Иркутского университета. Иркутск, 1979, с. 21—23; Трушкин В. Литературный Иркутск. Иркутск, 1981, с. 270—282.

БИБЛИОГРАФИЯ

Боннер А. М. М. Скуратов. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 126—128; Писатели Восточной Сибири. Иркутск, 1973, с. 226—227; Русская литература Сибири: Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 385—388.

---
[5] Скуратов М. Избранное, с. 13.

П. Г. МАЛЯРЕВСКИЙ (1904—1961)

Павел Григорьевич Маляревский — один из старейших и крупнейших драматургов Сибири. Его пьесы, начав свою жизнь на подмостках иркутских театров, одна за другой выходят на всесоюзную сцену, переводятся на языки народов СССР, на иностранные языки. Особенно широкую популярность приобрели его пьесы для детей и юношества, в которых драматург, умело сочетая сказочные, фантастические элементы с реалистическими мотивами, в доступной и увлекательной форме выражает высокие гуманистические идеи, учит распознавать и ненавидеть зло во всех его проявлениях.

Признанный драматург, Маляревский внес свой вклад в развитие сибирской советской литературы и в качестве самобытного, незаурядного поэта, интересного прозаика, автора ряда историко-литературных, литературно-критических и театроведческих работ.

Павел Григорьевич Маляревский родился 21 января 1904 г. в Тобольске в семье директора народных училищ. После окончания средней школы некоторое время работал библиотекарем, а в 1923 г. приехал в Иркутск, где поступил учиться на факультет общественных наук (юридический факультет) Иркутского госунивер-

ситета. Напряженная культурная жизнь Иркутска захватила юношу. То были годы собирания и сплочения литературных сил, годы зарождения и роста новой культуры.

Литературные склонности будущего драматурга обнаружились довольно рано (он начал писать стихи с семилетнего возраста), но только теперь, в студенческом самодеятельном коллективе, жившем всеми интересами своего времени, его литературные опыты приобретают и определенную общественную значимость. Здесь же формируется его интерес к театру и драматургии. За годы учебы в университете кроме многочисленных эстрадных номеров Маляревский пишет либретто самодеятельной оперетты «Белый дом», героические представления «Девять октябрей» и «Земля сожглась», сценарий массовых зрелищ «Третий Интернационал», которые ставились в 1926 и 1927 гг. на площади при участии сотен исполнителей. В эти же годы он выступает в газете с очерками, фельетонами, статьями.

После окончания университета (1927) Маляревский работает в РКИ (рабоче-крестьянская инспекция), занимается преподавательской деятельностью, по-прежнему активно сотрудничает в газете «Власть труда», ведет совместно с Н. В. Кузовкиным судебную корреспонденцию. С начала 30-х гг. Маляревский устанавливает прочную связь с Иркутской литературной организацией и с тех пор активно сотрудничает в журнале «Будущая Сибирь», позднее «Новая Сибирь», где публикуются его стихотворения, пьесы, статьи.

Массовому читателю Маляревский стал известен прежде всего как поэт, в стихах которого нашла яркое образное выражение советская действительность 30-х гг. Его нельзя назвать плодовитым поэтом, он пишет немного, но почти каждое его стихотворение значительно по проблематике и интересно по решению темы.

В стихотворениях 30-х гг. уже явно ощущаются черты, характерные и для последующего творчества Маляревского — драматурга и прозаика. Это прежде всего драматическая напряженность, конфликтность, наличие в стихах лаконично и точно очерченных характеров, а также «разговорная», диалогическая форма многих его стихотворений («Транспортная», «Москва»), в которых вещи, дома, вагоны наделены определенным характером. Эта вторая особенность, в которой угадывается будущий драматург, обусловлена глубоким интересом писателя к жизни вещей, уверенностью в том, что если бы вещи, порою являющиеся молчаливыми свидетелями жизни нескольких поколений, вещи, наедине с которыми человек всегда остается самим собой, вдруг обрели язык, они бы многое могли рассказать миру. И он стремится в своих произведениях наделить вещи языком, которого они не имеют, предоставить им возможность самим рассказать о том, свидетелями чего они были. Позднее это стремление найдет свое наиболее полное выражение в повести «Новая соната» и во многих пьесах («Меч Китая», «Чудесный клад»).

В 1935 г. Маляревский создает первую свою пьесу «Доржи Банзаров», в которой стремится показать трагическую судьбу первого бурятского ученого. Но пьеса не привлекла внимания театров, так как автору не удалось выразить свой замысел в художественно значимых образах. Дело в том, что в пьесе фактически не оказалось героя, гордого, сильного человека, задыхающегося в удушливой атмосфере, но борющегося до конца. Это обусловило иллюстративный характер пьесы и определило ее судьбу. Однако изучение материалов о жизни и деятельности Банзарова привело драматурга к близкому знакомству с фольклором бурятского народа. А отсюда уже лежит прямой путь к пьесе «Счастье», написанной в 1937 г. по мотивам бурятского народного творчества и определившей направление и характер дальнейшего творчества драматурга. Пьеса «Счастье» была поставлена в Улан-Удэ на бурятском и в Улан-Баторе на монгольском языках, получила положительные отзывы критики и была названа в числе нескольких лучших пьес советских драматургов на шестой сессии Верховного Совета СССР.

Напряженные искания, нередкие разочарования этого периода (не имела успеха пьеса «Высота Советская», посвященная событиям у озера Хасан) не приглушают творческой активности писателя. В местных журналах кроме многочисленных стихотворений и первых пьес он публикует рецензии, заметки, очерки, статьи. Наиболее значительны из них «Практические вопросы работы с начинающими писателями» (Новая Сибирь, 1935, № 2) и критико-биографический очерк об одном из первых сибирских поэтов XIX в. Ф. И. Бальдауфе (Новая Сибирь, 1938, кн. I). В 1940 г. в журнале «Сибирские огни» № 3 опубликована повесть Маляревского «Новая соната», в которой он воплотил давно волновавший его замысел. Старинный рояль — изделие знаменитой фирмы — рассказывает о своей жизни, о том, что он видел, новенькой, только что изготовленной скрипке. В рассказ включаются и частные судьбы людей с их драмами и переживаниями, и большие события общественной жизни — мировая война, революция, переустройство жизни. Критика в свое время упрекала автора за надуманность сюжета этого произведения. Основания для такого упрека были, так как писателю не вполне удалось реализовать интересный замысел: события периода революции, гражданской войны и последующих лет раскрыты в повести фрагментарно, часто даны как бы вторым планом.

В 1940 г. на сценах театров появился «Кот в сапогах», веселая пьеса по сказке Ш. Перро, успех которой окончательно определил путь драматурга. «Счастье» и «Кот в сапогах» открыли путь целой серии пьес П. Г. Маляревского для детского театра: «Падение острова Блютенбайль» (1944), «Меч Китая» (1947), «Чудесный клад» (1949), «Не твое, не мое, а наше» (1950), «Репка» (1952), «Конек-горбунок» по сказке Ершова (1953), «Новогодний сон» (1954), новая, значительно улучшенная редакция пьесы «Счастье» (1955). Во всех этих пьесах, кроме «Падения острова Блютенбайль», автор широко использует сказки разных народов: русские, бурятские, китайские, французские. Но Маляревский далек от простой инсценировки, от простой драматизации сказочного сюжета. Даже в пьесе «Конек-горбунок», в которой он стремится быть как можно ближе к сюжету широко популярной сказки Ершова, драматург добивается более четкой социальной и психологической характеристики героев. Чаще же всего сказка служит для драматурга лишь отправным моментом, толчком к созданию совершенно нового произведения. Так, образ «большой-пребольшой репки», ко-

торую можно выдернуть лишь коллективными усилиями, послужил отправной точкой для увлекательной и поучительной пьесы «Репка», а затем, на основе ее, одноименной пьесы «Не твое, не мое, а наше». Но во всех случаях, идет ли он от образов народной сказки или создает свои, автор остается верен народным представлениям о герое. Положительный герой сказок сам по себе — всегда обобщение некоторых жизненных явлений и представлений. Будучи единым в своей сути, положительный герой в различных сказках наделен и различными индивидуальными чертами, выражает различные стороны действительности. И драматург, создающий пьесу на фольклорной основе, не может уйти от основного принципа типизации, свойственного литературе. Именно по этому пути изучения, анализа и синтезирования идет Маляревский, сплавляя в образах своих героев многие черты, присущие героям многих сказок. В результате то представление об идеале, которое народ выразил в образах многих произведений, как бы распределив между ними черты идеального героя, в пьесах писателя получает целостное выражение. Герой, созданный народом, возвращается к нему в действенном, ярком изображении, и в этом состоит одно из значений драматургической обработки сказочных мотивов.

Лучшие пьесы Маляревского для детей «Счастье», «Чудесный клад», «Меч Китая» написаны по мотивам бурятских и китайских сказок. При этом автору удалось передать национальный колорит, создать подлинно национальные характеры: Аламжи, Иван, Вэн и Чжан — народные герои. Все они наделены большой физической и нравственной силой, честны, смелы, благородны. Каждый из них в борьбе за счастье своего народа совершает подвиги. В них много общего, и в то же время они резко отличаются друг от друга, ибо каждый из них несет на себе печать своей национальности, выражающейся и в складе мышления, и в манере говорить, и в самом характере подвигов, которые они совершают. И фантастика в этих пьесах выдержана в соответствии с национальными особенностями: символика, древние таинственные письмена, драконы — у китайцев; стрела, выполняющая волю хозяина и возвращающаяся к нему, знание семидесяти звериных языков — у бурят, Кащей бессмертный, скатерть-самобранка — у русских. Все эти черты сделали пьесы Маляревского заметным явлением в советской драматургии для детей и юношества.

Лучшие качества драматургии Маляревского нашли свое выражение и в пьесах, написанных не для детского театра: «Костер» (1947), «Канун грозы» (1949), «Крутые перекаты» (1956), «Поэма о хлебе» (1957), «Камень-птица» (1958). Наиболее значительна из них пьеса «Канун грозы», в которой автор воспроизвел Ленские события 1912 г., создал яркие, емкие образы как представителей рабочего класса, так и капиталистов; сумел показать мощь народа — подлинного хозяина жизни, передать размах и непримиримость борьбы, близость революционного переворота. Постановка ее явилась крупным успехом Иркутского драматического театра и была отмечена Государственной премией.

Остальные пьесы, весьма различные по жанровой природе, посвящены изображению современности. Не все в них равноценно, но есть в них одно общее и важное качество — наличие героя, который вырисовывается прежде всего как человек труда, страстно влюбленный в свое дело.

Две последние пьесы «Поэма о хлебе» и «Камень-птица» объединены стремлением драматурга показать пространственную и временную связь жизненных процес-

сов, происходящих в разных уголках земли, особенно обострившуюся в наше время; показать нетленность человеческих деяний, направленных на благо людей, бессмертие человека. Это задание потребовало новых форм воплощения, и обе пьесы, жанр которых определен как «романтическое представление» («Поэма о хлебе») и «приключенческо-фантастическая пьеса» («Камень-птица»), наглядно показывают искания автора в этой области. Обе пьесы представляют значительный интерес как свидетельство постоянных поисков драматурга.

К числу крупных не драматических произведений П. Г. Маляревского относятся повесть «Здравствуй, жизнь!» (1953), интересно рассказывающая о стремлениях, исканиях, заблуждениях и победах молодых медиков, и театроведческая работа «Очерк из истории театральной культуры Сибири» (1957) — результат многолетнего труда, изучения и обобщения столетней истории развития иркутского театра. В год смерти писателя вышла в свет его повесть для детей «Тринадцатое лето».

В целом писательский облик Маляревского вырисовывается как облик беспокойного, постоянно ищущего свой путь в искусстве человека, самобытного писателя с ярко выраженными пристрастиями, как облик человека громадного трудолюбия, большой эрудиции, ясного понимания писательского долга, высокой писательской культуры.

Маляревский скончался 4 марта 1961 г. в Москве.

В. Найдаков

СОЧИНЕНИЯ

Счастье. М.; Л.: Искусство, 1940; Падение острова Блютенбайль: Пьеса. В 5-ти д. М., 1944; Костер: Сб. пьес. Иркутск: Обл. изд-во, 1947; Канун грозы: Пьеса. В 4-х д. Иркутск: Облиздат, 1950; То же. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1972. Вложена с др. кн. в коробку под общ. загл.: Пьесы иркут. драматургов; Не твое, не мое, а наше: Рус. сказка. Иркутск: Облиздат, 1950; То же. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1980; Сказка: Пьеса. В 3-х д., 5-ти карт. Иркутск: Обл. изд-во, 1952; Чудесный клад: Пьесы. Новосибирск: Обл. изд-во, 1952; Камень-птица: Приключ. фантаст. пьеса. В 3-х д. М.: ВУОАП, 1959; Пьесы: Канун грозы; Костер; Крутые перекаты; Камень-птица. М.: Сов. писатель, 1965; Не твое, не мое, а наше: Сказки. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966; То же. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1980. Здравствуй, жизнь!: Повесть. Иркутск: Обл. изд-во, 1953; Тринадцатое лето: Повесть. М.: Детгиз, 1962; Очерк из истории театральной культуры Сибири. Иркутск: Кн. изд-во, 1957; Чудесный клад: Пьесы. Иркутск, 1986.

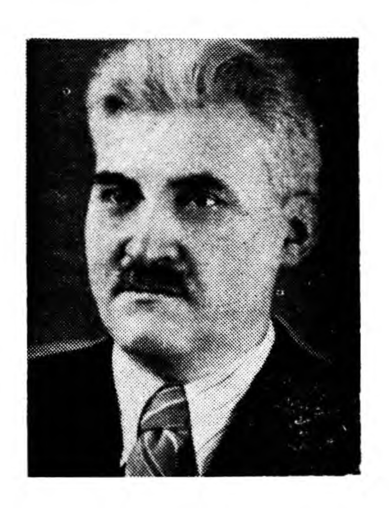
ЛИТЕРАТУРА

Катаев В. О драматургии для детей. — Нов. мир, 1952, № 6, с. 217; Преображенский С. О драматургии П. Маляревского. — В кн.: Выдающиеся произведения литературы 1951 г. М., 1952, с. 574—590; Флорова Н. Сила народа. — В кн.: Писатели советской Сибири. Иркутск, 1954, вып. 2, с. 44—70; Рясенцев Б. В. поисках «Чудесного клада». — В кн.: Писатели-сибиряки. Новосибирск, 1959, вып. 2, с. 69—100, 295—296. То же. — В кн.: Рясенцев Б. Любите ли вы. Новосибирск, 1969, с. 281—302; Закшевер И. Б. Три пьесы П. Г. Маляревского: [«Доржи Банзаров», «Счастье» и «Кот в сапогах»]. В кн.: Русская литература XX века. М., 1964, с. 390—414; Флорова Н. Человек-костер. — Ангара, 1964, № 1, с. 127—128; Срывцев А. Н. Свидание: (Повесть-эссе о П. Маляревском). Кемерово: Кн. изд-во, 1967. Яновский Н. Н. Маляревский П. Г. — Крат. лит. энциклопедия, 1967, т. 4, с. 558; Гимпель С. Доржи Банзаров в первой исторической драме Сибири: [О драме «Доржи Банзаров»]. — Байкал, 1972, № 3, с. 135—139; Марков Г. Горизонты жизни и труда писателя. М., 1978, с. 482—486; Корнилов Ю. Театральная совесть Иркутска — В кн.: Поэты и писатели — воспитанники Иркутского университета. Иркутск, 1979, с. 37—40; О пьесе «Канун грозы»: Марков Г. Пьеса о героизме ленских рабочих. Собр. соч. М., 1974, т. 5, с. 350—354; О кн.: «Здравствуй, жизнь!»; Слонимский М. Проза в альманахе «Новая Сибирь». — Знамя, 1953, № 7, с. 182—183; Трифонова Т. Движение жизни и неподвижная повесть. — Нов. мир, 1953, № 10, с. 251—257; О кн.: «Из истории театральной культуры Сибири»: Абрамович А. Исследование о столетней жизни иркутского театра — Сиб. огни, 1958, № 3, с. 186—188; Клинчин А., Ходоровская Л. Вдалеке от столицы. — Театр, 1959, № 7, с. 135—136.

БИБЛИОГРАФИЯ

Найдаков В. П. Г. Маляревский. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 149—155; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 158—161; То же. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 108—109; Русская литература Сибири: Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 243—247.

Н. В. ВОЛКОВ (р. 1904)

Николай Валерианович Волков родился 5 мая 1904 г. в канун первой русской революции. Мальчишкой встретил Великий Октябрь, был свидетелем гражданской войны, участвовал в войне Отечественной, в хозяйственном строительстве.

Отец писателя, Валериан Тихонович, студентом Петровской земледельческой академии входил в Московский чернопередельческий кружок. За участие в антиправительственной демонстрации в 1884 г. он был арестован. Ему запретили жить в столице и крупных городах. В 1898 г. он переехал в Красноярск, но остался верен своим убеждениям и в Сибири.

Николай Валерианович рос в атмосфере критического отношения к царским порядкам. Образы революционеров в его восприятии были окружены романтическим ореолом.

Свой трудовой путь Волков начал в 1922 г. в губфинотделе, одновременно повышая свое профессиональное образование в Земельном политехникуме, на высших курсах финансово-экономических наук. С 1929 г. работает в системе торговли. Почти два десятилетия труда в этой области (преимущественно в Красноярске) дали ему материал для литературной работы.

В 1950 г. в альманахе «Енисей» увидел свет его первый роман «Наше родное», посвященный труженикам торговли. Писатель открыл читателю новый жизненный пласт, дотоле слабо освещенный в нашей литературе.

В центре повествования судьба Лены Байковой и Андрея Чернова. Война обрушивает на их плечи тяжелейшие испытания. Уходит на фронт Андрей, самоотверженно трудится Лена в тылу. Нравственная стойкость и принципиальность героев помогают им победить и в схватке с врагом, и в разоблачении всякого рода воров и проходимцев в торговле. Помогают преодолеть препятствия на пути к личному счастью.

Роман «Наше родное» принес автору известность. За короткое время он выдержал 8 изданий. Он был переведен в Чехословакии и Румынии, ГДР и Венгрии, Болгарии и Китае.

Второй роман «Не дрогнет рука» (1957) посвящен работе милиции. В нем есть все аксессуары детективного жанра: и загадочные преступления, и напряженная работа ума в расследовании почти безнадежных дел, и опасные единоборства с преступниками. Однако главное внимание сосредоточено на характерах действующих лиц. В образе главного героя Дмитрия Карачарова привлекает смелость, преданность своему долгу, готовность прийти на помощь. В Гале воплотилась

женственность и доброта. Низость, лицемерие, жестокость — в основе поступков Литвинова. Немало страниц уделено борьбе против попыток преступников вовлечь в свои ряды молодежь.

Много лет отдал Волков работе над историко-революционной темой. Роман «Заре навстречу» (1954) переносит нас в один из наиболее драматичных моментов нашей истории — годы гражданской войны в Сибири. В сюжете легко угадываются реальные события становления советской власти в Красноярске. Автор показывает целую галерею большевиков, собирающих силы народные для борьбы с разгулом белого террора в городе Каменске. Силен, коварен и многолик стан врага. В смертельную борьбу с ним вступают большевики города, бойцы и партизаны. И закаленные ветераны (Степан Сомов), и романтически настроенные юноши вроде Алешки Огнева берутся за оружие. Изображая эту насыщенную борьбой страницу истории, автор не избежал перегруженности произведения событиями и персонажами, что повлекло за собой известную поверхность в обрисовке характеров и ситуаций.

События тех же лет лежат и в основе повести для детей «Алешка» (1972). Жажда подвига руководит героем повести, мужающим среди рядовых героев революции. В самоотверженности, массовом героизме, величии духа борцов — пафос произведений Волкова о гражданской войне. Они дополняют грозную и величественную картину утра Республики Советов.

Высокое чувство долга, постоянная готовность к подвигу, самопожертвованию во имя революции и ее завоеваний определяют поступки героев Волкова.

Г. Ермолина

СОЧИНЕНИЯ

Наше родное: Роман. Красноярск: Крайиздат, 1951; Заре навстречу: Роман. Красноярск: Кн. изд-во, 1955; Не дрогнет рука: Роман. Красноярск: Кн. изд-во, 1958; День будет ясным: Роман. Красноярск: Кн. изд-во, 1968; То же. Красноярск: Кн. изд-во, 1976.

ЛИТЕРАТУРА

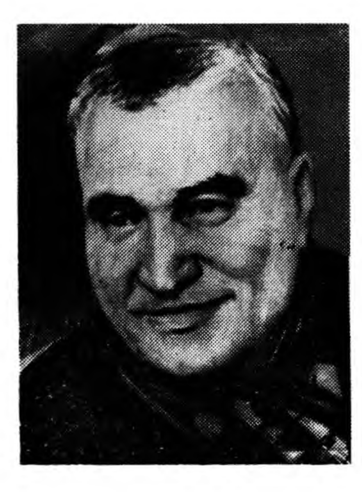
Галунов А. Новая тема: [О романе «Наше родное»]. — Сиб. огни, 1952, № 5, с. 182—183; Емельянова Н. Заметки о писателях в Красноярском крае. — Нов. мир, 1953, № 2, с. 233—239; Голубов С. По поводу романа Н. Волкова «Заре навстречу».— Нов. мир, 1955, № 9, с. 267—270; Абрамович А. Красноярский альманах. — Сиб. огни, 1956, № 3, с. 166—173; Беляев Б. «Заре навстречу». — В кн.: Беляев Б. Отображая жизнь. Красноярск, 1958, с. 32—43, 81—89; Лесневский С. На берегах Енисея. — Вопр. лит., 1958, № 9, с. 218; Мамин Н. Добрые пожелания: К 60-летию со дня рожд. Краснояр. рабочий, 1964, 25 июня; Ермолин Г. Н. В. Волков. — Енисей, 1979, № 2, с. 33—37.

БИБЛИОГРАФИЯ

Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 77; То же. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 52; Русская литература Сибири: Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 69—71.

И. С. ЛУГОВСКОЙ (1904—1982)

Иннокентий Луговской — один из старейших поэтов Сибири. Стихи его — своеобразный поэтический дневник того поколения, чья молодость совпала с молодостью страны, кто рос и мужал вместе со страной, дрался с контрреволюцией в годы гражданской войны, кто был в числе первых комсомольцев на селе, ставил вечерами спектакли в нардоме, а глухой ночью, за околицей, ложился «в секрет, охраняя... спокойствие граждан и ячейки незыблемый авторитет» от кулацких обрезов и бандитских пуль. В одном из своих стихотворений — «Незабываемое», — посвященном старым комсомольцам Забайкалья, поэт довольно точно запечатлел эти вехи своей биографии, столь типичные для людей его поколения.

Он рисует картины незабываемого прошлого: тут и степные курганы Монголии, «где гоняли, как волка, барона фон Унгерна, где по-волчьему зло огрызался барон». Здесь есть и «деревенский нардом, который ругали старухи, но любила, как может любить, молодежь».

Было время!
Раздвинув занавес куцый,
Мы на сцене кричали, стреляли в упор:
То бессменная пьеса «В волнах революции»
Шла под смех и хлопки, шла под слезы и спор.

Луговской сформировался как поэт и человек в это действительно необычное время, полное наивно простодушной романтики, молодого задора и безудержной удали, время, до предела насыщенное трагическими и суровыми событиями.

И еще не забыть мне закат у Онона,
Не забыть мне, пока я живу,
Как лихой военком молодежного ЧОНа
Уронил темно-русый свой чуб на траву.

Личная судьба поэта складывалась таким образом, что она вбирала в себя наиболее характерные особенности времени и эпохи.

Луговской родился 31 декабря 1904 г. в с. Турга Оловяннинского района Читинской области. Сын забайкальского казака-бедняка, он пятнадцатилетним пареньком пережил трагическую гибель отца — первого председателя совдепа в родном селе, расстрелянного в 1919 г. семеновцами. Подростком, стремясь отомстить за его смерть, Луговской вместе с братом ушел в сопки, к партизанам. В 1920 г. окончил Борзинское высшее начальное училище, в 1925 г. — тургинскую девятилетку.

После окончания гражданской войны, оставшись без семьи (к этому времени умерла мать, погиб в одном из сражений брат), он пошел батрачить. Будущему поэту пришлось работать у русских кулаков и бурятских лам. В 1923 г. Луговской становится комсомольцем. С этого периода открывается новая полоса в его жизни — годы учебы и журналистской работы. Луговской активно сотрудничает в губернских газетах Читы «Забайкальский крестьянин» и «Забайкальский рабочий», из номера в номер появляются его корреспонденции, стихотворные фельетоны и лирические стихи. Как и его земляк Седых, он становится одним из популярных поэтов Забайкалья.

Вскоре одаренный юноша был направлен на учебу в Москву в институт журналистики. После учебы — служба в Красной Армии на востоке страны (1928—1930), участие в боях с белокитайцами во время конфликта на КВЖД. В 1931 г. переезжает из Читы на постоянное жительство в Иркутск.

В 30-е гг. Луговской принимает активное участие в работе выездных редакций газет Дальнего Востока и Восточной Сибири. Поэт писал агитстихи на сейнере, ловившем сельдь в Японском и Охотском морях, на хлебных полях Дальнего Востока и на золотых приисках Забайкалья, на лесозаготовках Приамурья и на угольных шахтах Черембасса, работал в газетах забайкальских железнодорожников. Всего им было

написано в эти годы до 50 тысяч стихотворных строк, насмешливых и колючих, призывных и бодрых.

Во время Великой Отечественной войны он писал стихи для «Окон ТАСС» Забайкалья и Приамурья, был военным корреспондентом забайкальских газет. За свой труд в военное лихолетье поэт награжден был орденом Красной Звезды и медалями.

Первый сборник стихов Луговского — «Просека» — вышел в Иркутске в 1934 г. За ним последовали многочисленные издания его книг, выходивших в Москве и Новосибирске, Красноярске и Иркутске, в Чите.

Поэт пишет о природе и людях Севера, родной Сибири и Забайкалья, о трактористах и охотниках-звероловах, о степях Монголии и далеких Курилах, о воинах, павших на вершине Хингана, и тех, кто стоял на смерть, утопая по колена в снегу, в декабре 1941 г. под Москвой, о героях-коммунистах времен гражданской войны и первых целинниках, сибирских гидростроителях и сибирских пионерах.

Поэтический образ у Луговского почти всегда емок, точен и живописен. Лучшие произведения отличаются свежестью красок и колорита, непосредственностью поэтического видения мира.

Лирический герой его стихов умеет остро видеть и чувствовать. Он расскажет вам, как «голову откинув горделиво, селезень выносит из залива розовую зорьку на груди», как «две звезды сияют из осоки — это пес мой смотриг на зарю». Только истинный поэт может увидеть, как «на костре июльского заката крылья обжигали журавли» или как «вечер медвежонком чернобурым заглянул в распахнутую дверь». Полоска зари, пробивающаяся между деревьев, напоминает ему «алую бровь глухаря». Он умеет передать в стихах своих, как «сходили с ума от любви глухари» и как хороши «зоревые камыши», как «наливался густой синевой океана уссурийский лесной виноград», как «кузнечик по траве пилит тонкою пилою» или же, как несет к океану свои воды «холодная, царски-бездушная Лена». Он может подслушать в ночи жалобу на стужу продрогшего филина и уловить во Вселенной шепот звезд, примерзших к небосводу. Многие стихи Луговского отличает разговорно-бытовая интонация и лексика, добродушное лукавство рассказа и рисунка. Орочонская красавица у него меняет «сентиментальный вальс» на винчестер и идет с отцом «травить медведя». Герой другого стихотворения — старый тигролов — переходит на «легкую работу»: вместо тигров начинает охотиться на медведей. В третьем — зверобой-якут, движимый заветной мечтой, летит за тысячи километров в Иркутск на самолете, «чтоб посмотреть... на паровоз».

Элементы просторечья, бытовая разговорная фраза, прямая речь, вопросительно-восклицательные интонации и обращения придают стихам поэта особую интимность и лирическую окрашенность, непосредственность задушевной беседы. Вот обычные для стиля Луговского выражения: «Начнем потихоньку?», «Угадайте-ка что?», «А как же, родимая, как же?», «Вот так она, жизнь-то», «Да вот незадача», «Хватить лиха», «Ни пуха тебе, ни пера».

Умело использовал Луговской образы и мотивы устного народного творчества. Непосредственность чувства, звукопись, обилие внутренних рифм, многообразие ритмов, выразительность образного строя речи, живописная свежесть красок отличают зрелые произведения Луговского, поэта самобытного и оригинального, неутомимого певца родных сибирских просторов, поэтического летописца славных дел земляков своих.

Широко известен Луговской и как переводчик бурятских и мон-

гольских поэтов и писателей, в частности ему принадлежит перевод романа Жамсо Тумунова «Золотой дождь».

Умер Луговской 20 июля 1982 г. в Иркутске.

В. Трушкин

СОЧИНЕНИЯ

Избранные стихи. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1965; Россыпи: Стихи. Иркутск: Облиздат, 1937; Из полевой сумки. Иркутск: Облиздат, 1942; На родных берегах: Стихи. Иркутск: Облиздат, 1949; Край любимый: Стихи. Иркутск: Облиздат, 1951; Весна идет!: Стихи. Новосибирск: Облиздат, 1952; Едем в поле. Иркутск: Облгиз, 1952; Кто разбил лед: Стихи. М.: Детгиз, 1956; Утро Ангары: Стихи. Иркутск: Кн. изд-во, 1956; Незабываемое: Стихи. Чита: Кн. изд-во, 1958; Сибирские стихи. М.: Сов. писатель, 1959; Хвойный ветер: Стихи. Иркутск: Кн. изд-во, 1960; Шагаю по нашему краю. Новосибирск: Кн. изд-во, 1960; Полдень: Стихи. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1964; Тайга зовет: Стихи. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1971; Эхо: Стихи разных лет. Иркутск, 1981.

ЛИТЕРАТУРА

Седых К. Стихи и хлеб. — Буд. Сибирь, 1933, № 6, с. 28—33; Никонов В. Молодые поэты Сибири. — Лит. учеба, 1935, № 10, с. 163—175; Фаворин В. О языке сибирских поэтов. — Нов. Сибирь, 1935, № 1, с. 78—117; Абрамович А. Заметки о произведениях военных лет писателей Иркутска. — Нов. Сибирь, 1947, кн. 18, с. 292—336; Яновский Н. Стихи Инн. Луговского. — Сиб. огни, 1952, № 4, с. 165—168; Пелымская О. Инн. Луговского. — Сиб. огни, 1952, кн. 12, с. 283—285; Боннер А. О детских стихах иркутских поэтов. — Нов. Сибирь, 1954, кн. 31, с. 310—322; Светлов М. Незнакомый друг. — Лит. газ., 1954, 5 авг.; Сеньков И. Путь к зрелости. — Сиб. огни, 1956, № 5, с. 176—182; Никульков А. О правде большой и маленькой. — Сиб. огни, 1959, № 6, с. 168—179; Трушкин В. Поэзия Инн. Луговского. — В кн.: Трушкин В. Литературные портреты. Иркутск, 1961, с. 76—90; Лисовский К. Один из лучших запевал. — Сиб. огни, 1965, № 3, с. 168—172; Яновский Н. Луговской И. С. — Крат. лит. энциклопедия, 1967, т. 4, стб. 438; Жилкина Е. Верность поэзии. — Вост.-Сиб. правда, 1969, 7 дек.; Она же. «Тайга зовет». — Вост.-Сиб. правда, 1972, 12 марта; Дворниченко Н. Е. Их путь начинался в Забайкалье. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973, с. 93—94; Трушкин В. Поэтический мир И. Луговского.— В кн.: Трушкин В. Литертурный Иркутск. Иркутск, 1981, с. 319—335.

БИБЛИОГРАФИЯ

Советские детские писатели. М., 1961, с. 226; Трушкин В. И. С. Луговской. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 146—149; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 153—155; То же. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 103—104; Русские писатели Сибири: Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 229—230.

А. В. ГУРЕВИЧ (1905—1953)

Александр Вениаминович Гуревич родился 7 февраля 1905 г. в селе Горячинск Баргузинского уезда Забайкальской области (ныне Баргузинский район Бурятской АССР) в семье мелкого торговца. Детство свое он провел в селе Баргузин, где и окончил школу второй ступени. С 14 лет мальчику пришлось заниматься репетиторством, так как материальное положение семьи было тяжелым.

В начале 20-х годов в Баргузин прибыла фольклорно-этнографическая экспедиция, члены которой привлекли к работе и школьника Александра Гуревича. «Мои первые школьные фольклорные записи, — писал в автобиографии Гуревич, — одобрили приезжавшие в Баргузин участники этнографической экспедиции. Я решил обязательно пойти учиться, где изучают сказки и песни». Любви к устной народной поэзии во многом способствовала окружавшая его обстановка, где, как он писал, «сказка и песня, легенда и пословица, образное народное слово были повседневным бытовым явлением».

В 1929 г. Гуревич закончил литературное отделение Иркутского государственного университета. В университете, под руководством М. К. Азадовского определились его научные интересы. Целью жизни стало собирание и изучение устной народной поэзии сибиряков. Уже в студенческие

годы начались его самостоятельные фольклорные поездки в различные уголки Сибири. Почти каждое лето приезжал он в Прибайкалье, в села Баргузинской долины, встречался со многими знатоками и носителями устной народной поэзии и записывал тексты самых различных жанров. В студенческие же годы Гуревич, опровергая выводы дореволюционных фольклористов и этнографов, которые утверждали, что в Сибири нет фольклорных материалов о декабристах, собрал в Баргузине несколько преданий, легенд и устных рассказов, проливающих свет на многие стороны жизни «государственных преступников» в отдаленном уголке России. В книге «Историко-литературные опыты», которая вышла в Иркутске в 1930 г. под редакцией М. К. Азадовского, Гуревич опубликовал «Баргузинские легенды и рассказы о декабристах», а позднее систематизировал все собранные им материалы, прокомментировал их и издал сборник «Устные рассказы и легенды о декабристах» (Иркутск, 1937).

В 30-е гг. фольклористы особое внимание уделяли советскому фольклору. Во многом это объяснялось обращением А. М. Горького к участникам революционных событий и гражданской войны выступить со своими воспоминаниями. Он предлагал издать книгу воспоминаний героев гражданской войны. В Сибири обращение Горького нашло горячий отклик: в Иркутске была создана краевая комиссия, которая руководила работой по сбору фольклора. Гуревич с присущей ему энергией включился в эту работу. Он записывал устные рассказы и воспоминания от участников гражданской войны на заводах и фабриках Иркутска, Усолья, Читы, Улан-Удэ, Канска, встречался с ветеранами труда и революционной борьбы, организовывал фольклорные экспедиции, выступал с докладами. На страницах газет «Восточно-Сибирская правда», «Восточно-Сибирский комсомолец», журналов «Культурный фронт», «Советские ребята», «Новая Сибирь» звучал его призыв изучать героику гражданской войны и печатались фольклорные тексты.

С января 1933 г. Гуревич возглавил фольклорную секцию Общества изучения Восточно-Сибирского края. В 1936 г. Гуревич опубликовал статью «Как записывать и обрабатывать устные рассказы». Он предложил свои рекомендации, основанные на личном опыте собирания прозаических жанров. Он подчеркивал, что без литературного вмешательства фольклориста текст «значительно ярче, красочнее, чем он вышел из-под пера и ножниц собирателей...» Сам Гуревич владел техникой стенографии, скорописи, записывал тексты «на слух» и не вносил в записи никаких поправок.

До Гуревича устной поэзией, отражающей события Ленского расстрела, никто не занимался. В 1937 г. в «Известиях Иркутского государственного научного музея» появилась его статья «Фольклор ленских рабочих — в программу работ фольклористов».

Инициативу Гуревича поддержали многие фольклористы и писатели страны. Академик Ю. М. Со-

колов в вузовском учебнике «Русский фольклор» (М., 1941, с. 452) писал: «А. В. Гуревич совершенно прав, когда приглашает заняться розысками песен и рассказов о ленской трагедии 1912 г. не только восточно-сибирских фольклористов, но и фольклористов всего СССР, так как рабочие ленских приисков были из разных губерний старой России и после расстрела многие уехали к себе на родину».

Фольклористы-сибиряки записали уникальные тексты народной поэзии о ленских событиях. Лучшие образцы Гуревич включил в свою книгу «Песни и устные рассказы рабочих старой Сибири» (Иркутск, 1940). Собиранию и изучению рабочего фольклора Сибири Гуревич придавал большое значение.

Неутомимый инициатор и организатор широкого фронта собирательской работы, Гуревич был и активным пропагандистом фольклора. В 1938 г. он издал в Иркутске сборник «Фольклор Восточной Сибири» — первый советский сборник, емко представляющий устную народную поэзию сибиряков. В книгу вошло 450 текстов почти всех жанров народного творчества русского, якутского и эвенкийского населения. Составитель представил материалы, записанные 64 собирателями более чем от 70 сказителей и певцов.

Говоря о богатстве фольклорного репертуара сибиряков, Гуревич во вступительной статье поставил ряд актуальных вопросов о необходимости исследования многих сибирских тем, которых еще не касалось перо фольклориста.

Много нового в советскую фольклористику внес Гуревич, опубликовав в 1935 г. в соавторстве с Ф. А. Кудрявцевым статьи о народной поэзии сибирских партизан времен гражданской войны. Впервые в научный оборот были введены фольклорные тексты, ранее неизвестные науке. Статьи «Из песен сибирских партизан» и «Поэт красных партизан» (Новая Сибирь, 1935, № 1, 9) показали, что в Сибири бытует огромный пласт песенного партизанского фольклора, который примечателен богатством художественно-выразительных средств.

Большой интерес представляет также первый том «Старого фольклора Прибайкалья», составленный в соавторстве с Л. Е. Элиасовым (Улан-Удэ, 1939). В нем опубликовано 1976 текстов, записанных в селах, расположенных вокруг Байкала,— предания, сказки, песни, пословицы, поговорки, частушки, детский фольклор. Второй том, представленный устной народной поэзией советского периода, остался в рукописи.

Благодаря усилиям и интенсивной работе Гуревича сибирская фольклористика обогатилась содержательными фольклорными сборниками, которые познакомили читателей со многими жанрами народной поэзии, бытующими на территории Восточной Сибири.

Появление в печати каждого нового фольклорного сборника расширяло рамки территориального и жанрового изучения народной поэзии, раскрывало богатство духовной жизни народа и опровергало утверждение дореволюционных ученых, что в Сибири народ не любит петь, рассказывать сказки, предания и легенды.

Гуревичу удалось «открыть» немало талантливых певцов и сказителей, прекрасных знатоков фольклора, с которыми он работал на протяжении многих лет: П. А. Петренко, П. Е. Кибирева, М. И. Мурашева, Г. П. Просолова и многих других. Гуревич записывал фольклорный материал от сказителей по нескольку раз, чтобы исчерпать полностью репертуар каждого. Так, например, он много лет работал со сказителем Тункинской долины (Бурятия) Е. И. Сороковиковым-Магаем, который был открыт М. К. Азадов-

ским в 1925 г. Современники утверждали, что только записи сказок Магая могли бы составить несколько томов. Часть сказок Магая, записанных Гуревичем, увидела свет в сборниках «Русские сказки Восточной Сибири» (Иркутск, 1938) и «Избранные сказки» (Улан-Удэ, 1948).

Гуревич записал сотни биографий сказителей и певцов. Работу со сказителями, наблюдение и изучение их творческой манеры собиратель не прекращал и в годы Великой Отечественной войны. Особенно много записал Гуревич от известной сибирской сказительницы Е. И. Чичаевой. Ее сказы в годы войны многократно публиковались и были хорошо известны в тылу и на фронте. Несколько изданий выдержал сказ-плач о Зое Космодемьянской «Не забыть нам веки-навеки». Гуревич побывал на месте гибели Зои и записал рассказы очевидцев о подвиге комсомолки. Предисловие к сказу-плачу написала Л. Т. Космодемьянская. Записанные от Е. И. Чичаевой тексты составили сборник «Сказы и сказки», который вышел в Красноярске в 1954 г.

Перу Гуревича принадлежит более 150 работ, большинство из которых отражает характер и содержание русского фольклора Сибири и доказательно говорит о глубоких корнях и прочности устно-поэтической традиции.

Ученик и последователь Гуревича Л. Е. Элиасов отмечал, что его учитель был одним из тех фольклористов, которые обратили внимание на ценность текстов бурятского и эвенкийского фольклора, бытовавших у этих народов на русском языке. Гуревичем собрано несколько сотен текстов европейского фольклора: в районах Баргузинской долины проживали семьи из Европы, у них бытовал богатый и разножанровый фольклор.

Гуревича отличала необычная работоспособность, энергия. Своими идеями и замыслами он увлекал фольклористов, умел зажечь их, возбудить страсть к работе у своих учеников — студентов Иркутского университета, где работал до 1943 г.

В апреле 1943 г. Гуревич был призван в армию, последние месяцы войны служил в Германии. После демобилизации поселился в Красноярске, читал лекции в пединституте.

Почти 30 лет Гуревич собирал и изучал фольклор Сибири, но опубликовать успел лишь незначительную часть своего богатого собрания.

Научный диапазон Гуревича был обширен. Интерес представляют его работы в области изучения русской классической литературы и литературы Сибири. В последние годы жизни он обратился к исследованию связей творчества Пушкина с мотивами сибирского фольклора и написал книгу «Пушкин и Сибирь», изданную в Красноярске в 1951 г.

Гуревич скончался в Красноярске 7 октября 1953 г.

И. Ярневский

СОЧИНЕНИЯ

Восточная Сибирь в ранней художественной прозе: Сб./Сост., авт. предисл. и примеч. А. Гуревич. Иркутск: Обл. изд-во, 1938; Фольклор Восточной Сибири/Сост. А. Гуревич. Иркутск: Огиз, 1938; Русские сказки Восточной Сибири/Сост. А. Гуревич. Иркутск: Огиз, 1939; Старый фольклор Прибайкалья/В соавт. с. Л. Е. Элиасовым; Вступ. ст. и примеч. А. В. Гуревича. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1939; Песни и устные рассказы рабочих старой Сибири/Сост А. Гуревич. Иркутск: Огиз, 1940; Чичаева Е. И. Не забыть нам веки-навеки/Предисл. Л. Т. Космодемьянской; Записал и подгот. к печати А. Гуревич. Красноярск, 1944; Пушкин и Сибирь: Лит.-краевед. статьи и очерки. Красноярск: Крайиздат, 1952; Чичаева Е. Сказы и сказки/Записал и подгот. к печати А. Гуревич. Красноярск: Кн. изд-во, 1954.

ЛИТЕРАТУРА

О кн. «Фольклор Восточной Сибири: Викторов Б. — Кн. новости, 1938, № 17—18, с. 25; Жеребцов Б. — Кн. новости, 1938, № 14, с. 20 Чичеров В. — Лит. обозр., 1938, № 22, с. 35—38; Кравченко И. Критика и фольклор. — Резец, 1939, № 21—22,

с. 28—29; Гофман Э. [О кн.: «Русские сказки Восточной Сибири»]. — Лит. обозр., 1940, № 5, с. 26—27; Копержинский К. А. Восточно-Сибирская фольклористика. — Сиб. огни, 1940, № 4—5, с. 172—181; Николаев Л. Отражение Ленских событий в народном творчестве: [О кн.: «Песни и устные рассказы рабочих старой Сибири»]. — Кн. и пролетар. революция, 1940, № 12, с. 46—48; Ольхон А. Устное народное творчество и его подделки: [О кн.: «Старый фольклор Прибайкалья»]. Нов. Сибирь, 1949, кн. 22, с. 251—257; О кн. «Пушкин и Сибирь»: Новиков И. Сибирь в жизни и творчестве Пушкина.— Сиб. огни, 1952, № 5, с. 167—171; Доможаков Н. Хорошая книга. — Енисей, 1953, кн. 11, с. 197—200; Элиасов Л. Е. Собиратель и исследователь народной поэзии Сибири А. В. Гуревич. — Зап./Бурят.-Монг. НИИ культуры, 1956, т. 21, с. 183—193; Сонькина Р. А. А. В. Гуревич: (Из истории сиб. фольклористики и краеведения). — Уч. зап./Краснояр. пед. ин-т, 1959, т. 13, вып. 3, с. 261—268.

БИБЛИОГРАФИЯ

Русский фольклор: Библиогр. указ. 1945—1956. Л., 1961. См. имен. указ.; Русский фольклор: Библиогр. указ. 1917—1944, 1945—1959. Л., 1959, 1961. — См. именн. указ.; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 89—90; Русская литература Сибири: Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 87.

«БУДУЩАЯ СИБИРЬ» (1931—1935)

Литературно - художественный краеведческий журнал издавался в Иркутске.

Во главе «Будущей Сибири» стоял опытный организатор, один из основателей «Сибирских огней» М. М. Басов. Секретарем редакции был Илья Чернев. В редколлегию журнала входили литераторы, партийные и советские работники: М. Гоберник, И. Хайт, И. Искра, С. Ширабон, проф. Т. Староверов, проф. Н. Козьмин, М. Миронов.

Создание своего периодического печатного органа было значительным культурным и общественно-политическим событием для всей Восточной Сибири, так как журнал объединял литературные и культурные силы не только Иркутска, но и таких крупных сибирских городов, как Чита, Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ), Красноярск.

«Будущая Сибирь, — писала редакция, — ставит своей целью организовать читателя — рабочего, колхозника, советского работника — на включение в дело стройки социалистической Сибири». Журнал «будет, — говорилось там, — мобилизовывать массы на борьбу за превращение отсталой окраины Советского Союза в одну из передовых индустриальных баз социализма».

В программной статье, открывающей первый номер нового журнала, рисовались широкие перспективы социалистического преобразования обширного края. «Восточно-Сибирский край, — подчеркивали авторы статьи, — край новый. Каждый день нашей работы изменяет его лицо. Каждое новое предприятие, новый колхоз заставляют нас работать по-новому. Каждая экспедиция открывает перед нами новые производительные силы, новые богатства». Бывшая страна каторги и ссылки день ото дня все более и более преображается, вступает «в преддверие своего индустриального развития». Социалистическое строительство, отмечалось там, в корне меняет облик Сибири, иной становится и сибирская деревня.

Ставя первоочередной своей задачей последовательную борьбу за проведение в жизнь генеральной линии партии, журнал стремился широко раскрыть свои страницы для всестороннего освещения современности, сплотить вокруг себя разбросанных по различным уголкам края «талантливых людей, много видевших и переживших». Редколлегия рассчитывала при поддержке трудящихся «создать действительно массовый журнал».

Издание журнала «Будущая Сибирь» горячо поддержал А. М. Горький, который откликнулся на это значительное, с его точки зрения, событие задушев-

ным письмом: «С большой радостью узнал от Вас, — писал он ответственному редактору М. Басову, — что в Иркутске затевается издание журнала «Будущая Сибирь». Это совершенно необходимое и своевременное дело, тем более, что оно несколько запоздало». По словам Горького, «вероятно, нет страны, которая за время Октябрьской революции изучалась бы так мало, как Сибирь, особенно — Восточная».

Письмо Горького было опубликовано в первом номере только что народившегося журнала. Там же на третьей и пятой страницах находилось факсимиле другого, частного, письма писателя к М. Басову, в котором он, между прочим, писал: «Нечего говорить о том, что я искренне сочувствую делу издания журнала и готов, в меру сил моих, поддержать его». В первом же номере редакция напечатала предложенные Горьким его «Рассказы о героях».

«Будущая Сибирь» первоначально выходила тоненькими брошюрками в шестьдесят-семьдесят страниц один раз в два месяца. В 1931 г. было издано две таких книжки. В следующем году вышло шесть номеров в четырех книгах. 1933 г. ознаменовался выпуском уже шести нормальных, не сдвоенных номеров «Будущей Сибири». Показательно, что сравнительно небольшой объем журнала и его листажа объясняется не скудостью редационного портфеля, а главным образом слабой еще материально-технической базой. Вот как, например, характеризовалась в 1933 г. эта сторона дела в специальном отчете, посланном в Москву оргкомитетом Союза писателей Восточной Сибири: «С января 1933 г. литертурно-краеведческий журнал «Будущая Сибирь» был передан оргкомитету. Плановые наметки издания журнала были срезаны, и в результате толстый журнал превратился в тонкий, так как после неоднократных урезок годовой листаж был установлен в 24 листа. Таким образом, журнал выходит только шесть раз в год четырехлистными книжками. Журнал развертывает большую работу по выявлению новых авторов».

В 1933 г., с переходом журнала в ведение оргкомитета, а потом непосредственно Восточно-Сибирского отделения Союза писателей, почти полностью обновился редакционный коллектив «Будущей Сибири». В состав редколлегии вошли наиболее опытные и авторитетные иркутские литераторы: И. Гольдберг, П. Петров, И. Молчанов-Сибирский. И только ответственным редактором по-прежнему остался М. М. Басов.

С 1934 г. журнал стал выходить ежемесячно книгами большого формата. Листаж его был доведен до 10—12 печатных листов на каждый номер.

Журнал «Будущая Сибирь» постепенно объединил на своих страницах лучшие литературные и научно-культурные силы Восточной Сибири. Он открыл дорогу в литературу талантливой молодежи начала 30-х гг. Многие из начинающих тогда авторов выросли в значительных художников слова. Здесь следует прежде всего назвать имена таких поэтов и прозаиков, как К. Седых, И. Луговской, И. Рождественский, М. Оша-

ров, Н. Устинович. Более того, уже и сравнительно опытные литераторы, начавшие печататься задолго до возникновения «Будущей Сибири», обрели в ней свою новую писательскую трибуну. Вместе с литературной молодежью сибирские писатели среднего и старшего поколения заботливо растили и холили свой новый журнал. Много сил творческой и чисто организационной работе в журнале отдали И. Молчанов-Сибирский, И. Гольдберг, П. Петров.

Исключительно плодотворный и многообразный характер носила журнальная деятельность старейшего сибирского писателя Гольдберга. На страницах «Будущей Сибири» он выступал и со статьями о художественном мастерстве, и советами начинающим писателям, воспоминаниями и очерками, рассказами и повестями. Здесь были опубликованы его повесть «Гармонист», рассказы «Хлеб насущный», «Евсейкина песня», «Когда выбывает боец» и несколько произведений из его известного цикла «Тунгусские рассказы».

В своих статьях и выступлениях этот своеобразный художник слова стремился осмыслить и обобщить как свой писательский опыт, так и накопившийся к тому времени опыт развития советской литературы, чтобы передать его подрастающей литературной смене. Так появились в «Будущей Сибири» статьи писателя «Биография моих тем», «Учитель и старший товарищ» (к сорокалетию литературной деятельности Максима Горького), «Под знаком творческих сдвигов», «Предсъездовские заметки», «Заметки делегата» (Первый Всесоюзный съезд писателей), «Некоторые предпосылки работы с начинающими писателями», «На отстающем участке».

Столь же широко и многогранно развернулось в журнале творчество другого известного сибирского литератора П. Петрова. В «Будущей Сибири» впервые были опубликованы такие крупные и значительные его произведения, как романы «Шайтан-поле» и «Золото», повести «Рассада» и «Кровь на мостовых», рассказы «Мустафа», «Бригадиры», статья «Беглые заметки».

Активно сотрудничали в журнале прозаики М. Ошаров, И. Чернев, Н. Асанов, С. Метелица, М. Глозус, Н. Устинович. Илья Чернев напечатал в «Будущей Сибири» хорошую повесть из истории гражданской войны на Дальнем Востоке «Дворцы на Кульдуре». За подписью М. Ошарова появилось несколько ярких рассказов из жизни сибирских окраин: «Бобер», «Вызов», «Большой пуд».

Богат и разнообразен был поэтический раздел «Будущей Сибири». Из номера в номер шли в нем стихи И. Молчанова-Сибирского. Печатались здесь И. Уткин («Песня старого рабочего»), В. Непомнящих, А. Балин, Л. Черноморцев, Е. Жилкина, К. Седых, И. Луговской, А. Михалковский, Е. Березницкий, А. Ольхон, С. Рослый, В. Чугунов, В. Оловяннов, П. Маляревский, П. Комаров («Право на песню»), Л. Шелест, М. Скуратов, Д. Хилтухин, И. Рождественский. Большинство из этих авторов позднее выросли в самобытных поэтов. Вошел в большую литературу замечательный певец Дальнего Востока П. Комаров, широкую популярность получили задушевные лирические стихи И. Уткина, зрелостью мастерства отмечены лучшие стихотворения сибирских поэтов иркутянина И. Луговского, красноярцев И. Рождественского и Л. Черноморцева. А нежный и мягкий лирический талант К. Седых неожиданно засверкал всеми красками в его сочной и ароматной прозе. Впрочем, уже в «Будущей Сибири» читатель мог встретиться с первыми, правда, еще робкими опытами его в области художественной прозы. Так, в третьем номере журнала за 1933 г. напечатан один из его ранних рассказов — «Три».

Полнозвучно и ярко раскрылось в последующие годы дарование А. Ольхона, И. Молчанова-Сибирского. По-настоящему оригинальным и сильным обещало быть творчество одаренного поэта Е. Березницкого, погибшего на фронте в первые месяцы Великой Отечественной войны. В годы войны погиб и другой сибирский поэт, сверстник Е. Березницкого, В. Чугунов.

Не раз выступал на страницах журнала А. М. Горький. Кроме «Рассказов о героях» и приветствия редакции «Будущей Сибири» там были напечатаны его «Беседы с молодыми», очерк «Мальчики и девочки», доклад на Первом съезде писателей.

Пристальное внимание уделяла редакция «Будущей Сибири» очерковому жанру и хронике литературной, научной и культурной жизни родного края. В специальных статьях и очерках, фоторепортажах и хроникальных заметках освещались социалистические стройки Сибири, жизнь молодых колхозов, освоение мощных сибирских рек и таежных богатств. Особенно часто журнал обращался к проблемам Ангарстроя. Уже в первом номере журнала был опубликован очерк Ю. Шпехта «Большой Ангарстрой», в котором рисовались широкие перспективы, открывающиеся с покорением могучей сибирской реки. Очерк рассказывал о начавшихся изыскательских работах ангарской экспедиции и возможных проектах по строительству авгарских гидростанций. Эта же тема разрабатывалась и в статье Л. Самойлова «Электрическое солнце социализма». Эпиграфом к своей работе автор взял слова В. И. Ленина: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

Не раз выступал журнал со статьями и очерками о горняках Черембасса, о генеральном плане развития Иркутска (статья Ф. Леонова), об индигирской экспедиции («На далеком севере» М. Кротова), об использовании колоссальных природных богатств озера Байкал («Проблема освоения Байкала» Н. Козьмина). Публицистическая статья, оперативный очерк дополнялись и перемежались в журнале рисунками местных художников, злободневным плакатом, целенаправленной подборкой фотоматериалов, которые давались под рубрикой: «На социалистической стройке».

Не менее широко и полно освещалось и прошлое страны бывшей каторги и ссылки. «Будущая Сибирь» систематически помещала разнообразные материалы и подборки подобного рода. Историко-революционная и историко-литературная темы никогда не сходили со страниц журнала. Здесь публиковались статьи о монгольской революции, о грозовых днях гражданской войны и Великого Октября (Ф. А. Кудрявцев. «Октябрь в Восточной Сибири», А. Окладников. «Церковь в борьбе с пролетарской революцией в Восточной Сибири», воспоминания В. Вегмана о борьбе сибирских рабочих с колчаковщиной). Одним из наиболее активных авторов, выступавших по историко-революционным вопросам, был М. А. Гудошников, талантливый и вдумчивый сибирский историк. В «Будущей Сибири» он опубликовал статью о сибирских областниках, очерк о Ленском расстреле «Так было», исследования о А. П. Щапове, о Федорове-Омулевском, Н. И. Наумове. Здесь можно было встретить его рецензии на сборник М. П. Алексеева «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей», на книгу С. Потапова «Конец пепеляевщины». Как исследователя М. А. Гудошникова отличала широта научных и культурных интересов. Он со знанием дела писал и по историческим вопросам и по вопросам культуры и литературы в Сибири, выступая не только как исследователь, но и как живой участник литературного процесса

с талантливыми ..ритическими статьями и рецензиями. На страницах «Будущей Сибири» он публиковал работы и о литературных интересах К. Маркса, и о творчестве И. Гольдберга, и об «Угрюм-реке» В. Шишкова. О качестве этих работ можно судить хотя бы по такому замечанию В. Шишкова, которое находим в одном из его писем к писателю-иркутянину П. Петрову: «Благодарю Вас за присланный иркутский журнал со статьей проф. Гудошникова об «Угрюм-реке». Статья умная и, главное, написана человеком, имеющим вкус и понимающим, что значит художественное слово. Ни один наш критик не обратил (да, видно, и не умел обратить) внимание на особенности моего стиля. А ведь стиль, то есть уменье и манера рассказывания — в искусстве — все».

Почти в каждом номере журнала можно было найти хронику культурной и литературной жизни. В этих хрониках сообщалось о деятельности писательской организации, выступлениях литераторов перед читателями. Журнал помещал материалы о пребывании К. Е. Ворошилова в Иркутске и посещении им завода им. В. В. Куйбышева, о значительных событиях в общественной и культурной жизни края.

Литературная критика и библиография «Будущей Сибири» была представлена талантливыми учеными и литературоведами. С библиографическими заметками выступали проф. М. К. Азадовский и В. В. Гиппиус. Язык и стиль иркутских писателей тщательно анализировали проф. П. Я. Черных, В. Фаворин. Активное участие в работе журнала принимали иркутские литературоведы, фольклористы, критики.

«Будущая Сибирь» просуществовала четыре года. В 1935 г. журнал был переименован в «Новую Сибирь». Облик журнала и направленность его с изменением названия, по существу, не изменились. Правда, редакционная коллегия пополнилась двумя новыми членами: в нее вошли М. А. Гудошников и П. Г. Маляревский. Периодичность журнала осталась прежней — двенадцать номеров в год. В 1935 г. «Новая Сибирь» опубликовала роман И. Гольдберга о событиях первой русской революции в Сибири «День разгорается». В журнал приходят новые имена. В нем появляются стихи В. Конева и Л. Огневского, рассказы Н. Устиновича, первые публикации Г. Ф. Кунгурова.

Значительно полнее, чем в прежние годы, представлена здесь литература советской Бурятии. Еще в 1932 г. в «Будущей Сибири» появилась статья С. Ширабона «Пути развития бурятской литературы». За прошедшие три-четыре года со времени появления работы С. Ширабона молодая бурятская литература заметно окрепла и возмужала. Это обстоятельство не могло не отразиться и на публикациях в русской периодике, прежде всего в журнале «Новая Сибирь», где было представлено поэтическое творчество бурятских литераторов — стихи Д. Мадасона, Бато-Базарона, Хоца Намсараева, Хилтухина.

Литературно-критический отдел журнала пополнился историческим очерком А. Гуревича и Ф. Кудрявцева о партизанском поэте Реброве-Денисове, статьями А. Шурыгина о романе Алексея Толстого «Петр Первый», очерками и критическими заметками других авторов о творчестве И. Эренбурга, Н. Островского и т. д.

Свое существование журнал прекратил к началу 1936 г. С 1937 г. под тем же названием — «Новая Сибирь» — стал издаваться альманах.

В. Трушкин

ЛИТЕРАТУРА

Горький М. Приветствие «Будущей Сибири». — Будущая Сибирь.

1931, № 1, с. 3—55; Кунгуров Г. Об одном письме А. М. Горького редакции журнала «Будущая Сибирь».— Новая Сибирь, 1940, кн. 6, с. 222—229; Информация о подготовке к выходу первого номера лит.-краевед. журнала в Иркутске. — Вост.-Сиб. правда, 1931, 18 янв., Сообщение о выходе в ближайшее время журнала «Новый край». — Вост.-Сиб. правда, 1931, 24 марта; Информация о сборнике писателей и о выходе первого номера «Будущей Сибири». — Вост.-Сиб. правда, 1931, 19 сент.; Третий номер журнала «Будущая Сибирь»: [Информация о выходе в свет].— Иркутский рабочий, 1932, 8 сент.; Ваулина К. Поговорим о настоящем: [О «Будущей Сибири»]. — Вост.-Сиб. правда, 1933, 29 ноября; Трушкин В. Литературный Иркутск начала 30-х годов. — Ангара, 1962, № 4, с. 119—124, Трушкин В. Литературный Иркутск. Иркутск, 1981.

«НОВАЯ СИБИРЬ» (1936—1957)

Традиции иркутских журналов «Будущая Сибирь» и «Новая Сибирь» были продолжены альманахом «Новая Сибирь». На первых порах во главе альманаха стоял опытный организатор, ответственный редактор «Будущей Сибири» М. М. Басов. С 1937 г. ответственным секретарем стал поэт И. Молчанов-Сибирский. В редколлегию вошли иркутские литераторы: А. Ольхон, Г. Кунгуров, Г. Марков, А. Калинченко, А. Ровинский — от Иркутского издательства. Альманах просуществовал 21 год. За это время на его страницах выступили со своими произведениями около ста авторов, троим из них была присуждена Государственная премия.

В основном издавалось по две книги в год, но бывали годы, когда выходила только одна книга, или три и более; в 1942 г., например, вышло пять книг.

Альманах стремился широко раскрывать свои страницы для всестороннего освещения современности, прошлого и будущего Сибири, отражал важнейшие события жизни нашей страны в мирное время и в грозные годы войны.

«Новая Сибирь» объединила на своих страницах лучшие литературные силы Иркутской области. За два десятилетия своего существования альманах открыл дорогу в литературу многим талантливым молодым писателям. Здесь следует прежде всего назвать имена таких поэтов и прозаиков, как Ф. Таурин, В. Балябин, В. Тычинин, Е. Жилкина, В. Марина, М. Сергеев, А. Преловский, Б. Костюковский. На его страницах полно и ярко раскрылось дарование К. Седых, Г. Маркова, П. Маляревского, Г. Кунгурова, И. Молчанова-Сибирского, И. Луговского, И. Рождественского, А. Ольхона. Много сил организационной работе в альманахе отдавали И. Молчанов-Сибирский, Г. Кунгуров, К. Седых. В 1953 г. М. Слонимский писал об альманахе «Новая Сибирь», как об одном из лучших периодических изданий, выходящих в областных и краевых центрах.

Широко и многогранно развернулось в альманахе творчество

известного сибирского поэта и писателя К. Седых. Здесь впервые были опубликованы главы из его романов «Отчий край» и «Даурия», поэма «Нерчинская каторга», множество стихотворений разных лет и очерки военного времени.

На протяжении всего существования «Новой Сибири» активным сотрудником ее был Г. Марков. С 1938 по 1941 г. в альманахе были напечатаны главы из романа «Строговы», в годы войны — повесть «Солдат пехоты» и несколько рассказов и очерков. На страницах альманаха прозвучала главная тема творчества Г. Маркова — природа и люди, жизнь и ее хозяева, борьба народа за освоение таежных богатств.

Активно сотрудничали в альманахе прозаики А. Александров (А. Шмаков), И. Дворецкий, И. Урманов, В. Марина.

Г. Кунгуров напечатал в «Новой Сибири» роман «Наташа Брускова», посвященный молодежи и ее борьбе за превращение Сибири в передовой край. Здесь появились его интересные исторические повести — «Артамошка Лузин» и «Путешествие в Китай».

Богат и разнообразен поэтический раздел альманаха. Из номера в номер в нем печатались стихи К. Седых, И. Молчанова-Сибирского, И. Луговского, И. Рождественского, Е. Жилкиной, Л. Огневского, И. Урманова, А. Ольхона, А. Гайдая, Ю. Левитанского. Круг вопросов, к которым обращались поэты, очень широк: они пишут о борьбе за мир, о новостройках, о героизме русского народа на войне и в мирное время.

Многие поэты получили свое первое крещение в альманахе: П. Реутский, А. Преловский, М. Сергеев, Л. Хрилев. Эти авторы позднее выросли в самостоятельных и оригинальных поэтов.

Очень плодотворной и многообразной была деятельность поэта И. Молчанова-Сибирского. С 1937 по 1957 г. с небольшими перерывами он был ответственным редактором альманаха и долгое время руководил Иркутской писательской организацией. В «Новой Сибири» были опубликованы его стихотворения и поэмы, которые потом вошли в наиболее крупные сборники поэта, — «Граница на Востоке», «Мои товарищи», «Письмо из тайги», «Зарницы».

В своих статьях и выступлениях И. Молчанов-Сибирский стремился обобщить писательский опыт, в первую очередь Иркутской писательской организации, намечал пути и задачи дальнейшего ее развития (речь писателя на IV облпартконференции, Новая Сибирь, 1940, № 7).

В 30-е гг. И. Молчанов-Сибирский начал большое и благородное дело, получившее впоследствии широкое признание, — организацию детского литературного творчества. В альманахе печатались его статьи о детском творчестве и стихотворения поэта, посвященные детям.

Полнозвучно и ярко раскрылось в эти годы поэтическое дарование А. С. Ольхона. Так, крупнейшей поэтической вещью первого номера альманаха за 1939 г. была его поэма «Далеко в стране сибирской», посвященная судьбам беднейшего сибирского крестьянства в годы борьбы за советскую Сибирь. В «Новой Сибири» были опубликованы его поэмы «Марь», «Большая Ангара», «Люди из бездны», главы из поэмы о Чернышевском, «Резьба на бивне», «Служба погоды» и множество стихотворений, в основном о Сибири и Крайнем Севере.

Среди многообразия жанров одно из первых мест в альманахе занимала драматургия. Здесь печатались пьесы известного иркутского драматурга П. Маляревского: «Костер», «Счастье», «Крутые перекаты», «Канун грозы».

На страницах «Новой Сибири» П. Маляревский показал себя талантливым прозаиком, опубликовав главы из повести «Здравствуй, жизнь!» Как секретарь редакции, член редакционной коллегии

альманаха П. Маляревский выступил с рядом статей, касающихся литературы и театральной жизни Иркутска.

Во время войны с фашистской Германией многие иркутские писатели были призваны в Красную Армию. Они сражались как бойцы — оружием и как писатели — словом. Здесь нельзя не сказать о М. Рыбакове, выступавшем на страницах «Новой Сибири», о Е. Березницком и В. Чугунове, сотрудниках «Будущей Сибири», погибших на фронте. В годы войны состав редакции несколько изменился, но такие опытные иркутские литериторы, как К. Седых, Г. Кунгуров, А. Ольхон, остались в редколлегии.

Большую работу проводит в Красной Армии поэт И. Луговской. Он выступает как поэт, очеркист, фельетонист. В альманахе в эти годы появляются его стихи и песни для Красной Армии.

Молодой в то время поэт А. Гайдай, находившийся в рядах Красной Армии, писал много стихотворений и песен, печатавшихся в альманахе, а потом вошедших в его первый поэтический сборник (Стихи. Чита, 1947).

Писатель Г. Марков выступил на страницах «Новой Сибири» с рядом рассказов, повестей и очерков, в которых во всей полноте показан героический человек, сражающийся с немецкими захватчиками.

Широкому читателю были известны красноармейские песни и стихи И. Молчанова-Сибирского, посвященные боевым делам фронта и героям тыла.

Тема творческого, созидательного труда нашего народа в дни войны разрабатывается в очерках и рассказах Г. Кунгурова, в стихах А. Ольхона и К. Седых, в рассказах Б. Костюковского.

Пристальное внимание уделялось редакцией «Новой Сибири» очерковому жанру и хронике литературной, научной и культурной жизни родного края. В специальных статьях и очерках, фоторепортажах и хроникальных заметках освещались социалистические стройки Сибири, жизнь молодых колхозов, освоение мощных сибирских рек и таежных богатств. Так во втором номере альманаха за 1938 г. были помещены очерки геолога Калинченко «Аквамариновая река», в которых рисовались широкие перспективы, открывающиеся с покорением могучей сибирской реки. Автор рассказывал об изыскательских работах ангарской экспедиции, участником которой он был, о возможных проектах стротельства ангарских гидростанций. И уже в 1947 г. П. Кассин в очерке «Ангара» пишет о реальной пятилетке Ангарстроя, о запланированных великих стройках Восточной Сибири, связанных с проблемой «Большой Ангары». В полную силу тема Ангары зазвучала в «Новой Сибири» в 50-е гг. Это очерки Ф. Таурина «Первая на Ангаре», В. Бояркина «Братская ГЭС», Ю. Полухина «Линия напряжения», «Сквозь тайгу», «Опасный рейс».

На страницы альманаха то и дело врывались шумные голоса живой жизни, голоса беспокойной, охваченной энтузиазмом и пафосом предвоенной пятилетки и послевоенного восстановительного периода.

Журналисты рассказывали о героических буднях Севера, где строились новые дороги, поселки, города (очерк А. Савельева «Букыс Херкан», А. Калинченко «Тропой героя». Не раз альманах выступал со статьями и очерками о людях Сибири (Е. Алакшин. Люди колхозной деревни; В. Марина. Ловцы сибирской форели).

Литературная критика и библиография «Новой Сибири» была представлена статьями и рецензиями ученых, литературоведов, библиографов. Язык и стиль сибирских писателей, их творчество в целом анализировались в наиболее крупных статьях М. Азадовского, А. Абрамовича.

Издание альманаха «Новая Сибирь» прекратилось в 1957 г. на 37-й книге. С 1958 г. Иркутская писательская организация начала издавать альманах «Сибирь».

И. Татур

Новая Сибирь. Лит.-худож. журн. Орган. правл. Вост.-Сиб. отд-ния Союза сов. писателей. Иркутск, 1935, № 1—11; Ранее: Будущая Сибирь, 1931—1934; Далее: Новая Сибирь, альманах, 1936—1957; Новая Сибирь. Лит.-худож. альманах Иркут. отд-ния. Союза сов. писателей СССР. Иркутск, 1936—1957; Далее: Ангара, 1958—1970; Сибирь, 1971 и далее.

ЛИТЕРАТУРА

Маляревский П. Год перестройки: [К 4-х летию журн. «Буд. Сибирь» и переименование его в «Нов. Сибирь»]. — Вост-Сиб. правда, 1935, 2 февр.; Молчанов-Сибирский И. И. О работе журнала «Новая Сибирь». — Нов. Сибирь, 1935, № 2, с. 23—26. — (Прил.); Горн К. Неудачное начало: [О 1-м номере «Нов. Сибири»]. — Лит. учеба, 1936, № 10, [2-й тираж], с. 114—118; Дроздов А. Два альманаха: [О кн. 1 и 2 «Нов. Сибири»]. — Лит. обозрение, 1939, № 2, с. 27—32; Усиевич Е. Иркутский альманах: [Нов. Сибирь, 1938, кн. 1 и 2]. — Лит. критк, 1939, № 5—6, с. 258—261; Сальников Ю. «Новая Сибирь»: [1940, № 6]. — Сиб. огни, 1940, № 4—5, с. 247—249; Данилов Д. «Новая Сибирь»: 1940, № 7. — Сиб. огни, 1941, № 1, с. 169—173, Сибиряков Л. [Нов. Сибирь, 1945, № 6, с. 218—220; Колесникова Г. Неиспользованные возможности: [О «Нов. Сибири», 1945, кн. 16].— Сиб. огни, 1946, № 2, с. 112— 114; Сейфуллина Л. Об альманахе «Новая Сибирь»: [1947, № 18].—Сиб. огни, 1948, № 1, с. 133—134; Константинов Ю. Три альманаха: [О кн. 26—27 альманаха «Нов. Сибирь»]— Звезда, 1953, № 8, с. 170—174; Слонимский М. Проза в альманахе «Новая Сибирь»:]Кн. 26 и 27 1952].— Знамя, 1953, кн. 7, с. 182—184; Немира К., Китайник А. Больше взыскательности. «Нов. Сибирь», кн. 28, 29, 30]. — Сиб. огни, 1954, № 3, с. 169—173; Койранская Г. — Нов. мир, 1955, № 3, с. 260—266; Леваковская Е. Проза в сибирском альманахе:]О кн. 30 и 31]. — Октябрь, 1955, № 4, с. 186—191; Колесникова Г. Летописцы новой Сибири. — Октябрь, 1958, № 2, с. 198—203; Левитина А. Альманах «Новая Сибирь» в 1957 г.: [О 36 и 37 кн.]. — Сиб. огни, 1958, № 8, с. 174—178; Забелин П. В. Война и публицистика: [По страницам альманаха «Нов. Сибирь». 1941—1943]. — В кн.: Журналистика в Сибири, 1967, вып. 1, с. 83—89; Марков Г. Жизньъ Литература. Писатель. М.: Сов. писатель, 1971, с. 208—211; Марков Г. М. Разведчики молодых талантов: [Роль лит.-худож. альманахов в выявлении и воспитании молодых писателей, в частности, роль альм. «Нов. Сибирь», 1953]. — Собр. соч. В 5-ти т. М., 1974, т. 5, с. 110—115.

БИБЛИОГРАФИЯ

Школьник Б. М. Иркутские литературно-художественные альманахи и журналы: (1923—1962). Указ. содерж. — Ангара, 1961, № 4, с. 135—141; 1962, № 4, с. 129—134; 1963, № 4, с. 189—199; Татур И. «Новая Сибирь»: 1936—1957. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 208—212; Русская литература Сибири. Библиогр. указ. Новосибирск, 1976, ч. 1, с. 444—445.

И. М. НАЗАРОВ (1906—1972)

Тридцать пять лет отдал он Енисею, из них тридцать лет — в должности начальника пароходства. Его часто величали «хозаином Енисея».

А родился Иван Михайлович Назаров далеко от Енисея, в небольшом городке Выкса нынешней Горьковской области, в семье железнодорожного машиниста 21 июня 1906 г. Пятнадцати лет, приехав с родителями в Сибирь, начал трудовую жизнь, в двадцать два года стал членом партии. Молодого железнодорожного рабочего избрали председателем Балахтинского райисполкома Красноярского края.

Еще до работы на речном транспорте Назаров, проявив недюжинную деловую смекалку и настойчивость, наладил работу транспорта золотых приисков, разбросанных по всему Енисейскому краю, за что был награжден наркомом тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе мотоциклом «Харлей». Для того времени это был очень ценный и редкий подарок.

С конца 30-х гг. Назаров — начальник Енисейского пароходства.

За успехи в развитии Енисей-

ского речного флота Назаров был награжден орденами В. И. Ленина, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета» и многими медалями. Избирался народным депутатом Красноярского городского, краевого и Верховного Советов.

И никогда он не был «хозяином Енисея». Как справедливо пишет Г. Кублицкий, сыном Енисея — да! Только у старых капитанов бывает такая преданная любовь к реке. И что же удивляться, что Иван Назаров стал писателем, прославляющим Енисей.

Печататься Назаров начал в 1952 г. Им написано много повестей, рассказов, которые выходили отдельными изданиями и в сборниках. Все они о Енисее, его людях, нелегком труде речников. В 1971 г., за год до смерти писателя, в издательстве «Советская Россия» вышел сборник повестей «Были великой реки». В этой книге собрано все самое значительное из написанного Назаровым.

«Мне кажется, что со временем вообще перестанут выдумывать художественные произведения... Писатели будут не сочинять, а только рассказывать то значительное и интересное, что им случалось наблюдать в жизни». Эти слова Л. Толстого предваряют книгу «Были великой реки». Они служат и ключом к пониманию основных особенностей художественных принципов писателя.

Енисей, труд енисейских речников — вот главная тема книг Назарова. Любая «быль» из его книг — это восхищенный рассказ о самоотверженном труде речников всех профессий: капитана и плотника, грузчика и радиста, механика и бакенщика. И как лейтмотив звучат слова старого капитана-наставника Лиханского: «Река — это труд... Сейчас уже радостный, но все же тяжелый, иногда круглосуточный, неустанный, труд многотысячного коллектива. А всякие там горизонты, голубые просторы, это — лирика. Но река — это прежде всего труд!»

И здесь хочется сказать о мастерстве Назарова в изображении труда не только отдельных людей, но и целого коллектива, будь то коллектив баржи, теплохода, каравана или целой морской экспедиции («Плот Мира», ««Мы идем в Ванавару», «Енисейские моряки» и др.).

Книги Назарова согреты большой любовью автора к своим героям, очень человечны по своему настроению. Рисует ли он то, как вся команда теплохода «Чайка» нежно ухаживает за спасенным малышом Васькой, мать которого погибла в водовороте реки, или как игарские парни позаботились о старом моряке с греческого судна «Парнас», или о том, как вся река пришла на помощь, когда случилась беда с детьми шкипера Горячкина.

Весной 1970 г. Назаров сдал бессменную тридцатилетнюю вахту — здоровье подкачало. Но покинув кабинет начальника пароходства, он оставался до последних дней на службе Енисею как умный и талантливый писатель.

Умер Назаров 19 апреля 1972 г.

О. Хонина

СОЧИНЕНИЯ

На Енисее-реке: Очерки. Красноярск: Крайиздат, 1953; Дети шкипера Горячкина: Повесть. Красноярск: Кн. изд-во, 1955; В белой пасти: Повесть. М.: Сов. Россия, 1960; Король карточного острова. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1965; Были великой реки: [Повести, очерки, рассказы] /Послесл. Г. Кублицкого. Красноярск: Кн. изд-во, 1976.

ЛИТЕРАТУРА

Беляев Б. Отображая жизнь. Красноярск, 1958, с. 102—110; Колесникова Г. Летописцы новой Сибири. — Октябрь, 1958, № 2, с. 196—197; Она же. Очеркисты Сибири. — Наш современник, 1958, № 3, с. 274—282; Владимирова М. Больше требовательности.— Енисей, 1961, кн. 2, с. 103—105; Будут новые енисейские были: [О творч. планах писателя]. — Енисей, 1966, № 2, с. 119—121; Николаева М. Образ Енисея-труженика: Заметки о кн. «Были великой реки».— Краснояр. рабочий, 1971, 11 июля; Сартаков С. В. Иван Назаров. — В кн.: Сартаков С. Над чистым листом. М., 1978, с. 403—406; О кн. «На Енисее-реке»: Органова О. Книга о речниках Енисея. — Енисей, 1953, кн. 12, с. 263—268; О кн.: «Дети шкипера Горячкина»: Беляев Б. Заметки о творчестве молодых писателей.— Енисей, 1955, кн. 16, с. 195—196; Пелымская О. Заметки о художественных произведениях для детей.— Енисей, 1956, кн. 17, с. 194—196; Щеглов С. О суровых людях Енисея. — Сиб. огни, 1956, № 4, с. 182—183.

БИБЛИОГРАФИЯ

Писатели Восточной Сибири. Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 174; То же. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 126.

Н. И. МАМИН (1906—1968)

Родился Николай Иванович Мамин 7 ноября 1906 г. в с. Балаково Самарской губернии в семье конструктора и совладельца механического завода. Отец не был чужд либеральных настроений. Построил школу для детей рабочих, субсидировал кассу взаимопомощи, но был далек от революционных идей. Однако понимание происходящего не могло возникнуть сразу, само собой, тем более что среда, в которой жил будущий писатель, была крайне противоречива.

Идет 1918 г., а в голове двенадцатилетнего мальчишки смешались все понятия. В нем самом трудно узнать «барчука» — скорее это уличный сорванец, но и не совсем свой в кругу более дерзких и уверенных сверстников. Что-то неприкаянное угадывается в нем: семья распалась, на глазах ломался привычный уклад, новое и манило к себе, и пугало, а главное, оставалось непонятным.

Он взрослел быстро, но в чем-то существенном и важном оставался инфантильным и в 1922 г. К этому времени относится попытка порвать с «породившим меня и опостылевшим мне миром».

Конкретно порвать предстояло с отцом, который стал относительно процветающим нэпманом, стать независимым, начать свою жизнь, сознательно искать себя и свое дело. Вырвался, уехал, стал учиться, но по-настоящему войти в новую жизнь еще не умел. Стремление к необычному приобретало характер бравады, героика рисовалась в тонах традиционного «книжного» романтизма. В этом ключе на первых порах — и поэтическое творчество Мамина («Баллада о перчатке»). Заметный сдвиг происходит в 1928 г., когда молодой поэт становится моряком Балтийского флота и одновременно — постоянным корреспондентом флотской газеты. Стихи, первые рассказы, очерки о заграничных плаваниях окончательно убеждают Мамина в том, что настоящее его призвание связано с литературой. Море и поэзия — этот традиционный романтический мотив постепенно обретает новое звучание. Мамин начинает свой творческий путь рядом с В. Вишневским, В. Кнехтом, Л. Соболевым.

И в заблуждениях, и в преодо-

лении заблуждений Мамин был предельно искренен. Умение анализировать, мыслить социальными категориями давалось ему с трудом. Но извечные понятия добра и зла становились открытием, потому что он шел к ним как художник.

Одно из произведений Мамина называется «Законы совместного плавания». В этом названии емко и точно выражен лейтмотив его творчества. «Есть такое флотское наставление, вроде устава. Как плавать вместе. Но я несколько расширил сферу его действия. Ведь все мы в совместном плавании. И берег еще далек».

Герои Мамина полнее всего раскрываются в драматической, напряженной обстановке, когда человек высвечивается изнутри. Порой достаточно мгновения, чтоб подлинная его сущность стала бесспорной. Героям Мамина не надо съедать пресловутый пуд соли, чтобы узнать друг друга. Надо один раз вместе провести машину над обрывом по северному тракту, оказаться перед лицом врага, пройти через таежный бурелом... Здесь выверяются и формируются моральные принципы, которые писатель назвал законами совместного плавания.

Повесть «Крохальский серпантин» (1965) написана как воспоминание о давно минувшем, и в ней то звучит голос уже немолодого автора, то пробивается живая стихия далекой предвоенной юности. Этот «двойной план» придает повествованию особую интонацию доверительности. Порой кажется, что писатель поверяет опытом зрелой жизни романтическую влюбленность и романтическую поэзию. Годы не стерли романтического, приподнятого настроения, но сделали его взыскательней и строже.

Романтическая проза Н. Мамина не чуждается обыденного, повседневного, но писатель незаметно поэтизирует его, открывая в простом и привычном какие-то новые грани и новый, прежде не-

видимый смысл. «Даже короткие и такие незаметные зимой надписи в диспетчерском журнале: на левом листе «на юг» и справа «на север» — читались сейчас заново, как откровение,— мы словно воочию начинали различать великую округлость родной земли и небес над ней. Жизнь шла по стремительному, гудящему моторами кругу, и земля была круглая, и по ней скатывались вниз, к югу, и карабкались кверху, на север, наши ЗИСы». Так передано в повести ощущение весны, простора. Все как будто обычно и по-деловому просто, но маршрут, обозначенный в диспетчерском журнале, этом сухом и строгом документе, прочерчен невидимым движением души человека. И без этого движения ему нельзя, потому что иначе «264 километра того извилистого, головоломного тракта по горам до дичалой речки Кобысь» станут иссушающе горькими. В повести Мамина на каждой странице так или иначе звучит тема человеческой доброты и открытости. Эти грубоватые внешне, немногословные шоферы северного тракта отнюдь не чужды поэзии, лирике, тонким душевным движениям.

Главная тема «Крохальского серпантина» — тема душевного благо-

родства людей. Оно проявляется в десятках больших и малых поступков — в том, как выручают товарища, как находят слово участия, как умеют поверить в человека. И в том, конечно, как завороженно и счастливо слушают песни телефонистки Шуры Король.

Внимание Мамина всегда привлекали люди трудной судьбы, «неистовые и гордые неудачники». Неудачники — по счету житейского благоустройства, неистовые и гордые — по складу души. Он сам относился к числу таких людей и знал их упрямый, непокладистый нрав, их неуместность и трудные раздумья. Полнее всего этот тип человека освещен в романе «Законы совместного плавания». Писатель Сергей Пастухов, герой этого романа, по сути очень близок писателю Мамину. Это не автопортрет, но художественное воплощение важнейших принципов, которые, по мысли Мамина, неотделимы от писательского дела. Писать о том, что действительно выстрадано и выношено, когда невозможно жить, не написав об этом. Так создает Сергей Пастухов «Повесть о комиссаре». Он должен рассказать о борьбе в фашистском концлагере, о мужестве и несломленности людей, обреченных на гибель и сражавшихся до последнего, о героической смерти комиссара Андрея Дмитриева.

Убежденность в том, что человеческая честность, достоинство и мужество неподвластны самым трагическим обстоятельствам, была для Мамина незыблемой верой. Он отстаивал ее во всех своих книгах и выступлениях. Он вдохнул ее в своего героя-побратима Сергея Пастухова. Но вместе с тем Мамин знал, что убеждение это не возникает само собой, что человек обретет его, постигая правду жизни. Он не сглаживал и не смягчал противоречий своего юношеского мировоззрения, когда-то отдалявшего его от этой правды. Но тем отчетливей встает перед глазами путь его духовного формирования.

Именно в этом плане воспринимается роман «Законы совместного плавания». Здесь важна не только сама фигура Сергея Пастухова, но многоплановость его жизненных связей, возвращающих читателя к событиям революции и Отечественной войны.

Известие о гибели Мамина было ошеломляющим. Он хотел пройти Северный морской путь с экспедицией. Он любил Северный флот, здесь жили воспоминания юности и герои его книг. Путешествие закончилось трагически: авария судна, высадка на берег, попытка найти северную метеостанцию — безуспешная попытка... Это случилось 9 октября 1968 г.

Николай Иванович Мамин ушел из жизни в тот момент, когда его творчество набирало силу. Он многого не успел сказать, и все-таки в полный голос он сказал о том, что ценил превыше всего, — о подлинном, высоком товариществе людей.

В. Размахнина

СОЧИНЕНИЯ

Якобинцы: Сб. рассказов. Л.: ГИХЛ, 1933; Валеркина любовь: Повести. Красноярск: Кн. изд-во, 1959; Знамя Девятого полка: Повесть. М.: Воениздат, 1961; Витязи студеного моря: Повесть. М.: Воениздат, 1966; Крохальский серпантин; Полевой «Цейс»: Повести. Красноярск: Кн. изд-во, 1966; Законы совместного плавания: Роман. Красноярск: Кн. изд-во, 1967.

ЛИТЕРАТУРА

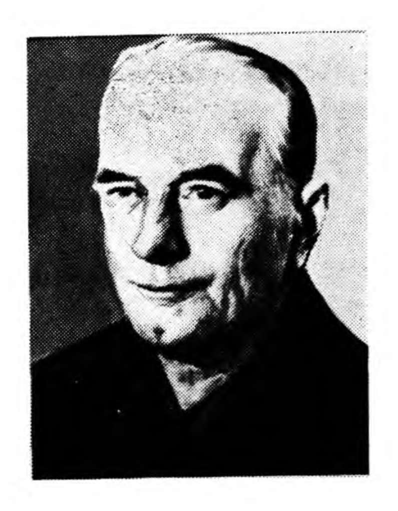
Беляев Б. Со знаменем на груди: [О повести «Знамя Девятого полка»]. — В кн.: Беляев Б. Отображая жизнь. Красноярск, 1958; Михайлюк Е. Достоинства и просчеты одной повести. — Краснояр. рабочий, 1959, 28 марта; Щеглов С. Повесть о спасении знамени. — Сиб. огни, 1959, № 7; Николаева М. Правда человеческих характеров. — Краснояр. рабочий, 1960, 19 апр.; Галустян К. Верность долгу. — Сов. воин, 1961, № 22; Нечаев Н. У героев Николая Мамина. — Краснояр. комсомолец, 1966, 8 июля; Полустарченко В. Моряк — слово емкое. — Краснояр. рабочий, 1966, 15 июля; Сибирцев И. Витязи студеного моря. — Енисей, 1968, № 6; Малютина А. И. Николай Мамин: Очерк жизни и творчества. Красноярск: Кн. изд-во, 1984; Размахнина В., Шимохина М.

У нас в Красноярске. — Лит. и жизнь, 1958, 11 июля;

БИБЛИОГРАФИЯ

Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 161; То же. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 112—113.

Н. Т. ЯЩЕНКО (1906—1987)

Николай Тихонович Ященко родился 19 декабря 1906 г. на станции Хилок Забайкальской железной дороги, в семье рабочего-железнодорожника.

В шестнадцать лет он публикует свою первую газетную заметку, а в восемнадцать журналистика становится его профессией. В 1925 г. он секретарь губернской детской газеты «Внучата Ильича», выходившей в Чите, сотрудничает в целом ряде других газет: «Набат молодежи», «Забайкальский крестьянин», «Социалистическая стройка», «Восточно-Сибирский комсомолец», «Отпор».

В 30-е гг. Ященко становится заведующим отделом газеты «Забайкальский рабочий», а затем участвует в создании газеты «Социалистическая стройка» (Петровск-Забайкальский).

В 1933 г. в Иркутске вышла книжка под названием «Комсомольское племя». В нее вошел большой очерк Ященко о людях труда. Это был первый его шаг в литературу.

В 30-40-е гг. в газете забайкальских железнодорожников «Отпор» появляются фельетоны Ященко, осмеивающие различного рода очковтирателей, хапуг, мещан, горе-хозяйственников, зажимщиков критики, невежд и бюрократов. Он публикуется в «Крокодиле». Эти и более поздние фельетоны составили потом книжки «Дорогая уха» (1952) и «За ушко да на солнышко» (1958). Автор был представлен в сборнике Политиздата «Советский фельетон» (1949).

О творчестве Ященко-фельетониста писали известные сатирики В. Масс и М. Червинский: «Автор обладает остроумием, боевым темпераментом — качествами, необходимыми для работы в этом жанре. Он умеет выбрать яркий факт, отражающий типичное явление, рассказывать о нем живо, лаконично, с хорошим юмором и сделать из него сочный обобщающий вывод» (Лит. газета, 1953, 12 февр.).

Он работал заместителем редактора «Забайкальского рабочего», после войны — в аппарате обкома КПСС, затем 12 лет — директором Читинского книжного издательства. Но всегда Ященко оставался журналистом и литератором.

Появляются его новые работы — очерк «Четвертая ферма» (1949), повести «Мы живем за Байкалом» (1952), «Северная точка» (1974).

В повести «Мы живем за Байкалом» автор поднял злободневную деревенскую тему. Документальная повесть «Северная точка» посвящена фельдшеру В. М. Кирносову, его работе, граничащей с подвигом, в суровых условиях забайкальского Севера. Писатель сумел раскрыть суть тех громадных преобразований, которые произошли в жизни некогда отсталых народностей Севера за годы Совет-

ской власти, выявить новые проблемы, выдвинутые временем.

Главное место в его творчестве занимают произведения на историко-революционную тему. Это «Босоногая команда» и «Искры не гаснут», а также повести «Журавли не знают покоя» и «Красные мадьяры».

Произведения Ященко предназначены в первую очередь молодому поколению.

В повести «Журавли не знают покоя» восстановлена история большой и дружной семьи революционера — читинского железнодорожника Павла Ивановича Кларка и продолжателя его дела —старшего сына Бориса. На страницах книги мы встречаемся с учениками и соратниками В. И. Ленина — И. В. Бабушкиным и В. К. Курнатовским, пламенным революционером А. А. Костюшко-Григоровичем, прославленным полководцем гражданской войны в Забайкалье С. Г. Лазо.

В 1979 г. появились «Красные мадьяры» (Иркутск). Новая работа Ященко посвящена борьбе за победу Октября в Сибири интернационального отряда, состоящего из венгров, немцев, чехов, поляков, румын. Это были военнопленные, которые во время революции и гражданской войны обрели в России вторую родину и бок о бок с русскими красногвардейцами сражались за Советскую власть.

Скончался писатель 27 октября 1987 г. в Чите.

Б. Серазетдинов

СОЧИНЕНИЯ

Счастье кузнеца Фомичева. Чита, 1947; Дорогая уха: Фельетоны. Чита, 1952; Четвертая ферма: Рассказ. Чита, 1953; Мы живем за Байкалом: Повесть. Чита, 1956; За ушко да на солнышко: Фельетоны. Чита, 1958; Искры не гаснут: Повесть. Чита, 1962; С отцами вместе: Дилогия. Иркутск, 1966; Журавли не знают покоя: Повесть героич. лет. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1969; То же. 1983; Северная точка: Докум. повесть. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1974; Босоногая команда: Повесть/ Послесл. Г. Кобякова. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1977; Красные мадьяры: Докум. повесть. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979.

ЛИТЕРАТУРА

Яновский Н. За правдивое отражение жизненных конфликтов: («Мы живем за Байкалом»). — Сиб. огни, 1953, № 2, с. 169—184; Южанин Н. Повесть о детстве: («Босоногая команда»). — Заб. рабочий, 1960, 29 мая; Шемелин. Встреча с юностью: («Искры не гаснут). — Заб. рабочий, 1963, 2 марта; Дворниченко Н. Как прежде, в строю. — Заб. рабочий, 1966, 18 дек.; Пузанов А. Предводитель команды босоногой. — Комсомолец Забайкалья, 1966, 18 дек.; Дворниченко Н. Н. Т. Ященко.— В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 155—158; Татуйко А. Литературное Забайкалье. — Дал. Восток, 1976, № 1, с. 144—154; Дворниченко Н. На новой ступени мастерства.— В кн.: Дворниченко Н. Вчера и сегодня Забайкальской литературы. Иркутск, 1982, с. 253—254.

БИБЛИОГРАФИЯ

Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 305—306; То же. — Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 241—242. Русская литература Сибири: Библиогр. указ. Новосибирск, 1976, ч. 2, с. 509—510.

В. И. НЕПОМНЯЩИХ (1907—1954)

Василий Иннокентьевич Непомнящих родился 1 января 1907 г. в селе Усть-Куда Кимильтейского района Тулунского уезда Иркутской губернии в семье крестьянина-батрака. История рода Непомнящих теряется в бродяжей, каторжной Сибири. Позднее, став уже известным поэтом, он расскажет о своей родословной, начало которой положил «дед — широкоплечий каторжанин, душегуб, не помнящий родства». Вот каким рисуется путь в Сибирь этого отчаянного предка в представлении поэта:

По этапу с Дона ражим парнем
Он прошел до буйной Ангары,
Соль таскал в царевой солеварне,
Сваи бил и котлованы рыл.

Трудовая жизнь будущего поэта началась рано. Он был сапожником, слесарем, батраком у местных богачей. Подростку Непомнящих захотелось переломить свою судьбу, попытать счастья в большом городе. В нем с детства жила любовь, унаследованная от бабушки, к фольклору, к песенному народному слову, рано пробудилась тяга к образованию. Так однажды летним утром, с котомкой за плечами он отправляется в дальнее путешествие за счастьем.

Я в то утро босиком
За смутным счастьем в дальний город
Ушел отважным ходоком
От древних сказок и просторов.

Ушел он, по его словам, затем, «чтобы там по-новому понять родных полей старинный облик».

Так юноша Непомнящих, коренастый, низкорослый черноглазый крепыш, с типично «сибирским» скуластым лицом, оказался в Иркутске. Это было в самом начале 20-х гг., когда только что отшумела гражданская война и молодежь — дети вчерашних партизан, бедняки, сыны батрацкие — потянулись жадно к учебе. В педагогический техникум поступил и Непомнящих. В 1923 г. он стал комсомольцем, а вскоре и студентом-филологом Иркутского университета, который он успешно окончил в 1930 г.

Любовь к поэзии, жившая в нем с детства, нашла теперь выход в первых стихах. Одаренного юношу быстро заметили и поддержали старейшие сибирские литераторы — прозаик И. Гольдберг и поэт А. Балин. Он становится завсегдатаем литературных вечеров ИЛХО, близко сходится со своими поэтическими сверстниками, однокашниками по университету — В. Вихлянцевым, Л. Черноморцевым, Е. Жилкиной. Друзья издают студенческий рукописный журнал, начинают сотрудничать в иркутской газете «Власть труда», где в 1925 г. появились первые стихотворения Непомнящих. В том же году несколько его произведений («Октябрь», «В деревне» и др.) вошли в коллективный сборник иркутских поэтов под названием «Стихи», изданный ИЛХО. Спустя некоторое время, в 1927 г. в коллективном сборнике «Иркутские поэты» он выступает с целой подборкой стихов («Бурятская степь», «Осенние стихи», «Ледоход», «На Байкале», «Сплавщики»).

С 1926 г. стихотворением «Посиделка» начинается активное сотрудничество поэта в журнале «Сибирские огни», в котором Непомнящих участвовал вплоть по 1940 г. включительно. Здесь были опубликованы многие оригинальные произведения, переводы из Шевченко, из алтайского фольклора, из произведений первого алтайского народного поэта Павла Кучияка. На страницах же «Сибирских огней» в первой половине тридцатых годов широко печаталась и проза поэта: очерки, рассказы, рецензии на стихи товарищей по перу. В частности, ему принадлежит рецензия на первую книгу Молчанова-Сибирского «Покоренный Согдиондон», большая статья, посвященная тридцатилетию творческой деятельности И. Гольдберга.

В 1931 г. Непомнящих переселился в Новосибирск, но его творческие связи с родным Ир-

кутском никогда не прерывались. В журнале «Будущая Сибирь» он опубликовал весьма характерные для его лирики стихотворения: «Изыскатели», «Студент», «Рапорт строителей Кузнецкстроя», «Письмо другу», «Смерть друга», «Алтайские народные песни».

При жизни поэта вышло четыре небольших поэтических сборника. Первый из них «Огнеупор», насчитывавший всего 26 страничек малого формата и посвященный строителям Кузнецстроя, был издан в 1932 г. в Москве в библиотечке «Роста». В следующем году в Новосибирске выходит наиболее полный и наиболее известный сборник поэта — «Покорение тайги». За ним последовали еще две книжечки стихов — «Зарядка» (Иркутск, 1934) и «Стихи» (Новосибирск, 1939). Вот, пожалуй, и все, что было издано самим поэтом.

Ранние произведения Непомнящих рисуют сибирскую деревню первых лет революции со всем причудливым смещением старого и нового в быту, в человеческих взаимоотношениях, где на каждом шагу «пахнет старым, пахнет новым в песенках задорных», где какой-нибудь «сын батрацкий Ваня Сечкин» хлопочет о создании комсомольской ячейки, и тут же прорываются песни старой деревни о неизбывной бедняцкой доле.

Говорят о комсомоле
И про Ильича.
Поют рядом: «Злая доля»
Девки в кумачах.

«Поэзия Непомнящих,— писал о нем один из первых его критиков,— уходит своими корнями в крестьянский быт и настроения. Язык Непомнящих прост и прозрачен. И легко заметить в этом языке — и в словаре и в синтаксисе — влияние народнопесенной стихии»[1].

И действительно, стихи его, живописные и яркие, полны приметами живой жизни. Он пишет о деревенских посиделках; в стихотворении «В бурятской степи» возникает образ пастуха-бурята, «певца великого» родной природы»; веселую и отважную ватагу сплавщиков леса рисует он в стихотворении «Сплавщики»; пишет Непомнящих о геологах и покорителях тайги, о волнующих ночевках в лесу у костра, под открытым звездным небом, когда так хорошо мечтается и хочется добраться до далеких звезд, разгадать их тайну.

Цикл стихов посвящает Непомнящих комсомольцам Кузнецкстроя (стихи «Огнеупор», «Рапорт строителя Кузнецкстроя» и др.).

Социалистическое соревнование молодежных бригад на стройке и воскресники, строители первых кауперов и первых домен, первые тракторы на колхозных полях — вот темы и мотивы многих его стихотворений тридцатых годов. И почти в каждом из них возникает образ обаятельного, лирического героя — жизнелюбца и поэта, энтузиаста и вдохновенного мечтателя, жадно впитывающего в себя «все впечатления бытия», образ человека, перед которым щедро «огромный мир распахнут настежь до синих призрачных границ». Его герой всегда непоседа. Он идет «навстречу взбалмошному ветру», когда «певуч, как струны, легкий воздух». С неистребимым сознанием своего права на счастье шагает он по просторам родной земли.

И, кажется, крутым кипеньем
Дурманных трав, огней, садов,
Бурливой музыкой и пеньем
Мир переполнен до краев.

И поэт стремится запечатлеть этот мир, в котором живут его герои, в напевных строчках «упругого и сочного стиха». О своей работе, которую он в стихотворении «Письмо другу» определил как «беспокойное, трудное, боевое и прекрасное ремесло», Непомнящих скажет:

[1] Жеребцов Б. Литературная традиция в Иркутске. — В кн.: Иркутские поэты». Иркутск, 1927, с. 7.

Я хочу, чтобы искренней,
легкой прохладой
Этой ночи пахнуло от слов,
Чтобы в строчках дышали
все запахи сада,
Пела юность, шептала любовь.

И всегда и во всем он остается сыном своего времени — энтузиастом и романтиком. В самом начале 30-х гг. из-под пера его выходят стихи об Ангарстрое. Поэту видится время, когда берега Ангары будут стянуты «железною хваткой плотин», он мечтает о времени, когда:

И двинутся в дикие дебри полки
Кондовых, веселых ребят,
Чтоб реки смирять, выкорчевывать пни,
Переделывать мир и себя!

Есть у Непомнящих характерное для него стихотворение «Сад», полное неистребимой веры в будущее. Герои его — веселая комсомолия, вышедшая на «озеленительный воскресник», озабоченная тем, «чтоб каждый стебель деревом могучим шумел в коммунистическом саду». Кончалось оно так:

И крепко сжав в руках горячий заступ,
Увижу я, закрыв глаза на миг,
Прохладный сад, огни домов глазастых
Вокруг цехов, что выстроили мы.
И почкою душистой распускаясь,
Крепчает радость светлая, когда
Почувствуешь, что в вечность
прорастает
Весенний день свободного труда.

Поэта всегда отличали хороший вкус и хорошее чувство слова. Одним из его поэтических наставников в искусстве песнопенья был старейший иркутский поэт А. Балин. Это ему, Балину, Непомнящих однажды написал на подаренной книге своих стихов:

Когда-то я у Вас прилежно
Учился песен ремеслу:
И к Вам любовь свою и нежность
Я через годы пронесу.

А. Балин знал неисчислимое количество стихов наизусть, начиная от поэтов-лириков древней Эллады и Рима и кончая своими современниками. Эту особенность у своего учителя перенял и Непомнящих. Писатель А. Коптелов, которому пришлось в начале 30-х гг. совершить вместе с поэтом многодневную поездку в Горный Алтай, в своей статье о нем вспоминает, как Непомнящих всю дорогу, в течение четырех дней, пока они добирались от Бийска до Горно-Алтайска, беспрерывно, ни разу не повторяясь, читал на память стихи разных поэтов, отечественных и иностранных, классиков и современников. Об этом же рассказывает и Е. Жилкина, сопровождавшая поэта во время поездки в Москву.

Поэтический образ у Непомнящих всегда точен, прост и по-своему неожидан. Звезды у него «венчики кувшинок», поэт может сказать о воздухе, что он «темносиний, прохладный, тяжелый, как ртуть», настоянный «на радостных, искристых звездах, на черемуховом цвету», или написать о том, как «смотрят парни на звезды в девичьих глазах», как «висят на траве, на холодных ладонях кустов светляков и росы изумрудные гроздья». Ранней весной он обязательно заметит не только ледоход на реке, когда «в берегах, шугой изрытых, незримых сил идет игра», но и скажет о том, как «с высокой крыши стекло рассыпала капель». Вот начало стихотворения «Смерть друга»:

Мы снова шагаем некошеным лугом.
Трава — после ливня —
в холодных слезах,
И радуга, согнутая полукругом,
Пьет воду из речки,
заснувшей в кустах.

Здесь нет ни изысканных эпитетов, ни ошеломляющих метафор и уподоблений. Прелесть этих стихов в другом — в точности и простоте поэтического видения, в непосредственности восприятия окружающего мира.

Талант Непомнящих духовно здоровый, глубоко оптимистичный, жизнеутверждающий в своей основе, набирая силы, крепчал с каждым новым годом. Быстрое творческое созревание поэта радовало всех любителей хорошей литературы. Книги Непомнящих приветствовал в печати старейший сибирский лирик Г. Вяткин, дру-

жеским словом встречал его подборки на страницах «Сибирских огней» А. Смердов. Сам же создатель этих проникновенно лирических стихов, искрящихся таким жизнелюбием, был неизлечимо болен. Он страдал тяжелой формой эпилепсии, которая, прогрессируя с годами, прервала его творческую работу, а потом и свела преждевременно в могилу. Последние пятнадцать лет поэт уже не мог заниматься любимым делом, тем самым «беспокойным, трудным и прекрасным ремеслом», которое было ему так дорого на этом свете. Угасание его было трагичным. Он жил под присмотром матери в селе Куйтун Иркутской области, больной, одинокий, забытый друзьями, всеми оставленный.

Непомнящих умер 24 сентября 1954 г. в Иркутске.

Лучшие произведения его, несущие на себе неизгладимую печать своей эпохи, запечатлевшие горячее дыхание ее, сохраняют все свое обаяние и для современного читателя. По верному замечанию А. Л. Коптелова, «проникновенная лирика поэта подобна роднику, всегда хранящему свою приятную чистоту и прохладу».

В. Трушкин

СОЧИНЕНИЯ

Покорение тайги: Избр стихи./Предисл. А. Коптелова. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1964; Огнеупор. М.: Жургазобъединение, 1932; Зарядка: Избр. стихи. Иркутск, 1934; Веселый дол: Стихи. Новосибирск, 1939.

ЛИТЕРАТУРА

Шаврук А. Иркутские «Сверстники». — Сиб. огни, 1930, № 6, с. 124—126; Непомнящих В. И. — Сиб. сов. энциклопедия, 1932, т. 3, стб. 732; Смердов А. О творчестве Непомнящих. — Сиб. огни, 1932, № 2—3, с. 108—110; Кирьянов С. Литературная молодежь — В кн.: Рост. М., 1933, с. 155—159; Фаворин В. О языке сибирских поэтов. — Нов. Сибирь, 1935, № 1, с. 99—100, 112; Смердов А. Поэты советской Сибири. — Сиб. огни, 1947, № 6, с. 118—129; Трушкин В. Литературная Сибирь первых лет революции. Иркутск, 1967, с. 211—217; Коптелов А. Л. Минувшее и близкое: Воспоминания, статьи, очерки. Новосибирск, 1972, с. 242—253; Поэты и писатели — воспитанники Иркутского университета. Иркутск, 1979, с. 41—43; Трушкин В. «Влюбленный в землю эту...» — В кн.: Трушкин В. Литературный Иркутск. Иркутск, 1981, с. 261—269; Об отдельных сб.: Вихлянцев В. [О сб. «Покорение тайги»].— Сиб. огни, 1933, № 1—2, с. 186—188; Ростовская Н. [О сб. «Огнеупор»]. — Худож. лит., 1938, № 2, с. 22; О сб. «Зарядка»: Вяткин Г. Под знаком творческого роста. — Сиб. огни, 1935, № 2, с. 223—224; Горский К. О творчестве молодых поэтов — Кн. и пролет. революция, 1935, № 7, с. 77—87; Нейштадт В. [О сб. «Веселый дол»]. — Сиб. огни, 1939, № 5 с. 157—158.

БИБЛИОГРАФИЯ

Трушкин В. В. И. Непомнящих. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 171—175; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 180—181

А. Ф. АБРАМОВИЧ (1907—1974)

Алексей Федорович Абрамович — известный литературовед и критик, кандидат филологических наук, был членом Союза писателей СССР со времени его основания в 1934 г., участвовал в работе Первого Всесоюзного съезда советских писателей.

Тогда же, в 1934 г., состоялся литературный дебют Абрамовича как прозаика: в Сталинграде вышел его сборник рассказов «Случай на переезде». В дальнейшем Абрамович, полностью посвятив себя педагогической и научно-исследовательской работе, преподает в Саратовском педагогическом институте, где, под влиянием видного ученого, профессора А. П. Скафтымова, формируется его непреходящий научный интерес к изучению эстетики Н. Г. Чернышевского.

Абрамович родился 30 марта 1907 г. в Петербурге. Родителей он не знал, воспитывался в приюте.

Трудовая деятельность Абрамовича началась в ранней юности. В 1923—1924 гг. он был рабочим

текстильной фабрики. В юные годы определяется его склонность к литературной работе. Более 15 лет жизни посвятил Абрамович газетной и редакционно-издательской работе. В 30-е гг. он сотрудничал в газетах Костромы и Сталинграда, возглавлял сталинградское и саратовское издательства, был директором Дома-музея Н. Г. Чернышевского.

В 1940 г. он закончил филологический факультет Саратовского педагогического института. В мае 1944 г. Абрамович по путевке ЦК ВКП(б) приехал в Иркутск, где стал заведующим кафедрой всеобщей и русской литературы государственного университета им. А. А. Жданова и работал здесь до 1963 г.

В Иркутске он принимает деятельное участие в работе писательской организации. В последние годы жизни был доцентом Новокузнецкого педагогического института и буквально до своих последних дней активно откликался на многие явления литературной жизни Сибири.

Перу Абрамовича-литературоведа принадлежат исследования, посвященные проблемам эстетики Н. Г. Чернышевского. Среди них наиболее значительны «Н. Г. Чернышевский о форме литературно-художественных произведений», «Н. Г. Чернышевский о категориях искусства», «Н. Г. Чернышевский об общественно-преобразующей роли русской литературы».

Абрамович был талантливым педагогом. Не одно поколение филологов с благодарностью вспоминает его лекции по истории русской предоктябрьской и советской литературы, спецкурсы и спецсеминары, на которых они учились литературоведческому мышлению. Среди учеников Алексея Федоровича — писатели А. Вампилов, М. Сергеев, В. Распутин, А. Преловский, А. Шастин, литературоведы В. Трушкин, Н. Тендитник, Е. Шастина, В. Гайдук, многие учителя-словесники, журналисты, работники издательств,

библиотекари.

Результатом многолетнего активного участия Абрамовича в литературной жизни Сибири явились книги: «Критические статьи и очерки о творчестве иркутских писателей», «Поэты стороны сибирской», «На своей земле. Очерки творчества кузбасских писателей», а также ряд проблемных статей и литературно-критических очерков, опубликованных в журналах «Коммунист», «Урал», «Сибирские огни», «Байкал», в альманахах «Новая Сибирь», «Ангара», «Енисей», «Огни Кузбасса» и других периодических изданиях.

Сибиряки помнят Абрамовича и как талантливого пропагандиста и популяризатора науки и литературы. Коммунист с 1925 г., он всегда считал этот вид работы своим первейшим долгом перед народом.

Литературоведческие и литературно-критические работы Абрамовича отличались широким охватом историко-литературного процесса в тесном единстве с жизнью, с общественными преобразованиями в стране. А. Ф. Абрамовичу как исследователю всегда было присуще пристальное внимание к деталям художественного мастерства писателей, четкость литературоведческой

классификации явлений, глубина размышлений над творческим процессом, обстоятельность изучения основных закономерностей развития метода социалистического реализма.

Книга Абрамовича «Критические статьи и очерки о творчестве сибирских писателей» включает в себя статьи, посвященные ранним, тогда (1958) еще мало изученным страницам истории советской литературы в Сибири, проблемам героя на новом этапе развития советской литературы, вопросам художественного мастерства писателей. В книге обобщен материал о творчестве писателей-сибиряков — Г. Маркова, К. Седых, П. Маляревского, Ф. Таурина, С. Сартакова, В. Мариной и других.

Книга «Поэты стороны сибирской» содержит обстоятельный анализ творчества поэтов разных поколений: одного из зачинателей и организаторов литературной жизни в советской Восточной Сибири И. Молчанова-Сибирского, певца «окраин милой Отчизны», художника большого лиро-эпического дарования А. Ольхона, поэта-лирика 30—40-х гг., ставшего позднее широко известным как автор романов «Даурия» и «Отчий край», К. Седых, представителей новой поэтической поросли, вошедшей в литературу в послевоенные годы — М. Сергеева, А. Преловского, П. Реутского.

«На своей земле» — последняя книга, вышедшая при жизни Абрамовича. На ее страницах состоялся большой, принципиальный и доброжелательный разговор о творчестве писателей Кузбасса — А. Волошина, В. Измайлова, В. Баянова, Г. Немченко и других.

Стремление к всестороннему охвату сложного творческого процесса, глубокий историзм, тонкое чутье к слову проявились и в работе Абрамовича о творчестве Евгения Федорова.

В 1972 г. Абрамович закончил монографическое исследование «Горький в Сибирь».

Умер Абрамович 28 апреля 1974 г. в Новокузнецке.

Р. Смирнов

СОЧИНЕНИЯ

Критические статьи и очерки о творчестве сибирских писателей. Иркутск: Кн. изд-во, 1958; Поэты стороны сибирской: Иркутск: Кн. изд-во, 1963; На своей земле: Очерки творчества кузб. писателей. Кемерово: Кн. изд-во, 1968; Романтика мужества: Очерки творчества кузб. писателей. Кемерово: Кн. изд-во, 1975.

ЛИТЕРАТУРА

Яновский Н. Требование времени. — Вопр. лит., 1962, № 8, с. 36—47; О кн. «Критические статьи и очерки о творчестве сибирских писателей»: Гайдук В. Разговор о мастерстве писателя. — Вост.-Сиб. правда, 1959, 17 янв.; О кн. «Поэты стороны сибирской»: Давыдов М. Слово о поэтах-земляках. — Вост.-Сиб. правда, 1964, 19 янв.; О кн.: «На своей земле»: Юмов М. Точка отсчета. — Сиб. огни, 1969, № 3, с. 179—182.

БИБЛИОГРАФИЯ

Смирнов Р. А. Ф. Абрамович.— В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 170—171. Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 44—45. Русская литература Сибири. Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 7. Писатели Кузбасса: Биобиблиогр. указ. Кемерово, 1980, с. 4—7.

ДЖЕК АЛТАУЗЕН (1907—1942)

В истории советской литературы имя Джека Алтаузена — комсомольского поэта 20—30-х гг. стоит рядом с именами Безыменского, Голодного, Жарова, Светлова. В его творчестве выразилась глубочайшая преданность революционной идее, пафос социалистического преобразования страны. Сознательная жизнь поэта укладывается в исторически короткий срок — между Октябрем и Великой Отечественной войной. Но за немногие годы творческого труда прожита жизнь, полная страсти и напряжения, готовности к подвигу и умения свершить его.

Началом литературной деятельности Яков Моисеевич (Джек) Алтаузен связан с Иркутском. Он родился 14 декабря 1907 г. в Бодайбо, в семье старателя. Сведения о семье поэта более чем скудны. Известно лишь, что она распалась, когда поэту не было и девяти лет, и тогда тетка, жившая в Шанхае, взяла его к себе. Там мальчик зарабатывал на хлеб, продавая газеты. Наконец пристроился кочегаром на корабль, шедший в Россию. В Чите Алтаузен встретил И. Уткина. Тот принял горячее участие в судьбе юного поэта, помог ему добраться до Иркутска. Здесь в 1922 г. Джек вступает в комсомол. Работая на лесосплаве и кожевенном заводе, занимается самообразованием, принимает участие в работе литературного кружка поэтов (ИЛХО).

С 1923 г. начал печататься в журнале «Красные зори», в газете «Власть труда». Редакцией газеты был отправлен в 1923 г. на учебу в Москву. В столице он активно подключается к литературной жизни, становится участником группы «Перевал».

Первое крупное произведение Алтаузена — поэма «Безусый энтузиаст»— опубликовано в 1928 г. Оно и приносит поэту известность.

Поэма рождена к жизни наблюдениями над поведением некоторой части большевистской гвардии и околокомсомольской молодежи в годы нэпа. Лирический герой поэмы мучается своей непричастностью к революции, тем, что опоздал родиться. Революция посадила его за письменный стол, открыла ему путь в науку и в большой мир, но он постоянно ощущает на себе укоризненный взгляд Семена Николаевича, соседа, бывшего партизана, а теперь обывателя из Рыбсиндиката, полагающего, что «покой с орехами» должен был достаться лишь как плата за прежний подвиг. Размышления над судьбой своего поколения и о тех, для кого все в революции осталось в прошлом,

мечта о подвиге, исповедь перед современниками составляют сюжет поэмы и определяют ее лирико-романтическую окраску. Поэма вызвала горячие споры, острую критику, обсуждалась на страницах «Комсомольской правды» и была поддержана Е. Ярославским в речи на московской губернской конференции.

Поэт сближается с группой писателей, систематически сотрудничавшей с «Комсомольской правдой», общается с В. Маяковским, И. Уткиным, А. Безыменским, И. Молчановым. Позднее Алтаузен около трех лет был секретарем комсомольской ячейки газеты «Комсомольская правда».

В творчестве своем поэт остается романтиком. Обращение к эпохе минувшей, горечь непричастности к ней, ощущение недосягаемой высоты пережитого страной определяет романтический характер стиха. Отсюда условность времени и места действия, переключение событий из героического прошлого в будничный план настоящего:

В те года у ржи зеленой
Плеть томилась без росы.
В те года еще Буденный
Отпускал себе усы.
Это сказка, это небыль,
Это сон мне тему дал.
Ни в каких боях я не был
И никто меня не ждал.

Но какой бы недосягаемой ни оставалась для поэта эпоха революции, характерные ее черты выразились в стихах Алтаузена. В «Балладе о четырех братьях», «Романтике», в «Стихах о Ветлуге» поведано о том, как ворвался ветер эпохи в отдельные семьи, как пробудил он безнадежно погрузившегося в спячку и задавленного жизнью солдата, как приспосабливалось к новой эпохе мещанство. В «Литературном манифесте» высказал он свои думы о сущности искусства в революционную эпоху.

В 1931 г. поэт вступает в партию, а чтобы лучше узнать жизнь, идет работать токарем на Московский станкостроительный завод «Красный пролетарий». Результатом напряженных поисков героя дня явилась поэма «Первое поколение», где, полемизируя с самим собой, поэт стремится дать правильное «переключение энтузиазма «Безусого» на «подлинный» энтузиазм нового человека». Однако герой поэмы не стал действующим героем. Он лишь рассуждает о будущем, о долге и совести, его призывы к «ребятам», «ровесникам» декларативны. Недостатки поэмы отмечены в дружеской пародии Кукрыниксов и Архангельского «Планшайба».

Десятилетие с 1932 по 1942 г. отмечено напряженными поисками темы, своего поэтического голоса. Снова возвращается поэт к теме революции и гражданской войны. Герои стихов «Шумел Байкал», «Олеся», «Пробуждение героя», «У студеного моря», «Жили два товарища» действуют уже в реальном, зримом мире. Это хорошо знакомая поэту Сибирь, ее люди. Вместо романтически условного появляется реальный человек, «с детства пропахший черемшой», «гонявший плоты по Шилке», «бивший белок» и без раздумий ушедший в революцию. А если этот герой родился на Кубани, то подвиг свой совершил в Сибири, и смерть настигает его «за Иркутской заставой».

Обращается поэт и к современности. Будни полярников, чекистов, проводы в Советскую армию, мечты молодежи о мировой революции составили содержание стихов «Родина», «Родина только одна», «Эстафета бодрости», «Ода молодости», «Прощание», «Чекистка». В стихотворении «Строфы о Ленине» выражен нравственный идеал молодежи 30-х гг. Интимную лирику поэта пронизывает чувство ответственности перед временем, ощущение близости грозных испытаний и потрясений, готовность к подвигу («Разлука» и др.). Иногда в стихах поэта появляется стремление приглушить лирическую интонацию, но вопреки всему он оставался поэтом-лириком. В 1940 г. им написана была романтическая легенда «Пробуждение героя», в которой он вернулся к условности ситуаций и характеров, отличающих его ранние стихи о революции.

Как лирический поэт определился Алтаузен и в первые месяцы войны. Исповедальное начало его стиха («Я пишу, дорогая, тебе», «Родина смотрела на меня», «Вся отчизна меня провожала»), жанровая структура его (форма послания, исповеди, молчаливого разговора с близкими, рассуждений по поводу детской фотографии, найденной в разрушенном фашистами доме, воспоминаний) отражают ведущие тенденции развития советской лирики военных лет. Лирический герой поэта, живший ощущением, что он «опоздал» родиться, может теперь делом доказать, как он предан стране. Трудности первых месяцев войны не сломили героя. Ему чужды мысли о смерти и поражении. В торжество правого дела он верит свято и преданно.

В бою под Харьковом 25 мая 1942 г. поэт погиб. Но его поэзия осталась в строю. Ее искренний пафос и воодушевление слу-

жат примером служения идеалу эпохи.

Н. Тендитник

СОЧИНЕНИЯ

Ленинский наказ: Повесть в стихах. М.; Л.: Моск. рабочий, 1925; Отпускник Артем: Поэма/В соавт. с. Б. Ковыневым и А. Ясным. М.: Гос. воен. изд-во, 1925; Якутенок Олеська: Рассказ в стихах. М.: Госиздат, 1927; Безусый энтузиаст: Лирич. поэма. М.; Л.: Моск. рабочий, 1929; Ровесникам: Стихи. М.: Мол. гвардия, 1930; Стихотворения. М.: Огонек, 1930; Первое поколение: Лирич. поэма. М.: Мол. гвардия, 1933; Комсомольские поэмы. М.: МПТ, 1934; Ода молодости: Сборник. М.: Мол. гвардия, 1935; Избранные стихи. М.: ГИХЛ, 1936; Избранное: 1928—1942. М.: ГИХЛ, 1957; Стихотворения/Предисл. А. Жарова. М.: Гослитиздат, 1959; Стихи/Вступ. статья Е. Долматовского. М.: Худож. лит. 1971.

ЛИТЕРАТУРА

Селивановский А. Пролетарская поэзия на переломе. — На лит. посту, 1930, № 5—6, с. 12—13; Тарасенков А. Пути поэзии. — Лит. и искусство, 1931, № 2—3, с. 107—117; Саксонов Л., Богушев Г. Лицом к конкретной критике: Смотр творчества Д. Алтаузена. — Комс. правда, 1932, 26 февр.; Войтинская О. Заметки о молодом герое советской литературы: [О «Безусом энтузиасте»]. — Октябрь, 1933, № 12, с. 221—229; Уткин И. Больше поэтов хороших и разных. — Лит. газ., 1938, 15 дек.; Трегуб С. «Надо бы доругаться». — Нов. мир, 1941, № 2, с. 204—230; Абрамович А. Ф. Критические статьи и очерки о творчестве сибирских писателей. Иркутск, 1958, с. 14—22; Алтаузен Яков (Джек). — Крат. лит. энциклопедия, 1962, т. 1, с. 165; Зелов Н. Поэт, товарищ, боец: К 20-летию со дня гибели Д. Алтаузена. — Комс. правда, 1962, 30 мая; Инбер В. «Воспоминаний взрывчатая зона...»: Из записных книжек. — Лит. Россия, 1967, 21 апр., с. 14—15; Раппопорт Е. Бессмертие в смерти: — В кн.: Раппопорт Е. Рукопись считалась утерянной. Иркутск, 1967, с. 5—21; Трушкин В. Литературная Сибирь первых лет революции. Иркутск, 1967. — См. имен. указ.; Кузнецов И. Три ордена: [«Награжд. Я. Алтаузена орденом Красного Знамени]. Лит. газ., 1969, 19 февр., с. 7; Тендитник Н. С. Безусый энтузиаст. — Труды/Иркут. ун-т, 1971, т. 43. Сер. литературоведения и критики, с. 83—95; Раппопорт Е. Лет молодых наших порох. Иркутск, 1974, с. 90—102; Трушкин В. Из пламени и света. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1976. — См. имен. указ.; Долматовский Е. Писатель и война. — Нов. мир., 1978, № 2, с. 244—246; Трушкин В. П. Восхождение. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978, с. 12, 71, 146, 241.

БИБЛИОГРАФИЯ

Боровский П. П. Джек Алтаузен: 60 лет со дня рождения. — В кн.: Календарь знаменательных и памятных дат на 1967 г. Иркутск, 1966, с. 51—54; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 50—51. То же. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 34—35; Русская литература Сибири. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 16—18; Шепелева Л. С. Джек Алтуазен.— В кн.: Русские советские писатели. Поэты. М., 1977, т. 1, с. 201—223.
241

К. Ф. СЕДЫХ (1908—1979)

Константин Федорович Седых родился 6 января 1908 г. в пос. Поперечный Зерентуй Нерчинско-Заводского района Читинской области в трудовой казачьей семье.

Рассказы о казачьей вольнице, смутные, глухие слухи о политических узниках, томящихся в каторжных тюрьмах и острогах Зерентуя, Кадаи, Нерчинска, полные поэтической прелести песни и сказки Забайкалья, грозные события гражданской войны, свидетелем которых он был двенадцати-тринадцатилетним мальчиком, память о выдающихся, овеянных славой деятелях партизанского Забайкалья — все это оставило неизгладимые впечатления в душе будущего писателя.

Учась в Нерчинско-Заводской средней школе, Седых активно участвует в общественной жизни села, выступает как селькор.

Корреспонденции юного селькора привлекли внимание Читинского губкома партии. Седых вызвали в Читу. Там он учился в педтехникуме и сотрудничал в местных газетах — «Забайкальский рабочий», «Забайкальский крестьянин». По окончании техникума Седых становится профессиональным газетным работником.

В 1924 г. Седых впервые выступает в печати как поэт. В 20—30-е

гг. им написаны стихи, вошедшие в сборники «Забайкалье», «Сердце», «Родная степь», «Праздник весеннего сева», «Первая любовь», «Над степью солнце», «Солнечный край» и др.

В ранних стихах поэта часто слышатся мотивы страшного прошлого Забайкалья. Он говорит о нищей, жестокой, темной жизни, о горькой доле бедняцких детей, для которых «лучшим лакомством на свете казалась поминальная кутья», о жизни, обрекавшей идти «стезей кретинов и калек» многих одаренных и пытливых в детстве.

Много стихотворений посвящено каторжному Забайкалью, где «...гибли в рудниках народовольцы, жгла чахотка грудь большевика», гражданской войне («Песня Забайкальских партизан», «В девятнадцатом», «Свадьба», «Петля», «Аргунь», «Шахтер»). В 1931 г. Седых переезжает из Читы в Иркутск, где в 1933 г. выходит первая книга стихов «Забайкалье».

Основной мотив стихотворений 30-х гг.— жизнь новой советской деревни, организация колхозов и совхозов, культурная революция в деревне, ее люди. Скромный труд их поэтизируется как труд огромного общественного значения.

В годы Великой Отечественной войны Седых служит в рядах Советской Армии в качестве военного корреспондента армейских газет «На боевом посту» (Чита), «Героическая красноармейская» (Улан-Удэ). Он пишет очерки о боевых делах советских воинов, о солдатских буднях, полных напряженной боевой учебы, острые и хлесткие сатирические стихи к карикатурам.

Седых создал и большое количество задушевных лирических стихов о природе солнечного Забайкалья, о дружбе, любви и верности. Многие из них в свое время были очень популярны среди молодежи.

Все лучшее, что есть в поэтическом творчестве Седых и что позволяет рассматривать его в общем потоке советской поэзии, нашло потом свое выражение в романе «Даурия». Работая корреспондентом читинских газет, Седых встречался с участниками партизанского движения, записывал их рассказы. В течение многих лет для романа собирались и изучались материалы по истории, экономике, географии, этнографии дореволюционного Забайкалья, архивные источники, воспоминания участников гражданской войны, устное народное творчество. В 1939 г. в альманахе «Новая Сибирь» были опубликованы первые главы романа «Даурия», законченного и впервые полностью опубликованного в 1948 г. Читинским книжным издательством.

«Даурия» необычайно быстро приобрела известность и признание у широких слоев читателей, а в 1950 г. многолетний труд писателя был отмечен высокой наградой — Государственной премией.

В центре романа — казачий поселок Мунгаловский. Уже с первых страниц читатель входит в своеобразный быт казаков, в сложные социальные процессы, происходящие в казачьей среде, в мир прекрасной природы Забайкалья с его синеющими даур-

скими степями, с лиловыми от багульника сопками.

Седых разрушает реакционную легенду, созданную самодержавием об однородности казачьего сословия, показывая, что казачьи привилегии — достояние верхушки, доля казака-бедняка—нищета, батрачество, что между богатыми с «царской улицы», «верховскими», и «низовской» беднотой лежит непроходимая пропасть. Особенно ярко, убедительно социальные противоречия внутри казачества раскрываются на истории двух казачьих семей — Улыбиных и Чепаловых. Вокруг Улыбиных концентрируется беднота, вокруг Чепаловых — враги народа.

Февральская, Октябрьская революции, установление Советской власти окончательно раскалывают мунгаловцев на два непримиримо враждебных лагеря, ожесточенно борющихся в гражданской войне. Нелегок путь к революции трудового казачества в целом. Трагедия той части казачества, которая запуталась в противоречиях классовой борьбы, особенно ярко отражена в судьбе поселкового атамана Елисея Каргина. Как умный и честный человек, он не может не видеть обреченности белогвардейского движения, его отталкивает беспринципность, жестокость белогвардейцев. Потеряв почву под ногами, Каргин бежит в Маньчжурию.

Со страниц «Даурии» встает сама история. Шаг за шагом автор в художественных образах воспроизвел все основные этапы борьбы за Советскую власть в Забайкалье, он вводит многие боевые эпизоды, битвы, факты, известные по историческим документам, рисует исторические образы Журавлева, Балябина, Шилова, Метелицы, Бородавкина, Кларка, Богомягкова. Впервые в художественной литературе Седых воссоздает образ легендарного полководца Сергея Лазо, художественно синтезируя материал различных исторических источников.

На протяжении всего романа автор подчеркивает решающую роль коммунистов в сложном процессе ломки социальных отношений внутри казачества.

Популярность «Даурии» огромна. На русском языке она издавалась более сорока раз, неоднократно издавался роман на языках советских республик, в странах социалистического содружества, а также в Англии, Франции, США, Канаде, Югославии. На студии «Ленфильм» по роману создан двухсерийный кинофильм «Даурия», прошедший с большим успехом. Спектакль «Даурия» поставлен по мотивам романа драматическим театром в Чите.

В 1957 г. в журнале «Свет над Байкалом» (Улан-Удэ) напечатана основная часть нового романа «Отчий край», тематически продолжающего «Даурию», а в 1958 г. «Отчий край» вышел в издании «Роман-газета» и затем переиздавался в Иркутске и в ряде издательств нашей страны. В нем изображены последние события гражданской войны в Забайкалье до окончательного изгнания белогвардейцев и интервентов в 1922 г. с Дальнего Востока и до воссоединения Дальневосточной буферной республики с Советской Россией.

И этот роман отличает точность в изображении исторических фактов. В нем — яркие, живые, полнокровные характеры, особенно представителей нового поколения (Ганька Улыбин, Гошка Пляскин). Новое по праву принадлежит этому поколению. Подростки — секретари сельских ревкомов, избачи, организаторы и вожаки комсомольских ячеек с сознанием хозяев жизни борются за утверждение нового. Таков Ганька Улыбин. Трудное детство не ожесточило, а закалило его. Он полон жажды познания мира, энергии, жажды созидательной деятельности.

В «Отчем крае» ярко нарисованы картины жизни белоэмигрантов-казаков в Маньчжурии, нравственное падение, духовный маразм людей, продавших Родину. С большой силой изображена душевная трагедия атамана Каргина, слишком поздно понявшего, что подлинная правда только на стороне народа. Но в сравнении с «Даурией» «Отчий край» написан неровно: иногда перегружен батальными сценами, похожими одна на другую, излишней описательностью, что ослабляет динамичность романа. А рядом — свежо, остро написанные эпизоды, хороший юмор, сочные бытовые сцены, живые диалоги, которые придают особенную искренность, задушевность, теплоту книге.

Родина высоко оценила труд Седых. В 1967 г. указом Президиума Верховного Совета СССР он награжден орденом Ленина, в 1978 г. — Трудового Красного Знамени.

В последние годы жизни писатель работал над романом «Утреннее солнце», охватившем большой и сложный период жизни нашего народа с 1922 г. по 1945 г.

21 ноября 1979 г. Константин Федорович умер в Иркутске.

Е. Макарова

СОЧИНЕНИЯ

Даурия: Роман. Кн. 1. Иркутск: Обл. изд-во, 1942; То же. Л.: Лениздат. 1976; Отчий край: Роман. Иркутск: Кн. изд-во, 1960; То же/Вступ. статья В. Трушкина. — Новосибирск: Кн. изд-во, 1961; Сопки в огне: Роман. М.: Детгиз, 1962. Стихи. М.; Иркутск: Обл. изд-во, 1933. Забайкалье; Сердце: Избр. стихи. Иркутск: Вост.-Сиб. краев. изд-во, 1934; Родная степь. Стихи. Иркутск: Вост.-Сиб. обл. изд-во, 1937; Праздник весеннего сева: Стихи. Иркутск: Обл. изд-во, 1940; Первая любовь: Стихи и песни. Иркутск: Обл. изд-во, 1945; Над степью солнце: Стихи. Новосибирск: Новосибгиз, 1948; Солнечный край: Стихи. Чита: Обл. изд-во, 1950; Степные маки: Стихи/Предисл. В. Киселева. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1969.

ЛИТЕРАТУРА

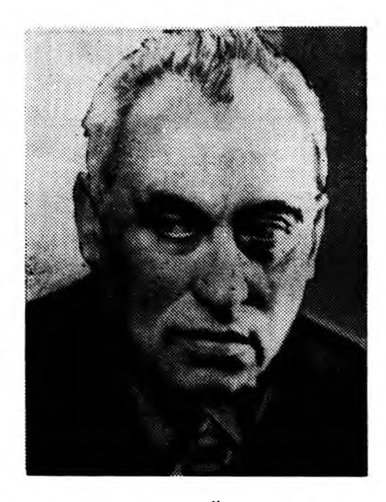
Седых К. Для людей: [О своем творчестве]. — Лит. Россия, 1974, 15 марта, с. 7; Войлошников П. А. Константин Седых. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1959; Мостков Ю. Константин Седых. — Сиб. огни, 1956, № 3, с. 151—165; Головатенко Ю. Писатель героического Забайкалья. — Вопр. лит., 1959, № 2, с. 168—179; Абрамович А. К. Седых — поэт. — Енисей, 1960, № 28, с. 139—149; Трушкин В. Певец Забайкалья. — В кн.: Трушкин В. Литературные портреты. Иркутск, 1961, с. 5—42; Абрамович А. Поэтическая прелюдия к «Даурии». — В кн.: Абрамович А. Поэты стороны сибирской. Иркутск, 1963, с. 80—118; Азовцев Г. И. Константин Седых — поэт Забайкалья.— Заб. краевед. ежегодник. Чита, 1968, № 2, с. 105—129; Меркулов А. Певец суровых лет. — Лит. Россия, 1968, 26 янв., с. 11; Трушкин В. Константин Седых: поэт, прозаик, человек...— Сиб. огни, 1968, № 2, с. 148—150; Луговской И. Сибирские стихи: [О кн.: «Степные маки»]. — Байкал, 1970, № 5, с. 153—155; Шумайлов Ю. По следам одного стихотворения: [По поводу стихов «Парень из Иркутска»]. — Ангара, 1970, № 3, с. 6—13: Яновский Н. Н. Седых К. Ф. — Кратк. лит. энциклопедия, 1971, т. 6, стб. 722; Мостков Ю. Вторая встреча. Новосибирск, 1972, с. 59—112: Литературная справка: Интервью спецкора «Лит. газ.» Н. Подзоровой с иркут. писателем К. Седых. — Лит. газ., 1973, 20 июня, с. 3; О романе «Даурия»: Абрамович А. Роман «Даурия» и некоторые вопросы художественного мастерства. — Нов. Сибирь, 1945, кн. 16, с. 167—186; Юрезанский В. Забайкальская эпопея. — Нов. мир, 1949, № 10, с. 251—252; Абрамович А. Композиция, сюжет, слово в романе «Даурия». — Свет над Байкалом, 1956, № 2, с. 139—149: Илешин Б. Сподвижники Сергея Лазо: О прототипах романа. — Лит. и жизнь, 1958, 18 мая; Марков Г. О романе К. Седых «Даурия». — В кн.: Марков Г. Жизнь. Литература. Писатель. М., 1971, с. 347—349; Авров Д. Даурия: [О худож. фильме по одноим. роману К. Седых]. — Октябрь, 1972, № 7, с. 221—222; О романе «Отчий край»: Дмитриева Ц. Неумирающая тема. — Знамя, 1958, кн. 10, с. 229—235; Павловский А. Вновь с героями «Даурии». — Нева, 1958, № 4, с. 225—226; Побожий В. Роман о судьбах родного края. — Сиб. огни, 1959, № 4, с. 179—181; Трушкин В. Завершение трилогии. — Лит. газ., 1968, 24 апр.; Марков Г. Горизонты жизни и труд писателя. М., 1978, с. 464—466.

БИБЛИОГРАФИЯ

Пузрина Л. Н. Константин Федорович Седых. — В кн.: Русские советские писатели. Прозаики. М., 1966, № 4, с. 76—101; Макарова Е. К. Ф. Седых. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 175—178; Пи-

сатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 218—219; То же. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 161—163; Русская литература Сибири. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 368—372.

П. Ф. НИЛИН (1908—1981)

Венька Малышев отчаянно дрался с бандитами, лихо стрелял, нежно романтически любил и в конце повести «О любви», обиженный, так же романтически стрелялся. Повесть появилась в журнале «Новый мир» в 1940 г., ее захлестнуло и оставило незамеченной время. Тяжелая щелочь жизни разъедала наносную лихость, позу, налет детектива, проявила полную правду, и возник Венька Малышев «Жестокости», таким каким был в свое время, в давние двадцатые годы сам писатель и его друзья, молодые сотрудники уголовного розыска в старинном деревянном сибирском городе Тулуне.

Так они и стоят лицом друг к другу на пространствах времени — Венька 1940 и Венька 1956 годов. Между ними — пятилетки, война, XX съезд партии, между ними вся сложная судьба писателя Павла Филипповича Нилина.

Отец его — Филипп Семенович — в 19 лет расправился с помещиком, который надругался над парнем — высек его. Филипп был отправлен на каторгу, прикованный цепью к тачке, он возил камень и землю, ставшие со временем насыпью Великого Сибирского пути, потом добывал соль на каторжном Усольском заводе. После отбытия наказания стал он кузнецом, отстроил в Иркутске дом. Был Филипп Семенович суров, справедлив и малоразговорчив. Мать — Мария Александровна, наоборот, обладала мягким, сердечным характером, приютское воспитание дало ей профессию — портниха, а природная интеллигентность — тягу к знаниям, к чтению. Она обшивала семью, соседей, пользовалась популярностью, ибо брала за работу недорого, а мастерица была отменная. Главная мечта ее была выучить сыновей — Семена и Павла. Она читала им книги, выписывала детский журнал, по вечерам под ее руководством они освоили буквы и счет. Младший — Павел, будущий писатель (он родился 16 октября 1908 г.) уже в шесть лет читал и писал, одолевал толстые исторические романы, столь любимые отцом, и, по его же настоянию, долбил церковно-славянский язык. Мальчика отдали в гимназию, но учиться в ней пришлось недолго: в 1918 г., едва Павлу исполнилось десять, не стало отца, нужда заглянула в добротный дом Данилиных (со временем Павел Филиппович, начав печататься как фельетонист, отбросил две первые буквы, потом будет подписываться «Павел Дин», т. е. Павел Д(анил)ин, а литературное имя Нилин останется на всю жизнь).

В 10 лет началась трудовая жизнь Павла, но разбуженная любознательность заставляла его все же искать способы пополнить образование. Он ходил на беседы к учителю словесности, слушал даже лекции по физике, но главное — постигал азы социальной жиз-

ни: в Сибири шла гражданская война, и город Иркутск, в котором родился и рос будущий писатель, переходил из рук в руки.

Первые два отроческие сочинения Павла похожи на два полюса: навеянная беседами бабушки и ее товарок о загробном мире толстенная книга «Жизнь и смерть», в которой впечатлительный парнишка соединил приметы подлинной жизни, леденящие душу истории бабушки и знания, почерпнутые из духовных книг, прочитанных по настоянию отца, и, рожденная жизнью, острая заметка «Акула вместо рабочего», где под псевдонимом «Над ним» Павел описал своего родственника, в кузнице которого работали братья Данилины, не получая за труд ни копейки.

Безработица заставила Нилина менять профессии: кочегар, слесарь, рабочий Лисихинского кирпичного завода, лесопилки, пивзавода, подмастерье у ювелира. Но писать заметки в газету не бросил, его острые, яркие коротенькие фельетоны нет-нет да и появлялись на полосах «Власти Труда». Поиски работы привели его в Тулун, здесь случайный знакомый устроил Павла в уголовный розыск...

Фельетоны Нилина, рассказывающие о тех, кто присосался к жизни, кто ловчит, юлит, брюзжит, написанные просто, иронично, чистым и выразительным языком, обратили на него внимание редакции, и вот девятнадцатилетний комсомолец становится штатным работником «Власти труда». Редактор газеты Георгий Ржанов создал при газете литературное объединение, привлек к сотрудничеству многих талантливых людей — И. Уткина и Д. Алтаузена, М. Скуратова и И. Молчанова. В 1927—1928 гг. традиции илховцев продолжил П. Нилин. Он исколесил всю область, забирался в самые глухие ее таежные углы, перо его было беспощадно — совчиновники, бюрократы, шкурники и головотяпы, нарисованные живо и точно, возникали на страницах газеты, уже читатели узнавали почерк Нилина, каким бы именем он ни подписывался.

В 1929 г. он переезжает в Москву, сотрудничает в «Гудке», где работают в это время М. Булгаков, В. Катаев, Ю. Олеша, И. Ильф, Е. Петров, затем его репортажи появляются в «Известиях». Первые очерки, сквозь строки которых брызжет подлинная жизнь. Так Нилин становится писателем. В 1934 г. имя его названо на обложке журнала «Наши достижения», созданного А. М. Горьким и призванного отражать новизну событий и отношений в стране Советов, а через два года, в 1936-м, в журнале «Новый мир» публикуется его первый роман «Человек идет в гору», сотканный во многом из вчерашних очерков. Книга была замечена критикой, несмотря на то, что в это время ее занимали и шолоховский «Тихий Дон», и «Похождения факира» В. Иванова, и «Дорога на океан» Л. Леонова, и «Страна Муравия» А. Твардовского, и «Хождения по мукам» А. Толстого. Конечно, критика указывала и на излишнюю газетность отдельных эпизодов, на некоторые просчеты в композиции, но книга читалась, особенно в Кузбассе и в Донбассе, где каждый шахтер узнавал себя и время свое, словно в зеркало смотрел в ее страницы. В 1940 г. Нилин по мотивам книги написал сценарий, учтя замечания рецензентов и товарищей. Его Ваня Курский в исполнении Петра Алейникова и Харитон Балун, сыгранный Борисом Андреевым, стали любимыми киногероями, а Павлу Нилину и режиссеру Леониду Лукову за фильм «Большая жизнь» присуждена была Государственная премия СССР.

Наступает время постижения мастерства. Нилин понимает, что овладеть им можно лишь работая в емком, сложном, лаконич-

ном жанре рассказа. Нет, это, конечно, не рационально обдуманное решение, а свойство таланта, вечная, присущая этому человеку самоирония, недовольство собой, упорное желание самосовершенствования. До конца дней своих писатель будет в толстых общих тетрадях записывать сочиненные, впитавшие жизнь, рассказы, называя их с улыбкой «экзерсисами» (уроками), многие из них будут долгими годами отлеживаться в ящике письменного стола в переделкинской даче, изредка какой-нибудь из них Нилин станет читать своим товарищам; за шуткой, с которой ответит на недоуменный вопрос: «Почему это еще не напечатано?», скроет волнение. Постепенно привыкнет к тому, что и впрямь следует публиковать, но поправит, перепишет и лишь потом отдаст в печать. Но таким будет зрелый Нилин, а пока — ему нет еще и тридцати, один за другим появляются его рассказы: «Валя Лугина и ее первый муж», «Ближайший родственник», «Знаменитый Павлюк», «Последняя кража»... Динамичность сюжета, тепло подлинной жизни, ирония, чистота языка отличают лучшие из рассказов той поры, они и до сегодняшнего дня кажутся свежими, современными. Как раз в это же время Нилин делает первый подступ к автобиографическому материалу, в «Новом мире» в 1940 г. появляется его повесть «О любви», автор еще не знает, что эта повесть — своеобразная репетиция одной из самых главных книг его жизни. В коротеньком, в двадцать с небольшим страниц, сочинении не было главного стержня, сделавшего «Жестокость» выдающейся книгой времени. Все было, как говорилось выше, замкнуто не на важнейшую проблему доверия к человеку, а на личные события в собственно Венькиной жизни. Еще не созрел для этого откровения писатель, ибо еще не созрело для этого само время.

Уже через два года Нилину напомнит о Сибири, об Иркутске сама жизнь: на линию обороны Москвы придут сибиряки.

Журнал «Огонек» № 23—24 за 1942 г. Тоненький, с обложкой из газетной бумаги, с выразительной пометой: «14 июня 1942 г. 51—52 недели священной Отечественной войны». Военный корреспондент Нилин выступает в этом номере с фронтовым очерком «Дуэль». Герой очерка сибиряк Иван Топоров стоит на посту в весенний день под Москвой. Топоров думает о Сибири, видит своих малышей-сыновей большими парнями, вспоминает, как хаживал на охоту в тайгу. Вдруг над шоссе появляется немецкий истребитель, и начинается невероятная, казалось бы, дуэль между юрким, оснащенным новейшей техникой фашистским самолетом, и советским часовым, вооруженным лишь винтовкой, которую не быстро перезарядишь, с человеком на посту, не имеющим права этот пост покинуть.

Много пуль вонзилось в тело часового, но он стоял, продолжая стрелять, и когда летчик чуть снизил машину, чтобы поближе рассмотреть: не памятник ли это, не камуфляж ли, Топоров в него попал.

Военный корреспондент «Правды» Нилин был, как и подобает сибиряку, на передовой. Из огня вынес он свои фронтовые рассказы и очерки, в которых действуют скромные, немногословные, обстоятельные люди. Сибиряк Василий Мещеряков, герой очерка «Негасимый огонь», в передышке между боями рассказывает товарищам о любимой книге «Житие протопопа Аввакума». Казалось бы, как далеко от прошитой огнем передовой линии фронта до костра, на котором три века назад сгорел неистовый протопоп. Но Мещеряков вспоминает эпизод: измотанная дальней дорогой, голодом, гонениями жена спрашивает Аввакума:

«— Доколе же мука сия, протопоп?

— До смерти,— сказал протопоп.—До смерти, Марковна.

— Ну, я тогда еще потяну, протопоп, — сказала жена и встала...»

И Мещеряков говорит друзьям: «Вот этого немцы и не понимают у нас. А это самое главное, что если до смерти, то мы так потянем, что чертям страшно станет. Будет еще время, попомните меня, когда немцу покажется, что он уже нас за самое горло взял, что нам уже приходит последний час. И тут мы его так шарахнем со страшной силой навеки, что только пыль и пепел от него полетят. Другого выхода у нас нету...»

Но и рассказы и очерки Павла Нилина военных лет — это вызванная острой необходимостью открытая публицистика, рисующая лишь прямые линии характеров и судеб, в ней соединились факты героизма, описание подвига, и призывы, и четкие важные выводы. Они были призваны вселить в душу воина веру в праведность нашего дела, в неизбежную победу. Лучшее свое произведение о войне, где соединится и остросюжетная ситуация — староста, которому доверяют немцы, на самом деле работает на партизан, и размышления о генезисе подвига, о неоднозначности человеческого характера, о сложности взаимопонимания людей, делающих одно дело, Нилин завершил в 1962 г. Казалось бы, повесть «Через кладбище» напоминает многие книги о войне, где действуют советские люди, переодетые в фашистскую форму, но книга значительно многоплановее, чем распространенные сочинения о партизанах, переодетых в полицаев, автор исследует глубинные мотивы человеческих поступков, психологию человека, в душе которого нет однозначного прямого положительного знака, но знак этот появляется, ибо, свершая путь «через кладбище», как через место на земле, герой еще должен пройти и «через кладбище» потерь, он должен многое похоронить в самом себе.

Нилин не был в родном городе двадцать шесть лет.

Он приехал по делам литературным, приезд этот был знаменателен. Был июль, над Иркутском пылала жара. И как в визире фотоаппарата, в сознании писателя соединялись, сближаясь постепенно и становясь одинаково четкими, старое и новое: там, в Москве, на столе переделкинской дачи, уже лежала завершенная рукопись, которая вскоре перевернет читательское представление о писателе Нилине. Повесть называлась «Испытательный срок», действие происходило в Сибири, вот почему писателя потянуло в места его юности.

В газете «Восточно-Сибирская правда» он писал тогда:

«Ни с чем не сравнимо сложное чувство радости, тревоги и грусти, обуревающее человека в тот момент, когда он после долгого отсутствия снова вступает на землю своего детства, юности, на ту землю, с которой навечно связаны самые светлые воспоминания».

Нет, он не забыл своего пристрастия к острому слову, и в этом газетном выступлении, с присущей ему откровенностью и честностью, говорит о нелепых бетонных фонарях, украсивших площадь Труда, о сложностях городского быта, и чувствуется, как дорог ему Иркутск. Он сам объясняет свою резкость: тому, кто действительно любит свой город, хочется видеть его красивым и благоустроенным, не завтра, не послезавтра и не в будущих временах, когда нас уже не будет на свете, а немедленно, сегодня, сейчас.

В 1956 г. появляется повесть «Испытательный срок», а на следующий, 1957 г., она выходит миллионным тиражом в «Роман-газете» вместе с повестью «Жестокость».

Получившие популярность многочисленные рассказы и послево-

енные повести, все написанное талантливым писателем до этих двух повестей словно отодвигается в прошлое, становится дорогим для сердца, но вчерашним событием. Новый Нилин взял все лучшее, что было у него: пристальный взгляд в душу человека, поиск корней его поступков, взыскательность к языку и деталям быта, но появилось нечто такое, что из тех же, казалось бы, компонентов произвело на свет выплавленный талантом новый металл. Критики определили этот период творчества Нилина одним коротким, но емким словом: «взлет».

Художественная правда — многослойна, не каждому удается проникнуть в самую ее глубину; снова анализируя то, что прожито, пережито, увидено, Нилин вернулся к истокам, вернулся мудрым, прошедшим «испытательный срок» писательского мастерства и «жестокость» самоанализа, вернулся не для того, чтобы, пользуясь сегодняшними событиями, переосмыслить прошлое, а для того, чтобы там, в прошлом, найти истоки того, что происходит сейчас.

Повести «Испытательный срок» и «Жестокость» принесли писателю подлинную славу у читателей страны, серьезную международную популярность.

Павла Филипповича Нилина не стало в 1981 г. К этому времени многие из его рассказов и повестей стали кинофильмами и спектаклями — «Жестокость», «Испытательный срок», «Жучка», «Самая красивая»... На столе его кабинета лежит осиротевшая рукопись — новый роман, действие его, хотя город и назван иначе, происходит в Иркутске.

М. Сергеев

СОЧИНЕНИЯ

Матвей Кузьмич. М.: Правда, 1938; Золотые руки: Рассказы. М.: Гослитиздат, 1939; Человек идет в гору. М.: Сов. писатель, 1939; Дом господина Эшке: Рассказ. Ворошиловск, 1942; Линия жизни: Рассказы. М.: Сов. писатель, 1942; Негасимый огонь. Иркутск: Огиз, 1942; Большая жизнь: Лит. сценарий. М.: Госкиноиздат, 1945; На белом свете: Пьеса в 4-х д. М.; Л.: Искусство, 1947; Поездка в Москву: Роман. М.: Мол. гвардия, 1954; Знакомство с Тишковым: Рассказ. М.: Правда, 1956; Жестокость; Испытательный срок: Повести. М.: Гослитиздат, 1957; Знаменитый Павлюк: Повести и рассказы. М.: Сов. писатель, 1957; Через кладбище: Повесть. М.: Сов. писатель, 1962; Четыре повести. М.: Худож. лит., 1970; Знакомое лицо: Повести и рассказы. М.: Современник, 1975; Жестокость: Повесть. М.: Знание, 1979.

ЛИТЕРАТУРА

Гехт С. О произведениях Павла Нилина. — Лит. критик, 1938, № 4, с. 172—178; Зелинский К. Произведения П. Нилина. — Лит. обозр., 1938, № 6, с. 21—27; Пияшев Н. Ф. Павел Нилин: Очерк жизни и творчества. М., 1962; Лакшин В. О повестях Павла Нилина.— В кн.: Литература и современность. М., 1963, стб. 4, с. 369—394; Яновский Н. С. веком наравне.— Сиб. огни, 1963, № 2, с. 169—178; № 3, с. 152—166; Кардин В. Повести Павла Нилина. М.: Худ. лит., 1964; Теренина Н. А. У истоков творчества П. Ф. Нилина: (Некоторые вопр. истории создания повестей «Жестокость» и «Испытательный срок»).— Вестн. Ленингр. ун-та, 1964, № 20, с. 77—89; Дмитриев С. В гостях у Павла Нилина.— Лит. газ., 1968, 12 июня, с. 5; Янцен Л. А. Тема революционной законности в повестях П. Нилина «Испытательный срок» и «Жестокость». — Науч. тр./Ом. высш. школа милиции МООП СССР, 1968, вып. 2, с. 106—116; Колобаева Л. А. Павел Нилин: Очерк творчества. М.: Просвещение, 1969; Смирнов О. О прозе Нилина.— Лит. обозр., 1977, № 1 с. 25—27; Кардин В. Точка обзора, точка отсчета. — Вопр. лит., 1978, № 10 с. 54—96; О кн. «Жестокость»: Алексеев М. Драматизм простого рассказа. — Октябрь, 1957, № 2, с. 212—215; Воеводин В. «Жестокость» Павла Нилина. — Неза, 1957, № 5, с. 190—192; Теренина Н. А. Еще раз о втором рождении героев: («К истории создания повести «Жестокость»).— Уч. зап./Перм. ПИ, 1968, т. 49, с. 17-39; Теренина Н. А. К вопросу о трагическом в повести Нилина «Жестокость».— В кн.: Вопросы советской литературы. Л., 1968, с. 61—72; Заречнева К. Проблема положительного героя в историко-революционной повести П. Нилина «Жестокость». — Уч. зап./МОПИ, 1970, т. 265, Сов. лит., вып. 10, с. 102—112; О кн.: «Испытательный срок»: Письменный А. Повесть о гуманности. — Нов. мир, 1956, № 4, с. 251—254; Усыскина Е. Партийное поручение. — Октябрь, 1956, № 4, с. 182—184; Тарасенков А. Беспокойные сердца.— В кн.: Тарасенков А. Статьи о литературе. М., 1958, т. 2, с. 454—460.

БИБЛИОГРАФИЯ

Русские советские писатели. Прозаики: Биобиблиогр. указ. Л.; М., 1964, т. 3, с. 280—288.

С. В. САРТАКОВ
(р. 1908)

Сергей Венедиктович Сартаков родился 26 марта 1908 г. в Омске в семье железнодорожника. В период белогвардейского мятежа семья Сартаковых вынуждена была переселиться в Восточную Сибирь, где жили родственники отца. Здесь, недалеко от Нижнеудинска, в глухом таежном поселке Кирей и протекало детство и ранняя юность Сергея. Это была трудовая юность. Со старшим братом Михаилом Сергей ходил на лесорубные работы и на сплав леса. Кузнечили и слесарили, гнули дуги и полозья для саней, гнали деготь и смолу. Всему этому научил их отец Венедикт Ефремович — мастер на все руки. А позднее Сергей занялся промысловой охотой превратившись таким образом в одного из основных добытчиков и кормильцев семьи. За десять лет он вместе со своим «наставником» старым охотником Кешей исходил отроги Саян. Позднее Сартаков «освоил» пространство Ангары и великого Енисея. Не раз он проплывал на разных судах от самых истоков этой реки до ее устья в Карском море.

Учиться приходилось заочно, сдавать экзамены экстерном. Так была закончена Нижнеудинская средняя школа.

Потом переезд в Минусинск. Работа столяром-краснодеревщиком. Снова заочная учеба на счетно-финансовых курсах и переход на профессию бухгалтера. Срочную военную службу Сартаков проходил на побережье Тихого океана, вначале курсантом-одногодичником, затем начальником счетно-финансового сектора из оборонных строек. Демобилизовавшись, он поступил на работу главным бухгалтером лесоэкспортного треста, контора которого находилась то в городе Енисейске, то в Красноярске. Четверть века Сартаков был связан с этим великолепным городом на Енисее. Забегая вперед, скажем: стал впоследствии почетным его гражданином за заслуги в развитии литературного движения в крае.

Литературной деятельностью Сартаков начал заниматься в 30-х годах. Первая книга «Алексей Худоногов» появилась в 1945 г. А в следующем году он был принят в Союз писателей СССР и избран ответственным секретарем Красноярского отделения Союза. Сартаков — один из организаторов Союза писателей РСФСР, в связи с чем в 1957 г. переехал в Москву. В течение девяти лет он — заместитель председателя правления этого Союза, а с 1976 г. секретарь правления Союза писателей СССР, лауреат Государственной премии СССР.

Чтобы понять истоки рождения этого художника, надо вспомнить не только горы, леса и реки Восточной Сибири, но прежде всего людей, среди которых он рос и мужал. Это были сильные и веселые, стойкие и трудолюбивые люди. Именно этот жизненный материал и лег в основу книг Сартакова. Все творчество Сартакова освещено народными идеалами и представлениями о жизни. И это естественно, закономерно, так как такие идеалы и представления были для него родными с детства и на протяжении всего жизненного пути.

Впервые Сартаков прикоснулся к литературному делу в 1934 г., опубликовав в енисейской газете свой фельетон. Первый рассказ «У костра» появился в «Сборнике произведений начинающих писателей Красноярского края» в 1938 г. Но «начинающий» писатель в это время уже был зрелым, много повидавшим и поразмышлявшим о жизни человеком, и поэтому не надо удив-

ляться, что вслед за первым рассказом он написал серию рассказов об Алексее и Катюше Худоноговых, а в 1940 г. (когда ему было всего 32 года) началась публикация первых глав огромного и сложнейшего по материалу и содержанию историко-революционного романа «Хребты Саянские».

В рассказе «У костра» и рассказах о Худоноговых (которые впоследствии были объединены в «роман в новеллах» «Каменный фундамент») писатель как бы «застолбил» свою коронную тему, которой остается верен на протяжении всего литературного пути — тему жизни и борьбы народа, рабочего класса. Революционную борьбу рабочего человека, его духовный рост и развитие с начала XX в. и до нашего времени раскрывает Сартаков.

В «Каменном фундаменте» Алексей и Катя Худоноговы — крестьяне, коренные таежники, охотники становятся членами рабочего коллектива. Постепенное развитие коллективистской психологии, расширение общественных интересов, превращение в подлинных рабочих и показано в этой серии новелл. В «Каменном фундаменте» мы видим и поэтизацию труда, и глубокое и правдивое изображение превращения человека из тайги в рабочего, а затем эволюцию этого «начинающего» рабочего в передового человека.

Продолжение периода, описанного в «Каменном фундаменте», находим в романе «Ледяной клад» (1963). Первые послевоенные годы. Снова Восточная Сибирь, могучий Енисей. Снова рабочий коллектив, но теперь — мастера сплава леса Читаутского сплавного рейда. Этот роман — важное звено единой художественной летописи жизни рабочего класса. Перелистывая страницы романа, входишь в напряженную, но светлую, радостную атмосферу. Суровые картины северной природы, сцены дружного, а порою самоотверженного труда, сложные взаимоотношения людей. В романе показаны три поколения советских людей, идущих плечом к плечу. Первое поколение — это те, кто поднял Красное знамя над нашей страной. К нему принадлежит Василий Петрович Бобыкин — бухгалтер рейда, а в прошлом красный партизан. Второе поколение возмужало на полях сражений против гитлеровских полчищ, а сейчас переживает пору своей гражданской зрелости (начальник рейда Николай Цагеридзе и Мария Баженова). И наконец, поколение молодежи, вступившее в жизнь уже в послевоенное время.

Образ рабочего наших дней с особенной полнотой и разносторонностью возникает в «Барбинских повестях»—трилогии, состоящей из повестей «Горный ветер», «Не отдавай королеву», «Медленный гавот», удостоенной Государственной премии СССР 1970 г. Главный герой книги Костя Барбин родился и вырос в послевоенные годы, описание его жизни является как бы продолжением судьбы Худоноговых и юных героев «Ледяного клада». Это уже новое, молодое поколение советского рабочего класса 60-х гг.

Над своей трилогией Сартаков

работал 12 лет (1956—1967). Печать нового времени лежит на облике не только Кости Барбина, но и его товарищей по теплоходу «Родина» («Горный ветер»), по бригаде кессонщиков на строительстве моста через Енисей («Не отдавай королеву»), но особенно полно и концентрированно показал писатель типические черты нового человека, конечно, в образе Кости Барбина. В «Горном ветре» Костя еще очень молод и неопытен, и поэтому в центре повествования — борьба за Барбина, которую ведут и капитан Иван Дементьевич, и весь коллектив матросов, а прежде всего верная и требовательная подруга его Маша. В итоге добрые начала, выработанные в Косте здоровой трудовой жизнью, где честность, прямота, правдивость ценятся превыше всего, одерживают верх.

Во второй повести трилогии «Не отдавай королеву» мы видим Барбина уже возмужавшим, воспитателем, борцом за человека. Наиболее глубоко новые черты проявляются именно в борьбе Кости за душу человека — за Кошича, за Шуру Королеву. Барбин противостоит уголовникам, хулиганам, спекулянтам.

Повесть «Не отдавай королеву» внутренне полемична, она направлена как против узкого понимания задач «производственного романа», так и против мнения, что изображение человека в труде необязательно. Сартаков исходит из того, что правдиво показать человека труда вне самого процесса труда, вне трудового коллектива немыслимо. Однако этого и недостаточно. Современный человек, современный рабочий раскрывает свои силы и возможности в разносторонней общественной деятельности, в семье, в разнообразных взаимоотношениях с друзьями и врагами и за стенами цеха. Именно так и стремится показывать своих героев Сартаков.

Третья повесть «Медленный гавот» сложна по своей композиции. Выступает в ней одновременно и как автор повести и как ее герой, герой трилогии. Для оценки этой повести самой по себе и для понимания ее роли в изображении формирования характера Барбина очень важно выяснить, в какой степени и как в системе образов, в эстетических оценках отразилась личность Константина Барбина. Отвечая на этот вопрос, надо сказать, что характер главного героя книги выразился во всем этом ярко, убедительно и разносторонне. И в любовном, добром отношении «автора» к трагической фигуре старого конструктора Василия Алексеевича Стрельцова, и в бескомпромиссном осуждении хищничества инженера Мухалатова, укравшего стрельцовские идеи, и в острых зарисовках министерских чиновников Жмуровой и Лапик, и деляги директора завода Фендотова. Во всем этом с новой психологической глубиной и в неожиданной для читателя художественной форме раскрывается все тот же Барбин, с которым мы знакомы, но и новый Барбин — Гражданин с большой буквы, обретший новые интеллектуальные и эмоциональные силы и способности, рабочий-интеллигент, рабочий-художник.

Как уже говорилось, в творчестве Сартакова воедино сливаются тема труда и тема революции. В рассмотренных выше повестях и рассказах показан русский рабочий класс после победы социалистической революции. В романах «Хребты Саянские», «А ты гори, звезда» — путь к этой великой победе, а в романе «Философский камень» — защита завоеваний Октября революционным народом советской страны.

Первый по времени роман «Хребты Саянские» посвящен революционной борьбе российского рабочего класса накануне революции 1905 г. Над этим романом Сартаков работал 18 лет. «Это роман о русском народе в Сибири, о его трудной доле при капитализме, о его неугасимой

ции, и прежде всего потому, что ее герой Константин Барбин выжажде свободы, счастья, о его упорной и все нарастающей борьбе с гнетом и бесправием, о пробуждении в нем неиссякаемых творческих сил, способных преобразить жизнь»,— писал в 1953 г. в «Правде» Г. Марков.

«Хребты Саянские»— огромное художественное полотно, охватывающее десятилетие (1895—1905), насыщенное грандиозными историческими событиями.

В романе показан рост политического самосознания пролетариата, вовлечение крестьянства и интеллигенции в революционное движение, разворот боев с царизмом и буржуазией. Повествование построено на материале рабочего движения в Сибири, но яркие, живые картины книги несомненно передают в типических образах историю формирования и роста российского рабочего класса вообще. Автор показывает и распространение листовок, и нелегальную типографию, и массовки, и работу подпольных кружков, и демонстрацию, и схватки боевых дружин с «черной сотней», и вооруженное восстание, и внутрипартийные дискусссии с меньшевиками, и борьбу с тайной полицией и шпиками, и этапный и тюремный быт революционеров. Последняя, третья книга романа завершается описанием того, как рабочие дружины, теснимые войсками карателя Меллера-Закомельского, уходят в подполье, в тайгу, чтобы сохранить силы для будущих битв.

«Хребты Саянские» занимают достойное место в галерее советских романов о рабочем классе, о его революционной борьбе. В творчестве Сартакова этот роман играет важную роль и потому, что в разработке темы рабочего класса это первый этап — изображение русского рабочего в дореволюционных условиях, в условиях борьбы за власть. Мы видим правдивую картину рождения российского пролетариата, его корни, его истоки. Здесь закладка основ той жизни, изображением которой писатель занят на продолжении всей своей последующей литературной деятельности.

Роман «Философский камень» (1956—1970) по времени и по размаху описываемых событий — продолжение «Хребтов Саянских». На его страницах развертываются картины гражданской войны и последующих десятилетий. В романах разные персонажи, события, но эти книги объединяет, в сущности, один и тот же герой — человек революционной мысли и действия, стойкий и отважный борец. И еще одна черта этого романа, свойственная, впрочем, и другим произведениям Сартакова — стремление показывать своего героя в процессе формирования, развития характера на фоне общенародной жизни, на крутых поворотах истории. Жизненный путь главного героя романа Тимофея Бурмакина именно таков. Это путь роста и закалки патриота, коммуниста, социалистической личности.

«Философский камень» — это синтез, итог предшествующих исканий писателя.

Правомерно видеть в предшествующих историко-революционных романах истоки ленинской темы, которая развернулась во всю широту в романе «А ты гори, звезда». К ленинской теме Сартаков подходил многие годы. И в «Хребтах Саянских», и в «Философском камне» действуют большевики-ленинцы: Михаил Лебедев, воспитанный на трудах Ленина («Хребты Саянские»), комиссар Алексей Платонович Васенин, который не только изучал труды Ленина, но и был вместе с ним в эмиграции («Философский камень»). А во второй половине 60-х гг. в различных изданиях стали появляться рассказы писателя о В. И. Ленине. Некоторые из них («Первая встреча», «Жаркий летний день», «Пять писем одного года») позднее вошли в роман «А ты гори, звезда», другие («Де-

ло всегда отзовется», «Вечерний час») живут самостоятельно.

В предисловии к сборнику рассказов Сартаков писал о произведениях ленинской темы: «...Возводится основание под постамент будущего гигантского монолита, по глубоко народному обычаю почтительно насыпается холм земли. Той земли, на которой жил Владимир Ильич Ленин, которую он любил беспредельно и во имя счастья которой отдал всю жизнь свою до последнего вздоха. Эта моя книга — шапка земли к подножью холма».

И вот еще одна «шапка земли к подножью холма» — роман «А ты гори, звезда», в котором важное место занимает образ Владимира Ильича. Вождь революции ищет талантливых и преданных делу рабочего класса организаторов и агитаторов, воспитывает и наставляет их, дает ответственные и опасные поручения, организует работу прессы.

Деятельность революционеров — и прежде всего центрального героя романа Иосифа Дубровинского — освещена ленинским гением. Ленин влияет на весь ход событий своей мыслью, страстью и волей, своими теоретическими трудами. Вождь революции показан в эмиграции — в Париже, Женеве, Финляндии, на V съезде РСДРП и на совещаниях расширенной редакции «Пролетария» в Лондоне, в беседах и спорах с друзьями и с врагами.

Роман Сартакова «А ты гори, звезда» — талантливая страница, вписанная в летопись истории рыцарей революции, в советскую Лениниану.

Сартаков, как и большинство наших крупных литераторов, всегда вел и ведет поныне разнообразную ответственную общественную деятельность. А как писатель он — исследователь, борец, неутомимый труженик.

Закончен и напечатан роман «Свинцовый монумент». Снова наше время, рабочие люди, художники, тайга, поиск руды. Свежесть красок, молодость чувств. Какая-то особенная, как говорят, кристальная прозрачность мыслей и языка. Это свойственно только большому таланту, отточенному и отшлифованному не годами, а десятилетиями.

Недавно Сартаков порадовал читателей новым романом «Вечная песнь — колыбельная». Книга с таким поэтическим названием внутренне тесно связана с предыдущим романом «Свинцовый монумент». И там и здесь события развертываются в родной Сибири, и там и здесь — в центре внимания писателя могучие духом, мужественные, талантливые люди — живописец Андрей Путинцев и его любимая девушка Даша. Спасая Дашу из ловчей ямы, куда она, заблудившись, попала ночью, сам Андрей погибает. И вот теперь (уже во втором романе) Даша отдает всю свою любовь и нежность сохранению ценнейшего творческого наследия друга. Это она считает целью своей жизни. Художественное творчество, даже самое талантливое, беззащитно, если его не сберегает заботливая рука. Только тогда и после смерти творца оно будет жить и выполнять свое высокое назначение.

А. Дремов

СОЧИНЕНИЯ

Собрание сочинений: В 5-ти т. М.: Худож. лит., 1978—1980, т. 1—5 [т. 6 доп.]. Избранное. М.: Моск. рабочий, 1965; Алексей Худоногов: Рассказы. Л.: Сов. писатель, 1946; Плот идет на Север: Повесть. М.; Л.: Детгиз, 1952; Не отдавай королеву. М.: Сов. писатель, 1961; Хребты Саянские: Роман. В 3-х кн. М.: Сов. писатель, 1961; То же. М.: Известия, 1981; Ледяной клад: Роман. М.: Мол. гвардия, 1962; Каменный фундамент: Повесть. М.: Гослитиздат, 1963; По Чунским порогам; Капитан ближнего плавания: Повести. М.: Сов. Россия, 1963; Дело всегда отзовется: Рассказы. М.: Сов. Россия, 1966; Козья морда. Повесть. М.: Сов. писатель, 1967; Первая встреча: [Рассказы о В. И. Ленине]. М.: Мол. гвардия, 1967; Бардинские повести: Горный ветер; Не отдавай королеву; Медленный гавот («Козья морда»). М.: Мол. гвардия, 1968; Жаркий летний день: [Рассказы о В. И. Ленине]. М.: Правда, 1969; Ледяной клад: Роман; Журавли улетают на юг: Повесть. М.:

Моск. рабочий, 1975; А ты гори, звезда: Роман. М.: Сов. писатель, 1976; Земля моя. М.: Россия, 1976; То же. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983; Над чистым листом. М.: Современник, 1978; То же. М.: Современник, 1982; По Чунским порогам: Повесть. М.: Сов. Россия, 1983; Философский камень: Роман. М.: Худож. лит., 1983; Свинцовый монумент: Роман. М.: Худож. лит., 1986.

ЛИТЕРАТУРА

Ершов Г. А. Певец Сибири: О жизни и творчестве С. Сартакова. Тюмень: Кн. изд-во, 1962; Дементьев В. В. Здравствуй, Лена-река. — В кн.: Дементьев В. В. Поэты от земли. М., 1963, с. 74—107; Калярская Л. Дорога писателя. — Знамя, 1968, № 3, с. 242—247; Ершов Г. Сергей Сартаков: Жизнь и творчество. М.: Сов. Россия, 1969; Еселев Н. Сибирский характер. Москва, 1970, № 11, с. 209—213; Еселев Н. Х. Писатели-землепроходцы. М.: Сов. Россия, 1972, с. 154—169; Чалмаев В. А. Сбереженная улыбка: Молодой герой в «сиб». повестях С. Сартакова. — В кн.: Чалмаев В. А. Огонь в одежде слова. М., 1973, с. 138—151; Дремов А. К. Сергей Сартаков: Очерки творчества. М.: Сов. писатель, 1975; Колесникова Г. Писатель и его герои. — Знамя, 1978, № 2, с. 237—239; Кычаков И. На философском фундаменте. — Октябрь, 1978, № 4, с. 215—220; О кн.: «А ты гори, звезда»: Дремов А. Из искры пламя! — Знамя, 1975, № 6, с. 222—226; Серебрякова Г. Дорога первых коммунистов. — Нов. мир, 1975, № 12, с. 257—260; Чиров Д. Соратники Ленина. — Лит. обозрение, 1975, № 6, с. 13—14; Буханцов Н. Жизнь отданная революции. Мол. гвардия, 1976, кн. 1, с. 301—305; Плоткин Л. Свет звезды. — Нева, 1976, № 4, с. 178—182; Рассадин В. Делать жизнь с кого? — Дал. Восток, 1976, № 2, с. 151—154; О кн.: «Барбинские повести»: Зубков М. Добрый талант. — Нева, 1968, № 10, с. 182—183; Калярская Л. Дорога писателя. — Знамя, 1968, № 3, с. 242—247; Дробышев В. Исповедь нашего современника. — Мол. гвардия, 1971, № 4, с. 297—300; Синельников М. Постигая народную жизнь. — Знамя, 1971, № 7, с. 217—230; Янов А. Движение молодого героя.— Нов. мир, 1972, № 7, с. 232—261; Дремов А. Продолжая традиции. — Знамя, 1973, № 11, с. 250—256; О кн. «Первая встреча»: Шик Э. Среди людей.— Сиб. огни, 1968, № 12, с. 173—174; Заморий Т. Встреча с вождем. — Радуга, 1969, № 7, с. 173—176; О кн. «Философский камень»: Чиров Д. Бурмакин и Скворень. — Волга, 1966, № 12, с. 157—159; Фоменко Л. Поступь истории. — Москва, 1967, № 8, с. 207—215; Шик Э. В поисках философского камня.— Сиб. огни, 1967, № 6, с. 175—177; Замошкин К. Правда, счастье, жизнь. — Знамя, 1971, № 1, с. 244—247; Синельников М. В поисках философского камня. — Дружба народов, 1971, № 9, с. 270—272; Чиров Д. По законам художественного творчества. — Октябрь, 1971, № 4, с. 199—210; Шик Э. Приметы времени и логика характера. — Сиб. огни, 1971, № 6, с. 171—177; Войлошникова В., Заречнева К. Проблема гуманизма в романе С. В. Сартакова «Философский камень». — Енисей 1972, № 3, с. 59—61: О романе «Хребты Саянские»: Марков Г. Жизнь. Литература. Писатель М., 1971, с. 326—339; Дремов А. Панорама народной жизни. — Октябрь, 1972, № 11, с. 204—211; Бровман Г. Труд. Герои. Литература. М., 1974, с. 80—83.

БИБЛИОГРАФИЯ

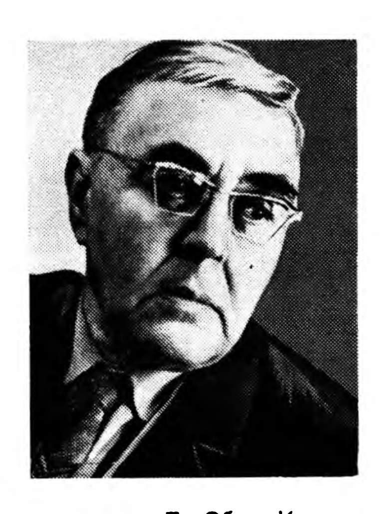
Друян Н. Д. Сартаков С. В.— В кн.: Русские советские писатели. Прозаики. М., 1966, т. 4, с. 42—54; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 214—216; Русская литература Сибири. Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2., с. 363—368.

Н. Я. ШАГУРИН (1908—1983)

Николай Яковлевич Шагурин, один из старейших сибирских писателей-фантастов, родился в Харькове 16 сентября 1908 г., в родном городе окончил среднюю школу, а затем в Москве — электротехнический техникум. Печататься начал в 1927 г.

Как и многие другие советские писатели, Шагурин много лет посвятил работе в прессе, пройдя путь от литсотрудника до ответственного секретаря редакции областной газеты «Красный Крым». После войны переехал в Новосибирск, и с этого момента его жизнь и литературная деятельность связаны с Сибирью. С 1953 г. и по сей день живет и работает в Красноярске, где в течение ряда лет был собственным корреспондентом центральной газеты «Водный транспорт».

Первая книжка Шагурина «Безбожное кино» вышла в 1930 г. в Москве и предназначалась для пропагандистов. Позднее им была написана еще одна книжка небеллетристического характера —

путеводитель «По Оби и Иртышу».

Сотрудничая в печати как очеркист и фельетонист, Шагурин одновременно создал ряд книг для детей: «Серебряный моряк», «Морские сказки», «Три матроса». Но излюбленный его жанр — научная фантастика и приключения. Первые его рассказы в этом жанре —«Человек, который умер позавчера», «История Ма-Тин-Фана, китайского солдата», «25000 библий» были опубликованы в московском журнале «Вокруг света» в 1930 г. Повести и рассказы Шагурина печатались в журналах «30 дней», «Краснофлотец», «Уральский следопыт», в альманахе «Енисей» и различных сборниках, на страницах городских, областных и краевых газет. Сибирским читателям Шагурин известен по книгам «Рубиновая звезда», «Остров Больших Молний», «Тайна декабриста», «Аргус против Марса», выпущенным Красноярским книжным издательством.

Тема острейшего противоборства и неизбежной победы сил мира, прогресса и разума над силами милитаризма, деградации, мракобесия — определяющие в творчестве Шагурина. Критик Б. Беляев в книге «Отображая жизнь» пишет: «Произведения Н. Шагурина привлекают читателя динамичностью сюжета, остротой коллизий и, конечно, идеями гуманизма, прославлением человеческого разума и плодотворного труда, убедительным раскрытием превосходства социалистического общества над гниющим миром капитализма».

Как известно, в последние годы писателей-фантастов особенно привлекают темы освоения космоса и облик грядущего. Шагурин отдал дань этим темам в своих произведениях: рассказе «Возвращение Звездного Охотника» и радиопьесе «Партизаны космоса». Но в своем последнем крупном произведении — фантастико-приключенческом романе «Эта свирепая Ева» он взял самую «земную» проблему, тесно связанную с жизнью на Земле. Речь в романе идет о борьбе с ураганами, приносящими огромный вред человечеству, вызывающими катастрофические разрушения, колоссальные материальные убытки и тысячи, десятки тысяч, а иногда и сотни тысяч человеческих жертв.

Но ошибается тот, кто посчитает, что автор задался целью преподнести читателю развлекательное чтение. «Человек должен научиться повелевать стихиями, управлять климатом, и наука может дать ему в руки средства для этого»— такова идея, лежащая в основе романа, ради которой, собственно, и создна книга.

Привлекают внимание Шагурина также сатира и юмор. Его стихотворные фельетоны и басни, едко бичующие пережитки прошлого и уродливые явления жизни, его юмористические рассказы публиковались в «Крокодиле», альманахе «Енисей», на страницах газет и журналов. Лучшие из его произведений в этих жанрах собраны в сборники «12 басен» и «Товарищ Смех».

В статье, посвященной творчеству Шагурина, Иван Сибирцев отмечал: «. . .В лучших своих созданиях Николай Шагурин предстает во всеоружии профессионального опыта и обширных знаний;

нельзя не проникнуться признательностью и уважением к его сыновней, солдатской преданности советской литературе».

Шагурин, прошедший большой жизненный и творческий путь, сохранил верность романтике и «литературе крылатой мечты», в увлекательной форме раскрывающей перед читателем возможности передовой науки и черты строителя коммунистического общества.

Умер Шагурин в августе 1983 г. в Красноярске.

Г. Ермолина

СОЧИНЕНИЯ

Повесть о Тау-сагызе. Алма-Ата: Крайиздат, 1932; Сказка о серебряном моряке. Симферополь: Крымиздат, 1941; Три матроса: Сказка. Симферополь: Крымиздат, 1947; Двенадцать басен. Симферополь: Крымиздат, 1948; Рубиновая звезда: Приключ. повесть. Красноярск: Кн. изд-во, 1955; Остров больших молний: Приключ. повесть. Красноярск: Кн. изд-во, 1956; Товарищ Смех: Сатира и юмор. Красноярск: Кн. изд-во, 1962; Аргус против Марса: [Корона солнца; Кентавр выпускает стрелу] Повести фантаст.-приключ. и науч.-фантаст. Красноярск: Кн. изд-во, 1967; Тайна декабриста: Фантастика. Приключения. Детектив. Красноярск: Кн. изд-во, 1975; Морские сказки. Красноярск: Кн. изд-во, 1981; Эта свирепая Ева: Фантаст. роман, повести, рассказы. Красноярск: Кн. изд-во, 1983.

ЛИТЕРАТУРА

Омбыш-Кузнецов С. Книга приключений и фантастики. — Сиб. огни, 1959, № 2, с. 181—183; Беляев Б. Полет в будущее. — В кн.: Беляев Б. Отображая жизнь. Красноярск, 1958, с. 95—99; Сергеев-Ценский С. Н. Письма Н. Я. Шагурину: [По поводу его кн.: «Морские сказки»]: Публикация. — Енисей, 1962, кн. 1, с. 145—146; Сибирцев И. Верность романтике. — Енисей, 1968, № 4, с. 44—46; Размахнина В. Контраст века — реальность: (К 70-летию Н. Я. Шагурина).— Енисей, 1978, № 5, с. 12—14; О кн. «Рубиновая звезда»: Агафонов М. Краснояр. рабочий, 1955, 9 июля; Беляев Б. Заметки о творчестве молодых писателей. — Енисей, 1955, кн. 16, с. 193—194; О кн.: «Остров больших молний»: Борисов Л. Новая повесть Н. Шагурина. — Енисей, 1957, кн. 19, с. 229—231; Мастеренко В. «Главное — от жизни не отстать». — Сиб. огни, 1958, № 5, с. 183—184; О кн.: «Аргус против Марса»: Татаринцев Б. «Как поют фреры...». — Сиб. огни, 1968, № 4, с. 179—180. О кн. «Тайна декабриста»: Мотяшов И. Уважение к читателю. — Сиб. огни, 1967, № 4, с. 167—177.

БИБЛИОГРАФИЯ

Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 288—289; То же. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 214.

Ж. Б. БАЛДАНЖАБОН (1909—1967)

Жамьян Балданович Балданжабон родился 14 марта 1909 г. в улусе Хужартай ныне Агинского бурятского национального округа Читинской области в семье скотовода-бедняка Дамдина Балданжаба. В Агинске окончил среднюю школу. Рано начал трудовую жизнь, был одним из первых комсомольцев Агинской степи. В 1924 г. комсомолец Жамьян Балданжабон руководил пионерским бюро при Агинском аймачном комитете РКСМ. Умеющий читать и писать по-русски и по-бурятски, он помогает ликвидировать неграмотность земляков, активно сотрудничает в молодежных газетах, пишет стихи. Первое стихотворение было опубликовано в 1925 г. на страницах газеты «Залуу малчин». Горячие строки поэта-комсомольца метко бьют по кулакам и подкулачникам». В 1931 г. в Улан-Удэ выходит в свет его первый поэтический сборник «Всегда вместе», а в 1933 г. второй сборник стихотворений и пьес «Весенний призыв». На обложке этого сборника трактор вспарывал плугом целинную степь, символизируя приверженность молодого автора к жгучим темам современности, к тем проблемам, которые стояли и успешно разрешались советским крестьянством в тридцатые годы, годы сплошной коллективизации.

В эти же годы Балданжабон написал поэму «Путь Батора». Она посвящена герою конфликта на КВЖД агинцу Дондоку Дылгырову, именем которого назван один

из колхозов округа. Живя и работая в эти годы в Улан-Удэ, Балданжабон создает очерки о строительстве в столице Бурятии паровозо-вагоноремонтного завода.

Время было горячее, приходилось работать на разных участках социалистического строительства, выполнять самые различные поручения. Балданжабон в эти годы трудился на разных постах: инструктором бурятского обкома комсомола, заместителем редактора газеты «Буряад Монголой Унэн», редактором газеты «Гигант Бурятии», редактором газеты «За мясо, за молоко».

Он был участником проходившей в Иркутске в 1935 г. первой краевой конференции писателей Восточной Сибири.

В 1939 г. Балданжабон возвращается из Улан-Удэ в Агинское. Он преподает в Агинском училище, заведует педагогическим кабинетом окружного отдела народного образования, выступает как соавтор ряда учебников и учебных пособий по бурятскому языку и литературе, по методике преподавания, он крупный методист бурятского языка, признанный авторитет среди ученых монголоведов. И продолжает литературную работу. В 1940 г. в Улан-Удэ издается сборник его рассказов «Изо дня в день».

В годы Великой Отечественной войны Балданжабон служил в рядах Советской Армии, участвовал в разгроме милитаристской Японии. В эти годы он пишет стихотворения «Вечная слава», «Здравствуй, товарищ», «Степные огни», создает рассказы: «Из-под смерти», «Невидимый человек», «Срочная телеграмма», «Солнце», «Любовь Дулмы» и др.

Вернувшись к мирному труду, писатель с новой силой отдается любимому делу. Творчество его становится более зрелым, от книги к книге растет художественное мастерство. В 1949 г. появляются рассказы «У костра», на бурятском языке. В 1952 г. в сборнике «В степи Агинской», изданном в Чите, печатается его первая повесть «Огни Ундуров». В ней писатель возвращается к тридцатым годам — времени переустройства сельского хозяйства. Люди преображают степь, преображается и быт, обычаи степняков, пробужденных Великим Октябрем к творчеству, к созидательному труду, просвещению и культуре.

В 1957 г. выходит повесть «Беркут», самое поэтическое произведение писателя, нашедшее отклик в сердцах как бурятских, так и русских читателей разных поколений и возрастов. Это повесть о легендарном народном герое Аригуне Бубэе. Бедняк-скотовод из Агинской степи Аригун Бубэй, не желающий склонять свою гордую голову перед степными богачами-нойонами, честный и справедливый, находчивый и веселый человек — лицо не вымышленное. Древние старики еще и сейчас помнят Аригуна Бубэя. Балданжабон по крупицам, оставшимся в памяти людей, восстановил картину жизни Бубэя, раскрыл его богатую и мятежную душу, душу Беркута, который «не ползает по земле, а парит выше облаков». Повесть написана с юмором, столь присущим творчеству Балданжабона, воплотившем в самом себе

лучшие черты своего народа: добродушие, гостеприимство, честность и простоту. Одна за другой выходят книги писателя: «Гуси», «Пятерка», «Тайны Алханая», поэма «Сын». В 1964 г. издается роман «Голубые сопки». Это крупное произведение о сегодняшнем дне Агинской степи, о молодежи, которая приходит на смену старшему поколению. В тугой узел завязываются в романе производственные вопросы и человеческие судьбы. Писатель запечатлел сформировавшийся за годы социалистического строительства новый тип бурята — рачительного хозяина агинских степей, хранителя народной мудрости и опыта, накопленного многими поколениями степняков.

Повесть «Последняя табисса» вышла незадолго до смерти писателя (он умер в марте 1967 г.). Это произведение, направленное против попыток оживления религиозных представлений, о необходимости ежедневной борьбы с носителями религиозного дурмана.

Выступал писатель и как поэт-песенник. Вместе с агинскими самодеятельными композиторами он создал ряд песен об агинской степи, ее людях.

Балданжабон много внимания уделял подрастающей литературной смене. В 1948 г. при окружной газете «Агын Унэн» он создал литературное объединение, в которое вошли многие начинающие прозаики и поэты. Их первые произведения печатаются в окружной и областной газетах, в альманахе «Забайкалье», входят в сборники, переводятся на русский язык. Из этого объединения, при непосредственной помощи Балданжабона, вышли известный драматург и романист Д. Батожабай, критик Ц. Дугарнимаев, выпускники института им. Горького Э. Даржиев и М. Намсараев. Дело, начатое зачинателем бурятской литературы, продолжили его ученики — поэты Арсалан Жамбалон и Цыдып Жамбалов.

Занятый писательской, преподавательской и общественной работой, Балданжабон находил время для своего еще до войны задуманного детища — создания в родном округе краеведческого музея. Музей был открыт в 1963 г. Поэт вел большую общественную работу. Долгие годы был активным членом общества «Знание», членом географического общества СССР, общества по охране памятников культуры и истории, за активную литературную и общественную деятельность был награжден орденом «Знак Почета» и медалями.

Н. Дворниченко

СОЧИНЕНИЯ

Избранные произведения: Стихи, рассказы, повести. Улан-Удэ, 1957; Беркут; Похождения Аригуна Бубэя: Повести. Чита, 1957; Тайны Алханая: Повесть. Чита: Кн. изд-во, 1958; Беркут; Голубые сопки; Последняя табиса; Повести. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1969.

ЛИТЕРАТУРА

Костюковский Б. Писатели преображенной степи. — В кн.: В степи Агинской. Чита, 1952, с. 3—6; Махатов В. Проблемы социалистического реализма в бурятской литературе: [О романе «Гудит паровоз»]. Улан-Удэ, 1962, с. 49—55; Найдаков В. История и современность: [О романе «Перевал»]. — Байкал, 1963, № 1, с. 151—160; Романенко Д. У могучих истоков. М., 1963, с. 328—334; Найдаков В. Народ, время, писатель. Улан-Удэ, 1964, с. 82—84; Он же. Второе рождение романа: [О кн. «Голубые сопки»]. — Байкал, 1965, с. 143—146; Прокопьев Ю. На путях к зрелости. — Полярная звезда, 1965, № 3, с. 163—168; Никонов В. Жамьян: (К 60-летию со дня рожд.). — Заб. рабочий, 1969, 14 марта; Он же. Беркут, расправивший крылья: (Заметки о прозе Ж. Балданжабона). — Заб. рабочий, 1970, 5 авг.; История советской многонациональной литературы: В 6-ти т. М.: Наука, 1972, т. 2, кн. 2, с. 468—469; Нестеренко Ю. «Тайны Алханая». — Заб. рабочий, 1975, 11 июля; Дворниченко Н. «Степной беркут». — Заб. рабочий, 1979, 16 марта; Жамбалон А. Бакша. — Заб. рабочий, 1979, 16 марта; Дворниченко Н. Вчера и сегодня Забайкальской литературы. Иркутск, 1982, с. 234—241.

БИБЛИОГРАФИЯ

Писатели Восточной Сибири. Иркутск, 1973, с. 60—61; То же. Якутск, 1978,

вып. 2, ч. 2, с. 24—26; Что читать об Агинском Бурятском национальном округе. Чита, 1974, с. 97—100; Ж. Б. Балданжабон: Памятка. Чита, 1979.

А. А. ШМАКОВ (р. 1909)

Александр Андреевич Шмаков родился в крестьянской семье 22 июня 1909 г. в городе Боготоле Красноярского края, вблизи печально известного Сибирского тракта. Первые поездки по окрестностям Боготола, по Сибирскому тракту еще в школьные годы, рассказы очевидцев о судьбах колодников, предания, песни и легенды о тяжелой участи каторжан, о несгибаемой воле русского человека и его вековечной мечте о свободе возбудили у будущего писателя живой интерес к старине, к истории родного края. Будучи школьником, он делает первые попытки написать об этом в своих дневниках, а позднее рассказать в заметках, публиковавшихся в окружной газете «Ачинский крестьянин» и различных журналах Сибири.

Прежде чем стать писателем-профессионалом, он работал маляром на железнодорожной станции в родном городе, рабочим на Сучанских угольных шахтах, слесарем-паровщиком на одном из подмосковных заводов. С 1931 по 1935 г. служил в армии на Дальнем Востоке в знаменитом Волочаевском полку, где и началась его серьезная журналистская деятельность.

Литературный сотрудник военной газеты, затем после демобилизации из армии с 1935 по 1938 г. редактор фабричной многотиражки, Шмаков поступает учиться в Московский литературный институт им. Горького. Позднее закончил исторический факультет Ташкентского педагогического института им. Низами.

В 1939 г. по командировке ЦК партии Шмаков был направлен на работу в Иркутск редактором областной газеты «Восточно-Сибирская правда». Здесь он избирается членом обкома партии, депутатом областного и городского Советов, принимает активное участие в общественной и литературной жизни края. В годы Великой Отечественной войны при редакции организуется выпуск Агитокон ТАСС. Сатирические плакаты со стихотворными текстовками сначала печатаются в газете, потом, размноженные в мастерской художников, выставляются в специальных витринах города.

Создается ударная писательская бригада, которая постоянно выступает в «Восточно-Сибирской правде» с очерками и рассказами о героизме тружеников в глубоком тылу, а затем в Иркутском издательстве оперативно выпускаются небольшого формата книжки, составившие библиотечку рассказов и очерков о самоотверженном труде рабочих и колхозников.

Шмаков участвует в подготовке многих сборников, редактирует некоторые из них: «Якуты в тылу», «За власть Советов», ряд книжек поэта А. Ольхона. С его участием проходит первое межобластное совещание фольклористов и сказителей Сибири, состоявшееся в Иркутске 20—25 марта 1943 г.

Город на Ангаре стал для Шмакова его литературной колыбелью. Здесь в 1939 г. были опубликованы его первые очерки и рассказы в альманахе «Новая Сибирь». Вскоре новые публикации писателя появились в журналах «Сибирские огни» и «Звезда Востока». Печатались они под псевдонимом Александров.

В 1941 г. в Иркутске вышла первая книга писателя «Рассказы о матери и сыне». В последующие годы появляются новые сборники очерков и рассказов: «Москва моя», «Зеленая улица», «Байкальские встречи», «Федины колоски». Задушевно и взволнованно

рассказывает в них писатель о своих современниках, скромных советских людях, все дела и помыслы которых направлены на достижение победы в годину всенародной борьбы с фашизмом.

В таких книгах, как «У скал Фархада», «Колхозные очерки», «На белых землях», писатель прославляет энтузиазм советского народа и его трудовые подвиги в послевоенный период.

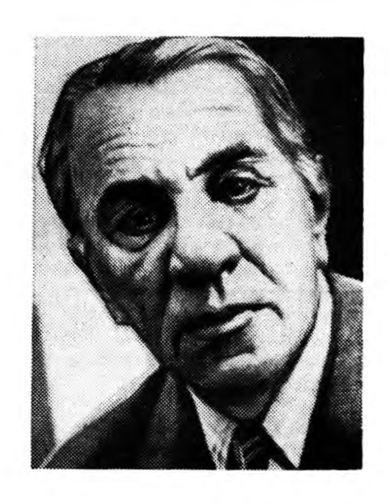
В 1949 г. Шмаков принят в Союз писателей СССР.

Более 15 лет своей творческой деятельности писатель посвятил созданию монументальной исторической трилогии «Петербургский изгнанник» — романа о первом русском писателе-революционере А. Н. Радищеве.

Начало работы над романом относится к 1939 г., когда молодой автор принимает эстафету из рук Ольги Форш, только что завершившей трилогию «Радищев». В отличие от предшественницы, посвятившей свое произведение проблеме становления мировоззрения одного из выдающихся представителей русской революционной мысли, Шмаков художественно воссоздает наиболее драматический период жизни Радищева, начиная повествование с 1790 г. и завершая его трагической гибелью писателя-революционера в 1802 г.

Заслуга Шмакова состоит в том, что он первый в советской литературе осветил жизнь А. Н. Радищева после написания им «Путешествия из Петербурга в Москву», преобразил исследованный архивный и документальный материал в художественно убедительное произведение, выдержавшее уже много изданий.

Проблема народа — одна из центральных проблем «Петербургского изгнанника», ибо служение народу составляет определяющую черту личности Радищева. Эта проблема раскрывается писателем убедительно и разносторонне. Прежде всего — это поэтизация народной вольницы,

пугачевского восстания, протеста против каторжной жизни. Сам Радищев, «бунтовщик хуже Пугачева», постоянно сопоставляется с вожаком народного восстания.

Однако в подавляющем большинстве представители народа, выведенные в романе, слепы и забиты и зачастую наивны в своих представлениях о лучшей доле. Каждый километр пути по Сибири убеждает Радищева в непримиримости к насилию и угнетению. Следование по Сибири углубило его понимание России.

Собирая материал для своего романа, Шмаков тщательно изучил множество печатных и рукописных источников; собрал и систематизировал документальный и научный материал о Радищеве, хранящийся в архивах Иркутска, Красноярска, Тюмени, Тобольска, Владимира; повторил почти весь путь ссыльного писателя от Москвы до Илимска.

Шмаков органически соединяет в себе дар беллетриста с исследовательским пафосом. Так, работая над романом-трилогией, он опубликовал ряд статей и очерков о писателе-революционере: «Радищев в журналистике революционной Сибири», «Интерес Радищева к Востоку», «Неизвестные служебные бумаги А. Н. Ра-

дищева», «О радищевских традициях в украинской литературе», «Радищев в Томске», «Радищев на Урале» и др. Все они имеют научную ценность. Книга Шмакова «Радищев в Сибири», изданная в Иркутске в 1958 г., была одобрительно встречена критикой.

Результатом этого колоссального труда и явился роман «Петербургский изгнанник»: первая книга вышла в 1951 г.; вторая — в 1953-м; третья — в 1955-м. Первое издание романа осуществило Новосибирское издательство.

Перу Шмакова принадлежит также большой роман «Гарнизон в тайге» (1959), повествующий о жизни нашей армии в 30-е гг., о формировании характера советского командира. В произведении показаны новые страницы боевой биографии Волочаевского полка, развертываются события, участником которых был автор. Самые запоминающиеся страницы романа связаны с образом полководца В. К. Блюхера.

В последнее время писателем завершено новое произведение — документальная повесть «Азиат», в центре которой образ видного уральского революционера, сподвижника В. И. Ленина, Герасима Мишенева.

Значительное место в творчестве Шмакова занимают работы по исследованию литературного движения на Урале и в Сибири. Он активно пропагандирует малоизвестные страницы творчества Л. Сейфуллиной, Ю. Либединского, В. Правдухина, В. Юрезанского, Ф. Панферова, А. Серафимовича, Н. Здобнова, а также бурятских, тувинских, узбекских, татарских и башкирских писателей, тесно связавших свою литературную судьбу с Сибирью и Уралом.

С 1952 г. Шмаков живет и работает в Челябинске. С этого времени он становится неутомимым исследователем литературной жизни Урала, показывает зарождение литературного движения в тесной связи с революционно-освободительной борьбой нашего народа. Широкий общественный резонанс получили литературоведческие книги Шмакова: «Горький и Урал», «Фадеев на Урале», «На литературных тропах», «В литературной разведке», «Наше литературное вчера».

Перу писателя принадлежит множество публицистических статей, очерков, критических заметок. Журналистская деятельность постоянно сопутствует его писательскому труду.

Произведения Шмакова переводились на языки народов нашей страны, а также на немецкий, английский и французский.

Литературно-творческая работа писателя неотделима от его общественной деятельности. Много лет Шмаков возглавлял Челябинскую писательскую организацию, был членом обкома КПСС, депутатом городского Совета народных депутатов, членом редакционной коллегии журнала «Урал», альманаха «Каменный пояс», делегатом многих писательских съездов. Он — председатель совета уральских «Бирюковских чтений» и первый лауреат премии имени В. П. Бирюкова.

Л. Гальцева

СОЧИНЕНИЯ

Рассказы о матери и сыне. Иркутск, 1941; Байкальские встречи. Иркутск, 1946; Петербургский изгнанник: Ист. роман. Кн. 1. Новосибирск, 1951; То же. Кн. 2. Новосибирск, 1953; То же. Кн. 1—3. Свердловск, 1979; Радищев в Сибири: Ист.-лит. очерк. — Иркутск, 1952; Гарнизон в тайге: Роман. Челябинск, 1959; Наше литературное вчера. Челябинск, 1962; На литературных тропах. Челябинск, 1969; В литературной разведке. Челябинск, 1973.

ЛИТЕРАТУРА

Рязанова М. Творчество А. А. Шмакова. — В кн.: Поэты и писатели Южного Урала. Челябинск, 1961, с. 35—40; Валеев Р. Искатель. — Лит. Россия, 1969, 20 июня; Юбилей писателя: О начале творческого пути А. Шмакова в Иркутске. — Вост.-Сиб. правда, 1969, 22 июня; Яновский Н. Шмаков Александр Андреевич. — Крат. лит. энциклопедия, 1975, т. 8, стб. 748—749; О кн. «Рассказы о матери и сы-

не»: Сергеев А. Очерки о героической Москве. — Вост.-Сиб. правда, 1942, 10 мая; О рассказе «Ариша из семьи Карабановых»: Кудрявцев Ф., Фролов Д. — Вост.-Сиб. правда, 1946, 3 февр.; О романе «Петербургский изгнанник»: Западов А. Роман о Радищеве. — Лит. газ., 1953, 8 авг.; Козьмин М. В плену у материала. — Нов. мир, 1953, № 12, с. 273—277; Мисюров А. Роман о Радищеве. — Сов. Сибирь, 1953, 8 июля; Яновский Н. Новый роман о Радищеве. — Сиб. огни, 1954, № 1, с. 176—178; Он же. Советский исторический роман в Сибири. — В кн.: Яновский Н., Рясенцев Б. Литературные очерки. Тюмень, 1955, с. 3—61; Дергачев И. Роман о первом русском революционере. — Южн. Урал, 1957, № 2—3, с. 240—245; Ленобль Г. Из дневника критика. В кн.: Ленобль Г. История и литература. М., 1960, с. 231—298; Скоробова А. М. Сюжетно-композиционные особенности историко-биографических романов о первом русском революционере Радищеве. — Уч. зап./Моск. гос. пед. ин-т, 1968, вып. 19, с. 57—95; Малютина А. Радищев о нашем крае. — Енисей, 1969, № 1, с. 95—99; Шепелева Л. Сила человеческого духа. — В кн.: Шепелева Л. Литературно-критические очерки. Челябинск, 1969, с. 49—80; Гимпель С. Опыт создания характера исторической личности в романе А. Шмакова «Петербургский изгнанник». — Изв. Сиб. отд. АН СССР, 1972, № 6. Сер. обществ. наук, вып. 2, с. 73—80; О кн.: «Радищев в Сибири»: Архипов В. Радищев в Сибири. — Лит. газ., 1952, 23 сент.; Кудрявцев Ф. Радищев в Сибири. — Вост.-Сиб. правда, 1952, 24 сент.; О романе «Гарнизон в тайге»: Срывцев А. Заметки читателя. — Вост.-Сиб. правда, 1940, 25 июня; Бирюков В. — Комсомолец, 1959, 15 нояб.; Власов Я. Накануне великих испытаний. — Сов. Зауралье, 1959, 2 окт.; Колосницын В. С эпическим бесстрастием. — Урал, 1960, № 4, с. 191—193; Пухов А. О днях суровых и прекрасных. — Веч. Челябинск, 1971, 17 мая.

БИБЛИОГРАФИЯ

Блюм А. А. А. Шмаков: Библиогр. указ. Челябинск, 1958; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. Иркутск, 1973, с. 295—296; Русская литература Сибири. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 489—491; Ильина В. В. А. А. Шмаков. Библиогр. указ. Челябинск, 1979.

В. В. ТЫЧИНИН
(р. 1909)

«Когда-то и я начинал свой жизненный путь с рабочего. С той поры утекло немало воды. Но и сейчас как-то особенно хорошо, спокойно, радостно в рабочей среде... Надежный, славный народ — рабочие люди!»

Это признание писателя не случайно: оно результат многолетней работы над «производственной темой».

Вячеслав Васильевич Тычинин родился 8 октября 1909 г. в Ново-Александровске Ковенской губернии (ныне Латвийская ССР). Отец был агрономом, мать — учительницей. С 18 лет после окончания школы второй ступени начал трудиться — сначала рабочим, затем начальником поискового отряда, затем шофером. Донбасс, Северный Кавказ, Восточная Сибирь, Колыма — дороги этих мест он изучил досконально, встречи с людьми дальних трасс стали основой первых рассказов и очерков.

Начиная с 1945 г. Тычинин занимается журналистикой: был редактором и корреспондентом газет «Советская Колыма», «Стахановец Заполярья». Тогда и опубликовал свои первые рассказы и очерки. В начале 60-х гг. был собственным корреспондентом по Восточной Сибири газеты «Литература и жизнь», много публиковался в иркутских областных газетах, в альманахе «Новая Сибирь», «Ангара», «Сибирские огни». Фамилия Тычинин постоянно встречается в публицистической рубрике.

В годы 50-е гремели взрывы у Пурсея, не сходили с газетных страниц статьи и очерки о мирнинских алмазах, марковской нефти, строителях магистрали Абакан — Тайшет. Тычинин не оставляет в стороне «злобу дня»: пишет очерки, статьи, рассказы. В эти же годы вышла его книга для детей «Отважные мальчишки» (Иркутск, 1961), пробовал свои силы в приключенческом жанре (повесть «Трое из океана»). Однако публицистика была первым подступом и первой проверкой основной темы — художественного осознания мира рабочего че-

ловека. Писателем рабочей темы заявил о себе Тычинин в 1952 г., когда в Иркутске вышел в свет его первый роман «Большая Сибирь». И с той поры, вот уже тридцать лет Тычинин верен этой трудной, благодатной теме.

Романы «Большая Сибирь», «Год жизни», «Снежная Россия» — своеобразная трилогия о рабочем человеке, его думах, стремлениях, тревогах, сомнениях и победах.

Перечитывая после почти тридцатилетнего перерыва «Большую Сибирь» (1952), хорошо видишь и художественные просчеты автора, и его находки.

В Сибирь из Донбасса приезжает шофер Михаил Туманов с женой Татьяной и крохотным сыном. Сибирские кондовые характеры, таежные скитания, борьба с многодневными снегами и вьюгами, становление рабочего человека, беззаветно любящего свое дело,— этому начинающий писатель посвятил лучшие свои страницы. Жизненного материала у него было предостаточно, но техницизмы подменили художественность образов, заполнили страницы описательность, многочисленные и ненужные для сюжетного развития диалоги, схематизм и непрописанные характеры. Роман о шоферах Сибири был пробным камнем в творческом пути Вячеслава Тычинина.

Главный конфликт романа «Год жизни»— борьба Шатрова и Крутова, борьба рабочих и забывших о своих обязанностях администраторах.

Уже с первых страниц этот конфликт обретает зримые черты, и здесь писателю многое удалось в раскрытии характеров рабочих Никиты Савельевича Черепахина, Лисички, начальника экскаваторно-бульдозерного парка Арсланидзе, Алексея Шатрова, Игната Петровича Крутова.

Для Крутова, начальника прииска Крайний, нет понятий человечности. Когда-то он сам был рабочим, прошел путь от проходчика до руководящего работника, и теперь на склоне лет, на пятидесятилетнем рубеже жизни, понимает, что его скоро заменят. Боязнь остаться без власти, без командирских окриков, когда все вокруг дрожат от твоего голоса и твоих приказов, приводит Крутова к моральному падению. Золото, план по выполнению самородков и «песочка» для Крутова превыше всех людских интересов и забот. Волюнтаризм, незнание жизни рабочих, неприятие критики, зазнайство, самовозвеличивание — эти черты крутовщины писатель рисует в действии.

Алексей Степанович Шатров, только что приехавший на прииск главный инженер, воплощает лучшие черты современного руководителя, талантливого, внимательного к людям. Хотя его «годовая служба» писателем осложнена (от Алексея к Крутову уходит жена Зоя, сам Шатров едва спасен от смерти), характер главного героя прописан четко и убедительно. Веришь, что он может кинуться на верную гибель, чтобы спасти другого, что пойдет на разрыв отношений с начальником, что будет до победы отстаивать требования рабочих.

Запоминается в «Годе жизни» образ рабочего Максима Матвеевича Лисички: рабочая косточка —

называют его все на прииске. Честный, прямой человек, ничего и никого не боящийся: настоящий коммунист, он первым из рабочих в открытую объявляет крутовщине бой.

Несмотря на схематизм, еще не преодоленный писателем, несмотря на дань моде — вводить в роман агентов иностранных разведок, не мотивируя пребывание этих «агентов», «Год жизни» стал заметной вехой в росте Тычинана как писателя, работающего над темой рабочего класса.

Более пяти лет трудился писатель над романом «Снежная Россия», который вышел в 1964 г. в Москве.

Главный герой романа — инженер строительства нового города Березовска Михаил Иванович Уранов. Бывший фронтовик, ленинградец, человек энергичный, обаятельный и мужественный. «—Мне Сибирь уже ближе, роднее,— говорит он.— Не хочу набиваться ей в сыновья, но все-таки немного горжусь, что работаю именно там. У нас, в Сибири, уж если река, так другого берега не видно. Если лес, так никто ему края не знает. И народ богатырский, под стать тамошней земле».

Смелость в решениях важных проблем градостроительства, умение работать с людьми, понимание перспектив и бескорыстие отличают Уранова. Полная его полярность — образ начальника Промстроя Полуяна, окружившего себя низкопоклонниками и дельцами.

Этот основной конфликт романа между Полуяном и Урановым оказался и наиболее слабым местом «Снежной России».

В романе большое число действующих лиц — от рабочих на стройке жилья до секретаря обкома партии. Многие из них удались автору. С любовью выписывает он приехавших «за судьбой» в Сибирь маляров Валю и Наташу, газетчицу Миловидову, богатыря-строителя Ивана Дубова и его возлюбленную Бибинур.

С 1964 г. Тычинин жил в Курске, затем — под Москвой. Сборник рассказов «Желтая операция» (Воронеж, 1967), «Невидимая рука» (Воронеж, 1972), переиздание романа «Год жизни» (1965), работа над двумя новыми романами, журнальная публицистика — итоги работы писателя за 15 «несибирских» лет.

Писатель рабочей темы, Тычинин в меру своего таланта говорит о добрых руках рабочих людей, трудом которых построены новые города, новые прииски, дороги, умом и чувством которых перестраиваются характеры.

В. Мутин

СОЧИНЕНИЯ

Большая Сибирь: Роман. Иркутск: Кн. изд-во, 1952; Год жизни: Роман. Иркутск: Кн. изд-во, 1958; Отважные мальчишки: Рассказы. Иркутск: Кн. изд-во, 1961; Трое из океана: Приключ. повесть. Иркутск: Кн. изд-во, 1963; Птичий перевал. М.: Малыш, 1964; Снежная Россия. Роман. М.: Сов. Россия, 1964; Желтая операция: Рассказы. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1967.

ЛИТЕРАТУРА

Тычинин В. Автобиографическая справка. — В кн.: Материалы для читательских конференций по произведениям художественной литературы. Иркутск, 1959, с. 37—38; О кн.: «Большая Сибирь». Яновский Н. За правдивое изображение жизненных конфликтов. — Сиб. огни, 1953, № 2, с. 178—180; Абрамович А. Ф. Критические статьи и очерки о творчестве сибирских писателей. Иркутск, 1958, с. 155—163; О кн. «Год жизни»: Кинелев Г. Роман «Год жизни». — Сиб. огни, 1956, № 1, с. 175—177; Абрамович А. Ф. Люди и золото. — Ангара, 1958, № 4, с. 122—126; Ложечко А. Сюжеты и характеры. — Октябрь, 1958, № 12, с. 226—230; Хайлов А. Дорога становится шире. — Звезда, 1959, № 2, с. 228—232; Гайдук В. Черты современника в произведениях иркутских писателей. — Ангара, 1960, № 3, с. 126—129; Колесникова Г. «Для интереса». — Москва, 1960, № 4, с. 193—196; О кн. «Отважные мальчишки»: Макарова Е. Иркутские писатели — детям. — Ангара, 1962, № 2, с. 128—129.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абрамович А. В. В. Тычинин.— В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 179—181; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск,

1973, с. 261—262; Русская литература Сибири. Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 240—421.

И. Д. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ (1910—1969)

Родился Игнатий Дмитриевич 10 ноября 1910 г. в Москве, но вскоре семья переехала в Красноярск и осталась здесь навсегда.

В 1920 г. умерла мать, а четыре года спустя юноша уходит от отца, который был служителем культа, и начинает самостоятельную жизнь. Учился Рождественский в средней шокле, а в каникулы работал на фарфоро-фаянсовом заводе, в горкомхозе, на строительстве музея.

Литературные способности проявились рано, еще в школе, когда он писал в стенгазету и в рукописный школьный журнал.

В четырнадцать лет опубликовал в газете «Красноярский рабочий» первое стихотворение «Полк обороны» (1924), которое и стал считать началом своего творческого пути. Потом был сборник. Но между первым стихотворением и первой книжкой «Северное сияние» (1936) прошло почти двенадцать лет. Они были заполнены событиями и делами, важными для формирования личности поэта. Участвовал в ликвидации неграмотности, боролся с кулачеством, прокладывал дороги в таежных дебрях, учительствовал в сельских школах.

В 1930 г. Рождественский уезжает на Север, где двенадцать лет будет учить ребятишек русскому языку и литературе.

Он приехал в Туруханск, когда Север жил в предчувствии перемен и обновления. В Игарке Рождественский появился вслед за стуком первых топоров, возвестивших о строительстве города и порта. Годы его пребывания на Севере были заполнены напряженным трудом и учебой. Учился он на заочном отделении Иркутского педагогического института, который закончил в 1940 г., получив диплом с отличием.

В эти годы выходят в свет два его поэтических сборника, которые написаны на материале северных встреч: «Полярные зори» и «Голубой вымпел». Север ошеломляет, производит незабываемое впечатление. Естественно и понятно, что в этих первых сборниках сильнее всего чувствуется восхищение исключительностью Арктики, ее своеобразной красотой.

Но уже в первых книгах заметно внимание автора к труженикам Арктики: радистам, пилотам, учителям, оленеводам — простым людям, осваивающим неласковый край. В них еще не найти конкретных характеров героев. Скорее это просто оды романтическим профессиям. Но в некоторых («На оленях», «Снегопад», «Февраль») живет непосредственное, открытое чувство, стремление к образности языка.

С самого начала войны Рождественский активно сотрудничает в печати. На фронт он не попал из-за сильной близорукости. Но его поэтический талант — на линии огня. Стихи, проникнутые острым чувством патриотизма, регулярно печатаются в сибирской периодике. Выходят три поэтические книги: «В боевом строю» (1942), «Ангара-северянка» (1943)) и «Сердце Сибири» (1944). Они посвящены подвигам красноярцев на фронтах Великой Отечественной войны, трудовой и нравственной доблести людей в тылу.

В 1946 г. Рождественский принят в Союз советских писателей.

Два последующих десятилетия заняты напряженной литературной работой. Как корреспондент газеты «Правда», он много ездит по Сибири. Из-под пера Рождественского выходят репортажи, очерки, документальные киносценарии, стихи, поэмы.

Современник и летописец послевоенного строительства, поэт

создает живые поэтические свидетельства духовного подъема этого времени, портреты его героев. Лирический герой стихов Рождественского взрослеет и мужает. Теперь это полновластный хозяин таежных и тундровых просторов, уверенный в себе и своих силах.

Одна за другой выходят поэтические книги. В Красноярске опубликованы «Полярные зори», «Мирная земля», «Встречи с тобой». В Иркутске — «На просторах Сибири». «Советский писатель» издает «Костер над Енисеем» (1950), «Тайга шумит» (1957), и «Костер на льдине» (1960).

С возрастом четко обозначилась тяга поэта к высокой простоте, лишенной ложного пафоса. Это явственно ощущается прежде всего в самой любимой его теме — ленинской. Она занимает значительное место в творчестве Рождественского. Не один десяток стихотворений посвятил поэт Шушенскому. Шушенский цикл стихотворений Рождественский начал с сороковых годов. И с каждым годом поэт строже становится в выборе изобразительных средств, все требовательнее к слову. Тщательно шлифует строки.

В сборниках этого времени: «Зарницы северного леса», «Сердце русское», «Поклон вам, милые края» такие стихи не редкость. Они — результат упорного труда, неустанных поисков простоты, энергии стиха, точных слов для выражения высоких мыслей и ярких чувств.

Умер Рождественский 3 июля 1969 г. в Красноярске. За свою творческую жизнь Рождественский написал и издал около сорока сборников стихов и очерков. И все они посвящены Сибири, ее величественной и неповторимой красоте, ее мужественным, прекрасным людям.

Растет в Красноярье целая плеяда молодых поэтов, испытав на себе обаяние его поэтической личности. Можно не сомневаться,

что «щедрый ливень» его души отзовется не одной радугой. Потому что с именем Рождественского связана значительная страница в истории Сибирской поэзии.

Г. Ермолина

СОЧИНЕНИЯ

Северное сияние. Красноярск, 1936; Голубой вымпел. Красноярск, 1940; С берегов Енисея. Красноярск, 1940; Сердце Сибири. Красноярск, 1944; Родные края. Новосибирск, 1947; Саяны. Красноярск, 1947; С берегов Енисея. Красноярск, 1949; Костер над Енисеем. М.: Сов. писатель, 1950; На просторах Сибири. Иркутск: Облгиз, 1950; Полярные зори. Красноярск, 1950; Мирная земля. Красноярск, 1952; Стихи и поэмы. Красноярск, 1952; Мои друзья. Красноярск, 1954; Юные сибиряки. Красноярск, 1954; Встречи с тобой. Красноярск, 1956; Любовь. Красноярск, 1957; Тайга шумит. М.: Сов. писатель, 1957; В строю. Красноярск, 1958; Вечно живое сердце. Красноярск, 1958; Стихи. Красноярск, 1958; Енисейская новь. Красноярск, 1959; Мальчик с далеких Саян. Иркутск: кн. изд-во, 1959; Костер на льдине. М.: Сов. писатель, 1960; Сквозь годы/Послел. З. Семичук. Красноярск, 1961; Тропинки Родины моей. Красноярск, 1963; Стихи. Поэмы. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1965; Сердце русское: Избр. стихи. М.: Сов. писатель, 1966; Зарницы северного леса. Красноярск, 1966; Избранное. Красноярск: Кн. изд-во, 1971; Я к Енисею прихожу, как к другу: Избранное. Красноярск: Кн. изд-во, 1980; Анка-северянка. Красноярск, 1943; Сокровища абаканской благодати. Красноярск, 1957; На Чульме-реке: Очерки. Красноярск, 1958; Сибирские встречи: Очер-

ки. М.: Госполитиздат, 1960; Величие простых дел: Очерки. М., 1963; Живые огни: Очерки. Красноярск, 1963; Зовут сибирские просторы: Очерки. Красноярск, 1966; Колосок в тундре. Красноярск, 1967.

ЛИТЕРАТУРА

Цветов И. Поэт Игнатий Рождественский. — Енисей, 1953, кн. 10, с. 236—244; Яновский Н., Лисовский К. Стихи и поэмы Игнатия Рождественского. — Сиб. огни, 1954, № 2, с. 174—181; Пелымская О. Поэзия любви. — Енисей, 1957, № 2, с. 298—302; Беляев Б. Славен труд.— В кн.: Беляев Б. Отображая жизнь. — Красноярск, 1958, с. 63—73; Колесникова Г. Очеркисты Сибири. — Наш современник, 1958, № 9, с. 216; Лесневский С. На берегах Енисея. — Вопр. лит., 1958, № 9, с. 220—221; Абрамович А. Тропою изыскателей. — Сиб. огни, 1960, № 11 с. 186—192; Астафьев В. Родной голос.— Октябрь, 1960, № 4, с. 201—205; Воропанова М. Певец Сибири. — Енисей, 1960, кн. 27, с. 123—130; Искусство Красноярского края. Красноярск, 1961, с. 21—29; Смольников И. Певец земли сибирской. — Нева, 1961, № 7, с. 177—181; Афанасьев В. Сердце русское. — Лит. газ., 1967, 11 янв.; Назаров В. И вечный бой... — Енисей, 1969, № 1, с. 86—93; Ермолина Г. Души горячая частица. — Енисей, 1971, № 1, с. 73—77; Мостков Ю. М. Рождественский И. Д. — Крат. лит. энциклопедия, 1971, т. 6, стб. 328; Рождественский И. Д. — БСЭ. 3-е изд. 1975, т. 22, стб. 170; Малютина А. Певец земли сибирской. Красноярск, 1976.

БИБЛИОГРАФИЯ

Красноярские писатели. Красноярск, 1969, с. 39—42; Писатели Восточной Сибири. Иркутск, 1973, с. 205—208; То же. — Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 149—151; Русская литература Сибири, Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 348—352.

Ф. Н. ТАУРИН (р. 1911)

Франц Таурин вошел в литературу как своебразный летописец рабочего класса Сибири. Тема рабочего класса в ее специфически сибирском преломлении на долгие годы определила его творческие интересы начиная с первого романа «На Лене-реке» и до последних по времени его крупных произведений.

Франц Николаевич Таурин родился 27 февраля 1911 г. в селе Петровском Новооскольского уезда Тульской губернии в трудовой семье. Отец его был садовником. В 1930 г. Таурин окончил Казанский индустриальный политехникум и получил специальность технолога-кожевника. Работал на Сарапульском кожевенно-обувном комбинате. В юности был комсомольцем. В 1939 г. вступил в члены партии. Накануне войны, летом 1940 г. Таурин был направлен на работу в Якутск. Здесь в течение десяти лет он работал сначала начальником цеха, а потом и директором Якутского кожевенного завода. С 1949 по 1952 г. Таурин был председателем Якутского горсовета и секретарем Якутского горкома партии.

В литературу пришел сравнительно поздно. Ему было около сорока лет, когда появилось в печати его первое произведение — книга «К одной цели». Она увидела свет в 1950 г. Он и поныне с благодарностью вспоминает о том радушии и внимании, с каким встретили его первую книгу писатели-профессионалы: И. Молчанов-Сибирский, Г. Марков, А. Ольхон. Тепло отозвался о повести «К одной цели» и Борис Горбатов. Внимание и поддержка старших товарищей окрылили начинающего автора. С этого времени он полностью отдается литературному труду.

В 1952 г. писатель переезжает в Иркутск. Он становится журналистом и литератором-профессионалом — редактирует многотиражную газету иркутских энергетиков «Огни коммунизма», состоит собственным корреспондентом «Литературной газеты» по Восточной Сибири, возглавляет Иркутскую писательскую организацию. В 1965 г. его избирают секретарем правления Союза писателей РСФСР. В 70-х гг. он заведовал отделом прозы в журнале «Новый мир».

В 1954 г. выходит из печати его первый роман «На Лене-реке», выросший из повести «К одной

цели». «На Лене-реке» — правдивое повествование о делах и людях одного из окраинных уголков России в годы войны. Перед читателем возникают пейзажи Крайнего Севера с его долгими снежными зимами и коротким щедрым летом, когда буйно тянутся вверх к теплу и свету травы и деревья, когда все живое неудержимо спешит жить. Значительное место в книге занимает образ полноводной северной реки Лены. На фоне суровой природы, чуть ли не на самом краю земли и развертывается действие романа. Уже в этом первом произведении сказалось умение автора рисовать человека в процессе труда, непосредственно в атмосфере его производственной деятельности. Через труд и отношение к труду просвечивается становление характеров — инженера Андрея Перова, рабочей семьи Парамоновых, старого мастера якута Ынныхарова, подростка-беспризорника Феди, девушки-якутки Сыргыланы.

Роман «На Лене-реке» завершался раздумьями автора о будущем преображенного волей человека Крайнего Севера, картинами грядущего «Большой Лены» — могучей северной реки, опоясанной бетонированными плотинами мощных электростанций, залитой мириадами огней. Такое окончание звучало как бы заявкой на будущие книги автора об энергетиках Сибири.

Отныне эта тема прочно и надолго войдет в круг творческих интересов писателя, а гидростроители станут его любимыми героями. В 1957 г. он завершает свой второй большой роман — «Ангара». Автор не отставал ни на шаг от своих героев и их реальных прототипов; его произведение было столь же оперативно, как очерк и репортаж журналиста. Подлинным героем книги становится весь коллектив строителей — от начальника стройки до шофера и бетонщицы.

Перед читателем возникает зримый образ гигантской стройки с тысячами людей, сотнями работающих механизмов. Автор не раз приковывает внимание читателя к ее своеобразному пейзажу, особенно прекрасному и величественному в ночное время, когда на фоне темного неба разворачиваются расцвеченные огнями прожекторов стрелы портальных кранов, натужно гудят на подъемах большие мазы, проносятся по эстакаде бетоновозы. Ночной голубой котлован и слаженная, ритмичная работа огромного экскаватора, артистическое искусство вождения самосвалов каким-нибудь Кузьмой Семеркиным, задористое соревнование бетонщиц,— все это создает в романе особую атмосферу, насыщенную красотой и поэзией одухотворенного человеческого труда.

Дневные и ночные работы в котловане, отсыпка плотины, жизнь бригады экскаваторщиков, молодежное общежитие и собрание шоферов, производственные планерки и заседания парткома — все, вплоть до диспетчерской и бригады плотников, попадает в поле зрения писателя.

Площадь романа оказалась излишне перенаселенной, и читатель не всегда мог разглядеть в общей массе живое лицо, услы-

шать неповторимые интонации того или иного персонажа. Однако автору удалось главное — передать впечатление от большой стройки, заставить читателя почувствовать себя в окружении сотен людей, подслушать трудовой ритм большого коллектива. Надолго остаются в памяти хорошо выписанные образы молодых строителей — комсомольцев Кузьмы Семеркина, Сергея Ракитина. У каждого из них свой характер, своя, подчас нелегкая, дорога в жизни, свои радости и огорчения. Создание же многогранного и яркого характера первого начальника строительства Гусарова — большая творческая удача писателя.

Роман «Ангара» принес его автору широкую известность.

В конце 50-х гг. Таурин приступил к работе над задуманной им серией произведений из истории рабочего класса Сибири, составивших в итоге его «сибирское повествование» — трилогию «Далеко в стране Иркутской». Замысел писателя в свое время был поддержан старейшим советским прозаиком Ф. И. Панферовым. Уже в 1961 г. выходит из печати «Гремящий порог», ставший позднее заключительной частью трилогии. Интенсивно шла работа и над первыми двумя книгами «сибирского повествования». Писатель с увлечением рылся в архивах и книгохранилищах, стремясь уловить живые голоса давно умолкнувшей эпохи, которая снова должна была ожить на страницах его исторических романов «Каторжный завод» и «Партизанская богородица», впервые опубликованных в сибирских журналах и альманахах в 1963 г.

Трилогия Таурина — произведение, насыщенное раздумьями о путях народных, повествующее о духовной одаренности и щедрости народа, силе и разуме его. В драматических перипетиях героев, прослеженных на протяжении целого века, автор стремится запечатлеть, говоря словами Пушкина, «судьбу человеческую, судьбу народную», рассказать о том нелегком и большом пути, которым шли русские люди по тернистым перевалам истории на одной из отдаленных окраин страны. Вместе с тем, трилогия — новый и важный этап в творческом росте самого писателя. Экономней и строже становится авторский почерк, четче и живописнее рисунок, продуманней и стройнее композиционная архитектоника произведения. По сравнению, скажем, с «Ангарой» в каждом из романов трилогии стало меньше действующих лиц, но зато многие из них обретали свое лицо, свой голос.

Создавая «сибирское повествование», Таурин стремился показать своеобразную эстафету поколений, преемственность революционных традиций рабочего класса на протяжении целого столетия. Действие в «Каторжном заводе» развертывается в 60-е гг. прошлого века. Оно происходит на казенном Николаевском чугунолитейном и железоделательном заводе бывшей Иркутской губернии. Перед читателем возникают картины жизни и быта рабочей слободки, затерянной в глухих таежных дебрях. Суровая простота и грубость нравов, дикий произвол и беззаконие, безудержная эксплуатация бесправных людей и первые проблески протеста и возмущения трудовой массы — все это выписано в живых, запоминающихся сценах и эпизодах. В романе изображены две полярные, постоянно противостоящие друг другу силы — с одной стороны, управляющий заводом Тирст и его окружение, вплоть до мастерски написанной фигуры какого-нибудь вахмистра Запрягаева, с другой — те, кто своим трудом помогает обогащаться новоиспеченным баронам Тирстам, доморощенным купцам Лазебниковым и иже с ними.

Положение рабочего человека в условиях самодержавной России на далеком сибирском каторжном

заводе преломилось в романе Таурина главным образом в личных судьбах его двух ведущих героев — в жизненной драме Насти-охотницы и беглого каторжника Ивана Соловьева.

Многое волнует и привлекает нас в нравственном облике таежной охотницы Насти. Писатель создает интересный, запоминающийся образ простой русской женщины из народа. Сирота, выросшая в чужих людях, Настя очень рано узнала, как горек хлеб рабочего человека. Под стать ей и Иван Соловьев, труженик, умелец, одаренный от природы человек, вынужденный быть изгоем, отверженный в обществе Тирстов и Лазебниковых.

«Каторжный завод» наиболее удавшееся автору произведение из всей трилогии. Старая каторжная Сибирь, темный и забитый рабочий люд, первые искры протеста, зреющего в его недрах,— все это передано в романе с подлинной художественной экспрессией. Звуки ночного набата, поднятого беглым каторжником, не затеряются во времени. Оно, это время, еще наступит — таков финал романа.

История потомков набатовского рода — беглого Ивана Соловьева и Насти-охотницы — прослеживается в следующих книгах «сибирского повествования». В «Партизанской богородице» действует слесарь с Николаевского завода Сергей Набатов. Одним из центральных персонажей «Гремящего порога» выступает Кузьма Набатов, тот самый семилетний Кузька из «Партизанской богородицы», что зачарованно, как сказками, заслушивался рассказами старого ученого-инженера о величии и великолепии будущих гигантских гидростанций на Ангаре. В том же «Гремящем пороге» дважды вспоминается и предание об отважной охотнице Насте. Так через судьбы героев просвечиваются в конечном счете судьбы поколений, устанавливается преемственность традиций. Далекие потомки бунтаря Соловьева пойдут в годы гражданской войны в партизаны, станут в наши дни обуздывать неукротимые сибирские реки, строить гидростанции. Вот это непосредственное чувство движущейся истории, непрерывающейся эстафеты поколений придает особую цельность и завершенность «сибирскому повествованию».

Богатство жизненных впечатлений, встреч, подчас неожиданных и ярких, постоянно питают творчество писателя, рождают новые замыслы. В интервью корреспонденту «Литературной газеты» в феврале 1969 г. писатель рассказал о том, как одна из таких встреч со старожилами глухого таежного села послужила толчком при создании романа «Каторжный завод», помогла выкристаллизоваться замыслу всей трилогии в целом.

Точно также было и при работе над романом «Путь к себе», повествующем о нелегкой судьбе человека, однажды оступившегося, испытавшего много лиха на тернистом пути своего нравственного возрождения. Оказывается, у главного героя романа экскаваторщика Алексея Ломова был вполне реальный прототип. «Роман «Путь к себе»,—рассказывает Таурин,— я стал писать после поездки на строительство Вилюйской ГЭС. Там я встретился со знакомым экскаваторщиком. Неплохой, в сущности, парень, он потерял себя. Пил, скатился до уголовного преступления, отсидел в тюрьме. И пусть это звучит хрестоматийно, пусть мысль о воздействии коллектива на отдельного человека самоочевидна,— именно так и произошло. Я увидел, как человеку помогли встать на ноги. И не будь этой реальной судьбы, вряд ли роман «Путь к себе был бы написан»[1].

Глубокие нравственные пробле-

[1] Таурин Ф. Жизнь героя.— Лит. газета, 1969, № 8, 19 февр.

мы времени, повседневного бытия нашего современника лежат в основе романа «Иначе нельзя». Действие его, подобно всем книгам Таурина, развертывается в Сибири, на большой стройке. И главный герой все тот же молодой рабочий экскаваторщик, к художественному воплощению образа и характера которого Таурин обращался неоднократно в своих произведениях. Примечательно в романе «Иначе нельзя» стремление автора отчетливо выявить преемственность нравственно-этических идеалов отцов и детей.

Один из ведущих персонажей романа Борис Калнин в сложных житейских обстоятельствах все время выверяет свои эмоции и поступки по дневниковым записям отца, наследуя, таким образом, нравственный опыт старшего поколения. Здесь мы снова встречаемся, может быть, с самой сильной стороной писательского дарованияТаурина — историзмом в художественном осмыслении явлений действительности, со стремлением вскрыть истоки, сформировавшие в конечном счете духовный облик нашего современника.

Этим же стремлением «проследить,— говоря словами писателя,— корни нового в характере современника» было продиктовано и такое остросюжетное произведение, как роман «Байкальсие крутые берега», рассказывающий о восстании ссыльных поляков на Кругобайкальском тракте в 1866 г. Роман этот динамичен, до предела насыщен острейшими коллизиями. Русские и польские революционеры, охранники, провокаторы, беглые каторжники, рыбаки и крестьяне, польские террористы — «кинжальники», — все это живет и сверкает на страницах книги всеми красками подлинной жизни. «Байкальские крутые берега»— едва ли не первое значительное произведение в русской и польской литературе о ссыльных поляках в Сибири. Не случайно роман советского писателя получил высокую оценку в польской печати. Горячо приветствовал его появление, в частности, старейший польский писатель Ярослав Ивашкевич.

Роман «Байкальские крутые берега» написан на очень важную тему, тему, говоря словами самого писателя, «интернациональной солидарности, революционного содружества народов». Значительную роль в сюжетной и идейной канве романа играет фигура ближайшего сподвижника Чернышевского, замечательного революционера-шестидесятника Николая Серно-Соловьевича, принимавшего активное участие в подготовке восстания, человека, горячо преданного полякам, делающего все, чтобы помочь им в их справедливой, героической борьбе. Самоотверженно помогает ссыльным полякам в их единоборстве с самодержавием и Иван Соловьев, беглый каторжник, один из героев трилогии «Далеко в стране Иркутской», родоначальник рабочей династии Набатовых. Так сибирское повествование «Далеко в стране Иркутской» идейно и тематически смыкается с романом «Байкальские крутые берега». В сущности, все четыре книги писателя становятся звеньями одной цепи. Они воссоздают различные этапы на пути трудящихся Сибири к своему освобождению.

В последние годы писатель опубликовал две историко-революционные повести. Одна из них посвящена самоотверженной и героической деятельности в борьбе с царизмом Н. А. Серно-Соловьевича, вторая — большевику-ленинцу М. С. Ольминскому. Обе они вышли в популярной серии «Пламенные революционеры», издаваемой Политиздатом. Творчество писателя получило заслуженное признание. В 1981 г. Таурин был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В. Трушкин

СОЧИНЕНИЯ

К одной цели: Роман. Иркутск: Обл.

изд-во, 1950; На Лене-реке: Роман. Иркутск: Кн. изд-во, 1954; Ангара: Роман. Кн. 1. Иркутск: Кн. изд-во, 1956; То же. — [Кн. 1—2]. Иркутск: Кн. изд-во, 1958; Гремящий порог: Роман. М.: Мол. гвардия, 1962; Далеко в стране Иркутской. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1964; Путь к себе: Роман. М.: Сов. писатель, 1967; Каторжный завод; Партизанская богородица: Романы. М.: Сов. Россия, 1968; Байкальские крутые берега: Роман. М.: Сов. писатель, 1969; Иначе нельзя: Роман. М.: Профиздат, 1974; Без страха и упрека: Повесть о Н. Серно-Соловьевиче. М.: Политиздат, 1974; Без страха и упрека: Поветь о М. Ольминском. М., 1981.

ЛИТЕРАТУРА

Арамилев И. На далекой окраине. — Октябрь, 1951, № 5, с. 187—188; Марков Г. Первые книги молодых писателей Восточной Сибири. — В кн.: Писатели советской Сибири. Иркутск, 1952, с. 179—196; Макарова Е. О романе Ф. Таурина «На Лене-реке». — Нов. Сибирь, 1956, кн. 34, с. 318—328; Золотусский И. Писатели и современность. — Дал. Восток, 1958, № 4, с. 171—174; Колесникова Г. Покорение Ангары. — Октябрь, 1958,, № 5, с. 219—221; Соколова Н. Современность — вот главное! — Знамя, 1959, кн. 5, с. 196—209; Гайдук В. Черты современника в произведениях иркутских писателей. — Ангара, 1960, № 3, с. 126—129; Колесникова Г. Для интереса. — Москва, 1960, № 4, с. 193—198; Приметы нашего современника. — Ангара, 1961, № 1, с. 112—116; Трушкин В. Романы Ф. Таурина. — В кн.: Трушкин В. Литературные портреты. Иркутск, 1961, с. 91—112: Тычинин В. Рабочий класс — моя тема. — Лит. и жизнь, 1961, 26 февр.; Трушкин В. «Сибирское повествование» Франца Таурина. — Байкал, 1965, № 1, с. 141—148; Соломатин В. Путь длиннее длинного: [О романе «Путь к себе»]. — Лит. Россия, 1967, 24 февр.; Соломатин В. Иван Соловьев находит товарищей. — Лит. Россия, 1971, 29 янв., с. 11; О романе «Ангара»: Яновский Н. Первая на Ангаре. — Звезда, 1956, № 12, с. 169—171; Абрамович А. Эскиз к будущей картине. — Сиб. огни, 1957, № 3, с. 180—182; Нилин П. По поводу романа Ф. Таурина «Ангара». — Нов. мир, 1957, № 1, с. 272—275; Белик А. Роман о покорителях Ангары. — Москва, 1958, № 12, с. 213—215; О романе «Далеко в стране Иркутской»: Соломатин В. Три сибирских романа. — Лит. Россия, 1964, 6 нояб., с. 11; Сергеев М. Твоя поступь, народ. — Вост.-Сиб. правда, 1964, 3 окт.; Мостков Ю. История и современность в творчестве Ф. Таурина. — Сиб. огни, 1982, № 9, с. 162—169.

БИБЛИОГРАФИЯ

Трушкин В. П. Ф. Н. Таурин. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 193—200; Писатели Восточной Сибири. Иркутск, 1973, с. 244—245; Русская литература Сибири. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 408—411.

А. А. КУЗНЕЦОВА (р. 1911)

Как-то одна из московских школьниц спросила Агнию Александровну Кузнецову: «Давно в Иркутске не живете, а книги у вас по-прежнему все о Сибири да о Сибири...» На это писательница ответила: «А как же иначе!? Ведь там, в Восточной Сибири, истоки мои — истоки жизни и творчества. Чем дольше живешь на белом свете, тем прочнее чувствуешь свою привязанность к истокам и мысленно постоянно возвращаешься туда, в отчий край».

Родилась Агния Александровна Кузнецова 25 февраля 1911 г. в Иркутске, в семье мелкого служащего Александра Ивановича Кузнецова.

Она училась в восьмом классе, когда пионерская газета «Юный ленинец» опубликовала ее первую заметку. Возможно, именно этой заметке и суждено было сыграть решающую роль потом, когда девушка подала заявление в Ленинградский университет на литературное отделение. Там, в университете, двадцатилетняя студентка Кузнецова и написала свои первые рассказы, которые были напечатаны в коллективном сборнике «Октябрята» (Новосибирск, 1933). После окончания университета несколько лет работала в редакциях пионерских и молодежных газет Ленинграда и Новосибирска, а затем — в Иркутском радиокомитете, в редакции детского вещания. Близкое знакомство с жизнью школы помогло ей лучше понять и почувствовать особенности детской психологии, глубже разобраться в школьных проблемах. И когда альманах «Новая Сибирь» напечатал в 1937 г. ее первую повесть «В Чулымской

тайге», изданную через год отдельной книгой в Иркутске, о Кузнецовой критика заговорила, как о талантливом, самобытном детском писателе.

Приключенческая повесть «В Чулымской тайге» увлекает читателя необычайными похождениями пионерских следопытов, которые спешат на отдаленный остров Зеленый, чтобы спасти попавших в беду краеведов городской школы. Дружба пионеров города и деревни занимает в повести главенствующее место. С большой сердечностью рисует писательница жизнерадостный, полный романтики и благородства мир пионерского детства, атмосферу нерушимой пионерской спайки, взаимовыручки.

В самый канун Великой Отечественной войны Кузнецова завершила работу над повестью «Приключения Гаврилки Губина». Хотя в заголовке и значится слово «приключения», произведение это вовсе не приключенческое. Написано оно в жанре исторической литературы. Автор воссоздает суровую картину жизни забитого кочевого племени Туба, самого малочисленного в Сибири, жившего под Иркутском, правдиво, с точной детализацией рисует его нравы и обычаи. На жизнь маленького племени, обреченного русскими и бурятскими купцами на неминуемую гибель, мы смотрим глазами главного героя — деревенского мальчика Гаврилки Губина, случайно оказавшегося среди таежных кочевников. Не сразу постигает мальчик причины, толкнувшие народ Туба в пропасть нищеты и бесправия, не сразу разбирается в жестокой, бесчеловечной политике царской России, где положение рабочих и крестьян нерусских национальностей было еще хуже, чем положение русских рабочих и крестьян. Постепенно приходит к маленькому герою прозрение, открывает он для себя смысл происходящего, обретает классовое понимание. «Приключения Гаврилки Губина»— заметный шаг вперед в творчестве писательницы. Прежде ей нередко мешала статичность, заданность сюжета, некоторые герои ее были безликими носителями той или иной идеи. Ничего подобного в новой повести мы не обнаружим. Каждый персонаж — пусть даже и второстепенный — четко очерчен, художественно ясен и самобытен. Что же касается заглавного героя, то его смело можно поставить в ряд лучших положительных образов не только первых, но и всех последующих книг Кузнецовой.

Привязанность автора к ребятам беспокойным и смелым, деятельным и бескорыстным, устремленным к высоким идеалам, спаянным общностью интересов и нерасторжимыми узами товарищества, нашла свое отражение и в произведениях, посвященных детям военного времени. Что бы ни выходило из-под пера писательницы в годы Великой Отечественной войны — в то время она часто выступала в иркутских газетах и по радио, писала очерки и рассказы,— все было пронизано гражданским стремлением всеми силами помогать сражающейся Родине, пробудить в ребятах гайдаровскую, тимуровскую жажду полезного дела. В рассказе

«Таежный подарок», очерке «Тимуровцы», новелле «Иришка-пулеметчица» живут и действуют ребята отважные и сознательные. О том, как еще в довоенное время в школьном коллективе формировались эти замечательные качества, как пионеры готовили себя к труду и обороне, Кузнецов живо и убедительно поведала в большом очерке «Илья Давыдов и его друзья», помещенном в сборнике «Дела и дни иркутских комсомольцев» (1943).

Подвигу пионеров-партизан посвятила Кузнецова приключенческую повесть «Чертова дюжина». Она писалась в годы войны, выпущена была Иркутским книжным издательством в 1946 г. После выхода книги автор услышала ряд справедливых нареканий критики в свой адрес. Вызывала возражения легкость, с которой герои повести — юные мстители — одурачивали и уничтожали гитлеровцев. Но при отдельных художественных просчетах книга в целом была благоприятно принята читателем.

После войны Кузнецова приступила к разработке школьной темы. В 1948 г. вышла в свет ее повесть «Твой дом». В книге отчетливо звучит ведущий мотив: школа — это твой дом, школьник! Чувствуй себя здесь хозяином и с юных лет учись честно служить своему обществу, воспитывай в себе любовь к труду, уважение к человеку. Желая охватить широкий круг школьных проблем, автор в ряде случаев грешит скороговоркой, информационным пересказом событий, назидательностью. Но, оценивая повесть, следует учитывать то место, которое она занимает во всем творчестве писательницы, необходимо помнить, что книга эта дала толчок для дальнейшей работы над школьной тематикой. От «Твоего дома» берет начало новый, более ответственный и плодотворный этап творчества Кузнецовой, принесший ей всесоюзную известность, выдвинувший ее в ряды ведущих мастеров советской детской и юношеской литературы.

Первым произведением, после которого имя писательницы стало популярным не только в Восточной Сибири, но и далеко за ее пределами, была повесть «Свет-трава», изданная в 1953 г. Хотя в повести и действуют другие персонажи, нежели в книге «Твой дом», тематически и сюжетно она продолжала предыдущее произведение. Если в прежней повести юные герои-сибиряки еще только-только стояли на пороге совершеннолетия, мечтали о будущей профессии, спорили о цели и смысле жизни, то «Свет-трава» знакомит нас с выпускниками школы, твердо и ясно осознавшими, куда им идти и что делать. Многие из жизненно важных проблем, которые в предшествующей повести были лишь названы, намечены пунктирно, либо изложены в виде обстоятельных и поучительных педагогических размышлений, теперь получили художественное решение, воплотились в яркую литературную форму. Константин Паустовский, один из первых прочитавший рукопись повести «Свет-трава», с одобрением отозвался о произведении, назвал его «поэмой в прозе». Пленительный образ свет-травы предстает перед нами со страниц книги символом прекрасного, без чего не может обойтись человек, к чему он непременно должен тянуться с юношеских лет. С поиском свет-травы связано не только главное направление в сюжетном развитии повести, но и судьбы всех действующих лиц, связано их нравственное возмужание. И в этом главная художественная особенность повествования. Свет-трава, живительный отблеск которой падает на героев повести, как бы помогает нам, читателям, с наибольшей точностью определить истинную человеческую ценность и Феди Власова, и Сани Славниной, и Игоря Пересветова—неспроста легенда наделила свет-траву волшебным свойством: этот

цветок дается в руки лишь людям с чистой совестью и добрыми намерениями.

В 1956 г. журнал «Юность» опубликовал повесть Кузнецовой «Жизнь зовет», раскрывающую психологическую драму шестнадцатилетнего школьника Павла Огнева, который во время прогулки на лодке нечаянно застрелил своего самого близкого и верного друга Тышку.

К какой бы повести Кузнецовой мы ни обращались, в каждой ставятся острейшие нравственные проблемы с тонким писательским тактом, с глубоким доверием к своему читателю-подростку. В героев ее новых книг веришь так, словно лично знаком с ними: судьба каждого выписана детально, да и место действия всегда очень конкретно, зримо, с точным воспроизведением природных примет того или иного сибирского края, сибирского селения. Работая, например, над повестью «Честное комсомольское», Кузнецова поехала в глубь Сибири, подружилась с сельскими ребятами, стала частым гостем у них дома и в школе. Благодаря длительному, вдумчивому изучению действительности в книгу пришли герои подлинные. Среди них Саша Коновалов, личность высокого благородства и предельной самоотдачи комсомольскому долгу. Таким его воспитал любимый учитель Александр Александрович Бахметьев, покоряющий ребят увлеченностью, умением находить, совершенствовать добрые задатки в каждом из своих воспитанников. Бахметьев — идеал педагога. На его примере автор рисует красоту и благородство учительского труда, внушает мысль: какое это великое счастье — воспитывать детей, готовить их для жизни в большом мире.

О дорогах, которые выводят нашу юность из «сегодня» в «завтра», в светлый мир будущего, Кузнецова рассказала в следующей своей повести «Много на земле дорог» (1962). Романтически настроенный юноша Костя Лазовников размышляет с друзьями о героике военного и мирного времени, о традициях, которые переходят от одного поколения к другому, о том, как поступили бы, например, молодогвардейцы, если бы оказались сегодня вот здесь, в сибирском селе, накануне окончания средней школы. Поэтому и остались выпускники после школы в родном селе, а свою производственную бригаду назвали «Молодая гвардия». Они твердо убеждены — «дело не в том, где живет человек, главное — как он понимает свое место в жизни».

Интернациональной теме, крепнущей в мире солидарности борцов за мир и национальное освобождение посвятила Кузнецова повесть «Мы из Коршуна» (1966). Ни на одной карте Сибири мы не найдем поселка с таким странным названием — Коршун. Но можем найти другие селения, жители которых, дети в взрослые, с такой же любовью, как герои повести, произносят имя иностранного солдата, воевавшего на нашей стороне против фашистов, так же заботливо оберегают его могилу. Автор сделал предметом художественного изображения явление не единичное, а типичное для нашей страны, воплотил в художественный образ идею верности советского народа, пионерских следопытов интернациональному долгу, верности тому делу, за которое боролись и умирали сыны разных народов и разных национальностей, освобождавшие человечество от фашистского ига.

Тематически примыкает к этой повести и книга «Ночевала тучка золотая», выпущенная в 1971 г. издательством «Советский писатель». Героиня повести — московская студентка Нонна Соловьева по приглашению своей зарубежной тетки — капиталистки фрау Татьяны Вейсенбергер попадает в чуждый ей мир стяжательства и бесчеловечности. Подавленная тем, что ей довелось пережить и

увидеть в капиталистической стране, она мечтает как можно скорее возвратиться на Родину. Несколько беспечно и беззаботно смотревшая прежде на все окружающее, Нонна лишь на чужбине по-настоящему поняла, как много для нее значит Советский Союз. Временная разлука с Москвой заставляет ее по-новому взглянуть на себя, на своих товарищей, на родную страну. Рисуя заграничное турне своей героини, писательница правдиво показывает, как обретает она подлинную политическую зоркость и зрелость, как мужают ее чувства и пробуждается в ней, все сильнее заявляя о себе, патриотическая гордость.

Эта повесть Кузнецовой, как и прежние ее произведения, своим гражданским пафосом обращена к юношеству, к тем, кто стоит на развилке дорог, выбирая самый верный путь к цели, к заветной мечте.

Заметной вехой в творчестве Кузнецовой стала повесть «Земной поклон». Действующие лица повести — педагог-просветитель дореволюционных лет Саратовкин и наш современник — учитель Николай Михайлович Грозный, с детства и на всю жизнь обреченный носить прозвище Иоанна Грозного. Перед нами произведение, в котором тесно сплетены две линии: одна посвящена прошлому, другая — нашей современности. Соединить день минувший с настоящим, показать, как светлые умы отечественной истории, люди яркого педагогического таланта, озаряли темноту дореволюционной жизни, как добрые семена, посеянные ими на ниве педагогики, дали в наши дни прекрасные всходы, — задача, прямо скажем, не из легких. Писательница справилась с ней успешно, найдя верный композиционный ход. Повествование Грозного умело вкрапливается в большую ткань произведения, высвечивая эпизоды былых лет, имеющие прямое отношение к жизни и поступкам наших современников. «Легче сделать воспитанника образованным, чем утвердить в его душе уважение к человеку как высшей ценности, чтобы с детства человек был другом, товарищем, братом для другого человека. Поэтому учитель в первую очередь должен быть воспитателем». Это изречение, открывшееся взору рабочих после того, как во время ремонта школы со стены был снят старый слой краски, выражает основную, ведущую мысль повести, которую автор — об этом сообщено в подзаголовке — посвятил светлой памяти своей учительницы Евгении Николаевны Домбровской.

Не только в «Земном поклоне», но и в некоторых других произведениях Кузнецовой мы замечаем пристальный авторский взгляд в историческое прошлое, улавливаем его перекличку с днем настоящим. Особенно это заметно в повести «Под бурями судьбы жестокой», где писательница, перечитывая дневники своих предков,— прапрадеда, прадеда и деда, рисует художественно выразительную и исторически достоверную картину подневольной жизни крепостных графа Строганова. Запоминаются яркие, самобытные образы прабабушки — актрисы графского театра и Петрухи Кузнецова, человека душевно красивого, мечтательного, оставившего после себя дневник, с помощью которого его правнучка смогла воскресить перед читателем интереснейший кусок исторического прошлого, показать пленительную красоту жены великого поэта — Наталии Николаевны Пушкиной. «Две неосуществленные, отрадные и прекрасные мечты мои делают жизнь мою человеческой, а не животной. Одну зовут Наталья. Другую — Воля»,— так написал в своем дневнике после встречи с Натальей Николаевной Петруха Кузнецов.

Работая над повестью о своих

далеких предках, Кузнецова глубоко заинтересовалась жизнью жены А. С. Пушкина, о которой и по сей день наши историки и литературоведы ведут жаркие споры. Писательница собрала о ней богатый историко-биографический материал, который вылился в документально-художественную повесть о Наталье Николаевне «Моя мадонна».

В. Разумневич

СОЧИНЕНИЯ

Собрание сочинений: В 3-х т./Вступ. статья И. Мотяшова, т. 1, с. 5—20. М.: Дет. лит., 1982—1984; В Чулымской тайге: Повесть. Иркутск: Огиз, 1939; Иришка-пулеметчица. Иркутск: Обл. изд-во, 1942; Приключения Гаврилки Губина. Иркутск: Обл. изд-во, 1942; Чертова дюжина: Приключ. повесть. Иркутск: Обл. изд-во, 1946; Твой дом. Иркутск: Обл. изд-во, 1948; Повести. Иркутск: Обл. изд-во, 1949; Свет-трава: Повесть. Иркутск: Обл. изд-во, 1953; Четвертая гора: Рассказы. Иркутск: Кн. изд-во, 1955; Честное комсомольское: Повесть. М.: Детгиз, 1959; Жизнь зовет; Честное комсомольское: Повести. М.: Детгиз, 1960; Много на земле дорог: Повесть/Послесл. А. Тверского. М.: Детгиз, 1962; Мы из Коршуна: Повесть. М.: Дет. лит., 1966; Ночевала тучка золотая: Повесть. М.: Сов. писатель, 1971; Много на земле дорог: Повесть. М.: Дет. лит., 1972; Свет-трава; Ночевала тучка золотая: Повести. М.: Сов. писатель, 1974; Земной поклон: Повести. М.: Сов. писатель, 1979.

ЛИТЕРАТУРА

Разумневич В. Проводы в совершеннолетие: Очерк творчества. М.: Дет. лит., 1974; Смирнов М. М. Иркутские писатели в дни Отечественной войны. — Нов. Сибирь, 1945, кн. 15, с. 10—11; Немира К., Сотников И. Детская литература в Сибири. — Сиб. огни, 1950, № 2, с. 140—150; Сальников Ю. Люди и события: [О повести «Твой дом»]. — Сиб. огни, 1953, № 3, с. 177—182; Трушкин В. «Свет-трава».— Вост.-Сиб. правда, 1953, 15 февр.; Сергеев М. Мир открывается заново: Творчество А. Кузнецовой. — Ангара, 1959, № 1, с. 124—127; Разумневич В. Возвращение к истокам: Первые страницы творч. биогр.— Байкал, 1974, № 2, с. 142—148; О повести «Жизнь зовет»: Грудцова О. Трагедия Павла Огнева. — Лит. газ., 1956, 4 окт.; Яновская Ф. Повесть о юношестве. — Сиб. огни, 1956, № 6, с. 171—172; Абрамович А. Критические статьи и очерки о творчестве сибирских писателей. Иркутск, 1958, с. 44—46; О повести «Честное комсомольское»: Койранская Г. Будни погорюйских ребят. — Дружба народов, 1959, № 4, с. 252—253; Родионов Ф. Рождение подвига. — Лит. и жизнь, 1959, 27 февр.; Сухонова Н. Повесть о воспитании. — Нева, 1960, № 3, с. 189—190; Разумневич В. Читатель откликается на книгу. — Знамя, 1973, № 7, с. 243—247.

БИБЛИОГРАФИЯ

Советские детские писатели. М., 1961, с. 208; Абрамович А. А. А. Кузнецова. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 190—193; Писатели Восточной Сибири. Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 133—134; Русская литература Сибири. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 193—194.

Г. М. МАРКОВ (р. 1911)

Жизнь и творчество Георгия Мокеевича Маркова, известного советского писателя, Председателя Правления Союза писателей СССР, дважды Героя Социалистического Труда многие годы были тесно связаны с Сибирью. Сибиряк по рождению и воспитанию, Марков в Сибири же вырос в крупного художника слова. Не раз, возвращаясь к истокам своего творчества, писатель с любовью рассказывал о первых неизгладимых впечатлениях бытия, связанных с таежными приключениями, охотой, ночлегами у костра.

В постоянном общении с природой, поэзией сибирских лесов и стремительных таежных речек, в атмосфере бесконечных охотничьих историй прошло его детство и ранняя юность.

Георгий Мокеевич Марков родился 7(20) апреля 1911 г. в селе Ново-Кусково Асиновского района Томской области в семье таежника-охотника. С детства он вместе с отцом и братьями месяцами пропадал в Чулымской тайге. Тайга стала не только его жизненной, но и художественной школой. По собственному признанию Маркова, большие города ему впервые довелось увидеть уже в юности, семнадцатилетним подростком.

Жизнь будущего писателя скла-

дывалась нелегко. Он рано начал собственным трудом добывать хлеб насущный — работал подпаском у местных богачей. С этим событием связано и первое выступление Маркова в печати. Однажды хозяева не досчитались четырех овец, растерзанных волками. Пастухов, особенно старшего из них, круглого сироту, кулаки жестоко избили. «Происшедшее,— рассказывает писатель,— задело меня до глубины души. С неделю я жил с ощущением, что должен излить свой гнев, но не знал, как это сделать. Наконец способ был найден». Он написал заметочку «Волки одолели» в газету «Томский крестьянин». Заметка была опубликована в 1925 г. На нее живо откликнулась общественность.

Так впервые деревенский паренек почувствовал силу печатного слова. Отныне он становится активным селькором, печатается в газетах «Путь молодежи», «Томский крестьянин», «Красное знамя».

Марков был одним из первых комсомольцев в родном селе, вскоре он стал секретарем комсомольской ячейки, затем работником районного комитета комсомола. В течение нескольких лет он редактировал юношеские газеты и журналы, выходившие в Сибири,— «Большевистская смена», «Товарищ», «Молодой большевик», «Юный ленинец» и др. Некоторое время будущий писатель учился в Томском университете.

В большую литературу Марков пришел с романом «Строговы». Первая книга романа вышла отдельным изданием в 1939 г. в Иркутске.

В годы войны писатель, как и большинство иркутских литераторов, служил в рядах Советской Армии, печатал многочисленные публицистические статьи, очерки и рассказы в армейских газетах Забайкалья.

В 1946 г. в Иркутском издательстве выходит вторая книга рома-

на «Строговы». В 1952 г. за этот роман ему присуждена Государственная премия. «Строговы» получают признание у массового читателя и критики. Книга литератора-сибиряка много раз выходит большими тиражами, переводится на иностранные языки.

В романе дана широкая картина жизни дореволюционной сибирской деревни за четверть века, показаны сложные процессы классового расслоения и роста самосознания сибирского крестьянства. «Идейная сила романа, — писала о книге Маркова Л. Н. Сейфуллина,— состоит в том, что писатель показал острую классовую борьбу в сибирской деревне и те силы, которые вывели ее на путь социалистического развития»[1].

Произведение в основе своей полемично. Логикой развития характеров, драматизмом событий, происходящих в глухом таежном селе Волчьи Норы, всей идейно-художественной концепцией сибирской действительности автор оспаривает областнически-народ-

[1] Сейфуллина Л. О литературе. М.: Сов. писатель, 1958, с. 205.

нические представления и иллюзии о дореволюционной, старой Сибири, якобы монолитной по своему составу, лишенной социальных и классовых противоречий, свойственных остальной России. Чувство внутреннего протеста вызывало у него изображение сибирской деревни старыми бытописателями, как деревни «неумытой, дикой, неумной, беспросветной». В его памяти вставали рассказы отца, односельчан о том, как мужики-таежники целыми селами «поднимались на борьбу за кедровые леса, за раскорчеванные земли, за лучшие охотничьи угодья, находившиеся в руках кулаков».

Нельзя здесь не вспомнить и о том поистине благотворном влиянии, которое оказала на Сибирь вообще и на сибирское крестьянство, в частности, царская политическая ссылка. Все это вместе взятое, преломившись в сознании писателя, предопределило идейно-художественную атмосферу романа, его эстетическую и философскую основу.

В центре многопланового, эпического повествования стоит судьба трех поколений семьи Строговых. Писатель шаг за шагом прослеживает в истории жизни своих героев те глубинные процессы, которые будоражили сибирскую деревню на протяжении десятилетий. Исподволь, сначала глухо, а потом все более и более драматически нарастая, кипит в глухом таежном селе Волчьи Норы постоянная борьба. Это борьба народа за свое счастье, за право быть хозяином родной земли, ее угодий и богатств.

С большой душевной теплотой и симпатией рисует автор характеры людей из народа, создавая обаятельный образ простого русского человека, сибирского крестьянина. Как далеки эти персонажи от традиционного сибирского мужичка, примитивного и дикого, из старой беллетристики о Сибири! Героев Маркова отличает не только исключительное жизнелюбие, безоговорочное приятие жизни, ненасытная жажда бытия и деяния, но и непрекращающаяся работа мысли, душевная щедрость и богатство. Этой щедростью, какой-то трогательно-наивной доверчивостью к людям в избытке награжден Захар, старший из рода Строговых. Искрящимся, бьющим через край душевным здоровьем, умным лукавством и одновременно добродушием, мудрой народной сметкой преисполнен дед Фишка, один из наиболее удавшихся автору героев романа.

Многогранен и художественно емок образ Анны, жены Матвея Строгова. Смуглолицая красавица, дочь первого богача на селе, она полюбила сына бывшего батрака. Душевные противоречия Анны, борьба собственнических инстинктов и глубокой внутренней порядочности, уважение и восхищение перед открытой натурой Строговых, долгие отлучки Матвея и настойчивые домогательства бывшего жениха Демьяна Штычкова — вот тот сложный комплекс житейских обстоятельств, из которых долгое время она не может выпутаться. Потребуется немалый, горький опыт, прежде чем Анна увидит мир и людей в истинном свете, найдет свое место в жизни.

По-своему сложен и образ центрального героя книги — Матвея Строгова. Писатель прослеживает процесс духовного роста своего героя от мечтательно-наивного деревенского паренька, размышляющего о том, как земля и небо устроены, до признанного «мужицкого заводилы», вожака крестьян в их борьбе с местным кулачеством, а потом и в массовом народном движении против сибирской контрреволюции в годы гражданской войны. Автор вскрывает объективные причины, конкретные жизненные обстоятельства и отношения, пробуждающие активную работу мысли, способствующие росту политического самосознания Матвея. Его

жизнь складывается таким образом, что различные узловые этапы ее являются одновременно и ступеньками внутреннего обогащения героя. Служба в царской армии, сближение Матвея с революционно настроенными рабочими, политическими ссыльными и революционерами, которых приходится ему наблюдать в период работы тюремным надзирателем, — все это не только эпизоды личной судьбы героя, но одновременно и важные ступени в его духовном развитии.

Для художнической манеры Маркова, отчетливо проявившейся уже в его первом романе, характерно четкое распределение света и тени в социальной обрисовке характеров. Писатель не боится резких контрастов, подчас он их намеренно усиливает.

«Строговы» — значительное явление советской литературы первых послевоенных лет.

В 1948 г. появляется повесть «Солдат пехоты». Критикой это произведение писателя в свое время было встречено более чем сдержанно. Сурово отозвался о нем Борис Горбатов. А между тем оно не лишено определенных достоинств. Примечательно прежде всего то обстоятельство, что книга Маркова явилась едва ли не первым серьезным произведением, написанным на тему, почти не освещенную в то время в нашей литературе. Автор воссоздает жизнь, повседневный быт советских воинов на русско-японской границе в 1941 г. Сцены военно-тактических занятий, обживание, если можно так выразиться, безлюдных песчаных сопок, постоянная изнуряющая борьба, где бывают и человеческие жертвы, с суровой стихией — летними суховеями и бурными ливнями, зимними буранами — все это передано выпукло, с художественной экспрессией. Столь же сильное впечатление оставляют и картины, рисующие напряженную обстановку на маньчжурской границе,— провокационные военные демонстрации японцев, каждодневное тревожное ожидание открытого столкновения и т. д. Писатель изображает тяжелейшие условия, в которых находилась тогда Дальневосточная армия. Есть в повести и запоминающиеся характеры солдат и офицеров. Особенно достоверен и хорош образ солдата Шленкина.

Во второй части повести — «Орлы над Хинганом»,— позднее давшей название всему произведению, запечатлен маньчжурский поход Советской Армии в августе 1945 г. через пустыню Чахар и отроги Большого Хингана.

Пройдет много лет, и автор снова вернется к этим памятным событиям. В 1978 г. он подготовил к печати повесть «Моя военная пора», в основу которой положены дневниковые записи из записной книжки писателя 1941 — 1945 гг. Эта «повесть о минувшем» откровенно автобиографична и строго документальна. Она сродни симоновским «Разным дням войны» и производит сильное впечатление своей правдой, воскрешая подлинную атмосферу времени, его реалии, думы и настроения советского человека той поры. Вместе с тем она существенно дополняет и раздвигает рамки повести «Орлы над Хинганом». «Мы были поставлены здесь, на Дальнем Востоке,— записывает Марков 24 сентября 1944 г.,— затем, чтобы враг не нанес Родине удара в спину: мы были в постоянной готовности отразить удар... Морозные и вьюжные зимы 1941 и 1942 годов мы пролежали в окопах, не снимая рук с оружия... О нас не писали в сводках, но в этом великом стоянии были свои герои, и подвиг их не стал меньше оттого, что они безвестны»[2].

В 1952 г. в Иркутском книжном издательстве вышел сборник рассказов и очерков Маркова «Пись-

---

[2] Марков Г. Завещание: Повести, рассказ. — М.: Сов. писатель, 1981, с. 238.

мо в Мареевку». В основу этой книжки легли размышления автора о военном подвиге советского человека в годы войны («Трактат о подвиге»), о послевоенной колхозной деревне («Партийная линия», «Местная возможность»), о судьбах родного края, о разумном, хозяйственном использовании несметных природных богатств Сибири, сохранении и приумножении их ради человека, в интересах народа. Это давняя и заветная мечта Маркова. Она волновала его, когда он размышлял над судьбами своих героев в период создания «Строговых», об этом же думает и говорит Марков в своих выступлениях в печати, с трибуны писательских собраний и съездов. Мысли эти определяют направленность и пафос почти всех его значительных произведений, в том числе второго романа «Соль земли». Не случайно многие рассказы и очерки из книги «Письмо в Мареевку» воспринимаются как своеобразные творческие заготовки к роману. «Соль земли» — многоплановое повествование о наших современниках, о преобразовании и разумном освоении необъятных пространств Сибири. Уже само название романа чрезвычайно симптоматично. «Соль земли» — это люди труда и творческой инициативы, одухотворенной мысли и смелых дерзаний. «Трудовой народ,— говорится в романе,— вот кто «соль земли». Не щади жизни в борьбе за его счастье!»

Утверждение необходимости живой, органической связи с народом, с местным населением, знающим и любящим свой край, накапливающим о нем знания по крупицам, из поколения в поколение,— вот в чем пафос книги. Писатель выдвигает и полемически остро ставит целый ряд проблем, направленных к наилучшему приумножению народных богатств, к комплексному изучению и освоению таежных недр Сибири.

Книга Маркова построена на живой, занимательной интриге. Она раскрывает сложные, подчас драматические судьбы людей, вступивших в борьбу с обветшалыми традициями, равнодушием и инертностью мысли.

Основной сюжетный узел, к которому стягиваются так или иначе все линии романа, связан с судьбой Алексея Краюхина, человека, верящего в промышленную перспективность своего таежного края и стремящегося любой ценой найти доказательства своей правоты.

Различные пласты жизни подняты писателем. В поле зрения его входят партийные работники районного и областного масштаба, ученые, крестьяне-таежники, учителя, энтузиасты, пытливые исследователи и беспардонные карьеристы.

Завершенный на рубеже 50-х — 60-х гг., роман явился непосредственным откликом художника и гражданина на те позитивные процессы в нашем обществе, которые вызваны были к жизни историческими решениями XX съезда партии.

В 1964 г. был опубликован роман «Отец и сын». События первой части развертываются в 1921 г. в таежной глухомани, на реке Васюган, куда устремились под водительством коммуниста Романа Бастрыкова первые сибирские коммунары, вчерашние партизаны, чтобы начать жить по-новому в этих еще не обжитых, богатых местах. Во второй книге романа показано формирование и мужание характера сына Бастрыкова — Алексея — в сложных условиях 20-х гг., даны картины Томска той поры.

Напряженной атмосфере гражданской войны и событиям беспокойного лета 1919 г. в Сибири посвящена остроконфликтная пьеса «Беспощадное лето» (1966). Автор назвал ее «былью из времени гражданской войны в Сибири».

Значительный общественный резонанс вызвал роман «Сибирь»,

над которым автор работал в конце 60-х — начале 70-х гг. Это произведение, посвященное исследованию истоков современной Сибири, было удостоено Ленинской премии. Писатель создал широкомасштабное, многоплановое повествование. Действие его развертывается в дореволюционном Петрограде, в Томске, в сибирской тайге на заимках и в зимовьях, в таежных селах, переносится в столицу Швеции — Стокгольм. В романе действуют десятки персонажей — ученые, студенты, профессиональные революционеры-подпольщики, политссыльные, городские обыватели, полицейские шпики, жандармы, урядники, крестьяне-охотники, извозчики, агенты иностранных разведок. Великолепно написаны сцены, изображающие жизнь и быт старой сибирской деревни, сибирские женщины-крестьянки с их образной, меткой народной речью. Все это живет и движется на страницах романа.

Об интересе политических ссыльных к судьбам Сибири Марков говорит уже в романе «Соль земли», рассказывая об истории сохранившихся карт Улуюлья, выполненных отцом Алексея Краюхина. В романе «Сибирь» это становится центром повествования, сюжетным узлом его. В статье «Открытие века» Г. Марков следующим образом прокомментировал сюжетную историю: «Западно-Сибирская низменность давно привылекала внимание передовых умов России. Высоко оценивали ее перспективы и большевики, сосланные царским правительством в Нарымский край... В новом моем романе одна из линий как раз и вскрывает связи большевиков с крупным ученым профессором Лихачевым. Этот мой герой в известной степени тип собирательный, но за ним стоят реальные фигуры. Мне удалось нащупать материалы, которые свидетельствуют, что ссыльные революционеры старались сохранить до победы революции сведения о важнейших изысканиях, связанных с сокровищами Западной Сибири. Они даже предпринимали специальные меры — и это отражено в сюжете моего романа,— чтобы эти сведения не попали в распоряжение зарубежных стран...»[3]

Так, от романа к роману, писателем создается грандиозная художественная летопись преображения Сибири. Каждый из них с естественной необходимостью вписывается в это развернутое эпическое полотно, призванное запечатлеть судьбы обширного края в их историческом развитии, вместе с движением времени. Своего рода завершающим звеном в общей цепи повествования стал роман «Грядущему веку», в котором с присущей автору широтой и масштабностью освещаются важнейшие проблемы современной сибирской действительности. Писатель стремится показать крупный и яркий характер. В центре романа — образ Антона Соболева, первого секретаря Синегорского обкома партии. Это по-своему незаурядный человек, хорошо знающий жизнь и людей, умеющий по-государственному мыслить и работать с размахом. «Литературная газета» в одной из редакционных своих статей так писала о герое Г. Маркова: «Это партийный руководитель современной формации, сочетающий в себе ценные качества талантливого ученого и опытного политика, смелого теоретика и компетентного практика. Он наделен способностью среди текучки трудовых будней не упускать главного: нужд и чаяний родной земли и ее людей».

Георгий Марков — типичный представитель советской художественной интеллигенции. Выходец из глубин народных, он счастливо сочетает в себе призвание писателя с незаурядным талантом ор-

---

[3] Марков Г. Жизнь. Литература. Письма. — М.: Сов. писатель, 1971, с. 70—71.

ганизатора, крупного общественного деятеля. Депутат Верховного Совета, член ЦК КПСС, первый секретарь, а потом и Председатель Правления Союза писателей СССР, руководитель литературного движения в стране, лауреат Государственной и Ленинской премий, дважды Герой Социалистического Труда, Председатель Комитета по Ленинским и Государственным премиям в области литературы и искусства — таков многогранный литературно-общественный облик Маркова, писателя и гражданина.

В. Трушкин

СОЧИНЕНИЯ

Собрание сочинений: В 5-ти т. М.: Худож. лит., 1972—1974; Строговы: Роман. Кн. 1. Иркутск: Огиз, 1939; То же. Кн. 2. Иркутск: Огиз, 1946; То же. В 2-х кн. Красноярск: Кн. изд-во, 1977; Солдат пехоты: Повесть. Иркутск: Обл. изд-во, 1948; То же. Под загл.: Орлы над Хинганом. М.: Воениздат, 1975; Письмо в Мареевку: Рассказы и очерки. Иркутск: Обл. изд-во, 1952; Соль земли: Роман. [Кн. 1]. Иркутск: Кн. изд-во, 1955; То же. М.: Профиздат, 1979; Отец и сын: Роман. М.: Известия, 1971; Сибирь: Роман. В 2-х кн. М.: Мол. гвардия, 1977; Земля Ивана Егорыча: Повести и рассказы. М.: Мол. гвардия, 1978; Грядущему веку: Роман. М.: Современник, 1985.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ РАБОТЫ

Жизнь. Литература. Писатель: Статьи, очерки, выступления. М.: Сов. писатель, 1971; Писатель и пятилетка. М.: Знание, 1973; С тобою, партия! М.: Сов. Россия, 1976; Горизонты жизни и труд писателя: Сб. М.: Сов. писатель, 1978.

ЛИТЕРАТУРА

Баландина Л. Г., Баландин Л. А. Гимн жизни. — В кн.: Писатели-сибиряки. Новосибирск, 1959, вып. 2, с. 101—125; Еселев Н. Х. Георгий Марков М.: Сов. Россия, 1967; Кузнецов И. И. Иркутские писатели на фронте. — Ангара, 1970, № 3, с. 11—25; Гимпель С. И. Советский историко-революционный роман в Сибири: (50-е г.). — Изв. СО АН СССР, 1971, № 1. Сер. обществ. наук, вып. 1, с. 118—124; Никульков А. Создатель сибирской эпопеи. — Сиб. огни, 1971, № 4, с. 181—184; Еселев Н. Х. Писатели-землепроходцы. М.: Сов. Россия, 1972, с. 92—153; Коптелов А. Л. Его сердце принадлежит Сибири. — В кн.: Коптелов А. Л. Минувшее и близкое. Новосибирск, 1972, с .356—366; Нефедова Н. П. Активное вторжение в жизнь: (Романы «Строговы» и «Соль земли»). — В кн.: Социально-эстетическая роль литературы и искусства. М., 1972, с. 269—300; Смолянницкий С. На земле отцов: Очерк творчества Г. Маркова. М.: Сов. писатель, 1973; Смолянницкий С. В. Георгрий Марков: [Очерк творчества]. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1976; Марков Г. М. Моя военная пора. — Знамя, 1979, № 1, с. 49—85; О кн.: «Строговы»: Митрофанов Н. Роман о сибирском крестьянстве. — Дал. Восток, 1948, № 6, с. 126—128; Трушкин В. П. Эпопея борьбы и труда: (Об идейно-худож. особенностях романа «Строговы»). — В кн.: Писатели советской Сибири. Иркутск, 1954, вып. 2, с. 3—43; Марков Г. Истоки творчества: [О работе над романом «Строговы»] — В кн.: Советская литература и вопросы мастерства. М., 1957, вып. 1, с. 111—121; Абрамович А. Ф. Приемы создания характеров в романе Г. Маркова «Строговы».— В кн.: Абрамович А. Ф. Критические статьи и очерки о творчестве сибирских писателей. Иркутск, 1958, с. 113—151; Чалмаев В. «Строговы» — родословная революции в Сибири. — Вопр. лит., 1958, № 9, с. 137—150; Сейфуллина Л. Роман о сибирской деревне. Собр. соч. М., 1969, т. 4, с. 342—345; О кн. «Орлы над Хинганом»: Колпаков А. Невоспетый подвиг. — Байкал, 1969, № 1, с. 145—146; Оганесян М. А. О военной повести Г. М. Маркова «Солдат пехоты». — Уч зап./МГПИ, 1972, т. 485, с. 260—269; О кн. «Соль земли»: Колесникова Г. Роман о богатстве народном. — Сиб. огни, 1955, № 4, с. 170—173; Петрова М. В. Роман о народе-созидателе. Уч. зап./Бийск. пед. ин-т, 1958, вып. 2, с. 179—206; Чапчахов Ф. В борьбе за будущее. — Нева, 1958, № 11, с. 220—221; Панков В. В безбрежном океане жизни. — Знамя, 1960, № 7, с. 218—221; Козлов И. Таланты сибирской земли. — Дружба народов, 1961, № 4, с. 233—239; Мессер Р. Писатели и духовная жизнь деревни. — Звезда, 1961, № 5, с. 191—198; Распопин В. Б. Образы и композиция романа «Соль земли». — В кн.: Очерки русской и зарубежной литературы. Иркутск, 1968, с. 96—108; Смолянницкий С. Современный роман. — Сиб. огни, 1973, № 3, с. 164—178; О романе «Отец и сын»: Шик Э. Сила жизни.— Сиб. огни, 1963, № 11, с. 182—183; Никульков А. Сибирская эпопея.— Сиб. огни, 1966, № 2, с. 177—180; Стрелкова И. Подвиг продолжать сыновьям. — Мол. коммунист, 1966, № 6, с. 104—108; О кн. «Сибирь»: Идашкин Ю. Во имя будущего. — Октябрь, 1970, № 6, с. 216—218; Мотяшов И. Сибирь. Россия. Большевики. — Лит. газ., 1970, 11 марта, с. 6; Мотяшов И. Георгий Марков. М.: Худож. лит., 1984.

БИБЛИОГРАФИЯ

Матвеева М. Н. Марков Г. М.— В кн.: Русские советские писатели. Прозаики. Л., 1964, т. 3, с. 61—71; Трушкин В. Г. М. Марков. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 184—189; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с 162—165; Русская литература Сибири. Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 259—254.

В. М. ЛЯХНИЦКИЙ (1912—1977)

Писательскую судьбу Владислава Михайловича Ляхницкого можно назвать счастливой. Его признали и читатели и критики с первой книги «Вдали от фронта», которая вышла в 1962 г. в Читинском книжном издательстве (журнальный вариант — в альманахе «Забайкалье», 1959). Образность и достоверность жизненных реалий говорили о нем как о литераторе многообещающем. Удивительного в этом ничего не было. Писатель в это время отметил полувековой юбилей. Ему было о чем сказать и как сказать. Геолог по профессии, он выступал в периодической печати с очерками, статьями, в которых рассказывал о своих походах, товарищах по экспедиции, открытиях. Началось это в 1935 г. И с тех пор до конца жизни Ляхницкий не оставлял журналистики.

«Человек не любит того, что плохо знает». Ляхницкий узнал и, более, досконально изучил чарующий мир неживой природы. Сначала в школе, потом в институте. За тридцать лет работы в геологических партиях он утвердился в мыслях, что для художника неживой природы нет. Даже камни двигаются, поют, свистят, сердятся и радуются. «Человек не любит того, что плохо знает». Он постарался хорошо узнать и понять тех, с кем сводила его судьба на крутых таежных тропах. Рассказывая о людях, он писал о природе. Рассказывая о природе,— писал о людях. Он был поэтом, хотя не написал ни одного стихотворения. Но сколько строк, ритмичных и упругих, тонко отражающих состояние души писателя, заставляют волноваться читателя. Даже названия книг поэтичны: «Небесный камень», «В поисках весны», «Золотая пучина», «Алые росы».

В одной из первых своих книг «В поисках весны» Ляхницкий определил основную свою творческую задачу: «Много исхожено троп за тридцать лет работы полевым геологом. Много интересных людей встречено на таежных тропах. Много любопытного довелось увидеть. И я убедился, что рядом с нами течет жизнь и встречаются явления и вещи не менее поразительные, чем зодиакальный свет, черные лебеди Австралии или обитатели океанских глубин.

Об удивительном, что находится рядом с нами, об интересных людях я и пишу...»

Самыми значительными в творчестве Ляхницкого являются романы «Золотая пучина» и «Алые росы». Образ главной героини Ксении Рогачевой (Росомахи) стал не только тем сюжетным стержнем, вокруг которого концентрируются основные события, он как бы явился их отра-

жением. Боль, гнев, отчаяние, жажда свободы, испытываемые девушкой, в равной мере присущи и окружающим ее людям, таким же обездоленным и бесправным рабочим и крестьянам сел Рогачево, Луговое, Камышовка, прииска Богомдарованного. Терзания Ксюши, ее стремление к свету, к воле, к счастью как нельзя лучше подчеркивают общественно-политическую обстановку того времени — канун и падение русского царизма.

Автор «бросает» героиню из одной сложной жизненной ситуации в другую, держит на изломе, «проверяет» на прочность. Девушка скитается по родному сибирскому краю, попадает к разным людям, и это позволяет автору показать социально-психологическую атмосферу, в которой происходит столкновение классовых сил. Много в романе событий и лиц. С каждым из основных персонажей встретится Ксения. И каждая встреча оставит след в душе и поможет, наконец, определиться в выборе жизненного пути.

Несомненно, Ксюша — любимый образ писателя. Все лирические отступления в книгах связаны с нею. Зарисовки эти полны таежного аромата, звуков и красок жизни, легко и естественно вплетаются в ткань повествования.

Вырвавшись из лап Сысоя Козулина, бежит Ксюша на волю и на восходе солнца видит на зеленой траве алые капли росы. Алые росы — символ счастья. К этим «алым росам» стремятся герои всех произведений писателя, в этом смысл его творческого кредо.

Закончив очередную книгу, Ляхницкий появлялся в редакции читинской областной газеты «Забайкальский рабочий». «Сейчас я могу позволить себе расслабиться,— говорил он нетерпеливо потирая руки,— нет ли у вас темки? Могу помочь». «Расслабиться» для него значало — заняться журналистикой, стать поближе к жизни, почувствовать пульс ее. На страницах «Забайкальского рабочего», «Комсомольца Забайкалья», в журналах «Дальний Восток», «Сибирь», «Уральский следопыт» появлялись его публицистические статьи.

Ляхницкий очень любил «повозиться с молодыми» начинающими писателями. Очень много сил и времени отдавал он литературному клубу «Подвиг», действующему при редакции окружной газеты ордена Ленина Забайкальского военного округа «На боевом посту». Клуб был создан для воинов, но его посещали любители прозы и поэзии Читы. Для всех находил Ляхницкий и место за общим столом, и доброе слово.

Став профессиональным писателем, он много ездит по стране, бывает за рубежом. Возвращаясь домой, он пишет и публикует путевые очерки. Что характерно было для них? Острая наблюдательность! Писатель в путешествиях неукоснительно придерживался принципа Маяковского: «глазами жадными цапайте... все, что хорошо на Западе». Отдавая традиционную дань читательской любознательности об истории, культуре и политике того или иного государства, каждый очерк Ляхницкий завершал подглавкой: «Узелки на память». В этих «узелках» он рассказывал о висячих садах, газонах, переносных цветочниках, искусственных бассейнах и фонтанах, молодежных кафе и клубах, новшествах, в бытовом обслуживании населения, градостроительстве. Словом, обо всем том, что украшало, облагораживало, облегчало и улучшало жизнь человека, могло быть «перенято и перенесено» на забайкальскую землю.

У писателя, как и у любого творца, две родины. Первая там, где он на свет появился и детство провел. Вторая, где родился как художник. Родился Владислав Михайлович в Казани 10 апреля 1912 г. в семье юриста. Голод Поволжья в 1921 г. вытеснил семью Ляхницких в Новосибирск. С этого вре-

мени жизнь Ляхницкого связана с Сибирью. Здесь он мужал и набирался впечатлений. Но Забайкалье вписано в судьбу писателя красной строкой. Это его литературная родина. Он любил Забайкалье. В последний год жизни, когда перебои в сердце стали переходить критическую фазу, врачи настоятельно попросили его сменить климат.

В Подмосковье, в Звенигороде, писатель прожил несколько недель. К боли физической добавилась боль души — тоска по Забайкалью. И снова по совету врачей он возвращается в Читу. Ляхницкий собирал материал и раздумывал над третьей книгой трилогии о Росомахе. Написать не успел. Он умер в Чите в 1977 г.

Ю. Курц

СОЧИНЕНИЯ

Вдали от фронта: Повесть. Чита, 1962; Небесный камень: Повесть. Иркутск, 1964; В поисках весны: Рассказы об удивительном. Иркутск, 1967; Золотая пучина: Роман. Иркутск, 1968; Легенды и были: Рассказы. Иркутск, 1972; Алые росы: Роман. Иркутск, 1977; Эхо тайги: Роман/Послесл. М. Вишнякова. Иркутск, 1984.

ЛИТЕРАТУРА

О повести «Вдали от фронта»: Кобяков Г. Как поет счастье. — Заб. рабочий, 1962, 21 дек.; Татуйко А. Повесть о геологах. — Дал. Восток. 1963, № 2, с. 182—184; О кн. «В поисках весны»: Мельникова Е. Нашедшие весну. — Заб. рабочий, 1967, 8 апр.; Татуйко А. Книга о романтике познания. — Дал. Восток, 1967, № 6, с. 170—172; О романе «Золотая пучина»: Хавкин О. Обстоятельность. Точность. Мастерство. — Заб. рабочий, 1969, 9 марта; Могутин Ю. Самородок, подаренный людям. — Комс. Забайкалья, 1968, 15 дек.; О романе «Легенды и были»: Татуйко А. Литературное Забайкалье. — Дал. Восток, 1976, № 1, с. 144—154; О романе «Алые росы»: Курц Ю. Горючие алые росы. — Заб. рабочий, 1977, 9 апр.

БИБЛИОГРАФИЯ

Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973 с. 157; То же. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 107—108; Русская литература Сибири: Библиогр. укаэ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 237; Литературное Забайкалье: Рек. указ. Чита, 1979, с. 85—89.

Н. С. УСТИНОВИЧ (1912—1962)

В начале века российские крестьяне начали переселяться в сибирские края.

В 1907 г. выходец из белорусских крестьян Станислав Иванович Устинович с женой и двумя детьми обосновался в переселенческой деревне Горелый Борок Канского уезда Енисейской губернии. Здесь, в Горелом Борке, 18 мая 1912 г. родился Николай Станиславович. Вскоре семья разрослась, в ней было уже девять детей.

«Что побудило писать — не знаю. Спроси у эвенка — почему он поет о том, что видит вокруг себя в пути? Разве он знает? Помнится, портил бумагу «рассказами» уже лет с 12-ти». Первый рассказ Устиновича «Орудия» был напечатан 20 августа 1930 г. в московской «Охотничьей газете», когда Николай еще учился в школе в поселке Иланский.

Тридцатые годы — начало генерального наступления на Сибирь. Энтузиазм первых пятилеток пришел и в восточные новостройки.

В 1931 г. вместе с двумя сестрами Устинович завербовался на крупное строительство в Хабаровск. Работал землекопом, затем табельщиком, потом начальником канцелярии. Активный рабкор, он вскоре стал техническим редактором многотиражной газеты на стройке.

В 1933 г. Устинович поступил на работу литсотрудником рудничной газеты «Забой» в Балее Читинской области. Свои рассказы и корреспонденции печатал в краевых газетах и сибирских журналах: «Новая Сибирь» (Иркутск), «Охотник и рыбак Сибири» (Новосибирск).

С 1936 г. заведовал литературным отделом редакции иркутской газеты «Восточно-Сибирский комсомолец», на страницах которой печатались его рассказы. Общение с иркутскими писателями немало

способствовало творческому росту Устиновича.

В 1942 г. он переехал в Красноярск и работал здесь до последних дней своих. Работа специальным корреспондентом в редакции краевой газеты «Красноярский рабочий» дала возможность встречаться с десятками разных людей, героями будущих репортажей, очерков, рассказов.

Обостренное чувство нового, растущего в жизни и в человеческих характерах — одна из главных особенностей таланта писателя, одна из самых прочных сторон его. Зоркость на новое свойственна его очеркам и рассказам сороковых и пятидесятых годов. Ею отмечены повести: «В краю далеком» (1948), «Обновленная земля» (1949), «Маяк в степи» (1952).

Собранные по крупицам штрихи нового составляют душу его миниатюр «Таежные встречи» (1953). В изображении духовного благородства советских людей заключен пафос лучшего его сборника «След человека» (1961).

Устинович любил писать для детей. Он хотел, чтобы росли они мужественными и щедрыми хозяевами тайги. Им раскрывал он тайны и красоту лесной жизни.

Уже в сороковые годы Устинович получил признание как замечательный певец Сибири. Знаток енисейской тайги, исколесивший и исходивший ее вдоль и поперек, он открыл советскому и зарубежному читателю дикую и суровую поэзию таежных горизонтов, притягательную силу Севера. За развитием творчества Устиновича внимательно следил Михаил Пришвин. Он писал молодому автору: «Знаю по себе, что ничего нет труднее, как писать о природе: надо быть безусловно самим собой, тем самым человеком, который единственный раз за всю жизнь планеты показывается и навсегда исчезает. Мгновение такое коротенькое, так хочется продлить это мгновение жизни, остановить его в слове».

Удалось ли писателю-сибиряку «остановить в слове» это мгновение? Несомненно.

Сам писатель обладал счастливой способностью чувствовать в шуме кедров и пихт голоса прошлого и настоящего. Величие природы настраивало его и на лирический и на эпический лад. Он пишет историческую повесть «Саня Лосев», в которой воскрешает перед юношами славные и горькие, трудные и героические годы гражданской войны в Красноярском крае. Отдал дань и приключенческому жанру. Его перу принадлежат остросюжетные повести «Золотая падь» (1945), «Зеленый клад» (1951), «Замурованнвй подвал», «Кожаный чемодан» (1959).

Но наибольший успех выпадает на долю рассказов, где хорошо раскрывается главная особенность его таланта: умение четко, лаконично изобразить характер человека. Сотни людей самых разных профессий проходят перед глазами читателей — охотников, звероловов, летчиков, геологов, учителей, горняков. Долго живут в памяти их лица, их смекалка и трудолюбие, их смелость и самозабвенность. Ныряет в ледяную воду печатник Ефим Осипович

Егоров, чтобы спасти печатный станок после аварии («Первопечатник»), рискуя собой, до последнего момента ждет старый таежник Михаил Игнатьевич Кочкин геологов, нуждающихся в его помощи («Крепче железа»). Выбиваясь из сил, почти без пищи разыскивает участковый милиционер Григорий Кузьмич Ермаков затерявшихся ребятишек и спасает их («Большое хозяйство»).

Взгляд писателя всюду замечает поэтическое начало: в природе, человеке, труде. Его сердцу особенно любезны люди прямые, мужественные, скромные. Выше всего ценил он в людях готовность прийти на помощь другу. Этой теме он уделил наибольшее внимание в своих рассказах и повестях.

Рано, в расцвете творческих сил ушел он из жизни. Он умер 4 ноября 1962 г. от тяжелой сердечной болезни.

Говорят, каждый видит в мире то, что несет в себе самом. Тысячи читателей благодарны писателю за то, что лучшие качества характера: спокойное мужество, жизнелюбие, верность, подлинную любовь к родному краю нес он в себе и открывал в советском человеке.

Г. Ермолина

СОЧИНЕНИЯ

Избранное: В 2-х т. Красноярск: Кн. изд-во, 1962—1963; Лесная жизнь: Сб. рассказов. Красноярск: Краснояргиз, 1944; Аромат земли: Рассказы. Красноярск: Краснояргиз, 1945; Золотая падь: Повесть. Красноярск: Краснояргиз, 1945; В краю сибирском: Повесть. Красноярск: Краснояр. рабочий, 1947; В тайге: Рассказы следопыта. Красноярск: Крайиздат, 1947; Соки земли М.: Сов. писатель, 1947; В краю далеком: Рассказы. Иркутск: Облиздат, 1948; От весны до весны: Рассказы. Карсноярск: Крайиздат, 1949; Зеленый клад: Повесть. Красноярск: Крайиздат, 1951; Дорогие гости: Стихи. Красноярск: Крайиздат, 1952; Таежные встречи: Рассказы. Красноярск: Кн. изд-во, 1953; Черное озеро: Приключ. повесть. Иркутск: Кн. изд-во, 1956; Таежные рассказы: М.: Детгиз, 1957; Замурованный подвал: Рассказы. Красноярск: Кн. изд-во, 1958; Северные встречи: Путевые записки. М.: Сов. писатель, 1958; Саня Лосев: Повесть. Красноярск: Кн. изд-во, 1959; Охотничьи были. Абакан: Хаккнигоиздат, 1963; Таежные встречи; Избранное. Красноярск: Кн. изд-во, 1970; Таежные рассказы. Красноярск: Кн. изд-во, 1975; Саня Лосев: Повесть: След человека; На охотничьих тропах: Рассказы. Красноярск: Кн. изд-во, 1979.

ЛИТЕРАТУРА

Срывцев А. Шагал по земле человек. Кемерево: Кн. изд-во, 1964; Малютина А. Николай Устинович. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1979; Николай Устинович: Крат. биография.— В кн.: Сибиряки. Красноярск, 1947, с. 332—333; Малютина А. Певец сибирской природы. — В кн.: Писатели советской Сибири. Иркутск, 1954, вып. 2, с. 114—134; Сеньков И. Писатель и его тема. — Сиб. огни, 1958, № 9, с. 166—174; Колесникова Г. Когда писатель вместе с народом — Москва, 1959, № 2, с. 204—214; Л. Н. Сейфуллина — Н. С. Устиновичу.— Енисей, 1960, кн. 26, с. 129; Пелымская О. Н. С. Устинович — певец советской Сибири — В кн.: Устинович Н. Избранное. Красноярск, 1962, т. 2, с. 5—34; Яновский Н. Н. Устинович Н. С. — Крат. лит. энциклопедия, 1972, т. 7, стб. 850; Веприняк Д. Таежные были. — Кн. обозрение, 1976, 30 янв.

БИБЛИОГРАФИЯ

Русские советские писатели. Прозаики: Библиогр. указ. М., 1968, т. 5, с. 221—245; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 266—269; Тоже. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 200—201; Русская литература Сибири: Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 424—429.

Л. Б. СТЕКОЛЬНИКОВ (1912—1968)

Стекольников появился в Иркутске в самом начале войны, тридцатилетний, в офицерской шинели, но с лицом, сохранившим какую-то детскую непосредственность, как бывает у людей чистых и добрых. Он принес в среду сибирских литераторов веяния ленинградской поэтической школы, ее чеканный стройный стих, ее великолепное владение формой, соединенность с тканью истории, из которой в произведение входят и ее атмосфера и ее деятели.

Родился Лев Борисович Стекольников в 1912 г. в Петербурге, в семье переплетчика, с детства окружали мальчика книги, чтение которых предопределило его судьбу: он жадно вчитывался в страницы великих путешествий, они звали его в дорогу, все детство грезились ему караваны верблюдов, бредущие через пустыни, дикие звери саванны и приключения в джунглях, и отсюда раннее стремление стать географом, но волновали мальчика и стихи. В Петрограде было немало любителей-библиофилов, которые считали почему-то необходимостью переплетать даже новые книги в переплеты из кожи или из ткани, поэтому в доме переплетчика Стекольникова появлялись различные альманахи, тоненькие книжки только что написанных стихов А. Блока, Н. Гумилева, М. Кузьмина, О. Мандельштама, многих еще, чьи имена, порой и напрасно, не сохранила нам история отечественной словесности. Особенно радовало мальчика, когда стихи соединяли в себе обе его мечты, скажем «Нигер» или «Жираф» Н. Гумилева. Тогда, тайком от всех, писал он свои первые сокровенные строки.

В 1930 г. окончил он школу. «Желая скорее начать путешествовать,— пишет поэт в коротенькой автобиографии,— поступил в Ленинградский топографический техникум. Будучи студентом-практикантом, побывал с экспедициями на Северном Урале, в Поволжье и в Карелии. Техникум я окончил в 1935 г.»[1].

Осенью того же года Стекольников призван на действительную военную службу, здесь он, уже как красноармеец, а не как географ, совершает поезду на Дальний Восток, к месту службы, но для него и дорога через всю страну, и служба среди поросших лесом сопок — в какой-то степени продолжение детской мечты познать весь мир. Когда, отслужив отпущенный срок, вернулся он в Ленинград, то стал работать топографом в «Севморпути», а затем — в ««Ленгеологии», затем вернулся в «Аэросъемку», в которой прослужил несколько времени между выпуском из техникума и призывом в армию. Так исполнялась его первая мечта.

Он продолжал писать стихи, но все это от случая к случаю, бывал на литературных вечерах, был знаком со многими ленинградскими поэтами, но лишь в 1938 г. пришел в Выборгский дворец культуры, где существовала литературная группа. Он увидел своих ровесников, обогнавших его в мастерстве, услышал честное дружеское суждение о том, что копилось в его тетрадочках до сей поры, поэтому сам он считает 1938 г. началом серьезной литературной работы. В 1941 г. в апрельском номере «Литературного современника» впервые увидели свет его стихи.

А через два месяца началась война.

С первых же дней военный топограф Стекольников призван в ряды Советской Армии. Судьба заносит его на время в Иркутск, здесь, на «Литературных средах»

---

[1] Ленинградские писатели-фронтовики. Л.. 1985, с. 350.

в отделении Союза писателей, знакомит он иркутян со своим творчеством. Так ленинградец становится иркутянином. Его стихи появляются в периодике, в выходящем в городе альманахе «Новая Сибирь». Он пристрастен к природе, и даже тема войны и мужества выражена в его творчестве через традиционные символы:

Хочу я стать таким же кедром.
В ненастный год
Пусть и меня сломает ветром,
Но не согнет.

Естественно, что тема путешествий, судьба великих первооткрывателей продолжает волновать поэта, он даже в качестве эпиграфа к одному из стихотворений приводит строки известного ученого-геодезиста В. В. Витковского, «что картография — поэзии сродни».

По преданию, был у Пржевальского
компас любимый,
Прослуживший ученому двадцать
без малого лет,—
И в горячих песках,
средь блуждающих русел Тарима,
И в горах ледяных
на пути в легендарный Тибет.
Путешественник умер в походе...
Спокойно, сурово,
Под гранитным утесом
конечный устроив привал,
Приподнявшись на локте,
К себе подозвал он Козлова
И свой верный, испытанный компас
ему передал.

Молодой восприемник Пржевальского доказал, что компас передан в надежные руки, он исследовал Монголию, открыл засыпанный песками город Хара-Хото, стал, как и учитель, выдающимся путешественником, а в час кончины вручил компас кому-то из своих учеников, как эстафету преданности дороге и науке. У кого теперь этот компас Пржевальского — не известно.

Может, вам этот компас встречался?
Ничем не приметный,
С пожелтевшей от времени
узенькой круглой шкалой,
Со штрихами царапин
на плоской коробочке медной,
Со стальною, зовущей в поход
путеводной стрелой...

В Иркутске был написан Львом Стекольниковым цикл «биографий» в стихах: «Михаил Глинка», «Афанасий Фет» и др. Для портрета избирался будничный, но зато типичный момент из жизни великого деятеля культуры, и поэтому Афанасий Фет, например, представал как рачительный хозяин, помещик, который советовал служителю своему: «Подсыпька, братец, вот сюда навозу»... Но постепенно проявлялось, что эта натуральная жизнь лишь внешняя оболочка духа, что настоящий Фет перестает быть Шеншиным (подлинная фамилия поэта), когда, отбросив все заботы по хозяйству, преображается над чистым листом: «И падает алмазная строка на деловую серую бумагу».

Компас Пржевальского, верно, достался Стекольникову, потому что война повела его в Монголию, и в тех местах, где когда-то шли караваны Пржевальского и Козлова, нес свою воинскую службу капитан 8-го военно-топографического отряда Стекольников. В 1945 г. он снова в Иркутске. Здесь застает его день Победы, здесь в 1948 г. выходит его первая книга стихов — «Исток». В этом же году Стекольников демобилизован из армии и становится профессиональным писателем.

Он возвращается в Ленинград уже сложившимся поэтом, начинают выходить его книги — «Крутая тропа» (1950), «Компас» (1957), в 1954 г. начинает работать над драматической поэмой о Пржевальском. Как видим, Стекольников — однолюб, он пристрастен ко всему, что связано с его давней детской мечтой о путешествиях, о людях науки. Его знания в области естественных наук проявляются в книгах для детей. («Необыкновенный махаон» «Рассказы собирателя бабочек», 1959; «Что такое аскалафус? Рассказы о насекомых», 1971).

Его не стало 19 ноября 1968 г. В 1974 г. в Ленинграде вышла книга, в которую собрано было

все лучшее, написанное поэтом Стекольниковым. Книга названа знаменательно: «Добрый след».

М. Сергеев

СОЧИНЕНИЯ

Исток: Стихи. Иркутск, 1948; Крутая тропа: Стихи. Л., 1950; Компас: Стихи. Л., 1957; Трудное счастье: Кн. стихов. Л., 1959; Необыкновенный махаон: Рассказы собирателя бабочек. Л., 1959; Записки Толи Сундукова: Маленькая повесть. Л., 1963; Время полной листвы: Стихи. М.; Л., 1966; Что такое аскалафус?: Рассказы о насекомых. Л., 1971; Добрый след: Стихи. Л., 1974.

БИБЛИОГРАФИЯ

Стекольников Лев Борисович.— В кн:. Ленинградские писатели-фронтовики. Л., 1985, с. 350—351.

О. А. ХАВКИН (р. 1912)

Оскар Адольфович Хавкин родился 15 июня 1912 г. Отец его, уроженец города Витебска, по профессии шорник, был участником рабочих стачек начала века, в 1902 г. вступил в РСДРП. В 1906 г., будучи солдатом Свеаборгского гарнизона, принимал участие в восстании солдат и матросов, был приговорен к смертной казни и на рыбацкой лодке бежал в Швецию. Здесь он познакомился с будущей матерью писателя. Она, революционерка с 1905 г., работала в эмиграции на швейной фабрике. Родители Хавкина были в числе организаторов проезда В. И. Ленина через Стокгольм на родину 1 апреля 1917 г. А через неделю после этого семья Хавкиных вернулась на родину. Гражданская война застала их на Украине.

Свидетелем многих грозных событий стал будущий писатель: взрыв киевского арсенала, пулеметы и орудия во дворе дома, где они жили, обыск и арест отца деникинскими контрразведчиками.

В 1920 г., когда отец был на фронте, мать с двумя сыновьями перебралась в Москву. Для Оскара начались годы учебы. Сначала в 1-й школе ВЦИК, в опытно-показательной школе-коммуне им. Лепешинского, в 7-й опытной школе. Затем в 1932—1934 гг.— на редакторском факультете коммунистического университета им. Свердлова и наконец в 1934—1936 гг. на географическом факультете Московского педагогического института им. Ленина.

Хавкину посчастливилось учиться в школе у лучших педагогов того времени: «Глубокие универсальные знания,— вспоминает писатель,— истинная интеллигентность, стремление возбудить исследовательский интерес к предмету, привить навык самостоятельной и серьезной работы — вот что отличало этих талантливых педагогов». К школьным годам относятся и первые пробы пера и первые напечатанные стихотворения. В ту пору Хавкин увлекался поэзией Блока, Гумилева, Мандельштама, писал романтические стихи о бригантинах, мушкетерах и пиратах. Но притягивала к себе и грандиозность плана первой пятилетки, хотелось вырваться из «очарованного круга». Давний друг Хавкина, редактор журнала «За грамоту» Л. Н. Сталь подметила в Оскаре это «смятение чувств» и помогла рождению его первых стихов о колхозной деревне того времени, стихов еще робких, но искренних. Затем появились первые стихи, уже наполненные дыханием времени. Еще до окончания учебы Хавкин работал в «Пионерской правде» — секретарем журнала детского актива «Вожак». С этого времени началась его многолетняя журналистская практика.

После окончания пединститута Хавкин два года преподавал географию в военном училище и продолжал сотрудничать в московской прессе. Осенью 1938 г. он приехал в Забайкалье, в поселок Могоча, где четыре года работал преподавателем географии

и истории в средней школе и редактором районной газеты. Переехав в Читу, Хавкин работал сначала в областной газете, был инструктором обкома партии, а затем главным редактором книжного издательства и редактором альманаха «Забайкалье».

Первые книжки писателя, вышедшие в Чите в 1947 г., были очерковыми: «Как изменился культурный облик Забайкалья» (в соавторстве с В. С. Серовым), «Путь артиста», «Дочь народа». Но годы журналистской и учительской работы в Могоче дали толчок к большой прозе. Жизнь школьного коллектива; интернат, в котором собрались дети старателей, охотников, лесорубов с берегов Амура, Шилки, Чары; совместный с ребятами труд в пригородном хозяйстве; выпуск школьного журнала; поездки в тайгу — из всех этих впечатлений и наблюдений родилась первая повесть «Всегда вместе», напечатанная сначала в альманахе «Забайкалье», а затем в 1949 г. изданная в Детгизе. Она переиздавалась много раз у нас и за рубежом. Сотни писем приходили к автору, в том числе и от ребят — прототипов героев повести. Дружба писателя с ними сохранилась до наших дней. Жизнь в Могоче дала писателю материал и для повести «Моя чалдонка». Она была напечатана в журнале «Дальний Восток», а в следующем, 1956 г., вышла в Чите и Москве. Эта повесть о том, как раскрылись люди, и взрослые и подростки, в грозные годы войны. В промежутке между этими двумя книгами были написаны несколько рассказов и две небольшие повести на зарубежные темы. «Тайна старого фрегата», в основу которой положены факты из жизни португальских ребят, и «Пятая маска» — о норвежской молодежи в годы второй мировой войны.

В феврале 1953 г. писатель вернулся в Москву и еще несколько книг создал на забайкальском материале. В свое время он много путешествовал по Агинской степи, изучал бурятский язык, обычаи бурят, нравы, сельскую новь. В результате родилась колоритная повесть «Месяц диких коз» — о жизни бурят-степняков. Повесть «Нилка» тоже имеет свой адрес. Чикой — особый район Забайкалья, в нем издавна живут бывшие староверы. Отсюда острота социальных и бытовых проблем. Их-то и пытаются решать такие люди, как библиотекарь Нилка. Нилка не только несет людям знания, культуру, но и помогает им в трудные минуты. Вышли в эти годы и еще две книги Хавкина, написанные на сибирском материале: «Пелагеин муж» и «Время скажет».

Все эти повести, хотя каждая из них — о своем, объединяет взволнованность автора, его крайняя заинтересованность в людях. Поэтому и герои его постоянно держат ответ перед собой, перед каждым, с кем сталкивает жизнь. Поэтому и судьбы их так сложны: ведь путь к счастью — это нелегкая борьба с кривдой, равнодушием, бесчестием. А поскольку Хавкин-художник предельно точен в образе, колорите, языке, то и читатель заражается нежеланием героев признавать готовые решения.

В романе «У каменного моста», вышедшем в 1969 г. в Новосибирске, Хавкин прослеживает дальнейшую судьбу Андрея Хромова, героя из повести «Всегда вместе». Последние годы писатель работает над «Шведским романом» — о дружбе и совместной борьбе русских и шведов. Несколько раз он ездил в Швецию, изучал шведский язык, поднял массу архивных документов.

С большим увлечением занимался Хавкин и сибирским литературно-историческим краеведением, а с 1974 г. страстью его стал БАМ.

Где пешком, где на машинах, где на дрезинах проехал он от станции БАМ до Тынды, от нее, по Амурско-Якутскому тракту до Беркатита и Чульмана. Ездил с шоферами на Большой Невер. Побывал в Чаре, на нашем забайкальском севере, куда должна прийти железная дорога — к Удоканской меди. Все эти поездки, события, знакомства послужили автору для написания книг «Утро Большого БАМа» и «Из тупика». Книги Хавкина о БАМе волнуют, потому что их писал не сторонний наблюдатель.

Хавкин счастливо сочетает в себе писателя, журналиста, поэта. Он начинал со стихов, не бросает их по сей день. Можно по-разному относиться к его поэтическому творчеству, но ясно одно: это поэзия, в которой присутствуют мысль, образ, чувство. Первый поэтический сборник он издал в Иркутске в 1986 г.

Оскар Адольфович — один из создателей читинской писательской организации, книжного издательства. Многим он помог в писательском становлении. Многих вывел на широкую литературную дорогу.

Л. Покровская

СОЧИНЕНИЯ

Всегда вместе: Повесть. М.; Л.: Детгиз, 1949; Тайна старого фрегата: Повесть. Чита: Читиздат, 1951; Пятая маска: Повесть. Чита: Кн. изд-во 1954; Месяц диких коз: Повесть. М.: Сов. писатель, 1959; Пелагеин муж: Повесть. Благовещенск: Амур. кн. изд-во. 1961; Время скажет: Повесть. Новосибирск: Кн. изд-во, 1963; Вдовья жизнь; Пелагеин муж; Нилка: Повести. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1966; У каменного моста: Роман. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1969; Бурундук: Повесть. М.: Дет. лит., 1976; Деды и внуки: Повести/Предисл. В. Лавринайтиса. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1982; Нилка; Моя чалдонка: Повести/Предисл. Л. Разгона. М.: Дет. лит., 1982; Хитрый остров: Роман. М.: Сов. писатель, 1984.

ЛИТЕРАТУРА

Калашников В. А. Хавкин Оскар Адольфович. — Крат. лит. энциклопедия, 1975 т. 8, стб. 179; О повести «Всегда вместе»: Левина О. Повесть о дружбе. — Вожатый, 1950, № 7. с. 22—23; Сластенин В. Школа и жизнь. — Сов. педагогика, 1951, № 5, с. 103—106; О повести «Время скажет»: Зернова Р. Внимательный взгляд.— Нов. мир, 1963, № 7, с. 246—248; Яновский Н. Люди большого сердца. — Москва, 1963 № 5, с. 218—219; О повести «Нилка»: Изюмова Н. Хозяйка тайги Нила Быстрова. — Лит. Россия, 1965, 9 июля; Маркова М.— Знамя, 1965, № 6, с. 254; Палей А. Р. Призвание. — Библиотекарь, 1966, № 3, с. 59—60; Курц Ю. Юбилей писателя. — Заб. рабочий, 1982, 23 июня; Очерки русской литературы Сибири. Т. 2. Сов. период. Новосибирск 1982, с. 543—544.

БИБЛИОГРАФИЯ

Покровская Л. О. А. Хавкин.— В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск. 1971, с. 200—202; Писатели Восточной Сибири. Биобиблиогр. указ. Иркутск. 1973, с. 271—272; То же. Иркутск. 1983, вып. 2, ч. 1, с. 206—207; Русская литература Сибири. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 456—457; Хавкин О. А. (К 70-летию со дня рождения): Памятка. Чита 1982.

Г. М. МОЛОСТНОВ (р. 1912)

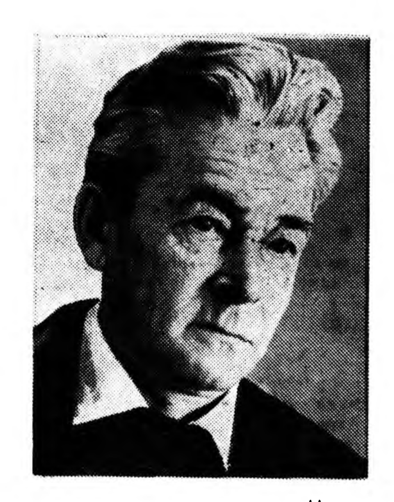
Геннадий Модестович Молостнов родился далеко от Сибири, в деревеньке Чуркино Владимирской губернии 31 августа 1912 г. Семья была очень бедной, и мать определила семилетнего Геннадия в детский дом, находившийся в бывшем монастыре близ станции Арсаки. Началась

его жизнь «в людях». До 1925 г. он пастушил в ближайших селах, в родной деревне. В двенадцать лет вступил в ряды недавно созданной пионерской организации, а через два года стал комсомольцем.

После разгрома Колчака вернулся из Красноярска раненый отец и через несколько дней умер от ран. Надо было определяться в дальнейшей жизни, и Геннадий Молостнов пошел учиться на курсы для малограмотных, затем на курсы по подготовке в ФЗУ. Закончил ФЗУ в 1931 г., работал слесарем на заводе им. Серго Орджоникидзе в городе Кольчугино. Был избран секретарем комитета ВЛКСМ в учебном комбинате им. Н. К. Крупской, здесь же вступил в партию.

В 1934 г. райком комсомола дал путевку Молостному в Ленинградский институт журналистики им. Воровского. Из института Молостнов был послан центральным кемитетом ВЛКСМ в Куйбышев, где работал в редакциях газет «Будь готов!» и «Волжский комсомолец».

Незадолго до войны Куйбышевский райком партии рекомендовал молодого коммуниста на работу в органы госбезопасности. В 1941 г. Молостнов закончил Высшую московскую школу КГБ, некоторое время работал в Министерстве, потом на фронте, в контрразведке. В 1943 г. воевал в составе 221 стрелковой дивизии Южного фронта и был ранен и контужен. После выздоровления Молостнов назначен старшим курьером дипломатической охраны в США. На родину вернулся в 1947 г. И снова его жизнь связана с журналистикой. Сначала в Загорске, затем в Кузбассе, в Кемерове. Работая в газетах, Молостнов начал писать стихи, рассказы. Задумал написать роман о труде и быте кузбасских рабочих, о природе этого края. Роман был написан, и даже не один, а два — «Их

нельзя остановить...» и «Междуречье». Сюжетно самостоятельные, но объединенные общими героями, вместе они составили книгу «Голубые огни», вышедшую в свет в Кемеровском издательстве «Кузбасс» в 1953 г. Книга была с интересом встречена читателями, хотя и вызвала существенные нарекания в недостаточно глубоком знании профессии героев. Но в этих романах было много прекрасных страниц, рассказывающих о неповторимой природе Горной Шории, одного из удивительнейших мест в Сибири, о тайге, о животном мире. И были удавшиеся образы людей: Зои Кусургашевой, Дарьи Акимовны, Степана Гордеевича, Насти Колмыковой, которых объединяет глубокое понимание мира природы, умение ценить красоту жизни и красоту природы.

В то время трудно было еще судить о направленности поисков писателя. Продолжал он писать и стихи, сборник его вышел в Кемерове в 1956 г. Но проза все-таки остается главной. Новая повесть «К свету», задуманная как история жизни одного крестьянского рода, рассказывала о предреволюционной русской деревне, о путях крестьян к рево-

люции. В этой повести Молостнов уже приближается к своей теме. Рассказывая о прошлом, писатель сумел показать истоки любви русского человека к Родине, к природе, его умение черпать душевные силы в красоте лесов и полей. В повести писатель проявил себя как знаток быта и нравов дореволюционной деревни и как автор, смело использующий фольклорные традиции в построении образов и в языке.

В 1958 г. Молостнов был принят в Союз писателей. В дальнейшем в течение ряда лет он возглавляет писательскую организацию Кемеровской области. Продолжая литературную работу он возвращается к сюжету повести, углубив и развив его в новом, более глубоком произведении. Роман об истории семьи Макаровых под названием «Даруя жизнь», изданный в Кемеровском книжном издательстве в 1964 г., продемонстрировал творческую зрелость автора, раскрыл более полное своеобразие его писательского дарования. Если в повести главной была событийная канва, то в романе она явилась каркасом, на котором держится все произведение. А содержанием, его сутью стал внутренний мир героев, отразивший духовный и нравственный опыт автора. Наиболее характерно для понимания особенностей творчества Молостнова, его взглядов на мир «дивное диво» старого Дементия, одного из главных героев романа. Это «дивное диво» воплотило в себе народные понятия о красоте — в природе, в жизни, в человеке. Именно она помогает героям Молостнова не согнуться под непосильным крестьянским трудом и унижением полурабского существования, сохранить в себе человеческие начала — доброту к людям, справедливость и честность, умение радоваться жизни и ценить красоту в ней.

Позднее писатель создаст образы людей сегодняшнего дня, не только знающих «диво», но и умеющих активно творить чудо в душах окружающих и в своей собственной. Это пасечник Седачев и его окружение из повести «Посланник планеты Альбос», изданной уже в Красноярске, куда писатель переехал в середине 60-х гг. Герои этой повести щедро наделены даром рождать добрые фантазии, верить в них. И поэтому они так остро осознают ценность и неповторимость всего живущего на земле, свою ответственность за сохранение и птичьего пения, и шелеста травы.

Воспевая красоту в природе, в женщине, в ребенке, писатель видит в ней прежде всего непременное условие добра и человечности. Рядом с красотой не могут существовать зло, низость и подлость... Покоряет читателя образ Катерины из романа «Даруя жизнь», красавицы, очарованной души, до предела искренной и в любви своей, и в ненависти. Та же безоглядная способность любить, гордость и достоинство свойственны другой герине Молостнова — Дарье Акимовне из романа «Междуречье». Не только в лучших женских образах, но и в старом Дементии или Евгеньиче, не говоря уж об истинно былинном Василии Косом, явно угадывается фольклорная основа.

Естественно, что некоторая фольклорность образов вызвала к жизни и довольно своеобразный стиль и язык произведений Молостнова, имеющий в своих истоках народную речь: распевность, мелодичность повествования с открытым обращением к предмету изображения, насыщенность фольклорными образами (красна девица, мать-сыра земля, утро росное с ярым солнышком и т. д.), сочный, самобытный язык персонажей.

Последние годы писатель работает над новым крупным про-

изведением — романом «Переступи порог», о жизни современного села. Главы из него были опубликованы в альманахе «Енисей».

Т. Павская

СОЧИНЕНИЯ

Голубые огни: Роман. Кемерово: Кузбасс, 1953; Весна: Стихи. Кемерово: Кн. изд-во, 1956; К свету: Повесть Кн. 1. Кемерово: Кн. изд-во, 1957; Их нельзя остановить...: Повесть. М.: Сов. Россия 1958; Междуречье: Роман. Новосибирск: Кн. изд-во, 1959; Даруя жизнь: Роман. Кемерово: Кн. изд-во, 1964; Посланник планеты Альбос: Повесть. Красноярск: Кн. изд-во, 1969.

ЛИТЕРАТУРА

Кузнецова Г. Г. Молсстнов Г. М. — Крат. лит. энциклопедия. 1967, т. 4, стб. 933—934; Павская Т. Дивное диво: [К 65-летию Г. М. Молостнова]. — Енисей, 1977, № 6, с 67—71; Павловский А. Робким пунктиром: [О романе «Голубые огни»]. — Комс. правда, 1954, 10 авг.; Кобзев И. Стихи о любимом крае: [О кн. «Весна»]. — Кузбасс, 1956, 25 авг.; Толстов Е. Хорошая повесть: [О повести «К свету»]. — Кузбасс, 1957, 27 дек.; Ялевский Д., Бакатин В., Терехин П. Книга далекая от жизни: О кн. «Их нельзя остановить». — Кузбасс, 1959, 11 окт.; О кн. «Междуречье»: Воронин П. Трудной дорогой. — Сов. Сибирь, 1959, 12 июля; Все хорошо, прекрасная маркиза. — Лит. газ., 1959, 20 авг.; Залыгин С. Об альманахе и по поводу альманахов. — Сиб. огни, 1959, № 8, с. 170—171; Щеголев Н. Современность в кавычках. — Урал, 1959 № 11, с. 141—142; Золотусский И. Заметки о прозе в журнале «Сибирские огни». — Дал. Восток, 1960, № 2, с. 166—175; Колесникова Г. Для интереса. — Москва, 1960, № 4, с. 194; О кн. «Даруя жизнь»: Абрамович А. Жизнь, возрожденная революцией. — Сиб. огни, 1965, № 6, с. 177—179.

БИБЛИОГРАФИЯ

Русская литература Сибири: Библиогр. указ. Новосибирск, 1977 ч. 2, с. 268—269; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с 121—122.

А. Н. СРЫВЦЕВ (р. 1912)

Анатолий Николаевич Срывцев родился 15(28) ноября 1912 г. в селе Хинель Орловской губернии. Отец был железнодорожным служащим, мать — врачом. Детство и юность Анатолия Срывцева прошли в Киеве, куда семья переехала в 1914 г. и где будущий писатель закончил трудовую школу, двухгодичные курсы подготовки в вуз, учился в Лингвистическом институте.

Здесь же, в Киеве, в театре Красной Армии осенью 1932 г. исполнялась героическая оратория «Песни каторги и ссылки». Автором текста был молодой литератор Срывцев. Впрочем, к тому времени он уже успел написать немало статей и рецензий в «Пролетарской правде», журнале «Ударник», в других периодических изданиях.

Анатолий Срывцев работал в газетах Таджикистана, Иркутска, Прибалтики; в канун Великой Отечественной стал членом партии, служил в частях Забайкальского фронта; после войны собственным корреспондентом «Известий» снова приехал в Сибирь — теперь уже навсегда...

Его писательская судьба оказалась счастливой. Хотя Срывцев выпустил не так много книг. Его удача была в другом, в главном: он нашел жанр, в котором своеобразно выразил свой талант, сумел сказать о проблемах, волновавших современника.

Срывцев пишет повести и рассказы о творцах. В его книгах оживают, проходят перед нами дни и труды сибирских писателей Николая Устиновича, Павла Маляревского, Анатолия Ольхона, украинского прозаика Григория Косынки, известной собирательницы фольклора Марии Красноженовой...

Очевидно общекультурное значение работы А. Срывцева: в его произведениях мы находим существенные штрихи к картине литературной жизни таких сибирских городов, как Иркутск и Красноярск, мы видим, как складывались и продолжались лите-

ратурные традиции. Но, разумеется, значение книг Срывцева не только в этом.

...Для чего люди отправляются в прошлое? Можно по-разному ответить на этот вопрос. Когда речь идет о произведениях Срывцева, не приходится сомневаться: он возвращается в минувшее, думая о настоящем. Главная тема всех его произведений — тема нравственных исканий человека. Трудная тема. Одна из самых актуальных сегодня.

В связи с этим и жанр книг Срывцева все-таки затруднительно определить однозначно. В его прозе есть все то, что обычно привлекает в мемуарах: неповторимость лиц и фактов, выстраданность и «пережитость» материала, наконец, неопровержимость личного свидетельства: так и было... Но безусловно: этой «установкой на подлинность» (выражение Лидии Гинзбург) проза Срывцева вовсе не ограничена. Автор не случайно определяет свои книги как «рассказы о писателях». Ведь он не просто вспоминает минувшее — он возвращает жизнь с ее запахами, красками, движением и ритмами. Автор воскрешает человеческие характеры, производя строгий отбор единственно нужных ему подробностей... И материал жизни превращается в материал искусства. Конкретные люди становятся литературными героями, детали их бытия — художественными деталями.

В книгах Срывцева живут, думают, страдают и творят люди разных судеб, не похожие друг на друга писатели. Но есть нечто общее в том, как рассказывает о них Срывцев. Автор показывает своих героев не в дни юбилеев и торжеств, но застает их в будни — работающих, мечтающих, сосредоточенных, растерянных... И еще одним примечателен ракурс зрения, избранный прозаиком. Срывцев стремится запечатлеть всегда уникальную, неповторимую лабораторию художников слова. Этот обостренный интерес автор сам верно объяснил в одном из рассказов: «...писатель иногда как бы забывает» свои книги, «они могут стать ему чужими, а вот то, как писал их, он не забудет никогда».

Прослеживая пути героев рассказов, читатель открывает незыблемость одного правила: для писателей нравственные искания — это не только поиски ответов на вечные вопросы о счастье и назначении человека. Это непременно вопросы и к самому себе: как жить в искусстве? В чем назначение таланта?

Примечательно: чаще всего мы видим героев Срывцева размышляющими. Это придает его прозе подлинный интеллектуализм. Это придает портретам героев особую динамичность: они проходят перед нами в становлении, в движении. Они, герои, мучительно, беспрестанно пытаются вывести (кто сознательно, кто интуитивно) закономерности творческого поведения. Они, как Николай Устинович, признаются в конце жизни: писательство — «это всегда неутоленное счастье». Они, как драматург Павел Маля-

ревский, порой удивляя окружающих, разыгрывают целые сцены — проводят своеобразный эксперимент, «оживляя» своих персонажей.

Герои Срывцева много думают о новаторстве — подлинном и мнимом. Результаты этих размышлений иногда неожиданны, но они всегда помогают писателям идти дальше. Работа — это то, чему поклоняются герои Срывцева, их «святая святых». В работе они находят себя, спасаются от житейских неурядиц. Хотя иной раз и проклинают свою работу, советуют друзьям, подобно тому же Павлу Маляревскому: «Не-пи-ши пьес! Не-пи-ши пьес!»

Во всех повестях и рассказах Срывцева есть еще один герой. Это Время. Оно, Время, стоит за скобками любого сюжета писателя. Оно определяет структуру всех его книг. Повествование у Срывцева — сложная цепь воспоминаний, ассоциаций, замет, портретов, объединенных памятью автора. Время для него — это не одни лишь утраты, потери, это и возвращения из былого. Автор видит: не могут пропасть, навсегда растаять не только творения человеческого разума — произведения его героев, но и то, что было их буднями. Автор стремится вернуть время, и это чувствуется уже в названиях его произведений: «Свидание», «Тень друга»...

М. Скуратов заметил однажды об Анатолии Срывцеве: «Главная его сила — умение создавать замечательные литературные портреты. В этом искусстве он ни на кого другого не похож». На мой взгляд, одна из причин такой «непохожести» в том, что Срывцев совсем не стремится привнести в свои «портреты» все черты и приметы человеческого ли, писательского ли облика. Он не «заслоняет» свою задачу датами и маловажными для себя фактами. Он прежде всего пишет портрет характера.

Всю жизнь размышляя о писательском труде, Срывцев, естественно, много выступает как критик. Его статьи и рецензии публиковались в журналах «Сибирские огни», «Советская Украина», «Нева», «Радуга», «Славяне», альманахах: «Енисей», «Новая Сибирь», «Ангара», в украинской «Литературной газете» и других изданиях. Им написаны предисловия к ряду томов «Библиотеки сибирской поэзии».

Некоторые из статей писателя вошли в его сборник «Поэты с нами» (Кемерово, 1978). Здесь собраны очерки о сибирских поэтах разных поколений и разных творческих манер. Есть, однако, общая нить, что прочно связывает эти статьи. Прав автор предисловия к сборнику В. П. Трушкин: да, читатель получил «внутренне цельную... книгу, дающую живое представление о своеобразии советской сибирской поэзии на различных этапах ее истории. Перед нами развертываются отдельные звенья ее, от истоков до нынешних дней...»

Как определить в данном случае цель и задачу автора? Думается, его цель остается, в сущности, той же, что и в рассказах — понять, постичь творческую индивидуальность. Но если в своей прозе Срывцев делает это, в основном анализируя духовный опыт и нравственный облик художников слова, то в его литературных портретах предметом анализа становится собственно творчество.

Как и в рассказах, здесь есть увлекательные сюжеты. Точнее говоря, во всех статьях — один и тот же сюжет: прослеживается процесс становления творца.

В статье «Певец родимой стороны» мы, например, вновь встречаемся с Анатолием Ольхоном, но встречаемся по-иному. Задумываемся: почему поэт Анатолий Пестюхин, выпустивший в Москве и Вологде четыре книги, стал

приехав в Сибирь, поэтом Анатолием Ольхоном?

«...Это, — размышляет Срывцев, — была не простая перемена фамилии. Долгий десятилетний путь творческих поисков и жизненных невзгод пролег между последним московским сборником «Тундра» и первой опубликованной в Иркутске книгой». Да, это был путь от литературных реминисценций и красивостей — к подлинной самобытности.

Пожалуй, лучше всего интонацию литературных портретов писателя можно определить как размышление. Разумеется, размышления о поэтах — не значит пересказ их произведений. «Пересказывать лирическое стихотворение так же бессмысленно, как удерживать воду в решете», — замечает сам Срывцев. В его размышлениях всегда есть проблема. Проблема историко-литературная, проблема творческого роста, проблема точности той или иной критической оценки или — проблема стиля.

Среди многих размышлений автора есть и размышления о судьбах писателей. В каждой писательской судьбе Срывцев умеет выявить, заметить ее главный смысл, ее достоинство. Он умеет заставить задуматься об этом читателя.

Все его книги рождены в конфликте с уходящим днем, в стремлении вновь доказать мудрую истину: вдохновение не умирает!.. Истина эта вовсе не кажется тривиальной, потому что каждое поколение открывает ее для себя заново. Потому, наконец, что в вечном и благородном споре с временем Анатолий Срывцев всегда находит живой и насущный урок. Урок тем, кто работает в литературе сегодня. Кто придет в нее завтра...

Е. Цейтлин

СОЧИНЕНИЯ

Живет на свете птичница. Кемерово: Кн. изд-во, 1961; Хозяйка сибирского тракта. Кемерово: Кн. изд-во, 1963; Шагал по земле человек. Кемерово: Кн. изд-во, 1964; Свидание: Повесть-эссе о П. Маляревском. Кемерово: Кн. изд-во, 1967; Свидание: Рассказы о писателях/Предисл. М. Скуратова. Кемерево, 1972; Поэты с нами: Лит. портр./Предисл. В. Трушкина. Кемерово: Кн. изд-во, 1978.

ЛИТЕРАТУРА

Крундышев А. По страницам журналов: Заметки о публицистике.— Веч. Ленинград, 1959, 29 июня; Волошин А. Живая память — Кузбасс. 1963, 21 апр.; Шатская Т. Люблю жизнь.— Комс. Кузбасса, 1963. 18 сент.: Бикмухаметов Р. Шагал по земле человек. — Сов. Хакасия, 1964. 31 дек.; Рехлов В. Слово о друге.— Кузбасс, 1964, 24 нояб.; Васильевский В. В борьбе за мастерство. — Лит. Россия, 1965, 25 июня; Рождественский И. В мире книг: Страницы воспоминаний. — Краснояр. рабочий, 1965 1 сент.; Сергеев М. На пути к журналу — Вост.-Сиб. правда, 1966, 29 окт.; Лобанова Р. Свидание с другом. — Кузбасс, 1967. 4 окт.; Метельский Г. Хозяйка сибирского тракта. Свидание. — Октябрь, 1968, № 6; Лобанова Р. Рассказы Анатолия Срывцева. — Кузбасс, 1972, 11 авг.; Чигарева З. К 60-летию Анатолия Срывцева — Огни Кузбасса, 1972, № 4; Абрамович А. Писатель рассказывает о писателях. — Кузнец. рабочий, 1973. 24 марта; Бахтиярова О. Поэты Сибири. — Лит. Россия, 1979, 9 февр.; Смирнов Р. Поэты с нами. — Вост.-Сиб. правда, 1979, 24 февр.: Цейтлин Е. Вдохновение не умирает. — В кн.: Цейтлин Е. Вчера и сегодня. Кемерово, 1980, с. 53—66.

Е. Д. ПЕТРЯЕВ (1913—1987)

Старейший советский писатель Владимир Лидин назвал как-то Е. Д. Петряева «проходчиком литературных руд». В этом определении довольно точно и метко схвачена одна из примечательных особенностей дарования писателя, его творческого кредо как литератора и исследователя. Автору этих строк Петряев однажды написал: «Будем работать сами, не забывая приводить в известность полезные дела других». Эти слова можно было бы поставить эпиграфом ко всем весьма много-

численным работам прославленного исследователя культуры старого Забайкалья — книгам, журнальным и газетным статьям, архивным разысканиям и публикациям, пронизанным горячим стремлением восстановить, вырвать из забвения незаслуженно забытые имена и страницы из истории культуры и общественной жизни старой Сибири, в особенности Забайкалья, Урала, а в последние десятилетия и Вятской земли.

Имя этого неуемного энтузиаста-первопроходчика и первооткрывателя, настойчиво идущего по неизведанным залежам культурного прошлого, приобрело широкую известность. О книгах его с благодарностью и восхищением перед трудолюбием и пытливостью автора пишут специалисты-краеведы, писатели и критики, литературоведы и книговеды. Рецензии и отзывы на труды Петряева часто появляются в периферийной и центральной прессе, публикуются в заграничных изданиях.

Евгений Дмитриевич Петряев родился 18 февраля 1913 г. в Березовском заводе около Екатеринбурга (ныне город Березовский Свердловской области). Отец его был почтовым служащим, мать — учительница начальной школы. Детство и юность писателя прошли на Среднем Урале: в селах Леневском, Усть-Хмелевке и Меркушине, в Нижне-Туринском заводе, на Исовских платиновых приисках и, наконец, в Свердловске. Очень рано пробудилась в нем любовь к книге. Позднее, рассказывая о своем сиротском детстве (мать умерла, когда дети были еще маленькими), он заметил: «Мы очень любили книги. И, пожалуй, единственной бесспорной ценностью в нашем скарбе был сундук с книгами»[1].

[1] Литературный Киров: Писатели Вятской земли. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1972, с. 54 .

В 1930 г. Петряев окончил свердловскую среднюю школу им. Некрасова. В 1938 г. он с отличием закончил Свердловский медицинский институт и был призван в армию, в рядах которой прослужил в должности военного врача 27 лет, главным образом в районах Забайкалья и Монголии. В 1945 г. в Иркутске защитил диссертацию на ученую степень кандидата биологических наук, а несколько позднее ему было присвоено звание старшего научного сотрудника, что соответствует ученому званию доцента. По своей научной специальности Петряев опубликовал три книги и более пятидесяти статей в различных научных изданиях и сборниках.

С 1956 г. он жил и работал в Кирове, не порывая своих давних творческих связей с Забайкальем, занимаясь разносторонней литературно-общественной деятельностью. В бытность свою в Чите Петряев возродил там местное отделение Русского Географического общества и на протяжении ряда лет был бессменным его председателем.

Энергия, инициатива, настойчивость Петряева в этом направлении просто поразительны. Не

успел он приехать в Киров, как уже сумел увлечь своим энтузиазмом многих книголюбов, любителей старины идеей создания местного литературного музея. В 1968 г. Кировский литературный музей, собравший ряд уникальнейших экспонатов — автографов, книг, портретов, плакатов и пр.— был наконец открыт[2]. Председателем Совета музея был избран Петряев.

Много лет Петряев выступал инициатором создания общесибирского литературного музея, горячо ратуя за издание сводного биобиблиографического справочника по литературе и журналистике Сибири.

Творческие интересы писателя определились довольно рано. По его собственным словам, он «всегда интересовался литературой, историей медицины и культуры». Рано начал он и печататься. Еще в 1925 г. двенадцатилетним подростком опубликовал он в уральских газетах свои первые статьи и рецензии. Самой ранней публикацией был отзыв на книгу А. И. Ульяновой о детстве В. И. Ленина, появившийся в пятом номере свердловской газеты «Всходы коммуны» за 28 сентября 1925 г. Спустя некоторое время на страницах той же газеты (1925, № 10), он публикует вторую свою рецензию, написанную на книгу Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Вслед за этими первыми выступлениями в печати последовали и другие, но настоящее призвание свое как писатель и исследователь Петряев нашел значительно позднее, уже в сороковые и пятидесятые годы, когда из-под пера его одна за другой стали выходить статьи и книги, посвященные культурному прошлому Забайкалья, насыщенные богатейшим, зачастую впервые вводимым в читательский оборот архивным материалом, когда он создал работы по-настоящему увлекательные, написанные взволнованно, добротным русским языком. Его имя постоянно стало появляться не только на страницах забайкальских газет, сборников и альманахов, но и в таких журналах, как «Сибирские огни», «Дальний Восток», «Литературная Россия», «Уральский следопыт», в академических сборниках и в других периодических и повременных изданиях.

Итогом длительных разысканий в старых, редких и малодоступных изданиях, в архивах Читы и Иркутска, Казани и Свердловска. Кирова, Москвы и Ленинграда, в бумагах сотен частных лиц явились его очерки о забытых сибирских писателях. Немало интересного и свежего материала содержат работы Петряева о просветительской деятельности декабристов и других политических ссыльных в Сибири, о старой сибирской прессе, о культурных гнездах дореволюционного Забайкалья, о рукописных журналах и сборниках Сибири и Урала девятнадцатого столетия.

Все эти работы: статьи, очерки, небольшие эскизные зарисовки и обстоятельные исследования, всегда построенные на солидной документальной основе, на вновь найденных материалах, собираемых годами по крупицам, впервые осветили многие важные события культурной жизни старой Сибири, раскрыли самоотверженную роль первых пионеров просвящения в этой бывшей стране изгнания и каторги.

Первая книга Петряева «Исследователи и литераторы старого Забайкалья» вышла в Чите в 1954 г. Она содержала серию очерков из истории культурной и общественной жизни края. Автор писал в ней об отражении Забайкалья XVII—XIX столетий в русской историко-географической литературе, о врачебном деле в Сибири и роли декабристов в организации медицинской помощи насе-

[2] См.: Петряев Е Кировский литературный музей. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1972.

лению, о нерчинских литераторах и краеведах первой половины XIX в., о первых краеведческих музеях, газетах и журналах в Забайкалье. Значительное место в книге заняли очерки, посвященные жизни и творчеству поэта-забайкальца Ф. Бальдауфа, писателя-демократа В. Кокосова, краеведа Н. В. Кирилова — одного из талантливейших и разносторонних исследователей Забайкалья и Дальнего Востока, автора более чем 130 печатных работ по этнографии, краеведению, антропологии, климатологии и т. д.

Некоторые из очерков вошедших в первую книгу писателя, обогащенные новыми документами и архивными материалами, вскоре выросли в отдельные монографии. Так появились книги Петряева: «Н. В. Кирилов — исследователь Забайкалья и Дальнего Востока» (Чита, 1960), «Нерчинск. Очерки культурного прошлого» (Чита, 1959).

В 1957 г. в Чите Петряев выпускает новую свою работу — сборник очерков по истории культуры Забайкалья «Люди и судьбы», явившийся, по свидетельству автора, «результатом более чем десятилетних разысканий в сибирских и центральных архивах, музеях и книгохранилищах». Сюда вошли очерки о селенгинском медике, ученике и друге декабристов братьев Бестужевых П. А. Кольберге, о талантливом журналисте, литераторе и историке, летописце Даурии И. В. Богашеве, о неизвестной переписке краеведа Кирилова с В. К. Арсеньевым, знаменитым путешественником и писателем, в творческом облике которого счастливо сочетались, по выражению М. Горького, Брэм и Фенимор Купер. Здесь же были помещены интереснейшие и свежие по фактам статьи об отношении современников-забайкальцев к Н. Г. Чернышевскому, о распространении заграничных изданий Герцена в Забайкалье.

С интересом была встречена и следующая его книга — «Литературные находки», изданная в 1966 г. Волго-Вятским книжным издательством. Она вышла с предисловием Владимира Лидина и посвящена культурному прошлому Вятской земли. Это серия увлекательных новелл, повествующих о поисках писем, дневников, рукописей, превосходных рассказов о забытых эпизодах в жизни замечательных людей из старой российской провинции, а подчас и восстановление полной биографии их, незаслуженно забытых потомством, рассказов о счастливых находках и огорчительных неудачах и снова о поисках, которые помогают отчетливее и ярче представить давно отшумевшее прошлое.

«Литературные находки» получили высокую оценку в печати. Откликнулись на них и за границей. Целую полосу этой книге посвятила парижская газета «Русские новости». Автор статьи, видный прогрессивный критик А. Дедов пишет о «находках» Петряева: «Жаль, что подобные книги до нас, за границу, редко доходят. В них ярко сказывается тот громадный бытовой перелом, который принесла революция России, где образовалась и неуклонно образуется своеобразная широкая культурная среда» (Русские новости. — Париж, 1966, № 1115, 28 окт.).

Книги Петряева будят мысль и чувство. Чтение их доставляет большое удовольствие всякому размышляющему и думающему читателю. Они привлекают дотошной и разносторонней осведомленностью в культурном прошлом Забайкалья, Урала, Вятки. Чувствуется, что за каждым из сообщаемых фактов скрывается напряженнейший труд, усилия многолетних целенаправленных поисков в архивах и книгохранилищах. И, конечно же, любовь автора к предмету изыскания, к

своим всеми забытым героям, которая заставляет его колесить по стране в поисках недостающих звеньев в цепи исследуемых им явлений и фактов, заставляет заводить знакомства и вступать в переписку с десятками и сотнями людей. Так рождаются эти большие и малые находки, воскрешающие заново культурное прошлое Забайкалья во всем богатстве реальных связей, с живым ощущением «воздуха» эпохи. К трудам его еще не раз с благодарностью будут обращаться как исследователи, так и просто любознательные читатели — все те, кому дорого прошлое своей родины и ее культуры.

Сказанное с полным основанием можно отнести ко всем книгам Петряева и, разумеется, к последней его обобщающей работе по Забайкалью — к книге «Впереди — огни», содержащей богатейшие материалы о пребывании декабристов в Сибири, по старой сибирской периодике, рукописным изданиям и о таких представителях культуры прошлого, как В. Арсеньев, Ф. Бальдауф, А. Черкасов и многие другие.

Нельзя не отметить в заключение и роли Е. Петряева в разработке сибирской библиографии. В 1965 г. в Восточно-Сибирском книжном издательстве вышла его замечательная в этом отношении книга «Краеведы и литераторы Забайкалья: Материалы для биобиблиографического словаря (Дореволюционный период Ч. 1.). Это первый опыт подобного рода. Несмотря на некоторые просчеты и упущения, труд Петряева впервые вводит в научный оборот массу новых библиографических сведений. Особенно ценен он тем, что в него вошли многочисленные материалы из местных газет, не зафиксированные ни в одном из библиографических справочников. В 1981 г. этот справочник вышел вторым изданием. Тесно примыкает к нему и еще одно любопытное издание, осуществленное Петряевым, — «Псевдонимы литераторов-сибиряков» (Новосибирск, 1973). При слабой разработанности библиографии Сибири обе названные работы приобретают особо важное значение при исследовании литературного движения Сибири и сибирской журналистики.

Наше представление о Петряеве-литераторе было бы неполным, если бы мы не сказали еще об одной стороне его деятельности. Речь идет о Петряеве-библиофиле. Много лет занимаясь культурным прошлым русской провинции, он, естественно, постоянно жил в атмосфере старинных книг, рукописей, разного рода библиографических справочников, энциклопедий и прочее. Все это наложило особый отпечаток на его библиофильские, книговедческие увлечения. Он постоянный автор таких изданий, как «В мире книг», «Книжное обозрение», «Альманах библиофила». Одну из своих книг он озаглавил «Люди, рукописи, книги», другую — «Записки книголюба». Последняя из названных здесь работ имеет отчетливо выраженный библиофильский профиль. Автор рассказывает о своих «книжных дорогах», о многочисленных встречах с энтузиастами-книжниками, жившими и работавшими на периферии, о ленинградских и московских книговедах старшего поколения, говорит о культуре и целенаправленности книжного собирательства, отличающих истинного библиофила. Отчетливо выраженный библиофильский и книговедческий характер носит и его последняя по времени издания книга «Живая память» (М., 1984), открывающаяся большим очерком «Книжные дороги», рассказывающим о многочисленных встречах автора на жизненном пути с замечательными и редкими книгами и книжниками. В остальных

разделах книги речь идет о роли декабристов в культурной жизни Сибири, о старом журналисте и писателе Забайкалья И. В. Богашеве, уральском краеведе В. П. Бирюкове, враче и писателе М. А. Кокосове, литературесибиреведе и библиофиле М. А. Сергееве, юном Александре Грине и многих других.

Петряева по праву можно назвать достойным продолжателем лучших традиций таких известных сибиреведов, как Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанин, М. К. Азадовский, Н. В. Здобнов, Б. И. Жеребцов, оставивших глубокий след в изучении духовной жизни Сибири и сибиряков. Умер Петряев в г. Кирове 5 февраля 1987 г.

В. Трушкин

СОЧИНЕНИЯ

Исследователи и литераторы старого Забайкалья: Очерки из истории культуры края. Чита: Кн. изд-во, 1954; Люди и судьбы: Очерки из истории культуры Забайкалья. Чита: Кн. изд-во, 1957; Нерчинск: Очерки культуры прошлого. Чита: Кн. изд-во, 1959; «Кяхтинский листок». Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963; Краеведы и литераторы Забайкалья: Материалы для биобиблиогр. словаря. Дорев. период. Ч. 1. Чита; Иркутск, 1965; То же. — 2-е. испр. и доп. изд. Чита, 1981; Впереди — огни: Очерк культ. прошлого Забайкалья. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968; Люди. Рукописи. Книги: Лит. находки. Киров, 1970; Кировский литературный музей. Киров, 1972; Псевдонимы литераторов-сибиряков. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1973; М. Е. Салтыков-Щедрин в Вятке. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во. Киров. отд-ние, 1975; Записки книголюба. Киров, 1978; Петряев Е. Д., Губиш Г. В. и др. Что мы оставим потомкам? — Минск: Нар. асвета, 1982; Живая память/Предисл. А. Лиханова М.: Мол. гвардия. 1984; Вятские книголюбы. Киров, 1986.

ЛИТЕРАТУРА

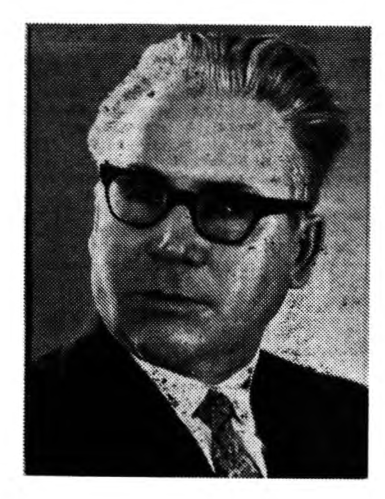
Яновский Н. Требование времени. — Вопр. лит., 1962, № 8, с. 36—47; Арлазоров М. Находки искателей. — Искатель, 1963, № 3, с. 136—137; Осетров Е. Поиски, находки, тайны М., 1964 с. 78—79; Берцик Е. Проходчик литературных руд. — Ангара, 1968, № 2, с. 58—60; Заболотский В. В. Петряев Е. Д. — Крат. лит. энциклопедия, 1968, т. 5, стб. 732; Постнов Ю. Семь шагов в неизведанное. — Сиб огни, 1970, № 9 с. 167—176; Гладышева О. Краевед или историк культуры. — Волга, 1974, № 6, с. 153—156; М. К. Азадовский — Е. Д. Петряеву: [Письма]. — В кн.: Азадовский М. Статьи и письма. Новосибирск: Зап.-Сиб кн. изд-во, 1978, с. 172—179; Баева В. Искатель литературных кладов. — Заб. рабочий, 1983, 22 февр.; Ласунский О. Культура исторической памяти: Е. Д. Петряеву — 70 лет. — Киров. правда 1983, 26 февр.; О кн. «Исследователи и литераторы старого Забайкалья»: Штрайх С. Новые исследования о декабристах в Сибири. — Дал. Восток, 1954, № 5, с. 199—200; Кудрявцев Ф. А. Книга об исследователях и литераторах старого Забайкалья. — Забайкалье, 1955, кн. 8, с. 271—274; Тагаров З. Очерки по истории культуры Забайкалья. — Сиб огни, 1955, № 4 с. 185—186; Тан А. — Свет над Байкалом. 1955, № 1, с. 142—143; Марков С. Н. Книга забайкальского краеведа. — Москва, 1957, № 1, с. 208—209; О кн. «Люди и судьбы»: Савостин Н. Книга о прошлом родного края — Заб. рабочий, 1958, 25 февр.; Яновский Н. Новое из истории культуры в Сибири. — Сиб. огни 1958, № 5, с. 186—187. — Подп.: А. Бегаев; О кн. «Краеведы и литераторы Забайкалья»: Лосев А. Словарь забайкальских краеведов и литераторов. — Дал. Восток, 1967, № 3, с. 182—184; Моргенштерн И. Г. Словарь деятелей культуры Забайкалья. — Труды/Вост.-Сиб. гос ин-т культуры, 1970, вып. 6, с. 168—171; О кн. «Впереди — огни»: Ярославцев И. — Нов. мир, 1969, № 3, с. 285—286.

БИБЛИОГРАФИЯ

Трушкин В. Е. Д. Петряев. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 204—208; Литературный Киров: Биобиблиогр. словарь писателей Киров. обл. Киров, 1972, с. 53—62; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 197—198; Шумихин В. Г., Войханская И. Н. Евгений Дмитриевич Петряев: Указ. лит. Киров, 1973; Русская литература Сибири. Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 323—325; Е. Д. Петряев: (К 70-летию со дня рождения). Памятка. Чита, 1983.

А. В. ЗВЕРЕВ (р. 1913)

Родился Алексей Васильевич Зверев 24 февраля 1913 г. в селе Усть-Куда Иркутского района в семье крестьянина-середняка. Это была дружная, работящая

семья, в которой сложились прочные традиции: «в семье не курили, водка была редкой гостьей», зато острое словцо, песня не умолкали. Первые сельские артисты, рассказчики, декламаторы, ораторы ушли из этого дома в большую жизнь.

Учился будущий писатель сначала в сельской школе, потом закончил семилетку в рабочем поселке Иннокентьевском (ныне это один из районов Иркутска— Ново-Ленино). Однако сельские коммунары не выпускали из вида любознательного паренька и определили его на учебу в иркутский сельскохозяйственный техникум. Закончив его в 1932 г., работает зоотехником в селе Рождественском Красноярского края.

Весной 1933 г. уезжает к старшему брату в г. Горький и поступает на должность пионервожатого на Горьковском автозаводе. С 1934 по 1935 г. учится на годичных учительских курсах при Горьковском учительском институте. Закончив их, работает учителем в с. Никулино Горьковской области. В 1937 г. возвращается снова в Горький и до 1940 г. работает на автозаводе, одновременно обучаясь в Горьковском учительском институте. Закончив его, в 1940 г., после гибели брата на финской войне, возвращается в Сибирь. С 1940 по 1942 г. работает учителем русского языка и литературы на станции Иркутск-II. Отсюда и ушел на фронт. После короткой учебы в минометном училище попал в самые горячие сражения: участвовал в боях Курско-Орловского направления. После тяжелого ранения около года пролежал в госпиталях. Вернулся с войны в 1945 г. и снова занялся самообразованием. Работая в школе, заочно учился на литературном факультете Иркутского педагогического института. Закончил его в 1950 г. Запас сил и прочности у бывшего фронтовика был неиссякаем, и он совмещал тяжелый педагогический труд сначала с учебой, потом — с творчеством. Этому немало способствовала литературная ситуация конца 50-х гг.: появление острых, проблемных книг М. Шолохова, П. Нилина, Г. Николаевой, В. Дудинцева, В. Тендрякова, И. Эренбурга, публикации произведений, позднее названных «лейтенантской» прозой А. Зверева не могли не поразить первые повести о войне Ю. Бондарева, книги К. Симонова, В. Быкова.

В 1960 г. в альманахе «Ангара» появился его первый роман «Далеко в стране Иркутской». Его события воспроизводят картины жизни родного села, какими их запомнил сам автор, эпизоды жизни отца, окрасившие дела и поступки главного героя романа Ефима Ярина. Мучительные колебания, страстные порывы этого середняка, пробовавшего свои силы в самых рискованных мероприятиях, во многом отражают историю отца, биография которого была богата событиями.

Вместе с тем роман, если брать во внимание его социальный план, отражает не столько жизненные, сколько традиционные литературные коллизии, воспро-

изводящие революционный разлом деревни. По разные стороны баррикад в нем стоят бедняки Алешка Чуб, Гриха Бучиков и кулаки Сопов, Чак, Филоновы и Донские. Схематичны образы большевиков Ветлова и Шульги, не проработаны коллизии социального разобщения семьи Яриных. Однако картины природы уже здесь поражают слиянием людских страстей с наступающими в мире переменами. «С буйного листопада началась последняя осень старого мира», летят с деревьев листья подобно «красным катериновкам», жизнь, как река, несется в неведомом направлении, забивает русло, «бросается в стороны».

Неисчерпаемость впечатлений детства и юности побуждает писателя вновь обратиться к событиям революционной поры в романе «Дом и поле», отрывки из которого появляются в альманахе «Ангара» в 1969 г. Полностью роман издан в Иркутске в 1970 г.

На сложном историческом повороте — от продразверстки к нэпу, а затем к коллективизации развиваются события недописанной в первом романе истории Ефима Ярина, его дочери Устиньи, сыновей Ганьки и Николая. В романе намечены полные драматизма судьбы людей, стоящих за крутые меры преобразования деревни, и тех, кто понимал сложность этого пути, намечена неисследованная литературой судьба крестьянина-нэпмана. Однако «Дом и поле» остался лишь заявкой на новое осмысление темы. Обилие бытовых происшествий и деталей теснит логику поведения героев и правду острых социальных коллизий.

Бурное развитие прозы шестидесятых годов не прошло бесследно и для Зверева. Он отказался от готовых схем, от большой эпической формы. Он стал учиться мастерству сказать о многом коротко, а образом героя выразить суть эпохи. Автобиографическая канва его книг сохраняется, но он уже умеет искать и находить фигуру «двойника», выражающего сложную диалектику авторского сознания событий.

В рассказах «В учителя» («Пантелей») и «Пора исканий» герой — Александр Свирепов — выбирает свой путь в обстановке, когда деревня стронулась с привычного места и еще не освободилась от груза предрассудков. Стремление народа к правде и свету и отражается в поступках юноши, опережающего своим сознанием ход исторически сложившихся патриархальных семейных отношений.

В рассказе «Чалко» в судьбе коня, появившегося на свет в преддверии коммуны, отражены сложные этапы пройденного деревней пути. Не раз впрягали его в чужую узду, сваривали ему плечи, брали в личное пользование и возвращали в колхоз, и он вез, «бился в поту», но «тащил». Люди отблагодарили его в старости «волей», возможностью свободно пастись и разгуливать среди колючих кочек незапаханной земли. Люди продемонстрировали этим свое духовное здоровье.

Рассказ — трудный жанр. В нем нелегко «схватить» динамику времени, но Зверев делает это мастерски. История, описанная в новелле «Васька и Сёкол», поистине эпична.

Когда деревня проводила на фронт последнего тракториста, приняла в свое лоно беженцев, когда сели за руль женщины и повзрослели дети, «выдвинулся», сделался «героем» дня самый никчемный человек — «Сёкол», прозванный так не за сходство с гордой птицей, а за природное сюсюканье. «Сёколу» противостоит в рассказе мальчик Васька, истинный герой, погибающий в порыве защитить честь матери.

Рассказы «В учителя», «Чалко», «Васька и «Сёкол», «Весна», «Антропка», «Сережа» составили та-

лантливую книгу «На Ангаре», вышедшую в Иркутске в 1972 г. С этого и начинается новая страница творческой биографии Зверева.

Зверев семидесятых годов — художник, ставший в один ряд с большими мастерами прозы, поведавший миру о величайшей трагедии второй мировой войны. В 1976 г. в Москве выходит книга «Гарусный платок», а в 1977 г. в Иркутске — «Последняя огневая», вобравшие лучшие рассказы и повести — «Раны», «Гарусный платок», «Выздоровление», «Передышка». В них военная судьба писателя и его героев предстала как часть великой и многотрудной истории страны, как пример невиданного братства, мужества и самоотречения.

Лучшая из повестей этого цикла — «Раны» (1976). Герой этой повести рядовой солдат, подносчик мин при минометной батарее, Евлампий Гневышев по силе художественных обобщений вправе встать рядом с образами Федора Лепендина, Василия Теркина, Степана Чаусова, Михаила Пряслина. В нем запечатлены воспоминания детства об отце, рассказы бывалых солдат о первой мировой войне, которые умел и любил слушать Зверев, впечатления от людей эпохи нэпа, собственный опыт в Великой Отечественной.

Образ Гневышева — эпический. Он действует в повести в одном из эпизодов войны, но границы повествования вбирают четверть века, и в рамках пройденного страной пути отражена мысль о мужественном, сосредоточенном, самоотверженном служении народа великой идее революции. Совсем юным попал Евлашка в колчаковское войско, в котором испытал жгучую ненависть к холуям адмирала. Вместе с другими «скороспелыми, сонными, молчаливыми от бескормицы» колчаковцами был распропагандирован в Москве, познав счастье отрезвления и бунта. Океан разбушевавшейся, мятущейся мужицкой думы занес его и на первые митинги, и на пост председателя сельского Совета, оценившего нэп как путь к расцвету единоличного хозяйства. Побывал Гневышев и в «кулаках». Но где бы ни случалось ему жить и работать — на строительстве Горьковского автозавода, на золотых разработках Сибири,— всегда делал он свое дело с любовью и полной отдачей. Выполнил он свой долг и на войне — ценой жизни.

Замечательное свойство повести «Раны»— дума о жизни, разлитая в каждой клеточке произведения: в снах ли Гневышева, в его воспоминаниях о вражеской атаке, в пейзажных картинах, в языке. Проза Зверева, и его повесть «Раны» в особенности, подтверждает неиссякаемые возможности того важного эксперимента в литературе, который осуществлен писателями —«деревенщиками», сделавшими народный язык и народную оценку событий первоэлементами художественного видения мира.

Повесть «Гарусный платок» (1975) исследует и отражает события военной поры и первых послевоенных лет бескомпромиссным сознанием подростка Миньки, которому после гибели отца, смерти матери и дедушки пришлось взять на себя заботу о сестренке Лиде. Мечта купить ей гарусный платок, обрадовать, вывести из состояния оцепенения, заставляли его с недетским упорством идти к цели. В повести «Выздоровление» (1974) в судьбе раненых солдат и офицеров Дахова, Умраяна, Вилкова, Аникина отражен перелом в ходе великих испытаний, пора выздоровления страны, которую война «ранила, а не убила». Высок поэтический мотив братства, людей, ставшего залогом этого выздоровления.

Солдаты в госпитале, солдаты перед решающим боем, солдаты в момент передышки — вот те

будничные повороты событий, в которых просматривается, просвечивается герой Зверева. Повесть «Передышка» (1977) между тем со всей остротой показывает, как перевернутый, противоестественный мир человеческих отношений на войне делает невыносимым испытанием даже само это благо — отдых посреди бури и огня. События повести, развернувшиеся в момент передышки в Брянском лесу, поистине драматичны. Герои пытаются вернуться к самим себе и не могут, не умеют уже этого позволить себе. В борьбе с пошлостью и бездуховностью раскрываются масштабы личности Лукахина, интеллигента и мужественного воина, которому жизнь была отпущена малая — двадцать лет.

Значительным для писателя стал 1978 г.— время публикации его новой по проблематике и формам художественного отражения мира повести «Лыковцы и лыковские гости». В 1979 г. она вошла в новую книгу писателя «Лыковцы и лыковские гости», изданную в Иркутске.

Повесть вступает в прямую перекличку с такими произведениями, как «Прощание с Матерой» В. Распутина и «Царь-рыба» А. Астафьева, остро поднимающими проблему «человек — прогресс — природа». Главное в этой цепи — духовное начало в человеке — первооснова его социального бытия, его отношения к хрупкому в условиях прогресса миру природы. Бездуховное существование, по мысли автора, неизбежно оборачивается антиобщественным.

Когда-то, в пору коллективизации, лыковцы решили обойти общую судьбу, притихли, укрылись за жалким забором, в нарочито бедных избушках; все надежды на легкую жизнь связывали с рекой и лесом, которые должны их прокормить. Равнодушие ко всему, что их лично не касается, привело к полному падению нравов, к выделению из среды лыковцев таких страшных людей, как Петруха Степанов, кому и тюрьма — мать родна. «Рыбье мышление» этого предводителя лыковцев не простиралось дальше личной наживы, прикарманивания всего, что плохо лежит, стремления купить на добыток «штаны и совесть».

Грабеж природы, ставший нормой, вовлекает все новых и новых обитателей и гостей Лыковки. Вот и учитель Чиров соблазняется легкой добычей, и бывший фронтовик Гошка Жахов, и гости — Ляхов и Гречухин, для которых дача и нажива «начало и конец всех связей с природой».

В трудном единоборстве с армией браконьеров находится инспектор рыбнадзора Суслов. Нелегко ему бороться за души людей. Его жизнь Зверев уподобляет новой войне, которая пока еще «не собрала под свои знамена солдат», в которой еще «не обозначились фронты, резервы не подтянуты пока, но передовые отряды уже дерутся, и есть уже герои». Но не герои-одиночки решают исход дела, нужно определить «передний край» борьбы, знать, «где соратник и где враг твой». Такова проблема. Ее исследование в повести дано как в собирательном образе лыковцев и их гостей, так и в форме открытого диалога повестовователя с современниками. Описывая прежнее благоденствие природы, ее тайны и мудрости (рассказ в начале повести и в ее финале о судьбе тайменей и ленков), писатель взывает к душе и разуму человека, от которого зависит судьба хрупкой, беззащитной гармонии — природы.

Близко по замыслу к «Лыковцам» стоит последняя по времени публикация Зверева — его рассказ «Как по синему морю» (1980 г.). В нем идет речь о защите таких бесценных духовных сокровищ, как народная песня. Против засилия пустых однодневок — эстрадных песен в магни-

тофонной записи восстает старая деревенская женщина — бабка Луша. Ее бунт стихиен и, может быть, смешон, но в нем выразилась мощь характера, не утратившего, не способного утратить национальную память, ощущающего корневую связь с родной почвой.

Человеческое равнодушие, бездуховность во всех ее проявлениях, отсутствие памяти, а следовательно, и социальных корней — вот явление, с которыми писатель вступил в бескомпромиссную борьбу. Его взгляд на людей мудр и добр, его гнев живителен и активен. А это и есть залог неравнодушия, вмешательства в жизнь, которые и питают творчество.

Н. Тендитник

СОЧИНЕНИЯ

Далеко в стране Иркутской: Роман. Иркутск: Кн. изд-во, 1962; Дом и поле: Роман Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1970; На Ангаре: Рассказы. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1972; Последняя огневая: Повести: /Послесл. В. П. Трушкина. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1977; Лыковцы и лыковские гости: Повести/Послесл. Н Тендитник. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1980; Выздоровление: Повести и рассказы. М., 1982; Раны: Повести и рассказы. М., 1983; Как по синему морю: Повести. Рассказы. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984.

ЛИТЕРАТУРА

А. В. Звереву — 60 лет. — Сибирь, 1973, № 1, с. 128—129; «Касса лет нам выбила билеты...» [Интервью с писателем]. — Сов. молодежь, 1983, 24 февр.; Сазонова Т. «Как душа по миру тоскует...»: О герое прозы А. Зверева. — Сибирь, 1981, № 3, с. 75—82; Тендитник Н. В стихии народного характера. — В кн.: Тендитник Н. Мастера. Иркутск, 1981, с. 211—262; Тендитник Н. По призванию и по судьбе. — Вост.-Сиб. правда, 1983, 24 февр.; Зверев А. Судьба и слово: Беседа с писателем о его творчестве/Записал Н. Подолянчук. — Сов. молодежь, 1984, 6 июня; О кн. «Далеко в стране Иркутской»: Островская Е. Далеко в стране Иркутской. — В мире книг, 1962, № 11, с. 23; О повести «Гарусный платок»: Анатольева Э. О мире и войне.— Сов. молодежь, 1976, 11 сент.; О кн. «Последняя огневая»: Котенко Н. «Из думы родится все...» — Наш современник 1979, № 4, с. 186—189; Федь Н. Причастность: [О повести «Лыковцы и лыковские гости»]. — Мол. гвардия, 1986, № 2, с. 253—270.

БИБЛИОГРАФИЯ

Петрова Н. А. В. Зверев. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 212—213; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 118; То же. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 77—78.

А. И. МАЛЮТИНА (р. 1913)

Антонина Ивановна Малютина родилась 14 марта 1913 г. в городе Барнауле Алтайского края, в семье ссыльного И. П. Малютина. В 1902 г. он был сослан как организатор и пропагандист социал-демократического кружка Ярославской Большой мануфактуры (ныне фабрика «Красный Перекоп») в Томскую губернию. Трехлетняя ссылка обернулась двадцатилетними скитаниями по различным городам и селам Сибири. В родные волжские края семья возвращается в 1922 г. И снова — Ярославль. Круг связей с деятелями культуры с каждым годом расширяется. Начинается переписка с А. М. Горьким, многолетние дружеские отношения с А. Фадеевым, В. Шишковым, С. Подъячевым, Н. Телешовым, В. Д. Бонч-Бруевичем. Эти общения много дали для литературного развития Антонины Малютиной, для выбора ее пути.

Трудовая деятельность ее началась на ярославской фабрике «Красный Перекоп» сразу по окончании средней школы. Увлечение поэтическим творчеством привело ее в Ярославскую ассоциацию пролетарских писателей Вскоре партком «Красного Перекопа» рекомендует молодую работницу литсотрудником фабричной газеты «Веретено». Затем — переход в областную газету «Северный рабочий».

Окончив Литературный институт в 1937 г., Малютина живет в

Сталинграде и работает в школе завучем и учителем литературы, ведет кропотливую работу с одаренной молодежью. И снова она студентка-заочница литфака педагогического института, завершенного накануне грозных событий.

Начавшаяся Великая Отечественная война разбросала семью: муж и братья в первые же дни войны ушли на фронт, а Антонина Ивановна с тремя малолетними детьми вынуждена была эвакуироваться в Сибирь. Местом постоянного жительства становится город Енисейск Красноярского края. Здесь Малютина поступает преподавателем в учительский институт, преобразованный со временем в педагогический, а в 1977 г. переведенный в молодой город Лесосибирск. И снова усиленная работа над собой. Темой научного исследования стало творчество с детства любимого В. Г. Короленко. С 1950 г. в различных сибирских изданиях опубликованы десятки ее научно-исследовательских и литературно-критических статей по вопросам русской литературы XIX в., русской и советской сибирской литературы, русской и советской детской литературы и истории края.

Старинный Енисейск славен своими революционными традициями. Здесь отбывали ссылку декабристы Ф. П. Шаховской, Н. С. Бобрищев-Пушкин, М. А. Фонвизин, А. И. Якубович, а накануне первой русской революции в селе Маклаково (ныне город Лесосибирск)— П. А. Заломов.

Малютина много работает над архивными материалами, встречается с участниками революционных событий накануне Октября и 1917—1919 гг. в Енисейске. Результатом этих поисков явились статья «Декабристы в енисейской ссылке» и книга «Город Енисейск». Как историк, она неоднократно выступала на страницах московского журнала «Вопросы истории». Десятками лет исчисляется ее сотрудничество в сибирских журналах «Енисей» и «Сибирские огни», а также в «Ученых записках» сибирских вузов; выступала и в иркутском сборнике «Писатели советской Сибири» и двухмесячнике «Сибирь». Малютина входит в число авторов «Истории русской литературы Сибири» (Сибирское отделение АН СССР). В разные годы напечатано более пятнадцати ее работ о В. Г. Короленко, в котором ее привлекает прежде всего то, что роднит этого писателя-гуманиста с нашим временем. «В борьбе за реализм,— пишет Малютина в статье «Короленко и народное творчество»,— высокую идейность, народность, художественную простоту Короленко обращался к чистому роднику народного творчества (в понимании которого он сходился с революционными демократами). Писатель видел в нем отражение жизни, взглядов, интересов, стремлений, типических черт характера трудовых масс». Все эти проблемы — в центре книги Малютиной «Сибирские рассказы В. Г. Короленко и их народно-поэтическая основа» (1962).

Внимательно изучает она великое наследие писателей-демократов Г. И. Успенского, Н. А. Некрасова. Встречи с К. И. Чуков-

ским, В. Е. Евгеньевым-Максимовым и другими некрасоведами вдохновили на создание ряда работ о поэте. Одновременно появляются статьи о последователе В. Короленко С. Я. Елпатьевском, беллетристе-народнике, правдиво отобразившем енисейскую ссылку, о современниках — П. Драверте, А. Ольхоне, а позднее — о С. Сартакове, К. Богдановиче, А. Зябреве, Н. Волокитине и многих других. Малютину интересует и творчество национальных поэтов Сибири: долганской поэтессы Огло Аксеновой, а также поэтов других национальностей нашей страны. На белорусский язык переведена одна из ее статей о Янке Купале; статья об абхазском поэте Леварсе Квициниа вышла на абхазском языке.

До 1974 г. Малютина заведовала кафедрой, а сейчас — профессор кафедры русской и зарубежной литературы.

С 1969 г. она — член СП СССР. В 1974 г. Южно-Уральским книжным издательством выпущена ее «Повесть об отце», которая быстро разошлась и, как сообщила челябинская газета, стала библиографической редкостью. Произведения и письма И. П. Малютина, личные воспоминания — таковы ее источники. Красноярский прозаик Д. И. Гольман писал, что это не только повествование об одном энтузиасте русской литературы, общественном деятеле «широкого профиля», но и «панорама событий, большая по времени и широкая по пространственному охвату. Ведь читатель знакомится не только с Иваном Петровичем Малютиным, но и с целой плеядой писателей, деятелей культуры. Вот что ценно! И книга — несомненный успех». Высокую оценку повесть получила и у широкого читателя.

Вскоре в Красноярске вышла четвертая книга Малютиной —«Певец земли енисейской» (1976)— первый обширный критико-биографический очерк об Игнатии Рождественском. В нее введен новый биографический материал, прослежен творческий путь поэта, развитие и возмужание его таланта. Не забыты и его очерки, в которых, как подчеркивает исследователь, «поэзии больше, чем в иных стихах».

Следующая монография Малютиной «Николай Устинович» (1979) также представляет собой первую книгу о жизни и деятельности другого певца советской Сибири, влюбленного в ее природу и мужественных людей, строителей коммунизма. Основываясь не только на опубликованных художественных произведениях, но и на обильном архивном материале (дневники, письма, черновики и варианты рассказов), автор показывает писателя-следопыта во всем многообразии его обаятельной личности — одаренного прозаика, общественника, наставника молодых, человека кристально чистой и щедрой души.

Работу литературоведа, критика и педагога Малютина умело сочетает с общественной деятельностью: четыре года была депутатом Енисейского районного Совета, второй раз избрана депутатом Лесосибирского городского Совета, избиралась в краевой Совет по критике, руководила литобъединениями, активный лектор общества «Знание». Обширна ее переписка с писателями, с людьми разных профессий и жизненных судеб.

М. Москаленко

СОЧИНЕНИЯ

Город Енисейск. Ист.-краевед. очерк. Красноярск. 1957; Повесть об отце. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во. 1974; Певец земли енисейской: Крит.-биогр. очерк об И. Рождественском. Красноярск, 1976; Николай Устинович: Крит.-биогр. очерк. Красноярск, 1979; Николай Мамин: Очерк жизни и творчества. Красноярск: Кн. изд-во, 1984.

ЛИТЕРАТУРА

Желудев К. Книга о Енисейске:

[О кн. «Город Енисейск»]. — Краснояр. рабочий, 1957, 5 дек.: Москаленко М. Сердечная книга: [О кн. «Повесть об отце»]. — Енисей, 1975, № 6, с. 76; Среди газет и журналов: [О статье «Адам Шиманский в Сибири»]. — Сиб. огни, 1976, № 11, с. 174—179; Кошелева А. Горячее слово о певце Сибири: [О кн. «Певец земли енисейской»]. — Енисей, 1978, № 1, с. 68—71; Кравец В. Березовый сок слова: [О кн. «Николай Устинович»]. — Заполяр. правда, 1979, 26 окт.; Гребцов И. Морская душа писателя: [О кн. «Николай Мамин»]. — Лит. Россия, 1985, 26 апр., с. 30.

БИБЛИОГРАФИЯ

Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 109—112.

Л. Л. ОГНЕВСКИЙ (р. 1913)

Леонид Леонтьевич Огневский родился 2 августа 1913 г. в деревне Шамаи Кировской области, в семье крестьянина-середняка. В Сибири живет с 1928 г.— переселился с родителями в Томскую область. Закончив в 1930 г. девятилетку, начал работать. Был учителем истории, работал корреспондентом газет. После окончания (заочно) Ленинградского института журналистики в 1935 г. приехал работать в Иркутск. Воевал на фронтах Великой Отечественной. В 1949 г. издана его первая повесть «Белый хлеб», еще через четыре года книжка для детей «Откуда пришел уголь». Затем, одна за другой,— публикации в альманахе «Новая Сибирь», в «Сибирских огнях», «Ангаре».

Становление Огневского как литератора было нелегким и неровным: он начинал со стихов, с повестей, которые в дальнейшем перерабатывал в романы; был журналистом, работал в радиокомитете, на студии кинохроники. И хотя один за другим вышли в свет в Иркутске его романы «Над нами солнце» (1955) и «На другой день» (три издания: 1956, 1959, 1963)— произведения о шахтерах Черемхова и машиностроителях — это дань модной в пятидесятых годах «производственной теме», где производство закрывало людей, а столкновение характеров шло по линии борьбы «хорошего с самым лучшим».

В первых произведениях Огневского критика заметила умение найти точную деталь в обрисовке образа, создать запоминающиеся эпизоды, показать человеческие взаимоотношения. Но вместе с тем отмечалась нелогичность поведения некоторых его героев, придуманность конфликтов, торопливость в развязывании «тугих узлов» сюжета.

Зоркий глаз очеркиста Огневского подмечал только нарождающееся в Сибири, на Черембассе в частности, движение перехода от шахт к угольным разрезам.

«Опережение» жизни, характерное для производственных книг пятидесятых годов, стремление в дне сегодняшнем не только увидеть, обнаружить черты будущего, но и успеть зафиксировать эти черты, были характерны для многих и многих писателей. Не минул ее и Огневский...

Новым этапом в его творчестве стала повесть «Зеленый шум», о хозяйском, разумном отношении к природе, к тайге. Пожалуй, только Вл. Чивилихин до Л. Огневского, да Марков в «Строговых» так проникновенно говорили о богатствах сибирского края, сибирского кедрача. Здесь затронута огромная проблема, созданы интересные образы директора лесхоза «Тайга» Бакланова, Григория — сибирского богатыря, таежника Косых. Заступников у тайги в повести много. И лишь один Мурашов, руководитель «всерайонного масштаба», думающий и живущий только директивами сверху,— один из ее противников.

Повесть, вышедшая в свет в 1965 г., была в русле начинающе-

гося разговора об охране окружающей среды.

И еще раз вернется к защите леса Огневский в детской повести «Как мы заблудились в тайге».

Многие годы писательского труда, исследований сибирского характера отдал Леонид Огневский своему роману «Белый хлеб». Он воплотил в роман те мгновенные перемены, которыми были наполнены пятидесятые годы: ежегодные перестройки хозяйственной деятельности, возвращение к совнархозам и отмена их, укрупнение колхозов и совхозов, «пресловутое» травополье, создание промышленных и сельских райкомов и обкомов и их новое «воссоединение»— вся та волюнтаристская переделка деревни, которую жизнь чуть позже заставила менять в корне... В 1967 г. роман вышел отдельным изданием.

Выпустив в 1980 г. в издательстве «Советский писатель» роман «Берег левый, берег правый», Огневский проследил дальнейшую судьбу героев «Белого хлеба», и теперь мы можем рассматривать эти произведения как дилогию о становлении современной деревни, о тяжком труде хлебороба и вечном зове Земли, о слиянии города и деревни.

Почти четверть века жизни деревни и города, судьбы своих героев прослеживает в дилогии писатель. Председатель колхоза Федор Матвевич Миронов с болью вспоминает, какие тяготы пришлось вынести, чтобы выстоять, давать хлеб городу.

Тяжкое послевоенье, сорок седьмой год. В родное село из-под Берлина возвращается герой войны Лешка Стрельцов, чтобы тут же, через несколько празднично-пьяных дней деревню эту, родину свою, покинуть: здесь нет простора, здесь негде развернуться, думает Алексей, его молодым силам, здесь один за другим спиваются от непосильной работы председатели колхозов. Полная разруха в деревне: людей нет, машин нет, лошадей нет, зерна для посевов нет.

В поисках счастья на стороне Алексей и его жена Анна пройдут немало испытаний, чтобы после, к финалу своих скитаний, подготовиться к возвращению на родину, к земле.

В характерах своих главных героев Миронова и Стрельцова писатель отмечает крестьянскую хватку, острое неприятие неправды и обмана, хозяйскую струнку.

С интересом следишь за ростом Миронова как человека, сопереживаешь ему в его неудачах. Сельчане платят ему вниманием и уважением: вопреки воле райкома и райисполкома колхозное собрание не отпускает Миронова на другое председательство. Острое чувство вины перед сельчанами, потребность делать добро, истинная, непоказная, от корней идущая привязанность к своей Земле, к колоску ржи — все это привлекает в образе Миронова.

Единение города и деревни, скорейшее слияние сельского хозяйства и промышленного производства, возрождение деревни, превращение Сибири, Приангарья в индустриальный край по-

казывает писатель через судьбы Миронова и Стрельцова.

И все же, заканчивая дилогию «Белый хлеб» и «Берег левый, берег правый», не можешь отделаться от мысли, что писатель остается во власти неких символов, спешит желаемое выдать за действительное: «Надо объединяться по-настоящему: зимой под крышей вкалывать, на заводе, на комбинате, летом — под открытым небом, в полях. Вот тогда будет порядок. Там, смотришь, и грань между городом и деревней сотрется».

Тем не менее Огневский умеет ярким словцом охарактеризовать своих персонажей, показать героя в действии, умеет нарисовать запоминающиеся эпизоды — их видишь, им веришь. Многие страницы диалогии — своеобразные внутренние монологи главных действующих лиц.

К сожалению, лирическая сторона жизни героев Огневского только показана, а не прописана психологически.

Размышляя о сложностях жизни, о рождении нового человека, говоря о красивом в нашей жизни, писатель нередко подменяет эту красоту красивостями, сложности жизни только намеками на них а героев приподнимает на котурны: «Человека надо поднимать, каждого человека надо поднимать на голову выше... Вот все это вижу, понимаю, прикидываю, сколько трудностей еще встретится на пути, и стараюсь»,— говорит писатель устами Миронова, словно бы приоткрывая основную идею дилогии.

Переполненная фактами недавней действительности, дилогия все-таки не стала исследованием глубоких изменений в социальной жизни общества, противоречивых реальностей дня минувшего и настоящего.

В 1973 г. отдельным изданием вышел роман «Грозный час». Герои романа — танкисты, контрразведчики, разведчики — поставлены в самые сложные ситуации. Но в любых ситуациях они сохраняют солдатскую честь, верны Отчизне, присяге. Старший лейтенант Андрей Брянцев, майор Чарушин, командир лыжного батальона Сыч — их судьбы свидетельствуют о безмерности подвига советского солдата, его вере в Победу, непобедимости и вместе с тем беззащитности перед лицом предательства, пули, снаряда. Все это, а также работа «Смерша», кстати сказать, не так уж часто показываемая на страницах романов, — принесло читательский успех «Грозному часу».

В романе «Пять жизней в одной» (М.: Современник, 1980) Огневский впервые обращается к теме коллективизации, пожалуй, впервые в сибирской литературе показывает жизнь кулаков и подкулачников, бывших нэпманов в районах высылки. Герой романа — Родион Аверьянович Лихов. Судьба с лихвой отпустила этому сибиряку невзгод и лишений, потерь и обретений. Пять частей романа — пять жизней героя, точнее, пять суровых эпизодов страны, поднимающейся к сегодняшним будням — такова композиция произведения.

Жизнь первая — борьба с кулаками, заблудшими, с теми, кто поднимает или только хочет поднять обрезы на власть Советов. В этой жизни все темно у Родьки Лихова: он, по наущению одного из богатеньких хозяйчиков Матюхи Пентюхова, чуть-чуть не стрелял по своему учителю Павлу Петровичу, секретарю партийной ячейки.

Вот и едет в конце первой жизни за свои прегрешения Родька в ссылку с отцовским предсмертным напутствием: «Окулачили и ссылают нас по закону. Живи честнее отца...», едет к новой жизни.

На протяжении пяти жизней Лихов находит в себе душевные

силы начать сначала, остается верным отцовскому наказу быть честным. Нетрадиционный герой, неожиданность сюжета привлекают к этому роману читателя.

Метания и становление Родьки Лихова прослежены внимательно и скрупулезно: подвиги на фронте, умение сплотить людей, поднять их на работу и на лесозаготовках, и в армии, а затем на монтаже послевоенной южной стройки и наконец снова в Сибири.

Хочется отметить четкость сюжетной линии романа, жесткую композицию, яркий, цветистый сибирский говорок, словом, какого-то нового Огневского. Путь современника к дню сегодняшнему, нравственный, социальный рост человека — так определяется основная идея романа «Пять жизней в одной».

«Требование — больше хороших книг о деревне — справедливо,— писал Огневский в одной из своих статей.— Произведения авторов-сибиряков еще слабо отражают изменения в деревне последних лет. А эти изменения разительны. Рождается новое, городского типа село, и живут в нем люди, по культуре, по художественным вкусам равные горожанам».

Среди таких людей писатель найдет и благосклонного читателя и взыскательного критика. Найдет — не надо выдумывать — и героя своих книг».

В. Мутин

СОЧИНЕНИЯ

Белый хлеб: Повесть. Иркутск: Облиздат, 1949; То же. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1969; Откуда пришел уголь: Рассказ мальчика. Иркутск: Кн. изд-во, 1953; Над нами солнце: Роман. Иркутск: Кн. изд-во, 1955; На другой день: Роман. Иркутск: Кн. изд-во, 1963; Как мы заблудились в тайге. Иркутск: Кн. изд-во, 1963; Зеленый шум: Повесть. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1965; Белое пятнышко: Повесть. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968; Грозный час: Роман. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973; Берег левый, берег правый: Роман. М.: Сов. писатель, 1980; Пять жизней в одной: Роман. М.: Современник, 1980.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамович А. Художественная деталь и образ. — Нов. Сибирь, 1955, кн. 32, с. 324—342; Абрамович А. Ф. Критические статьи и очерки о творчестве сибирских писателей. Иркутск, 1958, с. 174—184; Высоцкий А. Неверная позиция: [О романе «Белый хлеб»]. — Сиб. огни, 1959, № 11, с. 164—168; А. Р. Три книги — три друга: [О кн. «Как мы заблудились в тайге»]. — Ангара, 1964, № 1, с. 138—139; Ротенфельд Б. Вечные заботы: [О кн. «Зеленый шум»]. — Ангара, 1966, № 3, с. 108; Шик Э. Одолели штампы-микробы: [О кн. «Зеленый шум»]. — Сиб. огни, 1966, № 7, с. 183—184; Расеник И. Без настоящего героя: [О кн. «Белое пятнышко»]. — Вост.-Сиб. правда, 1969, 30 мая; Абрамович А., Трушкин В. Л. Л. Огневский. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 216—219.

БИБЛИОГРАФИЯ

Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. — Иркутск, 1973, с. 187—188; То же. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 131—132; Русская литература Сибири: Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 296—297.

Н. К. ЧАУСОВ (1913—1982)

14 лет продолжался «сибирский» период работы Николая Чаусова в литературе. И это были самые яркие страницы жизни писателя, самые плодотворные.

Николай Константинович Чаусов родился 13(26) февраля 1913 г. в Соликамске. После окончания в 1940 г. Саратовского автодорожного института двадцатисемилетний инженер стал работать на авторемонтном заводе в Иркутске.

Чаусов пришел в литературу с большим запасом жизненных наблюдений, трудового опыта: исколесил ленские перекаты, вмерзал в наледи со своей машиной, назубок знал трассу Иркутск — Жигалово, где каждый шофер, идущий за тобой или обходящий на бешеной скорости, не только знакомый, а друг, товарищ, который всегда выручит, коль настигнет беда.

Об этом первый роман Чаусова, с которым он пришел в Ир-

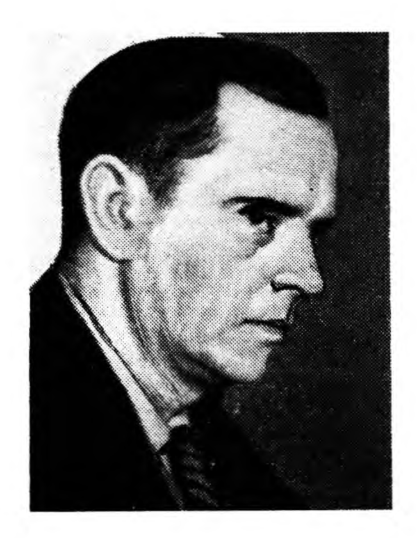
кутскую писательскую организацию. Первая часть под названием «Далекие рейсы» была напечатана в альманахе «Новая Сибирь» за 1956 г., а в 1959 г. вышла отдельной книгой. Вторая часть была издана в 1962 г.

В 1965 г. в Иркутске роман вышел вторым изданием под названием «Сибиряки», очень сильно переработанный писателем.

Предвоенная суровая зима в Иркутске и на далекой Лене, когда коротки зимние сибирские дни и когда так много надо сделать людям, чтобы не остались без продуктов и станков золотые прииски. В Сибирь с Урала приезжает новый начальник управления «Северотранса» Алексей Иванович Поздняков. Дела на трассе, в управлении — в упадке. Жесткой рукой Поздняков начинает вводить свои порядки: неоднократно ошибается, мучительно исправляет свои ошибки. «Методы, какими вы до сих пор работали, устарели. Разве наши водители чувствуют себя такими же хозяевами, как мы с вами. Мириться с рутиной, косностью я не буду, кто бы их ни породил: стар ли, млад ли...» В штыки принято на трассе, в управлении начальническое яканье Позднякова.

Становление Позднякова как руководителя, опирающегося на коллектив, понявшего, что один он не в силах по-новому строить работу Ирсеверотранса, конфликт Позднякова и Гордеева, Житова, Губанова выписаны психологически точно.

Некоторые главы романа, десятки страниц текста написаны с подлинным мастерством. Танковый удар немцев на фронтовой госпиталь; умирающий от лихорадки, полуголодный капитан баржи, вмерзшей в лед Лены-реки, его голодные жена и дочка, которые не могли взять себе ни грамма муки из государственных запасов и предназначенной для якутского народа. Перекрытие пе-

рекатов, зарисовки сибирской природы, особенно зимних пейзажей; борьба с наледью и уходящие по льду в туман лодки для спасения людей; караван автомашин к Якутску, когда полуголодные люди привезли муку в дальнюю Якутию и чуть самосудом не отправили на «тот свет» двух воришек, и еще немало сцен и эпизодов, где действуют массы людские, надолго врезаются в память.

Испытания на сибирскую закалку сданы — так можно теперь сказать о Гордееве, о Житове, об Ольге Червинской, о Позднякове. Сибиряками не рождаются, ими становятся — такова мысль автора — через страдания, через любовь, через работу на благо людей!

Чаусов пробовал себя в различных жанрах: писал сказки, рассказы, водевиль для детей; комедию, по которой Иркутский театр оперетты поставил музыкальный спектакль «Желтый дьявол», несколько сезонов проживший в репертуаре театра.

В 1959 г. в детском альманахе «Край родной» Чаусов напечатал свой водевиль «Волшебный доктор», поставленный затем на

сцене Иркутского театра юного зрителя.

Если «Волшебный доктор» был пробой пера для Чаусова как детского писателя, то «Черная борода», вышедшая в свет в Иркутске в 1961 г., стала уже крупной заявкой на новое направление писательского дарования.

Повесть была переиздана в Москве, в издательстве «Детская литература» под названием «Степкина правда» в 1963 г. Автор пристально всматривался в характеры и судьбы детей, показывает жизнь ребят 20-х гг. в Иркутске, когда стали возникать в Сибири первые пионерские отряды. Книжка познавательная, она приоткрывает для юных читателей неизвестные странички истории иркутской пионерии.

Повесть «Белый грач» Чаусов издал в Иркутске в 1963 г. Это — произведение о грязных лапах «братьев и сестер во Христе», уродующих сердца и души людей, озлобленных на все самое чистое и светлое в человеке. Используя приключенческий сюжет, писатель повествует о том, как Андрейка, Оська и Саня, играя в разведчиков, со своей собачкой Ракетой вдруг натыкаются на следы преступников иеговистов, не останавливающихся перед убийством. Писатель напряженно ведет сюжет, хорошо угадывая ребячий язык.

В 1965 г. Н. Чаусов переехал на Волгу—в Саратов. Здесь он издал повесть «Юность Дениса» (1973) начал работу над новым своим романом. Автору этих строк Чаусов писал: «Роман мой еще пишется. Переделываю и перекраиваю его вот уже в пятый раз, а все не вижу желаемого «блеска». Много времени ушло с устройством в городе, со знакомствами с людьми и материалами для романа — ведь половина действия в романе — это Саратов, половина Сибирь. На днях вышла переизданная здесь «Степкина правда», я ее всю переделал уже после московского издания»...

Умер Чаусов 27 марта 1982 г.

В. Мутин

СОЧИНЕНИЯ

Далекие рейсы: Роман. Иркутск: Кн. изд-во, 1959; Черная борода: Повесть. Иркутск: Кн. изд-во, 1961; Сибиряки: Роман. Иркутск: Кн. изд-во, 1962; Белый грач: Повести. Иркутск: Кн. изд-во, 1963; Степкина правда: Повести. М.: Детгиз, 1963; Юность Дениса: Повесть. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1973; Сказка о глупом гусенке Гоге и хитрой вороне Кар: Сказка в стихах. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1982.

ЛИТЕРАТУРА

Трушкин В. Там, где течет красавица Лена. — Ангара, 1959, № 2, с. 108—111; Тычинин В. На ленском тракте. — Сиб. огни, 1959, № 7, с. 180—183; Колесникова Г. Для интереса. — Москва, 1960, № 4, с. 193—198; Трушкин В. На пути к мастерству: Свет и тени. — В кн.: Трушкин В. Литературные портреты. Иркутск, 1961, с 131—138; Чернов П. Повесть о мальчишках 20-х гг. — Вост.-Сиб. правда, 1961, 11 мая; Абрамович А. Герои сибирской закалки. — Ангара, 1963, № 1, с. 130—135; Тендитник Н. Сибирская тематика и современность. — Вост.-Сиб. правда, 1966, 19 окт.; Мутин В. Книги Николая Чаусова. — Знамя коммунизма. Ангарск, 1968, 5 сент.; Мутин В. Н. К. Чаусов. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 213—216.

БИБЛИОГРАФИЯ

Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 281—282; Русская литература Сибири: Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 463.

В. И. МАРИНА (р. 1914)

Валентина Ивановна Марина родилась 23 февраля 1914 г. в семье сельского учителя в селе Козловка Тамбовской губернии Вскоре отца направили работать в Восточную Сибирь. Он умер, когда будущей писательнице шел пятый год. Многодетной семье (семеро детей) жилось трудно, все дети рано пошли работать.

«Окончив симилетку,— вспоминает Марина,— скрыла свой возраст, поступила наклейщицей телеграмм». Затем, без отрыва от работы, училась на рабфаке при Иркутском госуниверситете. Посменная работа мешала учебе, и в поиске другой работы она забрела в Иркутское отделение РОСТА. Журналистская деятельность понравилась: каждый день новые люди, новые встречи, новая информация. Хотелось писать обо всем увиденном более подробно, чем того требовала специфика материалов телеграфного агентства. И потому, когда в 1934 г. в Иркутске открылась дорожная газета «Восточно-Сибирский путь», Марина стала ее литсотрудником.

Марина работала в железнодорожной газете и писала преимущественно о железнодорожниках. Но были у нее и другие очерки. Во время войны, спасаясь от голода, она уезжала к родным на Север, в Джугджурский район. Места и люди, там работавшие, поразили ее воображение. Вернувшись в Иркутск, она написала о том, что видела. «Джугджурские очерки» были опубликованы в альманахе «Новая Сибирь», и 1947 г. писательница считает началом творческой биографии. С тех пор издаются ее очерки, рассказы, повести, роман, сказки и повести для детей.

Марина не просто наблюдала жизнь со стороны, жила, заботами, волнениями, печалями и радостями людей, с которыми сводила ее жизнь. Ее знакомые — люди труда: машинист, сварщик, осмотрщик вагонов, диспетчер, колхозник, председатель колхоза секретарь райкома, доярка, зоотехник. Место действия — железнодорожная станция, депо, колхозное поле, ферма и т. д. Работа на радио, в многотиражной газете, в газете «Восточно-Сибирская правда» вела ее к искателям слюды, каменщикам, рыбакам, на лесопункты, в колхозы и совхозы области, расширяла представления о жизни, сталкивала не только с производственными вопросами, но и задавала сложные вопросы человеческих отношений в коллективе, семье. Потому-то как будто неторопливые очерки писательницы всегда проблемны, остры. В них нет успокоенности, умиротворенности. В них звучит голос человека, заинтересованного в исправлении недостатков, утверждающего нелегкий путь преодоления ошибок, борьбы за нравственно полноценную личность.

Очерк в творчестве Мириной занимает большое место. Очерки составили сборники «Люди одной дороги», «Мои знакомые», «Опасный рейс», «Высокий берег». Поначалу Марина-журналист прежде всего обращала внимание на производственные проблемы, на то, как человек работает, как выполняет свой рабочий долг. И кто знает, как бы сложилась творческая судьба ее, если бы не встретился на пути писатель, чуткий критик, заведующий литературным отделом газеты «Гудок», где был напечатан и отмечен очерк Мариной, Дмитрий Осин. Отметив достоинства, он упрекнул ее в одностороннем взгляде на чело-

века, посоветовал «заглянуть к герою очерка домой». Именно он обратил внимание на важность постановки нравственных проблем.

Герои очерков, сюжеты, проблемы, поставленные в очерках, часто служили писательнице материалом для рассказов, повестей, романа. Очерковая струя в произведениях В. Мариной — своеобразие ее почерка, в ней выражается отношение автора к изображаемому, ее гражданская позиция, что можно ощутить и в повести «Трудный год» (1957), и в сатирической повести «Павильон Раймонды» (1968), и в романе «Поземка», и в повести «Лебединские женщины» (1981).

Не все равноценно в творчестве писательницы, путь к признанию был непростым. Высоко оценила критика книгу очерков «Высокий берег» (1966), которая остается актуальной и поныне, т. к. поставленные в ней вопросы остры и жизненны. Марина знает и любит деревню, понимает ее боли и радости. Став городской жительницей, она не отвернулась от своей малой родины. Перед читателем предстоит мир нелегкого крестьянского труда с его каждодневными заботами, требующими решений, красота сибирской земли, ее животворная сила. Творческая удача писательницы — создание характеров коммунистов: секретарь райкома Василий Платонович, председатель колхоза Чертков и другие. Автор говорит о творческом хозяйствовании на земле, о доверии опыту крестьян, о проблеме руководства, личной ответственности руководителя, самостоятельности. Она показывает своего героя человеком сложного характера, с его сомнениями, мыслями, чувствами. Против показухи, рутины борется секретарь Илирского райкома Василий Платонович, добровольно уходит с поста председателя колхоза Тимофей Лукьяныч Шишигин. Он понял, что не справится с задачами, поставленными партией, подал в отставку, а ведь проработал председателем колхоза двадцать лет. Честно и бескорыстно служат колхозному делу Варвара Петровна, зоотехник Лариса Лаврентьевна и многие другие. Автор открыто утверждает свою позицию и тогда, когда говорит о негативных сторонах, нерешенных и требующих решения проблемах села, и тогда, когда рисует деятельный мир сибирской деревни, ее прекрасную природу.

Как успех Мариной оценила критика сатирическую повесть «Павильон Раймонды». Написанная легко, занимательно, она остроумно, изобразительно, то весело, то язвительно, иронически смеялась над пьянством, прожектерством, стяжательством, литературными схемами. Главный герой повести — смех, а потому основные персонажи: Раймонда Панкратьевна, Верещакин, Ромашкин равноправны и раскрывают то или иное отрицательное явление. В создании их характеров автор умело пользуется такими средствами жанра, как сатирическое заострение, гротеск, пародия.

В 1973 г. выходит роман «Поземка», который в известной степени можно считать новым вариантом повести «Трудный год», написанной в 1957 г. Именно эта повесть была первым большим произведением писательницы, определенным этапом в ее творческой биографии. В романе сохранены основные герои, сюжетные линии, место и время действия: 50-е гг., большая сортировочная станция. Опыт писательницы заставил ее иными глазами взглянуть на уже состоявшееся произведение, углубить психологические коллизии, обострить конфликты личные и производственные, иначе взглянуть на семейную тему.

Все больше идет грузов по магистрали, связывающей Запад и Восток нашей страны, и естественно встают вопросы о новых

методах труда, в частности об организации комплексных бригад, разработке новой технологии на железнодорожном транспорте. Автор вводит читателя в атмосферу горячих споров, дискуссий, выявляя таким образом гражданские помыслы своих героев, деятельное, хозяйское отношение к проблемам железнодорожного транспорта. Пафос книги в утверждении новых принципов хозяйствования, строгом экономическом расчете, творческом, деловом подходе к производству, чутком отношении к человеку, его нуждам.

Душа коллектива депо и сортировочной станции — секретарь парткома Курилин. Он не оглядывается на директивы, учит коммунистов думать самих, не бояться высказывать свою точку зрения, отстаивать ее. Для него главное — человек, поэтому он добр, отзывчив, открыт людям, и они идут к парторгу за помощью, советом.

Иной тип партийного руководителя — начальник политотдела дороги Ягодин. Ягодин честен, даже аскетичен, о себе он говорит: «Я солдат партии. Куда поставят, там буду стоять насмерть». Но в отличие от Курилина он слишком сух, официален, далек от масс, ему не хватает человечности, доброты. Ягодин против открытой критики руководящих работников, он считает, что подобная критика подрывает авторитет партии, дает пищу для обывательских пересудов, он за критику «в узком кругу». Марина дает образ Ягодина в движении. Ягодин приходит к сознанию несостоятельности своих прежних методов руководства. Он начинает понимать, что наказание — не всегда лучший способ воспитания, борьбы с недостатками. И люди, кто с удивлением, кто с удовлетворением, отмечают проявление доброжелательности в партийном руководстве. Сосед искренне признается: «А я, грешным делом, думал — уж до конца ты себя засушил».

Проблемы любви, семьи волнуют писательницу. Она не дает рецептов, заставляет читателей внимательно всматриваться в ситуации, вникать в поступки персонажей. В романе возникает традиционный любовный треугольник муж — жена — любовник, разрешается же он не по условной схеме, а следуя правде человеческих характеров.

Маневровый диспетчер Тулугуров Николай Тихонович показан прежде всего в деле, в работе. Он передовик производства, человек активный, творческий. Марина стремилась создать характер яркий, сильный. Страстная любовь Николая Тулугурова к инженеру Анне Шаханиной не уводит героев от производственных отношений, она возникает на их основе, они единомышленники в работе, в решении проблем сортировочной станции. Автор показывает, что в разрушении семейных связей есть вина и жены Николая Кати. Занятая воспитанием троих детей (все дети дома), хозяйством, беззаветно любя мужа, понимая ответственность и напряженность работы Николая, она целиком освобождает его от домашних забот, от воспитания детей. В конце романа герой возвращается в семью, возвращается ради детей, Шаханина уезжает из Белогорья. Счастливый конец не оборачивается идиллией, автор верен жизненной правде, правде человеческих отношений. Примерение оказалось возможным, потому что супруги сохранили достоинство, уважение друг к другу.

Проблемы семьи, нравственного воспитания, хозяйского отношения, любви к родной земле составляют содержание повести Мариной «Лебединские женщины» (1981).

Озабочен судьбой людей неперспективной маленькой деревни Лебединки, входящей в бригаду большого колхозного хозяйства,

председатель колхоза. Он не может согласиться вот так, сразу, с предложением районного начальства о переводе фермы на центральную усадьбу, а людей — в разные бригады, понимая, что это приведет к большим потерям, прежде всего, человеческим: ведь люди жили здесь не один десяток лет. Здесь их дом, их земля, их память.

Любовь к земле-кормилице, отчему дому, матери, понимание и знание крестьянского труда определили путь Анатолия, который после окончания вуза не остался в институте, а уехал агрономом в родное село. Здесь он свой, он нужен этим просторам, как необходимы они ему. Анатолий естественно и органично входит в жизнь колхоза. Характер его цельный, но неупрощенный.

С большой любовью создает писательница характеры лебединских женщин — доярок, телятниц, правдиво показывает атмосферу их взаимоотношений, будни старой фермы. Языкастые, порой грубоватые, они и отталкивают и притягивают Светлану, приехавшую на ферму. Общение с ними, а точнее, столкновение, конфликт заставляют молодого зоотехника-селекционера искать ответ на мучающий ее вопрос: чем эти деревенские женщины сильнее ее? И она начинает понимать: они хозяева на ферме, они — коллектив, который решает все сообща, вместе, они знают друг друга, помогают друг другу, вместе делят беду и радость. Она же далека от их житейских забот, равнодушна. Одна из телятниц бросила ей упрек: «Ты же людей-то не видишь!» На ферме Светлана проводит всего лишь около двух суток. Но эти сутки стали переломными в ее жизни. Ссора с мужем, ощущение своей вины и неправоты, желание примирения, осуждение доярок, обвинение в душевной черствости — все это мучительно обращает Светлану к воспоминаниям, она как бы заново проживает все, что произошло за последние годы в их жизни с Анатолием. Читатель видит, как любовь побеждает в сердце Светланы.

Марина твердо вглядывается в жизнь. Она не боится острых углов, верит в творческие силы человека труда, которому и посвящает свои произведения.

В 1987 г. в Иркутске вышла в свет повесть «Верхотуров против Меломана», в которой творчество Мариной предстает на новом этапе. Крепче рука прозаика, глубже проблемы. Остроконфликтное, остросюжетное произведение — живой отклик на преобразования, происходящие сегодня в нашем обществе.

Л. Ившина

СОЧИНЕНИЯ

Люди одной дороги: Очерки. Иркутск: Кн. изд-во, 1951; Мои знакомые: Очерки. Иркутск: Кн. изд-во, 1954; Опасный рейс: Очерки. Иркутск: Кн. изд-во, 1956; Трудный год: Повесть. Иркутск: Кн. изд-во, 1957; Горячий ключ: Рассказы. Иркутск: Кн. изд-во, 1963; Высокий берег: Очерки. Иркутск: Кн. изд-во, 1966; Маленький зеленый мотороллер: Сказка. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968; Павильон Раймонды: Юморист. Повесть. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1969; Поземка: Роман. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973; Лебединские женщины: Повесть; Поземка: Роман. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981.

ЛИТЕРАТУРА

Тендитник Н. О людях, выстоявших и победивших. — В кн.: Тендитник Н. В битве за человеческие сердца. Иркутск, 1975, с. 52—78; Поэты и писатели — воспитанники Иркутского университета. — Иркутск, 1979, с. 44—47; Рубанович А. Личная жизнь и дело жизни. — Вост.-Сиб. правда, 1981, 27 янв.; Захарова В. И счастья в личной жизни. — Вост.-Сиб. правда, 1984, 23 февр.; Приангарье: Годы, события, люди. Иркутск, 1984, с. 43—46; Леваковская Е. Проза в сибирском альманахе: [О рассказе «Супруги»]. — Октябрь, 1955, № 4, с. 190—191; Шорор В. Очерки В. Мариной. — Вост.-Сиб. правда, 1955, 27 марта; Сергеев М. На главном направлении: О кн.: «Опасный рейс»]. — Ангара, 1959, № 1, с. 126; О кн. «Высокий берег»: Ротенфельд Б. Добрые всходы. — Ангара, 1966, № 3,

с. 104—108; Этов В. По глубокому руслу. — Сиб. огни, 1967 № 6, с. 177—179; О кн.: «Павильон Раймонды»: Соломатин В. Смех не без причины. — Лит. Россия, 1967, 6 окт., с. 17; Мостков Ю. Замысел и характеры. — Сиб. огни, 1968, № 9, с. 181; Тендитник Н. О героях, не терпевших фиаско, и не только о них.— Сибирь, 1971, № 3, с. 102—106; О кн. «Поземка»: Тендитник Н. Власть щедрой любви. — Вост.-Сиб. правда, 1973, 22 сент.; Мостков Ю. — Сиб. огни, 1974, № 11, с. 182—184.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абрамович А., Трушкин В. В. И. Марина. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 219—222; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 162; То же. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 113—114; Русская литература Сибири: Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 248—250.

Б. А. КОСТЮКОВСКИЙ (р. 1914)

Борис Александрович Костюковский принадлежит к той плеяде сибирских писателей, которые, родившись в Сибири и начав там свой жизненный и творческий путь, навсегда остались певцами родного края, поставив в центре своих книг Сибирь с ее природой, ее людьми и их свершениями.

Родился он 15 марта 1914 г. в г. Канске в семье рабочего-кожевника. Окончил девятилетку. Как многие его сверстники в ту пору, Костюковский очень рано начал свою трудовую и общественную жизнь. Вначале была шумная и насыщенная маленькими и большими событиями жизнь пионерского отряда, где Борис прошел все ступени пионерской работы: от вожатого пионерского отряда до председателя бюро Детской коммунистической организации в г. Канске и в далеком северном районе Богучаны. Потом он строил пионерский дворец в Иркутске и был первым его директором. Строил детскую железную дорогу в Иркутске, руководил краевым лагерем-санаторием юных пионеров.

Энергичного, активного паренька заметили и выдвинули на партийную работу: заведующим отделом культуры и школ Иркутского обкома КПСС.

С первых дней Великой Отечественной войны Костюковский ушел добровольно в ряды Советской Армии и здесь находился на партийно-политической работе в качестве старшего инструктора политотдела воинского соединения, секретаря партбюро штаба воинского соединения, военного комиссара части, а затем заместителя по политчасти.

С 1943 г. до донца войны Костюковский несет армейскую службу на Востоке в должности писателя во фронтовых газетах «На боевом посту» и «Суворовский натиск».

Свой первый рассказ Костюковский опубликовал в 1941 г. в альманахе «Новая Сибирь». В военные годы он четко определился как автор рассказов, живых очерков, острых зарисовок. Излюбленным жанром молодого автора стал документально-художественный рассказ о патриотических подвигах советских людей в тылу и на фронтах. Той же благородной теме была посвящена первая повесть «Сибиряки», опубликованная на страницах фронтовой газеты.

В 1946 г. Костюковского пригласили на первый послевоенный семинар прозаиков, организованный Союзом писателей СССР, на котором его принимают в члены Союза писателей.

В 1947 г. он работает собкором Совинформбюро по Иркутской и Читинской областям, в 1947 г. утверждается начальником Читинского областного отдела по делам искусств и уполномоченным Союза писателей СССР по Читинской области. Затем он был организатором и первым руководителм Читинской писательской организации.

Одновременно с организационной работой Костюковский соз-

дает новые книги: «Снова весна», «В горах Акатуя», «Поездка к солнцу» и др. В этих книгах еще живут образы недавней войны, но уже проявляется то направление таланта, которое приводит на страницы книг людей мирного труда. Можно сказать, что именно здесь пролегла магистральная линия творчества Костюковского, о чем говорят такие его книги, как ставшие широко известными «Земные братья», о строителях Братской ГЭС, «Куда прячется солнце», получившая первую премию Министерства просвещения СССР и ЦК ВЛКСМ за лучшую книгу для детей, «Зовут его Валерка» — повесть о людях молодого сибирского города Ангарска, киносценарий «Одержимые» о строителях Нурекской ГЭС.

Особое место в творчестве Костюковского занимает повесть «Нить Ариадны». И здесь проявляется особый дар писателя: воссоздавать на основе строго фактического материала портреты героических современников. Посвященная замечательной дочери белорусского народа Аде Козей, повесть стала любимой книгой советской молодежи, она широко издается у нас в стране и за ее пределами.

С 1956 г. Костюковский живет в Москве, но не порывает личных и творческих связей с Сибирью. Он много помогает становлению молодых сибирских писателей, его заслуга в том, что он ввел в круг известных писателей России такие имена, как И. Лавров, О. Смирнов, О. Хавкин, Г. Машкин и др.

В последние годы Костюковский отдает свое перо историко-революционной теме. Он создает пять больших очерков о соратниках Ленина, они есть во всех пяти томах «Ленинианы», выпущенных издательством политической литературы.

Эта творческая линия нашла свое продолжение в книгах серии «Пламенные революционеры», написанных в соавторстве с С. Табачниковым («Русский Марат» и «Главный университет») и посвященных жизни и подвигу соратников В. И. Ленина — В. Л. Шанцера-Марата и М. И. Васильева-Южина. В настоящее время писатель закончил работу над книгой о Я. М. Свердлове «И нет счастливее судьбы».

Напряженную творческую работу Костюковский сочетает с активной общественно-политической деятельностью. В течение нескольких лет он является первым заместителем председателя Всероссийского Совета по работе с молодыми писателями, членом Совета по детской и юношеской литературе Союза писателей СССР, руководителем шефской бригады писателей на заводе «Динамо». Его усилиями создано несколько значительных литературных изданий, посвященных в основном великим стройкам Сибири («Полюс мужества», «Исполин на Енисее»), а также сборник «Быстрина» о людях завода «Динамо».

И. Гуро

СОЧИНЕНИЯ

Сибиряки: Повести и рассказы. Чита, 1947; Снова весна: Повесть. — 5-е

изд. Чита, 1955; В горах Акатуя: Очерки. Чита, 1952; Утро Андрея Шилина: Повесть. Чита, 1954; Дорога к солнцу: Повесть. М.: Сов. Россия, 1963; Судьба друга: Повесть о Б. Гайнулине. М.: Сов. Россия, 1963; Зовут его Валерка: Повесть. М.: Дет. лит., 1965; Поездка к солнцу; Куда прячется солнце. Повести. М.: Дет. лит., 1965; Признание в любви: Повести и рассказы. М.: Сов. Россия, 1965; Русский Марат: Повесть о Вергилии Марате [В соавт. с С. Табачниковым]. М.: Политиздат, 1969; Жизнь как она есть: Повесть. М.: Дет. лит., 1973; Нефтяные короли: Докум. повесть. [В соавт. с С. Табачниковым]. М.: Сов. Россия, 1973; Главный университет: Повесть о М. Васильеве-Южине [В соавт. с С. Табачниковым]. М.: Политиздат, 1975; Земные братья: Повести. М.: Сов. писатель, 1975; Нить Ариадны: Докум.-худож. повесть. М.: Мол. гвардия, 1975; И нет счастливее судьбы: Повесть о Я. М. Свердлове [В соавт. с С. Табачниковым]. М.: Политиздат, 1982.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамович А. Заметки о произведениях военных лет писателей Иркутска. — Нов. Сибирь, 1947, кн. 18, с. 314—315; Шаракшанэ Б. Наш земляк и друг. — Байкал, 1964, № 2, с. 147—148; О пьесе «Судьба товарища»: Немира К., Сотников И. Хорошее — ступень к лучшему. — Сиб. огни, 1951, № 4, с. 106—107; Рясенцев Б. Зритель ждет. — Сиб. огни, 1952, № 3, с. 150—164; О повести «Поездка к солнцу»: Гуро И. Звезда, 1958, № 12, с. 210; Жилкина Е. Повесть о поездке к солнцу. — Свет над Байкалом, 1958, № 1, с. 153—154; Смирнов О. Мальчик из бурятских степей. — Сиб. огни, 1961 № 1, с. 185—186; О повестях «Дорога к солнцу», «Куда прячется солнце»: Бальбуров А. Талантливая повесть о нашем крае. — Байкал, 1962, № 2, с. 135—138; Алексин А. На пути к солнцу. — Сов. Россия, 1963, 15 нояб.; Шевелев Н. Где прячется солнце? — Лит. Россия, 1963, 1 янв., с. 12—13; Баражнин И. С. С солнцем в сердце. — Нева, 1964, № 3, с. 193—194; Резник О. На степных просторах Забайкалья. — Лит. Россия, 1964, 2 окт., с. 15; Нагибин Ю. Возле радуги. — Лит. Россия, 1970, 30 окт., с. 18—19; О повести «Зовут его Валерка»: Разумневич В. — Октябрь, 1966, № 7, с. 223; О кн. «Признание в любви»: Абрамович А. Военные будни, военные праздники. — Сиб. огни, 1966, № 7, с. 182—183; О повести «Земные братья»: Дычко Д. Чудо — это сам человек. — Лит. Россия, 1967, 30 июня, с. 16—17; Ермакова Г. Заметки о современном герое. — Звезда, 1967, № 12, с. 192—198; Бровман Г. Речь идет о характере. — Наш современник, 1968, № 7, с. 110—116; Медынский Г. Сила духа. — Звезда, 1969, № 4, с. 190—193; О повести «Нефтяные короли»: Рубинов А. Как становятся королями.— Лит. Россия, 1973, 9 нояб.; О кн.: «Земные братья»: Борщаговский А. Способность писать с натуры. — Лит. Россия, 1976, 16 апр., с. 10; Приставкин А. — Лит. обозрение, 1976, № 5, с. 34—35.

БИБЛИОГРАФИЯ

Покровская Л. Б. А. Костюковский. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 222—224; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 129—130; Русская литература Сибири. Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 181—183.

Л. Е. ЭЛИАСОВ (1914—1976)

В 1977 г. в Новосибирске был опубликован сборник «Сибирский фольклор». В нем Герой Социалистического Труда академик А. П. Окладников в статье «Вечный поиск» писал: «Имя Лазаря Ефимовича Элиасова хорошо известно в науке. За последние четверть века почти все крупные шаги в фольклористике Сибири были сделаны лично им или при его помощи и научном руководстве. Обладая редким даром организатора, он сплотил вокруг сектора русского фольклора Бурятского института общественных наук СО АН СССР практически всех, кто собирал и исследовал русский фольклор Сибири и фольклор малых народов. Он стал организатором четырех всесибирских научных конференций по актуальным проблемам фольклористики. Значение этих форумов трудно переоценить: они определили основные проблемы научных исследований, направления работы сибирских фольклористов на десятилетия. Был создан научный совет по фольклору Сибири и Дальнего Востока при СО АН СССР, работой которого руководил Л. Е. Элиасов... Им опубликовано более ста научных работ. Вся жизнь его была беспрерывным поиском народных

поэтических сокровищ. Собранные им и под его руководством фольклорные материалы по своему объему, многоплановости, географическому охвату, новизне, научной и эстетической ценности поистине уникальны. Л. Е. Элиасова можно смело назвать одним из самых крупных собирателей России XX века».

Лазарь Ефимович Элиасов родился 1 июня 1914 г. в с. Большое Уро Баргузинского района Бурятии, в крестьянской семье. Он был самым младшим, двенадцатым ребенком. Две десятины земли, которые имел отец, не могли прокормить семью. Некоторым из братьев пришлось то сезонно, то поденно работать у богатых соседей, другим приходилось зарабатывать на хлеб насущный вдали от родного дома. До Октябрьской революции никто из детей Элиасовых не имел возможности закончить начальную школу.

В селе Большое Уро жили прекрасные мастера рассказывать сказки и петь песни. Слышанные в детстве предания и легенды, устные рассказы и песни оставили глубокий след в памяти будущего исследователя фольклора сибиряков, в родном селе он почерпнул первую чашу мудрости народной поэзии Сибири.

Однажды учитель уринской школы Ф. Г. Камарицын дал задание ученикам: записать народные песни, которые поют в их семьях. Ученик Элиасов принес учителю тетрадь с песнями, которые записал от отца и матери.

В 1927 г. в Большое Уро приехал фольклорист А. В. Гуревич. По совету Камарицына Гуревич привлек к собирательской работе и учеников уринской школы. За два месяца Элиасов обошел в селе почти все дома и записал фольклорные тексты различных жанров. Гуревич остался доволен трудолюбием юного собирателя и подарил ему дюжину карандашей и тетрадей.

Спустя год, Элиасов ушел в Баргузинскую тайгу. Он работал на приисках по Витиму и Витимкану, по Ципе и Ципикану, трудился на шахтах Троицка и Маловска, с геологами и разведчиками недр был на Муе, трудился чернорабочим, был со старателями на Алдане и Бодайбо. Для юноши этот период был романтически прекрасным временем. На прииски его влекло любопытство, стремление к познанию той неведомой, но интересной жизни, о которой так много рассказывали в родном селе.

Работа на золотых приисках обогатила молодого человека опытом жизни, он прочитал много книг и собрал ценный фольклорный материал, который затем лег в основу его будущих книг: это воспоминания участников Ленских событий, гражданской войны, песни партизан, легенды и предания рабочих старой Сибири.

На приисках он экстерном сдал экзамен за 7-й класс и был назначен учителем школы в Баунте. Затем была учеба в Кяхтинском педагогическом техникуме, в Иркутском финансово-экономическом институте, который закончен в 1938 г.

В годы учебы в техникуме и институте Элиасов каждое лето выезжал в фольклорные экспедиции, организованные секцией Общества изучения Восточной Сибири. В результате длительных поездок по селам Иркутской, Читинской областей, Бурятии удалось собрать материал исключительной ценности. Многие записи нашли место в сборнике «Старый фольклор Прибайкалья», изданном Элиасовым в соавторстве с А. В. Гуревичем в Улан-Удэ в 1939 г. В сборнике опубликовано более двух тысяч текстов различных жанров фольклорной прозы и более 150 песен. Сборник раскрывал богатство и своеобразие фольклора русского населения Прибайкалья. Второй том сборника, в котором предполагалась публикация текстов советского фольклора, к сожалению, не увидел свет.

С 1938 г. Элиасов — научный сотрудник Бурят-Монгольского института языка и литературы (в настоящее время институт общественных наук Бурятского филиала СО АН ССР). Тогда же началась его многолетняя работа со сказителем Тункинской долины Е. И. Сороковиковым-Магаем. Магая «открыл» М. К. Азадовский в 1925 г., он впервые записал от него сказки и совместно с Элиасовым издал сборник «Сказки Магая» в 1940 г. в Ленинграде. Позднее Элиасов много раз записывал тексты от Магая, систематически публиковал их, изучал его творчество, а в 1986 г. он издал книгу «Сказки и предания Магая».

Но работа была прервана. Началась Великая Отечественная война. Элиасов прошел боевой путь от рядового бойца до майора Советской армии. По дороге от Москвы до Берлина был несколько раз ранен, отмечен тремя боевыми орденами и многими медалями.

После окончания войны офицер, ушедший в запас, вернулся в Улан-Удэ, в научно-исследовательский институт (ГИЯЛИ) и продолжил научную работу.

Если начало фольклористической деятельности Элиасова характеризуется сбором фольклорного материала, то в послевоенный период он большее внимание уделяет широкому познанию русского фольклора Сибири. Тщательное изучение теории народной поэзии, архивных источников, хранящихся в Москве, Ленинграде, Иркутске, Чите, записей текстов, произведенных различными собирателями в разные годы на территории Сибири,— все это занимает основное время и все мысли ученого. Параллельно с этим он продолжает собирать материал и пишет несколько работ об устной народной поэзии сибиряков эпохи гражданской войны в Забайкалье.

Академик А. П. Окладников в названной выше статье писал: «Л. Е. Элиасов один из тех редких ученых, кто ввел в науку столь обильный, многообразный и ценный фольклорный материал. Кроме того, он явился одним из теоретиков революционной поэзии и поэзии эпохи гражданской войны...»

Трудно, пожалуй, сегодня отыскать в Сибири село, где бы Элиасов не записывал фольклорный материал о событиях тех грозных лет.

В 50-е гг. Элиасов частично опубликовал материалы этой темы на страницах альманахов «Забайкалье», «Байкал», в журнале «Свет над Байкалом», написал работу «Американская интервенция в Забайкалье» (Улан-Удэ, 1953). Сбор фольклорного материала о гражданской войне в Сибири он продолжал до последних дней жизни. Он записывал произведения почти всех жанров фольклора, но особое внимание уделил жанру песни и устных рассказов. В 1956 г. в Улан-Удэ вышла книга «Устные

рассказы забайкальцев о двух войнах», получившая высокую оценку специалистов и широкого круга читателей, а через год в Чите вышел из печати еще один сборник «Стихи, песни, частушки времен гражданской войны в Забайкалье». В нем автор показал наиболее характерные по идейному содержанию и стилю поэтические документы той эпохи. Насколько кропотливо работал составитель над книгой, можно проследить по примечаниям, данным к каждому публикуемому тексту. Они настолько обстоятельны, что комментарий может быть воспринят самостоятельной статьей о том или ином устнопоэтическом произведении или стихотворении. В сборнике нашли место более 200 песен и 200 частушек.

Фольклор эпохи гражданской войны в Сибири был постоянно в поле зрения ученого. На протяжении многих лет он работал над сборником «Героическая поэзия гражданской войны в Сибири», но не успел довести его до конца. Его коллеги и ученики завершили работу, и книга увидела свет в 1982 г. в издательстве «Наука», в Новосибирске.

Книгами о поэзии народа в период гражданской войны Элиасов показал, что эта поэзия разнообразна не только по тематике, но и по стилю. Она жила вместе с партизанами и бойцами, с ней ходили в бой, с ней умирали. Но самое главное— она явилась правдивым выражением исторической действительности, мощным и действенным оружием социальной борьбы. Языком народной поэзии в названных книгах проиллюстрирована незабываемая эпоха, отлиты в поэтическое слово дела, мысли и чувства земляков, отцов и дедов, которые в жестоких схватках сражались за установление власти Советов в Сибири.

В историю сибирской фольклористики Элиасов вошел как неутомимый собиратель жемчужин народной мудрости. К поездкам за сбором материала он всегда готовился основательно: изучал территорию, состав ее населения, перечитывал огромное количество книг, тщательно оснащал экспедицию технически и теоретически. С 1954 по 1976 г. он был бессменным научным руководителем фольклорных экспедиций, проведенных институтом общественных наук БФ СО АН СССР в различных уголках Сибири и Дальнего Востока.

В результате экспедиций значительно пополнился фольклорный фонд рукописного отдела Бурятского филиала СО АН СССР. Фонд привлекает внимание ученых не только нашей страны.

На основе собранного материала Элиасов в соавторстве с учениками издал несколько фольклорных сборников.

Много лет Элиасов работал над пятитомным монографическим исследованием о русском фольклоре Восточной Сибири. К сожалению, полностью замысел не был осуществлен. Свет увидели только три монографии под общим названием «Русский фольклор Восточной Сибири». Первая часть посвящена собирателям и исследователям русской народной поэзии Восточной Сибири. В ней подробно освещена история собирания и изучения русского фольклора Сибири с XVIII в. до середины 50-х гг. XX в.

Вторая часть «Русского фольклора Восточной Сибири» называется «Народные предания». В ней автор исследовал идейные и художественные особенности преданий, записанных в Сибири, и проследил, как эти прозаические тексты отразили исторический процесс развития общественных условий жизни сибиряков, показал, какой путь прошел русский фольклор, впитавший в себя на

протяжении многих веков мировоззрение народа, его взгляды на явления природы и общественной жизни.

Эта работа была представлена в качестве докторской диссертации. Защита ее состоялась в 1962 г. в Институте мировой литературы им. Горького. Соискателю была присуждена ученая степень доктора филологических наук, а в 1969 г. — звание профессора.

В третьей части «Русского фольклора Восточной Сибири» — «Локальные песни» — автор раскрыл богатство песенного репертуара сибиряков в целом, рассмотрел историю его формирования и роль, которую играли песни в жизни сибиряков на разных этапах общественно-исторического развития Сибири.

На протяжении всей научной деятельности Элиасов много внимания уделял проблемам сибирской фольклористики: разыскал материалы многих сибирских фольклористов, раскрыл и обобщил их многогранную деятельность, дал оценку собранному и исследованному ими материалу.

В 1980 г. в Москве был издан «Словарь русских говоров Забайкалья». Элиасов успел написать обстоятельную вступительную статью к «Словарю», а все записи, предназначенные для публикации, были доведены до лексикографической кондиции научным сотрудником Словарного сектора Института русского языка АН СССР И. А. Поповым. Ответственный редактор «Словаря» член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин писал о составителе: «Лучше него никто этот предмет не знал и пока не знает. Если над подготовкой диалектных словарей обычно работают коллективы ученых с привлечением помощников, Л. Е. Элиасов свой словарь, включающий около десяти тысяч слов, создал один. Это научный подвиг».

Появление «Словаря русских говоров Забайкалья» — событие важное и значительное как в отечественной лексикографии, так и в русской филологической науке в целом.

В многочисленных научных работах Элиасов исследовал историю устно-поэтического творчества, показал взаимосвязь и взаимовлияние фольклора народов Сибири. Он вел большую работу по подготовке научных кадров. Многие его ученики защитили диссертации и успешно работают в области изучения русского фольклора Сибири. Много сил и энергии Элиасов отдавал редактированию фольклорных сборников, научных работ сибирских ученых, книг по литературе и фольклору Бурятии.

Коммунист с 1941 г., он вел большую общественно-политическую работу: избирался депутатом Верховного Совета Бурятской АССР, 14 лет был бессменным председателем правления Бурятской организации общества «Знание», был одним из организаторов и руководителей Бурятского отделения Географического общества СССР.

Элиасов скончался скоропостижно 7 мая 1976 г. в Петропавловске-на-Камчатке, куда он выехал с группой сотрудников в очередную фольклорную экспедицию.

И. Ярневский

СОЧИНЕНИЯ

Старый фольклор Прибайкалья. Т. 1/В соавт. с А. В. Гуревичем. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1939; Частушки наших дней/Сост. Л. Е. Элиасов. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1939; Сказки Магая [Е. И. Сороковикова] /Записи М. Азадовского, Л. Элиасова. Под общ. ред. М. К. Азадовского. Л.: Гослитиздат, 1940; Частушки наших дней/Сост. Л. Е. Элиасов. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1946; Американская интервенция в Забайкалье [1918—1920]: Устные рассказы очевидцев американ. зверств, зап. и обраб. Л. Элиасовым. Улан-Удэ, 1953; Частушки/Записал Л. Элиасов. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1955; Устные рассказы забайкальцев о двух войнах: Записи, вступ. статья и примеч. Л. Е. Элиасова. Улан-Удэ, 1956; Краткая программа со-

бирания фольклора у русского населеления Забайкалья. Улан-Удэ, 1957; Народная революционная поэзия Восточной Сибири эпохи гражданской войны. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1957; Стихи, песни, частушки времен гражданской войны в Забайкалье/Ред, вступ. статья и примеч. Л. Е. Элиасова. Чита, 1957; Русский фольклор Восточной Сибири. Ч. 1. Собиратели и исследователи рус. нар. поэзии Вост. Сибири. Улан-Удэ, 1958; То же. Ч. 2. Нар. предания. Улан-Удэ, 1960; То же. Ч. 3. Локальные песни. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973; Алтан-Хайша — золотые ножницы: Бурят. нар. сказки/Сост. Л. Е. Элиасов. М.: Детгиз, 1959; Бурятские сказки/Сост., вступ. статья и примеч. Л. Е. Элиасова. Т. 1. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959; То же. 2-е изд., доп. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973; Фольклор семейских/Сост. Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский; Под общ. ред. Л. Е. Элиасова. Улан-Удэ, 1963; Русский фольклор Тункинской долины /Сост. Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский, Л. А. Соловьева. Под общ. ред. Л. Е. Элиасова. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1966; Русский фольклор Прибайкалья/Сост. Л. Е. Элиасов, И З. Ярневский, Р. П. Арефьева; Общ. ред. и вступ. статья Л. Е. Элиасова. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968; Сказки и предания Магая/Записи Л. Е. Элиасова. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968; Ленин в творчестве народов Бурятии/Сост., вступ. статья и примеч. Л. Е. Элиасова. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969; Народная поэзия семейских. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969; Фольклор казаков Сибири/Сост. Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский; Под общ. ред. Л. Е. Элиасова. Улан-Удэ, 1969; Словарь русских городов Забайкалья. М.: Наука, 1980; Героическая поэзия гражданской войны в Сибири/Сост., вступ. статья и примеч. Л. Е. Элиасова. Новосибирск: Наука, 1982; Байкальские легенды и предания/Фольклорные записи Л. Е. Элиасова. — 2-е изд. доп. и перер. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1984.

ЛИТЕРАТУРА

Сидельников В. М. Русский фольклор в программе работ Бурят-Монгольского института культуры. — В кн.: К 35-летию института культуры. Улан-Удэ, 1958, с. 197—207; Воскобойников М. Собиратель сибирских жемчужин. — Лит. Россия, 1964, 29 мая, с. 11; Щитов А. Доктор Элиасов. — Байкал, 1964, № 3, с. 153—154; Цыдендамбаев Ц., Голубев Е. Исследователь народной мудрости. — Правда Бурятии, 1974, 19 июня; Окладников А. П. Вечный поиск. — В кн.: Сибирский фольклор. Новосибирск, 1977, вып. 4, с. 3—5; Ярневский И. З. Доброе дело ученого. — Там же, с. 6—24.

БИБЛИОГРАФИЯ

Сибирский фольклор. Новосибирск, 1977, вып. 4, с. 113—117; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 231—237.

И. И. СУВОРОВ (1914—1972)

Иван Иванович Суворов родился 12 июня 1914 г. на руднике Щербиновка Донецкой области в семье шахтера-забойщика. Ему было всего три года, когда умер отец. У матери их, детей, осталось трое — так что пришлось хлебнуть лиха, рано приобщиться к труду. В пятнадцать-шестнадцать лет он уже вволю побатрачил, пас коров у кулаков-хуторян под Тулой, зарабатывал себе право на учебу. И добился-таки своего — окончил Тульский педтехникум. Ему предложили поехать на Север учить эвенкийских ребятишек. Тогда, в 1934 г., ему было двадцать лет, он мечтал о романтических путешествиях в дальние страны и тайком от друзей сочинял стихи.

Сейчас, чтобы попасть из Красноярска в Эвенкию, достаточно сесть в самолет, и через четыре часа он доставит в Туру, центр Эвенкийского национального округа. А в те годы нужно было преодолеть на пароходе-тихоходе более полутора тысяч утомительных километров сначала вниз по Енисею, а потом вверх по бурной нижней Тунгуске. Молодой учитель часами не уходил с палубы, вглядываясь в проплывавшие мимо дикие берега северной реки.

Об Эвенкии знал он пока что очень мало, то, что прочел о ней в книгах, услышал от людей. Одно было ясно: «Эвенкия — край необыкновенный, сказочно богатый, суровый, снежный край, слабому человеку там нечего делать. Еще он знал: эвенки — охотники и оленеводы, они постоянно кочуют по тайге в поисках зверя и пастбищ для оленей.

Позднее он напишет в автобиографии:

«Попал я в этот, тогда еще дикий край совсем юношей. Замерзал, тонул в горных речках, кочевал, но школы открывал и учил грамоте не только детей, но и их родителей».

Необычные условия жизни, особенно жестокие морозы зимой, незнание местных обычаев, языка, постоянные переезды с места на место — он был учителем кочевой национальной школы — первое время повергали его в отчаяние. Он готов был бежать куда угодно. А куда и как убежишь из этого студеного края? Пересилил отчаяние, принялся изучать язык, познал его в совершенстве. После говорил, что от знания эвенкийского языка ему становилась теплее и понятнее Эвенкия, ее удивительно бесхитростные и отзывчивые на чужую беду люди. Он вдруг увидел, что он, учитель, нужен этим людям, и сознание, что он делает доброе дело, придавало силы. Его новые друзья эвенки щедро делились с ним профессиональными тайнами охотников, учили выслеживать зверя, ориентироваться в дремучей нехоженой тайге. Незаметно он прикипел сердцем к этому суровому краю.

Весной сорок второго года он ушел на войну, сражался артиллеристом, награжден был несколькими медалями. Жив остался и... вернулся в Эвенкию, на вторую свою родину. Не мог иначе.

Еще в первые годы жизни на берегах Тунгуски он завел себе тетрадь, в которую записывал эвенкийские сказки, легенды, песни, загадки. Сперва он делал это для себя: понравится сказка — запишет в тетрадь, чтоб не забыть, понравится загадка или поговорка — тоже запишет. Одну тетрадь исписал, еще одну... Много накопилось записей. Тогда решил он перевести некоторые

сказки на русский язык, обработать их и напечатать, чтоб русские дети могли прочитать их.

Так в 1957 г. в Новосибирске вышла его первая книжка «Верный друг». За первой последовала вторая — «Северные цветы», потом «Эвенкийские сказки», «Слово эвенка» и др.

В 1961 г. по рекомендации конференции литераторов Севера, проходившей в Москве, Суворов был принят в Союз писателей.

Тридцать шесть лет, больше половины жизни своей, отдал он Северу. На его глазах преображалась Эвенкия. При его непосредственном участии создавалась эвенкийская письменность. Он видел самое главное: как в равноправной и дружной семье народов Советского Союза эвенки навсегда покончили с тьмой, окрепли духовно и материально. Он не мыслил своей жизни без Эвенкии, он считал себя ее сыном.

В последние годы жизни, работая инспектором окружного отдела народного образования и после — директором краеведческого музея, он вновь объездил всю Эвенкию. И везде он старался записать что-нибудь интересное. За годы, прожитые на

Севере, им записано свыше трех тысяч сказок, легенд, пословиц, поговорок, загадок. К сожалению, он не успел перевести их на русский язык, обработать, подготовить к печати — 28 марта 1972 г. после тяжелой продолжительной болезни он скончался в Красноярске. Но и то, что он успел сделать, заслуживает самого пристального внимания. Его сказки и рассказы о Севере печатались не только в Красноярске, но и в Москве, Магадане, Якутске, Хабаровске, Киеве, Ленинграде. И везде они пользовались и пользуются успехом, потому что учат людей добру, воюют против зла и равнодушия.

И. Пантелеев

СОЧИНЕНИЯ

Верный друг. Новосибирск: Кн. изд-во, 1957; Северные цветы. Красноярск: Кн. изд-во, 1958; Двадцать три года среди эвенков. Л.: Кн. изд-во, 1959; Слово эвенка. Красноярск: Кн. изд-во, 1960; Эвенкийские сказки. Красноярск: Кн. изд-во, 1960; Народное творчество в Эвенкии: Попул. очерк. Красноярск: Кн. изд-во, 1961; Северные зори. Красноярск: Кн. изд-во, 1962; Мои друзья. Магадан: Кн. изд-во, 1963.

ЛИТЕРАТУРА

Воскобойников М. Певец сибирских зорь. — Лит. и жизнь, 1962, 24 окт.; Суворов И. Краткая биография. — Енисей, 1962, кн. 3, с. 86.

БИБЛИОГРАФИЯ

Красноярские писатели: Рек. указ. лит. Красноярск, 1969, с. 45—46; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 236—237.

Г. Ф. БОГАЧ (р. 1915)

Книги путешествуют за людьми, люди — за книгами. С одной из таких книг — «Молдавским летописцем» — связаны сибирские страницы жизни писателя, литературоведа и текстолога Георгия Феодосьевича Богача. Может быть, необходимость покинуть родную Молдавию для мест иных лежит за пределами творческой биографии литератора, но вопрос о том, куда ехать, был решен небольшой заметкой, промелькнувшей в конце шестидесятых годов в центральной прессе: хранитель редких книг и рукописей Научной библиотеки Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова А. Г. Боннер сообщала, что среди рукописей, собранных в богатом этом сибирском книгохранилище, есть «Молдавский летописец», свод сведений из старинных источников и записи очевидца Варфоломея Мазэряну, отражающий молдавскую историю от древнейших времен до 1769 г. Эту заметку и счел Богач приглашением на место жительства в Иркутск.

Родился будущий ученый и писатель 20 апреля 1915 г. в селе Василиуцы, теперь это Черновицкая область Украинской ССР, в семье сельского священника. Люди в этих местах, попеременно входящих в состав то одного, то другого государства, сызмальства знают много языков: русский, украинский, румынский, чешский. В Холтинской, а затем в Болградской гимназиях прибавились и немецкий, и французский, содействовало этому и, как пишет сам Богач, знание классических языков отцом. В 1938 г. завершает курс факультета словесности и философии в университете города Яссы и оставляется там ассистентом при кафедре словистики. В эти годы появляются его ранние публикации, первой среди которых следует считать статью о Тарасе Шевченко, написанную на румынском языке и опубликованную в 1936 г.

После освобождения Бессарабии и Северной Буковины в июне 1940 г. начинающий филолог становится гражданином СССР, преподает украинский и французский язык в школе села Долукиой, а с июля 1941 г. он — ря-

довой инженерных войск Советской Армии. От берегов Дуная в звании солдата минер, сапер Богач прошел и тяжкий путь отступления до Северного Кавказа, а потом уже не взрывал, а прокладывал мосты через реки, разминировал вражеские заслоны до самой границы и дальше на запад — до самой Чехословакии, закончив свой воинский путь в Братиславе.

Возвращение домой означало и возвращение к научной работе. Сперва он — научный сотрудник Института языка и литературы базы АН СССР, впоследствии — Академии наук Молдавской ССР, преподает в вузах, заведует отделом молдавского языка в Республиканском институте усовершенствования учителей, составляет в соавторстве с другими учеными учебники родного языка для школ. В пятидесятые годы определяется его научное пристрастие — сравнительное изучение литератур, чему способствует знание многих языков, а душевным пристрастием становится Пушкин. Первая книга Богача «Пушкин и молдавский фольклор» опубликована была в Кишиневе в 1963 г. Народные истоки кишиневских произведений Пушкина, народная баллада о «Братьях-разбойниках» и пушкинская поэма, эпизоды «Цыган» и легенды об этом периоде жизни великого русского поэта, живущие среди молдавских селян, — все это, соединенное глубокими размышлениями о взаимосвязи подлинной жизни, народного творчества и закономерностей преображения, переплава живого материала в душе художника, сделало книгу Богача приметным явлением в советском литературоведении. Знание истории Молдавии, серьезное изучение пушкинских текстов, следование за мыслью поэта и его кишиневскими занятиями, пристрастиями, интересами, сопоставление случайных сведений

из воспоминаний современников позволяют Богачу реконструировать содержание двух утерянных молдавских повестей молодого гения, поименованных в тетради И. Липранди, кишеневского знакомого Пушкина, найденной на Урале: в этой тетради — список книг и рукописей, имеющихся в библиотеке И. Липранди, среди них: А. С. Пушкин «Дука». (Повесть из молдавской истории) и «Добижа» тоже историческая повесть и тоже, как и первая — утеряна. Любопытно, что уже в Иркутске, в том самом «Молдавском летописце» Богач найдет доказательство работы Пушкина с этой старинной рукописью, знаменитые «нота бене», которыми поэт всегда помечал страницы книг или рукописей, его заинтересовавшие.

В пятидесятые годы Богач активно выступает в прессе с рецензиями на книги молдавских литераторов, что, вместе с его исследованиями литературных связей двух братских литератур и статьями о текущем литературном процессе, позволяют ему стать членом Союза писателей СССР.

Середину шестидесятых годов он посвящает творческой лаборатории А. М. Горького, таким его произведениям, как «Старуха

Изергиль», «На Чангуле», «Девушка и смерть», «Сказка о маленькой фее и молодом чабане» и другим, опять-таки разыскивая сопряжение содержания и стиля этих сочинений с фольклорными традициями. Итогом становится книга «Горький и молдавский фольклор», вышедшая в Кишиневе в 1966 г.

Соединяя в характере своем неторопливую методичность ученого и пылкое воображение писателя, Богач, переехав в Иркутск в 1969 г., начинает исследовать объемистую рукопись «Молдавского летописца», о котором в книге А. Г. Боннер, вышедшей посмертно с послесловием Богача, говорится: «Можно предполагать, что «Молдавский летописец» привезен в Иркутск архиепископом Иринеем Нестеровичем, который 14 лет служил в Молдавии». Одним из тех, кто первым высказал эту мысль и отыскал ее подтверждение, является Богач. Выше говорилось уже, что он установил пушкинские пометки на этой рукописи, был инициатором издания уникального историко-литературного произведения в серии «Литературные памятники», принимал участие в подготовке этого издания. Среди летописей, написанных и собранных Варфоломеем Мазэряну и переведенных им на русский язык, есть и такие, которые пока ни на молдавском, ни на румынском языках не найдены. Вот почему работы Богача, раскрывающие содержание рукописной книги, вызвали чрезвычайный интерес и среди ученых Молдавии и в Академии наук Социалистической Республики Румынии, где Богач выступил с докладами.

Так книга привела молдавского ученого и литератора в Сибирь, где он продолжает заниматься исследованием творчества Пушкина, декабристов, тем более что под Иркутском, в селе Олонки провел долгие годы и похоронен В. Ф. Раевский, «Спартанец», как называл его Пушкин в Кишеневе. Многие годы руководит Богач созданным при его живейшем участии народным университетом им. В. Ф. Раевского в селе Олонки, стал почетным гражданином этого села. Продолжая преподавательскую работу в Иркутском институте иностранных языков, он много сил отдает общественной деятельности, содействию делам Общества по охране памятников истории и культуры, выступает перед молодежью с рассказами о своих поисках и открытиях, устанавливает среди неопознанных персонажей на рисунках Пушкина модели, занимается литературным краеведением. В 1979 г. Восточно-Сибирское книжное издательство выпустило в свет его новую книгу «Далече северной столицы».

М. Сергеев

СОЧИНЕНИЯ

Пушкин и молдавский фольклор. — 2-е изд., доп. Кишинев: Карта Молдовеняскэ, 1967; Горький и молдавский фольклор. — 2-е изд. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1968; Пушкинские рукописи в Сибири: Метод. рекомендации лектору. Иркутск, 1974; Далече северной столицы: О творчестве Пушкина в Молдавии. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979; Иркутские материалы о Николае Милеску Спафарии. Кишинев, 1979. — Оттиск из журн. «Молд. яз. и лит.», 1979, № 1.

ЛИТЕРАТУРА

Сивка П. Г. Ф. Богач. — Молд. сов. энциклопедия. Кишинев, 1970, т. 1, с. 449; Кидел А. С. [О работе «Молдавские предания, записанные Пушкиным»]. — Октябрь, 1954, № 6, с. 80—82; О кн. «Пушкин и молдавский фольклор»: Хазин М.— Днестр, 1964, № 7, с. 143—146; Хазин М. Молдавский фольклор в творчестве Пушкина. — Вопр. лит., 1965, № 3, с. 230—232; О кн. «Горький и молдавский фольклор»: Антопольский Л. Молдавский фольклор в раннем творчестве Горького. — Вопр. лит., 1966, № 11, с. 239—241; Волков А., Панцыр Д. Исследование молдавского ученого о А. М. Горьком. — Вопр. рус. лит., Кишинев, 1968, вып. 2, с. 121—125; Чобану Л. Горький и молдавский фольклор. — Днестр, 1966, № 10, с. 146—148.

А. Т. ЧЕРКАСОВ (1915—1973)

Алексей Тимофеевич Черкасов родился 2 июня 1915 г. в деревне Потаповой Даурской волости, бывшей Енисейской губернии в семье крестьянина-ремесленника. Отца своего — Тимофея Зиновьевича — он почти не знал, потому что родитель лишь изредка появлялся дома, а в 1925 г. он обзавелся другой семьей и исчез навсегда, в воспитании детей не принимал никакого участия.

Воспитанием будущего писателя занимался дед Зиновий Андреевич, человек для деревни того времени довольно образованный — «книжник». Он выучил внука грамоте, привил ему любовь к нелегкому крестьянскому труду, он же и толкнул его на путь сочинительства.

Писатель вспоминал об этом:

«Сочинять начал очень рано. Еще в детском возрасте, лет 7—8, я сочинял стихи и записывал их в церковные книги, которые доставал Зиновий Андреевич. Фактически стихи писали вдвоем: я и дедушка. Дед потом читал эти стихи в сельской сборне, как церковные псалмы, что вызывало всеобщий смех. Так дед воевал с религией. Позднее, когда мы рыбачили на Енисее, дед говорил мне о таинствах великой реки, о природе, и более всего — о значении художественного слова. Сам он никогда не говорил без сочных эпитетов, сравнений, словообразований. Он знал множество жизненных историй каторжан, беглых людей, ссыльных, и всегда охотно рассказывал их. Сказок не терпел. В его преломлении будничная жизнь превращалась в сказку».

Мать не в состоянии была прокормить троих детей. Не без помощи деда будущий писатель, спрятавшись в дровах на пароходе, отправляется в Минусинск, где попадает в Минусинский детдом. В том же, 1926 г., его направляют в детдом Курагинской коммуны «Соха и Молот», где он учится в ШКМ. У него не было никаких документов, и в детдоме определили его год рождения — 1912-й. Так он повзрослел почти на три года, что помогло ему в 1929 г. в числе других воспитанников коммуны попасть на учебу в Красноярский агропедагогический институт. Окончить институт не пришлось. В 1931 г. по призыву ЦК ВЛКСМ с группой комсомольцев он добровольцем уезжает в деревню, в Балахтинский район, где работает уполномоченным РК комсомола по проведению коллективизации, и с этого времени вся его трудовая деятельность тесно связана с сельским хозяйством. Пятнадцать лет работы агрономом в совхозах Красноярского края и северного Казахстана дали ему богатейший материал для будущих книг.

Еще студентом агро-пединститута он посещает литгруппу при газете «Красноярский рабочий», тогда же начинает писать роман «Ледяной покров», а много позднее, в годы Великой Отечест-

венной войны, — роман «Мир, как он есть».

К сожалению, первые романы Черкасова не увидели света — рукописи их были утрачены. Печататься он начал в 1949 г. В издательстве «Советский писатель» выходит его первая книга повестей и рассказов «В стороне сибирской», и в том же году журнал «Октябрь» печатает его роман «День начинается на Востоке». Его сразу заметили критики, жестоко и во многом несправедливо обругали роман.

Уже в первых своих произведениях писатель отдал предпочтение героям крепкого, волевого характера. Это и Григорий Муравьев из романа «День начинается...», Ольга Федоровна и Никита Корнеев из повести «Синь-тайга» и многие другие. И пускай в этих первых произведениях еще многое несовершенно: не все ладно с сюжетом и композицией, неуверенно и несколько прямолинейно рисуются герои, но чувствуется — в литературу пришел уже сложившийся одаренный писатель своеобразной авторской индивидуальности, хорошо знающий Сибирь, ее людей.

Первые книги не сыграли заметной роли в творческой биографии писателя, они явились как бы перекидным мостом к главному его произведению — сказаниям о людях тайги — «Хмель».

Долго и трудно создавался «Хмель». Замысел его возник еще в 1934 г. и тогда же появились первые его наброски, и лишь спустя двадцать с лишним лет главы из сказаний были напечатаны в альманахе «Енисей», «Сибирских огнях» и сокращенный вариант в журнале «Нева» (1961). В 1963 г. в Красноярске выходит первое издание «Хмеля». Оно не имеет ничего общего с ранее опубликованным в «Неве». При жизни автора вышло пять изданий общим тиражом более трех миллионов экземпляров. В каждое новое издание писатель вносил изменения, совершенствовал текст, перерабатывал, исключал и добавлял целые главы.

«Хмель» — вершина творчества Черкасова.

В напутном слове к сказаниям автор пишет, что побудило его сесть за письменный стол: «Много, очень много было встреч с людьми сибирской тайги и особенно с крепчайшими раскольниками-старообрядцами — не с волжскими, описанными Мельниковым-Печерским, а с непримиримыми, которых при всех царях гнали этапами в Сибирь».

Именно непримиримость раскольников с царем, жажда свободы — вот что привлекло внимание писателя, да еще свежи были в памяти рассказы деда, Зиновия Андреевича, о каторжанах. И сначала в «Хмеле», потом в последующих сказаниях он с беспощадной правдивостью исследует их жизнь и жизнь их потомков на протяжении более ста лет, от восстания декабристов до Октябрьской революции, Великой Отечественной войны и почти до наших дней.

В «Хмеле» писатель остается верен себе, рисует характеры сильные, целеустремленные. Целой галереей встают перед читателем черкасовские герои. Все они удивительно разные, их не спутаешь друг с другом. Вот строжайший духовник общины Филарет в окружении своих апостолов, удивительно светлая Ефимия, тополевцы Боровиковы, Прокопий Веденеевич с сыном Филимоном, большевик Тимофей Боровиков, в детстве пощепавший древние иконы. Всех не перечесть. Одних читатель полюбит, других — возненавидит, но равнодушным не останется.

Логическим завершением «Хмеля» явились «Черный тополь» (1967), и «Конь Рыжий» (1972), написанные Черкасовым в соав-

торстве с женой, Полиной Москвитиной.

Справедливости ради следует отметить — и «Черный тополь» и особенно «Конь Рыжий» по своим художественным достоинствам уступают «Хмелю». Этим сказаниям не достает глубины изображения жизни, на первый план выпячивается сюжет. Особенно следы спешки заметны в «Коне Рыжем». Это и понятно, если учесть, что писался он в то время, когда писатель был тяжело болен, перенес два приступа инсульта. Третьего приступа он уже не выдержал. 13 апреля 1973 г. Алексей Тимофеевич Черкасов скончался.

И. Пантелеев

СОЧИНЕНИЯ

В стороне сибирской: Повесть и рассказы. М.: Сов. писатель, 1949; День начинается на Востоке. Красноярск: Кн. изд-во, 1957; Лика. Красноярск: Кн. изд-во, 1959; Человек находит себя: Роман. Пермь: Кн. изд-во, 1962; Шумейка. Абакан: Хаккнигоиздат, 1962; У подножья Славы. Пермь: Кн. изд-во, 1964; Ласточка: Лирич. повесть. М.: Сов. Россия, 1965; Хмель: Роман. М.: Худож. лит., 1967, т. 1—3; То же. М.: Худож. лит., 1972; Черный тополь: Сказание о людях тайги. Красноярск: Кн. изд-во, 1969; Конь рыжий; Сказание о людях тайги. Красноярск: Кн. изд-во, 1972; То же. Красноярск: Кн. изд-во, 1980; День начинается: Синь-тайга; Ласточка. Красноярск: Кн. изд-во, 1975.

ЛИТЕРАТУРА

Рассадин С. Б. Писатель должен... — В кн.: Рассадин С. Б. Разговор с читателем. Красноярск, 1962, с. 68—81; Гиленко А. Алексей Черкасов. — Сиб. огни, 1965, № 7, с. 154—158; Самойлова Н. Человеку в пути. — Краснояр. рабочий, 1965, 2 июня; Черкасов А. Т. — Енисей, 1965, № 3, с. 5—6; Ильина Н. Литература и «массовый тираж». — Нов. мир, 1969, № 1, с. 210—229; Шкерин М. Живопись словом. — Рус. речь, 1972, № 2, с. 42—50; Шкерин М. Сказание о людях тайги. — Лит. газ., 1973, 11 июля; с. 5; Яновский Н. Н. Черкасов А. Т. — Крат лит. энциклопедия, 1975, т. 8, стб. 459; О романе «Хмель»: Беляев Б. Еще одна встреча. — Октябрь, 1962, № 9, с. 215—216; Сугоняй В. Когда горит тайга. — Лит. и жизнь, 1962, 7 мая; Гиленко А. Алексей Черкасов и его сказание о людях тайги.— В кн.: Черкасов А. Хмель. Новосибирск, 1964, с. 5—14; Дробышев В. Пробужденная Сибирь. — Знамя, 1964, № 5, с. 234—236; Самойлова Н. Вклад красноярских писателей. — Енисей, 1964, кн. 1, с. 88—95; Анисимова И. Сказание о людях тайги. — Лит. газ., 1968, 31 июля, с. 6; Носков А. Историческое в сказании А. Черкасова. «Хмель». — Енисей, 1968, № 1, с. 88—100; Шкерин М. Далекое и близкое. — Октябрь, 1968, № 7, с. 211—215; Ильина Н. Социальная эпопея. — Нов. мир, 1969, № 1, с. 216—223.

БИБЛИОГРАФИЯ

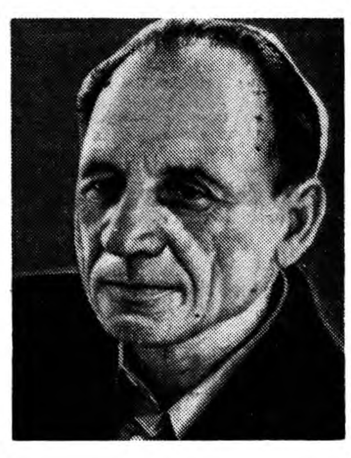
Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 282—283; То же. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 209—210; Русская литература Сибири: Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 464—465.

В. Б. ЛАВРИНАЙТИС (р. 1915)

Есть такое понятие в писательском ремесле: делать биографию. Его можно истолковать по-разному. В истинном же смысле оно истолковывается так: писателю необходимо знать как можно больше, ездить, смотреть, размышлять, обобщать. Так делали в свое время А. Чехов, М. Горький, В. Иванов. Так делают писатели, живущие в наше время. К их числу принадлежит Виктор Брониславович Лавринайтис.

Много профессий он приобрел за свою жизнь, был лесником, шофером, телеграфистом, знает горное дело. И сейчас, в зрелую творческую пору, он вникает в юридические науки опять же с одной целью: как можно правдивее писать свои книги.

Он родился 24 ноября 1915 г. на станции Чита-1, учился в горно-металлургическом техникуме. Однако работать по специальности не пришлось. Любопытство к жизни приводит на курсы электромехаников связи. Через восемь лет его позовут новые дороги: он станет лесообъездчиком в Могзонском лесничестве. Вот тут-то он нашел дело по душе.

Лес, природа стали для него символом красоты и мужества. Человек, поживший в тайге, как бы очищается духовно и физически от многих жизненных пороков. К добру, к правде стремятся такие люди.

Лес он покидает уже зрелым писателем. Переезжает в Читу на постоянное жительство.

Знание жизни сразу же повело писателя по собственной дороге. Это не значит, что у него не было периода ученичества, неизбежного для начинающего. Это только значит, что такой период прошел для него быстрее, чем для других. Уже первый сборник рассказов «Лесники» (1949) привлек внимание читателя. Колоритно выписаны фигуры двух стариков, двух патриотов, живущих в лесу. Оба они, Федор и Яков, люди пенсионного возраста. Но когда нужно было помочь лесничеству собрать семена сосновых шишек, старики охотно откликаются. Нелегкое дело добыть за три месяца десять килограмов семян. Однако старики не боятся трудностей, даже рады, что смогут быть полезными.

Лавринайтис пишет медленно, весомо. Главная его забота — овладеть основами художественного мастерства, познать тайные «пружины» сюжета, научиться логическому мышлению, правдивому изображению характеров.

Через три года появляется вторая его книга — «Падь золотая». Теперь он пишет для детей. Герои повести действуют в обстановке, хорошо знакомой писателю. Что-то в ней напоминает «Тимура и его команду». Но только напоминает. Знание жизни, тайги, умение понять детскую психологию выводят автора на собственную дорогу. Увлекательно описывается таежный поход, туго закручивается сюжетная пружина. Ребята ищут и находят Падь Золотую, к которой стремились через многие препятствия. И еще они научились быть взрослыми, не бояться трудностей, помогать друг другу в беде.

В повести много поэзии, автор вложил в нее все свои знания и умение. В какой-то мере она стала энциклопедией таежного дела для ребят и сразу же завоевала их сердца. Она переиздавалась в Москве, Благовещенске, Литве, на Украине. Автор получал множество писем с предложением продолжить повествование. Но он уже думал о дргом: о романе на рабочую тему.

В 1962 г. в Чите выходит роман «Лесная быль». Новая веха в многообразном творчестве Лавринайтиса. И здесь писатель верен своему творческому методу. Для того, чтобы написать новый роман, он поступает на работу в один из забайкальских леспормхозов на должность чокеровщика. Это весьма опасная работа, она требует и ловкости и умения. Но писателю ясно: он должен быть там, где всего труднее.

«Лесная быль»— это уже зрелое произведение автора, где четко выражена идея, зримо рисуются образы, создаются живописные картины. Лавринайтис пытается глубже заглянуть в души

своих героев, логически оправдать драматизм событий. А драма разворачивается необычайно остро социологически и психологически. Нужно незаурядное умение, чтобы привести героев к логическому концу.

Рабочая тема надолго захватывает писателя.

Следующий его роман «Рабочая серенада» еще более возвеличивает рабочего человека, показывает преобразующую силу коллектива. Герои романа живут не только сегодняшним днем, их беспокоит день завтрашний.

Активная идейная позиция видна во всех произведениях писателя. Он четко знает, за что воюют его герои, чьи и какие интересы защищают.

Особое положение занимает у автора повесть «Участковый уполномоченный», где детективный жанр вобрал в себя реалистически написанные образы и картины. Слияние двух таких начал вызывает неподдельный интерес читателей. Автор идет по проверенному пути: прежде чем писать, надо самому изучать то, о чем пишешь. Об этом ему говорил А. Твардовский, когда читал его рукописи на читинском семинаре 1949 г. При этом, говорил он, писатель должен знать материал лучше всех.

Лавринайтис запомнил этот совет и всегда оставался верен ему. Чтобы написать «Участкового уполномоченного», он изучает жизнь милиции, собирает характерные факты, обобщает, анализирует. И вот повесть написана, ее с интересом читают взрослые и дети, особенно работники милиции. На конкурсе она получает диплом Министерства внутренних дел, а автор — Почетную грамоту.

Романы, повести, рассказы... традцать лет литературной работы — немалый срок. С каждой новой вещью зреет, оттачивается мастерство писателя.

В. Никонов

СОЧИНЕНИЯ

Лесники: Повести и рассказы. Чита: Читгиз, 1950; Падь золотая: Повесть. Чита: Читгиз, 1952; Охотьничьи встречи: Рассказы. Чита: Кн. изд-во, 1957; Далекий голос. Рассказы. Чита: Кн. изд-во, 1958; То же. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966; Лесная быль: Роман. Чита: Кн. изд-во, 1962; То же. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1969; В краю таежном: Короткие повести и рассказы. М.: Сов. Россия, 1967; Рабочая серенада: Роман. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1974; Участковый инспектор: Повести. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1976; Одно судебное заседание: Повести. Иркутск, 1982.

ЛИТЕРАТУРА

Майский Ф. Поэзия труда. — Заб. рабочий, 1949, 28 окт.; Савостин Н. Путь к правде. — Заб. рабочий, 1953, 21 февр.; Кобяков Г. Виктор Лавринайтис: Очерк о писателе. — Заб. рабочий, 1964, 15 марта; Стасюнас А. «Падь золотая» в Литве.— Заб. рабочий, 1965, 30 марта; Глинкин П. Поиск в минувшем. — Сиб. огни, 1966, № 1, с. 185; Федоров Н. Лавринайтис В. Б. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 225—227; Любимова Л. М. Творчество В. Б. Лавринайтиса. — В кн.: Литература и фольклор Забайкалья. Иркутск, 1975, вып. 1, с. 85—101; Рассадин В. В творческом поиске. — Заб. рабочий, 1975, 25 нояб.; Лавринайтис В. И жизнь хороша, и жить хорошо: Воспоминания писателя. — Заб. рабочий, 1976, 15 янв.; О кн. «Лесники»: Сальников Ю. Книга о лесниках. — Сиб. огни, 1951, № 5, с. 96—100; Мелентьев В. Таежная быль. — Заб. рабочий, 1951, 29 мая; О кн. «Падь золотая»: Журавина О. Знание жизни — залог удачи писателя. — Дал. Восток, 1953, № 4, с. 206—207; Костюковский Б. В тайге. — Нов. мир, 1953, № 5, с. 255—258; Дмитриев Н. — Дал. Восток, 1960, № 3, с. 184—185; О кн. «Охотничьи встречи»: Кобяков Г. Открытие тайги. — Заб. рабочий, 1957, 24 марта; О романе «Лесная быль»: Липатов В. Верность жизни. — Заб. рабочий, 1962, 5 авг.; Иванов А. В краю «зеленого золота». — Наш современник, 1963, № 2, с. 203—204; Татуйко А. Непосредственно из жизни. — Сиб. огни, 1963, № 2, с. 185—187; Полонных К. Быль о забайкальских лесорубах. — Байкал, 1967, № 1, с. 150—153; О романе «Рабочая серенада»: Галкин Ю. Рождение рабочего человека. — Мол. гвардия, 1975, № 5, с. 310—314; Рассадин В. — Сиб. огни, 1975, № 11, с. 179—180; Фесенко А. Будни заводские. — Лит. обозр., 1975, № 12, с. 53—54; Татуйко А. Литературное Забайкалье. — Дал. Восток, 1976, № 1, с. 144—154; О повести «Участковый инспектор»: Рас-

садин В. Просто надо работать. — Заб. рабочий, 1976, 6 февр.

БИБЛИОГРАФИЯ

В. Б. Лавринайтис: К 55-летию со дня рождения. Памятка. Чита, 1970; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 144; То же. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 98—99; 60-лет со дня рождения писателя В. Б. Лавринайтиса. — В кн.: Библиографический указатель к знаменательным и памятным датам по Читинской области. 1975 год. Чита, 1975.

Н. П. ПЕЧЕРСКИЙ (1915—1973)

Николай Павлович Печерский родился в 1915 г. в Харькове. Детство его прошло на Украине. Закончив Запорожский пединститут в 1939 г., он сотрудничает в областных и республиканских газетах и наконец в 1951 г. становится корреспондентом газеты «Правда». Звание правдиста требовало подвижности, оперативности, умения чутко улавливать новое в жизни, эти качества со временем станут характерными и для Печерского-писателя. Ему пришлось покинуть Украину и снова вернуться в родные места, поработав уже и в Таджикистане, и в Дагестане. И все, что накопил он в столь разнородных краях земли нашей, стало первыми его рассказами и первыми книгами: журналистская судьба давала ему богатый материал для творчества.

Первая публикация относится еще к студенческой поре: в 1937 г. в молодежных газетах Украины появились первые литературные опыты Печерского — рассказы, очерки, заметки. Однако становление его как писателя относится к более позднему времени: в 1950 г. вышла в Киеве его повесть «У самых гор» о жизни таджикского колхоза, а в 1953 г. в Одесском областном издательстве печатается сборник рассказов «Родные места» — о нелегкой послевоенной жизни. География этой книги колоссальна: от крайней восточной точки (несколько рассказов — по-существу — путевые заметки о людях «Страны утренней свежести» — только что освобожденной Кореи) до родной Украины, до приднепровских просторов с живыми следами только что «отлетевших боев».

В 1952 г. «Правда» направляет своего собственного корреспондента в Иркутск. До конца пятидесятых годов его журналистская и писательская судьба связана с кардинальным преобразованием Сибири, здесь, собственно, и раскрылось подлинное дарование Печерского. В Иркутске в 1952 г становится он членом Союза писателей, здесь, на сибирском материале, созданы были лучшие произведения, принесшие писателю широкую союзную известность, отсюда многие книги прошествовали в центральные издательства, а затем — пересекли границы.

Здесь, в Сибири, родился новый писатель — широко известный детский писатель Печерский, лучшая книга которого «Генка Пыжов — первый житель Братска» вошла в золотой фонд художественной литературы страны. Впервые она вышла в Иркутске под названием «Моя золотая радуга» в 1957 г., этот год и следует считать переломным в творчестве Н. Печерского: отныне его сердце и его перо отданы юному читателю.

Сибирь 50—60 гг.— край грандиозных гидростроев, край героев и энтузиастов, осваивающих богатейшие природные ресурсы гор, рек и тайги, на долгие годы входит в книги писателя как действующее лицо, как живой, сложный организм. Не случайно, уже покинув Сибирь все по тому же журналистскому долгу (1959), еще многие годы писатель создает свои книги на сибирском материале («Кеша и хитрый бог», 1962; «Масштабные ребята», 1964). Весь «сибирский»

цикл представляет собою не только территориальное, но и художественное единство. Главной чертой этих произведений является связь их содержания с живыми событиями кипучего времени, умение отразить жизнь сегодняшнюю, оперативное освоение материала.

Герои повестей, в силу разных обстоятельств, оказываются на самых передовых линиях жизни. Генка Пыжов вместе со своим отцом, плотником наивысшей квалификации (восьмой разряд!) едет на строительство крупнейшей в мире Братской ГЭС. Герой следующей повести «У тебя все впереди, Валерка» (1959) вместе с родителями-геологами оказывается в далекой якутской тайге, в геолого-изыскательской экспедиции, там, где предстоит со временем вырасти новому городу алмазников. На строительстве трассы «Абакан — Тайшет» происходят события повести «Красный вагон» (1960); у самого полюса холода — Оймякон, на далекой реке Вилюй, помогая взрослым строить рабочий поселок, завоевывают ребята из отчаянного седьмого «А» право называться «масштабными людьми» («Масштабные ребята»). На берегу Байкала, в рыболовецком колхозе происходят загадочные и таинственные события, участниками которых становятся Тоня, дочь погибшего председателя колхоза, и ее верный друг Кеша Карасев («Кеша и хитрый бог»). Такое «размещение» действующих лиц позволяет Печерскому развернуть рассказ о жизни, приключениях, взаимоотношениях маленьких героев со своими сверстниками и со взрослыми людьми на широком социально-историческом фоне, приобщить тем самым юного читателя к «горячим точкам», где решается судьба Сибири.

Главной сферой жизнедеятельствования героев Печерского выступает труд; с его высокой романтикой и пафосом связан необычайно сильный педагогический эффект книг писателя. Способность к труду, умение, сноровка, степень ответственности за порученное дело оказываются тем пробным камнем, с помощью которого выверяются человеческие души. Участие в общенародном труде в суровых условиях Сибири оказывается для героев лучшей школой жизни. В трудностях, требующих волевых напряжений, они познают вкус трудового хлеба и постигают достоинство рабочего человека.

К особенностям творческой манеры писателя относятся остросюжетность, насыщенная событийность, пристрастие писателя к неожиданным ситуациям (встречи с диверсантами, грабителями) и тайнам (церковь на дне Байкала, легенда о пиропе, нахождение таинственной сумки с дневником). В преодолении препятствий, в неожиданных поворотах судьбы испытывает писатель меру честности, стойкости, товарищество своих героев.

Свойственно для Печерского — исследователя души ребенка — обращение к характерам несложившимся, к тем, кто совершает ошибки, просчеты, кто непросто, но упорно постигает «что к че-

му». Писатель умеет высветить изнутри эту, казалось бы, будничную натуру и обнаружить рождение резервных духовных сил в человеке. В решающую минуту «размазня», «кошкин хвост» Валерка («У тебя все впереди, Валерка») преодолевает трусость, находит в себе силы и мужество, чтобы выследить шпиона. А Ванята Пузырев («Будь моим сыном») после нескольких срывов, поняв силу и поэзию коллективного труда и благодаря этому обретя подлинных товарищей, сумеет верно определить направление будущей своей жизни: «Вперед — не за себя, а за общее счастье! Крепко, как штык,— против всего, что опошляет жизнь и вредит людям, их счастью, их надеждам! Навсегда — с теми, кто не сгибается под ударами жизни!»

Повесть «Будь моим сыном» (1972) в творчестве Печерского стала замыкающей в цикле произведений, связанных с Сибирью. Мать и сын Пузыревы вынуждены покинуть Сибирь, родное село, из-за негладко сложившейся личной судьбы. Однако на протяжении всей повести внутренняя связь героев с родным селом не прерывается, и как живые встают перед Ванятой дорогие сердцу картины: заросшая тусклой ряской речка Углянка, где они с неразлучным другом Гришкой Самохиным ловили «до самых звезд» рыбу, дорога на материну ферму, тополя, которые они сажали всей школой... К тому же в селе Козюркино, куда Ванята с матерью переехали, навещает их дед Антоний, да не просто навещает, а приезжает делегатом от села, с поручением: «Председатель так и сказал — ты, говорит, мотай к Пузыревым, зови обратно». Неизвестно, как решится вопрос: где жить Пузыревым, да и не в этом дело: куда бы ни переехала мать Ваняты, как бы сложно ни пришлось ей в жизни, визитной карточкой ее души всегда будет ее работа, ее репутация отличной доярки. Да и Ванята находит свое место в жизни колхоза, а новые друзья помогают ему пережить удар: отец-то его вовсе не герой, погибший на строительстве завода в тайге, как всегда считал Ванята, а человек, потерявший себя и предавший семью.

Можно сказать, что повесть «Будь моим сыном» — не только завершение серии книг, связанных с Сибирью, но и своеобразный эпилог темы, проходящей сквозь все повести Печерского для детей, темы влияния труда на формирование человека. Во всех этих книгах варьируется один и тот же человеческий характер, в котором нет еще согласования между «хочу» и «могу», «надо», и «умею».

И в повестях и в рассказах Печерского обнаруживается редкий талант писателя-юмориста, которому хорошо известно искусство создания и забавных положений, ситуаций, и более трудное — искусство веселого остроумного слова. Вообще Печерский продолжает в этом плане традиции А. Гайдара: говорит с ребятами весело о серьезных вещах — об уважении к человеку труда, об ответственности за все на свете, о любви к родине.

Ранняя смерть (сентябрь 1973 г.) оборвала жизнь этого незаурядного писателя, полного благородных и зрелых замыслов, которые он не успел осуществить. Но его лучшие книги вошли в золотой фонд советской детской литературы, ибо они написаны талантливой рукой и продиктованы заботой о подрастающих уже сегодня людях будущего, ибо созданы они человеком умным, добрым другом ребят, щедро передающим им свой жизненный опыт, свои знания, свою любовь к людям.

О. Гантваргер

СОЧИНЕНИЯ

У самых гор: Повесть. Киев: Рад.

письменник, 1950; Родные места: Рассказы. Одесса: Обл. изд-во, 1953; Моя золотая радуга: Повесть. Иркутск: Кн. изд-во, 1957; Генка Пыжов — первый житель Братска: Повесть. М.: Детгиз, 1958; У тебя все впереди, Валерка! Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1959; Красный вагон: Повесть. Иркутск: Кн. изд-во, 1960; Мешок с деньгами: Рассказы. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1961; Кеша и хитрый бог. М.: Детгиз, 1962; Ленивые хитрецы. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1963; Масштабные ребята: Повесть. М.: Дет. лит., 1964; Сережка Покусаев, его жизнь и страдания: Повесть и рассказы. М.: Дет. лит., 1970; Главное поручение. Воронеж: Кн. изд-во, 1971; Будь моим сыном: Повесть. Воронеж: Кн. изд-во, 1972; Важный разговор: Повести и рассказы. Воронеж: Центр. — Черноземн. кн. изд-во, 1975; Кеша и хитрый бог. М.: Дет. лит., 1977.

ЛИТЕРАТУРА

Курин Л. Генка Пыжов познает вкус трудового хлеба. — Сов. Россия, 1958, 25 сент.; Никульков А. Воспитывать строителей и борцов: [О повести «Генка Пыжов — первый житель Братска»]. — Лит. газ., 1958, 9 июня; Лисин Л. Книги, зовущие к подвигам. — Ангара, 1959, № 4, с. 121; Владимиров К. О книгах для детей.— Ангара, 1961, № 1, с. 127—130; Гантваргер О. Ванята Пузырев, брат Генки Пыжова: [О повести «Жаркое лето»]. — Сибирь, 1972, № 6, с. 121—122; Гантваргер О. Время и творчество. — Дет. лит., 1975, № 11, с. 25—27; Шамаева С. Такие они, мальчишки: О повести «Генка Пыжов — первый житель Братска». — Сиб. огни, 1980, № 2, с. 182—187.

БИБЛИОГРАФИЯ

Похвистнев Г. Н. П. Печерский. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 228—231; Русская литература Сибири: Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 325—326.

Н. В. САХАРОВ (1915—1945)

Никита Васильевич Сахаров, один из зачинателей эвенкийской литературы, поэт и прозаик, родился 7 декабря 1915 г. в стойбище Гуля — ныне село Тунгиро-Олекминского района Читинской области. Будущий писатель рано лишился родителей, сначала отца, затем матери. Сгинуть мальчику-сироте не дали сородичи рода Чикигир, кочевавшие в таежных низовьях северной реки Тунгир. Родительское тепло заменила ему бабушка, известная в роде сказительница.

Годы спустя в автобиографическом рассказе «Сиротинка» он напишет: «На дворе стужа, ночью от мороза трещали деревья. Но в чуме тепло. Мне казалось, что нет в жизни ничего дороже нашего жилья. Всю ночь тлел очаг посреди чума. Я лежал на мягких оленьих шкурах, а когда наступали сильные морозы, то бабушка засовывала меня в меховой мешок. Раньше бабушка рассказывала мне много сказок про зверей. Больше всего в них говорилось о коварстве хитрой лисы. Звери в тайге жили, как и люди. Но вот теперь, после того, как я сходил впервые сам на промысел, бабушка стала рассказывать совсем другие сказки. В них бились стрелами и мечами богатыри». Заканчивался этот рассказ примечательными словами: «Через несколько лет пришла мне навстречу совсем другая судьба. Моя новая жизнь во многом напомнила бабушкины сказки. Я сидел в большом «чудесном чуме». Только «чум» этот назывался Ленинградский институт народов Севера. И когда однажды в «чудесном чуме» выступал Алексей Максимович Горький, рассказывая нам, студентам, про знаменитую сказительницу Ирину Федосову, я вспомнил бабушку и ее сказки...»

Первые литературные пробы Сахарова относятся к середине 30-х гг., ко времени его учебы в Ленинградском институте народов Севера, где действовал кабинет начинающего автора, первым заведующим которого был М. Г. Воскобойников. Большую помощь начинающим авторам оказывали известные литераторы В. Г. Богораз-Тан, С. Я. Маршак, Г. С. Гор.

Забайкальский север, его обитатели эвенки-оленеводы и охотники, их быт, нравы, уклад жизни

стали главным содержанием литературного творчества Сахарова. Будучи студентом, перевел он на родной язык «Старуху Изергиль» Горького, работал над первыми своими повестями и рассказами, писал стихи.

Были ночи беспросветны,
Были дни темны,
Но пришли сыны России,
Вместе с нами победили.
Стужу и пургу,
Вместе с нами возродили
Тундру и тайгу.

Путь в институт народов Севера для комсомольца Сахарова начался с участия в 1929—1930 гг. в коллективизации таежных сел, где он и нашел героев для своей будущей повести «Хулама суглан» («Красный суглан»). Суглан по-эвенкийски — съезд. Он учился в школе села Тупик, потом в Чите, а в 1934 г., после окончания подготовительных курсов, поступает в институт народов Севера . Молодой эвенк жадно учится, запоем читает русскую классику, упивается произведениями Горького, творческим заветам которого он будет следовать всю свою короткую жизнь. Много значила для начинающего писателя и та пламенно-жгучая творческая атмосфера, которая царила в институтских аудиториях и общежитиях.

Преподаватель института профессор М. Г. Воскобойников, много сделавший для становления таланта студента Сахарова, его первый наставник, литературный руководитель и переводчик, писал о том времени: «Однажды на вечере отдыха в зале института сидели представители 26 народностей Севера, и все аплодировали молодым поэтам: нанайцу Акиму Самару, ненцу Николаю Вылке, эвенку Николаю Тарабукину. Слегка покачиваясь, стоял Никита Сахаров на сцене, и, как обычно делали мудрые сказители, пел о далеком Калакане, где прошла жизнь его прадеда, деда, отца, и о том, как после Октября в тайгу пришли новые люди, которые помогли эвенкам построить деревянные дома, прогнать страшные болезни, открыть школы, красные чумы и санатории».

...И помнят таежные реки —
Муя, Калакан и Витим,—
Как слезы несчастных эвенков
Несли они к устьям своим.
Туземец — он света не видел,
Не слышал приветливых слов,
До смертного часа трудился
В угрюмых горах зверолов.
А нынче у нас в Калакане
И кинотеатр на горе,
И школа. В футбол ребятишки
Играют на школьном дворе.
...И видеть охотникам любо
Пылающий ярким огнем
Флаг алый над зданием клуба,
Такой, как в Москве над
Кремлем.

Стихи Сахарова песенны, звонки, оптимистичны, наполнены светом и жизнью.

Он был интернационалистом, певцом дружбы русского и других народов и народностей, населяющих нашу великую страну, и он воспевал эту несокрушимую временем дружбу в своих стихах, песнях, в одноактных пьесах, в прозе.

Чита, забайкальский наш город
богатый!
Когда-то мой предок — простой
человек —
Здесь первого русского
встретил, как брата,
И с ним побратался на счастье,
навек!

Перу Сахарова принадлежат несколько повестей и рассказов. В критике отмечалось, что «наиболее значительные произведения эвенкийской прозы принадлежат Н. Сахарову», и что «ранняя эвенкийская проза представлена повестями Н. Сахарова». Большую радость испытал он, прочитав, отрывки из своей повести «Детство Никиты», напечатанной в альманахе «Учэлэ тыкин» («Раньше и теперь»), а в 1938 г. увидела свет его повесть «Красный суглан», изданная в Гослитиздате на эвенкийском и русском языках отдельной книжкой.

В этих произведениях и в изданной посмертно повести «Мечта Маргеши сбывается» Сахаров создает образы положительных героев, лучших людей северного края, перестраивающих старую жизнь на новый социалистический лад.

В 1939 г. после окончания института он возвращается на Читинский север. Работает инструктором, затем секретарем окружкома комсомола в созданном Витимо-Олекминском эвенкийском национальном округе, а после переезжает в Калерский район, в Чару, на комсомольскую и партийную работу. Несмотря на занятость, он продолжает создавать стихотворения, песни, пишет пьесы для художественной самодеятельности таежных клубов.

В декабре 1941 г. Сахарова призвали в армию. Воевал он на Ленинградском фронте в 3-м батальоне, 244-го стрелкового полка 82-й гвардейской дивизии, писал домой о ненависти к фашистам, о своих снайперских делах. За ратные подвиги был награжден орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды. Коммунист, гвардии старший лейтенант Никита Васильевич Сахаров погиб в бою за Берлин в апреле 1945 г. Похоронен на юго-западной окраине города Мюнхенберг Бранденбургской провинции.

Он погиб за то, во что свято верил и что отстаивал своим светлым и горячим творчеством.

Минули беды, горе забыто,
К светлому счастью дорога открыта
Ветер, лети, над тайгою звеня:
Здравствуй заря восходящего дня!

Н. Дворниченко

СОЧИНЕНИЯ

Красный суглан: Рассказ. М.: Л.: Гослитиздат, 1938; Вести: Стихи. — Сиб. огни, 1937, № 3, с. 35; Ленин с эвенками; Наш Сталин; Ниху; Женщина; М. Горький; Испания; Институт народов Севера; Наш Тунгир; С Украины до Якутска; Новый Калакан: Стихи. — В кн.: Радость тайги. Л., 1938, с. 65—74; Дочь Мангнана; Новый Калакан: Стихи. — Сиб. огни, 1947, № 1, с. 118—119; Женщина; Ленин с эвенками: Стихи. — Сиб. огни, 1951, № 3, с. 107—108; Максим Горький: Стихи. — На рубеже, 1951, № 6, с. 13; Долго помнить буду; Возвращение Ниху; Новый Калакан; Как Кена ездил в Москву: Стихи; Красный суглан: Рассказ. — В кн.: Творчество народов Севера. Л., 1956, с. 121—142; Сиротинка: Рассказ. — В кн.: На севере дальнем. Л., 1958, кн. 2, с. 183—190; Всюду с эвенками Ленин. Долго я помнить буду; Новый Калакан; Возвращение Ниху; Чита; В тайге весной; Урожай; Первая охота; Весна: Стихи.— В кн.: Родная тайга. М., 1959, с. 19—38; Мечта Маргеши сбывается; Сиротинка: Рассказы. — В кн.: От Москвы до до тайги одна ночевка. М., 1961, с. 331—345; Ленин с эвенками; Возвращение Ниху: Стихи. — В кн.: Север поет. Л., 1961, с. 117—120; Весна. — В кн.: песня, ставшая книгой. 3-е изд., доп., М., 1982, с. 561.

ЛИТЕРАТУРА

Воскобойников М. Советский Север. — В кн.: Мы — люди Севера. Л., 1949, с. 247—270; Василевич Г. Эвенки — поэты и переводчики. — Сов. этнография, 1950, № 1, с. 124—136; Сергеев М. А. О поэзии народов Севера. — Сиб. огни, 1951, № 3, с. 111—112; Воскобойников М. Всюду с эвенками Ленин. — Звезда, 1956, № 4, с. 104—107; Сергеев М. Литература народов Севера.— В кн.: Литература народов Сибири. Новосибирск, 1956, с. 131—168; Эвенкийский поэт Никита Сахаров. — На севере дальнем, 1957, № 7, с. 162; Фадеев Л. П. На родине Н. Сахарова. — Заб. рабочий, 1958, 3 янв.; Романенко Д. Ты, Пушкин, погляди! — Дал. Восток, 1962, № 2, с. 171—175; Кузнецов А. Большая литература малых народов.— Сиб. огни, 1962, № 10, с. 184—186; Чуднова Л. Песни счастья. — Дал. Восток, 1962, № 5, с. 175—177.

БИБЛИОГРАФИЯ

Писатели Восточной Сибири. Иркутск, 1973, с. 218—219; Никита Васильевич Сахаров: Памятка/Сост. В. Баев Чита, 1983.

Б. И. ЛЕВАНТОВСКАЯ (р. 1915)

В 1956 г. Иркутский драматический театр показал первую пьесу Б. Левантовской «Дмитрий Стоянов». Дебюту сопутствовал успех, а вслед за этим пьеса была поставлена в других городах. Следующая пьеса Левантовской «От щедрости сердца» вступила на ту же, что и первая, счастливую стезю в 1958 г. А в 1963 и 1967 гг. иркутский театр осуществляет постановки двух ее следующих произведений: «Терзания певчих птиц» и «Валерий Нечаев».

Белла Ильинична Левантовская родилась 28 декабря 1915 г. в г. Соснице Черниговской области. Школьные годы прошли в Кунцево, под Москвой, там же было получено первое образование — техническое. В 1930—1932 гг. будущая писательница работала в химических лабораториях, сначала в Туле, потом в Черноречье Горьковской области, где была мастером цеха аммиачной селитры. В 1932 г. Левантовская вернулась в Подмосковье на Бобриковский химкомбинат. Здесь через некоторое время она стала работать в газете. Именно здесь она делает свои первые шаги в литературу. Заводским литературным объединением руководил тогда поэт Николай Дементьев, литературные взгляды и стихи которого, по признанию Левантовской, серьезно повлияли на ее дальнейшее творчество. Начинала она со стихов, в которых с самого начала проявила незаурядное лирическое дарование. В московских поэтических альманахах, в журнале «Рост», где в 1934 г. она работала литературным консультантом, ее стихи появлялись под псевдонимом Б. Бородина.

Далее в жизни Левантовской происходят перемены, неизбежные в беспокойные 30-е и грозные 40-е гг. Два курса литинститута, работа в школе, в библиотеке, а в 1941 г. эвакуация. В Сибири Левантовская всю войну работала бессменным ответственным секретарем заводской многотиражки. Стихи, очерки, фельетоны этих лет готовили автора к главному в ее творчестве. Уже тогда Левантовская обдумывает и начинает свою первую пьесу, премьера которой состоялась в 1956 г. во МХАТе по праву первой постановки.

«Дмитрий Стоянов» вызвал живую реакцию зрителя, в особенности молодого. Успех пьесы, рецензии, обсуждения, студенческие диспуты — все это на памяти у иркутских любителей театра. В «Дмитрии Стоянове» полностью почти уже проявились общий характер и особенности творчества Левантовской — драматурга. Постижение духовного мира современника, жизненные и социально значимые проблемы его внутреннего роста и совершенствования она сделала главной целью своей работы для театра. Вот что писал нар. арт. РСФСР С. Межинский о главном герое пьесы Дмитрии Стоянове: «Иркутский театр увлекла возможность показать на сцене большого и сильного человека, увлеченного работой, темпераментного, горячего, ищущего применения своей неукротимой энергии, мечтающего о больших делах» (Иркутский театр в Москве.— Правда, 1957, 8 сент.).

Судьба Стоянова и Лизы Строгановой, чувствительная, но одновременно и строгая история их любви — плодотворная попытка языком поэзии, посредством изображения глубоко личных человеческих взаимоотношений

осмыслить драматические коллизии жизни поколения, прошедшего войну и довоенные пятилетки.

В первой же пьесе проявились и основные художественные принципы Левантовской, ее манера высказывания, ее стиль. Почти все ее пьесы обращают на себя внимание решительностью конфликтов, развернутыми психологическими объяснениями всякого действия, а также ее пристрастием к афористичности, в диалогах — открытой полемике, в монологах — к запальчивости и патетике, патетике, порой, возможно, и излишней. Справедливости ради надо заметить, что драматург не всегда достаточно тонко управляет чрезмерными авторскими чувствами, желанием высказаться до конца и порой обо всем, что входит в соприкосновение с главным действием пьесы. Подобное явление, конечно, не может не отзываться на стройности и не входить в некоторое противоречие с цельностью драматического произведения. Но в лучших ее работах этого недостатка стиля не наблюдается.

Пьеса «От щедрости сердца» шла на иркутской сцене шесть лет. И снова драматург порадовал зрителя смелым вторжением в жизнь, значительностью, актуальностью затронутых в пьесе вопросов, острой и увлекательной формой. «Пьеса Б. Левантовской написана хорошим языком, со знанием законов сцены. Театр создал спектакль больших гражданских идей. Можно ли убить веру советского человека в справедливость, гуманность, сломить его мужество? Так поставлен вопрос в пьесе. И театр отвечает — нет!» («Тихоокеанская правда» о гастролях иркутского театра летом 1962 г.).

Творческая дружба с иркутским театром способствовала появлению двух новых работ Левантовской. «Терзания певчих

птиц» (Ангара, 1964, № 2) озорная, поучительная комедия нравов, посвященная и адресованная молодежи сибирских строек. «Валерий Нечаев» (1967) снова привлек интерс зрителя пристальным вниманием автора к внутреннему миру современника, яркой, напряженной драматургической формой. Герою этой пьесы не дешево достается та духовная зрелость, та нравственная состоятельность, которую он обретает лишь в финале. Пьеса и спектакль иркутского театра убеждают зрителя в пагубности компромисса, горячо отстаивают в человеческих отношениях душевную прямоту и искреннее чувство. Вместе с тем «Валерий Нечаев» еще раз подтвердил серьезные гражданские свойства драматургии Левантовской.

Левантовская — писатель сложившийся и зрелый, что вовсе не исключает неожиданности, какою ее творчество может занять внимание ее почитателей.

А. Вампилов

СОЧИНЕНИЯ

Судьба товарища: Пьеса/В соавт. с Б. Костюковским. — Забайкалье, 1950, кн. 4, с. 7—57; Доказательства любви:

Одноактн. комедия. — Ангара, 1966, № 4, с. 65—74; От щедрости сердца; Терзания певчих птиц: Пьесы. Иркутск: — Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1972, — (Пьесы иркут. драматургов.).

ЛИТЕРАТУРА

Путинцев Н. Советская драматургия для детей. — Мол. большевик, 1952, № 6, с. 68—74; Рясенцев Б. Зритель ждет! — Сиб. огни, 1952, № 3, с. 150—164; Грачевский Ю. Честный разговор о жизни: [О драме «Дмитрий Стоянов»]. — Театр, 1957, № 4, с. 138—140; Деянкова Р., Синайская В. Разве это комсомольский работник: [О пьесе «Под чужим именем»]. — Мол. коммунист, 1958, № 4, с. 123—128; Сергеев М. Быть на земле человеком. [О пьесе «От щедрости сердца»]. — Вост.-Сиб. правда, 1960, 22 нояб.; Волин О. Премьера пьесы земляка: [Пьеса «Терзания певчих птиц» на сцене иркут. драмтеатра]. — Вост.-Сиб. правда, 1963, 28 авг.; Курбатова Р. Встреча со старым другом. — Вост.-Сиб. правда, 1966, 19 мая; Орловская Т. Время, герой, театр: [Пьеса «Валерий Нечаев» на сцене иркут. драмтеатра]. — Вост.-Сиб. правда, 1967, 8 мая; Глузберг З. — Лит. обозрение, 1973, № 6, с. 47—48.

БИБЛИОГРАФИЯ

Вампилов А. Б. И. Левантовская. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 231—233; Русская литература Сибири: Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 215; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 101—102.

К. Н. ШНЕЙ-КРАСИКОВ (р. 1916)

Родился Константин Николаевич 23 апреля 1916 г. в селе Алексеевка Саянского района Красноярского края в крестьянской семье. Октябрьская революция круто изменила жизнь сибирского села. На фоне сложных и драматических событий послеоктябрьских лет складывался характер крестьянского паренька, активного борца за все новое, что принесла революция в глухую сибирскую деревню. В числе первых Шней-Красиков становится комсомольцем. В пятнадцатилетнем возрасте же его назначают заместителем председателя только что созданного колхоза в родной деревне, вскоре — секретарем Саянского райкома комсомола. Многое выпало на его долю — и организационные дела, в то время вовсе не простые и небезопасные, и работа во главе буксирного комсомольского отряда на обмолоте зерна и на хлебозаготовках, и открытая борьба с врагами советской власти. В семнадцать лет он возглавляет комсомол Саянского зерносовхоза, одного из крупнейших в Сибири в эти годы. Тогда же впервые пробует свои силы в журналистике, работая литсотрудником краевой комсомольской газеты. В 1938 г. Шней-Красиков был направлен на учебу в Иркутск, в Комвуз. По направлению Иркутского горкома партии после окончания Комвуза преподает основы марксизма-ленинизма в пединституте. Наряду с преподавательской деятельностью вел научную работу в области философии. К этому периоду относятся его многочисленные выступления в газетах с философскими и критическими статьями.

В июле 1941 г. доброволец Шней-Красиков был назначен комиссаром стрелкового батальона. Прошел всю войну, воевал в Белоруссии, Польше, Венгрии, в Северо-Восточных провинциях Китая. Награжден многими боевыми орденами и медалями. После войны Шней-Красиков остался в армии. До 1949 г. служил на Дальневосточной границе. Создал серию очерков «Дыхание границы», опубликованных позднее в армейской газете. Выступал с публицистическими и критическими статьями в журнале «Дальний Восток».

В этот период написана пьеса «Не забудем». Ее тема — разгром милитаристской Японии.

Роман «Шумели Саяны», изданный в 1959 г., отражает события тридцатых годов, это сложное время преобразований в

сибирской деревне. За судьбой комсомольского вожака и молодого чекиста Кости Белогорца отчетливо угадывается биография автора. Потому, наверное, так горячо и заинтересованно автором выписаны главные герои романа, что писатель на всю жизнь сохранил память о своих товарищах по борьбе, ведь иначе, как борьбой, не назовешь это трудное время.

За время военной службы в Минске Шней-Красиков активно выступал с публицистикой и критикой в журналах «Неман», «Беларусь», «Полымя».

В 1969 г. писатель переехал в Красноярск и сразу включился в жизнь краевой писательской организации. Много ездил по краю, особенно в сельские районы. Собирал материалы для публицистической книги «Романтики поля», много выступал перед тружениками сельского хозяйства.

Первое серьезное публицистическое выступление писателя относится к 1966 г. В журнале «Октябрь» была опубликована его статья об угрозе, нависшей над крупнейшим месторождением мрамора. Сейчас статьи на тему охраны природы не редкость, но тогда это выступление было неожиданным и требовало от автора гражданской смелости и умения смотреть вперед. Не случайно статья получила широкий общественный резонанс, судьба Кибик-Кордонского месторождения взволновала и читателей, и тех, от кого зависело, будет или не будет прекраснейший саянский мрамор служить красоте наших дворцов.

Несколько публицистических материалов о Шушенском было напечатано в «Октябре», в «Правде», в журнале «Земля сибирская дальневосточная». Продолжает писатель развивать экологическую тему, беспокоят его проблемы не только сохранности богатств сибирской тайги,

но и их рационального использования. Процессам, происходящим в современной деревне в связи с укрупнением хозяйств и населенных пунктов и миграцией сельского населения, влекующим за собой изменения в характере нынешнего сельчанина, посвящено выступление писателя на страницах «Литературной газеты», послужившие началом дискуссии о жизни современного села.

В настоящее время писатель продолжает выступать с литературно-критическими статьями о произведениях красноярских авторов. Глубокая заинтересованность в судьбе молодых литераторов, стремление обратить внимание на лучшее из созданного поэтами или писателями, поддержать, а когда необходимо — и поправить молодых, — все это характеризует выступления Шней-Красикова в критике, которые можно объединить в один цикл под названием «Наш современник — каков он?» Этому же в основном посвящены его лекции и выступления перед читателями, его многолетняя деятельность в Совете по работе с молодыми Красноярской писательской организации. В те-

чение ряда лет Константин Николаевич возглавляет литобъединения на предприятиях города, оказывает активную непосредственную помощь молодым авторам, которые часто обращаются к нему со своими рукописями.

Шней-Красиков постоянный член редакционной коллегии альманаха «Енисей» и председатель научно-методического совета по вопросам литературы и искусства краевого правления общества «Знание».

Т. Павская

СОЧИНЕНИЯ

Шумели Саяны: Роман. Минск: Госиздат БССР, 1960; На переломе: Роман. Красноярск: Кн. изд-во, 1981; Полюшко-поле: Очерки. Красноярск: Кн. изд-во, 1983.

ЛИТЕРАТУРА

Кузнецова Н. Саяны шумят: [О романе «Шумели Саяны»]. — Ангара, 1961, № 2, с. 134—138; Сибирцев И Верность долгу: (К 60-летию К. Н. Шней-Красикова). — Енисей, 1976, № 4. с. 69—72.

В. Н. КОЗЛОВСКИЙ (1917—1984)

Владимир Николаевич Козловский родился в семье рабочего 8 ноября 1917 г. в городе Козлове (ныне Мичуринск). В 1937 г. окончил Мичуринский сельскохозяйственный техникум. Работал агрономом в Карелии, а затем в селе Добрине Воронежской области. В 1940 г. был призван в армию, в летную школу. В годы Отечественной войны, будучи летчиком-штурманом бомбардировочной авиации, Козловский получил тяжелое ранение. Вернувшись вновь в армию, служил в авиадивизии, обслуживавшей партизанские соединения Белоруссии, Украины, Крыма.

После окончания войны, с мая 1946 г. работал корреспондентом, а потом штатным сотрудником газеты «Восточно-Сибирская правда» в Иркутске.

В 1948 г. в Иркутском издательстве вышел очерк Козловского «Герой Социалистического Труда Сергей Колесников». В 1949 г. в том же издательстве появилась книга очерков о замечательных тружениках сельского хозяйства Восточной Сибири — «В приангарской степи». В каждом из этих очерков — люди новой колхозной деревни, влюбленные в земледельческий труд.

В 1957 и в 1972 гг. в Иркутском издательстве были напечатаны романы Козловского «Верность» и «Братья по крови», содержание которых связано с событиями Великой Отечественной войны. Все годы войны Козловский вел дневниковые записи. Многое из них вошло в его романы. Из этих записей мы, например, узнаем, что 22 июня 1941 г. стрелок-радист Козловский лежал на пожухлой траве аэродрома и мечтал о том, что скоро он будет отдыхать в большом приволжском селе Некрасове, будет купаться в затканной лилиями реке Солонице, так хорошо знакомой ему с детства. Однако в этот же самый день он записал на свой личный счет первый сбитый им боевой немецкий самолет.

В романе «Верность» события развертываются во второй половине 30-х гг. и в годы войны в чрезвычайно сложной обстановке. «Верность» — многоплановый роман. Основной сюжетной линией этого произведения является раскрытие сложной судьбы и взаимоотношений Айны Черной и Виктора Сокола, агрономов по образованию. Они влюблены друг в друга, однако война разлучает их на долгие годы. Сокол попадает в летную школу, а затем становится чле-

ном экипажа, обслуживавшего партизанские соединения. Однажды случилось так, что все члены его экипажа погибли. Погибшим посчитали и самого Сокола. Лишь одна Айна верит в то, что он жив, и он действительно спасся почти от верной гибели.

Идея верности советских людей Родине, близким людям проходит красной нитью через весь роман. Верны друг другу летчик Павел Чичков и Наташа Светланова. Будучи корреспондентом газеты, она совершает во время полета героический поступок — сбивает фашистский истребитель, спасая тем самым от гибели экипаж самолета.

В лице таких героев романа, как Наташа Светланова, Павлик Чичков, Виктор Сокол, Феня Булатова, Игнат Булатов, Майко Рошат, партизанский вожак Федор Корж, полковник Дымов писатель создал привлекательный мир живых характеров, борцов-патриотов, отстоявших вместе со всем советским народом независимость нашей Родины и спасших человечество от коричневой чумы фашизма.

Разумеется, в романах Козловского имеют место и кое-какие «огрехи». Все же главное в них — свежесть красок, оптимистическая тональность, нравственная просветленность, вера в неисчерпаемые силы советского народа.

Как первый, так и второй романы вобрали в себя записи из личного дневника писателя. Таким образом в них запечатлялись неповторимые приметы времени.

В нашей художественной литературе не много найдется произведений, в которых был бы показан подвиг советских людей, сражавшихся против немцев на территориях Западно-Европейских стран, оккупированных фашистами. Роман «Братья по крови» является в этом отношении одним из немногих исключений.

В романе события почти одновременно развиваются в Болгарии и в нашей стране. Сложность политической обстановки в Болгарии, как показано в романе, заключалась в том, что ее правящие классы во главе с королем Борисом отказались от союза с нашей страной и от совместной борьбы против немцев, предпочтя союз с фашистской Германией. Более того, правительство Филова толкало народ Болгарии на борьбу против нашей Родины. Однако болгары, помня о том, что именно русский народ освободил их от многовекового Османского ига, решительно воспротивились этим зловещим замыслам. Это и составляет идейную основу произведения.

Сюжет же романа в целом цементируется судьбами семьи Дубянских: отца и двух их сыновей — Олега и Николая. Александр Владимирович Дубянский, бывший царский офицер, технолог по образованию, в дни революционного переворота просился в Красную гвардию, но ему отказали. В годы Великой Отечественной войны своей борьбой и героической гибелью он доказал свою преданность Советской Родине.

Его сыновья проходят в произведении сложный духовный и жизненный путь развития и оба в дни Отечественной войны оказываются летчиками: Николай в Советской армии, Олег — в болгарской. И случилось так, что в самом конце войны на полях Болгарии Олег спасает брата и его экипаж от неминуемой гибели.

Верность Родине и своим любимым — основа сюжета и второго романа Козловского. Николай Дубянский и Тая Беркут любят друг друга и остаются верными этому чувству. Олегу кажется, что он влюблен в Верду, дочь русского эмигранта, давно поселившегося в Болгарии. Когда Верда предлагает Олегу в конце войны уехать в Швейцарию и тем самым порвать с Отечественным фронтом Болгарии, Олег решительно отказывает ей в этом.

В сущности, Олег занимает центральное место в романе. Именно он оказывается в самом центре той борьбы, которую вел Отечественный фронт Болгарии против немецких оккупантов. Спасенный от гибели болгарским крестьянином Дмитрием Чибисовым, усыновленный им, получивший его фамилию, Олег органически связывает свою жизнь с жизнью и борьбой трудовой Болгарии.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны трудящиеся нашей Родины и трудящиеся Болгарии действительно оказались братьями по крови в их общей освободительной борьбе против немецких оккупантов.

В заключение хочется обратить внимание на оптимистическую тональность романов Козловского, утверждение в них идей патриотизма и интернационализма.

В критике романы Козловского получили положительную оценку. Вместе с тем совершенно справедливо отмечалось, что при переиздании романов писателю следует доработать некоторые характеры и очистить художественную ткань произведений от различного рода языковых штампов.

Умер В. Н. Козловский 7 марта 1984 года в Иркутске.

Л. Лисин

СОЧИНЕНИЯ

Верность: Роман. Иркутск: Кн. изд-во, 1957; То же. 3-е изд., доп. и испр. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во. 1964; Молодость сердца. Иркутск: Кн. изд-во, 1960; Дорогой смелых: Очерки. Иркутск: Кн. изд-во, 1961; Братья по крови: Роман. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1972; Ищу свою звезду: Роман. Фронт. Новеллы. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983.

ЛИТЕРАТУРА

О романе «Верность»: Абрамович А. Верность Советской Отчизне.— Сов. молодежь, 1958, 21 янв.; Виноградов В. Свет новой жизни.— Москва, 1958, № 8, с. 204—206; Трушкин В. Испытание верности. — Вост.-Сиб. правда, 1958,, 15 мая; Трушкин В. На пути к мастерству: Верность жизни и дань штампу.— В кн.: Трушкин В. Литературные портреты. Иркутск, 1961, с. 113—123; О кн.: «Братья по крови»: Клейменова Г. Возмужалость.— Вост.-Сиб. правда, 1972, 21 нояб.; Тендитник Н. «...Сообразно его истинной ценности».— Сибирь, 1973, № 5, с. 115—118.

БИБЛИОГРАФИЯ

Кряжинская Н. Ю. В. Н. Козловский: [50 лет со дня рождения]. — В кн.: Календарь знаменательных и памятных дат на 1967 г. Иркутск, 1966. с. 48—50; Лисин Л. В. Н. Козловский. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 238—239; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 127; То же. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 91.

И. М. ЛАВРОВ (1917—1982)

Илья Михайлович Лавров родился 2 августа 1917 г. в Новосибирске в бедной многодетной семье. Отец был водовозом, мать — прачка. Здесь же он окончил в 1936 г. театральное учили-

ще и в течение пятнадцати лет работал актером в городах Сибири, Кавказа, Средней Азии, Поволжья и Дальнего Востока. Театр для него не только десятки сыгранных ролей, но и та жизненная школа, которая позволила ему стать писателем. Он исколесил почти всю Россию, встречался со многими и разными людьми, видел жизнь в ее самых разнообразных проявлениях, внимательно вглядывался в жизнь природы своей огромной родины.

Писать Лавров начал рано, но первые рассказы появились в печати лишь в 1953 г., а первая книга рассказов «Ночные сторожа» издана в Чите в 1955 г. И уже на другой год в Москве в издательстве «Молодая гвардия» выходит солидный том его произведений под названием «Несмолкающая песня». С первых шагов писатель обратил на себя внимание читателей и критики, его произведения охотно печатают в различных газетах и журналах страны, переводят на иностранные языки, многократно переиздают отдельными изданиями. Это был настоящий успех молодого тогда писателя.

Сейчас, когда мы имеем возможность прочитать его роман-воспоминание «Мои бессонные ночи», нам нет необходимости подробно излагать биографию Лаврова. Роман создавался много лет, появлялся в печати по частям и вылился в трилогию о детстве, юности и писательском становлении. Теперь это одно из лучших произведений Лаврова.

А. И. Герцен справедливо писал: «Каждая жизнь интересна если не в отношении к личности, то к эпохе, к стране, в которой он живет». Автобиографическая трилогия Лаврова тем интересна и значительна, что в ней поэтически раскрываются некоторые важные черты жизни советской страны от двадцатых до середины пятидесятых годов. В романе-воспоминании своеобразно отразилась целая эпоха в жизни на-

шего общества с ее коренной ломкой после революции, с Великой Отечественной войной, с послевоенными трудностями, с борьбой за чистоту ленинских принципов во взаимоотношениях людей, за подлинное искусство правды. Писатель не стремился к всестороннему охвату эпохи во всей его глубине, но независимо от этого мы видим в романе и старый Новониколаевск с его социальными контрастами, и Новосибирск новый, быстро строящийся, по-своему неповторимый, мы постигаем сложность предвоенных лет, особенно для молодежи, входившей в жизнь после Октября, и невероятную, немыслимую трудность войны, пережитую всеми трагически, ибо не было дня, чтоб не гибли наши близкие, друзья и соотечественники, верные защитники Родины.

Все в романе, даже очень и очень горькое, опоэтизировано писателем. Казалось бы, мы всего лишь испытываем обычный читательский интерес к тому, что так живо и просто рисует Лавров — будь то трагедия отца или нелегкая судьба девушки-поэтессы Саши Сокол, или самое обыкновенное описание новосибирского базара на том месте, где ныне высится здание оперного театра. Но как бы ни был красо-

чен и поэтичен мир, в котором жил наблюдательный, обостренно все воспринимавший мальчик, мы незаметно для себя, идя за автором, проникаемся ненавистью к тому старому миру, который угнездился в те годы во многих домах и умах, несмотря на очищающую грозу революции. Мы вслед за автором с изумлением и надеждой вглядываемся в то новое, что начало бурно и трудно расти в нашей стране.

Война у Лаврова не связана с фронтом непосредственно. Она входит в наши чувства через людей, которые пережили ее, трудясь в тылу, или не вернулись домой. Самый яркий образ в главах, посвященных войне,— Шура, брат главного героя. Ему отдана вся любовь автора, в ней сосредоточились лучшие черты советского человека на войне, он в трилогии — олицетворение сражающегося и непобежденного народа. Не случайно и посвящено воспоминание «памяти Александра Лаврова, погибшего в бою за Ленинград». Сцену прощания с братом перед уходом его на фронт нельзя читать без волнения, ее невозможно забыть.

Роман-воспоминание примечателен еще и тем, что он дает нам возможность проникнуть в творческую лабораторию писателя, увидеть процесс становления художника, рождение и мужание новой советской интеллигенции. В этой последней части автор впрямую защищает и отстаивает свои общественные и эстетические позиции. Вот мы видим, из каких подлинно народных глубин вышел будущий актер и писатель; вот узнаем жизненные истоки хорошо известного и полюбившегося нам произведения; вот читаем самый первый рассказ, понимая все сомнения, обуревавшие его автора в те дни; вот природа, в которую влюблен писатель и вне которой не может ни увидеть, ни понять изображаемых им людей, себя, все вокруг. Однако подлинная суть созревания писателя-гражданина, интеллигента в первом поколении, связана у Ильи Лаврова с раскрытием образа человека, который дружил и любил, постигал сложности актерского и писательского мастерства, принимал деятельное участие в судьбе рядом живущих людей. Прежде чем стать кем-либо, даже при феноменальной художественной одаренности, человек сначала должен стать Человеком.

И защищаться пришлось сразу же с появлением первых книг, об этом тоже хорошо рассказано в романе.

— Что за судьбы описаны? Что за люди? — спрашивали критики первых рассказов Лаврова:— Страдание, горе, неудачная любовь, одиночество, смерть... Люди какие-то маленькие, приземленные, не мыслящие по-государственному. Сторожа, проводники, продавщицы, парикмахеры и, наконец, даже глухонемая... Брать их в герои, в выразители нашего времени? Ну уж, извините!

Словом, в книгах начинавшего писателя некоторые читатели и критики увидели сплошной пессимизм и пристрастие автора к темным сторонам жизни. Возникла полемика. А книги между тем издавались и переиздавались, у них оказался свой и многочисленный круг читателей.

Первые рассказы, принесшие Лаврову признание и известность, созревали у него в период, требующий ныне исторического осмысления. Шел 1953 г., когда эти рассказы один за другим начали появляться в печати. В них огромный интерес писателя к обыкновенному человеку находил поддержку в самой жизни, которая все настойчивее сопротивлялась преобладавшему тогда тяготению к величавости и монументализму. Этим, надо полагать, и объясняется тот факт, что рассказы Лав-

рова тех лет были встречены по-разному.

Если проникнуть в существо рассказов, то не так уж трудно заметить, что в них писатель выразил свою ненависть к эгоизму, стяжательству, собственничеству. И он буквально воспел своих незаметных в жизни, ничем, казалось бы, не примечательных героев — сторожей, продавцов, проводников, домашних хозяек, отнюдь не скрывая, что жизнь с ними обходилась нередко сурово. К читателю приходила авторская боль, она воспламеняла его чувства, будила трезвые мысли. А вот от слов утешения для своих героев и для читателей писатель решительно отказался.

Да и что скажешь славной и милой продавщице Антонине Степановне из рассказа «Вдова», которую война сделала одинокой и несчастной? Чем утешить ее, чем компенсировать ее горе? Все, что смогли бы посоветовать ей,— работайте, идите к людям, не замыкайтесь — она и сама отлично знает и делает для людей все, что в ее силах, а сердце ее все-таки не покидает большая ни с чем не сравнимая тревога: «Как же дальше жить? Невозможно больше входить в эту пустую комнату с консервной банкой на столе».

«Будь проклята война! Разве мало их, таких вдов-то, неустроенных, постаревших, одиноких? Кто знает об их думах в пустых комнатах?»

А чем можно утешить мать, которая к великому горю своему обнаружила, что ее сын — деляга, комбинатор и стяжатель? А как можно спасти ребенка от эгоизма родителей? Чем утешить ребенка, мир любви и доверия которого безжалостно развеяли, разрушили, растоптали?

Вторая половина 50-х гг. оказалась для Лаврова особенно плодотворной. Именно в эти годы, живя в Чите, он написал повести «Девочка и рябина», «Мне кричат журавли», «Сопутник», «Встреча с чудом». Это была лирико-романтическая проза, очень характерная для того времени.

Этой прозе были свойственны и мягкие тона, и задушевность, и драматическая напряженность. Но была и другая, патетическая, в которой все, даже малейшее душевное движение выражено как подъем, как вспышка, как взрыв. Не только внутренне, но и внешне — по языку, построению, по краскам — она взволнованна, динамична, многоцветна. Лирические повести, написанные в романтическом ключе, оказались своеобразным гимном природе, гимном жизни, ее красотам и радостям.

«Вы оглянитесь на людей, на луга, на горы,— говорит один из героев повести «Мне кричат журавли».— Всюду и во всем есть своя красота. Жизнь ею налита, как дерево соком... Видит человек этот сок жизни — он богат, не видит — бедняк».,

Таких людей, богатых своим умением видеть «сок жизни», и рисует теперь Лавров.

Повесть «Встреча с чудом» — наиболее характерное произведение из числа всех, что созданы Лавровым в этом направлении. Не случайно она после опубликования в журнале «Сибирские огни» получила самое широкое распространение. Повесть выдержала несколько изданий, перепечатана «Роман-газетой», переведена на другие языки, инсценирована и поставлена во многих театрах страны, по ней созданы радиоспектакли и снят кинофильм «Дорога к морю». Композитор Д. Кабалевский на сюжет повести написал оперу.

В чем обаяние этой повести? В том, что она приподнято и взволнованно говорит о самом большом чуде нашего времени — о новых людях новой эпохи. Приглядитесь, приглашает Лавров, это чудо среди нас, оно живет повсюду, приглядитесь!

Любит своих счастливых героев Лавров. Они способны, по его утверждению, «обежать земной шар» или «скользить над землей». Они, по его утверждению, люди большого дела и большой мечты. Две сестры — Ася и Слава, юные, только что окончившие десятилетку, бросились в водоворот жизни в погоне за мечтой о море. Они достигли своей цели: стали моряками, вступили, как того желали, на палубу корабля. Но суть повести не в этом. Таких героев, смелых и упорных в достижении цели, литература знает давно. Суть в том, что повстречались они на своем пути к заветной цели с настоящими, добрыми, отзывчивыми людьми. Да и сами они, убеждает нас писатель, с их высотой помыслов и дерзновениями, с их честным трудом и постоянной готовностью к нему, с их нравственной чистотой — есть чудо. Эти две девчушки волнуют читателя жаждой деятельной жизни, верой в свои силы, любовью к людям, доверчивостью, окрыленностью. Они органически не переносят праздность и неподвижность, индивидуализм в любом его проявлении. Где бы они ни были, они не боятся любого труда, он для них радость, наслаждение, счастье. Как о крупнейшем событии в жизни они сообщают родителям: «Вот мы уже и работаем. Слышите? Работаем!»

Справедливости ради следует сказать, что лирическая проза и тогда не была однородной. Рядом с патетической жила и развивалась аналитическая — проза О. Берггольц и В. Солоухина, В. Астафьева и В. Лихоносова...

Но то, что пережил и отразил в таком произведении, как «Встреча с чудом», Лавров, показательно и симптоматично для того времени. В литературе, как мы помним, господствовали то разочарованные и растерявшиеся «звездные мальчики», то весьма положительные деятели, уверенные, что перестроить хозяйство, изменить общественные взаимоотношения можно чуть ли не мгновенно... Герои повести «Встреча с чудом» — закономерная реакция на таких людей в литературе и в жизни. Однако Лавров не обрел на этом пути заметных продолжателей и последователей. И сам вскоре потерпел неудачу, когда решился повторить своих героев в новой повести «Очарованная». Он не заметил, что время для них прошло, как прошло оно для всяких других очарований и иллюзий.

Естественно, что за десятилетия творческой работы Лавров менялся. За это время он что-то приобрел, ценное и долговременное, что-то терял. Явление это неизбежное для всех, кто ищет. Так, в романе «Штормовое предупреждение» он заговорил о времени, когда, по субъективному определению одного из героев, «газеты писали одно, а он в жизни видел другое». «Не покидай меня любовь» — это, собственно, повесть о доверии, без которого человеку трудно, невозможно жить. Значителен по содержанию, по поднятым общественным и морально-этическим проблемам роман-воспоминание «Мои бессонные ночи». Всюду темы социальной подготовки, темы чрезвычайной важности. И хотя не все его произведения равноценны, от них веет дыханием того времени, которое потребовало от нас быть трезвее и осмотрительней в своих расчетах и прогнозах. Налицо внимание к глубинным процессам, происходящим в обществе и в душах наших современников. Сложен и труден творческий путь писателя Лаврова, не бесспорны те или иные оценки его произведений. Бесспорно одно: Лавров уже занял свое место в нашей литературе, и смерть его (он умер 17 октября 1982 г. в Новосибирске) — ощутимая утрата.

К творчеству писателя, как из-

вестно, нельзя подходить с заданной меркой, а лучше всего с доверием войти в его литературный дом и взглянуть на все созданное им словно бы изнутри. И когда мы сделаем это, то легко убедимся, что по характеру дарования Лавров лирик, а по мироощущению оптимист, и не потому, что каждый раз в подходящем случае он готов кричать «ура», а по внутренней своей художнической сущности. Он явно не социолог, дух тщательного исследования и анализа ему не свойствен, он преимущественно эмоционально воспринимает людей, восхищаясь или негодуя, он непосредственно живет их радостями или страданиями и готов чуть ли не раствориться в бесконечно дорогой и близкой ему природе. Большая любовь к жизни, к людям, к природе звучит в каждом его произведении. Именно этим и дорог нам талантливый художник Илья Михайлович Лавров.

Н. Яновский

СОЧИНЕНИЯ

Ночные сторожа: Рассказы. Чита, 1955; Несмолкающая песня: Рассказы. М.: Мол. гвардия, 1956; Синий колодец: Рассказы. Чита, 1956; Мне кричат журавли: Рассказы. М.: Мол. гвардия, 1960; Актеры: Повесть и рассказы. Новосибирск, 1961; Девочка и рябина: Повесть. Чита, 1957; Они летали к облакам: Повесть. Рассказы. Чита, 1958; Похождение Васи Кривенко и его брата Кубаря. Чита, 1959; То же. Новосибирск, 1965; Встреча с чудом: Повесть. М.: Гослитиздат, 1961; То же. М.: Худож. лит., 1964; Штормовое предупреждение: Роман. Новосибирск, 1963; Очарованная: Повесть. М.: Мол. гвардия, 1965; Дни ветров и метелей: Рассказы и повести. Новосибирск, 1967; Зарубки на сердце: Роман. Новосибирск, 1969; Кудлатая хорошая собака: Повесть и рассказы. Новосибирск, 1970; Путешествие в страну детства: Повесть и рассказы. М.: Сов. Россия, 1971; Благодарю судьбу; Мои бессонные ночи: Повесть. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1972; Печаль последней навигации: Миниатюры, рассказы, повесть. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1975; Галя Ворожеева: Повесть. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1976; Мои бессонные ночи: Роман-воспоминание. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1977; Из января в январь: Повести. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1979; Синий колодец: Рассказы и повести. М.: Сов. писатель, 1980; Уплывает лодка: Рассказы. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983.

ЛИТЕРАТУРА

Лавров И. Об истоках книг: (Автобиография). — В кн.: Писатели о себе. Новосибирск, 1966, с. 56—66; Нинов А. О современном рассказе. — Вопр. лит., 1958, № 1, с. 73—99; Щеглов М. Литературно-критические статьи. М., 1958, с. 352—370; Успенская К. В начале пути. — В кн.: Молодой Ленинград. Л., 1959, с. 284—292; Хмара В. Красота мертвая и красота живая. — Дал. Восток, 1960, № 3, с. 169—173; Кожевникова Н. Красота жизни и красоты стиля. — Лит. и жизнь, 1961, 11 янв.; Яновский Н. Художник и время. Новосибирск, 1962, с. 103—128; Хмара В. Познание красоты, созидание красоты. — В кн.: Навстречу будущему. М., 1962, с. 339—357; Яновский Н. Илья Лавров. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1969; Шапошников В. Во имя любви. — Сиб. огни, 1974, № 9, с. 157—175; Жиганов Б., Шапошников В. Щедрое сердце. — Сиб. огни, 1977, № 8, с. 182—192; Дворниченко Н. На новые ступени мастерства.— В кн.: Дворниченко Н. Вчера и сегодня забайкальской литературы. Иркутск, 1982, с. 245—247; Очерки русской литературы Сибири. Т. 2. Сов. период. Новосибирск, 1982, с. 507—509; Сартаков С. Илья Лавров. — В кн.: Сартаков С. Над чистым листом. М., 1982, с. 438—440; Ященко Н. «...и будут служить народу»: Памяти товарища. — Заб. рабочий, 1982, 28 нояб.; О кн. «Ночные сторожа»: Беневоленская Т. Среди простых Людей. — Октябрь, 1955, № 11, с. 185—187; Борисов Б. В добрый путь! — Забайкалье, 1955, кн. 8, с. 263—270; Рясенцев Б. О «маленьких» людях и убогих людишках. — Сиб. огни, 1955, № 4, с. 165—169; О кн.: «Синий колодец»: Баландин Л. На подступах к мастерству. — Сиб. огни, 1956, № 5, с. 183—186; Кострюковский Б. Вторая книга молодого писателя. — Забайкалье, 1956, кн. 9, с. 267—274; О кн. «Девочка и рябина»: Богуславская З. Навстречу ветру. — Москва, 1958, № 8, с. 202—204; О кн. «Мне кричат журавли»: Воронов В. Созерцатель или работник. — Знамя, 1961, № 4, с. 215—220; Хайлов А. Чувство меры. — Сиб. огни, 1962, № 4, с. 177—179; О повести «Встреча с чудом»: Мурина А. С мечтою о счастье. — Звезда, 1962, № 1, с. 173; Хмара В. Осмысление современности. — Урал, 1962, № 1, с. 176—178; О романе «Штормовое предупреждение»: Трушкин В. Спор о счастье. — Ангара, 1962, № 2, с. 136—138; Яновский Н. На пороге большой темы. — Урал, 1965, № 3, с. 154—156; О повести« Очарованная»: Глинкин П. Облики счастья.— Мол. гвардия, 1965, № 12, с. 293—297; Бровман Г. Объективность анализа

и позиция критики. — Москва, 1966, № 8, с. 187—194; Светов Ф. Повесть об «очарованном деятеле». — Нов. мир, 1966, № 2, с. 257—261; О повести «Путешествие в страну детства»: Рыбак И. Страна детства. — Знамя, 1968, № 1, с. 246—247; Мельников Е. Строителю первых пятилеток посвящается... — Лит. Россия, 1967, 6 окт., с. 16; Яновский Н. Автобиографические повести И. Лаврова.— Дал. Восток, 1969, № 7, с. 143—146; О романе «Зарубки на сердце»: Никульков А. Большая проза. — Сов. Сибирь ,1969, 24 июля; О кн. «Из января в январь»: Шапошников В. — Сиб. огни, 1980, № 2, с. 188—189.

БИБЛИОГРАФИЯ

Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 144—146; Писатели о себе. Новосибирск, 1973, с. 119—125; Илья Михайлович Лавров. (К 60-летию со дня рождения). Новосибирск, 1977; Русская литература Сибири: Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 210—214.

В. В. КИСЕЛЕВ (1918—1978)

Виктор Владимирович Киселев родился 13 января 1918 г. в Иркутске. По образованию — инженер лесного хозяйства. Первые стихи опубликованы в 1942 г. в газете «Правда Севера» и альманахе «Север» (г. Архангельск). С 1950 г. жил и работал в Иркутске. Участвовал в коллективных сборниках «Утро», «Мы за мир», «Первое слово», «Молодая Ангара». В 1958 г. в Иркутске выходит поэтический сборник «Хороший обычай», в 1964 г. — «Любовь моя — тайга», в 1965—1967 гг.— стихи для детей младшего возраста («Маринкины стихи», «Не в зверинце, а в тайге», «Корова на колесах»). Стихи Киселева публиковались на страницах центральных и областных газет, в альманахах «Молодая гвардия», «Год тридцать четвертый», «Новая Сибирь», и «Ангара», в журналах «Огонек», «Крокодил», «Смена», «Байкал», «Дальний Восток».

Творческую манеру Киселева-поэта отличает публицистическая заостренность, открытость авторских идейных позиций. Патриотизм содержания его поэзии раскрывается прежде всего в активном отношении человека к родной природе, любви к ней. Герои стихов Киселева — люди сибирской тайги, сибирских строек — лесорубы и железнодорожники, водители и агрономы. Повествование о них согрето горячей авторской любовью, гордостью за свою страну, за свою эпоху.

С любовью касается поэт историко-революционной темы, осмысливая великие события Октября, деятельность В. И. Ленина как основу свершений современности, как источник подвига советского народа в строительстве коммунизма. («Первый декрет», «Подарки Октября», «В Разливе», «Почетный машинист»).

Как поэт Киселев работал в традициях классической русской и советской поэзии. Не увлекаясь внешними эффектами, он строил стихи в четких, выверенных ритмах, образах, рифмах. Неустанная работа над поэтической культурой проявлялась в тяготении поэта к форме венков сонетов, объединенных общей стержневой мыслью и своеобразной строфикой, требующей строгой дисциплины стиха («Любовь моя — тайга», «Ангарские плесы», «Последний бастион»).

Стихи Киселева о детях и для детей отличаются простотой и ясностью образов, умением с любовью ввести ребенка в близкий поэту мир природы и человеческого труда, добрым юмором.

Интерес и признание читателей завоевали острые сатирические миниатюры Виктора Лесовика (псевдоним Киселева), опубликованные на страницах альманаха «Ангара» и других изданий.

Перу Киселева принадлежат поэтические переводы с языков народов СССР: бурятского (Ц.-Ж. Жимбиев, В. Петонов, Ж. Зимин, Ш. Нимбуев) и адыгейского (К. Жанэ). Переводы верны содержанию и духу подлинника, умело пере-

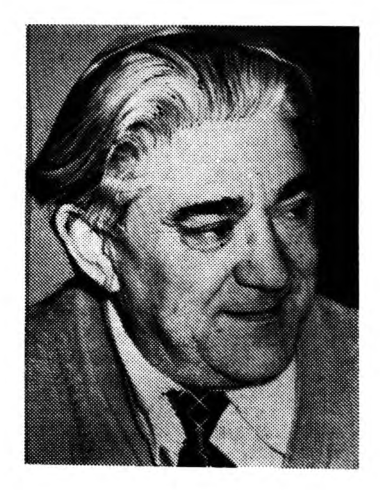
дают национальный колорит.

В последние годы жизни Киселев активно выступал в прозе. После приключенческих повестей «На могиле трех шаманов» и «Третья ось», которые были в какой-то степени первыми подступами к большому жанру (повесть «Третья ось» опубликована в ГДР), он создает увлекательную повесть «Золотой водопад». Умело построенный сюжет объединяет и картины тяжелого прошлого, и романтику исканий ученых, и глубину философских и моральных размышлений и выводов автора и его героев — о победе жизнеутверждающего, коллективистского начала над индивидуалистической, частнособственнической психологией.

Одна из последних работ писателя — роман «Большая вода» (1971). Это произведение о становлении молодого специалиста — инженера лесного хозяйства в трудных условиях прифронтового Севера. Несомненный автобиографический момент (не являющийся, впрочем, преобладающим), жизненный опыт, осмысленный с позиции гражданского опыта художника, придает повествованию особую убедительность.

Новое поэтическое дыхание обрел Киселев, совершив ряд поездок на строительство БАМа. Вместе с А. Преловским явился он составителем первой поэтической летописи БАМа — коллективного сборника «Автограф века» (1976), получившего свое название по одному из программных стихотворений Киселева. Для юного читателя вышла поэма «Лес идет». В 1976 г. издана книга пародий и подражаний «Шиворот-навыворот».

В 1977 г. в серии «Сибирская лира», выпускаемой Восточно-Сибирским книжным издательством, появился сборник Киселева «Шестой океан». К большому сожалению, эта книга стала последним прижизненным сборником автора. Открытая публицистичность, как выражение четкой гражданской,

партийной позиции поэта, глубина лирико-философского решения темы «Человек и природа» отличают эту итоговую книгу поэта.

Киселев умер в Иркутске 22 марта 1978 г.

Р. Смирнов

СОЧИНЕНИЯ

Хороший обычай: Стихи. Иркутск: Кн. изд-во, 1958; Маринкины стихи. Иркутск: Кн. изд-во, 1959; Любовь моя — тайга!: Стихи. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1964; Не в зверинце, а в тайге: Стихи для малышей. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1965; Корова на колесах: Стихи. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966; Шиворот-навыворот: Пародии и подражания. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1976; Лес идет: Поэма. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1977; Шестой океан: Стихи/Вступ. статья Р. Смирнова. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1977; Воробей в галошах. Иркутск: Кн. изд-во, 1963; Большая вода: Роман. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1971; Не сотвори себе кумира; Золотой водопад: Повести. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1972; Кордойская быль: Повесть. М.: Мол. гвардия, 1975; Золотой водопад: Приключ. повесть. 2-е изд., доп. М.: Мол. гвардия, 1979.

ЛИТЕРАТУРА

Смирнов Р. Прими поклон, любовь моя — тайга!: (К 50-летию со дня рождения). — Вост.-Сиб. правда, 1968, 26 янв.; Смирнов Р. В. В. Киселев. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 242—244; О сб. «Хороший обычай»: Конев В. «Хороший

обычай». — Вост.-Сиб. правда, 1958, 13 нояб.; Никульков А. О правде большой и маленькой. — Сиб. огни, 1959, № 6, с. 172—173; О кн. «Любовь моя — тайга»: Ивина В. Люблю леса России... — Гудок, 1965, 23 янв.; О кн.: «Большая вода»: Бобрынина Т. Все, казалось бы, на месте... — Лит. газ., 1972, 15 марта, с. 5; Падерин Г. — Сиб. огни, 1972, № 9, с. 182; Федь Н. Пафос труда. — Дон, 1973, № 6, с. 163—171; О повести «Золотой водопад»: Ханбеков Л. Легенда Восточного Саяна. — Байкал, 1963, № 2, с. 153—154; О романе «Не сотвори себе кумира»: Тендитник Н. «...Сообразно его истинной ценности».— Сибирь, 1973, № 5, с. 109—123.

БИБЛИОГРАФИЯ

Лазуткина А. Ф. В. В. Киселев. — В кн.: Календарь знаменательных и памятных дат на 1968 год. Иркутск, 1968, с. 12—15; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 125—126; То же. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 84—85; Русская литература Сибири. Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 154—155.

В. Д. ФЕДОРОВ (1918—1984)

Василий Дмитриевич Федоров родился 23 февраля 1918 г. в Кемерове в рабочей многодетной семье. Ему не было и года, когда родители переехали в село Марьевка, где прошло детство и юность будущего поэта. «Село! Я сын твоих полей, мне мил простор твоих зеленых пашен»,— неоднократно варьируя эту тему, писал Федоров. Сыновнюю любовь к родному селу Федоров сохранил навсегда.

Биографический опыт поэта лучше всего постигается через стихи: «Вспоминается детство... Пятистенной избы вековой полумрак», «И кто бы ни расспрашивал, я часто отвечал:— Жил бедно. Все донашивал со старшего плеча», «По слову жизнь мне давшего в торжественной ночи, вот так от брата старшего, меня не увидавшего, я имя получил». Федоров был девятым ребенком в семье.

Для формирования поэта немалое значение имело раннее приобщение к фольклору. Влияние матери Ульяны Наумовны, по словам поэта, «было большим. У нее был хороший голос, память хранила множество народных песен».

«Детству и отрочеству,— пишет Федоров в автобиографическом очерке «О себе и близких»,— я обязан многими впечатлениями, которые в моей жизни имели потом большое значение. Впрочем, такого понятия, как отрочество, у нас в деревне вовсе не было. Из детства мы, деревенские мальчишки, перескакивали прямо в юность. А до скачка успевали пройти добрую школу труда. Мне довелось боронить, пахать, вить веревки, работать колхозным водовозом, учеником МТФ, младшим счетоводом, кассиром колхоза, помощником бригадира и даже... золотоискателем» [illegible] в четырнадцать лет он был членом правления колхоза и как комсорг вел за собой молодежь.

В 1936 г. Федоров окончил Новосибирский авиатехникум и был отправлен на большой завод в Иркутске, на котором почти восемь лет работал мастером, старшим мастером, технологом-экспериментатором. Иркутск явился немаловажной страницей сибирской биографии Федорова. Многие ныне популярные произведения поэта («Трудовая книжка», «Байкал», «Мне о том слагать бы оды...» и др.) своим появлением на свет обязаны Иркутску конца 30-х — начала 40-х гг. Поэма «Седьмое небо» пропитана воздухом иркутского завода, в цехах которого будущий поэт проходил новый этап гражданского, нравственного и творческого становления. «О, мой завод, ни вражьим летчикам с планшетками для наших карт, ни мрачным атомным наводчикам не дам его координат. По месту есть названье точное. В пути с тайгой под облака громадилась Сибирь Восточная, неслась косматая река, взлетала, на пороги сетуя, как птица синего пера, еще в железо

не одетая, еще Твардовским не воспетая, но все же в славе — Ангара».

Друзья той поры стали для поэта друзьями навсегда. Здесь же, в Иркутске, в газете «Советская молодежь» от 8 января 1940 г. было напечатано первое его стихотворение «К матери».

Во время Отечественной войны Федоров перевелся на авиазавод в Новосибирск. И там, с 1943 г. он начал печататься в журнале «Сибирские огни», а в 1947 г. в Новосибирске увидела свет первая книга поэта «Лирическая трилогия».

В 1948 г. уже из Москвы, где он учился в Литературном институте, Федоров писал друзьям в Иркутск: «...для меня сегодняшняя моя учеба в институте — это продолжение учебы, начатой в цехах завода, где я работал мастером... Мне кажется, что имя мастера штамповочного цеха поможет мне стать мастером нештампованной поэзии...»

Путь Федорова в литературу не был легким. Вторая книга его стихов «Лесные родники» смогла увидеть свет только через восемь лет после первой, в 1955 г. В том же году вышли «Марьевские звезды», в 1958 — «Дикий мед» и «Белая роща». Не сразу общесоюзная пресса дала высокую оценку поэту. «...Откликов на первые книги Василия Федорова почти не было. Такое равнодушие прессы объясняется отчасти тем, что автор приехал из далекой Сибири, где формировалась его самобытная поэзия, отчасти особенностями его творчества, начисто лишенного спекулятивных элементов, демагогических приемов и конъюнктурщины, столь часто принимаемой за злободневность»,— пишет в своей книге «Беззаветно служить красоте» Искра Денисова.

Федоров — автор двух очерковых книг о сибирских колхозниках («Золотые звенья» и «На белой гриве»). Есть у него изданные в Москве две повести «Зрелость» (1953) и «Добровольцы» (1955). Но

не проза определяет творческое лицо Федорова. Главное для него — поэзия. Особый интерес проявляет он к жанру поэмы как поэтическому эпосу. Этот интерес продиктован стремлением к глубокому исследованию и осмыслению действительности, к объективному анализу прошлого, настоящего и будущего нашей страны — анализу связи времен, логики исторических процессов, поступи века, его философии. Смелые и широкие замыслы Федорова, автора поэм, ставят его эпические полотна «Аввакум», «Белая роща», «Бетховен», «Золотая жила», «Проданная Венера», «Седьмое небо», «Женитьба Дон-Жуана» в ряд значительных явлений нашей литературы. Не случайно за поэму «Седьмое небо» и книгу стихов «Третьи петухи» поэту присуждена в 1968 г. Государственная премия им. М. Горького, а поэма «Женитьба Дон-Жуана» вместе с «Книгой любви» удостоена Государственной премии СССР (1979).

Сам Федоров в предисловии к двухтомнику 1970 г. писал: «Несколько слов о том, почему мои поэмы выделены в отдельный том, а не поставлены среди стихов по времени их написания. Прежде всего потому, что у моих поэм есть своя логика развития,

видимые и невидимые связи, которые нельзя нарушать». Признаваясь, что его привлекает жанр поэмы, поэт сказал: «Если лирическое стихотворение можно поставить на уровень живой клетки или группы клеток, то поэма тяготеет к уровню всего организма» (Размышляя с себе.— Октябрь, 1973, № 1).

Но ведь и в лирике Федорова есть своя логика развития, видимые и невидимые связи, которые нельзя нарушать». И лучшие его лирические произведения тоже тяготеют «к уровню всего организма».

Все творчество Федорова — это большой и неповторимый мир Любви и Веры: горячей любви к социалистическому Отечеству, горячей веры в организацию жизни по законам Добра и Красоты.

Тема Родины в творчестве поэта занимает ведущее место. В поэзии Федорова, как и в поэмах А. Твардовского, как и в прозе В. Астафьева, М. Алексеева, В. Распутина, В. Шукшина, деревня — это истоки исторической судьбы России, «откуда есть пошел» русский человек, а не какая-то экзотическая старина. Поэт всюду ощущает «запах росный» русских исторических корней, которые «вовеки забывать нельзя». Образ матери — центральный во всей поэзии Федорова. Мать — главная героиня его патриотической лирики, где так или иначе звучит мотив: «Вспоминается детство и мать моя жница...»

Чтобы убедиться в устойчивости мироощущения поэта, интересно обратиться к одному из ранних его стихотворений, написанных еще до Отечественной войны, «Прощай, село!»

...Промчится время — много, много лет,
Посмотрят люди, спросят мимоходом:
— Откуда он?
И скажут им в ответ:
— Он марьевский
И поступью и родом.

А вот уже зрелый поэт в книге «Как цветы на заре» (1974):

Деревенский я весь,
Даже больше, чем был
До того, как увидел трамвай...

Личная привязанность к родному уголку оборачивается неразрывностью с отечеством.

Федоров часто употребляет слово «Русь», вкладывая в него, по его собственному выражению, наше современное содержание многонациональности и многоязычия. Со страниц произведений Федорова встает образ Родины в неразрывном единстве с личностью поэта. «Словами, строгими, как в гимне», поэт провозглашает свое гражданское кредо:

Иду,
В молву стоустую
Свой добрый голос влив,
И под ногами чувствую
Шестую часть Земли...
Ты мне сама наградою,
Ты радость мне и грусть,
И верою и правдою
Служу тебе я, Русь.

Человек испокон веков стремился вносить в свою жизнь красоту. Федоров называл ее человеческой радостью. Поиски и находки этой радости — самое характерное в его поэзии. Сам поэт говорит, что критики и публицисты заметили его после таких слов из поэмы «Проданная Венера»:

За красоту
Людей живущих,
За красоту времен грядущих
Мы заплатили красотой.

Красота в творчестве Федорова многогранна и многозначна. Это и труд — крестьянина, рабочего, служителя искусств, поэта в особенности. Это добрые человеческие отношения и природа. Причем главной для поэта является не скоропроходящая, временная красота, красота не праздников, а будней.

В решении такой постоянной для Федорова темы ярко проявилось «необщее выражение» его дарования. Здесь особенно очевидно, что Федоров — поэт, для которого характерен высокий строй стиля, возвышенный лад его лиры, т. е. одическая традиция. Здесь имеется в виду ода как тор-

жественное стихотворение, в котором публицистически страстно выражается гражданское и философское воодушевление.

В центре поэтического мира Федорова лирический герой — страстный борец за передовые идеи века. Характер его нелегкий, подчас резкий, отвергающий всякую половинчатость в чувствах, не признающий компромиссов в мыслях и поступках, однако подкупающий читателя своей нравственной чистотой и целеустремленностью. Герои этого мира — люди сильных страстей, глубоких мыслей, наделенные высоким чувством человеческого достоинства, гордые и мужественные советские люди.

Поэтический мир Федорова — это мир великого русского языка, чистого, меткого, емкого, кровно связанного с народным языком — колоритным языком сибиряков. Это мир замечательного русского стиха, вобравшего в себя достижения русской и мировой поэзии, русского и мирового фольклора.

В каждом новом произведении Федорова обнаруживается настойчивое, неустанное движение. В 1978 г. вышла в свет совершенно оригинальная по жанру и по идейно-философской направленности поэма «Женитьба Дон-Жуана». Почти все поэты земли воспевали Дон-Жуана, пустого и жестокого, по мнению одних, «прекрасного и несчастного», по мнению других. Герой Федорова — художник страстей, занятый поиском прекрасного в любви. Счастливая любовь двоих венчается новой жизнью. Поэтому и смерть не в силах омрачить неизбывную радость бытия — такова оптимистическая основа, знаменующая новый этап в творчестве поэта.

В 1973 г. вышла объемная книга поэта «Наше время такое», в которой Федоров выступил в новом жанре: творчество А. Блока, В. Маяковского, С. Есенина, А. Твардовского, Я. Смелякова, Л. Мартынова и многих других поэтов нашло отражение в этой книге, мудро и заинтересованно проанализировано.

Последние годы жизни поэт часто болел. Роковой оказалась его поездка на лечение в Ессентуки, где 19 апреля 1984 г. он умер от инфаркта.

Ныне на родине поэта, в селе Марьевка, создан литературный музей его имени, ежегодно проводятся федоровские чтения.

Л. Пудалова,
В. Стародумов

СОЧИНЕНИЯ

Собрание сочинений: В 3-х т. М.: Мол. гвардия, 1975—1976; Стихотворения и поэмы: В 2-х т. М.: Худож. лит., 1970; Избранное: Стихи. М.: Сов. Россия, 1978; Лирическая трилогия. Новосибирск: Гос. изд-во, 1947; Лесные родники: Поэмы и стихи. М.: Мол. гвардия, 1955; Марьевские звезды: Стихи и поэмы. Новосибирск: Кн. изд-во, 1955; Дикий мед: Стихи и поэмы. М.: Сов. писатель, 1958; Не левее сердца: Стихи и поэмы. М.: Сов. Россия, 1960; Лирика: Стихи. М.: Гослитиздат, 1961; Второй огонь: Стихотворения и поэмы 1939—1965. М.: Худож. лит., 1965; Третьи петухи; Седьмое небо: Стихи и поэма/Послесл. В. Панкова. М.: Сов. Россия, 1970; Крылья на полдень: Стихи и поэма. М.: Воениздат, 1971; Книга любви и веры: Стихи и поэмы. М.: Современник, 1974; По главной сути: Стихи. М.: Современник, 1978; Стихи. М.: Худож. лит., 1978; Золотая жила: Поэма. М.: Современник, 1979; Как цветы на заре: Стихотворения и поэма «Женитьба Дон-Жуана». М.: Сов. писатель, 1982; Поэмы. М.: Худож. лит., 1983.

ЛИТЕРАТУРА

Лавлинский Л. Быть созвучным своей эпохе. — Мол. гвардия, 1965, № 3, с. 309—315; Рюриков Ю. Три влечения. — Вопр. лит., 1965, № 8, с. 25—47; Смородин А. А. Воспитание социальных эмоций. — В кн.: Советская литература и новый человек. Л., 1967, с. 172—229; Денисова И. Пробиваясь к большой красоте... — Сиб. огни, 1968, № 6, с. 164—177; Исаев Е. Круто вверх. — Лит. Россия, 1968, 1 марта, с. 9; Лавлинский Л. «Любовь, как жажда истины...» — Дружба народов, 1968, № 4, с. 249—255; Михайлов А. А. Пророчество марьевской музы. — В кн.: Михайлов А. А. Факел любви. М., 1968, с. 112—136; Чалмаев В. Жажда целительной тишины. — Сиб. огни, 1968, № 3, с. 181—183; Еремин В. В. Федоров. М.: Сов. Россия, 1969; Горденко М. Умеющий любить:

Наброски к лит. портрету. — Москва, 1970, № 9, с. 205—208; Дитц В. Поэты рабочей темы. — Нева, 1970, № 10, с. 171—178; Ковалев Д. По главной сути. — Октябрь, 1970, № 2. с. 210—214; Мостков Ю. Волшебство поэзии. — В кн.: День поэзии. Новосибирск, 1970, с. 50—53; Лапшин М. А. Федоров В. Д. — Крат. лит. энциклопедия. М., 1972, т. 7, стб. 913—914; Михайлов А. Ответственное поручение. — В кн.: Михайлов А. Ритмы времени. М., 1973, с. 45—63; Лапшин М. Душевная щедрость. — Москва, 1977, № 5, с. 212—215; Денисова И. В. Беззаветно служить красоте. Поэзия В. Федорова. М.: Современник, 1978; Михайлов А. Лирический характер современника. — В кн.: Михайлов А. Поэты и поэзия. М., 1978, с. 44—79; Пудалова Л. А. Чувство своего мира: О лирике В. Федорова. Кемерово: Кн. изд-во, 1979; Прокушев Ю. Память века. — В кн.: Литература и современность. М., 1980, сб. 17, с. 200—216; Сорокин В. Суд на Веге: Штрихи к порт. В. Федорова. — Москва, 1982, № 3, с. 205—211; Чаркова А. Завод и слово: [О начале лит. деятельности в Иркутске].— Сибирь, 1983, № 6, с. 117—121; Чаркова А. А. Отступление лирическое.— В кн.: Чаркова А. А. Сибирские крылья. Иркутск, 1983, с. 63—64; И тогда придут слова...: [Интервью с В. Федоровым]. — Москва, 1984, № 12, с. 89—96; Леонов Б. Немеркнущий свет: [Памяти В. Д. Федорова]. — Огонек, 1984, № 18, с. 28; О поэме «Седьмое небо»: Зайцев В. А. Поэма наших дней/Вестн. МГУ. Филология и журналистика, 1964, № 5, с. 3—15; Осетров Е. Стихи и годы. — В кн.: Литература и современность. — М., 1965, с. 205—224; Лакшин С. Земное небо. — Неман, 1969, № 1, с. 177—179; Леонов Б. Над небом — небо. — Мол. гвардия, 1970, № 6, с. 285—289; Панков В. К седьмому небу. — В кн.: Литература и современность. М.: 1970, с. 408—423; О сб. «Третьи петухи»: Денисова И. Жизнь прекрасна и неумолима. — Поэзия, 1968, № 1, с. 164—171; Кузнецов В. — Звезда, 1968, № 3, с. 218—219; О поэме «Женитьба Дон-Жуана»: Кочетков В. От Рубенса к Рафаэлю. — Лит. газ., 1979, 5 сент., Прокушев Ю. Любовь человеческая... — Сов. Россия, 1979, 15 сент.

И. А. ЧЕРЕПАНОВ (1918—1943)

Накануне Великой Отечественной войны в Иркутске громко заявил о себе молодой начинающий поэт Иван Александрович Черепанов. Родился он 24 июня 1918 г. под Иркутском в селе Подгорно-Жилкино в крестьянской семье, окончил начальную школу и рано начал трудовую жизнь.

В те годы Жилкино вместе со всем Ленинским районом, куда оно территориально входило, переживало бурный процесс перестройки жизни. На месте знаменитого Вознесенского монастыря возникли крупные социалистические стройки: мясокомбинат, мелькомбинат, мыловаренный завод. Жители села, занимавшиеся ранее сельским хозяйством, монастырскими работами, извозом, пополнили ряды сибирского рабочего класса. Поступил на мясокомбинат и Иван Черепанов.

Этот жилкинский юноша, не получивший даже среднего образования, имел необъяснимую, страстную тягу к поэзии. Писать он начал рано и скоро почувствовал потребность поделиться своими стихами со слушателями. В центре района в библиотеке был литературный кружок, организатором и душой которого был директор библиотеки П. П. Боровский. Желание получить не столько слушателей, сколько советчиков, привело сюда Черепанова. Почти на каждом заседании он выступал со своими новыми стихами. Кружковцы удивлялись его поэтической страсти, упорству и трудолюбию. Писал он всюду: и на работе, и дома, и в гостях у своих товарищей. Всюду таскал с собой Черепанов тоненькие школьные тетради. Одну тетрадь за другой исписывал своим косым почерком и складывал дома в холщевый мешок. Писал он, как говорят, на одном дыхании, почти без помарок, отделяя один стих от другого тремя звездочками-снежинками. В его стихах чувствовалось сильное влияние С. Есенина, творчеством которого он был очень увлечен. Тогда книги со стихами С. Есенина уже не издавались, его имя сошло со страниц журналов и газет. Но Черепанов умудрялся доставать все новые и

новые сборники, изданные в конце 20-х начале 30-х гг., и в упоении зачитывался ими. С восторгом делился он своими впечатлениями о поэте, считая его великим «талантищем», истинно русским поэтом и человеком.

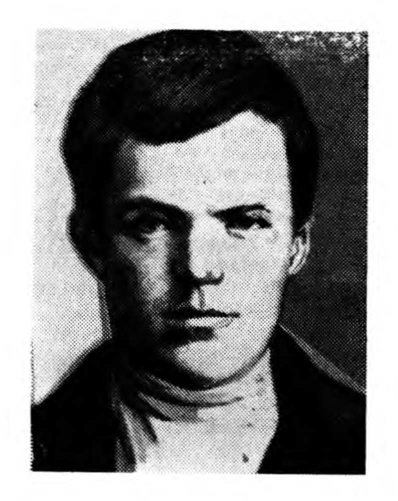
Постепенно районная библиотека стала тесной для поэта-самоучки, а окружающие товарищи уже не удовлетворяли его пытливости. Он потянулся к профессиональным литераторам.

Как установил несколько лет назад по найденному контрольному дневнику литературных консультаций Иркутского дома писателей журналист Е. Г. Раппопорт, в середине августа 1938 г. Черепанов был на консультации у довольно уже известного поэта и писателя К. Седых. С ним беседуют и поддерживают его творческие замыслы поэт А. Ольхон, прозаик Г. Марков. «Черепанов Ив. (Бездомный Иван). Тетрадь стихов. Очень способный человек,— записал в дневнике К. Седых.— В стихах его много настоящих поэтических строк. Из тетради Черепанова следует выбрать несколько стихов, которые можно рекомендовать для напечатания в альманахе».

А вот записи А. Ольхона 25 октября 1939 г.: «Бездомный Ив. (Черепанов) принес стихи «На обрыве». Переданы для альманаха «Новая Сибирь». 19 февраля 1939 г.: «Бездомный. Отчетливо видно, как он растет и преодолевает собственные недостатки. Новые стихи его самобытны и обещающе свежи»[1].

Писатель Г. Марков одобрил написанную молодым поэтом поэму «Ермак». К сожалению, над этой поэмой Черепанов не стал дальше работать, и она не увидела свет.

Благодаря доброжелательной поддержке иркутских писателей и поэтов, увидевших в Черепанове

нечто незаурядное, его творчество стало достоянием читателя. Областные газеты «Восточно-Сибирская правда» и «Советская молодежь» печатают первые стихи Черепанова, он вместе со старшими писателями выступает на литературных вечерах в педагогическом институте (20 ноября 1939 г.), в школах и на предприятиях города.

В 1940 г. стихи Черепанова публикуются в двух книжках альманаха «Новая Сибирь» (№ 6 и 7): «Белый снег на вечерней заре», подборка из шести стихотворений «Страна родная», «Мать и сын», «На покосе», «Песня», «Родина могучая — хвойная Сибирь», «Обрыв». Как и в газетных публикациях, так и альманахе преобладали лирические, песенные стихи.

Поэтическое вдохновение молодого поэта росло буквально с каждым годом. Он стал переходить к более сложным формам творчества, пробовать свои силы в стихотворных циклах, поэмах, рассказах, на смену тонким школьным тетрадям появились толстые — общие, сплошь исписанные его ровным почерком.

Так появилась автобиографическая поэма «Так было» (сентябрь

---

[1] Раппопорт Е. Судьба другая.— Сов. молодежь, 1967, 12 сент.

1940 г.), неоконченный рассказ «Германская бабушка».

Вместе со всем народом молодой поэт остро переживал надвинувшуюся беду — нападение фашистской Германии на страну. И, не медля ни минуты, он ушел со своими сверстниками «в дальний край, в поход военный» защищать то, что с упоением воспевал в своих стихах: «и Родину могучую и хвойную Сибирь, и струи синие величавой звонкой Ангары».

Сохранилось несколько писем Черепанова с фронта. Они дополняют образ этого одаренного человека, у которого патриотические слова не расходились с делом.

«Немцы нас пытаются бомбить,— писал он в одном из писем матери и сестрам,— их угоняют зенитки. Сбрасывают фрицы агитлистовки. Я читал. Такую чепуху говорят — смешно»; «Если погибну, знайте: погиб за Родину, за родную Сибирь, чтоб была она краше, чтоб жили в ней поэты. И считайте меня большевиком»[2].

Рядовой пулеметчик 1164 стрелкового полка 346 Дебальцевской дивизии метко истреблял врага под Сталинградом, у Дона. А в перерывах между боями не расставался с карандашом и бумагой, рождались его новые стихи.

Но не довелось сибиряку вернуться домой. 2 февраля 1943 г. он был сражен в бою и похоронен в братской могиле хутора Богатов Белокалитвенского района Ростовской области. Вместе с ним боевые товарищи положили листки с наспех написанными стихами о привольной и могучей Сибири.

О погибшем поэте не забыли. Его сохранившиеся стихи печатались в нескольких коллективных сборниках Восточно-Сибирского книжного издательства. В 1967 г. в Иркутске вышла «Антология сибирской поэзии». В ней представлено и творчество Черепанова. Из небольших последних сборников, в которых также не обойдено его имя, можно назвать «Пороховая память» (Иркутск, 1975). В этом же году журнал «Советский воин» выпустил небольшой поэтический сборник поэтов, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, озаглавленный строчкой из стихотворения Черепанова «Белый снег на вечерней заре». В сборнике опубликованы и его 9 стихотворений.

Наш долг перед памятью поэта собрать все, что оставил Черепанов за свою короткую жизнь. Его стихи были рассеяны по редакциям газет (их надо искать в соответствующих архивах), хранятся у близких и знакомых поэта. Так, довольно долго я хранил две школьные тетради со стихами Черепанова, а потом передал их иркутскому поэту М. Сергееву, до сих пор храню его ненапечатанный рассказ «Германская бабушка». Знаю, что стихи есть у бывших друзей Черепанова — В. Стародумова, М. Васильева, В. Агалакова. Не лишне поискать и в бумагах Иркутского Союза писателей, частично попавших в госархив, частично осевших у самих писателей. Необходимо покопаться и в Центральном архиве Министерства обороны СССР, в фондах 1164-го полка и 346-й дивизии. Не может быть, чтобы там не было ничего о Черепанове и его стихах. В городе Дебальцево в народном музее ведется сбор материалов о 346-й Дебальцевской дивизии и ее воинах. Можно обратиться и туда.

Нам нужно сохранить то, что было создано творческим порывом Ивана Черепанова, и донести до потомков, ибо его творчество хотя и небольшая, но частица нашего национального богатства.

И. Кузнецов

СОЧИНЕНИЯ

Страна родная; Мать и сын; Песня на покосе; Родина могучая — хвойная Сибирь; Обрыв; Песня: Стихи. — Нов. Сибирь, 1940, № 7, с. 140—143; «Белый

[2] Пороховая память. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975, с. 105.

снег на вечерней заре...»; Песня: [Стихи. С крат. биогр. справкой]. — В кн.: Антология сибирской поэзии. Иркутск, 1967, с. 523—525; «Белый снег на вечерней заре....»; Песня, написанная И. Черепановым: [Стихи]. — Сов, молодежь, 1974, 5 дек.; «Белый снег на вечерней заре...» [Стихи] /Предисл. М. Сергеева «Так сквозь ветер мы уносимся вперед...» — Сибирь, 975, № 2, с. 42—44, 46; Мать и сын: [Стихи]. — Сов молодежь., 1975, 8 мая; Мать и сын; «Годы все умчали, годы все сокрыли...»; «Белый снег на вечерней заре...»; Песня; обрыв: [Стихи]; Из письма И. Черепанова [матери и сестрам, 1942]. — В кн.: Пороховая память. Иркутск, 1975, с. 101—105.

ЛИТЕРАТУРА

Раппопорт Е. Судьба героя. — Сов. молодежь, 1967, 12 сент.; Раппопорт Е. Судьба поэта. — Заб. рабочий, 1968, 9 июня; Раппопорт Е. Судьба другая. — В кн.: Раппопорт Е. Тайны старых негативов. Иркутск, 1969, с. 57—64; Раппопорт Е. Жил только стихами. — Сов. молодежь, 1974, 5 дек.; Раппопорт Е. Тетради, найденные в Жилкино. — В кн.: Раппопорт Е. Лет молодых наших порох... Иркутск, 1974, с. 124—130; То же. — В кн.: Раппопорт Е. Поэзия поиска. Иркутск, 1980, с. 208—214; Стародумов В. «Гурьба гвоздик — судьба земли...»— Сибирь, 1974, № 5, с. 104—107; Стародумов В. Иван Черепанов; Кузнецов И. Жил только стихами..: [Воспоминания об иркут. поэте]. — В кн.: Пороховая память. Иркутск, 1975, с. 106—115.

К. В. БОГДАНОВИЧ (1919—1978)

Краеведение требует от человека, взявшегося за это дело, обширных, энциклопедических знаний, высокой библиографической культуры, неиссякаемой любознательности, преданности родной земле. Кирилл Всеволодович Богданович был таким человеком. В нем удачно сочетались журналист, писатель, библиофил и краевед. Жизнь его оборвалась на 59-м году. Многое он сделал, но еще больше осталось не осуществленным.

Кирилл Всеволодович Богданович родился в небольшом украинском городке Жмеринка Винницкой области 17 декабря 1919 г. в семье служащего. После того как отец покинул семью, мать в 1927 г. вместе с 8-летним сыном переехала в Томск. Здесь юноша окончил семилетнюю школу. Вскоре Людмилу Гавриловну Богданович — мать писателя — перевели на работу в Красноярск, где Кирилл Всеволодович закончил среднюю школу, а в 1942 г.— литературный факультет Красноярского педагогического института, где он выпускал стенную газету, увлеченно работал в литературном кружке. Любовь к русской литературе была с детских лет привита ему матерью, получившей в свое время хорошее образование, знавшей польский, немецкий и французский языки.

Учителем русского языка и литературы работал недолго — был призван в ряды Красной Армии и зачислен курсантом Киевского военного училища, дислоцировавшегося в то время в Красноярске. Закончил Богданович училище уже в Киеве в 1945 г. и, будучи командиром взвода, прошел с боями по освобождаемой польской земле, на которой и кончилась его армейская служба. Демобилизовавшись в июле 1946 г., он вернулся в Красноярск. Работал в газетах «Красноярский железнодорожник», «Красноярский рабочий», «За кадры» (многотиражная газета пединститута).

Занимаясь газетной работой, он успешно окончил Московский заочный полиграфический институт, в котором обучался по специальности «редактирование» с 1950 по 1955 г.

В 60-е гг. стали появляться его газетные заметки, статьи, связанные с краеведческой тематикой, в частности о возникновении и развитии Красноярского острога, переросшего со временем в губернский город. Появилась впервые подобная статья и в литературном альманахе «Енисей» (Осада: Из далекого прошлого в Красноярске.— Енисей, 1963, № 2).

В 1966 г. читатели познакоми-

лись с первой частью книги «Люди Красного Яра», вышедшей в Красноярском книжном издательстве. А уже в первом номере «Енисея» за 1967 г. была напечатана положительная рецензия на эту книжку.

Автор долго работал над второй частью книги, которая вышла в свет в 1972 г. В окончательном виде и объеме под названием «Люди Красного Яра. Книга сказов про сибирского казака Афоньку Мосеева» появилась в 1977 г.— в канун 350-летнего юбилея города Красноярска.

В этой книге воссозданы эпохи, быт, нравы первых красноярских землепроходцев, картины ратных и трудовых будней казаков Красноярского острога. В образах главных героев сказов — приказного подъячего Богдана Кириллыча и молодого казака Афоньки Мосеева — преемственность извечной любви русских людей к своей земле.

Тяжел и опасен был труд на этой земле первых землепашцев. Жил и трудился на правом берегу великой реки на Злобинской заимке бывший гулящий человек Стенька. А набеги на заимки качинских татар и киргизских племен были частыми. Вскоре и пробил смертный час для него—уже пашенного мужика. «Все замерло над полем. Только из разжатой, уже неживой Стенькиной ладони скатилось меж пальцев, скользнуло с легким шорохом несколько ржаных зерен. Они пали во вспаханную Стенькой землю, и подмытый теплой Стенькиной кровью комочек земли тоже с легким шорохом скатился с места и прикрыл упавшие в борозду зерна...»

Яркость переживаний, образность языка героев, драматическая наполненность их взаимоотношений, а также живость и рельефность их характеристик, пейзажных и психологических зарисовок — все это определено сказовой формой повествования, довольно редкой в нашей литературе, но благодатной для передачи духа того далекого времени.

В 1969 г. Богданович вместе с архитектором З. Лопатиным составил справочник-путеводитель «Красноярск», вышедший в местном издательстве. Главы, написанные Богдановичем, содержат множество фактического материала, добытого долгим трудом в архивах и библиотеках. История зарождения города, революционные события 1905 г., пребывание Ленина и его соратников в Красноярске, сведения о событиях литературной, художественной, музыкальной жизни города — все это преподносится просто и увлекательно.

Работая с февраля 1964 г. сначала старшим редактором, затем заведующим отделом научно-технической информации института Красноярский промстройниипроект, Богданович все свободное время отдавал разысканиям из истории пребывания в крае декабристов, народовольцев, первых марксистов, а также из истории зарождения библиотечного дела, театральной жизни города, развития библиофильства. Его статьи постоянно печатались в краевых и районных газетах.

Он работал в городском клубе книголюбов, основанном в 1965 г., задолго до создания Всероссийского добровольного общества книголюбов. А с 1975 г. до конца своей жизни бессменно руководил городским библиофильским клубом. «Записки книголюба» он успел написать только вчерне.

17 января 1978 г. Богдановича не стало. «Видно, и впрямь судьба летописца — судьба подвижника. Может, в этом его назначение и счастье? Будем думать так. И этим утешим себя и тех симпатичных, чаще всего тихих, умных и самоотверженных людей, которые сидят в архивах, либо копаются в запасниках музеев, в земле и развалинах, извлекая ту самую «золотинку», без которой казна и история Отечества нашего есть

неполная»,— так сказал об авторе «Людей Красного Яра» В. П. Астафьев.

Ю. Кротов

СОЧИНЕНИЯ

Люди Красного Яра: 1-я кн. сказов про сиб. казака Афоньку Мосеева. Красноярск, 1966; То же. — 2-я кн. сказов про сиб. казака Афоньку Мосеева. Красноярск, 1972; То же. — Кн. сказов про сиб. казака Афоньку Мосеева. Красноярск, 1977.

ЛИТЕРАТУРА

Астафьев В. П. «Золотинка»: (О творчестве К. В. Богдановича). — Лит. Россия, 1974, 19 июля, с. 15; Аверихин В. А. Экслибрисы Сибири: Заметки коллекционера. — Альманах библиофила. М.: Книга, 1976, вып. 3; Астафьев В. П. Посох памяти. М.: Современник, 1980, с. 283—287. Аверихин В. А. «...Оставив живущим волнующий след». — Краснояр. комсомолец, 1981, 26 февр.; Кротова С. Г. Люди Красного Яра. — Енисей, 1967, № 1, с. 131—132.

И. М. ДВОРЕЦКИЙ (1919—1987)

Он в творчестве своем часто возвращается на Байкал, к его простору, к его заповедным берегам, к его источникам, дающим не только целебную воду, но и исцеляющим душу. Этот заветный мир сохранился в нем с детства. Игнатий Моисеевич Дворецкий родился 2 мая 1919 г. в г. Слюдянке, на берегу славного сибирского моря. Здесь прошло его дошкольное детство, и самое начало его захватила своим огнем гражданская война — бои у каждого тоннеля, на Хамардабанском перевале, у линии железной дороги были еще свежи в воспоминаниях прибайкальцев, когда мальчишка подрастал.

Когда пришла школьная пора, родители его переехали в Иркутск, здесь он окончил школу, рано начал работать — грузчик, строительный рабочий, токарь по металлу — его первые профессии. В середине тридцатых он уезжает в Москву, становится студентом Московского института государственного права и государственного управления, но после окончания второго курса оказывается на севере, где шутят: у нас один рабочий день в году — полярный. Здесь Дворецкий начинает свою жизнь трактористом, здесь открывается его литературное дарование, и, став однажды художественным руководителем маленького, засыпанного пургой клуба, он сочиняет роман, главным героем которого является он сам.

В 1947 г. он возвращается в Иркутск и появляется в Иркутском отделении Союза писателей с большим багажом: это роман, так и не увидевший света, заготовки повести, рассказы. Среди них — «Юлька», который нравится его новым иркутским друзьям-литераторам, но это рассказ лирический, да еще построенный на событиях семейных, где главные переживания за нелады между родителями и главная роль в разрешении конфликта принадлежит мальчишке, Юльке, а время послевоенное, и еще бытует в литературной жизни и в критике мнение, что быт — это не тема для исследований художника. Забегая вперед, можно сказать, что со временем рассказ этот появится

в журнале «Огонек», вызовет большой интерес читателей, и, по времени написания, с этого именно рассказа нужно начинать отсчет литературной деятельности Дворецкого.

Однако рассказ пока будет лежать в портфеле, дожидаясь своего часа, а первой публикацией станет очерк о девушке-слюдянщице, без отрыва от работы завершившей с золотой медалью вечернюю школу — «Медаль Иды Семиусовой», написанный в соавторстве, он опубликован 29 октября 1948 г. в газете «Восточно-Сибирская правда». В том же году в альманахе «Новая Сибирь» появляется рассказ «Невод в море», где даны картины Байкала, жизнь его рыбаков — в те поры еще водился омуль в славном море, и неводные бригады часто становились действующими лицами очерков и рассказов, стихов и повестей.

Дворецкий трудится в эти годы, с 1947-го, культработником в промысловой кооперации, затем — литературным сотрудником газеты «Советский боец». Это время рассказов. На страницах журнала «Огонек», которым руководит А. Сурков, появляются «Поддубенские частушки» С. Антонова, «Зимний дуб» Ю. Нагибина, рассказы Д. Бедного, Ф. Кнорре. Среди этих имен появляется и Дворецкий, сперва «Мария Сергеевна» — тонкий добрый рассказ об учительнице, «Есипов» и, наконец, тот самый, с которым приехал молодой автор с севера — «Юлька». Учительница, пожарный, рыбаки, служащие небольшой конторы («Общее собрание») — вот первые герои Дворецкого, «люди невеликие», должности будничные, а души — прекрасные. Он много печатается — «Новая Сибирь», «Огонек», «Сибирские огни», «Смена», «Новый мир», «Москва». Они, эти ставшие сразу популярными рассказы будут потом собраны в книгу «Половодье», но первой станет не она: в начале 50-х гг. Дворецкий уедет в творческую командировку в один из леспромхозов, вернется оттуда, наполненный «лесными» проблемами, таежными конфликтами, записанными в блокнотах диалогами, черточками биографий людей, запавших ему в сердце. И появится очерковая повесть «Тайга весенняя». Еще до выхода ее в свет центральное радио сочтет нужным передавать ее чуть ли не целый месяц день за днем, главу за главой. В 1952 г. повесть выйдет в Иркутске и станет первой книгой писателя. Затем будет уже «Половодье» (1954), небольшая книжка для детей «Младшие в семье» (1956), повесть «Командировка» (1957). Из командировки же привезет Дворецкий и новый замысел, и новый для себя жанр, и подлинную свою литературную судьбу.

В наши дни, говоря о Дворецком, ведут речь о его драматургических сочинениях: с конца 50-х гг. он создал добрый десяток пьес, поставленных многими театрами страны и за рубежом, стал одним из популярных драматургов страны. А началось все с командировки, на этот раз на строительство линии электропередач Иркутск — Братск, одну из первых молодежных строек Сибири. В конце 50-х гг. это была первая по протяженности электролиния, созданная в сжатый срок и при экстремальных природных условиях,— вечная мерзлота, болота, непроходимая тайга, свирепые сибирские метели. Здесь наиболее полно раскрывались характеры, высвечивались до донышка души, и рамки рассказа или короткой повести показались Дворецкому слишокм хрупкими, чтобы выдержать такой напор, все его впечатления сложились в пьесу, названа она была просто и символично — «Трасса». В 1959 г. ее опубликовал журнал «Советская драматургия», но еще до появления в печати она обошла многие театры страны, по странной логике — «в

своем отечестве несть пророка» — миновала лишь иркутских служителей Мельпомены. (Так будет, кстати сказать, и с первой пьесой Александра Вампилова «Прощание в июне». Иркутский драмтеатр поставит ее последним в стране, да и то под напором писательской организации.)

С «Трассы» начинается судьба Дворецкого как драматурга. Его следующая пьеса «Взрыв» стала как бы второй «серией» «Трассы» (в Петрозаводском театре они игрались даже в два вечера), ибо связана была с первой общим главным героем — начальником стройки Александром Чепраковым, человеком сильным, неординарным, прошедшим войну, научившимся не только командовать людьми, но и понимать их, и в то же время сохранившим в своих размышлениях, отношениях, действиях максимализм молодости, который привлекает к нему юношество, но настораживает людей, умудренных уже жизненным опытом. Отметины этого характера мы найдем потом и в судье Ковалевой из провинции, и в человеке со стороны Чешкове, и в байкальском бригадире Суходоеве, людях, взявших на себя ответственность за время, за вверенное им дело, и от этого усложнивших жизнь и себе и всем окружающим.

В 1958 г. Дворецкий окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького в Москве. Вернулся в Иркутск, но здесь не складываются никак отношения писателя, избравшего для всей будущей своей литературной работы драматургию, и местного театра. С 1964 г. Дворецкий живет в Ленинграде.

С каждой новой пьесой крепнет его талант. Каждая из них — «Большое волнение», «Мост и скрипка» («Буря в стакане»), «Мужчина семнадцати лет», «Человек со стороны», «Ковалева из провинции», «Проводы», «Веранда в лесу» — сложное движение: вперед со временем, впереди времени, но и память прошлого, сохранение в душе и в работе того, что задело, запомнилось, стало своим в давние уже годы литературной молодости. Остро двигаясь вперед, ощущая напор века, устойчиво хранить идеалы непросто, Игнатию Дворецкому это удается. Каждая новая пьеса его вызывает жаркие споры. Может быть, потому, что рождается в споре с собой?

В предисловии к публикации своей новой пьесы в альманахе «Современная драматургия» (1983, № 4) Дворецкий пишет: «Пьеса «Директор театра» делалась долго. Два раза бросал навсегда, три раза уничтожал рукопись. Статистика эта — личное дело. Скажу лишь: никогда б не хватило терпения все переписывать и перестраивать, если б не моя ясная ненависть к театру. Какими бы страданиями не обернулась история, я рад был, что ненависть достигла во мне достаточного накала. Чувствовал, что если не выплесну всего возмущения, то пора возвращаться к прозе, как делали это до меня коллеги мои. Не хотелось мне возвращаться к прозе! Нельзя передать словами, как не хотелось, трудно уходить из семьи. Страшно. Подумал: только преодолевая страдания, можно писать долго, много и хорошо. Переменилось вдруг что-то. Седьмой вариант, последний, писал уже с ощущением доброты. Ненависть не утихла во мне, наоборот, но подавил. Теперь скажу, про что пьеса. Про то, как встретились два человека, полюбили друг друга и что произошло из этого»[1].

В принципе любая пьеса про то, как встретились два человека, полюбили (или не полюбили) друг друга. Но вокруг этих двух чело-

---

[1] Дворецкий И Пьеса писалась трудно. — Современная драматургия, 1983, № 4, с. 28

век — кипение жизни, соединенность или разъединенность героев с их окружением, борьба чувств, мыслей, идей, проблем — и только тогда из встречи этих двух людей, возникшей меж ними любви или ненависти и возникает драматургия. Даже если бы под предисловием Дворецкого не стояла дата, мы легко определим время его написания: наши дни, эпоха «режиссерского театра», когда выстраданная, написанная кровью сердца пьеса, прежде чем придти к зрителям, становится жертвой режиссерского произвола, на плахе сцены ей рубят голову, а то и четвертуют, меняют мысль, курочат идею, и в таком виде выпускают в мир. И дотошные критики в восторге от того, что содеял режиссер, а ежели ничего не получилось — то виновником оказывается драматург.

Еще в первых своих пьесах Дворецкий предугадал то явление в драматургии, которое будет названо «производственной волной». Мы как-то странно привыкли делить художественные произведения по нехудожественному принципу, оговариваясь, что назывной принцип, положенный в основу этого деления,— «военная проза», «деревенская проза», «производствeная пьеса» — облегчает нам предметность разговора. На самом деле всякое литературное явление есть ответ на вопросы, задаваемые обществом. Общество может еще не сформулировать точно свой вопрос, не произнести его вслух, но он уже носится в воздухе, и писатель ощущает его душой, обостренностью таланта. Пьесы «Человек со стороны» И. Дворецкого, «Заседание парткома», «Мы, нижеподписавшиеся» А. Гельмана, «Сталевары» Г. Бокарева, вызвавшие огромный зрительский интерес и резкие споры критиков семидесятых годов, были ответом на вызревшее в народе возмущение бесконечной показухой, парадной шумихой, потолочной отчетностью, венчаемой за приписки и неправду премиями и наградами, короче, всему тому, чему дал точную и бескомпромиссную оценку XXVII съезд партии. И сейчас, когда в стране идет перестройка, с камертоном правды и чести, можно сказать, что и работа в драматургии Дворецкого сделала свое важное государственное дело.

Но у этих вещей есть и еще один аспект.

«Производственный театр 70-х гг., драматургическая «производствениана» минувшего десятилетия коллективно открывали новые пласты действительности, нового героя времени, новые повороты национального характера, новые очертания интересного в искусстве, новые взаимоотношения личного и общественного, новое наполнение самого понятия «богатый внутренний мир современника» — пишет в статье «Тревоги на марше» известный театровед Инна Вишневская. И продолжает: «Отныне не существовало больше представления о том, что русский характер далек от деловитости, что есть якобы некий «русский размах» и «американская деловитость». Перемещались, социально, экономически, психологически менялись устоявшиеся эти понятия. Русский размах приобретал четко выверенные разумные, рациональные, антиволюнтаристские, сверенные с жизнью и народными планами крепчайшие основы реализма»[2].

Такими людьми были герои Дворецкого. Естественно, сталкиваясь с деформированностью жизни, они и сами были не идеальными, их социальное кредо, целеустремленность вступали в конфликт с их личной жизнью, куда они невольно переносили свои производственные отношения. Отсюда столь непростые

---

[2] Вишневская Инна. Тревоги на марше. — Современная драматургия, 1983, № 4, с. 182.

взаимоотношения Чешкова с его любимой женщиной Щеголевой, отсюда его фраза, столько раз подмеченная критиками: «Равноправия ты у меня не увидишь!». Дворецкий и не создавал идеалов, он высветил тип человека, который был и есть человеком со стороны для тех, кто жизнь свою личную считал делом, а порученное страной дело — стороной.

Во многих пьесах Дворецкого главным действующим лицом стала родная земля — Сибирь: ее хозяйственные, социальные, нравственные, экологические заботы владеют умами и сердцами героев Дворецкого от давней «Трассы» до сегодняшней «Веранды в лесу», пьесы, которая недавно пришла в театр, принеся присущее нашему времени беспокойство о сохранении для будущих поколений в первозданной красоте уникальных прибайкальских просторов. «Вы не задумывались,— спрашивает один из персонажей «Веранды в лесу» Пахомов,— почему в последние годы так много людей ждет инопланетян?» И сам же отвечает: «Чем больше открытий, тем меньше, кажется, знаем про нашу землю. Про этот небольшой кораблик, на котором все летим неизвестно куда... Земная игра на грани риска начинает вызывать в человеке тревожное чувство»[3].

Обособленный мир заповедника. Деревянный дом с верандой среди леса. Три героини — мачеха и две ее падчерицы, словно три сестры Чехова, заняты сложными личными переживаниями — вдовствующая Светлана влюблена в нового директора, женатого человека, Лида рассталась с мужем-милиционером, который продолжает любить ее и пользуется любым случаем заехать в гости. Катя, собирающаяся соединить свою судьбу с непростым, «истинно лесным человеком». А вокруг тайга, с ее горными реками и полянами, затканными многоцветьем, с медведями и оленями, тянущимися к людям, но и тракторами, присланными поднимать целину в заповеднике, чтобы в пользу недальновидных распорядителей ради сиюминутной отчетности прибавить несколько гектаров в сводке посевных площадей. Но и врывающийся в нетронутую природу асфальт и бетон, и ядохимикаты, может быть и полезные для небольшого клочка поля, но страшные для всей экосистемы. И вдруг формула Пахомова: чем больше мы узнаем о мире вообще, тем меньше знаем собственно землю, приобретает конкретное и тревожное воплощение.

В Ленинграде драматург не только работал над пьесами, будучи человеком активной жизненной позиции, он создал в городе студию молодых драматургов, где под его руководством читались и обсуждались пьесы, шла теоретическая учеба, налаживалась связь с театрами, столь необходимая, чтобы у талантливой пьесы была талантливая судьба. Под влиянием этой лаборатории созданы студии в Сибири, и Дворецкий принял участие в их становлении, не забывая свою малую родину.

Умер писатель в мае 1987 г.

М. Сергеев

СОЧИНЕНИЯ

Тайга весенняя: Повесть. Иркутск: Кн. изд-во, 1952; Полноводье: Рассказы. Иркутск: Кн. изд-во, 1954; Младшие в семье: Рассказ. Иркутск: Кн. иизд-во, 1956; Командировка: Повесть. Иркутск: Кн. изд-во, 1957; Источник: Повесть. М.: Сов. Россия, 1966. Пьесы: [Трасса; Взрыв; Большое волнение]. М.: Сов. писатель, 1963; Человек со стороны: Современная хроника. В 2-х ч. Л.: Искусство. Ленингр. отд-ние, 1972; Трасса: Пьесы. Л.: Сов. писатель. Ленинград. отд-ние, 1978.

ЛИТЕРАТУРА

Кардин В. Герой наших дней: (Заметки о совр. очерке). — Вопр. лит., 1969, № 6, с. 10—11; Росляков В.

[3] Дворецкий Игнатий. Трасса: Пьесы. Л., 1978, с. 377.

Публицистика больших раздумий и широких обобщений. — Вопр. лит., 1959, № 4, с. 31—44; Рубашкин А. Очерки прошлого года. — Сиб. огни, 1960, № 6, с. 156—168; Трушкин В. П. С думой о человеке. — Вост.-Сиб. правда, 1963, 9 окт.; Яновский Н. Н. Дворецкий И. М. — Крат. лит. энциклопедия. М., 1964, т. 2, с. 546; О пьесе «Большое волнение»: Владимирова З. Большое волнение. — Театр, 1961, № 11, с. 115—118; Пьесы сибиряка за рубежом. — Вост.-Сиб. правда, 1962, 29 авг. О пьесе «Взрыв»: Анастасьев А. Революция продолжается! — Театр. жизнь, 1959, № 10, с. 7—9; Андреева Л. «Взрыв». — Театр. жизнь, 1960, № 19, с. 18; Залесский В. О красоте подлинной и мнимой. — Наш современник, 1961, № 1, с. 206—224; Скатерщиков В. Героя наших дней — на сцену театров. — Мол. гвардия, 1961, № 1, с. 212—214; О кн. «Источник»: Мутин В. Источники жизни.— Сов. молодежь, 1966, 12 авг.; О повести «Командировка»: Попова Л. Жизнь не терпит равнодушных. — Звезда, 1958, № 10, с. 214—216; Хайлов А. Дорога становится шире. — Звезда, 1959, № 2, с. 232; О кн. «Половодье»: Трушкин В. Рассказы о наших современниках. — Вост.-Сиб. правда, 1954, 30 сент.; Емельянова Н. В поисках жизненной правды.— Октябрь, 1955, № 6, с. 167—172; Яновский Н. Новые рассказы. — Сиб. огни, 1955, № 4, с. 159—164; О пьесе «Трасса»: Зубков Ю. Современность — это человек. — Театр. жизнь, 1959, № 9, с. 4—6; Строева М. Спор о современном. — Театр, 1959, № 6, с. 73—86; Чеботаревская Т. Вера в талант — требовательность к таланту. Театр. жизнь, 1959, № 11, с. 2—3; Чеботаревская Т. Нынешний день зовет! — Театр. жизнь, 1959, № 8, с. 15—16; Головошенко Ю. Проблема драматического конфликта. — Звезда, 1960, № 10, с. 189—190.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абрамович А. И. М. Дворецкий. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 244—247; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 98—99; Русская литература Сибири: Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 90—92; Родное Приангарье. — Иркутск, 1979, с. 50—52; Писатели Ленинграда: Биобиблиогр. справочник. Л., 1982, с. 106.

Г. Г. КОБЯКОВ (1919—1981)

Григорий Григорьевич Кобяков родился 30 декабря 1919 г. в деревне Федосеево Красноярского края, в крестьянской семье. Окончив в 1938 г. Балахтинскую среднюю школу и краткосрочные учительские курсы, работал учителем и одновременно продолжал учебу на заочном отделении Красноярского педагогического института. Призванный осенью 1939 г. в Красную Армию, Кобяков служил в Монголии, близ Халхин-Гола, где только что отгремели бои. Здесь встретил он весть о начале Великой Отечественной войны. По окончании ускоренных офицерских курсов он продолжает служить в войсках Забайкальского фронта (так, с осени 1941 г. стал называться Забайкальский военный округ), а в 1944—1945 гг. в качестве командира зенитной батареи участвует в войне против фашистской Германии и в разгроме милитаристской Японии.

Уйдя в запас в конце 1946 г., Кобяков связывает свою судьбу с журналистикой — работает в газетах Красноярского края, а затем, в начале 50-х гг., после окончания Высшей партийной школы, направляется в Читинскую область. Многочисленные поездки по Забайкалью обогащали молодого журналиста, раскрывали перед ним красоту этого сурового края, знакомили с его людьми.

Наряду со статьями, корреспонденциями, газетными зарисовками и очерками с начала 50-х гг. в местной прессе начинают появляться его небольшие рассказы. В 1958 г. в Чите выходит его первая книга рассказов — «Гордая песня».

Как отмечала тогда же критика, написана книга «неровно». Но та же критика справедливо писала, что в лучших его рассказах «заметен писатель», влюбленный в природу, видящий и ценящий в охоте прежде всего возможность непосредственного общения с нею и наслаждения ее неповторимой красотой» (Сибирские огни, 1959, № 4, с. 183).

В центре большинства его рас-

сказов сам автор-повествователь, человек наблюдательный и добрый, один из тех охотников, у которых «на душе хорошо» даже тогда, когда «возвращаются они без добычи. Отношение персонажей к природе — к лесу, зверям, птицам — является у Кобякова своего рода лакмусовой бумажкой, с помощью которой высвечивается нравственный облик человека. Автору глубоко антипатичен дух стяжательства, корысти, который проявляется в людях, подобных Ухареву («Ухарь»). Открытая авторская неприязнь к Ухареву, однако, проявляется слишком прямолинейно, так что теряется жизненная убедительность образа. Зато рассказы «На заломе», «Охотничий закон», «Петр Иванович», «Ночь в тайге» свидетельствуют о внимании начинающего писателя к духовному миру своих героев, о его умении очерчивать характеры.

Уже в этой небольшой книжке начинающего писателя проявилось то, что станет потом основным принципом его работы: создавать произведения на собственном жизненном опыте, писать о том, что лично увидено и пережито. Отсюда — черты автобиографичности в его последующих книгах — «Крылья», «Лирическая тетрадь», «Кони пьют из Керулена» (указание времени и места действия, подлинные имена многих персонажей, отрывки из писем своих героев и т. д.).

Исключение составила лишь повесть для детей и о детях «Вас ожидают звезды» (1965). В центре повести современные 12—13-летние мальчишки и девчонки сибирского города, мечтающие о больших делах, о подвигах. Но это естественное и всегда новое настроение подростков вылилось в повести в «заезженные» формы. Клятвы и тайны, попытка бежать на Кубу, письма, оставленные юными беглецами, ночи, проведенные ими в таежном зимовье, а затем борьба ребят против не-

навистного им управдома за высокие нравственные принципы, письмо в Академию Наук СССР... Немало во всем этом надуманного, немало сочиненных ситуаций, закономерно приводящих к фальши в характерах. Повесть «отталкивает своей фальшью», — писал о ней И. Мотяшов (Сибирские огни, 1967, № 4, с. 175). Сказано, пожалуй, слишком резко, но в общем-то правильно. Это было прямое и честное слово критики, заставившее молодого писателя задуматься о дальнейшем направлении своего творческого поиска. И писатель сделал правильный вывод: успех может ожидать его не на пути надуманных сюжетных построений, а на художественном освоении собственной жизни и жизни своих сверстников.

Молодого писателя выручила важная особенность его личности — обостренное чувство прошлого. Первым опытом в этом направлении была его книга рассказов о предвоенной и военной поре своего поколения — «Крылья». Теперь эта тема получает свое дальнейшее развитие в повести «Лирическая тетрадь» (1969).

Главным событием в жизни людей, к поколению которых при-

надлежит Кобяков, была Великая Отечественная война. Все пристальнее вглядываются люди старшего поколения в прошлое, в свою юность, на долю которой выпали тяжкие испытания. И Кобяков в этом отношении не составляет исключения.

Осмыслить военное и предвоенное время, поведать сегодняшнему читателю о том, как молодежь тех трудных лет выбирала свой путь в большую жизнь и как потом выдержала испытание войной, и составляет содержание его книг «Крылья» и «Лирическая тетрадь». Они объединены образом автора-рассказчика, его сверстников. Наиболее сильно написаны те страницы этих книг, в которых показаны тревожные предвоенные годы, время становления характеров героя и его сверстников. Лиризм, свойственный прозе Кобякова, достигает здесь наибольшей проникновенности. И в большом рассказе «Ласточка», которым открывается книга «Крылья», и в «Лирической тетради» через характеры тогдашних подростков из сибирского села хорошо передается предгрозовая атмосфера второй половины тридцатых годов. Мальчики и девочки на пороге своей юности, захваченные романтикой подвига (взять хотя бы волновавшие тогда всех известия о героической борьбе республиканской Испании), очень еще наивны в своих представлениях о надвигающейся войне с фашизмом. Настолько наивны, что их прекраснодушия не смог охладить даже их летчик-земляк, только что вернувшийся из Испании. Не все, конечно, мог боевой командир рассказать своим юным друзьям. Да и не все дано им было понять в то сложное время. Но, уезжая, он на прощание сказал им самое главное: «...Ищите такое дело, которому можно отдать все силы, всю страсть, всю жизнь». И молодежь тех лет его искала, взяв девизом своей жизни гордые слова Долорес Ибаррури:

Коммунисты, как сталь:
Их можно сломать,
Но согнуть — никогда.

Испытания, выпавшие вскоре на долю юных героев, не согнули их.

О высоком духовном настрое своих сверстников, о чистоте их помыслов Кобяков рассказывает без патетики. Но его тихий голос отдает в сердце читателя жгучей правдой пережитого. И о чем бы он ни рассказывал — о подруге ли своей юности, с которой свели его и развели дороги войны («Ласточка»), о встрече ли с матерью по пути на фронт («Мать»), о встрече ли с другом детства, изувеченным, но не сломленным войной («Крылья»), о своей ли побывке на склоне лет в местах своего детства («Лирическая тетрадь»),— все это подлинная правда, пережитая автором, пропущенная сквозь сердце и потому не оставляющая читателя равнодушным.

В 1971 г. вышло последнее художественное произведение Кобякова — роман «Кони пьют из Керулена» (второе издание в 1977 г.). Его тема — советско-монгольская дружба — также была близка писателю по его жизненному опыту. В 1939—1941 гг. он служил в воинской части, располагавшейся в Монгольской Народной Республике близ Халхин-Гола, а потом в качестве журналиста и писателя много раз бывал в этой соседней стране.

Верный своему творческому принципу создавать произведения только на достоверном материале, Кобяков в основу романа кладет действительную, хотя и исключительную, историю любви русского солдата и монгольской девушки, сумевшей пронести любовь к погибшему другу через всю жизнь, вырастить их сына, названного в честь отца Максимом.

Уже в сюжете, подаренном пи-

сателю самой жизнью, просматривается тема и идея романа — дружба двух народов — русского и монгольского. Романтический сюжет писатель сумел облечь в плоть и кровь реалистического художественного произведения, наполнив его богатым историческим, социально-бытовым, этнографическим материалом, в результате чего дружба СССР и МНР раскрывается в романе как явление закономерное в отношениях двух стран, идущих по одному добровольно избранному ими пути.

Композиционная целостность романа достигается тем, что богатый фактический материал вводится в художественную ткань произведения не как инородное тело, а органически, в связи с судьбами главных героев. Так, в связи с образом Максима Соколенка вводится образ его отца, погибшего в начале 20-х гг. в боях за революционную Монголию, а в связи с ним — картины боев. Через судьбу главной героини романа Алтан-Цэцэг мы узнаем о том, как в разгар войны с фашистской Германией Советская страна, истекавшая кровью, построила в братской Монголии первый в ее истории университет. Многие исторические факты движения монгольского народа к социализму прослеживаются в романе в связи с судьбами отца главной героини — Лодоя и его старшего друга Жамбала, выросших из простых аратов в крупных партийных работников. Сильное впечатление производит подвиг русской женщины-врача Лидии Сергеевны Ледневой, спасавшей аратов от чумы.

Словом, на большом материале в романе показано, как, опираясь на братскую помощь Советского Союза, монгольский народ под руководством Монгольской народно-революционной партии преображает облик своей родины. Максим был уверен, что на Халхин-Голе возможно земледелие. И Алтан-Цэцэг, став агрономом, доказывает правильность предположений своего любимого. И глубоко символично, что прежде безжизненное Прихалхинголье становится цветущим краем.

Хронологические рамки романа велики: от начала XX в. до середины 60-х гг. Благотворность дружбы двух народов раскрывается в романе на материале, большей частью выходящем за пределы личного опыта автора, почерпнутом из книг, из рассказов других людей. И это обстоятельство приводит местами к ослаблению художественной выразительности повествования. Исторические, этнографические сведения, сами по себе интересные и полезные, нередко вытесняют внимание автора к духовному миру героев, к их психологии. В последней трети книги романное начало явно ослабевает и произведение начинает отдавать иллюстрацией к его главной идее.

И все же роман «Кони пьют из Керулена» явился несомненной творческой удачей Кобякова: он доносит до нас звуки, запахи, краски дружественной нам страны с ее неповторимым природным, этнографическим и национальным своеобразием.

Тема дружбы советского и монгольского народов не исчерпывается у Кобякова романом «Кони пьют из Керулена». Впечатления писателя от поездок в эту дружественную страну в пору работы над романом и после его выхода в свет оказались столь богатыми, что составили целую книгу записок, путевых очерков, зарисовок о современной Монголии — «Белая юрта» (1979). Она вызывает интерес богатством информации о сегодняшней Монголии — о ее экономике, культуре, людях, о нравах и обычаях народа, о некоторых чертах национального характера, которые изменяются под влиянием социалистической нови. В романе «Кони пьют из Керулена» главная

героиня Алтан-Цэцэг говорила автору-повествователю о своем народе: «Долгими веками вырабатывались черты медлительности, спокойствия, неспешности степняков-скотоводов. Прошу не путать с неповоротливостью. Но вот появилась машина, завод, фабрика, шахта. Они требуют к себе иного отношения, чем овечка, они диктуют новый ритм труда и жизни. Время, технический прогресс принесли с собой новые скорости, к которым степняку надо привыкать, осваивать их». В «Белой юрте» автор делает существенную поправку, внесенную самим временем: «...Мои представления о несоответствии некоторых черт национального характера (монголов.— А. Т.) ритму современного промышленного производства оказались устаревшими, чему, конечно, приходится радоваться». И как итоговый вывод из многолетнего знакомства автора с Монголией звучит его признание: «В Монголии вырос новый человек, новая молодежь, главной чертой которой является готовность отдать все силы строительству социалистического общества. И это не громкие слова, а сама жизнь».

Журналистская закваска, полученная Кобяковым в начале его творческого пути, не ослабевала до последних дней его жизни. Эти две линии — художественная и публицистическая — шли параллельно, часто пересекаясь и взаимно обогащая друг друга. И в книге рассказов «Крылья», и в повести «Лирическая тетрадь», и в еще большей степени в романе «Кони пьют из Керулена» публицистическое начало проявляется в прямых авторских суждениях, в опоре на письма, дневники, что несомненно служит заострению художественной мысли.

Собственно публицистические материалы наряду с «Белой юртой» составили еще две его книги — «Обелиски» (1974) и «Радуга над Тангой» (1982). Последняя вышла в свет уже после смерти автора. В них, как и в «Белой юрте», видно то общее, что присуще автору,— опора на лично пережитое и временная двуплановость. Неизгладимый след в памяти Кобякова оставила война. Ее героям-забайкальцам целиком посвящена книга «Обелиски». Но даже в книге очерков «Радуга над Тангой» объектом своего исследования автор избрал колхоз «Победа» Улетовского района Читинской области не только потому, что это хозяйство одно из лучших в области. С ним связано лично пережитое автором. Летом 1942 г. вместе со своим воинским подразделением он находился в этом селе. Будущему писателю довелось видеть тогда колхозников «Победы» в очень трудных жизненных обстоятельствах, разделять с ними горечь военного лихолетья. Отсюда — глубоко личностное, лирическое звучание его воспоминаний о прошлом. Почти сорок лет прошло с тех пор,— пишет он.— Но невозможно и просто нельзя забыть тот трудовой и нравственный подвиг матерей, вдов солдатских, девчат военной поры — сколько же они, бедолаги, вынесли на своих плечах в те военные годы!»

Знание быта колхозников, их дел, трудностей и успехов хозяйства, в котором автор часто бывал в последние годы, горячая заинтересованность писателя в делах колхоза и широкие хронологические рамки книги — все это позволило ему на примере одного колхоза показать сложные процессы в жизни забайкальского села. На примере лучших людей колхоза «Победа» Кобяков показывает, каким должен быть сегодняшний настоящий хозяин земли. В этом и состоит познавательное и воспитательное значение этой книги.

А. Татуйко

СОЧИНЕНИЯ

Гордая песня: Охотничьи рассказы. Чита, 1958; Крылья: Рассказы. Чита,

1959; Вас ожидают звезды: Повесть. Иркутск, 1965; Лирическая тетрадь: Повесть и рассказы. Иркутск, 1969; Обелиски: Невыдуманные рассказы. Воспоминания. Иркутск, 1974; Белая юрта: Монгольские записки. Иркутск, 1979; Кони пьют из Керулена: Роман. Иркутск, 1971.

ЛИТЕРАТУРА

Холин Г. Первая книга. — Охота и охотничье хозяйство, 1959, № 7, с. 59; Горский А. «Небылицы» портят книгу. — Сиб. огни, 1959, № 4, с. 182—183; Раппопорт Е. Воспоминания поэта. — Комсомолец Забайкалья, 1962, 22 авг.; Глинкин П. Поиск в минувшем. — Сиб. огни, 1966, № 1, с. 184; Мотяшов И. Уважение к читателю. — Сиб. огни, 1967, № 4, с. 167—177; Ламбрианов Г. Прикипевший к Забайкалью: (к 50-летию со дня рождения Г. Кобякова). — Заб. рабочий, 1969, 30 дек.; Выходцев В. О долге сыновнем. — На боевом посту, 1970, 10 янв.; Ляхницкий В. Великая сила.— Заб. рабочий, 1971, 28 февр.; Александровский В. Книга о дружбе и любви. — Дальний Восток, 1973, № 10, с. 143—144; Рассадин В. Живая память.— Комсомолец Забайкалья, 1975, 5 сент.; Радзиевский Д. Память. — На боевом посту, 1975, 7 нояб.; Ященко Н. В ногу с жизнью. — Заб. рабочий, 1979, 29 дек.; Белан Н. Солдат, журналист, писатель: (к 60-летию со дня рождения Г. Кобякова). — На боевом посту, 1979, 30 дек.; Золотцев С. Книга о хозяевах земли. — Сибирь, 1984, № 1, с. 103—106; Трушкин В. По законам дружбы: Сибирские писатели о Монголии. — Сибирь, 1984, № 5, с. 79—87.

М. А. РЫБАКОВ (1919—1943)

Жизненный путь иркутского поэта Рыбакова короток — в возрасте двадцати четырех с половиной лет он погиб на одном из фронтов Великой Отечественной войны. Невелико и число стихотворений поэта, напечатанных при его жизни. Но во фронтовых письмах, в записных книжках и тетрадях студенческих лет Рыбакова были обнаружены стихи и поэтические заготовки большой лирической силы. Они явились своеобразным литературным документом времени, помогли ярче представить духовный мир современника, подтвердили мысль о том, что у этого одаренного человека могло быть прекрасное будущее.

Моисей Александрович Рыбаков родился 21 января 1919 г. в Иркутске, в семье служащего. Его раннее детство прошло в Бодайбо — центре Ленских золотых приисков, где некоторое время работал отец. Рыбаков рос не по годам развитым и пытливым мальчиком. В возрасте 8 лет он был определен сразу во второй класс начальной школы. Учась в средней школе , он редактирует стенную газету, участвует в литературном и драматическом кружках. Тогда же, в начале 30-х, Рыбаков впервые выступает со стихами и гравюрами на линолеуме. Его первые литературно-художественные опыты находят место на страницах областной пионерской газеты «За здоровую смену» и газеты «Восточно-Сибирский комсомолец». Как отличник учебы, Рыбаков принимает участие в школьной экскурсии в Крым и на Кавказ. Одни из каникул он проводит, работая в археологической экспедиции известного советского историка А. П. Окладникова, который в те годы вел раскопки под Иркутском на месте палеолитической стоянки.

В 1936 г. Рыбаков заканчивает среднюю школу, получив аттестат с отличием, и тогда же поступает на физико-математический факультет Иркутского государственного университета. Отличную учебу по специальности сочетает с занятиями поэтическим творчеством, с активной работой в факультетском бюро и университетском комитете комсомола. Стихи Рыбакова все чаще публикуются в местных газетах, в альманахе «Новая Сибирь», звучат по радио. Молодой поэт обращается к близким и хорошо знакомым ему темам. Он пишет о родном Иркутске, его славном революционном прошлом, о студенческой весне и первой любви. Его вдохновляет

образ юного Лермонтова, задыхающегося в тисках николаевского режима и протестующего против него, и он начинает свой поэтический цикл «Дорога к гибели».

Молодого поэта манят просторы родного края, он хочет как можно больше знать о жизни своих земляков. Летом 1938 г. комсоргом студенческого отряда Рыбаков отправляется в лодочный проплыв вокруг Байкала. А следующим летом вместе с другими студентами-спортсменами совершает многодневный переход на шлюпках по маршруту Иркутск — Стрелка — Красноярск. Теперь перед ним открывается не только Байкал и Ангара, но и красавец Енисей. Именно после этих походов Моисей Рыбаков написал циклы стихотворений «У нас лесная сторона» и «Ангарские стихи», опубликованные в журнале «Сибирские огни» и в альманахе «Новая Сибирь».

Летом 1940 г. Рыбаков в составе литературно-шефской бригады Иркутского отделения Союза писателей СССР едет в военный лагерь на станции Мальта. Этой бригадой руководили поэт И. Молчанов-Сибирский и прозаик Г. Марков. В летних клубах, прямо под открытым небом литераторы читали бойцам и командирам свои произведения, рассказывали о творческих замыслах и планах, отвечали на многочисленные вопросы, связанные с развитием советской литературы. Члены бригады помогали выпускать литературные страницы в дивизионных газетах.

Для Рыбакова приближалось время окончания университета. Зимой 1940—1941 гг. он проходит преддипломную практику в Москве, в институте физики Академии наук СССР под руководством члена-корреспондента Академии наук СССР В. К. Аркадьева и получает блестящую характеристику и приглашение в аспирантуру.

В июне 1941 г. Рыбаков с отличием заканчивает университет. Он мог стать физиком, математиком, поэтом. Но начинается Великая Отечественная война. Рыбаков откликается на вероломное нападение фашистов взволнованными, гневными стихами. Они передаются по радио, публикуются в газетах и в коллективных поэтических сборниках «Взвивайтесь, родные знамена!» и «Бомба и знамя». Вскоре после выпускного вечера в университете Рыбаков уходит в ряды Советской Армии. Как и многих других выпускников и студентов иркутских вузов, его направляют в Черниговское военно-инженерное училище, которое к тому времени было передислоцировано в Иркутск. Вечерами, в короткие минуты перед отбоем он продолжал писать стихи, заносил в записную книжку родившиеся за день строфы.

Это в то время написал он свое известное стихотворение:

Эх, Байкал, родной, гривастый,
Едем, едем на войну.
Вспоминать мы станем часто
Синюю твою волну.

Один из иркутских композиторов положил эти слова на музыку, и песню распевали уезжающие на запад красноармейцы. Из раскрытых дверей теплушек неслись гордые слова поэта-сибиряка:

Нас немало, мы с Байкала,
Мы встаем в единый строй.

В конце октября 1941 г. с очередным эшелоном уехал на фронт и автор этой песни, только что произведенный в лейтенанты Рыбаков.

В действующей армии офицер-сапер Рыбаков прошел нелегкий и славный путь от адъютанта до старшего заместителя начальника штаба инженерной бригады. Он сражался на Юго-Западном, Сталинградском и Южном фронтах, был ранен и лежал в госпитале. Еще не залечив как следует раны, вернулся в строй.

Враг рвался к Волге, в предгорья Кавказа. Дни и ночи шли кровопролитные бои. Инженерная бригада, в которой служил Рыбаков, находилась все время в движении. Писать в таких условиях было практически невозможно. И все-таки Рыбаков оставался верен поэзии. Он писал свои стихи урывками, на коротких привалах во время марша, в блиндажах и землянках, построенных собственными руками. Писал на любом подвернувшемся под руку клочке бумаги: обрывке полевой карты, странице из классного журнала, подобранного в оставленной гитлеровцами школе, на листках перекидного календаря. Часто стихи можно было встретить в письмах, которые поэт-воин присылал в Иркутск матери, сестре Доре, жене.

Стихи несли на себе опаляющее дыхание войны. В них были жгучая ненависть и презрение к врагу, любовь и нежность ко всему, что воплощается в одном слове — Родина, в них звучали тоска по дому и любимой, непоколебимая вера в нашу победу.

«Для нас остается одно — драться до конца, другого пути у нас нет, судьбы, отличной от судьбы Родины, тоже не найдется: мы ей ровесники, мы ею вскормлены и воспитаны и поэтому нераздельны с ней...», — писал Рыбаков в письме из Сталинграда, датированном 9 августа 1942 г.

К сожалению, весьма коротки и отрывочны сведения о фронтовом периоде жизни молодого поэта, о его каждодневном ратном труде в качестве офицера-сапера. Но и те факты, которыми мы располагаем, характеризуют Рыбакова как умелого и отважного воина, убедительно свидетельствуют о том, что за патриотическим словом у него всегда следовало патриотическое дело.

В посмертном представлении Рыбакова к ордену Отечественной войны I степени начальник штаба 9-й инженерно-минной бригады майор Исупов и начальник оперативно-разведывательного отдела майор Довгалевский пишут:

«Капитан Рыбаков продолжительное время находился в 135-м отдельном инженерно-саперном батальоне в качестве представителя бригады. Батальон находился в оперативном подчинении 37-го стрелкового корпуса и обеспечивал его в инженерном отношении. За время пребывани тов. Рыбакова в батальоне было установлено перед передним краем обороны 5000 разных мин, построены командные и наблюдательные пункты, произведена инженерная разведка... Все эти задания батальоном выполнены при активной помощи капитана Рыбакова. Имея хорошую инженерную подготовку, отлично зная минно-подрывное дело, смелый, бесстрашный командир являлся на самых ответственных участках работы и, невзирая на вражеский обстрел, оказывал подразделениям практическую помощь в выполнении задания...

В первый день наступления на Миусском участке фронта 17 июля 1943 г. тов. Рыбакову было поручено обеспечение переправы в районе села Берестово. Ураганным огнем противник помешал возведению переправы. Передовые части были вынуждены залечь на левом берегу реки Миус, по которому противник вел сильный огонь. Создалось исключительно тяжелое положение. Нахо-

дясь в передней линии стрелков, тов. Рыбаков выявил места переправы вброд, по которым переправились наши передовые части. Только благодаря находчивости тов. Рыбакова был достигнут успех операции на этом участке».

Этому бою суждено было стать последним в жизни отважного офицера. В порыве наступления, увлекая за собой бойцов, капитан Рыбаков пал смертью храбрых на восточной окраине села Берестово.

Как писали фронтовые товарищи матери и сестре Рыбакова, вражеская мина настигла его на берегу, находившемся еще в руках гитлеровцев, но бойцы-саперы под огнем противника переправили тело своего командира в расположение бригады и с воинскими почестями похоронили прямо в степи. Позднее останки воина-сибиряка были перенесены вместе с другими в братскую могилу в селе Русское Ростовской области. В память о героях сооружен обелиск. В списке захороненных Рыбаков значится под № 643. Среди вещей погибшего поэта, присланных из части родным, оказались письма, стихи и неоконченная фронтовая пьеса «Мы — солдаты».

11 сентября 1943 г. в газете «Восточно-Сибирская правда» в связи с известием о гибели Рыбакова был опубликован некролог, подписанный группой иркутских литераторов (А. Ольхон, А. Кузнецова, К. Седых, Ив. Молчанов-Сибирский, Г. Марков, Г. Кунгуров, И. Луговской, А. Гайдай, Б. Костюковский). «Поэтическое дарование М. Рыбакова,— подчеркивалось в некрологе,— по-молодому, горячо откликалось на запросы современности. Мы навсегда запомним нашего молодого товарища мужественным, смелым, талантливым сочетавшим поэтическое слово с патриотическим делом».

Имя отважного воина-комсомольца вместе с именами других иркутян, павших в боях за Родину, увековечено на мемориальных досках на зданиях иркутской средней школы № 11 им. В. Маяковского и Государственного университета имени А. А. Жданова. В Иркутском областном краеведческом музее среди экспозиций об участии иркутян в Великой Отечественной войне один из стендов посвящен Рыбакову.

В 1971 г. Восточно-Сибирское книжное издательство в серии «Поэты огненных лет» выпустило сборник стихотворений Рыбакова «Грань». В него вошли фронтовые стихи поэта и часть стихотворений, написанных перед войной.

В год 30-летия Победы газета «Комсомольская правда» (1975, 16 апр.) под рубрикой «Письма, дневники, записки нашего современника» опубликовала большую подборку из писем и фронтовых стихов Рыбакова, озаглавив ее строкой, взятой из стихотворения поэта, «Из боя в бой — солдатское житье». Публикации было предпослано вступление, написанное иркутскими писателями К. Седых и М. Сергеевым. Эта подборка с краткой биографической справкой о Рыбакове включена в сборник «Солдаты победы», выпущенный Восточно-Сибирским книжным издательством в 1980 г. (составители профессор И. И. Кузнецов и журналист А. И. Гайдай).

Иркутскому историку профессору И. И. Кузнецову удалось выяснить, что еще при жизни, 27 июня 1943 г., капитан Рыбаков был удостоен ордена Красной Звезды. В центральном архиве Министерства обороны СССР на него обнаружен наградной лист, подписанный командующим и членом Военного Совета 44-й армии. Остается неизвестным, успел ли воин-поэт получить эту награду.

В рукописном наследии Рыбакова остаются пока неопубликованными большая часть стихотворений студенческих лет и стихи для детей, написанные также перед войной.

А. Гайдай

СОЧИНЕНИЯ

Грань: Стихи/Сост. и авт. предисл. А. Гайдай. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1971.

ЛИТЕРАТУРА

М. Рыбаков: [Некролог]. — Вост.-Сиб. правда, 1943, 11 сент.; Смирнов М. М. Иркутские писатели в дни Отечественной войны. — Нов. Сибирь, 1945, кн. 15, с. 5; Трушкин В. Поэзия Сибири. — Сиб. огни, 1958, № 3, с. 183; Стихи остаются в строю.— Ангара, 1959, № 2, с. 93; Гайдай А. Боец, комсомолец, поэт. — В кн.: Комсомолия Прибайкалья. Иркутск, 1969, с. 96—99; Поэт иркутской комсомолии: Из лит. наследия М. Рыбакова. Публ. стихов; Из писем матери и сестре/Коммент. и публ. подгот. А. Гайдай. — Сов. молодежь, 1971, 13 марта; Гайдай А. За словом — подвиг. — В кн.: Пороховая память. Иркутск, 1975, с. 51—65; Овчаров В. Из боя в бой — солдатское житье. — Комс. правда, 1975, 16 апр.; Швецова Г. И. Воспитание патриотизма: [Поиск материалов о жизни и творчестве М. А. Рыбакова]. — Лит. в школе, 1975, 1, с. 72—75; Гайдай А. Он навсегда остался молодым. — Вост.-Сиб. правда, 1979, 30 янв.; Поэты и писатели — воспитанники Иркутского университета. — Иркутск, 1979, с. 37—40; Гольдфарб С. «Сердце с жизнью бьется в лад...» — Сов. молодежь, 1984, 21 июня; О сб. «Грань»: Григорьев Е. Стихи поэта и воина. — Вост.-Сиб. правда, 1971, 9 мая; Иоффе С. Поэты огненных лет. — Вост.-Сиб. правда, 1973, 18 нояб.; Раппопорт Е. Ветер революции не стих. — Сов. молодежь, 1973, 13 нояб.

БИБЛИОГРАФИЯ

Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. — Иркутск, 1973, с. 210; То же. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 155; Русская литература Сибири: Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 354.

К. Л. ЛИСОВСКИЙ (1919—1980)

Казимир Леонидович Лисовский родился 29 ноября 1919 г. в селе Ободовка Винницкой области. В начале 1930 г. семья Лисовских переехала в Сибирь, на разъезд Харик, вблизи станции Куйтун Иркутской области. Учился в 19-й средней школе Красноярска. Первое стихотворение «Ангара» было опубликовано в 1933 г. в иркутской пионерской газете «За здоровую смену». В том же 1933 г. семья переехала в Красноярск. С 1934 г. начал печататься в газете «Красноярский рабочий». Первое опубликованное здесь стихотворение было посвящено челюскинцам:

Я — пионер. Мне четырнадцать лет,
От радости мне не хватает слов.
Я шлю пионерский горячий привет
Витязям льдов и снегов.

Несколько лет работал в редакциях детской и молодежной газет Красноярска. В 1941 г. перешел на профессиональную творческую работу. Первую книгу стихов «Клятва» издал в 1944 г. в Красноярске.

Лисовского справедливо называют пропагандистом Сибири. С Красноярским краем связаны центральный в его творчестве цикл «Город моей юности» и стихи о Шушенском и Севере. Не было такого важного, дорогого красноярцам события, на которое он не откликнулся бы.

Лисовский был лириком с реакцией журналиста, с видением газетчика, чуткого к социальной сущности происходящего. Его стихи были порождены временем, нужны времени и хорошо передали его пафос. Поэт пропагандировал свой край с огромной страстностью, упрекал в неумении (или нежелании?) преодолеть инерцию былого отношения к ней, провести грань между прежней Сибирью, кондовой и каторжной, и Сибирью обновленной. Он полемизировал, опровергал, убеждал, призывал лично убедиться...

Пропагандистская сущность лирики Лисовского проступает буквально во всем. Его интересовали социальные контуры явлений и характеров. Стихи были густо населены людьми. Большинство героев своих произведений он знал лично. Их имена звучат не только в посвящениях. Порой в самом стихотворении («Полярные летчики», «Их остается мало») поэт дает целый перечень имен:

Их остается мало,
Капитанов,
Что волны бороздят десятки лет.
Еще на вахте Данцер, Селиванов,
Чекизов, Жданов... Ну а многих нет.

Поэт рассказывал о конкретной судьбе, о главном деле жизни, о главном поступке, эту судьбу определившем. Комсомолец Иван Владимиров, работающий в Красном Чуме в зимнем стойбище нганасан у Медвежьего Яра («Красный Чум»); радист Иннокентий Попов, приехавший в Заполярье по путевке ЦК ВЛКСМ и оставшийся там («Баллада о радисте»); Михаил Иванович Ошаров, талантливый сибирский писатель и один из организаторов Советской власти в Эвенкии, где его именем названа фактория («Фактория Ошарова»)...

В стихах Лисовского часто возникают ситуации, подобные той, о которой идет речь у Вл. Маяковского в «Разговоре с товарищем Нетто» — пароходом и человеком». В них обычно — прямое обращение к герою по имени, разговор с ним, живым, как, к примеру, в стихотворении «Станция Кошурниково», посвященном памяти замечательного инженера, трагически погибшего при изыскании трассы дороги Абакан — Тайшет.

Местный исторический материал прочно вошел в поэзию Лисовского. Он ссылался в стихе на живущие в народе предания и были, делал слово «быль» названием, выносил его в подзаголовок, давал документальные прозаические предисловия и послесловия, подтверждая в них достоверность изложенного факта, указывал, где и когда описываемое событие произошло, от кого оно стало автору известно.

Вглядываясь в обновленный облик Сибири, Лисовский сопоставлял «прежде» и «теперь». «Прежде» было знакомо не только по книгам, преданиям и былям. Поэт часто опирается на опыт собственной жизни. На его памяти — возникновение первых цехов завода «с названием гордым «Красмаш», работа лямщиков на Подкаменной Тунгуске, драматические эпизоды жизни военного тыла, «огнедышащее чудо» — «ФД» и «СО» на железнодорожных магистралях и многое другое. Но прошлое интересовало Лисовского не просто как свершившийся факт. Поэт обращался к нему, чтобы понять, как оно подготовило настоящее.

Таким подходом интересен ленинский цикл, построенный на материале шушенской ссылки. Обращаясь к сибирской странице поэтической Ленинианы, вслед за С. Щипачевым Лисовский пытается внести новые штрихи в «недорисованный портрет» вождя.

Эпизоды, к которым обращается Лисовский, знакомы читателю по биографическим источникам. Работа Ленина в апреле 1897 г. в уникальной юдинской библиотеке; стоянка «святителя Николая», на котором Ленин вместе с Кржижановским следовал к месту ссылки, у Дивных гор («Тогда из уст друзей напев призывный «Варшавянки» впервые слушал Енисей»); встреча нового, 1899 г. политическими ссыльными в Минусинске. Шушенская ссылка Ленина и будущее Сибири, Ленин и разбуженный к жизни подневольный край — вот смысловая доминанта цикла.

Для поэтики Лисовского типичен переход мысли в пределах одного стихотворения из одного временного пласта в другой. Тема Красноярской ГЭС, например, звучит в стихах на историко-революционную и ленинскую тему. Ведь огни этой ГЭС — живые огни мечты Ильича, воплощенной в жизнь. В поэтической трактовке она становится памятником порубленному и сброшенному беляками в Енисей с Бурмакинского Быка отряду партизан («Орлиный утес»). Она же — осуществление «святой, возвышенной мечты» шушенских крестьян, которые на свои медные гроши решили построить в память о Ленине электростанцию («Быль»).

Есть в стихах поэта и родные поля, и березки, и веснушчатая скромница саранка, от которой рябит в глазах, и прибой малинового кипрея, и сверкающие дымчатой росой чаши марьиных кореньев, и нежный-нежный лишайник синий, и многое другое. О природе родного края он предпочитал говорить в восклицательной интонации: «Сколько воздуха, сколько света, сколько зелени! Благодать!» Поэт не просто восхищался привольной красотой. Он говорил о ней с благоговением художника перед могучим творческим даром природы.

Постоянный и равноправный среди других героев Лисовского «вечный, как жизнь» Енисей тоже имеет свое, если можно так сказать, «общественное лицо» и свою «биографию», в которой поэту дорого все: история «великой реки», ее настоящее, ее роль в жизни родной страны и края; ее география; реки, которые в нее втекают; легенды, которые о них сложены; песни, которые звучали на берегах раньше и поются теперь. И, наконец, та «новая жизнь — полная, умная, сильная», которая была предсказана ему и теперь шумит на его берегах. Образ родной реки вырастает в символ Родины, и на одном дыхании произносятся слова: «Песня... Родина... Енисей».

Музыка местных названий буквально зачаровывала поэта. И он хотел, чтобы и другие почувствовали скрытую в привычных слуху словах поэзию:

Ворогово, Мирное и Лебедь, —
Как стихи, я повторяю вслух.

Он совершал на глазах читателя что-то вроде этимологических изысканий:

Стою у обрыва, а ветер игриво
Теребит травы пожелтелую гриву.
А рыжая глина — как отблеск пожара.
Отсюда название «Красного Яра»

В своем лирическом творчестве поэт «последние белые пятна на карте Сибири стирал». Но эта работа требовала продолжения...

Вместе с И. Рождественским Лисовский предварил поэтов, которые будут представлять поэтический Красноярск 60—80-х гг., многие грани сибирской темы: город на Енисее, Шушенское, Север, ГЭС...

Отношения с «молодыми», видимо, имели свои сложности. Наверное, поэт предполагал упреки в старомодности своему традиционному стиху. Но он вовсе не собирался в угоду моде гнаться «за консонансом хлестким или рифмой корневой». Видимо, не без внутренней полемики и скорее всего стремясь предупредить увлечение «молодых» легким успехом в пылу расцвета эстрадной поэзии, он от лица поэтов своего поколения напоминал о цене строки:

Не искали мы славы бойкой,
Не считали в залах хлопки,—
На зимовках,
В цехах,
На стройках
Мы узнали цену строки.
Грубовата и угловата,
Недописанная порой,
Все ж набита она не ватой,
Не фальшивою мишурой.

Лисовский внимательно и требовательно вглядывался в лицо поэтической смены. Цикл «Город моей юности» он завершил стихотворением «Вместо предисловия», посвященном молодым

красноярским поэтам. Ему очень хотелось верить, что на новых маршрутах они вспомнят когда-нибудь его имя: «И я им машу, как рукой, нарочито немодной, но честной строкой».

Г. Шленская

СОЧИНЕНИЯ

Избранные стихотворения. М.: Худож. лит., 1964; Клятва: Стихи. Красноярск: Крайиздат, 1944; Северная весна: Стихи и поэмы. Новсибирск: Новосибгиз, 1946; Стихи и поэмы. Новосибирск: Облиздат, 1949; Северная весна: Стихи и поэмы. — Сов. писатель, 1950; Огни севера: Стихи. Новосибирск: Обл. гос. изд-во, 1951; Солнце над Курейкой: Стихи. Красноярск: Крайиздат, 1952; Край песен моих: Стихи и поэмы. Новосибирск: Кн. изд-во, 1954; Сторона моя сибирская: Стихи. М.: Сов. писатель, 1956; Всегда в пути: Стихи и поэмы. Новосибирск: Кн. изд-во, 1958; Новоселам Сибири: Стихи. М.: Сов. Россия, 1959; Родному краю: Стихи. Красноярск: Кн. изд-во, 1959; Серебристые ели: Стихи. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1959; Утро Сибири: Очерки и стихи. М.: Профиздат, 1959; Твое молодое лицо: Избр. стихи и поэмы. Новосибирск: Кн. изд-во, 1963; Цена строки: Новые стихи и поэма [«Сумасшедший поезд»]. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1966; Я люблю следопытов: Стихи разных лет. М.: Сов писатель, 1966; Город моей юности: Стихи. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1968; Стихи, поэмы. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968; Стихи. М.: Мол. гвардия, 1971; Второе дыхание: Стихи. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1972; Стихотворения; Поэмы. М.: Худож. лит., 1974; В краю, что стал моей любовью: Стихотворения. Поэмы. Красноярск: Кн. изд-во, 1975; Звезды дальних дорог: Стихи. М.: Сов. писатель, 1977; Цена строки: Стихи и поэмы/Предисл. А. Никулькова. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978; Гостеприимство: Кн. стихов. М.: Современник, 1979.

ЛИТЕРАТУРА

Тарасенков А. О поэтической работе Казимира Лисовского. — В кн.: Писатели-сибиряки. Новосибирск, 1956, вып. 1, с. 82—97; Лесневский С. На берегах Енисея. — Вопр. лит., 1958, № 9, с. 216; Никульков А. О правде большой и маленькой. — Сиб. огни, 1959, № 6, с. 168—179; Толстая А. Ленин в творчестве писателей Сибири. — Енисей, 1960, кн. 26, с. 111—117; Яновский Н. Н. Лисовский К. Л.— Крат. лит. энциклопедия. М., 1967, т. 4, стб. 217; Алтаев Л. Казимир Лисовский. — Сиб. огни, 1969, № 11, с. 149—152; Денисова И. Земли родной обычай: Об ист. поэмах К. Лисовского. — Лит. Россия, 1969, 1 авг., с. 8; Михайлов А. Живут на Руси поэты. М., 1973, с. 206—213; Казимир Лисовский — заслуженнный деятель польской культуры. — В кн.: Мы — заводские! Новосибирск, 1974, с. 167—192; Срывцев А. Цена строки: Творч. портр. К. Лисовского. — В кн.: Срывцев А. Поэты с нами. Кемерово, 1978, с. 47—66; Мостков Ю. Поэты в солдатском строю.— Мол. гвардия, 1979, № 11, с. 276—290; К. Л. Лисовский [1919—1980. Некролог]. — Сов. Сибирь, 1980, 27 янв.; Коржев В. Г. Казимир Лисовский. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1980; Москаленко М. Поэзия народного подвига. — Енисей, 1980, № 2, с. 71—75; Москаленко М. Героический эпос Сибири. — Енисей, 1981, № 2, с. 60—67; Шленская Г. Песня... Родина... Енисей. — В кн.: Дом и мир. Красноярск, 1984, с. 27—42; О сб. «Твое молодое лицо»: Половников А. Певец земли сибирской. — Нева, 1964, № 6, с. 193—194.

БИБЛИОГРАФИЯ

Торгашова Е. К. Л. Лисовский: К 50-летию со дня рождения. — В кн.: Календарь юбилейных и памятных дат. Новосибирск, 1969, с. 186—188; Писатели о себе. Новосибирск, 1973, с. 126—131.

Г. К. СУВОРОВ (1919—1944)

Георгий Кузьмич Суворов родился в крестьянской семье 19 апреля 1919 г. в селе Краснотуранском Енисейской губернии. Здесь же окончил начальную школу. Рано оставшись без родителей, будущий поэт и его сестра сами прокладывали себе дорогу в жизнь. После учебы в Абаканском педучилище Суворов учительствовал в далеком сибирском селе Бондарево. Увлечение фольклором, интерес к литературе и склонность к поэтическому творчеству привели его в 1938 г. в Красноярский пединститут на факультет русского языка и литературы. К этому времени относятся и первые выступления поэта в печати (стихи его публиковались на страницах газеты «Красноярский комсомолец»).

Получить высшее образование

Суворову не удалось: в 1939 г. со второго курса института он был призван в армию, и с этого момента началась военная биография поэта, «оборванная смертельным металлом войны» (А. Сурков) 13 февраля 1944 г.

Остальные сведения о жизни и творчестве поэта-воина — в его стихах и немногочисленных письмах, сохранившихся у сестры поэта Тамары Кузьминичны Серебряковой, его друзей и старших товарищей по перу.

Поэтическая судьба Суворова сложилась счастливо. В самом начале своей творческой деятельности он встретился с Л. Мартыновым, познакомился с П. Дравертом. В дальнейшем фронтовые дороги свели его под Москвой с А. Сурковым, в Ленинграде — с Н. Тихоновым, сдружили с М. Дудиным, А. Смердовым.

Уже в первых стихах Суворова громко звучала главная тема его творчества — тема служения Родине. Однако серьезность и глубина размышлений отточенность мысли и ясность слова приходили вместе с жизненным опытом, с нелегким постижением суровой военной действительности. А жизнь не скупилась на уроки: «Побывал, повидал, испытал и научился за это время я очень многому,— писал Суворов сестре осенью 1942 г.— Почти четыре раза за время войны пересек чуть ли не весь Советский Союз в разных местах... Писать стихи я не бросал ни на минуту. Писал в окопах. Писал в поезде, отправляющемся на фронт. Писал в госпитале. Писал о бомбежках под ожесточенными бомбежками. Везде писал. Обо всем писал. И сейчас пишу. Война — это почва, по которой я сейчас хожу. Стихи — это мои вздохи».

Поэзия и жизнь, как видим, были неразлучны для Суворова. Он «видел войну в лицо», и в этом, пожалуй, один из секретов того, что поэт «говорил о ней точно и строго». Не без влияния

А. Суркова в стихи молодого поэта пришли «прямые и жестокие слова» о военных буднях, когда нет времени «поднять усталых глаз», когда мечтается о том, «чтобы за две весны боев хоть раз всласть насладиться всем до слез любимым», когда жизнь, полная утрат и непредвиденных тревог, делает людей молчаливыми и суровыми, а порою и ожесточает их.

Художническому мироощущению Суворова вместе с этим чрезвычайно близка и романтическая устремленность поэзии Н. Тихонова. Молодой поэт охотно писал остросюжетные, стремительные по ритму стихи, многим напоминавшие известные баллады старшего товарища.

Однако как бы ни было велико значение литературных традиций для становления поэта, все-таки, как верно отмечено А. Смердовым, «образы, интонации в стихах поэтов-фронтовиков диктуются не литературной школой, а жизнью, силой тех испытаний, каким подвергла юношей-поэтов священная народная война». Им нужно было «найти новых слов неоткрытые жилы», и Суворов в первых же своих фронтовых стихах, написанных еще до ранения

в ноябре 1941 г., настойчиво шел по пути этих трудных поисков. Далеко не все было удачным в них, но «это были выношенные, выстраданные, выползанные под вражьим огнем лирические строки», как отметил А. Сурков, которому лейтенант Суворов, возвращаясь из госпиталя на Ленинградский фронт, принес тетрадь стихов в редакцию газеты «Красноармейская правда».

Поисков своей поэтической жилы Суворов не оставлял никогда. Бесхитростные солдатские радости и горечи утрат, светлые думы о родном сибирском крае и печальные раздумья о смерти — все это находило свое выражение в поэзии Суворова и все было подчинено одному — мысли о победе. Касаясь этих сложнейших и ответственнейших тем, Суворов не боится открытой и высокой героики в выражении своих чувств. Его герой умирает «лицом на запад», ясно осознавая необходимость жертв и бессмертие подвига. В стихотворении «Я славлю вас, герои!» ясно выражена мысль о бессмертии дел человеческих, ибо дела эти находят свое продолжение в людях, оставшихся после смерти героя.

Большое место в творчестве Суворова занимает природа. «В ней нет ни мысли, ни искусства — но в ней источник сил твоих». Природа и человек в стихах поэта включены в единый и непрекращающийся процесс развития жизни. Подлинного взаимопроникновения этих двух начал поэт достигает в одном из своих лучших сонетов «Средь этих нив я собирал слова...»

Куда бы ни забрасывали солдата дороги войны, аромат родной стороны не забывался: напоминали о нем книги поэтов-сибиряков, письма друзей. «Край золотоликий» напоминал о себе то темным крылом косача, «то пряным запахом брусники» (стихотворение «Брусника»). И каждое такое воспоминание восстанавливало силы, поднимало дух воина, закаляло его волю к победе:

С какою дикой радостью приник я
К брусничным зорям, тающим в траве.
Но мне пора. Иду. В глазах брусника,
Как бы далекой родины привет.

С большим нетерпением ждал Суворов выхода своей первой книги, готовившейся к изданию в Ленинграде. Однако в свет она вышла уже после того, как боевому другу поэта Олегу Корниенко пришлось написать роковые строки сестре Суворова: «Вчера я был в том медсанбате, в который Гоша попал по ранению. Там точно узнал, что Гоша умер от ран. Ранен он был 12 февраля 1944 г. Похоронили его около деревни Криуши (на правом берегу Нарвы)...»

Книга стихов с простым названием «Слово солдата» (Л., 1944) донесла до нас облик поэта, его строгие и звучные слова. Гвардии лейтенанту и поэту Суворову, отдавшему жизнь за счастье грядущих поколений, есть о чем рассказать людям сегодняшнего дня.

Э. Шик

СОЧИНЕНИЯ

Слово солдата. Л., 1944; То же. Лениздат, 1954; То же. Абакан, 1954; То же. М.: Мол. гвардия, 1970; Звезда, сгоревшая в ночи: Стихи и письма Г. Суворова. Воспоминания о нем. Новосибирск, 1970; Соколиная песня: Стихи и письма поэта, воспоминания о нем. М.: Воениздат, 1972.

ЛИТЕРАТУРА

Беляев Б. Поэт-воин Георгий Суворов (1919—1944). — Енисей, 1962, № 1, с. 140—145; Тихонов Н. Сибиряк на Неве. — В кн.: Двойная радуга. М., 1964, с. 469—509; Шик Э. Жизнь для людей. — Сиб. огни, 1967, № 11, с. 168—171; Решетников Л. К портрету моего ровесника: О творчестве поэта Г. К. Суворова. — Сиб. огни, 1970, № 2, с. 130—135; Юдалевич М. «Лобастые мальчики» революции: Памяти поэтов И. Ливертовского, Н. Копыльцова, Г. Суворова, погибших в Великую Отечественную войну. — Сиб. огни, 1970, № 5, с. 158—162; Пока сердца для чести живы...: Памяти поэта Г. К. Суворова, погибшего в Великую Отечественную войну; Хренков Д. Из боя в бой. П. Ойфа. Есть в русском офицере обаянье... — Аврора, 1971, № 2.

с. 49—51; Шленская Г. М. Военная лирика Г. Суворова. — В кн.: Из истории литературы Сибири. Красноярск, 1971, вып. 1, с. 59—79.

А. Л. РУБАНОВИЧ
(р. 1919)

Анна Леонтьевна Рубанович родилась 26 апреля 1919 г. в Томске в семье горного инженера.

1941 г. застал ее студенткой Одесского университета. Трудная эвакуация — пешком через всю Украину. Сибирь. В Иркутске Рубанович продолжила учебу, окончив историко-филологический факультет университета и защитив в 1950 г. кандидатскую диссертацию.

Она входила в литературу с поколением писателей, чье творчество формировало первое послевоенное десятилетие. Печататься начала в 1959 г. Тематические истоки двух первых повестей — «Песню нелегко сложить» и «Оксана Максимовна» питало пережитое в годы Великой Отечественной войны — встречи на дорогах эвакуации, комсомольская работа в Иркутском ремесленном училище, студенчество военной поры. В 1966 г. опубликована третья повесть «Дороги не кончаются».

Книги составили своеобразную трилогию. Рубанович, как не раз отмечали критики, писатель сквозной, доминирующей темы. В конце 40-х — начале 50-го десятилетия набирал силу и завоевывал ключевые позиции так называемый производственный роман. Но художественные размышления писательницы в определенной степени противостояли нарастающей тенденции. Ее волновали другие горизонтали бытия: человек как мера добра и красоты, личностная ответственность всех и каждого за нравственное здоровье общества, человечность взаимоотношений как исключительно верное, необходимое условие счастья и личного, и гражданского, и производственно-профессионального. Это была лирически мягкая и тем не менее волне бескомпромиссная художническая позиция, создающая интонацию и стилистику повестей Рубанович. Нарастала тревога за человека, предощущение необходимости утвердить гармонию жизни, что создавало даже — и это особенно чувствуется в последней повести — несколько идеально-облагороженную поэтику, преодоленную позже. Результат преодоления — книга для детей «Приключения Храбришки» (1971).

Герои повестей Рубанович, как правило, люди творческого труда — учительница, воспитатель, ученый... Творческий труд формирует и обогащает духовный мир одних, выявляет их нравственную высоту и обнажает ничтожную сущность других, их хищническую природу, пустоту, мелочность. Даже если этот корыстолюбивый мир умело маскируется вполне пристойным фасадом. Вокруг основного стержня и развертываются сюжеты, выстраивается психологический анализ, раскрываются характеры.

Идет война. В Сибирь с далекой Украины приезжает Оксана Зорина. Райком направляет ее комсоргом в ремесленное училище. Упорно и талантливо, а главное

человечно ищет Оксана пути сближения со своими воспитанниками. Идет война. И судьба ее «фэзэошников» подстать суровым ликам военного времени. Трудные судьбы — трудные характеры. Пробуждая в ребятах осознанное отношение к жизни, создавая дружный, спаянный коллектив, мужает и сама Оксана. Повесть «Песню нелегко сложить» — книга о состоявшейся личности, реализировавшей свое предназначение человека.

Выросли и ушли в жизнь ребята из ремесленного. А Оксана Зорина стала педагогом. Читатели встречаются с нею вновь в повести «Оксана Максимовна». Нелегко и непросто живется ей. В книге впервые выявилась способность писательницы выстраивать остроконфликтную ситуацию, чтобы выявить силу и правоту жизненной позиции героини. Оксана переживает трудные преодоления. Рубанович наделяет ее силой и в то же время уязвимостью глубоко убежденного человека, цельного, честного и потому бескомпромиссного. Повесть утверждает идеал активного жизненного подвига. Оксана вступает в борьбу за право быть любимой, за нравственное возрождение дорогого ей человека, за чистоту и честность взаимоотношений. Она восстает против ханжества и профессиональной несостоятельности инспектора Стебаковой, против ее узких обывательских догм, к которым хотелось бы ей — так ведь спокойней! — свести живое школьное дело. Оксане потребовалось немало мужества. Тем сильнее звучит конечная, итоговая художественная оценка: внушающая сила жизни в умении человека не растерять на жизненных дорогах свет любви и творчества. Недаром шумит вокруг Оксаны Максимовны молодая поросль — ее ученики. Им есть «с кого делать жизнь».

Повесть интересна также в историко-литературном плане. Опережая в определенной степени школьную повесть начала 60-х гг., Рубанович сумела очертить круг проблем, всю остроту и неотложность их решения мы осознаем два десятилетия спустя.

Неподдельная душевная красота отличает героинь последней повести Рубанович «Дороги не кончаются» — Елену Николаевну Лозанову и ее дочерей Светлану и Ольгу. Им свойственна душевная окрыленность, высоко развитое чувство долга, верность в любви и дружбе. На первый план в этой повести писательница выдвигает две взаимосвязанные проблемы: нарастание конфликтных нарушений экологического равновесия в процессе промышленного освоения Сибири (судьба сибирских кедровых лесов) и нравственная ответственность ученого, этичность и этика науки. В повести миру Лозановых противопоставлено такое отношение к делу, когда в науке ищут не истину, а выгоду и подчиняют результаты научных исследований соображениям карьеры и конъюнктуры; и такое отношение к жизни в целом, когда сердечность подменяют лицемерием и предательством, честность — жестокой эгоистической расчетливостью (аспирантка Юлия Тагилец, доцент Машинский).

Рубанович смело вводит своих читателей в мир сложных нравственных проблем. Символ ее веры — люди светлые, красивые, достойные, талантливые и на дело, и на доброту. Вот почему ее повести были тепло приняты читателями.

Широко известны литературоведческие труды доцента кафедры русской и зарубежной литературы ИГУ А. Л. Рубанович в области истории и теории русской литературы. Основное место в ее научной деятельности занимает тема М. Ю. Лермонтова. Ею опубликовано более двух десятков статей, монографий, научно-популярных брошюр, хорошо известных исследователям. Среди них

«Эстетические идеалы Лермонтова» (1968), «Проблемы мастерства М. Ю. Лермонтова-поэта» (1971), монографии (в рукописи) «Художественное мышление Лермонтова», «Проблемы мировоззрения и мастерства М. Ю. Лермонтова» (1973, совместно с коллективом авторов) и др. Рубанович принимала участие в создании «Лермонтовской энциклопедии» (М., 1981). Ее привлекают малоизученные проблемы творчества Лермонтова, философские аспекты его мировоззрения и поэзии. Доктор философских наук А. Н. Иезуитов пишет: «..работы А. Л. Рубанович носят новаторский характер. Кроме В. Ф. Асмуса, немногие исследователи творчества М. Ю. Лермонтова обращались к изучению круга вопросов, исследуемых А. Л. Рубанович».

Н. Петрова

СОЧИНЕНИЯ

Песню нелегко сложить: Повесть. Иркутск: Кн. изд-во, 1959; Оксана Максимовна: Повесть. Иркутск: Кн. изд-во, 1962; Дороги не кончаются: Повесть. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966; Приключения Храбришки: Сказка. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1971; М. Ю. Лермонтов — обличитель церкви и религиозных догматов. Иркутск, 1962; Проблемы мастерства М. Ю. Лермонтова-поэта. — Иркутск, 1963; Эстетические идеалы М. Ю. Лермонтова. Иркутск, 1968; Проблемы мировоззрения и мастерства М. Ю. Лермонтова/В соавт. с С. Сердюковой, С. Смирновым, Л. Голимбиевской и др. Иркутск, 1973; Проблема эстетического идеала в творчестве М. Ю. Лермонтова: Автореф. дис. д-ра филол. наук. Л., 1974: Типология художественного образа: Учеб. пособие. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1984.

ЛИТЕРАТУРА

Шишов В. В боевом строю литературы.— Наш современник, 1967, № 9, с. 105—114; Поэты и писатели, воспитанники Иркутского университета. — Иркутск, 1979, с. 55—57; О кн. «Песню нелегко сложить»: Иванов К. Повесть создать нелегко. — Вост.-Сиб. правда, 1959, 26 авг.; Ханбеков Л. О любви, верности и дружбе. — Ангара, 1959, № 2, с. 106—107; Чему же учит книга. — Сов. молодежь, 1959, 4 июня; О кн. «Оксана Максимовна»: Смирнов Р. Встреча с друзьями. — Вост.-Сиб. правда, 1962, 30 нояб.; О кн.: «Дороги не кончаются»: Ротенфельд Б. Знакомые все лица. — Сов. молодежь, 1966, 27 дек.; Шоцкая Л. «Дороги не кончаются». — Вост.-Сиб. правда, 1966, 1 дек.

БИБЛИОГРАФИЯ

Календарь знаменательных и памятных дат на 1969 год. Иркутск, 1968, с. 14—16; Петрова Н. А. Л. Рубанович. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 250—252; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 208—209; То же. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 153—154.

М. С. АСТАФЬЕВА-КОРЯКИНА (р. 1920)

Мария Семеновна Астафьева-Корякина родилась 22 августа 1920 г. в г. Чусовом Пермской области. Отец ее всю жизнь работал на железной дороге составителем поездов. Мать воспитывала девятерых детей и вела домашнее хозяйство. В родном городе Мария окончила школу-семилетку и в тот же год поступила в Лысьвенский механико-металлургический техникум на химическое отделение. После третьего курса приехала на каникулы домой и временно устроилась на работу в лабораторию, потому что жизнь в большой семье шла трудно. Осенью оформилась на постоянную работу в той же лаборатории при Чусовском металлургическом заводе. Техникум закончила заочно.

Когда началась война, Корякина поступила на курсы медицинских сестер и сразу после их окончания была мобилизована в развертывающийся эвакогоспиталь и назначена заведующей медицинской канцелярией. А в марте 1943 г. добровольно ушла на фронт.

В конце 1945 г. вместе с мужем, Астафьевым Виктором Петровичем, демобилизовавшись, приехала на родину. Родители отдали старенький домик. Молодые подперли избушку бревном, чтобы не завалилась, и стали жить. В одной из анкет В. П. Астафьев написал,

что тогдашняя их жизнь была не жизнь, а еще более тяжелый, чем на войне, затяжной, изнурительный бой: Виктор Петрович работал тогда разнорабочим в артели «Металлист», Мария Семеновна — на плановой работе в местной промышленности, а затем журналистом на радио. «Я благодарю судьбу за то, что в эти очень трудные и сложные годы нам на жизненном пути встречались и встречаются поныне и сопутствуют добрые, сердечные и надежные люди. И от сознания, что такие люди были и есть, как-то увереннней живется и работается»,— признается писательница.

В 1966 г. Астафьевы переехали в Пермь, где прожили до 1969 г.

Когда выросли дети, Корякина стала пробовать силы в литературе. В пермской газете «Звезда» 10 октября 1965 г. был опубликован ее первый рассказ «Трудное счастье». В 1966 г. в 11-м и 12-м номерах «Уральского следопыта» напечатана повесть «Ночное дежурство». В дальнейшем повесть будет называться «Отец» и выйдет отдельной книгой в Пермском книжном издательстве в 1968 г.

С 1969 по 1981 г. Корякина жила в Вологде. За эти годы вышли повести под общим названием «Отец» в Архангельске, книга повестей и рассказов «Анфиса» в издательстве «Современник», сборник рассказов «Сколько лет, сколько зим» — в Красноярске. Были публикации в «Литературной России», в журналах «Смена», «Москва», «Советская женщина».

С 1981 г. Астафьевы живут в Красноярске.

«Все, что было, идет со мною, минуя пространство и время,— лишь радость преходяща, а печаль и память вечны, да еще любовь к близким. Не мною сказано, что все, кого мы любим, есть боль наша, и над болью этой, светлой и неизбежной, не властны ни бури жизни, ни ветры времени...»

Прочтешь эти слова, запомнишь их интонацию, экспрессию и почувствуешь верность автора и этой точке отсчета: память — любовь — долг, и этой точке обзора: субъективно-лирической ретроспекции.

Особенность этого авторского стилевого начала, наглядно проявляющегося в повестях и рассказах Корякиной, придает ее произведениям необходимое художественное единство.

Творческую позицию автора-рассказчика, автора-героя при этом отличает постоянная ориентация не на себя, а на других. Автор не только разглядывает отдельные лица, больше всего его интересует своеобычный народный мир как сущность жизни.

Действие рассказов, повестей Корякиной развертывается то в вагоне пригородной электрички, то в деревенском клубе, то в многолюдном переговорном телефонном зале, то в госпитале инвалидов Великой Отечественной войны. Людям нужны люди, утверждает писательница. Нужны и в минуту тревоги и надежды, и в час горя и радости.

Вспомним рассказ «Был день». Война разлучила мужа с женой и дочкой. Прошло девять лет, прежде чем они встретились после войны и пережили трудные моменты радости и потрясения. Однако семья заново не склеилась — у жен-

щины другой муж, дочка осталась с матерью, выросла, стала студенткой. Отец, немолодой человек, с пустым рукавом, заправленным в карман, со шрамом, прочертившим его лицо, весь переполнен счастьем, когда рассказывает незнакомому человеку о своей дочке, отдаленной от него годами, прожитыми врозь, расстоянием до города, в котором она теперь учится. Красив человек, когда любит, когда беспокоится за другого человека, когда желает ему счастья.

Сложный и сильный женский характер исследует писательница в повести «Пешком с войны». Санитарка госпиталя, немолодая женщина не сломилась под ударами судьбы, потеряв сына и мужа, вышла из жизненных испытаний не огрубевшей и усталой, а сильной, душевно щедрой. Живет у нее в душе вина перед сыном и мужем. Без вины виноватая Тоня и есть тот женский русский характер, который ни в горе, ни в радости не обособится от людей, а пойдет им навстречу и обязательно найдет, кого поддержать, кому помочь, кого утешить.

Способность оценивать свои мысли и поступки, являться, что называется, на суд собственной совести — отличительная черта героев Корякиной.

Высокой мерой гражданской ответственности отмечены поиски смысла жизни у молодых героев повести «Данька Елохов». Двое старших братьев Даньки Елохова не вернулись с войны. И младший брат уезжает после войны из дома, чтобы разыскать могилу одного из братьев, увидеть новые места, встретить интересных людей, влюбиться в славную девушку. Сила душевного состояния молодого паренька такова, что она заставляет девушку задуматься над своей жизнью и жизнью окружающих, над чужой болью и чужой судьбой.

Полнота жизни, убеждена писательница, возможна только в живой связи с людьми. Нельзя жить лишь своей жизнью, важно сознавать ее и жизнь своих близких частью исторической жизни народа. Действие повести «Отец» развертывается в канун Великой Отечественной войны в маленьком уральском городке. Здесь на улице Линейной живет многодетная, в одиннадцать душ, рабочая семья, живет трудной, но необыкновенно дружной, красивой жизнью.

Всматриваясь в этот далекий довоенный уклад жизни, восстановленный в памяти автора-рассказчика необычайно подробно и полно, понимаешь: перед тобой проходят картины народной жизни, в живой полноте встает собирательный образ людей довоенного поколения, тех самых людей, которые сумели, смогли заслонить, защитить Родину от врага.

Трудно, но как просто — сердечно и открыто — жили люди, как много работали.

«Иногда в зимние вечера мы рассаживались поближе к свету, чинили одежонку, а то стежили одеяла или расшивали филейные скатерти и шторы, для себя и в люди. Всю комнату загораживали пялами, оставляя свободным угол отцу с парнями... Нередко всей артелью усаживались и вязали носки и варежки.

...В другое время парни, управившись во дворе, садились подле отца, помогали ему — пришивали стельки или делали деревянные шпильки...

Иногда и мы помогали — делали дратвы, а они, тем лучше, чем длиннее, значит, тянули нитки через всю избу. Напутаем, бывало, дратвы, как тенета, мешаем друг дружке, потихоньку вредничаем».

Нетрудно почувствовать в этой картине добрый мир рабочей семьи, в которой никто не сидел без дела.

Совместный труд в огороде, на сенокосе, общие тревоги и радости — все это воспитывало в детях трудолюбие, открытость, доброе отношение друг к другу и к людям.

Тема человеческой общности, красной нитью проходящая в повести, дает сегодняшнему читателю урок необходимой гражданственности и нравственности. Лишь на первый взгляд жизнь соседей, рядом с которыми живет многодетная семья,заурядна и обыденна. Все они оказываются людьми, необходимыми и для большой семьи Елизаровича.

Недаром мать большого семейства, Архиповна, говорит своим детям: «Ребята, когда вырастете большие, своим хозяйством жить станете, дак помните пословицу: «Не живи с сусеками, а живи с соседями».

Эпизоды далекого детства возвращают автора к отчей земле, к родным и близким людям, которых уже давно нет на свете. А между тем все они—дядя Костя—околыш, Князиха-колдунья, Роман Блинов, Руфочка Чернοброва, Серафим-аптекарь — все они жили в повествовании М. Корякиной, и поэтому не только автор говорит с ними, но они по-своему говорят с нами.

Особенно интересен отец Клавдии, самый любимый и родной для девочки человек. Застенчивый, немногословный, вечный труженик и дружелюбец по отношению к людям, всегда оживляющийся и теплеющий среди своей детворы. Образ отца для героини повести — это образ родительского дома, залог жизненной прочности. Лирическая героиня Корякиной равняется на мужество, выносливость, чистоту помыслов людей старших поколений, раздумывая над тем, как надо жить человеку сегодня.

О своих любимых героях писательница рассказывает доверительно, открыто. Она не создает героя большого масштаба, но стремление найти и выразить настоящий характер обращает ее к людям большой души и совести.

Именно таких людей на страницы произведений Корякиной вывела война.

Оттуда, из времени Великой Отечественной, у Корякиной, участницы войны, неподдельно острый интерес к жизни, которая и сейчас идет, держа то время в близкой памяти. Оттуда, из войны, наверно, и нравственный зрелый спрос, и своего рода эмоциональная жадность, позволяющая ей лучше многих ее сверстников ощущать тревоги и радости и новизну меняющейся жизни.

У Корякиной точный взгляд, острый слух, живое воображение. Снег, притаившийся под дровами, она видит прозрачно-зеленым, он «вроде бы и отливает по-разному· то небесным светом, то цветущим льном, то забусевшим зеленью березником. . .»

Нельзя не откликнуться на картину теплой и щедрой осенней природы, развернутой писательницей в рассказе «Такое краткое видение», на глубоко личную, страстную интонацию рассказа «Кающаяся Магдалина».

Художественная мысль писательницы сегодня в пути, она делает шаг от памяти, от войны — к современности, живой и объемной, полной противоречий и движения.

М. Николаева

СОЧИНЕНИЯ

Отец: Повесть. Пермь: Кн. изд-во. 1968; Анфиса: Рассказы, повесть. М.: Современник, 1974; Сколько лет, сколько зим: Рассказы. Красноярск: Кн. изд-во, 1981; Пешком с войны: Рассказы, повести. М.: Современник, 1982; Шум далеких поездов. Красноярск: Кн. изд-во, 1984.

ЛИТЕРАТУРА

Кострже вская Н.: (О повести «Отец»). — Мол. гвардия, 1970, № 7, с. 319—320; Ларионов А. Добрая книга: (О кн.: «Шум далеких поездов»). — Сов. Россия, 1984, 20 дек.; Солдатова М. Так дано жить...: (О кн.: «Шум далеких поездов»). — Краснояр. рабочий, 1984, 22 июля.

В. Г. НИКОНОВ (р. 1921)

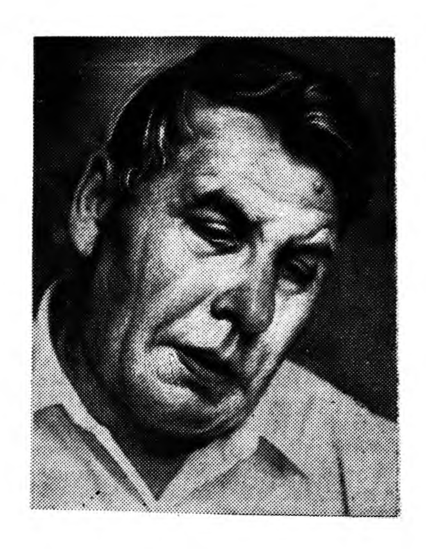
Родился Василий Григорьевич Никонов 1 мая 1921 г. в селе Мо-

тызлей Горьковской области в семье крестьянина-бедняка, занимавшегося главным образом углежжением. Рано остался без матери. В 1928 г. с отцом и сестрой Верой переехал жить в поселок Терней Приморского края. Здесь окончил среднюю школу и начал трудовую жизнь. Работал в районной газете сотрудником, а затем перешел в газету «Рыбная индустрия», издававшуюся во Владивостоке. В 1940 г. Василия Никонова направляют в Иркутское авиационное училище, окончив которое, он в качестве авиатехника истребительной эскадрильи служит в войсках Забайкальского фронта, участвует в разгроме японских милитаристов, заслуживает боевые награды. Десять лет он был военным корреспондентом газеты «Советский летчик». И все эти годы писал стихи.

Никонов — участник первой (1948) и второй (1949) Читинских конференций писателей Забайкалья. Участвовавший в работе второй писательской конференции А. Твардовский на одном из заседаний семинара по поэзии разобрал стихи Никонова. Наряду с несомненными достоинствами произведений молодого способного поэта Твардовский отметил и ряд существенных погрешностей в обсуждаемом цикле. Требовательным, суровым был этот разговор маститого поэта с начинающим автором, разговор, оставивший глубокий след во всей дальнейшей творческой жизни Никонова.

«Стихи о Долгокыче», с которыми выступил Никонов на семинаре Твардовского, были напечатаны в альманахе «Забайкалье» (1949, № 3) и были посвящены людям забайкальского села.

В 1952 г. увидела свет первая книжка поэта «Родной край», а в 1959 г. в Чите издан второй сборник стихотворений «Новосел на Шилке». В него вошла ранее написанная лирическая поэма «Илья Родников»— поэтический рассказ о демобилизованном воине, которому полюбилось Забайкалье, и

он остался здесь жить и работать.

В 1950 г. Никонов стал членом Союза писателей СССР, а три года спустя ушел из армии в запас, навсегда связав свою жизненную и творческую судьбу с Забайкальем.

Первое прозаическое произведение Никонова—повесть «Семья Крыловых»— вышла в Чите в 1957 г. Повесть о летчике Крылове, его жене Галине, о целинниках пограничного совхоза, приехавших в Орлиногорский совхоз из Ленинграда. По-разному оценили критики эту книгу. Рецензент В. Мастеренко, выступивший в «Сибирских огнях» (1958 ,№ 7), сказал о повести как о «слабой вещи», в которой отсутствует психологический анализ, не рекомендуя «Семью Крыловых» «брать за образец». По-иному оценил повесть Всеволод Иванов. «В Чите вышла книга В. Никонова «Семья Крыловых». Автор—писатель, восхищенно относящийся к литературе, лишенный всяких элементов литературщины, отличающийся очень большой скромностью и жаждой учиться. Он написал великолепную повесть со знанием современной жизни, со взглядом вперед. Из В. Никонова, я уверен, выйдет хороший творец книг, который

сможет много рассказать нам о сибиряках, о том, как они по-новому покоряют Сибирь».

С 1958 по 1964 г. Никонов — ответственный секретарь Читинской областной писательской организации. Он находит интересные формы воспитания и становления начинающих поэтов и прозаиков. Редактирует альманах «Забайкалье».

Написанный Никоновым роман «Любовь остается с нами» (1963), по существу, был первым забайкальским романом о рабочем классе Читинской области. Прототипов своих героев Никонов нашел на старейшем в Восточной Сибири промышленном предприятии —Петровск-Забайкальском металлургическом заводе.

Повесть Никонова «Белые маки» (1968) во многом автобиографична. Это взволнованное, поэтическое повествование о суровом времени — периоде Великой Отечественной войны, о жизни военных летчиков, охраняющих забайкальское небо и готовых в любой момент нанести ответный удар японской армии, окопавшейся в Маньчжурии и ждавшей случая для нападения.

Крепкая личная и творческая дружба связывала Никонова с писателем В. Ивановым. У Никонова хранится более пятидесяти писем, полученных от Иванова. В восьмом томе сочинений В. Иванова их опубликовано 14. О своих встречах с В. Ивановым Никонов написал книгу «В горах мое сердце», изданную в 1966 и 1976 гг. Это интересное, удачное повествование, получившее единодушное одобрение у читателей и критики.

Положительную оценку в центральной прессе получила повесть Никонова «Медный кряж» (Дальний Восток, 1964, № 6). Л. Кудреватых в статье «О людях родного края», напечатанной в «Правде» 15 августа 1965 г., писал: «Разные по судьбам и характерам люди, не говоря уже об их профессиях и жизненных условиях, населяют повесть «Медный кряж», принадлежащую перу читинца Василия Никонова, и «Идти одному запрещаю» благовещенского литератора Владимира Колыхалова. Но в обеих повестях, как чистая родниковая вода, бьется энергия умных, сильных и смелых людей. Уже этот выбор говорит о высокой гражданственности и художественных поисках...»

В последние годы Василий Никонов все чаще и чаще обращается к теме рабочего класса. Им написаны повести: «Шалый плес», «Прииск «Дражный», вышедшие под одной обложкой в Иркутске в 1965 г., «Осенние листья» (1970), «Мост через Олекму» (1972), роман «Шилка (1978). В 1981 г. роман «Шилка» и повесть «Медный кряж» вышли в одном томе в Иркутске.

Повесть «Мост через Олекму» продолжает цикл «северных повестей». В центре внимания автора — трудовой героизм советских людей, приехавших осваивать северную целину и тех, кто всегда жил в этом суровом краю.

В 1981 г. Никонов закончил работу над рукописью нового романа «Дорога», посвященного подвигу строителей Байкало-Амурской магистрали, в этом же году он сдал в издательство публицистическую книгу «Степняки», посвященную 60-летию со дня образования СССР. Эта книга о замечательных делах трудящихся дважды орденоносного Агинского бурятского национального округа.

Герои произведений Никонова — целинники, сталевары, геологи, строители, корабелы, колхозники, горняки, сплавщики леса, охотники, воины, словом, те, кого по праву называют «солью земли», творцы материальных и духовных благ. Писатель всегда стремится быть как можно ближе к ним. Его волнуют трудовые дела и судьбы скромных советских людей.

На многие стихи Никонова написана музыка: «Над рекой Ингодой», «Хорошо на Оленгуе», «Шил-

ка — речка голубая», «Дальние синие горы», «Чульман — Чара», «Чоновцы», «Край забайкальский», «Сибирь — жемчужина России».

Для детей он написал сказки «Два туриста», «Как я был у папы на заводе», повести «Вадимка», «Сын каюра», «Приключения сохатенка», «Сабля Лазо».

Читатели знают Никонова и как публициста, автора очерков о БАМе, братской Монголии, животноводах агинских степей, о геологах и строителях кораблей. Никонов выступает и как переводчик с бурятского, монгольского, вьетнамского, якутского языков.

Писатель-коммунист, он активно участвует в общественной жизни Читинской писательской организации. Много сил и энергии он отдает воспитанию молодой творческой смены — руководит литературным объединением «Надежда».

Н. Дворниченко

СОЧИНЕНИЯ

Родной край: Поэма. Чита, 1952; Семья Крыловых: Повесть. Чита, 1957; Два туриста: Сказка. Чита, 1957; Новосел на Шилке: Стихи. Чита, 1959; Как я был у папы на заводе: Стихи. Чита, 1961; Любовь остается с нами: Роман. Чита, 1963; Шалый плес. — Прииск «Дражный»: Повести. Иркутск, 1965; В горах мое сердце: Повесть о В. В. Иванове. Иркутск, 1966; Вадимка: Повесть. Иркутск, 1967; Белые маки: Повесть. Иркутск, 1968; Сын. каюра: Повесть. М.: Дет. лит., 1970; То же. Иркутск, 1974; Осенние листья. Иркутск, 1970; Приключения сохатенка: Повесть. Иркутск, 1973; Сохатенок. М.: Дет. лит., 1975; Мост через Олекму: Повесть. М.: Современник, 1976; Шилка: Роман. Иркутск, 1978; Медный кряж: Повесть; Шилка: Роман. Иркутск, 1981.

ЛИТЕРАТУРА

Смоляков С. Поэма о людях забайкальского колхоза. («Родной край»). — Дал. Восток, 1952, № 5, с. 154—156; Бегаев А. «Родной край». — Сиб. огни, 1953, № 1, с. 184—1985; Мастеренко В. Непрочная семья: [«Семья Крыловых]. — Сиб. огни, 1958, № 7, с. 187—189; Костров С. «Новосел на Шилке». — Дал. Восток, 1960, № 2, с. 179—180; Пошехонов Л. «Адью, Котик»: [Прииск «Дражный»]. — Труд, 1964, 3 дек.; Хмара В. Логика схематизма: [«Любовь остается с нами»]. — Заб. рабочий, 1964, 25 апр.; Дворниченко Н. — Заб. рабочий, 1966, 31 июля; Шик Э. О нашем земляке. — Ом. правда, 1966, 2 марта; Молчанов Э. Будки далеких грозных лет: [«Белые маки]. — Заб. рабочий, 1969, 3 июня; Николаев В. В краю таежном: [«Сын каюра»]. — Лит. Россия, 1971, 27 авг., с. 17; Ланкина Л. Ищи себя в детстве: [«Приключения Сохатенка»]. — Сибирь, 1974, № 3, с. 94—101; Рассадин В. Правда и правдоподобие: [«Мост через Олекму»]. — Заб. рабочий, 1973, 10 июля; Выходцев В. Верность теме.— Байкал, 1972, № 5, с. 146—151; Куренной Е. Поиск не кончается. — На боевом посту, 1981, 30 апр.; Дворниченко Н. На новой ступени мастерства. — В кн.: Вчера и сегодня забайкальской литературы. Иркутск, 1982, с. 247—253.

БИБЛИОГРАФИЯ

Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ.— Иркутск, 1973, с. 183—185; То же. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 129—130; Русская литература Сибири: Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 292—293; Литературное Забайкалье: Рек. указ. Чита, 1979, с. 93—100; В. Г. Никонову — 60 лет: Памятка. Чита, 1981; Песни на стихи Никонова В. Г. Чита, 1981.

Л. А. КУКУЕВ (р. 1921)

У каждого есть в жизни момент, с которого начинается биография и, по сути, начинается человек. Для многих, кто в июне сорок первого закончил школу, таким моментом стала война — страшная, изнурительная в ратном своем труде. Она вошла в жизнь народа сразу, по-своему распорядившись судьбами людей, их будущим, на многие годы вперед определив биографии.

И кто знает, кем стали бы десятиклассники сорок первого, если бы не она. Но война началась — они стали солдатами. И был среди них Кукуев: в сорок первом — выпускник Иркутской средней школы № 9, командир саперного взвода в сорок втором, гвардии майор в сорок пятом. Он с боями прошел через Подмосковье, Брянщину, Орел, Сталинград и Варшаву до Берлина — тысячи ки-

ломеров, где стоят сегодня обелиски вечной памяти погибшим и вечной славы живым. До сей поры, лишь закроет солдат глаза — и вот они — большие и малые реки Европы, бесчисленные топи и болота, края и берега которых связывал он мостами и гатями, где прокладывал дороги и убирал мины, не думая и не гадая, будет ли среди них последняя для него. Воевал солдат «не ради славы, ради жизни на земле», и потому, может быть, щедро отмечала его Отчизна своей признательностью и наградами — орденами Красного Знамени, Отечественной войны первой (дважды) и второй степени, орденом Красной Звезды и многими боевыми медалями.

К юношеству тех лет рано пришло возмужание, зрелость и та острота ощущений и чувств, для которых в другой обстановке потребовались бы годы и годы. Вместе с болью за павших и радостью Победы принесли они их домой. И, как старые раны, до последнего часа будет тревожить их память. Она не позволит забыть погибших, вечной дружбой спаяет живых, и по ее повелению напишут свои книги о войне К. Симонов, В. Быков, Ю. Бондарев, В. Богомолов и многие другие современники, среди которых будут и наши земляки — Г. Марков, Д. Сергеев, В. Козловский, И. Черемных, Л. Кукуев, А. Зверев.

И все-таки до того, как будут написаны эти книги, должно будет пройти время. Для одних большее, для других — меньшее. Для Кукуева, боевого командира, коммуниста с 1943 г., демобилизованного из армии в 1947 г., оно будет равно пятилетию — времени, когда он работал в Иркутском училище ГВФ, а вечерами...

Чистый лист бумаги и память. Она вновь вела пройденными дорогами и бездорожьем, восстанавливала лица и события военной поры, человеческие судьбы. Она тревожила и не давала покоя. А вокруг торжествовала жизнь. Рождались дети и учились ходить. И в них были свет и наша победа — победа жизни над бесчеловечностью и фашистским мракобесием. День новый настойчиво вторгался в комнату. О нем тоже нельзя было не писать. И между страницами недавно начатого романа о войне писались веселые сказки и рассказы для детей и о деятх. В 1952 г. первые из них были опубликованы в альманахах, журналах и газетах, а в 1958 г., собранные вместе, стали первой книжкой Кукуева.

Называлась она «Медведь-садовник» и рассказывала о лесных обитателях, которые в разных ситуациях поступали и вели себя поразному, но всегда понятно и убедительно для маленького читателя, который хотел знать, что такое хорошо и что такое плохо.

Книжка была выпущена Иркутским издательством и быстро разошлась, а год спустя на прилавках магазинов появилась другая —«Девчонкам и мальчишкам»: восемь рассказов о хороших людях, забавных событиях и необыкновенном, которое рядом. Они согреты доброй улыбкой бывалого человека и, повествуя о смешном случае с воробьем («Трубочист») или о козе Мотре (одноименный рассказ), постоянно дер-

жат в поле зрения человеческие взаимоотношения, мальчишечьи заботы и общие радости.

В «Мурзике», «Наших подарках» и в том же «Трубочисте»—это согретые дружеской сердечностью и взаимным доверием отношения девочки Маринки, ее отца и матери. В «Подвиге»—Андрейка Тетюшкин, который мечтает о подвиге и не догадывается, что в жизни для него всегда есть место и не нужно для этого войн. В «Сами рассудите»— это два мальчишки бритишки и их взаимоотношения.

Была в этой книжке Кукуева, адресованной детям, та искренность, которая вызывала доверие к рассказанному и не оставляла читателя равнодушным. И многие в то время говорили о Кукуеве, как о писателе, интересно начавшем свой путь в литературе для детей. Но уже был готов и прочитан товарищам по перу роман о войне, взявший девять лет упорного труда после рабочего дня в училище. Уже были на несколько рядов переписаны многие его страницы, и в группе писателей-иркутян автор вез его на совещание молодых литераторов, которое проходило в Новосибирске.

Рукопись читали в дороге. Она еще не имела названия. Вместе с автором его искали и главный редактор Иркутского издательства К. Чуйко, и писатель Л. Огневский, и литературный критик А. Абрамович, и все те молодые тогда иркутские литераторы, которых свела в вагоне поезда дальнего следования эта поездка. Вот там, за два года до появления книги К. Симонова, и родилось это название —«Живые и мертвые».

На семинаре, руководимом М. Алексеевым, Н. Емельяновой, В. Архангельским, роман «Живые и мертвые» получил высокую оценку, которую не умаляли претензии, высказанные участниками совещания. Старейший советский литературный и общественно-политический журнал «Сибирские огни» предложил для его публикации свои страницы. В нем и познакомились читатели с первой книгой «Живых и мертвых», с ее героями — Олегом Кургановым и Надей Лозовенко, Константином и Верой Сокольниковыми, с Настей, Поповым, Налетовым, Хаво, Галковым, с Куртом Мюллером и Эльзой Штокман, Карлом Беккером, генералом Морфом и другими.

Друзья и враги, живые и мертвые. Живые, даже если они погибли во имя жизни,— и мертвые, даже если они остались живы, но служили в свое время черным силам фашизма. И не важно, кто ты по национальности, важно дело, которому ты служишь, ибо оно в конечном итоге определяет, враг ты или друг, живой или мертвый. А живое всегда побеждает — такова идея книги,— и на месте пепелищ отстраиваются города, и прорастают зерна сквозь опаленную землю, и звучит детский смех всюду, где грохотали пушки, где была война.

Товарищам по оружию посвятил Кукуев свой роман. В 1959 г. первая книга его вышла в Иркутске. Но работа продолжалась. Все пять частей романа увидели свет три года спустя и с той поры издавались неоднократно.

Говоря о Кукуеве и его романе, невозможно не вспомнить о том, что, как и Олег Курганов, создатель этого характера — сибиряк. Он родился в 1921 г. в с. Анцирь Канского района Красноярского края. Его отец был военным, а мать библиотекарем в воинской части. И оба они служили в Пятой Красной Армии, которая, разгромив белогвардейщину, принесла Советскую власть в Прибайкалье.

Вскоре семья Кукуевых переехала в Иркутск. С этим городом связана вся жизнь писателя, с этим краем связаны судьбы героев его книг и в том числе романов «Море в ладонях» и «Эстафета».

Партийные и хозяйственные работники, строители, интеллигенты — вот герои романа «Море в ла-

донях», уже в самом названии которого заложена его идея: «беречь Байкал — славное море, осваивать природные богатства Сибири умело и по-хозяйски рачительно.

Острые ситуации, важные проблемы, глубокое знание писателем того, о чем он пишет, — отличительные черты этого произведения, которое пришло к читателям в 1969 г.

Это была пора, когда дискуссии о судьбе Байкала в связи со строительством на его берегах целлюлозного комбината в Байкальске и картонного на Селинге, начатые статьями О. Волкова и Ф. Таурина на страницах «Литературной газеты», заметно поутихли. Не оттого, что были решены проблемы, порождаемые этими предприятиями, а потому прежде всего, что возобладал силовой стиль руководства экономикой, и Байкальский комбинат начал выдавать продукцию. По экранам страны шел фильм С. Герасимова «У озера», отмеченный Государственной премией СССР и неприкрытым стремлением доказать правомочность вторжения в экосистему Байкала. Зритель завораживался пейзажными кинокадрами и с восторженным замиранием следил за тем, как герои двухсерийной эпопеи пьют воду, поступающую в Байкал из очистных сооружений комбината. А проблемы, порождаемые предприятиями, между тем продолжали накапливаться и становиться рельефней. Лишь десятилетие спустя печать заговорила о них с новой обеспокоенностью, а тогда тревожной болью прозвучали они со страниц романа «Море в ладонях»: «Уже за поселком их обогнала «Волга» директора завода. За ней, с той же бешеной скоростью, промчалась машина главного инженера. «Что там случилось?»— крикнул Андрей водителю самосвала у моста через Снежную. Ветер донес, как эхо: «Авария на очистных!..» Дробов сжал баранку до боли в суставах»,— заканчивал Кукуев свою кнгу и тем звал людей к бдительности.

Можно с полным основанием утверждать, что истоки творческого вдохновения Кукуева — в минувшем и сегодняшнем дне родного края, в его людях, в их судьбах, в той духовной сути Иркутска, которая харктерна только для этого города.

Иркутск так или иначе присутствует во всех романах Кукуева, и в том числе в «Эстафете» (1975), время действия которого — период становления Советской власти и первые пятилетки. Это те годы, когда растут и взрослеют будущие герои «Живых и мертвых» и «Моря в ладонях». Дух времени, его особый неповторимый колорит характерны для всех романов Кукуева — для каждого свой, а все вместе они охватывают огромный промежуток, равный почти полустолетию: от последних лет гражданской войны до конца 60-х гг. И хотя в творчестве писателя романы эти написаны совсем не в том порядке, как их хочется выстроить, все вместе они составляют как бы единую книгу о времени и людях, чье рождение почти совпало с Великим Октябрем. И все же, о чем бы ни писал Кукуев, главным для него в этом времени остается Отечественная война. Она, самая страшная война в истории нашего народа, приходит к нему вновь и вновь видением маршей, боев, окопной грязи, лицами товарищей — живых и схороненных. И тогда появляются рассказы, как бы написанные в промежутках между боями и до срока хранимые в полевой сумке.

Незамысловатые по форме, несколько суховатые по языку рассказы эти напоминают порой репортажи военного лихолетья, но от этого не становятся менее выразительными. И главное в них — живые характеры однополчан. Да нередко и называются они их именами: «Миха Арутюнов», «Рядовой Рябинкин», «Ферапонт и Сергей», «Галя»... Собранные вместе рассказы составили книгу

«Полевая сумка». Она появилась в канун 40-летия Победы и стала земным поклоном писателя товарищам по оружию.

Многие годы Кукуев совмещал творческую работу с общественной. Он неоднократно избирался депутатом Иркутского городского и областного Советов народных депутатов, секретарем партбюро и ответственным секретарем писательской организации Иркутска, членом Правления Союза писателей РСФСР.

А. Шастин

СОЧИНЕНИЯ

Медведь-садовник: Сказки. Иркутск: Кн. изд-во, 1958; Девчонкам и мальчишкам: Рассказы. Иркутск: Кн. изд-во, 1959; Находчивый зайка: Сказки. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1966; Море в ладонях: Роман. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1969; Живые и мертвые: Роман. 3-е изд., дораб. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973; Чудак-человек и Вика: Повесть. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1977; Эстафета: Роман. 2-е изд. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1982; Полевая сумка: Воспоминания о войне. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985.

ЛИТЕРАТУРА

Мильков В. От Иркутска до Томска. — Мол. гвардия, 1952, № 2, с. 201—202; Как в бою...: [К 50-летию Л. А. Кукуева]. — Сов. молодежь, 1971, 18 мая; Шастин А. Живым о живых и о времени: К 50-летию Л. Кукуева. — Вост.-Сиб. правда, 1971, 15 мая; Шастин А. Л. А. Кукуев. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 252—255; О кн. «Живые и мертвые»: Трушкин В. На пути к мастерству: Когда побеждает жизнь. — В кн.: Трушкин В. Литературные портреты. Иркутск, 1961, с. 124—131; Таурин Ф. Книга о великом подвиге. — Вост.-Сиб. правда, 1965, 2 дек.; Шастин А. «Живые и мертвые». — Сов. молодежь, 1965, 30 нояб.; О кн. «Море в ладонях»: Зиннер Э. Правда жизни и законы искусства. — Вост.-Сиб. правда, 1970, 15 марта; Речкин Н., Речкина К. «Море разливанное...» — Лит. газ., 1970, 19 авг., с. 2; Русаков Ю. В защиту природы. — В мире книг, 1970, № 11, с. 24—25.

БИБЛИОГРАФИЯ

Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 135—136; То же. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 93—94; Русская литература Сибири. Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 197—198; Л. А. Кукуев: (60 лет со дня рождения). — В кн.: Родное Приангарье. Иркутск, 1981, с. 63—66.

В. П. ТРУШКИН (р. 1921)

...Вот несколько строк из дарственной надписи на книге:

«...Это Вы приметили меня, наставили, подстрекали писать. Теперь (хотите не хотите) примите эти опыты вместе с искренним раскаянием в моем шалопайстве. Санин-Хомутовский. 21 сентября 1961».

Санин — псевдоним юного А. Вампилова.

Кого вспомнил Вампилов, думая о своем дебюте и, может быть, пытаясь угадать будущее?

Василия Прокопьевича Трушкина, своего учителя.

В конце 40-х — начале 50-х гг. его лекции в Иркутском университете слушали многие из тех сибиряков, что громко заявили о себе в литературе потом, в 60-е. А после занятий они собирались в маленькой комнатке редакции университетской многотиражки. Там, в творческом кружке, которым руководил Трушкин, студенты — кто робко, кто решительно — читали свои произведения. Они будут напечатаны потом. У авторов — все еще впереди.

Это первые штрихи к портрету В. Трушкина. Педагога, ученого, критика, библиографа, библиофила.

Я читаю его автобиографические заметки, заключающие юбилейную книгу В. Трушкина «Литературный Иркутск» (1981): «Я родился 31 июля 1921 г. в селе Подгоренка Екатериновского района Саратовской области. Родители мои — потомственные крестьяне. В 1930 г. они вступили в колхоз. Жили мы трудно. Семья была большой. За стол садилось восемь человек. Из пяти детей я был старшим, хотя в то время мне не ис-

полнилось и десяти лет».

Более других запомнился голодный 1933-й. Он изменил судьбу. На станции записывали желающих поехать в Сибирь на лесозаготовки. Отец сказал об этом январским вечером. Был сильный мороз. Оттого слово «Сибирь» пугало еще больше, но они все-таки решились. Поезд приближал Василия Трушкина к будущему. Не отсюда ли, от самых первых впечатлений, его любовь к Сибири — к ее просторам, истории, людям? Запомнилось: «...тайга, стеной подступившая чуть не к самому полотну железной дороги... стоверстный санный путь через тайгу в Саяны... Мохнатые сибирские лошадки —«монголки»— выносливые и резвые, поскрипывание снега под полозьями саней... возчики в непомерно больших и тоже мохнатых дохах... вековые великаны-сосны, кедры, ели под пушистыми снежными шапками, морозное зимнее безмолвие...»

Пока все складывалось у него, как у многих. После девяти классов Заларинской средней школы в 1939 г.— учительский институт. Потом Иркутский университет, историко-филологический факультет, куда Трушкин перевелся осенью сорокового. Юность пересекла война.

Ему трудно было пережить то, что болезнь глаз помешала вместе со сверстниками уйти на фронт. Лекции в холодных аудиториях, споры ночи напролет, спектакли эвакуированных в Сибирь театров, ожидание сообщений Совинформбюро — это будни его юности. Впрочем, нередко студенты грузили уголь, корчевали и пилили лес, ловили на Байкале рыбу. В год победы Трушкин закончил университет, получив диплом с отличием. В 1948-м он вернулся на свой филологический факультет. Уже в качестве преподавателя. Дальше его жизнь, на первый взгляд текла солидно и неторопливо: кандидатская диссертация (1950), звание доцента, докторская диссертация (1970), звание профессора, заведование кафедрой (1953), прием в члены Союза писателей (1962). Звание заслуженного деятеля науки РСФСР (1982). Одна книга, другая, третья, четвертая... Вот и жизнь перевалила на вторую половину.

Библиографический список помогает легко обнаружить «начало начал »— ту точку в пути, которая оказалась стартом. Его жизнь в литературоведении и критике началась осенью 1939 г. Иркутская «молодежка» напечатала к юбилею Алексея Кольцова первую статью студента Трушкина. Теперь в списке его печатных работ около трехсот названий. Но поражает не только это. Поначалу список кажется «пестрым». Статьи о творчестве Багрицкого и Есенина. Рецензия на роман Ю. Бондарева «Тишина». Заметки о Я. Галане. Размышления о ранних вещах Игнатия Дворецкого. Небольшая книга «А. Н. Толстой об общественной природе искусства и литературы».

Это его первые шаги в критике и литературоведении. Пестроте тем перестаешь удивляться, когда видишь их связь в человеческой судьбе. В критике нельзя без поиска, как нельзя без него в литературе. Обращаясь в первые годы своей работы к творчеству

разных писателей, Трушкин искал. Не только стиль и голос, способ разговора с читателем. Искал свою главную тему.

Он писал о тех, кого в литературе любил. Хорошо, что его не поправляли, не загоняли в узкое для юности русло одной проблемы. В Иркутском университете в годы войны преподавал известный ученый М. К. Азадовский. Учитель не сомневался: до поры до времени нужно писать о многом. И много. Это тоже помогает найти свое.

Ему, учителю, Трушкин посвятит потом одну из книг. Марк Константинович станет для своего ученика образцом служения науке. Конечно, от Азадовского пришло и увлечение сибирикой. Ведь тогда, в юности, задумывая свой путь, Трушкин определил также собственную жизненную «сверхзадачу». «Сверхзадача» жизни шире и емче, чем наши текущие дела. Порой он увлекался, уходил в сторону. Но никогда не забывал главную и по-настоящему сокровенную тему: изучение литературного движения Сибири в двадцатом веке.

Так началась работа В. Трушкина в архивах и библиотеках. Долгая, кропотливая, далеко не сразу приносящая плоды. Так создавалось его собственное уникальное книжное собрание, где сибирика преобладает.

...Первой книгой, которая итожила эту работу, был сборник «Литературные портреты» (1961).

Статьи, собранные в книге, создавались Трушкиным в течение нескольких лет. Он писал о К. Седых и Г. Кунгурове, об И. Луговском и Ф. Таурине, о молодых прозаиках. Это был еще и «портрет» времени, портрет сибирской литературы на новом ее этапе.

Может быть, главное, что сразу привлекает в «портретах»,— интонация. С интонациии в искусстве начинается многое. В критике интонация определяет внимание или невнимание читателя. Долгое время критики говорили нёвнятно, сухим, едва ли не бюрократическим языком. Критика заслужила читательское пренебрежение. Понимая это, Трушкин сознательно сделал ставку на естественность, доверительность тона своего разговора.

Книга имела успех. Рецензии на нее появились во многих журналах и газетах. Успех был серьезен. Он оказался там заметнее, что в ту пору часто говорилось о необходимости осмысления современного литературного процесса. А критиков, готовых взять на себя этот труд, было мало, тем более — в провинции.

Казалось, путь выбран. Но Трушкин понимал: нельзя заниматься современностью, не уяснив ее корни: у литературной Сибири богатейшая история. Он уже успел к ней прикоснуться. В той же книге «Литературные портреты» была статья о Владимире Зазубрине — авторе первого советского романа «Два мира». Был очерк, в основу которого легли новые и малоизвестные материалы об отношениях Горького с писателями-сибиряками. Был здесь также раздел, посвященный писателю и партизану Петру Петрову.

...Случайно ли то, что последняя статья через несколько лет выросла в книгу? Мне кажется, нет. Книга вышла в серии «Замечательные люди в Сибири» (1965). Она была продиктована любовью, но называлась суховато: «Сибирский партизан и писатель П. П. Петров». Поэзия и строгая научность — вот слагаемые этого повествования. За каждой строкой здесь — факты, архивные изыскания. Но единит все это авторская увлеченность. Не возникни она, этой работы не было бы. Увлеченность вспыхнула, как часто бывает, от искры удивления: Петров прожил в Сибири много лет, однако само имя его надолго оказалось забытым.

Найти и вспомнить, понять и сказать другим — вот цель исследователя. Работая над художественной биографией Петрова, Трушкин, может быть, впервые

четко сформулировал для себя этот принцип.

...Трушкин сказал в начале своей монографии «Литературная Сибирь первых лет революции» (1967): «История литературной жизни Сибири пока еще не написана. Многие и притом важные периоды в ее развитии совсем не изучены. Особенно не повезло в данном случае литеартуре, непосредственно предшествовавшей Октябрьской революции. Ее мы просто-напросто не знаем. . .»

Впрочем, оказалось, мы не знаем не только тот период нашей литературной истории, но и многое-многое другое.

Несмотря на значение этой книги, не буду подробно писать о ней. Прошло несколько лет, и стало ясно: она явилась «генеральной репетицией» перед историко-литературной трилогией Трушкина, где были развиты намеченные ранее темы и линии.

Трилогия литературоведа? Событие само по себе редкое; событие, бесспорно, требующее осмысления.

Три эти тома вышли в Иркутске в 1972, 1976 и 1978-м... Они высветили многое. В том числе и то, что привнесли годы в исследования Трушкина.

Годы расширили диапазон и географию (в поле внимания ученого постепенно попали не только Восточная, но и Западная Сибирь, но и Дальний Восток). Годы добавили в его работы новые писательские имена, произведения, которые надо было «вырвать» из плена времени, из забвения. Годы, таким образом, очертили и масштабы сделанного: вместе с другими сибирскими учеными Трушкин ликвидировал одно за другим «белые пятна» на карте литературной Сибири. Но главное — написал ее историю в один из самых интересных и драматических периодов. В первую треть двадцатого столетия.

Необходимость синтеза ощущалась многими. Неутомимый подвижник сибирского литературоведения Н. Яновский создал уникальное издание — «Литературное наследство Сибири». «Наследство» здесь не просто обретает новую жизнь, оно проходит оценку временем, становятся видными связующие все нити. Задачу синтеза ставят перед собой и коллективные труды ученых из новосибирского академгородка.

Люди идут одной дорогой, делают, в сущности, одно дело. Это соседство не умаляет, напротив — подчеркивает значение трилогии Трушкина. Он обозначил вехи, на которые будут ориентироваться завтрашние исследователи. Он выдвинул концепции, которые могут быть потом уточнены, но которые уже не обойти.

Емкий смысл есть в названиях каждой из частей трилогии. Названия символично выявляют главное.

Первая книга—«Пути и судьбы» — воскрешает сложную и неоднородную литературную жизнь предреволюционной Сибири. Вторая — «Из пламени и света» — о «времени, до предела насыщенном электрическими разрядами революции», о литературе, во многом возникающей заново, сражающейся, уходящей на баррикады Октября и фронты гражданской войны, совершающей свой жизненно важный и мужественный выбор. Третья книга — «Восхождение» — рассказывает о трудных поисках молодых писателей Сибири двадцатых — начала тридцатых годов; о том, как шло становление их творческого метода, эстетических принципов: ведь то, что кажется теперь хрестоматийным, рождалось в спорах, полемике, борьбе.

Автор создавал большое полотно, на котором должна была «ожить» история литературы. Предстояло решить, каким проблемам посвятить отдельные главы, как их сочетать, какие главы сделать монографическими, где необходимо представить «крупным планом» путь и творчество отдельных писателей. Но трудности состояли не только в этом.

Нужно было четко выверить масштабы: очертить реальное место, какое занимали в литературной жизни Сибири те или иные журналы, творческие группы.

Отдельные главы трилогии — это фрески, которые складываются в яркую, сложную картину. Читатель постепенно погружается в литературные будни сибирских городов: Томска, Иркутска, Красноярска, Читы, Барнаула, Омска, Новосибирска, Владивостока... Мы встречаем здесь известных писателей и тех, чья слава не за горами. И тех, чьи имена ничего нам сейчас не скажут...

Разумеется, за частным Трушкин видит и перспективу. Как отметил Н. Яновский, говоря о книге «Пути и судьбы», ученый изучает самое трудное — литературный процесс. Он не обходит сложные проблемы (например, вопрос о сибирском областничестве). Он не обходит «сложных» писателей (например, Г. Гребенщикова, А. Новоселова).

Говоря о Сибири, он помнит всю Россию. «Сибирский аспект» не сужает, а «раздвигает», проясняет общие вопросы литературного движения. Завершая первую часть трилогии, автор заметит: «Развитие художественной прозы Сибири свидетельствовало о жизнестойкости реализма..» У автора много примеров для того, чтобы опровергнуть «утверждения отдельных наших литературоведов об «упадке», «кризисе» критического реализма начала XX века».

Конкретный историзм — вот основной принцип Трушкина. Будучи первым современным исследователем творчества В. Зазубрина, Трушкин видит, к примеру, действительные просчеты редактора и писателя, за которые его можно было критиковать. Однако спустя годы исследователю ясно: время четко выявило лучшее и главное у В. Зазубрина — талантливого писателя и крупного организатора литературных сил. И оно же, время, предало забвению тех, кто пытался увести социалистическую культуру в Сибири с ее подлинных путей.

Едва ли не на каждой странице трилогии появляются новые писательские имена. В повествовании их ждет разная участь: некоторые художники слова пройдут через все три книги, другие возникнут перед читателем лишь однажды. Но все равно мы обязательно запомним их: Трушкин умеет коротко сказать об основном в облике творца. Он выписывает портреты многих сибирских поэтов, прозаиков, критиков. В портретах этих есть ощущение единственности, неповторимости человеческих, писательских судеб. Автор вглядывается в литературу не только как ученый, но и как писатель. Он не просто выстраивает ряд фактов, осмысляя их, но воспринимает эмоционально. Помнит: за той или иной тенденцией литературного процесса, выявленной в результате строго научного анализа,—надежды, мечты, осуществленные или нереализовавшиеся творческие возможности.

Вот только один, очень характерный в этой «галерее» портрет. Портрет поэта Игоря Славнина. Его звезда стремительно взошла на литературном небосклоне Сибири и столь же стремительно исчезла. Поэт, журналист, политработник... Биография похожа на биографии других — романтичных и отважных летописцев революции. Он не раз был один на один со смертью, но всякий раз оставался жив (хотя однажды уже печатались преждевременные некрологи). Он ушел из жизни рано, погибнув случайно и нелепо (будучи с детства прекрасным пловцом, утонул в небольшой речушке). Ему предсказывали блестящее будущее, но долгие годы стихи его не публиковались. Стараниями Трушкина были найдены многие произведения Игоря Славнина, издан первый сборник его стихов. Ученый разыскал родственников и друзей поэта, с их помощью восстановив этапы пути

Славнина. Но Трушкин не ограничивается этим. Конечная и главная цель исследователя — выявить своеобразие таланта. Трушкин тонко анализирует стихи поэта: первые — интересные, но порой написанные как бы «чужими» словами, последние — по-настоящему самобытные, пронизанные мужественным, сдержанным драматизмом.

Трушкин довел повествование в трилогии до начала тридцатых годов, поставил точку в преддверии Первого съезда советских писателей. Но шло время. И он продолжил цикл своих работ. Книга «Литературный Иркутск» (1981) опять открывала новый пласт интересных материалов. И опять вместе с автором мы убеждались: как много сделано тогда, в счастливую пору «восхождения»!..

Разговор об историко-литературных книгах Трушкина можно вести долго. Ведь, как заметил литературовед Е. Беленький, перед нами работы, которые, казалось, были под силу научному коллективу; работы, расширяющие наши представления не только о сибирской, но и обо всей национальной литературе...

Василий Трушкин написал о первопроходцах. Им было трудно. Они искали и ошибались. Но не боялись ошибок.

Он и сам из тех, кто идет первой тропой. Он знает и тяготы, и тревожную радость этой дороги.

Е. Цейтлин

СОЧИНЕНИЯ

Литературные портреты: Писатели-сибиряки. Иркутск: Кн. изд-во, 1961; Сибирский партизан и писатель П. П. Петров: Повесть героич. жизни. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1965; Литературная Сибирь первых лет революции. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967; Пути и судьбы: Лит. жизнь Сибири. 1900—1917 гг. 2-е изд. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985; Из пламени и света: [Гражд. война и лит. Сибири]. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1976; Восхождение: Литература и литераторы Сибири 20-х — нач. 30-х гг. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978; Литературный Иркутск: Очерки, лит. портр., этюды/Вступ. статья Н. Яновского. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981.

ЛИТЕРАТУРА

Яновский Н. Требование времени. — Вопр. лит., 1962, № 8, с. 36—47; Рубанович А. Ученый, писатель, педагог: К 50-летию со дня рождения. — Сибирь, 1971, № 4, с. 116—120; Сергеев М. В. П. Трушкин. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 255—259; Яновский Н. Н. Трушкин В. П. — Крат. лит. энциклопедия. М.: 1972, т. 7, с. 637; Яновский Н. Н. Литературная жизнь Сибири. — Сиб. огни, 1974, № 3, с. 168—171; Цейтлин Е. Люди первой тропы. — Вопр. лит., 1979, № 6, с. 232—236; Тендитник Н. Вдохновение: К 60-летию со дня рождения. — Сибирь, 1981, № 3, с. 69—75; Тендитник Н. Дорогами первопроходцев. — Байкал, 1981, № 5, с. 128—130; Трушкин В. П. Временем поверяя: [О себе и своем творчестве]. — В кн.: Трушкин В. П. Литературный Иркутск. Иркутск, 1981, с. 336—350; Цейтлин Е. О том, что остается. Иркутск, 1985, с. 60—84; О кн. «Литературные портреты»: Шик Э. «Литературные портреты». — Сиб. огни, 1962, № 11, с. 190—191; Яновский Н. Литературоведческие книги в Сибири.— Вопр. лит., 1962, № 6, с. 198—200; О кн. «Сибирский партизан и писатель П. П. Петров»: Белоусов А. Об одной интересной монографии. — Байкал, 1965, № 6, с. 135—136; Раппопорт Е. Книга о Петре Петрове. — Сиб. огни, 1966, № 2, с. 184—185; Шик Э. Книга о писателе и борце.— Ангара, 1966, № 11, с. 117—118; О кн. «Литературная Сибирь первых лет революции»: Мотяшов И. Зерно и плевелы. — Сиб. огни, 1968, № 5, с. 185—187; Галина Л. — Звезда, 1968, № 12, с. 216; Кунгуров Г. — Ангара, 1968, № 3, с. 61—62; Павловский А. Книга о литературной Сибири первых лет революции. — Рус. лит., 1968, № 4, с. 203—206; Перегуда И. — Октябрь, 1968, № 11, с. 221—222; Куклина Е. А. Литературная Сибирь первых лет революции. — Изв. Сиб. отд-ния АН СССР, Новосибирск, 1969, № 11, Сер. обществ. наук, вып. 3, с. 129—130; О кн. «Пути и судьбы»: Юдалевич Б. Сибирь — земля литературная. — Алтай, 1973, № 2, с. 83—85; Рубашкин А. Н. Литературное наследство Сибири. — Рус. лит., 1974, № 1, с. 258—259; Яновский Н. Н. Литературная жизнь Сибири. — Сиб. огни, 1974, № 3, с. 168—171; О кн. «Из пламени и света»: Беленький Е. Свет научного поиска.— Сибирь, 1977, № 3, с. 107—112; Красноштанов С. У истоков советской литературы. — Дал. Восток, 1977, № 9, с. 153—154; Цейтлин Е. О том, что остается... — Сиб. огни, 1981, № 7, с. 171—178; О кн. «Восхождение»: Гимпель С. — Сиб. огни, 1979, № 10, с. 186—188; Ильин Ф. — Звезда, 1979,

№ 6, с. 219—220; Тендитник Н. Революционная Сибирь и литература.— Сибирь, 1979, № 3, с. 120—126; О кн. «Литературный Иркутск»: Мостков Ю.— Сиб. огни, 1983, № 9, с. 173—175; Он же. О писателях и книгах. Новосибирск, 1986, с. 200—207.

БИБЛИОГРАФИЯ

Кряжинская Н. В. П. Трушкин: К 50-летию со дня рождения /Вступ. статья М. Сергеева. Иркутск, 1970; Писатели Восточной Сибири. Иркутск, 1973, с. 254—256; То же. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1. с. 196—200; Русская литература Сибири. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 419—420.

С. М. ЗАРУБИН (1921—1983)

Сергей Михайлович Зарубин родился 26 августа 1921 г. на станции Тургутуй Читинской области в семье железнодорожника. Окончив среднюю школу, он в 1940 г. по комсомольскому набору ушел на флот, служил на боевых кораблях, а затем был командиром отдельного морского радиопоста. За проявленное мужество в боях с японскими милитаристами был награжден орденом Отечественной войны II степени. За успехи в развитии советской литературы, большую военно-патриотическую работу среди молодежи С. Зарубин награжден также орденом «Знак Почета».

Повесть «На морском посту», которая вышла в 1955 г. в Чите, была первым произведением Зарубина, бывшего военного моряка, участника боев с японскими милитаристами. Газета «Советский флот» писала об этой повести: «Эта книга является, пожалуй, единственной в своем роде, ибо в нашей художественной литературе не было произведения, посвященного флотским радистам, людям скромной, незаметной и очень важной профессии».

Военная тема надолго стала главной в творчестве писателя. В 1961 г. вышла его новая документальная повесть «Путь разведчика», под названием «Тропой разведчика» на следующий год она издается в издательстве «Молодая гвардия». Затем появляются повести «Трубка снайпера», «Партбилет № 4964000». В 1965 г. Военное издательство выпустило сборник повестей Зарубина «Сибиряки», куда вошли повести «Путь разведчика» и «Трубка снайпера». Книги Сергея Зарубина, за исключением повести «Я люблю тебя, Мария!» (1975), созданы на документальном материале. Рассказы живых героев, дополненные исследованием времени, в котором жили и действовали эти героические люди, дали возможность писателю наиболее полно, внутренне достоверно открыть перед читателем души героев, раскрыть и показать во всей красоте их духовную силу, их идейную закалку, человечность, мужество и самоотверженность, все лучшее, что выпестовала в советских людях Коммунистическая партия, силы, которые без остатка были отданы борьбе с фашизмом.

Писатель хорошо понимает, что сегодняшнего читателя не может удовлетворить скороговорка, эскизность, некое правдоподобие в повествованиях о минувшей войне. Настало время глубоких раздумий, глубоких мыслей и обобщений. Факт неоспоримый: книги о войне,

которые полюбил наш читатель, это книги, написанные участниками героических событий. В «Пути разведчика» читатель не может не заметить, что главный герой повести разведчик Сергей Матыжонок на первых порах далеко еще не герой. Это еще неопытный воин. Писатель умело показывает, как мужал его герой, как жадно он учился, осваивая боевой опыт фронтовых друзей, товарищей по оружию. В грозного мстителя вырос на войне забайкальский паренек Сергей Матыжонок.

Повесть Зарубина «Трубка снайпера»— рассказ о снайпере Семене Даниловиче Номоконове, уничтожившем 360 фашистов и 7 самураев. Писатель нашел нужные слова и краски, чтобы рассказать о знаменитом снайпере, бывшем забайкальском колхознике, ставшем грозой для врагов. И в жестоких боях не растерял он лучшие человеческие качества: доброту, чувство боевого братства, интернационализм.

Документальная повесть Зарубина «Партбилет № 4964000» вышла в 1969 г. Эта книга о солдате Коммунистической партии, политбойце Максиме Семеновиче Горбачеве, жителе старейшего сибирского города Нерчинска. Схваченный врагами в момент ранения, он остался верен присяге, верным сыном своей Родины. За колючей проволокой гитлеровских лагерей смерти коммунист Горбачев продолжает борьбу. Он — член подпольного коммунистического партбюро, в невероятно трудных условиях сохраняет свой партийный билет.

Военные повести Зарубина принесли ему известность. У писателя много благодарных ему читателей, много корреспондентов, с которыми он вел переписку.

Н. Дворниченко

СОЧИНЕНИЯ

На морском посту: Повесть. Чита, 1955; Путь разведчика: Докум. повесть. Чита, 1961; То же. Иркутск, 1971; Тропой разведчика: Докум. повесть. М.: Мол. гвардия, 1962; Трубка снайпера: Докум. повесть. Чита, 1963; Сибиряки: Докум. повести. М.: Воениздат, 1965; Партбилет № 4964000: Докум. повесть. Иркутск, 1969; Я люблю тебя, Мария!: Повесть. Иркутск, 1975.

ЛИТЕРАТУРА

Писателю С. М. Зарубину — 50 лет.— Заб. рабочий, 1971, 26 авг.; Федоров Н. С. М. Зарубин. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 264—266; Зарубин С. М. [Некролог]. — Заб. рабочий, 1983, 29 нояб.; Смирнов О. О тех, кто стоял на посту.— Сиб. огни, 1955, № 4, с. 176—178; Соболев Л. Ближе к жизни. — Октябрь, 1956, № 3, с. 154—159; Казаков П. Правдивая повесть. — Заб. рабочий, 1960, 31 марта; О повести «Путь разведчика»: Кобяков Г. Рождение солдата. — Заб. рабочий, 1961, 23 июля; На страже мира и мечты: (Как рождалась книга»). — Комс. Забайкалья, 1961, 22 февр.; Щербунин Б. Где же «нашенский край»? — Сов. Россия, 1962, 4 янв.; О повести «Трубка снайпера»: Битюков В. Под грузом фактов... — Заб. рабочий, 1964, 10 мая; Александровский В. Мужество сибиряков. — Дал. Восток, 1965, № 6, с. 182—184; Шапошников В. Шедшие в атаку. — Сиб. огни, 1975, № 6, с. 153—164; Федоров Н. Книга о партбилете. — Заб. рабочий, 1970, 5 янв.; О повести «Я люблю тебя, Мария»: Татуйко А. Литературное Забайкалье. — Дал. Восток, 1976, № 1, с. 144—145.

БИБЛИОГРАФИЯ

Федоров Н. С. М. Зарубин. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 264—266; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 117—118; То же. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 75—76; Литературное Забайкалье. Чита, 1979, с. 64—67.

О. П. СМИРНОВ (р. 1921)

Олег Павлович Смирнов родился 27 ноября 1921 г. в станице Кореновской (ныне г. Кореновск) Краснодарского края в семье служащих. В 1939 г. с отличием закончил краснодарскую среднюю школу № 36. В 1940—1942 гг. учился на литературном факультете Краснодарского пединститута. Со студенческой скамьи уходит в действующую армию. Рядовым и сержантом — командиром стрелкового отделения, позднее лейте-

нантом — командиром взвода, сотрудником дивизионной газеты проходит огненными дорогами Великой Отечественной, а в августе 1945 г. в составе своего соединения участвует в разгроме милитаристской Японии.

На фронте Смирнов вступает в ряды членов КПСС. Был ранен; награжден советскими и иностранными боевыми орденами и медалями. После войны Смирнов долгое время служит в погранвойсках Забайкальского военного округа. Был ответственным секретарем военных газет «Патриот Родины» и «Пограничник Забайкалья».

Литературный дебют Смирнова состоялся в 1939 г. — журнал «Крокодил» опубликовал его сатирический рассказ «На привале».

В 1953 г. Смирнов окончил литературный факультет Читинского пединститута, а в 1962 г. Высшие литературные курсы Союза писателей СССР.

Смирнов был руководителем Читинской писательской организации (1953—1958), главным редактором журнала «Молодая гвардия» (1962—1964), заместителем главного редактора «Нового мира» (1970—1974).

Сейчас Смирнов на литературной работе. Живет в Москве.

Имя Олега Смирнова прочно вошло в нашу сегодняшнюю военную прозу. Он из ряда тех писателей (вспомним здесь Ю. Бондарева, К. Воробьева, Г. Бакланова, В. Астафьева), кто не побоялся «грубого реализма», донес до современного читателя окопную правду суровой действительности, поведал о подлинном мужестве рядовых Великой Отечественной. В его произведениях всегда ощутима явная и скрытая полемика с ревнителями дозировки, косметического глянца, сторонников повествований про «нестрашную» войну. В книгах Смирнова война изображена без прикрас, с ее бесконечными жертвами, кровью и болью.

Успех Смирнова не случаен.

Военная тема — родник его творчества, она обеспечена его солдатской биографией, судьбой ветерана Великой Отечественной, службой на дальневосточной границе нашей страны.

Нередко ныне известные прозаики начинали свой литературный путь со стихов. Смирнов в начале 50-х гг. выпустил два стихотворных сборника «Часовые мира» и «На восточном рубеже». Начинающий поэт славил воинскую судьбу пограничников, писал о тревожной тишине границы, что «всегда сродни грохоту сраженья на войне». И, конечно, о стремлении наших солдат к миру, о готовности его защитить в любую минуту, о трудной, но такой почетной и благородной службе солдат в зеленых фуражках.

Вслед за поэтическими сборниками выходят книги рассказов Смирнова, также зачастую посвященные защитникам границ: «Китайская граница», «В сосновой пади», «Медвежий хребет», «Мой дом — на Востоке». Выходят и сборники юмористических рассказов — «Оперативное вмешательство» и «Археологические раскопки».

Лучшие рассказы Смирнова свидетельствуют об упорном стремлении автора овладеть законами жанра, создать яркое, лаконич-

ное повествование, вылепить запоминающиеся неординарные характеры, наполнить произведение атмосферой подлинности. Ощущается стремление автора к острому, динамичному сюжету, к жесткой, оголенной фразе, скупости эпитетов. Таковы его военные рассказы «Мы еще подышим ветром», «Подкрепление», «Кавалер орденов», «Дом в глубине двора». Подчас в его рассказах военная тема имеет продолжение в сегодняшнем дне, сливается с морально-этическими проблемами теперешнего бытия. Так в рассказе «Солнечно, ветрено...» воссоздается неожиданная встреча двух однополчан. Семнадцать лет назад один из них, разведчик Леонтьев, вынес с поля боя своего тяжелораненого товарища Диму Правилова. И вот, спустя многие годы, москвич Правилов попадает на Кубань, приходит в гости к боевому побратиму. И... не узнает в Яше прежнего друга. Перед ним заурядный стяжатель, что «прикипел душой, не отодрать» к собственному участку, хозяйству, многокомнатной «хибаре», тесно заставленной богатой мебелью. Бывший разведчик лихо окопался на южной земле, выгодно приторговывает ее щедрыми плодами, «тряся» беззаботных курортников.

В финале рассказа Правилов думает: «Когда-то ты меня спас. А нынче я тебя должен спасти. Должен!» И это очень показательно для любимых героев автора — испытаниями проверять сегодняшнюю жизнь. Ибо мечта о новой, счастливой жизни зарождалась на полях сражений, она крепила силы воинов в самую трудную и горькую минуту. Она рождала подвиг.

В военной прозе Смирнова не раз исследуется природа подвига, готовность советского солдата выполнить свой долг ценой собственной жизни. Погибнуть ради ближнего, не отдать врагу и пяди родной Отчизны. Как рождаются такие люди? Что главное в них? Как начинает действовать героическое начало в обыкновенном человеке?..

Повести «Июнь», «Барханы», «Зеленая осень», «Поиск», «Скорый до Баку», «Девичья слобода», «В отрогах Копет-Дага», «Обещание жить», созданные в 60—70 гг., отвечают на эти главные вопросы в творчестве писателя.

В «Июне» автор воспел не только мужество и подвиг наших пограничников в первые часы войны, но и показал сложность предгрозового времени, истоки патриотизма, стремление нашего народа к мирной, созидательной жизни.

Иной военный материал лежит в основе повести «Обещание жить». Лето сорок четвертого. Победным шагом идет наша пехота к западным границам. После тяжелых наступательных боев часть полковника Звягина получает передышку. Но отдыха не получилось: немцы делают отчаянную, безнадежную попытку пробиться через окружение. И завязывается бой — страшный, беспощадный, последний. В этом бою погибает и полковник Звягин, и сержант Друщенков, и старший лейтенант Петров, любимец солдат, Ротный с большой буквы. Герой повести лейтенант Александр Макеев выжил в этом адском сражении, стал крупным ученым, директором института. Но проходят годы, а память о павших только сильнее, только больнее, явственнее.

Немалую читательскую популярность принесла Смирнову повесть «Поиск», в которой автор акцентировал внимание на острой и драматической проблеме — ответственности человека за судьбы своих товарищей по оружию. Герой повести старший сержант Иванников — прирожденный разведчик: смелый, необычайно находчивый, удачливый. И на сей раз его разведгруппа выполняет ответственнейшее задание — найти «языка» перед наступлением наших войск. Четверо суток идет этот изнурительный, опасный поиск. В холод, снегопад. И одни не-

удачи — контузия, ранение одного из членов группы. Ползут, ползут разведчики по «нейтральной» полосе... Словом, решили они пойти на «военную хитрость»: доставили в штаб труп обер-фельдфебеля, что нашли на передовой, мол, помер фашист, пока тащили его по тылам. Не знали только одного разведчики: немцы специально подбросили труп с ложными военными картами. В результате захлебнулась наша атака, были человеческие жертвы, отодвинулось наступление. Простили большой грех гвардии старшему сержанту Ивану Иванникову, простили за былые заслуги, за просьбу искупить кровью свою вину перед товарищами. В финале повести разведчик Иванников в пятый раз за эти мучительные пятеро суток идет за «языком».

Нет, не просто необычную историю «про войну» рассказал в этой повести писатель. Он создал сложный характер, показал подлинную драму, вновь подчеркнул, что война требовала от человека напряжения всех его физических и духовных сил. Требовала ежеминутной ответственности — за себя и, прежде всего, за других.

И как бы продолжая этот нравственный аспект изображения человека на войне, Смирнов создает новую повесть про армейских разведчиков — «Гладышев из разведроты». И на сей раз читатель ощущает доподлинное знание автором материала, умение найти яркие детали, характеризующие быт, нравы разведчиков, специфику их опасного военного труда. Эта повесть подкупает сильным и цельным характером главного героя, его героической смертью во имя жизни других на земле. Гладышев умирает в Польше. Он — один из шестисот тысяч советских воинов, погибших при освобождении этой братской земли.

И в «мирных» повестях Смирнова — «Барханы», «Зеленая осень», «Скорый до Баку», «В отрогах Копет-Дага» — мы наглядно ощутим тягу автора к философскому осмыслению нравственного наследия Великой Отечественной. И здесь писатель ставит вопросы гражданской мужественности, зрелости личности, ответственности человека за свои поступки, воинской доблести, патриотического служения Родине.

Сложной и интересной работой Смирнова последних лет стала его повесть «Наследство» (1984), в которой писатель обратился к бытовым, семейным коллизиям. Но эта современная «бытовая» проза наполнена у автора злободневными моральными проблемами, духовной связью нынешнего дня с испытаниями минувшей великой войны, нравственным максимализмом фронтовиков.

Размеренной, обеспеченной, комфортной жизнью живет герой «Наследства» — тридцатилетний Вадим Мирошников. Солидная должность, заграничные поездки, удачная женитьба на генеральской дочке. Но нет у героя ощущения полнокровности бытия, нет согласия с самим собой, долгих счастливых минут. Все чаще дает о себе знать болезнь равнодушия, заземленность и бескрылость собственного существования. Внезапно умирает его отец (герой не живет с ним с детства), любимый студентами институтский профессор, бывший фронтовик, человек, исповедующий другие, чем сын, жизненные принципы. И оказывается, что наследство отца — не сберкнижка и старая мебель с цветным телевизором, а совсем иное. Его дневники, его духовные ценности. При чтении дневников и встает перед сыном честно прожитая жизнь отца, его твердые убеждения, его отношение к людям, работе, любимой женщине, его готовность драться за людей, помогать им, сочувствовать в трудную минуту. Немало нравственных уроков извлекает благополучный сын из гармоничной жизни своего отца, рядового Великой Отечественной.

Повесть «Наследство» — о той подчас незримой нити, что проч-

но и навсегд соединяет наше сегодняшнее с героическим прошлым. О могучем наследстве, которое копилось в душах людей в дни великих всенародных испытаний. И которое мы обязаны нынче сберечь и приумножить.

Постоянный и плодотворный опыт работы Смирнова в жанре рассказа и повести, безусловно, помог ему при создании произведений большой эпической формы. Перу Смирнова принадлежат романы «Северная корона» (1968), «Эшелон» (1971), «Прощание» (1977) и «Неизбежность» (1981).

Две центральные художественные задачи явно проступают в романистике Смирнова. Первая — показать диалектику души человека на войне, всесторонне психологически исследовать личность солдата, командира, командующего. Другая — философски осмыслить масштаб войны, раскрыть военное и политическое значение тех или иных событий второй мировой войны, показать их ход, взаимосвязь, влияние на судьбы людей, народа, страны.

В панорамной романистике Смирнова воссоздаются разные годы и периоды Великой Отечественной, а роман «Неизбежность» посвящен разгрому нашими войсками милитаристской Японии в 1945 г.

Но особо писатель сказал о тяжелых испытаниях сорок первого. Их отблеск есть и в романе «Северная корона», действие которого происходит в «середине» войны на смоленской земле. Сорок второму посвящен роман «Прощание», где автор очень точно передал предгрозовую обстановку последних мирных дней, страшную внезапность войны, несокрушимую стойкость наших людей, поражения и победы.

Многие художественные завоевания Смирнова, его мастерство психолога, дар живописать солдатскую «массовку», батальные эпизоды ярко проявились в дилогии «Эшелон» и «Неизбежность».

Повествование в этих романах ведется от лица героя — командира стрелкового взвода лейтенанта Петра Глушкова. Мы застаем его, вместе с замполитом батальона Федором Трушиным, ефрейтором Свиридовым, рядовыми Драчевым, Кулагиным и другими однополчанами, в Восточной Пруссии, в победном сорок пятом. В поверженной Германии цветут сады. Тишина. Мир. Необыкновенный подъем наших солдат. Мечты о счастье, о новой мирной жизни. Они кровью оплатили это право на надежду, любовь, радость. Но вновь врывается военная тревога, вновь эшелоны — война на Востоке.

Какой надо обладать силой, чтобы человек, прошедший от Москвы до Берлина, вновь собрал свою волю, мужество выполнить последний приказ второй мировой войны. И не случайно в длинной дороге на Восток перед глазами солдат-героев «Эшелона» встает истерзанная войной Белоруссия, вдовы, сироты, старики...

В романе «Неизбежность» война в Японии раскрывается, с одной стороны, глазами ее непосредственных участников, в первую очередь лейтенанта Глушкова, а с другой, от лица автора в главах «Малиновский», «Василевский», «Плиев». Эти две позиции — из солдатского окопа и с маршальского наблюдательного пункта — позволяют читателю понять события на Дальнем Востоке во всей масштабности, глубине, политической злободневности.

Творчество военного писателя Смирнова находится в самом расцвете, в поре интенсивной зрелости. Его книги доносят до читателя правду о войне, о мужестве и силе нашей армии, наших пограничников. Он один из активных и талантливых авторов в нашей военной, направленной против войны литературе.

Б. Юдалевич

СОЧИНЕНИЯ

Избранные произведения: В 2-х т. /Вступ. статья С. Смоляницкого. М.: Худож. лит., 1981; Часовые мира: Стихи. Чита: Кн. изд-во, 1950; На восточном рубеже: Стихи. Чита: Кн. изд-во, 1953; Китайская граница: Рассказы. Чита: Кн. изд-во, 1954; В сосновой пади: Рассказы. М.: Воениздат, 1955; Оперативное вмешательство: Юморист. рассказы. Чита: Кн. изд-во, 1955; Степной пожар: Рассказы. Чита: Кн. изд-во, 1956; Медвежий хребет: Рассказы. М.: Мол. гвардия, 1958; Мы еще подышим ветром: Рассказы. Новосибирск, 1960; Мой дом — на Востоке: Рассказы. М.: Мол. гвардия, 1962; До звезд рукой подать: Рассказы. М.: Воениздат, 1963; Зеленая осень: Повести. М.: Мол. гвардия, 1970; Девичья слобода: Повести и рассказы. М.: Воениздат, 1972; В отрогах Копет-Дага: Повесть. М.: Дет. лит., 1974; Северная корона: Роман; Обещание жить: Повесть. М.: Воениздат, 1974; Барханы: Повесть. М.: Дет. лит., 1975; Военные повести. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1976; Прощание: Роман. М.: Воениздат, 1977; Скорый до Баку: Повести и рассказы. М.: Моск. рабочий, 1978; Июнь: Повести. М.: Мол. гвардия, 1979; Красный дым: Повести. М.: Мол. гвардия, 1984; Гладышев из разведроты: Повести. М.: Современник, 1984; Эшелон; Неизбежность: Романы. М.: Сов. писатель, 1985.

ЛИТЕРАТУРА

Машуков И. Стихи Олега Смирнова. — Дал. Восток, 1951, № 1, с. 142—143; Костюковский Б. Тема, родившая писателя. — Дал. Восток, 1955, № 1, с. 186—188; Павловский А. Рассказы Олега Смирнова. — Сиб. огни, 1959, № 8, с. 186—188; Амлинский В. Свет юности и победы. — Комс. правда, 1971, 28 нояб.; Пиляр Ю. Повести о мужестве.— Лит. газ., 1971, 20 янв.; Федоров Н. О. П. Смирнов. — В кн.: Литературная Сибирь.— Иркутск, 1971, с. 259—262; Меженков В. Верность теме. — Кубань, 1972, № 1, с. 113—124; Смоляницкий С. С высоты, откуда виден путь. — Лит. газ., 1981, 6 мая, с. 5; Тарский Ю. В глубь событий и судеб. — Лит. газ., 1984, 28 нояб., с. 5; Леонов Б. Глубокий след памяти. — Известия, 1985, 11 авг.; Марченко А. О военной прозе Олега Смирнова. — В кн.: Неизбежность. М., 1985, с. 62—64; О сб. «На восточном рубеже»: Рясенцев Б.— Сиб. огни, 1955, № 1, с. 189—190; О сб. «Китайская граница»: Яновский Н. — Сиб. огни, 1954, № 5, с. 187—188. — Подпись: А. Бегаев; О сб: «Мой дом — на Востоке»: Белаш Ю. Рассказы настроения. — Лит. и жизнь, 1962, 10 окт.; Лапшин М. Многое в малом. — Знамя, 1963, № 2, с. 221; О романе «Северная корона»: Этов В. От одного перехода до другого. — Сиб. огни, 1969, № 7, с. 183—184; Дычко Д. До звезд рукой подать. — Знамя, 1970, № 12, с. 233—238; О сб. «Зеленая осень»: Идашкин Ю. Истоки подвига. — Октябрь, 1971, № 2, с. 213—215; Лисицкий С. Зрелые плоды «Зеленой осени». — Москва, 1971, № 4, с. 215—216; О романе «Эшелон»: Карпов В. «Эшелон» еще в пути. — Лит. газ., 1971, 2 июня; Логинов А. Лейтенанты .— Сов. воин, 1982, № 12, с. 46; О повестях «Красный дым», «Барханы», «В отрогах Копед-Дага»: Тарский Ю. В глубь событий и судеб.— Лит. газ., 1984, 28 нояб., с. 5; О повести «Обещание жить»: Гура В. Утверждение человечности. — Правда, 1974, 26 окт.; О романе «Прощание»: Кривицкий А. Человек на войне.— Правда, 1980, 2 апр.; О романе «Неизбежность»: Гольдман Ю. Освободители. — Лит. обозрение, 1982, № 12, с. 56—58; Мар Н. Это было в знойном августе. — Лит. газ., 1982, 17 февр., с. 4; Аникович В. Неубывающая память .— Октябрь, 1985, № 4, с. 191—196; О повести «Гладышев из разведроты»: Беличенко Ю. Дожить до Победы. — Знамя, 1985, № 4, с. 229—231; Николаев О. Простые истины. — Лит. обозрение, 1985, № 10, с. 43—45; О повести «Наследство»: Николаев О. Простые истины. — Лит. обозрение, 1985, № 10, с. 43—45.

БИБЛИОГРАФИЯ

Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 228—229; Русская литература Сибири: Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 393—394.

Ю. Д. ЛЕВИТАНСКИЙ (р. 1922)

В 1943 г. в армейских и фронтовых газетах появилось его имя. Первая книга поэта Юрия Левитанского вышла за несколько лет до появления его... первой книги. Это не парадокс. Дело в том, что редакция фронтовой газеты «За родину» решила выпустить сборник стихов своих авторов, и он вышел в 1945 г. в походной типографии, на пути к завершению войны, потому и назывался «Дорогами побед». В основном это были стихи-отклики на конкретные фронтовые события, многие из них были далеки от поэзии, исключение представляли лишь горячие, наполненные жизнью, тугие и взрывчатые строки офи-

цера, сотрудника газеты Юрия Левитанского, исключение не только качественное, но и количественное: из пятидесяти стихотворений, включенных в книгу, тридцать два принадлежало его перу. Теперь, в отдаленности лет, видна «военная хитрость» неизвестного нам редактора газеты, решившего таким своеобразным образом открыть путь таланту: война еще не кончена, она не разбирается, когда и в кого послать пулю, а имя поэта уже на слуху, его строки разносятся по дивизи, по армии, западают в душу и, стало быть, будут жить во что бы то ни стало. Вот почему началом творческой биографии Левитанского нужно считать эту военного времени книгу, тиснутую на передовой, на грубой газетной бумаге, с обложкой из бумаги оберточной. Уже тогда в двадцатитрехлетнем офицере чувствовался и несомненный талант и школа — это была школа МИФЛИ.

Московский институт философии, литературы, истории. Тогда еще не было одаренного человека, который не стремился бы стать его студентом, и народ перед войной собрался там интересный. Левитанский перешел уже на второй курс, когда грянул 1941 г., и все они — надежда и будущность советской литературы — ушли в народное ополчение, в регулярные войска, в роты и батальоны, во фронтовые редакции. Не все из них вернутся домой — песня «Бригантина» и томик стихов останутся от Павла Когана; только расцветет и окрепнет талант Семена Гудзенко и слава постучит в его дверь, как война догонит солдата даже после радостного Дня Победы, и его строки «Мы не от старости умрем — от старых ран умрем...» станут пророческими.

Не думал прежде Левитанский, что на Украину, в родной Киев, где появился он на свет 22 января 1922 г., ему придется входить освободителем, что война понесет его по бесконечным дорогам — в Прагу и в Будапешт, а потом на восток, на перевалы Хингана. А потом, отшумев, надолго забросит его в запорошенный тополиной метелью Иркутск.

Он появился в Сибири вместе с редакцией газеты «Советский боец». Невысокий, стройный, с гвардейскими усиками, очень похожий в те поры на Лермонтова. Через много лет у него появятся об этом стихи:

Я был в юности — вылитый Лермонтов.
Видно, так на него походил,
что кричали мне «Лермонтов!
Лермонтов!»
на дорогах, где я проходил.
Я был в том же, что Лермонтов чине,
я усы отрастил на войне.
Вероятно, по этой причине
было сходство заметно вдвойне.

Далее он взрослел, менялся, полнел, уже походил на Бальзака, на Флобера, но быть похожим на великих, иронизирует поэт, еще не значит самому что-то значить: «понимал я, что сущность предмета может с внешностью быть не в ладах...»

И тщеславья — древнейшей религии —
я поклонником не был, увы.
Так что близкое сходство с великими
не вскружило моей головы.
Но как горькая память о юности,
о любви, о друзьях, о войне,
все звучит это «Лермонтов!
Лермонтов!»
где-то в самой моей глубине.

Тогда, в 1946 г., он и впрямь был юн, его стихи восторженно были встречены молодежью, старые поэты изредка на него ворчали, особенно, когда он пытался искать усложненную форму. Вскоре, в 1948 г., вышла в Иркутске его уже по-настоящему первая «Солдатская дорога».

Как часто мы, рассматривая давние книги писателя с нынешних его высот и высот времени, вырываем их из обстановки, уровня поэзии того времени, лишаем стихи воздуха и взаимосвязей. И сам Юрий Левитанский, человек бесконечно трабовательный к себе, не торопящийся издавать книги, тоже чуть иронично смотрит на свои сборники той поры, не включая большую часть стихотворений из них ни в одну из последующих книг, даже в «Избранное», вышедшее к шестидесятилетию поэта. А они, ей-же-ей, стоят того, чтобы говорить о них серьезно. В книгах поэта тех лет еще живет война, память о ней не уходит со страниц всех книг того периода — «Встреча с Москвой», «Самое дорогое», «Утро нового года», «Наши дни». Главным качеством стихов Юрия Левитанского тех лет, пожалуй, была экспрессия. Тугие строки, энергичные ритмы, динамичные образы, событийность. Стихи отличались сюжетностью, и это не было только признаком творчества Юрия Левитанского, его особенной манерой — так тогда работало целое поколение поэтов, пришедших с войны: Семен Гудзенко, Алексей Недогонов, Марк Соболь, Сергей Наровчатов и многие еще. Книги у Юрия Левитанского, как видно из приведенного выше перечня, выходили густо — одна за другой. Молодость, опыт войны, новые сибирские впечатления, необычность этого края, где зимой с базара приносят круги замороженного молока, где до окон заваливает снегом зима невысокие домики, где бьется в каменных берегах «живая, всесильная сила Байкала», соединенные воедино, становились строками стихов. Юрия Левитанского принимают в члены Союза писателей, имя его становится широко известным в Сибири, с ним знаком уже всесоюзный читатель. Казалось, энергия, накопленная за несколько лет, отделяющих его от первых опытов, рвется наружу: он ищет, находит, отказывается от найденного, совершенствует строки и строфы, все больше метафор в его стихах, все сложнее и интереснее ассоциации:

Стрежень,
        плесы,
                тиховодье Лены,
это словно повесть о тебе:
с каждым перекатом — перемены,
как в своей изменчивой судьбе.
Где-то у истока,
у начала,
так тиха, застенчива, мала,
девочка по камешкам бежала,
Леночкой пока еще была.
Рассыпая брызги на полянах,
схватит лучик солнечный,
и тот
в невесомых капельках стеклянных
крохотную радугу зажжет.
Плыли тучи,
проносилась мимо
берегов причудливая вязь,
девочка росла,
неуловимо
девушкой пригожей становясь.
Цвел закат в ее песчаных косах.
Так она бывала хороша,
что седые кедры по откосам
на нее смотрели не дыша...

Это уже из книги «Листья летят» — последней книги, изданной в Иркутске перед переездом в Москву. Все вернулось, как говорится, на стези своя: в 1956 г. Левитанский вернулся в столицу — через пятнадцать лет с тех пор, как ушел из нее на фронт, вернулся студентом только что открытых тогда Высших литературных курсов при Литературном институте, закончил их и остался в Москве навсегда. Его первая столичная книга, изданная «Советским писателем» в 1959 г., «Стороны света» была данью тому Левитанскому, который воспевал солдатский подвиг, который гражданскую лирику предпочитал лирике сокровенной, который резкими и мужественными

мазками писал сибирскую природу. Нет, ничего от него не уйдет — ни война, ни Сибирь, ни гражданственность, но когда после четырехлетнего перерыва выйдет новая книга «Земное небо» — это будет уже новый, другой, сохранивший лишь некоторые черты прежнего Левитанский. За четыре года он станет известным переводчиком, и до наших дней десятки книг прекрасных национальных и зарубежных поэтов — Фернандо Пессоoа, Бертольда Брехта, Владимира Голана, Лацо Новомеского, Дюлы Ийеша, Ярослава Ивашкевича и многих еще — благодаря ему придут к русскому читателю. За это время он станет одним из известных поэтов страны, а в творчество его придет высокая зрелость. Мысль станет точной, но сложной, образ станет емким, сильным, в стихи придет необычная выразительность и простота. Книга «Земное небо», разошедшаяся мгновенно, стала явлением в поэзии. В ней все та же биография души. Только разговор о войне стал более суровым и более личным — кто вернет людям годы, которые отнимают у них войны? Только разговор о Сибири стал разговором о вечности — «от ее пространств, от ее безбрежности — этот дух спокойствия и безгрешности». И гражданственность осталась в стихах Левитанского, только это философская категория, в которой диалектически соединены не только пафос, но и раздумье, не только радость, но и горечь, не только конкретность, но и обобщенность. Взгляд поэта с каждой книгой становится шире, пристальней, ему открылись ландшафты человеческой судьбы и судьбы человечества, вселенские катаклизмы и неприметные для постороннего взгляда землетрясения сердца.

И снова не торопится поэт с книгой, следующая — «Кинематограф» — появилась в 1970 г. и завершила еще один круг исканий: соединение большого и малого в то, что и есть жизнь, слияние формы, какой бы она ни была новаторской, со строгим течением классического стиха.

...Жизнь моя, мое цветное,
панорамное кино!
Я люблю твой свет и сумрак —
старый зритель, я готов
занимать любое место
в тесноте твоих рядов
Но в великой этой драме
я со всеми наравне
тоже, в сущности, играю роль,
доставшуюся мне.
Даже если где-то с краю
перед камерой стою,
даже тем, что не играю,
я играю роль свою.
И, участвуя в сюжете,
я смотрю со стороны,
как текут мои мгновенья,
мои годы, мои сны,
как сплетается с другими
эта тоненькая нить,
где уже мне, к сожаленью,
ничего не изменить,
потому что в этой драме,
будь ты шут или король,
дважды роли не играют,
только раз играют роль.
И над собственною ролью
плачу я и хохочу.
То, что вижу, с тем, что видел,
я в одно сложить хочу.
То, что видел, с тем, что знаю,
помоги связать в одно,
жизнь моя, кинематограф,
черно-белое кино!

«Кинематограф» — чрезвычайно цельная по внутреннему сюжету, по композиции, по кругу размышлений, по художественному мастерству книга, именно книга, а не сборник, составленный из, пусть и близких, но живущих самостоятельной жизнью стихотворений. Здесь тоже каждое произведение самоценно, но в то же время и соединено с другими, ибо вся книга имеет вступление, кульминацию и заключение, ее ткань прошита воспоминаниями — «Воспоминанье об оранжевых абажурах», «Воспоминание о красном снеге», «Воспоминание о Нибелунгах», отступлениями — «Тревожное отступление», «Второе тревожное отступление», снами — «Сон о забытой роли», «Сон о рояле», «Сон о дороге», таких композиционных опор достаточно много, они своеобразной арматурой соединяют, уплотняют материал книги.

Отныне это станет принципом построения книг: не отдельные стихотворения, а единый, сложный, многоплановый замысел: «День такой-то» (1976), «Письма Катерине или прогулка с Фаустом» (1981). Из них, из немногих переводов, из стоящей особняком книги пародий «Сюжет с вариантами» как из блоков времени сложил Левитанский свою юбилейную, посвященную шестидесятилетию книгу, выпущенную в 1982 г. издательством «Художественная литература». В предисловии к тому Юрий Болдырев написал строки, с которыми нельзя не согласиться:

«Манера Юрия Левитанского говорить с читателем тактична, ненавязчива, но одновременно покоряюща, властна. Стих берет вас в полон мягко, неощутимо — не вдруг заметишь, когда, на каком витке поэтической спирали случилось так, что вы уже не можете оставить стихотворение недочитанным, не можете бросить поэта посреди дороги, которой он вас ведет, не можете не выслушать его до конца»[1].

Перед вами жизнь моя —
прочтите жизнь мою.
Ее, как рукопись, на суд вам отдаю,
как достоверный исторический роман,
где есть местами романтический туман,
но неизменно пробивает себе путь
реалистическая соль его и суть.
Прочтите жизнь мою,
прочтите жизнь мою.
Я вам на суд ее смиренно отдаю.
Я все вложил в нее,
что знал и что имел.
Я так писал ее, как мог и как умел.
И стоит вам хотя б затем ее прочесть,
чтоб все грехи мои и промахи учесть,
чтоб всех оплошностей моих
не повторять,
на повторенье уже время не терять,—
мне так хотелось бы,
чтоб повесть ваших дней
моей была бы и правдивей и верней!

Но повесть Юрия Левитанского, к счастью, не завершена. Какие еще страницы нам предстоит прочесть?

М. Сергеев

---

[1] Болдырев Ю. Дар поэта. — В кн.: Левитанский Юрий. Избранное. М.: Худож. лит. 1982, с. 3.

СОЧИНЕНИЯ

Избранное: Стихи /Вступ. статья Ю. Болдырева. М.: Худож. лит., 1982; Солдатская дорога: Стихи. Иркутск: Обл. изд-во, 1948; Встреча с Москвой: Стихи. Иркутск: Обл. изд-во, 1949; Самое дорогое: Стихи в защиту детей. Иркутск: Обл. изд-во, 1951; Наши дни: Кн. стихов. М.: Мол. гвардия, 1952; Утро нового года: Стихи. Новосибирск: Обл. изд-во, 1952; Листья летят: Стихи. Иркутск: Кн. изд-во, 1956; Секретная фамилия. Иркутск: Кн. изд-во, 1957; Стороны света: Стихи. М.: Сов. писатель, 1959; Земное небо: Стихи и поэма «Мама и космос». М.: Сов. писатель, 1963; Теченье лет: Стихи. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1969; Кинематограф: Кн. стихов. М.: Сов. писатель, 1970; Воспоминанье о красном снеге: Стихи/Предисл. В. Огнева. М.: Худож. лит., 1975; День такой-то: Кн. стихов. М. Сов. писатель, 1976; Сюжет с вариантами: Кн. пародий в 2-х ч. с предисл. и послесл. авт. М.: Сов. писатель, 1978; Два времени: Стихи. М.: Современник, 1980; Письма Катерине, или Прогулка с Фаустом. М.: Сов. писатель, 1981.

ЛИТЕРАТУРА

Смердов А. Поэты Советской Сибири. — Сиб. огни, 1947, № 6, с. 127; Боннер А. О детских стихах иркутских поэтов. — Нов. Сибирь, 1954, кн. 31, с. 310—322; Дементьев В. Огненные точки поэзии.— Москва, 1966, № 9, с. 197—203; Чеченева Л. В. Левитанский Ю. Д. — Крат. лит. энциклопедия, 1967, т. 4, стб. 86; Дементьев В. В. О некоторых чертах поэзии наших дней. — В кн.: Писатель и жизнь. М., 1968, вып. 5, с. 41—55; Сергеев М. Ю. Д. Левитанский. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 266—269; Кобенков А. Путь неизбежный. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983, с. 40—50; О кн. «Солдатская дорога»: Рясенцев Б. Начало пути. — Сиб. огни, 1948, № 5, с. 124—130; О кн. «Утро нового года»: Бегаев А. [Яновский Н.]. — Сиб. огни, 1952, № 4, с. 165—176; Абрамович А. Современная тема в произведениях сибирских писателей. — Нов. Сибирь, 1954, кн. 30, с. 230—234; О кн. «Стороны света»; Баландин Л. Наступившей зрелости пора. — Сиб. огни, 1961, № 2, с. 188—190; О кн. «Теченье лет»: Раппопорт Е. От имени поколения. — Сиб. огни, 1970, № 8, с. 184—185; Сидоров Е. «Исполненные доброго доверья...» — Лит. газ., 1970, 19 авг., с. 6; Скорина В. — Юность, 1970, № 11, с. 85; О кн. «Кинематограф»: Котенко Н. «Откуда вы приходите, слова?» — Сибирь, 1971, № 6, с. 96—99; Пьяных М. — Звезда, 1971, № 7, с. 220; Латынина А. «Жизнь моя, кинематограф...» — Лит. Россия, 1972, 14 апр., с. 15.

БИБЛИОГРАФИЯ

Тарасенков А. Русские поэты XX в. М., 1966, с. 208; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 147—149; Русская литература Сибири: Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 216—218.

Д. Г. СЕРГЕЕВ (р. 1922)

Писательская биография Дмитрия Гавриловича Сергеева принадлежит новому этапу развития советской литературы, начавшемуся после XX съезда партии. Имея за плечами опыт солдата второй мировой войны и двадцатилетний стаж работы в различных геологических, поисковых партиях, он почувствовал главное свое назначение, будучи уже тридцатилетним. Он принес в литературу огромный запас знаний о жизни, талант, мужество творчества.

Родился Дмитрий Гаврилович Сергеев 7 марта 1922 г. в Иркутске. Детство писателя прошло на разных приисках и рудниках, по которым скитался его отец в поисках заработка. В Иркутск семья вернулась лишь в начале 30-х гг. из-за болезни отца. Здесь он и умер в 1931 г. Детство писателя было трудным. Учась в школе, летом ездил прирабатывать на сенокос, нанимался сплавщиком на карбасы на реке Лене. Едва окончив школу, в начале Великой Отечественной войны был призван в армию. Окончив в Омске пехотное училище, в мае 1942 г. попадает на Брянский фронт командиром пехотного взвода. В июле этого же года был тяжело ранен, полгода находился в госпитале, в запасном полку и на курсах усовершенствования офицерского состава, после чего снова—фронт. В составе Первого Белорусского фронта сражался под Гомелем. В должности помощника начальника штаба при батальоне аэродромного обслуживания прошел Белоруссию, воевал под Варшавой, где был снова ранен, дошел до Берлина.

Война прошла по самому сердцу писателя и не отпустила его по сегодняшний день.

Весной 1945 г., сразу по окончании боев, Сергеева, участвовавшего в передаче оставшегося снаряжения Войску Польскому, поразило, как подорвался на мине один из бывших солдат, отправившийся в лес за грибами. «Мины взрываются после войны» — так назвал он один из своих первых рассказов и принес его в 1946 г. в редакцию иркутской газеты «Восточно-Сибирская правда». Рассказ не был напечатан. Первый гонорар за литературный труд Сергеев получил на радио, где передали отрывок из его первого сочинения.

А мирная жизнь звала в дорогу. Недавний воин отнес рассказ в редакцию, а сам отправился в геологическую партию. Как геолог Сергеев еще раз исколесил Сибирь — от Амура и южных степей Читинской области до Саян и Якутии. Двадцать лет было отдано геологии.

Первые публикации рассказов Сергеева (это были, естественно, рассказы о войне) «Две ночи» и «Люди прифронтовой полосы» появились в 1957 и 1958 гг. в альманахе «Новая Сибирь». Затем стал писать о геологах. В 1959, 1962 и в 1963 гг. выходят три первые книги — «Загадка большой тропы», «Костры в тайге» и «Запас прочности». Детективные сюжеты, любовные истории в тайге прямо-таки захватывают писателя. Но успеха это не принесло. По-настоящему стал писать под влиянием «лейтенантской» прозы первой половины 60-х, бесстрашно восстановившей правду о войне.

В 1965 г. на читинском семинаре молодых писателей Сергеев представил на обсуждение рукописные рассказы о войне, был отмечен и признан зрелым прозаиком. Рассказ «В сорок втором» после этого семинара опубликован А. Твар-

довским в «Новом мире» в 1966 г.

Главная книга писателя — повесть «Позади фронта» (1967). Она остается лучшей среди других, созданных им произведений, и одной из тех немногих книг о войне, в которых события тех дней пропущены через сознание женщины. В ее судьбу вошел и сломал ее окончательно лейтенант Копылов, который пришел на фронт с убеждением: все здесь — жизнь и любовь — ненастоящие, временные. Потребуются десятилетия осознать истину: женщина и на войне остается защитницей жизни, принимающей ниспосланные судьбой испытания как горькую необходимость. Оказавшись в положении полевых походных жен, Катерина, Шурочка, машинистка Мякишева ведут себя по-разному, страдают — одинаково. Ни одна из них не помирилась с участью «пе-пе-же», каждая посвоему оберегала право на любовь и женское достоинство.

1967 г. памятен в творческой биографии Сергеева не только тем, что увидела свет одна из лучших его повестей — «Позади фронта». В этом же году в Москве вышла его первая книга «Осенние забереги», составленная не только из рассказов, уже печатавшихся на страницах журналов («В сорок втором», «На тихих плесах»), но и новых произведений, вобравших послевоенный опыт писателя.

В книге «Осенние забереги» автор обнаружил подлинное мастерство рассказчика. Ему в равной степени удались как рассказы психологические с явно ослабленным действием, так и иная их разновидность — истории с исключительными событиями, неожиданными сюжетными поворотами. Работал писатель жадно и увлеченно.

В 1969 г. в Иркутске выходит новая повесть «Крепость на отшибе», которую он писал и перерабатывал на протяжении многих лет. Журнальный вариант ее под заголовком «Семейный сруб» был

напечатан в альманахе «Ангара» в конце 1968 г., перерабатывалась повесть вплоть до ее второй публикации в 1969 г.

Быт геологической партии, описание процессов труда и складывающихся на этой основе людских отношений резко отличаются от того, что было в ранних творческих опытах, рассчитанных на занимательность. Теперь предметы, увиденные неоднократно и близко, полнее освещены мыслью героя и автора. Проблема поставлена в повести острая — отцы и дети в современном мире. Писатель заострил внимание на «вечном» вопросе: правомерно ли в общении поколений делать ставку на непререкаемый авторитет возраста, на механическое служение законам и нормам быта, которые неизбежно меняются и приходят в противоречие с новым укладом? Мир, если он будет придерживаться таких порядков, вырастит «послушных» приспособленцев, и только. А ему нужны люди мыслящие, с активной гражданской позицией.

Близка по теме, поднятой в «Крепости на отшибе», и повесть «В разгаре сезона» (1974). Сложный узел отношений затянут между школьницей Айкой и двумя ее «отцами» — Каберовым (приемным), Путинцевым (на-

стоящим), исповедующими разную «веру» в воспитании смены. Какой станет героиня в будущем — зависит и от этих двух взрослых людей, и от того общественного климата, который мы создаем ежечасно.

Развитие творческой мысли прозаика шло по восходящей линии. В начале 70-х гг. журнал «Новый мир» снова предоставил ему свои страницы. Была напечатана повесть «Возвращение», позднее названная писателем «Залито асфальтом». Повесть автобиографична. В ней рассказано о детстве мальчишек, которым было суждено шагнуть в большую историю в 1941 г.

Реальность тридцатых годов отражена в повести «Залито асфальтом» в сложной системе зеркал. Это и детские воспоминания о времени, когда всегда хотелось есть и редко удавалось испытать чувство сытости, и поведение старой тети Нюши, то поражавшейся «безверию» и хранившей огонек в лампадке вопреки всему, то безотказно подчиняющейся стремительному ритму труда, пусть это и могло проявиться всего лишь в семейных делах; это самоотверженность матери и Зины Жердиной, готовых к любым испытаниям, появление «сказочного» магазина в центре города с непонятным названием «торгсин», и броские плакаты с космическими цифрами. «Вещизм» повести, суровая панорама быта 30-х гг., развернутая в ней, обретают символический смысл. Писатель показал, каковы были жертвы, положенные на алтарь победы задолго до начала войны. Глубокая и искренная повесть «Залито асфальтом» успешно вписывается в историю современной прозы как отражение «обжигающего драматизма» эпохи.

Творческая жизнь Сергеева продолжается уже более тридцати пяти лет. Самым существенным ее итогом остается осмысление событий войны. Оно становится все более индивидуально-конкретным, направленным на выявление всей горькой правды эпохи. Писатель понимает: не было в войне ничего мелкого, ничего такого, что противоречило бы сложившемуся представлению о времени величайшего подвига народа. «Война была делом всех, — отмечал С. Залыгин.— Быть может, нечто другое не было в такой степени делом всех, как война. Но вот она становится делом прошлого и теперь осмысливается уже не всеми сразу, а каждым в отдельности, и не только как дело всех, а еще и как дело каждого». В повести «Отвлекающий маневр», опубликованной в Иркутске, а затем и в Москве в 1975 г., изображена операция, быть может, незначительная в масштабах войны, но особенно жесткая и кровавая, потому что это был «отвлекающий маневр», на который, естественно, не отпускалось ни тех сил, ни той вооруженной мощи, которые бросало комадование на главные направления сражений.

В 1979 г. Д. Сергеев публикует повесть «Разлуки и встречи», в 1980 —«След на лыжне».

События «Разлук и встреч» объединяет судьба сибирской лайки Тунгира, драматичная уже по одной той причине, что пес твердо следовал законам природы и своего естества — прожить без намордника. Удавалось это ценой жестких испытаний, в результате которых он обретал и терял имена, превращаясь в Джима, Тунгира, Дикошарого, жестоко голодал, а однажды был помещен в яму для откорма на случай лечения больного. Но спасала Тунгира решительность, то, что на человеческом языке мы назвали бы следованием своему жизненному предназначению.

Повесть «След на лыжне» — дань писателя детективному жанру. К нему он обращается не однажды, так же, как и к фантастике.

Первый сборник фантастических рассказов «Доломитовое ущелье» вышел в Иркутске в 1965 г. В 1972 г. Восточно-Сибирское книжное издательство напечатало книгу «Завещание каменного века». Заглавие книге дала повесть «Завещание каменного века», рассказывающая об отдаленном будущем, о жизни на других планетах. Природа и человек, происхождение искусства, возможные пути освоения иных планет в условиях научно-технического прогресса — эти и другие проблемы сообщают актуальное звучание фантастике писателя.

Верность жизни, правде человека остаются главным творческим принципом прозаика. Он формулирует его так: «Писателю не обязательно ездить в Африку или Гренландию в поисках материала для будущих книг. Собственная судьба, собственная жизнь — вот его закрома, из которых он может брать все необходимое для творчества. Жизнь любого человека столько всего объемлет, сколько не вместит самый толстый роман, все романы, вместе взятые. Художнический дар состоит не в сборе и накоплении занимательных случаев и происшествий, а в способности увидеть в каждом из обыденных фактов глубинную связь со всей жизнью человека и общества».

Н. Тендитник

СОЧИНЕНИЯ

Загадка большой тропы: Приключен. повесть. Иркутск: Кн. изд-во, 1959; Костры в тайге: Повесть. Иркутск: Кн. изд-во, 1962; Доломитовое ущелье: Фантастика и приключения. Рассказы. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1965; Осенние забереги: Рассказы. М.: Сов. Россия, 1967; Крепость на отшибе: Повесть. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1969; Завещание каменного века: Повесть и рассказы. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1972; В разгаре сезона: Роман. М.: Современник, 1974; В сорок втором: Повесть и рассказы. М.: Современник, 1975; Позади фронта: Повести. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1976; Семейский сруб. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978; Демкина тропа: Повести и рассказы. М.: Сов. Россия, 1980; Разлуки и встречи: Повести. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981; Прерванная игра: Фантаст. повесть. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983; Конный двор: Роман. М.: Современник, 1984.

ЛИТЕРАТУРА

Громова А. Два уровня, а должен быть один — высокий. — Сов. Россия, 1964, 2 апр.; Иоффе С. Зрелость. — Вост.-Сиб. правда, 1968, 23 мая; Мостков Ю. Замысел и характеры: [О повести «Позади фронта» и рассказе «Заповедник чувств»]. — Сиб. огни, 1968, № 9, с. 178—179, 181—182; Тендитник Н. С. О повестях Дм. Сергеева. — Ангара, 1969, № 2, с. 116—119; Тендитник Н. Шелестеть ветвистым тополям... — Сов. молодежь, 1972, 4 марта; Шугаев В. О товарище. — Вост.-Сиб. правда, 1972, 4 марта; Два продолжения: [Интервью с Дм. Сергеевым о его творч. планах]. — Сов. молодежь, 1973, 27 окт.; Котенко Н. Чтоб не распалась связь времен... — В кн.: Молодые о молодых. М., 1974, с. 81—86 , 100, 102; Александрова Е. Путь фантастики, путь реальности. — Наш современник, 1975, № 12, с. 180—183; Котенко Н. Ищу героя — ищу себя. — Смена, 1975, № 6, с. 28—30; Тендитник Н. В битве за человеческие сердца. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975, с. 5—21; Осипов А. Люди и книги сибирской фантастики. — Сибирь, 1977, № 6, с. 103—111; Тендитник Н. С. Мастера. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981, с. 264—303; Зверев А. Реки не пересекаются. — Вост.-Сиб. правда, 1982, 8 марта; Сергеев Д. Через войну: [Воспоминания писателя о фронт. жизни]. — Сибирь, 1983, № 3, с. 103—127; 1984, № 1, с. 78—102; О кн. «Доломитовое ущелье»: Ротенфельд Б. Земная фантастика. — Сов. молодежь, 1965, 31 окт.; Дмитриева Н. Перешагнуть в будущее. — Дет. лит., 1966, № 9, с. 53; О кн.: «Крепость на отшибе»: Борисова И. — Нов. мир, 1970, № 12, с. 277—278; Игнатова Л. Крепость рушится. — Лит. Россия, 1970, 16 окт., с. 17; Ротенфельд Б. Выстрел в Дальней Клиновке. — Сов. молодежь, 1970, 30 июля; О кн. «Позади фронта»: Зверев А. Суровая трезвость взгляда.— Сов. молодежь, 1977, 29 дек.; Неверов А. Восхождение к зрелости. — Лит. Россия, 1977, 18 марта, с. 10; Слабковская Е. Г. Дм. Сергеев. Позади фронта: [Некоторые особенности повествования]. — В кн.: Литература и фольклор Восточной Сибири. Иркутск, 1977, с. 93—102; О кн. «Отвлекающий маневр»: Петрова Н. Тугой пульс современности.— Сов. молодежь, 1974, 20 авг.; Тендитник Н. «Спросите вы у тишины...» — Сибирь, 1975, № 2, с. 116—126; О кн. «Завещание каменного века»: Самохин Н. — Сиб. огни, 1973, № 4, с. 179—180.

БИБЛИОГРАФИЯ

Антипьев Н. Д. Г. Сергеев. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 269—272; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 222; То же. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 164—166; Русская литература Сибири. Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 380—381.

Н. С. ТЕНДИТНИК (р. 1922)

Иркутский литературовед и критик, кандидат филологических наук, профессор Надежда Степановна Тендитник родилась 7 марта 1922 г. в г. Слюдянке Иркутской области. 1941—1945 — годы учебы в Иркутском государственном университете им. А. А. Жданова. По окончании филологического отделения Тендитник в течение двух лет работает литературным сотрудником отдела культуры областной газеты «Восточно-Сибирская правда». В 1947 г. она поступает в аспирантуру ИГУ и в 1951 г. защищает кандидатскую диссертацию «Роман А. Серафимовича «Железный поток». С 1951 по 1954 г. преподает литературу в Иркутском институте иностранных языков, а с 1954 г. по настоящее время работает в Иркутском университете на кафедре советской литературы.

Научные труды Тендитник посвящены вопросам теории и истории советской литературы — изучению творчества А. Серафимовича, Д. Алтаузена, В. Полонского, М. Булгакова, современных сибирских писателей.

С литературно-критическими статьями о произведениях писателей-сибиряков Тендитник особенно интенсивно стала выступать на страницах печати во второй половине 60-х — начале 70-х гг. В альманахе «Сибирь», постоянным автором которого она является, были опубликованы статьи о прозе В. Мариной, В. Распутина, Д. Сергеева, И. Черемных, В. Шугаева. Эти работы впоследствии и составили первую книгу критика «В битве за человеческие сердца» (1975). Название сборнику дала одноименная статья о творчестве Александра Вампилова, написанная в 1972 г. и фактически ставшая первым серьезным и обстоятельным исследованием его драматургии. В этой статье, впервые опубликованой в том же номере альманаха «Сибирь», что и последняя завершенная пьеса Вампилова, выявлялась незаурядная самобытность таланта драматурга, прослеживался его творческий путь от первых очерков и рассказов до пьесы «Прошлым летом в Чулимске», убедительно доказывалась мысль о гуманизме писателя, его борьбе за нравственное очищение человеческих душ и сердец. Тендитник поставила многие вопросы, касающиеся изучения творчества драматурга, жанровой природы его пьес, проблемы театра Вампилова. Задолго до многих критиков Тендитник обратилась и к такому сложному произведению художника, как «Утиная охота», отметив у писателя зоркость и обостренное чувство времени.

В 1979 г. выходит книга Тендитник об Александре Вампилове, в которой анализ творчества драматурга предстает в расширенном и углубленном виде.

Тендитник принадлежит и первая книга о Валентине Распутине «Ответственность таланта» (1978). Очерк творчества писателя вырос на основе пристального и заботливого внимания к его книгам, докладов на научных конференциях, статей и рецензий, опубликованных в альманахе «Сибирь» и других изданиях, участия во встречах В. Распутина с читателями. Все это не только обусловило глубокое проникновение в тайны мастерства художника, но и позволило выявить сопричастность произведений Распутина насущным вопросам жизни общества, острым проблемам времени.

Основное достоинство книги «Ответственность таланта» в том, что произведения Распутина рассматриваются через призму личности самого писателя, его взглядов на мир. Творчество Распутина является неотъемлемой частью современного литературного процесса, оно немыслимо вне его. И вторая задача, которую ставит и успешно решает в книге критик,— это стремление доказать, что поиски художника при всей их оригинальности и неповторимости идут в русле советской литературы и восходят к русской классической традиции.

В книге «Ответственность таланта» вехи жизненного пути писателя становятся вехами партийности и гражданственности талантливого художника, роста его профессионального мастерства. С этих позиций анализируются как наиболее известные произведения писателя («Деньги для Марии», «Последний срок», «Живи и помни», «Прощание с Матерой»), так и его ранние очерки и рассказы, вошедшие в книги «Костровые новых городов», «Край возле самого неба», «Человек с этого света».

Тендитник подробно рассматривает особенности поэтики произведений Распутина, проблемы повествования, композиции, языка, функцию пейзажа, значение художественной детали. Прослеживается эволюция Распутина как художника пытливого, неустанно ищущего, сознающего свою ответственность перед читателем и перед Временем. Важное место занимает в книге анализ повести «Вниз и вверх по течению», которая справедливо рассматривается критиком шире рамок «очерка одной поездки», обозначенных Распутиным в подзаголовке.

«Ответственность таланта» открыто полемична. Ее автор вступает в принципиальный спор с критиками в основном по поводу двух произведений Распутина — «Последнего срока» и «Прощания с Матерой». Особенно активно

включается Тендитник в дискуссию, развернувшуюся вокруг последней повести. «Прощание с Матерой»,— считает критик,— как бы подводя итог размышлениям художника о судьбе современной деревни» и намечает «выход писателя на материале, для него уже не новом, к важным, сию минутным, острым проблемам: человек и окружающая его естественная среда, человек и прогресс, нравственный опыт поколений и научно-техническая революция».

Тендитник оперативно откликается и на произведения Распутина 80-х гг., публикуя на страницах газет и журналов рецензии на циклы его новых рассказов.

В 1981 г. выходит книга «Мастера», объединившая четыре литературных портрета: В. Распутина, А. Вампилова, А. Зверева, Д. Сергеева. Как и в предыдущих работах критика, творчество писателей исследуется на широком историко-литературном фоне, вписывается в контекст общественной жизни страны.

Тендитник активно выступает в печати как театральный критик и как автор рецензий на кинофильмы.

Ее работам присущи точность и строгость идейно-эстетических критериев, интерес к проблемам

художественного мастерства, полемическая направленность.

С. Смирнов

СОЧИНЕНИЯ

В битве за человеческие сердца: Критич. заметки. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975; Ответственность таланта: О творчестве В. Распутина. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978; Александр Вампилов. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1979; Мастера. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981. Валентин Распутин: Очерк жизни и творчества. Иркутск, 1987.

ЛИТЕРАТУРА

Марина В. Утверждение прекрасного. — Сов. молодежь, 1973, 21 июня; Яновский Н. Вослед идущие. — Лит. обозр., 1975, № 12, с. 73; О кн. «В битве за человеческие сердца»: Шик Э. — Сиб. огни, 1976, № 12, с. 183—186; Рассадин В. Новые книги о сибирских писателях. — Дал. Восток, 1977, № 3, с. 134—140; О кн. «Ответственность таланта»: Смирнов С. Герои Валентина Распутина.— Лит. Россия, 1978, 6 окт., с. 11; Смирнов С. Ответственность перед талантом. — Вост.-Сиб. правда, 1978, 8 июля; Цейтлин Е. Счастливое несходство. — Лит. обозр., 1980, № 6, с. 64—66; О кн. «Александр Вампилов»: Смирнов С. Истоки таланта.— Сов. молодежь, 1979, 26 июля; Смирнов С. «Вот такие корни»; Герман В. Сложность «крупного плана».— Лит. обозр., 1980, № 12, с. 42—44; О кн. «Мастера»: Скороспелова Е. Земля, время, слово. — Лит. газ., 1982, 6 окт., с. 4; Юдалевич Б. — Сиб. огни, 1984, № 1, с. 173—175.

И. З. ЧЕРЕМНЫХ (р. 1922)

Иннокентий Захарович Черемных — из числа тех, кого называют самородками, талантливыми выходцами из народа. Дарование проявилось в нем необычно и поздно. Он взялся за перо лишь к 45 годам, членом Союза писателей стал в 60 лет. Начал с фронтовых очерков и рассказов, которые печатались в Братской городской газете. Они сразу же были замечены читателем, затем и критикой, а привлекали к себе внимание ярким жизненным материалом, предельной искренностью автора, сочным народным языком.

В своих произведениях Черемных, кажется, все время стремится ответить на вопросы: в чем оправдание человеческой жизни, ради чего — главного — он живет, есть ли смысл в жертвах, приносимых им. Ответы на эти вопросы не всегда однозначны: автор исследует действительность, не замалчивая теневых сторон бытия, но показывает их с позиции коммуниста, имея ввиду прежде всего наши цели и ответственность каждого за свои поступки.

Родился Черемных 14 декабря 1922 г. в деревне Паберега Братского района Иркутской области в многодетной крестьянской семье. Окончил пять классов. Рано начал трудиться. Перед Великой Отечественной войной был колхозным трактористом. В 1941 г. его призвали в ряды Красной армии. Войну от начала до конца прошел разведчиком. Был несколько раз тяжело ранен, контужен. На войне он сформировался как личность, именно она дала направление его творчеству.

Первая книга Черемных «Разведчики» вышла в 1970 г. в Иркутске. Через десять лет здесь же была издана его вторая книга — «Однополчане», в которую была включена существенно переработанная автором повесть «Разведчики». Столь большой перерыв в написании книг объясняется тем, что писать Иннокентию Захаровичу приходилось, как говорится, без отрыва от производства, работая на хлопотных должностях: начальником главной жилищно-коммунальной конторы и старшим диспетчером БратскГЭСстроя, директором гостиницы.

Книга «Однополчане» состоит из трех повестей: «Моя деревня», «Разведчики» и «Артиллеристы». Они самостоятельны и в то же время объединены главным героем — рассказчиком. Повести ведутся от первого лица, строго документальны, автобиографичны. Автор показывает нам, как простой деревенский парнишка из

сибирских, иркутских краев, не выучившись, к сожалению, как следует, не пройдя даже школы-семилетки, но зато познавший горе и нужду, наученный добывать трудом хлеб насущный — себе и родным — через вековечное крестьянское хлебопашество, охоту и рыбную ловлю; как познает он тяжкое, но необходимое на годы ремесло воевать. Об этом — центральная повесть «Разведчики».

Вот стоит пока еще неровный строй солдат-сибиряков — в валенках, с мешками, в которые все, что могла, положила, провожая сына в путь безвестный мать. Он — наивный, доверчивый и в то же время по-крестьянски смекающий, как ему приспособиться к войне, чтобы не убило в первой же бомбежке. Читая, мы отметим про себя нравственное возвышение ничем не выделяющегося солдата, которое состоялось для него на войне, его самоотверженность в защите Отчизны, узы товарищества, которые дают ему внутреннюю поддержку, стремление раненым не потерять солдатское сообщество, где он давно как родной брат.

Повесть «Артиллеристы» является событийным продолжением повести «Разведчики». Ее главный герой — сам рассказчик — в очередной раз попадает в госпиталь, но вскоре, пренебрегая раной, уходит из него в поисках своей части. Солдатский долг, чувство фронтового братства толкают его туда, где «смерть на смерти» и где он необходим. В этой повести, как и в «Разведчиках», изображены живые люди, не придуманная, без прикрас, фронтовая жизнь. Автор, может показаться, излишне подробен, но зато он достигает ощущения достоверности. Его воин — грубоватый, но честный, склонный к юмору даже в опасности, не погибающий благодаря находчивости и большому запасу прочности. Что важно еще в его характере, так это ненависть ко

злу во всех его проявлениях — от фашизма до мещанства — и нежность к слабым и беззащитным.

У Черемных не отстраненное, не оценочное описание войны, не с дистанции времени он рассказывает о ней, а из того дня, когда шли бои; состояние его лирического героя не разбавлено раздумьями послевоенных лет, не уточнено ими. Писателю не нужно было выспрашивать бывших солдат о том, что они чувствовали, о чем думали на войне, не на воображении написана книга. Она и по чувствам как бы документальна, все — про самого себя — автора, и через это мы видим действительно русский тип, с его жаждой справедливости, горячечностью, тем, что называется «не могу молчать», и неистовым патриотизмом.

Хорошо понять солдата, его душу, его психологию дает возможность первая часть книги — повесть «Моя деревня», наиболее удавшаяся художественно.

«Моя деревня» льется из души писателя, в ней нет длинных рассуждений, все зримо — люди, их характеры, судьбы, картины природы. Ничего не утаивает автор из того, что несет поток сложной деревенской жизни. Он рисует ее

такой, какая она есть — вся на противоречиях: то светлая, радостная, то жестокая. И не известно, чего в ней больше — это уж, видно, как кому отпущено.

У писателя удивительная память на людей, события и случаи, на отдельные детали. Она так живописует характеры, что их сразу один от другого отличаешь и запоминаешь: политссыльного деда Андрея — самодеятельного учителя деревенской ребятни, бывшего каторжанина Егора Антоновича — в прошлом уральского оружейного мастера, богатыря Ивана-бога. Плохо им, пришлым, мучительно живется в деревне, где тайну держать не умеют, порой высмеивают понапрасну, получая в этом как бы и некое удовольствие, пьют и ругаются меж собой. Но и в беде не оставят, работают до седьмого пота, не избалованы достатком, многотерпеливы и за детишек горой стоят.

Черемных хорошо чувствует крестьянскую психологию. Она, в частности, и в том, что весь уклад семьи подчинен детям, тому, чтобы поставить их на ноги, научить труду, нравственной жизни.

...После неурожайных годов Захар Черемных продает коровенку, заколачивает избу и трогается в город, где, ему кажется, легче прокормить детей. Такие «богатые» ехали, что сначала одного мальчонку, а затем и двух пришлось матери с отцом везти в поезде зайцами, в мешках. В Иркутске работа нашлась, но жилья не было. Двинулись в Слюдянку. Легко сказать «двинулись»: куча ребятишек, а на дворе предзимье. На новом месте опять концы с концами не сводятся, детям все время есть хочется, а денег — не разживешься. В это-то время и «прибрали» малого Кешу беспризорники и воры, под страхом научили себе служить — красть. А краденое, будто кем-то оброненное, стал он и в дом нести, семью подкармливать.

Но что семья мальчишки, как повела себя? Тяжело переживал неожиданную, страшную новость отец, долгое время отчаянно пытающийся вывести семью из нужды. За весь день не добившись от сына признания, вечером, когда все легли спать, он прильнул к щеке сына и заговорил: «Не воруй, сынок, не воруй! Я ишшо шибче работать стану. Будем молоко, мясо покупать, на пальтишки сколочу денег. Святым богом прошу тебя, не воруй! Не позорь! Скажут, сын Захара во-о-ор!— зарыдал как дитя». Чтобы сберечь чистую душу сынишки, отец пытается сначала сам проучить зачинщиков краж, но затем, видя, что из этого ничего не выходит и быть беде еще не одной, как ни тяжело было, вновь стронулся с места, решив вернуться в деревню.

А спустя годы, когда этого же сына исключили из школы, мать, тоже тяжело переживая неудачу, без шума, жестко, но мудро решила: «Не хочет учиться, так пускай сызмальства спину гнет». И стал отец учить его крестьянскому труду. Человек должен уметь в жизни что-то делать хорошо, по-настоящему.

Вот так, как бы само собой прививалось будущему солдату и работнику земли народное понимание добра и зла. Добро — это честность, труд, доброта к людям, любовь к близким. Писатель показывает сложное преобразование характера: проказливость, шкодливость мальчонки обернется на войне отвагой и смелостью, приспособленность к неприхотливому быту — стойкостью и самоотречением, опыт жизни в большой семье — товариществом и братством, любовь к природе, ко всему живому — жизнелюбием, оптимизмом. А все это вместе составит его способность к действенному, активному патриотизму.

Людей от земли, от сохи Черемных живописует через народную речевую стихию с присущим

ему чувством юмора, не избегая порой и грубоватой, соленой шутки. Но за всем этим — правда характеров и обстоятельств, абсолютное чувство человека, правды в человеке.

В повести «Моя деревня» многие герои обрисованы скупыми художественными средствами, не ярко. И видишь их: отца — молчаливого, бесхитростного, далекого от всяких ссор, внутренне гордого; мать — самолюбивую, стремящуюся к первой роли в семье и в то же время несчастливую, с затаенной печалью в глазах из-за вечной, неутихающей тревоги за детей и еще чего-то, ведомого только ей одной; Ненилу Тельнову — языкастую, умную, справедливую; доброго труженика Василия Черемных, которого все любят.

Поднялся-таки колхоз, но только успели досыта поесть, стали строить добрые планы на будущее, как новое испытание — война. И здесь опять движет людьми боль, тревога за судьбу Отчизны, сливающаяся в их сознании со своей собственной.

После Великой Отечественной войны Черемных вернулся к родителям, в Иркутск, трудился токарем на автосборочном заводе (ныне завод имени В. Куйбышева). Однако его неудержимо тянет в деревню, ближе к земле, к природе, он едет жить в Боханский район и работает там до той поры, пока не началось в Сибири время новых больших преобразований. Особенно оно всколыхнуло тех, в ком жив дух первооткрывателей, энтузиастов. Как только Иркутский обком партии объявил о призыве пятисот коммунистов на строительство Братской ГЭС, Черемных, не раздумывая, подал заявление. На строительстве ГЭС он трудился лесорубом, молотобойцем, помощником машиниста экскаватора, возглавлял жилищное строительство в Братске и Железногорске-Илимском. И всюду он активно отстаивает высокие идейные принципы, нашу коммунистическую мораль, борется с безыдейностью и демагогией, неорганизованностью и бесхозяйственностью. Черемных поднимает авторитет чевека-труженика, независимо от масштаба личности и дела, которым тот занимается. Наблюденное в жизненной повседневности писатель переносит на страницы своего нового произведения — повести «После войны», публикацию которой он начал в альманахе «Сибирь». Что происходило и сталось с людьми, с главным героем его автобиографических повестей, начиная с конца сороквых годов и до наших дней — об этом рассказывает произведние. Оно о движении нашего общества вперед, его завоеваниях и издержках, о мужественном преодолении трудностей жизни. Великое и возвышенное в людях — с одной стороны, с другой — низкое, недостойное, пошлое — все узнаваемое, правдивое, натуральное. Писатель показывает послевоенные город и деревню, картины труда и быта, судьбы отдельных людей и коллективов — все это динамично, живо. Он предстает перед читателем в новом качестве художника-публициста, вскрывающего сложную психологию современного человека.

Писатель рисует строительство Братской ГЭС через восприятие человека, прошедшего войну, на все происходящее у него своя мерка, свой взгляд — изучающий и требовательный. Пластику человеческих типов он схватывает моментально и безошибочно, каждый персонаж у него обрисован социологически точно — так, что читатель угадывает его происхождение, профессию, среду нынешнего обитания.

Думается, что новое произведение Черемных с его обнаженной правдивостью, предельной искренностью является интересным художественным документом о послевоенной Сибири.

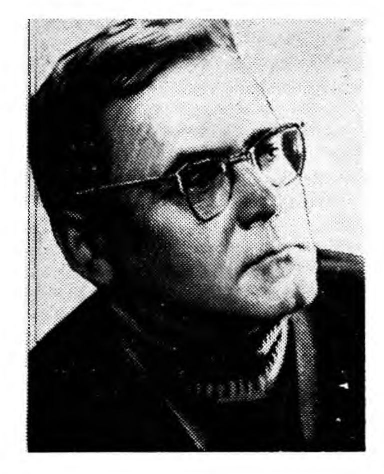
В. Секерина

СОЧИНЕНИЯ

Разведчики: Повесть. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1970; Однополчане: Роман/Предисл. Г. Михасенко. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981; После войны: Повесть. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1986.

ЛИТЕРАТУРА

О кн. «Разведчики»: Тендитник Н. Солдат России. — Ангара, 1969, № 6, с. 106—112; Тендитник Н. В битве за человеческие сердца. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975, с. 123—141; О кн. «Однополчане»: Мостков Ю. — Сиб. огни, 1982, № 7, с. 170—171.

В. А. АЛЕКСЕЕВ (р. 1923)

Валерий Анатольевич Алексеев родился 21 января 1923 г. в городе Уфе в семье служащего; среднюю школу заканчивал в Москве; первые стихи опубликовал в 1939 г. в газете «Орский рабочий», в 1941 г. добровольцем ушел на фронт; после войны, закончив Московский механический институт, работал на стройках Крайнего Севера, в 1953 г. приехал в Ангарск, откуда на три года, с 1966 по 1969 г., был командирован в Братск, где работал на строительстве Братского ЛПК и Братского алюминиевого завода. С Ангарском Алексеев не расстается по сей день.

Все это — и войну, и север, и Братское море, и Ангарск — можно вычитать в его стихах, печатавшихся в ангарской газете «Знамя коммунизма», в «Восточно-Сибирской правде», в «Литературной России», журнале «Знамя» и альманахе «Сибирь», в его книгах, поначалу выходивших с большими временными разрывами: между первой и второй — восемь лет, между второй и третьей — более десятилетия; зато четвертая книга вышла почти вдогон третьей, через три года после нее. Собственно, первые издания Алексеева (Закон движения, 1962; Паводок, 1970), рассматривая их из дня сегодняшнего, мы не назовем книгами, памятуя о том, что поэтическая книга выстраивается по законам лирического сюжета, держится на созвучии настроений, рифмовке мыслей,— нет, первые издания Алексеева — это сборники стихотворений, где каждое из них отвечает за свою тему и, по сути, независимо от других.

Правда, поэтический сборник — явление для тех лет, в которых складывался поэт Алексеев, общее; стихотворцы работали больше на события внешние, сиюминутные (покорение космоса, освоение Сибири и т. п.), нежели внутренние.

Я вновь себя почувствовал мальчишкой,
которому все надо наверстать,
чтоб жизнь свою в конце концов
сверстать
короткою, но стоящею книжкой...

Эти строки были вынесены на обложку «Паводка», но поскольку сам сборник сверстался из всего, что случилось к тому времени под рукой (стихотворений пейзажных, исторических, биографических, календарных), то прозвучали они не более чем декларация, хотя поймем Алексеева: вырастая, он мечтал не только о стоящих стихах, но уже — о «стоящей книжке».

«Стоящая книжка» написалась не сразу — в возрасте более чем

зрелом, и пусть была она, как и предыдущие, невелика по объему, но заметно весома по смыслу, вложенному в нее, по самому стиху, всерьез и бесповоротно ушедшему в судьбу, пережитое, нажитое. Книга «Станция Свеча» (1981)и, продолжившая ее в главном, книга «Еще не вечер» (1984) рассказали об Алексееве так, как он, вероятно, когда-то мечтал: здесь и московское детство («Рубка капусты», «Всадник без головы» и др.), и военная юность («Савеловский вокзал», «Командир» и др.), и север («На лесоповале», «Ташкент», «Нельма»), и откровения души, познавшей и дружбу, и любовь, и разлуку, и разочарования.

И вспомнилось мне:
я лежу на зеленой траве
и в небо гляжу голубое
с улыбкой бесцельной.
В шинели солдатской
иду по военной Москве
и насмерть стою
под охваченной пламенем Ельней,
на Севере Крайнем
то строю дома, то мосты,
братаюсь с якутом,
люблю воркутинских девчонок.
На холмик на мамин
кладу полевые цветы
и плачу ночами,
как малый бездомный ребенок...

До «Станции Свеча» застегнутый на все пуговицы, Алексеев чуть ли не впервые доверился нам, как читателям,— заплакал при нас и признался в любви, и в силе своей, и в слабостях своих, и потому мы отнеслись к нему, как к поэту.

Его стих без излишеств, строг в ритмическом рисунке, с первой строки нацелен на концовку, обычно заключающую в себе вывод, житейское соображение, даже наставление. Чтобы в чем-то признаться, Алексееву непременно надо что-либо поведать: (житейский случай, бытовую ситуацию) или пересказать (книжку, некогда прочитанную, информацию, полученную на школьном уроке или извлеченную из газеты)— он тяготеет к стиху сюжетному, и многие его работы мы можем прочитать как рассказы в стихах. За это можно бы и упрекнуть, но свою задачу — «сверстать жизнь» «в стоящую книжку»— он понимает впрямую, осуществляет конкретно, и здесь мы должны понять его: он вышел на себя с опозданием.

В трамвае локтем
девушку задень,
и — взгляд сверкнет
из-под задорной прядки.
— Еще не вечер,—
скажешь, —
все в порядке, —
забыв при этом,
что уже не день.

Но интересно, важно иное — то, что в третьей и четвертой книгах Алексеева возраст и опыт не приземляют интонацию его стиха, а, наоборот — возвышают, привносят симпатичный оттенок романтизма, в котором нет ноты ностальгической, но есть ноты азарта и жизнеутверждащего упрямства.

И в сердце жив
неутоленный голод,
и вновь любовь
берет свои права.

А. Кобенков

СОЧИНЕНИЯ

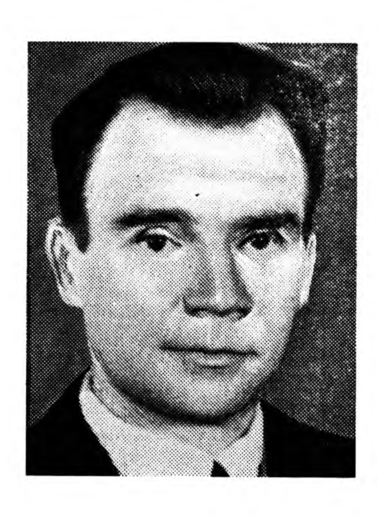
Закон движения: Стихи/Предисл. М. Сергеева. Иркутск: Кн. изд-во, 1962; Паводок: Стихи. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1970; Станция Свеча: Стихи. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981; Еще не вечер: Стихи. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984.

ЛИТЕРАТУРА

Ханбеков Л. Быть верным себе.— Вост.-Сиб. правда, 1962, 2 нояб.; Абрамович А. Ф. Племя молодое.— В кн.: Абрамович А. Ф. Поэты стороны сибирской. Иркутск, 1963, с. 148—151; Короленко Р. Открытие: [О сб. «Закон движения»]. — Мол. коммунист, 1963, № 4, с. 107; Мутин В. Ангарчане — участники «Антологии». — Вост.-Сиб. правда, 1968, 20 апр.; Раппопорт Е. Разговор о втором сборнике: [О сб. «Паводок»]. — Вост.-Сиб. правда, 1970, 11 сент.; Мутин В. «Я люблю эту землю»: (К 60-летию со дня рождения). — Знамя коммунизма, Ангарск, 1983, 21 янв.

БИБЛИОГРАФИЯ

Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 48—49; То же. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 33.

А. В. СМИРНОВ (р. 1923)

Алексей Всеволодович Смирнов родился в 1923 г. в Красноярске, в семье учителя. Участник Великой Отечественной войны. В 1950 г. окончил Сибирский лесотехнический институт в Красноярске, в 1953 г. получил степень кандидата сельскохозяйственных наук. С 1958 г. доцент кафедры ботаники Иркутского госуниверситета.

Первая нига Смирнова «Тайны сибирских лесов» вышла в Иркутске в 1957 г. Ярко и впечатляюще определила она писательский облик автора, художественные и тематические особенности остальных его книг. («В тайге у Байкала», «Дары зеленого океана» (в соавторстве с М. В. Смирновой), «Охотники за грибами», «В джунглях Хамар-Дабана»).

О чем же рассказывает писатель в своих произведениях?

...Необъятные таежные просторы Сибири. Леса и степи, величавые горные кряжи, суровые вершины вечно-снежных белков, буйные веселые заросли в поймах говорливых рек, заповедные берега уникального Байкала—все это поистине необозримая лаборатория, в которой много лет неустанно трудится ученый, та страна, в которую ведет своих читателей знающий, глубоко заинтересованный экскурсовод. И главное, экскурсовод, умеющий о самых обычных, много раз виденных вещах рассказывать увлекательно, образно, неожиданно и свежо: приходилось ли вам встречать забор, который приносит плоды? Знаете ли вы, кто в лесу пьет больше всех? Кто знает, какое дерево называют неумирающим и почему его так называют?

Конечно, можно было бы обстоятельно и строго научно изложить все сведения о названных здесь растениях: густые заросли облепихи, не сравнивая их с забором, снабдить и латинским названием и описанием всех их свойств; мох назвать влаголюбивым растением — и только, а плесень, поселившуюся на корочке хлеба, просто плесенью; о лиственнице, не поддающейся гниению даже на дне реки, рассказать тоже бесстрастно и академически. Такие строки с удовольствием и пользой для себя прочитал бы специалист. Но знание, облеченное в форму наглядную, броскую, становится доступным каждому, берет в плен внимание и воображение любого читателя и надолго остается в его памяти. Еще Д. Писарев отмечал: «Популяризатор непременно должен быть художником слова, а высшая, прекраснейшая, самая человеческая задача искусства состоит именно в том, чтобы слиться с наукой и посредством этого слития дать науке такое практическое могущество, которого она не могла приобрести исключительно своими собственными средствами».

Такова сила популярной пропаганды науки, сила и особенность особого раздела искусства — научно-популярной литературы, в области которой успешно работает Смирнов.

Его цель — расширить знания

читателей о сибирской природе, его метод — популяризация.

Вот он вместе с героями своей книги ведет читателей на склоны хребта Хамар-Дабана («В джунглях Хамар-Дабана»). Он заставляет пристально вглядеться в этот, казалось бы, такой привычный, обыденный лесной уголок — и тогда открывается мир поистине удивительный —«холодные тропики», где высятся рощи тополей-великанов, обвивают стволы деревьев сибирские лианы — княжик. Здесь есть растение, для жизни которого достаточно почвы с чайную ложку; здесь почва остается теплой всю зиму благодаря мощному снежному покрову, так что даже картофель сохраняется в ней невредимым в лютую стужу; здесь неисчерпаемая кладовая съедобных плодов, кореньев, лечебных трав.

Экспедиция на Хамар-Дабан — путешествие открытий. Путешествием открытий можно назвать большинство книг Смирнова. Волнующим чувством первооткрывателя согрета, например, его книга «Тайны сибирских лесов»— серия коротких увлекательных зарисовок, своеобразная энциклопедия сведений о сибирской тайге, а также повесть о двух мальчишках, решивших выяснить, какие грибы и где растут, как служат они человеку, для чего нужны стране («Охотники за грибами»).

Вместе с тем писатель владеет и другой манерой — сдержанным информационным письмом. В таком ключе он пишет книгу-справочник «Дары зеленого океана» — о лекарственных сибирских травах, ценной древесине и использовании ее в промышленности; отчасти так же написана и книга «Где шумит Ангара», где автор обстоятельно рассказал о перспективах использования природных богатств Сибири. Обе книги содержат хороший познавательный материал. И все же более характерным для творчества Смирнова остаются книги с яркой образностью, острым сюжетом, веселыми приключениями, где сила подлинно научных знаний соединена писателем с силой художественного слова.

Большинство книг Смирнова адресовано детям. Но значение их, думается, далеко выходит за рамки только специальной детской аудитории. Пропаганда знаний природы приобретает год от года все большее гражданское и этическое значение. В день принятия Советским правительством Закона об охране природы газета «Известия» писала: «...помни, что лес будет нужен внукам и правнукам твоим. И не губи красоту, потому что красота природы — величайшее достояние всех людей, а значит, и твое».

Книги Смирнова, продолжая лучшие традиции советской научно-популярной литературы, учат бережно и грамотно относиться к сибирской природе.

В 70-е годы А. В. Смирнов уехал из Иркутска, и дальнейшее его творчество с Сибирью не связано.

Н. Петрова

СОЧИНЕНИЯ

В тайге у Байкала. Л.: Детгиз. Ленингр. отд-ние, 1958; Тайны сибирских лесов. М.: Дет. мир, 1959; Дары зеленого океана/В соавт. с. М. В. Смирновой. Иркутск: Кн. изд-во, 1959; Где шумит Ангара. М.: Дет. мир, 1960; Охотники за грибами. Иркутск: Кн. изд-во, 1961; В джунглях Хамар-Дабана. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967; Морской змей и маленькая хлорелла. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1972; Лес: Науч.-худож. лит. — [Переизд.]. М. :Дет. лит., 1973; Родиола — золотой корень. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1974; Мир растений: Рассказы о саксауле, селитрянке, баобабе, березах, кактусах, капусте, банксиях, молочаях и мн. др. широко извест. и ред. цветковых растениях. М.: Мол. гвардия, 1979; Упрямые башмачки. М.: Дет, лит., 1979; Мир растений: Рассказы о кофе, лилиях, пшенице и пальмах. М.: Мол. гвардия, 1981; Мир растений: Рассказы о соснах и можжевельниках, орляке и кукушкином льне, сморчках, опенках, мухоморах, мор. капусте, пепельнике и мн. др. ред. и широко извест. растениях. М.: Мол. гвардия, 1982.

ЛИТЕРАТУРА

Владимиров К. О книгах для

детей. — Ангара, 1961, № 1, с. 127—130; Петрова Н. А. В. Смирнов: — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 272—274; О кн. «Тайны сибирских лесов»: Абрамович А. Авторы первых книг. — Вост.-Сиб. правда, 1958, 20 нояб.; Демченко А. Издано в области... — Учит. газ., 1963, 14 нояб.; О кн..: «В тайге у Байкала»: Сергеенков А. Приезжайте к нам, в Сибирь! — Биология в школе, 1959, № 3, с. 95; Чуйко К. Полезная книга для детей. — Ангара, 1959, № 2, с. 104—105; О кн. «Лес»: Антонова Г. — Биология в школе, 1971, № 1, с. 85—86; О кн. «Упрямые башмачки»: Логиновских Э. Без леса не обойтись. — Джезказган. правда, 1980, 13 сент.; О кн. «Мир растений»: Логиновских Э. Книга о зеленом мире планеты. — Джезказган. правда, 1982, 2 апр.; Новиков В. Что в мире растений? — Лесн. пром-сть, 1982, 17 июля; Петров В. В. — Ботан. журн., 1983, т. 68, № 4, с. 555—556.

БИБЛИОГРАФИЯ

Стрельникова Л. Д. Иркутские писатели — детям. Иркутск, 1964, с. 54—57; Русская литература Сибири: Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 392—393.

В. П. АСТАФЬЕВ (р. 1924)

Теперь можно и следует сказать, что произведения Виктора Астафьева — крупное явление советской литературы. О нем уже нельзя не говорить, если мы хотим верно представить, что же происходило в нашей литературе в шестидесятые-семидесятые годы XX в.

Виктор Петрович Астафьев родился в ночь на 2 мая 1924 г. в с. Овсянка Красноярского края в семье крестьянина. Его мать, урожденная Потылицына, утонула в Енисее, когда сыну исполнилось восемь лет. В повести «Перевал», посвященной «светлой памяти матери моей Лидии Ильиничны», Илька, главный герой повести, с нежностью вспоминает о своей тоже погибшей в Енисее маме. Здесь запечатлена правда, которую сохранила цепкая память мальчика и которая преображена затем зрелым человеком-художником.

Семья со стороны матери — «трудовая, огромная, степенная и певучая» — с наибольшей полнотой представлена в повести «Последний поклон», разумеется, в обобщениях, не предусматриваемых в «справках» о жизненном пути писателя. В ней с редким проникновением рассказано о бабушке Катерине Петровне, о ее исключительной роли в судьбе внука.

Женившись вторично, отец, Петр Павлович, в 1935 г. переехал в Игарку. Родились дети, образовалась новая семья. В автобиографии Астафьева об этом времени сказано кратко: «Здесь мы хватили лиха».

Осенью 1936 г., когда надо было учиться в пятом классе, случилась беда: двенадцатилетний мальчик остался один. Об этом подробно рассказано в главе «Последнего поклона» — «Без приюта». Учился он кое-как и до марта 1937 г. беспризорничал, пока не был «сдан» в детдом-интернат.

Впоследствии Астафьев с благодарностью вспомнит о воспитателе, потом директоре интерната Василии Ивановиче Соколове, прототипе Репнина в повести «Кража», который, как и учитель литературы поэт И. Рождественский, существенно обогатил его представлениями о мире, побудил задуматься о себе и о жизни.

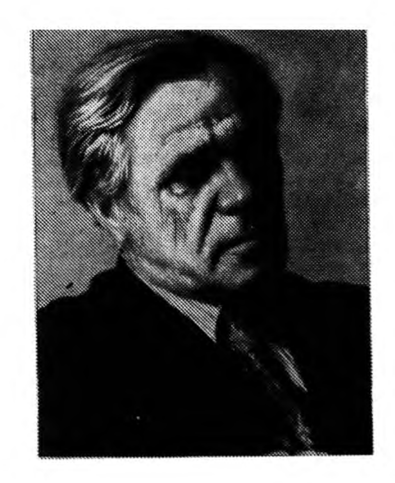
Война застала Астафьева в критический момент, когда надо было решать, что делать, кем быть. В шестнадцать лет детдом надо было покидать. В ранней автобиографии об этих днях Астафьев писал: «Деваться некуда. Один как перст. Возраст дикий и романтический. Душа от книг размягченная, мечтательная, а жрать нечего, жить негде, приткнуться не к кому». Осенью 1941 г. Астафьев с большими трудностями добирается до Красноярска и на станции Енисей поступает в железнодорожное ФЗО.

В июне 1942 г. группа мальчиков-учеников получила специаль-

ность «составители поездов» и направлена на работу. Астафьев, проработав на станции Базаиха всего четыре месяца, уходит в армию добровольцем.

Весной 1943 г. отправлен на передовую. До самого конца войны оставался рядовым солдатом. Менялись только профессии — шофер, артподвозчик, связист, конюх, когда оказался по ранению в нестроевой части. Воевал на Брянском, Воронежском и Степном фронтах, после объединения в составе войск Первого Украинского фронта. Осенью 1943 г. на Днепровском плацдарме ранило в лицо — повредило глаз, затем серьезно контузило, а 17 сентября 1944 г. в районе польского города Красно тяжело ранило в руку — с тех пор до конца войны госпиталь, нестроевые команды... В октябре 1945 г. Астафьев был демобилизован и вместе со своей женой Марией Семеновной Корякиной приехал в город Чусовой на Урале, родной город жены. В двадцать один год — ни законченного образования, ни профессии, ни здоровья. До 1951 г. Астафьев «метался по разным работам»— дежурный по вокзалу, кладовщик, слесарь, разнорабочий, мойщик на мясокомбинате, вахтер, переходил и на «вольные» заработки, то есть «шабашничал», но от хронической нужды это не спасало.

В начале 1951 г. на занятиях литературного кружка при газете «Чусовской рабочий» Астафьев прослушал рассказ, написанный бывшим фронтовиком. Он ему резко не понравился своей надуманностью и фальшью. Ночью на дежурстве вахтер мясокомбината Астафьев написал свой первый рассказ «Гражданский человек». «Больше всего я заботился о том,— скажет писатель несколько лет спустя,— чтобы все было точно, чтобы все было, как было». Рассказ понравился слушателям литкружка, и в феврале

1951 г. он был опубликован газетой «Чусовской рабочий».

Но самое главное, что круто предопределило судьбу Астафьева, в апреле этого года он был приглашен на должность литературного работника «Чусовского рабочего». В газете Астафьев проработает четыре года, напишет сотни корреспонденций, статей, очерков, свыше двух десятков рассказов, из которых и составит две первые книги —«До будущей весны» (Пермь, 1953) и «Огоньки» (Пермь, 1955)— и задумает роман.

Более двух лет пишет Астафьев роман «Тают снега». За это время он издаст две книги для детей —«Васюткино озеро» (1956) и «Дядя Кузя, лиса и кот» (1957), напечатает очерки и рассказы в альманахе «Прикамье», в журнале «Смена», в сборниках «Охотничьи были», «Приметы времени», а в 1958 г. будет издан роман. Так Астафьев встал на путь профессиональной писательской деятельности. В 1959 г. он направлен на Высшие литературные курсы в Москве, где проучился до 1961 г.

Писательская зрелость у Астафьева наступила чуть-чуть раньше того, как он стал известен взрослому читателю. Две

книги «Теплый дождь» (М.: Детгиз, 1958) и «Зорькина песня» (Пермь, 1960), в которых собрано едва ли не все, что создано писателем для детей за 1953—1959 гг., весьма показательны в этом отношении. Откроем книги и без выбора прочтем один-два рассказа и сразу почувствуем особый дар писателя — искренно, открыто разговаривать с детьми о самом важном и нужном в природе и обществе. В книгах для детей выражена бережная и трепетная любовь писателя к природе, его стремление понять ее тайны, воспеть ее красоту, утвердить мысль об органическом единстве человека и природы.

Три повести Астафьева — «Перевал», «Стародуб» и «Звездопад», появившиеся одна за другой в 1959—1966 гг., были отмечены печатью лирической прозы. Их появление было воспринято как неожиданное рождение нового зрелого писателя, который захватывал и потрясал своей искренностью, открытостью, глубоким проникновением в духовный мир лирического героя в силу бесспорной и легко угадываемой близости его к самому автору. Повесть «Звездопад» открывалась как автобиографические записки, как исповедь: «Я родился при свете лампы в деревенской избе. Об этом мне рассказала бабушка. Любовь моя родилась при свете лампы в госпитале. Об этом я расскажу сам». Далее идет история этой любви, чувства и мысли, ею вызванные, ее трагический исход, обсуловленный войной. В повести «Перевал» все пропущено через восприятие мальчика Ильки Верстакова, но автор всюду присутствует и берет слово сразу, как почувствует, что рассказываемое недоступно разумению Ильки, и мы понимаем, что Илька и автор в чем-то совсем неразделимы. А повесть «Стародуб», созданная на историческом материале, естественно, выпадает из такого прямого соотнесения. Но есть сторона внутренняя, она идет от характера писателя, от его миросозерцания, от целей его искусства и поэтических средств, которыми он достигает этих целей. Образ Култыша лиричен, и секрет обаяния его в неотразимой для нас привлекательности его идейно-нравственных свойств. Это жажда познания природы и желание жить с нею в согласии, его любовь к человеку, проявляющаяся в том, что он всегда готов отдать людям все, что имеет, наконец, его любовь в женщине, выражаемая им так поэтично и неповторимо.

Повесть «Пастух и пастушка», появившаяся через десять лет после «Звездопада», явилась органическим продолжением творческих поисков Астафьева в изображении Великой Отечественой войны. В ней, как и в прежних произведениях, автора волнует народный характер в состоянии едва ли не предельного напряжения своих сил; в ней, как и всюду, видна жажда правды: и той, что окрыляет, и той, что наполняет гневом,, тоской, горечью.

«Пастух и пастушка» многими воспринималась как повесть о любви. На самом деле она и шире и значительней. Она не только о любви, но и о войне, о войне-необходимости, когда защищается Отечество, и о войне как противоестественном состоянии человечества, когда она ведется в своекорыстных целях. Война может не просто убить человека, она может раздавить его духовно. Так раздавлен ею в повести старшина Мохнаков, так юная душа лейтенанта Костяева не могла вынести ужасов войны — «он стал казаться себе жалким и одиноким», и сон его был наполнен «ощущением безнадежности и пустоты». Повесть звучит как страстное предупреждение о пагубности войны всем вослед идущим поколениям, пре-

дупреждение, необходимое и в наши дни, когда созданы невероятно мощные средства массового уничтожения и когда борьба народов за мир приобрела невиданный размах.

Все эти годы Астафьев писал рассказы, которые А. Н. Макаров назвал «страницами детства». Внешне к таким страницам относится и повесть «Кража» (1966). Как бы ни были противоречивы оценки повести в текущей критике, «Кража»— крупное явление литературы 60-х гг. Повесть объемна по охвату жизненных явлений, исторична, ибо в ней содержится осмысление судеб разных поколений в переломный период нашей истории. Общее в «страницах детства» и в «Краже» не в их автобиографизме, а в пафосе познания России и глубинных свойств характера русского человека, в защите о торжестве добра и справедливости, в проповеди той социальной педагогики, которая нужна была вчера и необходима будет завтра. В повести запечатлен образ реального человека 30-х гг., данный сквозь призму идей и устремлений годов 60-х. Сюда относятся и комендант Краесветска Ступинский, и бывший офицер, а теперь директор детдома Репнин, но прежде всего Толя Мазов, ибо в нем дана концентрация тех качеств, которые определяют наше будущее. «Кража» всем своим содержанием, не рассчитанным на легонькое порхание по зигзагам и ухабам истории, утверждает: тот, кто боится этой исторической правды, тот боится, по существу, своего народа, фактически утрачивает веру в его творческие возможности, мешает строительству коммунистического общества.

Теперь можно сказать, что над повестью «Последний поклон» Астафьев трудился все свою творческую жизнь. Именно о нем он скажет: «Шлю Вам свою книжку, ту самую, ради которой, наверное, и родила меня мать. Жить и писать после этой книги сделалось очень трудно, будто вымел я сам себя, как крестьянский сусек перед посевом...»

Главный герой повести — Витя Потылицын — с ранних детских лет до юности, до первых лет после войны. Но самым обаятельным, самым значительным, убеждающим и покоряющим образом, который проходит через всю повесть «Последний поклон» в редакции 1968 г., является, конечно же, образ бабушки Катерины Петровны. Наредкость многогранен он в обрисовке Астафьева, объемен и пластичен. Извечная труженица от рождения и до последнего своего часа, бабушка выступает в повести как воспитательница, постигшая это высокое искусство по преданиям и по личному опыту — ведь транадцать сыновей и дочерей выпестовала она, подняла и поставила на ноги. Внуку передает она свои знания о природе, учит его примечать в природе необыкновенное и прекрасное. Катерина Петровна — олицетворение лучших черт народного характера.

В 1974 г. Астафьев написал «Новые главы» «Последнего поклона», в 1978 —«Заключительные». Если выстроить все восемь глав, завершающих «Последний поклон», то окажется, что четыре из них посвящены в основном тридцатым годам, три — началу войны и войне, наконец, одна названа «Пир после победы». Характерная особенность всех этих глав — мощное усиление социальной критики. В новых главах «голос автора» звучит чаще, и выходы его теперь пространны, осознанно публицистичны, подчеркнуто философические, касающиеся подчас вечных вопросов бытия. Раньше отрицательных персонажей было немного — один-два. Преобладали мягкие краски, юмор, приглушающий

резкость оценок, сосредоточенность на психологических мотивах поведения героев. В последних главах акценты заметно смещены. Краски стали жесткими, контрастными, непременно оценочными, юмор — горький, нередко прибегает писатель к сатирическим приемам; налицо отчетливое стремление к социальной обусловленности характеров. Глава «Бурундук на кресте», в сущности, о «крутых переменах» в деревне тридцатых годов. О том, как раскулачивали Толи Мазова Якова Максимовича, уже престарелого и безнадежно больного, как высылали раскулаченных и как хозяйствовали «горлопаны». В обширном теперь повествовании по-новому раскрылся и главный герой Витя Потылицын. Он приобрел необходимую для художественного произведения цельность и завершенность.

Зло, как свидетельствуют последние главы, безусловно, осталось, оно существует в старых и новых обличиях, действует, разлагает, убивает, но осталась и бессмертная «святая наивность» прекрасных душ — вера в победу добра, звучащая здесь как исторический оптимизм, органично входящий в астафьевскую концепцию современной личности. Астафьев с замечательным искусством, без умалчиваний и упрощений, раскрывает в «Последнем поклоне» контрасты нашей действительности, вскрывает реальные конфликты и противоречия жизни, насыщает свое произведение зрелищем жестоких и суровых жизненных столкновений и битв. Его жизнеутверждающая философия вытекает не из благостных, счастливо сложившихся для героев обстоятельств, а из правды жизни, из активного преодоления народом своих бед и трагедий. «Последний поклон»—«самая заветная» книга в творческой биографии Астафьева, одновременно она и выражение «самых заветных» идейно-нравственных идеалов современности.

Учительница Е. Орлова из Казани, прочитав «повествование в рассказах» «Царь-рыба», написала В. Астафьеву: «Я прочитала немало книг современных авторов, но такого душевного потрясения не испытывала давно...» Так отнеслось к повествованию подавляющее число читателей. Но, может быть, решительней, взволнованней всех высказался Виталий Семин, рано ушедший от нас художник. Он говорил о «своем читательском восторге», о «счастливом взлете» Астафьева на новые высоты нашей большой прозы. Вслед за многочисленными читателями он сказал, что такие книги «производят душевные потрясения, становятся фактом духовной жизни», «источником удивления и радости». «Царь-рыба», — тут же продолжал В. Семин,— праздник жизни. Великая сибирская река и река времени текут не по книжным страницам — их движение проходит через наше сердце, по нашим сосудам». И в самом деле, «Царь-рыба» воспринимается как своеобразное открытие, оно обогащает нас, развивает возможности нашей литературы. Теперь общепризнанно, что основные герои произведения — Человек и Природа — в их гармонии и противоречии, в их общности и обособленности, в их взаимовлиянии и отталкивании в самый, пожалуй, сложный период их «сосуществования» за всю человеческую историю. Иначе сказать, мы имеем дело с произведением откровенно и подчеркнуто социально-философским, в котором мысли и чувства воплощены в образы, имеющие общечеловеческое значение. Глава «Царь-рыба», давшая название всему повествованию, звучит обобщенно, почти символически; единоборство социально обусловленного «классового» человека с

царь-рыбой, с природой завершается трагически... В повествовании большое количество героев, но как бы их ни было много, самый значительный из них — лирический герой произведения, «образ автора», который все видит, во все вмешивается, всему дает оценку. Это существенная особенность лирико-публицистического, философского произведения, совсем не похожего ни на мемуары, ни на автобиографию. Все у него подчинено задачам обличения, осуждения браконьерства в самом широком смысле этого слова, браконьерства в жизни, касается ли это природы или общества. Перед нами возникает образ искреннего и открытого человека, который рассматривает мир сквозь призму прошедшей мировой войны. Стоит прислушаться к тому, как он оценивает повседневный, как бы частный случай — обыденный разбой, учиненный барыгами-охотниками на реке Сым. Не одних барыг касается истребление птиц и зверья, оно возведено в высшую степень человеческих взаимоотношений, поставлено в «обратную связь» нашего варварского воздействия на природу.

В. И. Вернадский писал: «Познать научную истину нельзя логикой, можно лишь жизнью». Астафьев в «Царь-рыбе» погружает нас в гущу жизни, позволяет представить происходящие в ней процессы и в какой-то степени понять их. Он создал картины огромного эмоционального воздействия, и вся глава о единоборстве человека с царь-рыбой есть образное выражение сгустка идей и проблем, которые волнуют сегодня писателя, каждого из нас, все человечество.

Уходят в прошлое события, нас потрясшие, навсегда уходят люди, нами любимые, нас любившие, рубцуются раны на теле человека и человечества, но невозможно представить время, для которго навсегда ушла бы память человеческая о прошлом. Астафьев своими художественными творениями активно вмешался в наше сегодня и завтра, восстановив в памяти своей наше прошлое — прошлое великого народа, неповторимо заговорившего у него о своей правде и вере, о правде и вере нашего века.

Н. Яновский

СОЧИНЕНИЯ

Собрание сочинений: В 4-х т. М.: Мол. гвардия, 1979—1981; Перевал; Последний поклон; Кража; Пастух и пастушка: Повести. Красноярск: Кн. изд-во, 1974; Где-то гремит война: Повести и рассказы. М.: Современник, 1975; Мальчик в белой рубахе: Повести. М.: Мол. гвардия, 1977; Посох памяти: [Сборник]. М.: Современник, 1980; Последний поклон: Повесть. Красноярск: Кн. изд-во, 1981; Затеси: Миниатюры. Короткие рассказы. Красноярск: Кн. изд-во, 1982; Стародуб: Повесть. М.: Дет. лит., 1982; Кража: Повесть. Красноярск: Кн. изд-во, 1983; Звездопад: Повесть. М.: Современник, 1984; Конь с розовой гривой: Рассказы. М.: Дет. лит., 1984; На далекой северной вершине: Повести, рассказы. Красноярск: Кн. изд-во, 1984; Повести. М.: Худож. лит., 1984; Повести и рассказы. М.: Сов. писасель, 1984; Рассказы. М.: Сов. Россия, 1984; Царь-рыба: Повествование в рассказах. М.: Современник, 1984; Белогрудка: Рассказы. М.: Дет, лит., 1985; Всему свой час. М.: Мол. гвардия, 1985; Последний поклон: Повесть. М.: Современник, 1985; Жизнь прожить: Роман, рассказы. М.: Современник, 1986.

ЛИТЕРАТУРА

Макаров А. Н. Во глубине России...: Критико-библиогр. очерк. Пермь: Кн. изд-во, 1969; Ланщиков А. Виктор Астафьев: Право на искренность. М.: Сов. Россия, 1975; Дедков И. На вечном празднике жизни: [О прозе В. Астафьева]. — Вопр. лит., 1977, № 6, с. 40—82; Курбатов В. Виктор Астафьев. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1977; Белая Г. А. Астафьев В. П. — Крат. лит. энциклопедия, 1978, т. 9, стб. 78—79; Астафьев В. «Литература требует своего человека»: [Беседа с писателем /Записал В. Коробов]. — Лит. учеба, 1979, № 1, с. 139—143; Баруздин С. Необходимость Астафьева. — Дружба народов, 1979, № 4, с. 257—259; Лауреаты России: Автобиогр. рос. писателей. М., 1980, кн. 3, с. 5—29; Ковский В. Актуальность деревенской прозы. — В кн.: Пути и судьбы. М., 1980, с. 34—

39; Кузьмичев И. Стремясь к согласию с природой. — Лит. учеба, 1980, № 12, с. 176—184; Юдалевич Б .М. Рассказ в прозе В. Астафьева.— В кн.: Развитие повествовательных жанров в литературе Сибири. Новосибирск, 1980, с. 143—165; Машовец Н. Родники. — В кн.: Машовец Н. Осмысление. М., 1981, с. 187—209; Ануфриев А. Е. Особенности психологического анализа в рассказах В. Астафьева 60-х годов. — В кн.: Идейно-стилевое многообразие советской литературы. М., 1982, с. 119—127; Баруздин С. Люди и книги. 2-е изд., доп. М., 1982, с. 180—187; Залыгин С. Свое слово. — В кн.: Залыгин С. Литературные заботы. М., 1982, с. 230—236; Курбатов В. День недели. — Аврора, 1982, № 3, с. 135—141; Коробов В. Вместо интервью с Виктором Астафьевым. — В кн.: Коробов В. Ближние странствия. М., 1982, с. 33—41; Очерки русской литературы Сибири: Сов. период. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982, т. 2, с. 6, 10, 430, 431, 518—523, 526, 613; Яновский Н. Виктор Астафьев: Очерк творчества. М.: Сов. писатель, 1982; Клитко А. Парение духа и земные материи. — Сиб. огни, 1983, № 6, с. 148—155; Астафьев В. П. Верность своей земле /Интервью с писателем записал Г. Карапетян. — Краснор. рабочий, 1984, 29 апр.; Астафьев В. Сюжеты и судьбы: Монолог о времени и о себе. — Лит. газ., 1984, 25 апр., с. 7; Ершов Л. Ф. Виктор Астафьев и лирико-философская проза. — Рус. лит., 1984, № 1, с. 75—89; Михайлов А. Зорькина песня. — В кн.: Михайлов А. Сила и тайна слова. М., 1984, с. 171—186; Астафьев В. Жить честно и много работать...: [Писатель о своей работе]. — Лит. Россия, 1985, 6 дек., с. 10—11; Ершов Л. Ф. Три портрета: Очерк творчества В. Астафьева, Ю. Бондарева, В. Белова. М.: Правда, 1985; Лапченко А. Ф. Человек и земля в русской социально-философской прозе 70-х гг.: (В. Распутин, В. Астафьев, С. Залыгин). Л.: Изд-во ЛГУ, 1985; К 60-летию В. Астафьева: Басманов А. Поклон своей земле. — Огонек, 1984, № 19, с. 13; Бондарев Ю. Глубина и прочность таланта. — Лит. газ., 1984, 2 мая, с. 4; Николаева М., Бриман М. Ради детей своих и внуков. — Сов. культура, 1984, 30 апр., с. 4; Никонова Т. О самом главном. — Подъем, 1984, № 5, с. 123—130; Распутин В. Все краски подлинной жизни. — Учит. газ., 1984, 30 апр.; Ульяшов П. Цельность. — Наш современник, 1984, № 5, с. 180—183; Шуртаков С. Поклон родной земле. — Север, 1984, № 5, с. 102—107; Щеголев А. Сочинительству предан душой: (Беседа с В. Астафьевым). — Сов. Россия, 1984, 27 апр.; Юдалевич Б. Пришел солдат с фронта; Городецкий Е. С печалью, гневом и любовью. — Сиб. огни, 1984, № 5, с. 136—150; Яновский Н. Творить добро. — Лит. Россия, 1984, 27 апр.; с. 9; О «Собр. сочинений»: Ганичев В. Живые голоса. — Лит. учеба, 1982, № 4, с. 98—103; О кн. «Затеси»: Кожинов В. Затеси метят тропу. — Лит. обозр., 1973, № 1, с. 58—61; Шайтанов И. Поэзия услышанного слова. — Север, 1973, №11, с. 122—124; Большакова А. Слышать боль каждого. — Москва, 1984, № 5, с. 195—197; Шкловский Е. Открытая душа. — Лит. обозр., 1984, № 8, с. 47—50; Яновский Н. «Что запало в душу». — В кн.: Яновский Н. Верность. — Новосибирск, 1984, с. 232—240; О повести «Пастух и пастушка»: Камянов В. Мера обобщения. — Нов. мир, 1972, № 1, с. 255—260; Наполова Т. Национальная самобытность писателя и духовный облик героя. — Волга, 1972, № 10, с. 147—177; Чапчахов Ф. В тумане «изначальных формул»: [По поводу рец. В. Камянова «Мера обобщения»]. — Лит. газ., 1972, 16 февр., с. 4; Галимов Ш. Движение и потери. — Север, 1973, № 3, с. 116—124; Якименко Л. Литературная критика и современная повесть. — Нов. мир, 1973, № 1, с. 238—250; Шней-Красиков К. Идег сама любовь. — Енисей, 1977, № 2, с. 58—63; Шкловский Е. Боль памяти. — Лит. обозр., 1979, № 3, с. 51—54; Ланщиков А. Чувство пути. М.: Сов. Россия, 1983, с. 285—286; Вахитова Т. М. Современная пастораль. — В кн.: Структура литературного произведения. Л., 1984, с. 125—142; О повести «Последний поклон»: Петелин В. Россия — любовь моя. — Волга, 1970, № 6, с. 169—184; Шугаев В. Исповедь. — В кн.: Шугаев В. Учителя и сверстники. М., 1980, с. 97—99; Шкловский Е. Душа и мир: Тема детства в творчестве В. Астафьева. — Дет. лит., 1985, № 7, с. 19—23; О кн. «Царь-рыба»: Селезнев Ю. В преддверии героя. — Москва, 1977, № 8, с. 210—214; Хватов А. Взглядом народным. — Лит. учеба, 1978, № 5, с. 108—118; Белая Г. Вечное и преходящее: Человек и природа в интерпретации соврем. прозы. — Лит. обозр., 1979, № 2, с. 11—15; Бондаренко В. Поиски жанра. — Волга, 1981, № 3, с. 159—161; Жуков И. Человек, история, природа — тема произведения Виктора Астафьева «Царь — рыба».— В кн.: Жуков Н. Рождение героя. М., 1984, с. 202—213.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бограц В. Э. Виктор Петрович Астафьев. — В кн.: Русские советские писатели. Прозаики: Биобиблиогр. указ. М., 1971, т. 7 (доп.), ч. 1, с. 98—110; Виктор Петрович Астафьев: Библиогр. указ. Вологда, 1974; Русская литература Сибири: Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 30—32; Край наш красноярский: 1984. Красноярск, 1984, с. 9—11.

И. И. СИБИРЦЕВ
(р. 1924)

Вся жизнь, все литературное творчество прозаика Ивана Сибирцева связаны с родным городом Красноярском, с Сибирью, с «галактикой АЕ», как называли со времен его детства ангаро-енисейские края. Его документальные, очерковые книги и научно-фантастическая повесть, романы о проблемах сибирской энергетики и детективно-приключенческие произведения — это прежде всего рассказ о людях Красноярья, о его прошлом и будущем.

Иван Иванович Сибирцев (Худоногов) родился 27 мая 1924 г. в Красноярске. Отец умер, когда мальчику было девять лет. Воспитала его, привила с раннего детства любовь к литературе мать, преподаватель литературы и русского языка.

Впервые стихи шестиклассника Вани Худоногова были опубликованы в краевой пионерской газете в 1938 г., в юбилей комсомола. Появлялись они потом и в «Красноярском комсомольце». Во время войны Иван Сибирцев выступал с очерками и зарисовками на страницах «Красноярского рабочего». После окончания школы в 1942 г. он поступает в педагогический институт. И с третьего курса, продолжая учебу, начинает работать преподавателем политобучения в железнодорожном училище. Защитив диплом в 1946 г., получает направление крайкома партии в молодежную газету, где работает литсотрудником, ведет раздел комсомольской жизни.

Через год Сибирцев вступает в ряды КПСС и возглавляет отдел партийной жизни. После окончания редакторского отделения Новосибирской партийной школы, куда он поступил в 1947 г., работает спецкором «Красноярского рабочего», года два — радиожурналистом. С 1954 г. девять лет отданы редакторской работе — пройден путь от «рядового» до главного редактора книжного издательства. Одновременно Сибирцев занимается публицистикой, издает несколько очерковых книг, появляются интересные публикации в периодике. Свое первое художественное произведение — научно-фантастическую повесть — Сибирцев задумал в конце 50-х гг. Работе над книгой помогли многочисленные встречи с людьми науки, особенно с красноярскими физиками, личное знакомство с Курчатовым, посещение Дубны. Повесть «Сокровища кряжа Подлунного», изданная в Красноярске в 1960 г., рассказывала о поиске и решении учеными различных научно-технических проблем, важнейшей из которых было осуществление управляемой термоядерной реакции.

Эта повесть начинающего прозаика, естественно, не была лишена недостатков, которые отмечала критика в ряде откликов и рецензий. Но и критика, и читатели не могли не заметить стремление автора к решению главных проблем нашего времени — фантастика в ней весьма условна, действие отнесено к 70-м годам,— не почувствовать горячую любовь писателя к Сибири, озабоченность ее судьбой, более полным и ра-

чительным использованием ее природных богатств.

Проблемы развития Сибири, ее энергетики, люди, преобразующие этот край , оказались в центре внимания прозаика и в следующих его произведениях — романах «Крутизна» и «Околдованные звезды». После выхода в свет в краевом издательстве в 1963 г. романа «Крутизна» автор был принят в члены Союза писателей и перешел на профессиональную работу. Появление этого романа было заметным событием в литературной жизни края, значительным успехом молодого прозаика. Актуальность поставленных в нем проблем привлекла внимание читателей. В образе главного героя Дмитрия Гордеевича Вощина писатель развенчивал политику местничества, стремление некоторых руководителей к успеху любой ценой, без учета экономической целесообразности, а порой и в ущерб интересам общества. И в то же время герой обладает многими по-человечески привлекательными качествами: он горячо увлечен своим делом, широк душой, влюблен в свой край. Руководителем нового типа, демократичным по духу своему, а не ради показухи, вывел автор в романе парторга завода Сергея Руднева. Интересно, что почти через десять лет, когда уже в критике вовсю разгорелись дискуссии о «деловом» человеке, писатель и публицист Анатолий Зябрев, обратившись к творчеству Сибирцева, заметил, что его коллега уже давно сказал свое слово в этой полемике. И что два его главных героя и представляют того настоящего делового человека, который так необходим нам и в жизни, и в литературе.

Книга, в которой так много внимания уделяется гигантскому размаху строительства в Сибири, была написана в то время, когда большая индустрия в этих краях еще только зарождалась. Надо отдать должное автору — многие проблемы он предвидел и предостерегал от крайностей, от торопливости в решении вопросов промышленного освоения Сибири.

Следующий роман Сибирцева на эту же тему «Околдованные звезды» был опубликован в журнале «Октябрь» и отдельной книгой вышел в Красноярском издательстве. Все проблемы и конфликты в нем связаны со строительством крупнейшей ГЭС на Яруле. И хотя многое в романе напоминает нам дивногорскую стройку, не следует рассматривать его как художественное изложение истории возведения гиганта на Енисее. Для писателя в «Околдованных звездах» главное, как и в предыдущем романе, не сами события, и даже не собственно производственные проблемы, хотя им и уделено достаточно места, а характеры героев, мотивы и причины поступков каждого в критических, остроконфликтных ситуациях при разрешении поставленных жизнью проблем, в том числе и производственных. И спор о судьбе стройки, о выборе места створа будущей гидростанции перерастает в дискуссию об ответственности ученых, проектировщиков, строителей не только перед современниками, но и перед будущими поколениями. Как строить, какой ценой — этот вопрос по-разному решают известный гидростроитель Константин Васильевич Коломнин, начальник строительства Николай Тихонович Свешников, главный инженер Сергей Мороз, секретарь парткома Василий Григорьевич Вальков и другие герои романа. И если раньше было оправдано ставить во главу угла только критерии непосредственно сегодняшней выгоды (строить быстро, дешево, удобно), то сейчас время выдвинуло иные требования, более высокие, продиктованные заботой и о дне завтрашнем.

Роман этот, задуманный автором как широкое полотно, отражающее самые различные сторо-

ны нашей жизни, многопроблемен и густо населен. Критика не раз отмечала как достоинство романа многообразие человеческих характеров и судеб, обилие острых проблем, которые решают в той или иной степени герои Сибирцева. Как было подчеркнуто в одной из рецензий, все в этом романе «уплотнено, спрессованно, замешано густо» (Н. Нечаев). Но надо сказать, что эта уплотненность порой оборачивалась перегруженностью, недостатком глубины характеров ряда второстепенных персонажей, художественной неубедительностью. А множество проблем и конфликтов невольно вело к упрощению в их разрешении. И тем не менее в целом роман внес ощутимую лепту в обсуждение актуальных проблем, и социальных, и нравственно-этических. Об этом свидетельствовал широкий интерес читателей к книге, многочисленные отклики, читательские конференции в библиотеках.

В последние годы Сибирцев увлекся приключенческим жанром. Знакомство с работой милиции, начавшееся по заданию редакции «Красноярского рабочего», встречи с юристами, работниками ОБХСС побудили писателя к созданию сначала документальной повести, а потом и целого ряда художественных произведений, посвященных борьбе с расхитителями социалистической собственности.

Повесть «Поролоновый мишка», увидевшая свет в альманахе «Енисей», а позднее в сборнике издательства «Молодая гвардия» — «Приключения-1976», рассказывала о событиях на золотом прииске, о хищении драгоценного металла из колоды старательской артели. Драматичная история, имеющая в основе подлинные факты и судьбу реальных лиц, пользовалась успехом у читателей. Материалы расследования ряда преступлений, с которыми писатель познакомился во время работы над повестью, раскрыли перед ним много поучительных историй и любопытных фактов, сложные повороты в человеческих судьбах. С этого времени детективные сюжеты надолго приковали внимание прозаика.

Роман «Золотая цепочка» — о сложной и ответственной работе следователей, юристов, милиционеров, всех, кто ведет борьбу с нарушителями советской законности, против стяжательства, за торжество норм коммунистической морали. И о том, как можно проглядеть свое счастье, радость жизни на земле в погоне за призраком золотого клада. Роман интересен не только своей «приключенческой» линией, хотя все необходимые для детективного повествования компоненты — остросюжетное действие, тайны и разоблачения — достаточно оригинально предложены автором. Важнее другое, и в этом несомненно сказался опыт предыдущих романов,— это интерес писателя к нравственно-этической стороне происходящего, сдвигающий центр тяжести романа из сферы событийно-приключенческой в область человеческих отношений.

История фамильных сокровищ сибирского золотопромышленника Климентия Даниловича Бодылина, длившаяся много десятилетий и имеющая не одну кровавую страницу, вовлекла в свою орбиту десятки самых различных людей. Сложность работы майора Зубцова и лейтенанта милиции Федорина не только в запутанности дела. И нужно не просто раскрыть преступление, но и сделать все, чтобы отстоять человека, помочь оступившемуся, попавшему на скользкую дорожку воровства и обмана, вернуть его обществу. Нельзя не признать, что эти герои, стоящие на страже Закона, хотя и заявлены автором достаточно неординарными личностями, выглядят довольно бледно, художественно неубедительны. Гораздо больше вызывают интерес другие

действующие лица романа. Это Глеб Карасев, старатель, вовлеченный сначала в кражу золота на прииске Октябрьский, а позднее и в историю с бодылинским кладом. Или Агния Климентьевна, дочь Бодылина, в судьбе которой не раз появлялась черная тень отцова наследства, ее внучка Настя и другие. Весьма любопытна фигура самого Климентия Даниловича, человека «кипучих, неуемных страстей». Недюжинный характер, не знавший меры ни в инженерных «новациях», ни в организационных проектах и предприятиях, ни в жажде наживы. Несомненным достоинством романа являются страницы истории сибирского Клондайка, края купцов и золотопромышленников. В них нашли отражение подлинные события и факты, которые автор сумел «раскопать» в архивах, в различных краеведческих материалах, причем изложены они достоверно и увлекательно.

Эта книга Сибирцева была отмечена дипломом Союза писателей, Госкомиздата и Министерства внутренних дел по результатам конкурса, посвященного 60-летию советской милиции. На киностудии «Мосфильм» роман «Золотая цепочка» принят к экранизации. Был он также опубликован в Москве, в библиотечке журнала «Советская милиция». Там же увидел свет и следующий роман Ивана Сибирцева «Отцовская скрипка в футляре».

Как и «Золотая цепочка», новый роман основан на документальном материале. В центре авторского внимания — стяжательство и взяточничество. Своевременность художественного освоения этого жизненного материала, даже некоторое его «опережение» подчеркнуто в статье о творчестве Сибирцева писателем Николаем Волокитиным:

«Еще не были обнародованы документы партии и правительства о борьбе со взяточничеством и хищениями, еще не выносили сами себе приговоров напуганные предстоящим возмездием государственные преступники в образе благополучных чиновников, еще в среде обывателя была тишь да благодать, а Иван Иванович Сибирцев уже написал свой высокогражданственный роман, призывая людей к бдительности».

Сюжет во многом традиционен — погиб человек, проведено расследование, в ходе которого допущена ошибка. Новое расследование не только определило истинного убийцу — выявлены мотивы его, вскрыто крупное хищение государственного имущества.

В построении сюжета, очень важного слагаемого в детективе, чувствуется опытная рука автора «Золотой цепочки» и «Поролонового мишки». Но развитие интриги, тайна не заслоняют людей. По законам жанра главный метод раскрытия характеров — в поступках героев. А характеры интересны, и, что не менее важно, даны в динамике. Например, немолодой следователь «районного масштаба» Василий Николаевич Стуков и командированный из областной прокуратуры Денис Щербаков — фигуры живые. Столкнувшись сначала едва ли не в противоборстве, они становятся в ходе общего дела единомышленниками. Очерчены достаточно рельефно, но несколько более статичны так называемые «отрицательные» персонажи — Лидия Ивановна, Жадова, Постников... Особое место занимает в романе Чумаков, центральная, по замыслу автора, фигура — символ яркой, несостоявшейся личности. Действительно, есть в Чумакове многое, что характеризует личность незаурядную,— человек обаятельный, интересный в общении, тонкий психолог, мудрый политик в деловых вопросах, широкая, артистичная натура. Но тем страшнее подобные люди, если они безнравственны. Глубина падения Чумакова поражает — он не останавливается даже перед убийством. Спасая

себя, он предает и то, что, по сути, должно быть свято любому — память о погибших родителях, скрипку, завещанную ими. И неизбежно терпит крах.

Роман Сибирцева «Отцовская скрипка в футляре», как писал в «Сибирских огнях» критик В. Перцовский, «вновь подтвердил перспективность детективного жанра в советской литературе».

Т. Павская

СОЧИНЕНИЯ

Северный морской путь и карские экспедиции /В соавт. с В. Итиным; Предисл. и ред. Б. В. Львова. Новосибирск, 1956; На главном направлении: [Коммунисты Сиб. з-да тяж. машиностроения в борьбе за техн. прогресс]. Красноярск: Кн. изд-во, 1956; С аттестатом зрелости: Очерк. Красноярск: Кн. изд-во, 1957; Идущие впереди: Очерк. Красноярск: Кн. изд-во, 1958; Сокровища кряжа Подлунного: Фантаст.-приключ. повесть /Предисл. Л. В. Киренского. Красноярск: Кн. изд-во, 1960; Крутизна: Роман. Красноярск: Кн. изд-во, 1963; Околдованные звезды: Роман. Красноярск: Кн. изд-во, 1971; Золотая цепочка: Роман. Красноярск: Кн. изд-во, 1976.

ЛИТЕРАТУРА

Лубенко М. В ритме со временем: [К 50-летию со дня рожд.]. — Краснояр. комсомолец, 1974, 20 июня; Шней-Красиков К. Разговор о человечности. — Краснояр. рабочий, 1970, 30 авг.; Шней-Красиков К. Иван Иванович Сибирцев: [К 50-летию со дня рожд.]. — Енисей, 1974, № 4, с. 29—34; Волокитин Н. Зоркий взгляд: [К 60-летию со дня рожд.]. — Краснояр. рабочий, 1984, 27 мая; О кн. «Сокровища кряжа Подлунного»: Богданович К. От Сибири сегодняшней к Сибири будущей. — Енисей, 1961, № 1, с. 124—126; Пелымская О. — Краснояр. рабочий, 1961, 4 янв.; Александров В. «Улыбаясь... лицом». — Лит. газ., 1963, 8 окт.; Сизых В. Наш современник в творчестве красноярских писателей. — Енисей, 1963, № 2, с. 122—129; О кн. «Крутизна»: Беляев Б. — Октябрь, 1962, № 11, с. 215—216; Самойлова Н. Вклад красноярских писателей. — Енисей, 1964, № 1, с. 88—90; Кузнецова Л. Штампы убивают искусство. — Сиб. огни, 1965, № 3, с. 190—191; Михайлов Ю. Доверие окрыляет. — Краснояр. рабочий, 1965, 14 янв.; Налдеев А. Владыка мира. — М.: Сов. Россия, 1965, с. 63—67; О кн. «Околдованные звезды»: Нечаев Н. Свет близких звезд. — Краснояр. комсомолец, 1970, 12 нояб.; Потапов Н. Время действия — наши дни. — Правда, 1970, 12 июля; Ханбеков Л. «Мудрость века» или веление времени? — Енисей, 1971, № 4, с. 70—74; Штокман И. Авария и «роковые страсти». — Комс. правда, 1971, 22 окт.; Зябрев А. На крутизне. — Краснояр. рабочий, 1974, 18 июня; О кн. «Золотая цепочка»: Мардер Р. Момент истины. — Краснояр. рабочий, 1977, 1 марта; Павская Т. Уроки нравственности. — Краснояр. рабочий, 1981, 6 февр.

БИБЛИОГРАФИЯ

Красноярские писатели. Красноярск, 1969, с. 51—52; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 225; То же. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 177—178.

А. Ж. ЖАМБАЛОН (р. 1924)

Тебе одной, о Родина, пою!
Твоих сынов сияющие взоры,
Твоих степей широкие просторы
Твоих лугов цветистые узоры —
Всем сердцем я люблю.

Эти стихи Арсалан Жамбалон написал много лет назад. Им он верен и сейчас, будучи уже зрелым поэтом. Родная степь, неторопливая речка Ага, зеленые сопки, белые отары овец — все это, красота и радость сердца, дает поэту вдохновение. И, конечно же — бурятский трудолюбивый народ, чей мужественный труд воспет с давних времен.

Арсалан Жамбалон (Жамбалов) — известный бурятский поэт — родился в улусе Хуляндуй 28 мая 1924 г. Рано умер его отец, мать Балма осталась с четырьмя малышами. Трудно было жить, голод был частым гостем в юрте. Но у степняков есть хороший обычай: помогать родным и близким в трудную минуту. Младший брат матери Жамбал сказал, что он усыновит маленького Арсалана. Будущий поэт становится сыном Жамбала по фамилии Жамбаловым.

Творчество Жамбалона — едино. В любой его книге мы увидим главного героя агинских степей — чабана, табунщика. Нелегок их

труд, в зной и стужу на кинжальных ветрах пасут они табуны и отары. В злые пурги спасают овец. В голод, в бескормицу стараются сохранить жизнь каждой овцы, каждого ягненка. Все это надо знать, испытать, почувствовать. И — воспеть.

Да разве с тобой расстаться могу я.
Да разве всегда ты не будешь со мной.
Земля — в фиолетовых пятнах ургуя,—
Что в детстве открылась
из юрты родной?
Ты каждым своим бугорочком и
камнем,
Ты каждой травинкой у сопок седых
Всегда мне близка
и всегда дорога мне,
Как мать теплотою ладоней своих.

Что, казалось бы, камень? Однако и он для поэта дорог. И травинка, что качается на берегу Онона. Все, все лежит у сердца, все памятно и свято.

Жамбалону, как говорится, повезло в жизни и творчестве. Его наставником в поэзии был известный бурятский писатель Жамьян Балданжабон, поэт и прозаик, учитель родного языка и литературы. Это он научил молодого поэта видеть степь, как видит ее беркут,— с вышины. Чутко слушать ее, понимать язык и голос. И откликаться на ее зов. Обязательно откликаться!

Арсалан был способным учеником. И в то же время понимал, что в поэзии, как в любом творчестве, нужно идти своей дорогой. Нашел ли он ее? Думаю, да. Более того, вот уже двенадцать лет, после смерти Жамьяна Балданжабона, он возглавляет Агинское литературное объединение. Значит, талант его насколько обширен, настолько разносторонен, что его хватает и на себя и на других. Прекрасно это — оставлять после себя зерна добра и любви.

В смысле художественном хочется выделить одну особенность в творчестве поэта: правдивость, искренность, желание показать жизнь в объективном свете. Не очерняя, не обеляя. Очень важно найти эту интонацию доверчивости, сердечное единение с читателем. Иначе говоря, раскрыть ему душу, послушать душу его, посоветоваться. Поэт не любит цветистых слов, не часто прибегает к тропам. Его манера письма — сдержанная, немногословная. Читатель понимает и воспринимает такое творчество. Об этом свидетельствует популярность поэта в родных степях. Его книги печатаются в Чите, Улан-Удэ, Иркутске, Москве, Монгольской Народной Республике. Его знают поэты Азии и Африки. 14 книг написал Жамбалон, и каждая из них — открытие нового.

Особая любовь поэта Жамбалона — дети. Писать о детях сложнее, чем о взрослых,— старая истина. Вероятно, потому, что перевоплощаться в своих маленьких героев всегда сложнее, чем во взрослых. Жамбалону это удается. Кажется, он не покидал босоногое время, ту езду на палочке, те игры в «белых» и «красных». До сегодня понятна ему детская психология, ее видоизменения.

Зовет земляника меня,
И руки к ней так и тянутся.
Во рту ароматный сок.
...Чего же не наполняется
Березовый туесок.

Главный учитель писателя — жизнь. В годы Великой Отечественной войны начинающий поэт заканчивал школу ФЗО. Работал столяром в Шилкинских железнодорожных мастерских, участвовал в войне против Японии в 1945 г. В его творчестве появляются новые мотивы. Теперь это — поэзия мужества, чести, воинской славы.

В армии поэт служил минометчиком, наводчиком противотанкового ружья, был курсантом и художником Забайкальского пехотного училища, корреспондентом газеты «Суворовский натиск». И тут его учителями были известные советские писатели: Г. Марков, Жамсо Тумунов, И. Молчанов-Сибирский, Б. Костюковский. В последующие годы он познакомился с В. Ивановым, который неоднократно приезжал в Агинскую степь, на любимый Онон. Поэт ездил с ним по селам, слушал его рассказы, перенимал опыт работы.

Обширное творчество дает ему возможность печататься в альманахе «Сибирь», в журнале «Дальний Восток», «Мурзилка», «Детская литература». Сотрудничает он в газетах «Агын-унэн», «Бурят-Монголой-Унэн». В 1947 г. в Улан-Удэ выходит первая книжка поэта «Юные ленинцы». Через два года публикует книжку стихов на русском языке — «Маленький чабан». Другие книги: «Радостный день», «В лагере», «Звездочка», «Дурамбай — зоркие глаза», «Пусть всегда будет солнце», «Дыхание родного края», «Песня моя», «Степная музыка» печатались в разное время в разных издательствах.

Писательская работа сочетается поэтом с плодотворной учебой. Он окончил Иркутскую двухгодичную межобластную партийную школу, высшие литературные курсы. Его общественная работа весьма значительна. Он — член правления Агинской окружной организации советско-монгольской дружбы, Читинского областного комитета защиты мира и Советского комитета солидарности стран Азии и Африки.

Читателям всегда интересно знать: над чем работает писатель? Жамбалоном подготовлен сборник стихов на родном языке. Пробует он себя и в прозе: пишет повесть о Герое Советского Союза Базаре Ринчино, дважды ездил на Украину, посетил те места, где герой сражался и погиб. Возможно, в скором времени мы увидим поэта в роли прозаика.

В. Никонов

СОЧИНЕНИЯ

Юные ленинцы: Стихи. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1947. — Бурят. яз.; Радостный день: Рассказы. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1950. — Бурят. яз:; В лагере: Поэма. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1953. — Бурят. яз.; Маленький чабан: Стихи. Чита: Кн. изд-во, 1959; То же. М.: Дет. лит., 1966. — Бурят. яз.; Звездочки: Стихи. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. — Бурят. яз.; Дурамбай — зоркие глаза: Стихи для детей. Чита: Кн. изд-во, 1962; Пусть всегда будет солнце: Рассказы. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. — Бурят. яз.; Дыхание родного края: Стихи. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. — Бурят. яз.; Песня моя!: Стихи. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. — Бурят. яз.; Степная музыка: Стихи. /Пер. с бурят. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1974; Степные скакуны: Стихи и поэма./Пер. с бурят. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1980; Пульс сердца: Стихи. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1981. — Бурят. яз.; Жаворонок: Стихи и поэма. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1984.

ЛИТЕРАТУРА

Ильин К. А. Жамбалон. — Правда Бурятии, 1963, 12 мая; Арсалан Жамбалович Жамбалон. — Онон. заря, 1970, 17 окт.; Лхамажапов В. Встреча с писателем. — Агин. правда, 1974, 9 мая; Никонов В. Поэт степной Аги. — Заб. рабочий, 1974, 28 мая; Жамбалон А. Ж. Я — сын земли: Интервью с поэтом. — Комс. Забайкалья, 1976, 5 дек.; Хамаганов М. «Он счастливый человек, друзья!». — Правда Бурятии, 1978, 26 июля; Дугарнимаев Ц. А. Арсалан Жамбалон. — В кн.: Современная литература Бурятии. Улан-Удэ, 1979, с. 91—92; Дворниченко Н. Литературная Ана. — В кн.: Дворниченко Н. Вчера и сегодня забайкальской литературы. Иркутск, 1982, с. 242—243; Ахметова Г. Д. Стихи А. Жамбалона в переводе на русский язык. — В кн.:

Проблемы краеведения. Чита, 1983, с. 146—148; Кобисский В. Я к вам с друзьями. — Заб. рабочий, 1984, 4 авг.; Радзиевский Д. Певец степной Аги. — На боевом посту, 1984, 26 мая; О кн.: «Маленький чабан»: Хмара В. Новые книги для детей.— Заб. рабочий, 1959, 10 мая; Раднаев В.— Правда Бурятии, 1959, 18 сент.; О кн. «Степная музыка»: Рассадин В. Чувство времени. — Дал. Восток, 1976, № 1, с. 154—156; Татуйко А. Литературное Забайкалье. — Дал. Восток, 1976, № 1, с. 144—154; О кн. «Степные скакуны»: Макаров Б. Неписаный закон. — Комс. Забайкалья, 1980, 10 дек.

БИБЛИОГРАФИЯ

Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 110—111; То же. Якутск, 1978, вып. 2, ч. 2, с. 63—64; Литературное Забайкалье: Рек. указ. Чита, 1979, с. 58—62. Арсалан Жамбалович Жамбалон: (К 60-летию со дня рождения). Памятка /Сост. Новолодская О., Макаров Б. Чита, 1984.

И. И. ПАНТЕЛЕЕВ (р. 1924)

Иван Иванович Пантелеев—один из самых читаемых и любимых у нас в Сибири детских писателей.

Юному читателю известны три его книги: «Голубые звезды», «Лебеденок», «Синий снег», изданные в Красноярске одна за другой. Все они — свидетельство взыскательности и требовательности писателя к себе, своему творчеству, показатель зрелости и писательского мастерства, результат работы вдумчивой и напряженной.

Думается, что секрет обаяния и популярности рассказов и повестей Пантелеева для детей не столько в свежести и непосредственности восприятия, с каковыми он живописует характеры своих юных героев, сколько, пожалуй, в авторской способности воссоздать тот неповторимый нравственный климат, в котором живут наши мальчишки и девчонки, ту атмосферу, которая в конечном счете определяет самое важное в духовной жизни нашего общества.

Неспособность мириться с ложью и обманом, страстный протест против зла и несправедливости — вот что резче всего характеризует таких разных, непохожих друг на друга по характеру и склонностям, интересам и привычкам пантелеевских ребят. В рассказах и повестях Пантелеева читатель не встретит благополучных, заранее предопределенных характеров и жизненных ситуаций. В них неизменно развертывается извечная борьба добра со злом, правды с кривдой, справедливости и честности с холодным расчетом и несправедливостью. Не способна мириться с ложью и несправедливостью отчаянная девчонка из рассказа «Тапочки» Лорка, которая «любит, чтобы было все по правде», таков и Николка из рассказа «Голубые звезды», одерживающий свою первую большую нравственную победу в неравном поединке с городскими рыболовами.

Сердца юных борцов за человеческое счастье, неутомимых путешественников и землепроходцев, начинающих журналистов и писателей, охотников и рыболовов в произведениях Ивана Пантелеева широко распахнуты для любви и сострадания ко всему живому на земле.

Писатель умеет заинтересовать

и увлечь своего читателя, рассказывая ему о смешных, а парою и грустных приключениях своих героев, объединенных жаждой познания и деятельности, неудержимым стремлением к радости и счастью.

Пантелееву чаще всего приходится отвечать своим юным читателям на один и тот же нелегкий для него вопрос: «Почему Вы стали детским писателем? Вы, наверное, могли бы писать и для взрослых?»

«Для вас,— объясняет Пантелеев ребятам,— я стал писать скорее всего из чувства зависти к вашему детству. Мое детство было совсем другим. Я рано лишился отца, жили мы с сестрою и матерью трудно. Бедна была радостями моя мальчишеская жизнь, как, впрочем, и жизнь друзей моего детства, ребят деревни Мельничное Ирбейского района, где я родился и рос. Хотелось мне в своих рассказах и повестях как бы воссоздать собственное детство. Пишу я о вас, о вашей жизни и учебе, ребята, и словно восполняю свою жизнь вашим счастьем и вашей радостью, которых в мои детские годы было не так уж много».

Наверное, прав писатель. Наверное, по этой самой причине он, крестьянский сын, с особой любовью и бережностью возвращается в своих книгах в далекую и милую сердцу страну голубых звезд и юношеских мечтаний! Наверное, по той же причине после фронта он вернулся (чтобы стать директором Дома культуры) в родное село, где еще в 1942 г. в районной газете были опубликованы первые стихи школьника Ивана Пантелеева.

Жизнь и творческая судьба Пантелеева характерны для того поколения советских писателей, которым в начале Великой Отечественной войны едва исполнилось семнадцать — он родился 2 июня 1924 г. После окончания школы, как и все советские юноши рождения 1924 г., Пантелеев — на фронте и печатается уже во фронтовых газетах. С товарищами-фронтовиками, воинами-десантниками, он участвует в боях за освобождение Братиславы, Вены и других городов Восточной Европы от фашистских захватчиков.

А потом трудные послевоенные годы — годы нелегкого труда на железной дороге и одновременно, с 1950 г., напряженной творческой учебы в литературном институте им. А. М. Горького в семинарах Валентина Катаева и Константина Паустовского. Помогла освоить писательское мастерство и работа в книжных издательствах: сначала редактором в Хакасском, потом — директором Красноярского.

В жизненной и творческой судьбе писателя-красноярца, в самой природе его дарования, преисполненного лиризма и человеческого тепла, есть нечто такое, что дает возможность отнести Пантелеева к детским писателям гайдаровского направления.

В ключе гайдаровской традиции написан рассказ «Лебеденок», сюжет которого, скорее всего, был навеян Пантелееву впечатлениями далекого детства, воспоминаниями о том времени, когда новую жизнь в деревне нужно было завоевывать в борьбе жестокой и суровой. И хотя повествование ведется от имени малолетнего Андрюшки, сына сельского учителя коммуниста Лебедя, рассказ насыщен атмосферой суровой классовой борьбы, живым ощущением развертывающегося где-то там, за его рамками, острого конфликта: «Вьюжной февральской ночью негулко хлестнул по улице выстрел. Жалобно звенькнуло оконное стекло. Промахнулся враг — пуля стукнулась об обогреватель плиты... Ничего этого не видел и не слышал Андрюшка... Лишь утром увидел в наружном стекле маленькую, палец не просунешь, аккуратную дырочку с тоненькими лучиками,

как у солнышка на картинке...».

Такие авторские находки красноречиво говорят о взыскательной и вдумчивой работе автора над своими творениями, об умении писателя тепло и сочувственно рассказать о том, как в борьбе за новую жизнь, за счастье ценою жертв и утрат формируются и закаляются характеры юных героев.

Писатель проникает в тайное тайных детской души, психологию подростка, рассказывает о жизни ребят художественно достоверно и увлеченно. И не случайно после появления повести «Аэросани» автор получил более шестидесяти писем от мальчишек с просьбой прислать чертежи для постройки точно таких же, как в повести, аэросаней у себя дома своими руками.

В фокусе творческого внимания писателя нередко оказываются дети, чем-то непохожие на сверстников, к примеру, Лева Макаров со своим «художественным» видением мира, для которого снег вовсе не белый, а синий. Широкие творческие возможности Пантелеева распространяются в его произведениях не только на подростков, но и на взрослых героев, людей трудной судьбы, перенесших много невзгод и лишений. Таковы старик Филиппыч из повести «Синий снег», дворник Федор Петрович из рассказа «Стрелка», Назар Петрович из рассказа «Голубые звезды».

Постоянно привлекает писателя природа. Само отношение героев Пантелеева к животным, диким зверям и птицам, природе как таковой нередко выступает в качестве одного из самых существенных критериев истинной ценности человека, будь то ребенок или взрослый.

«...Летом ли, зимой ли,— пишет Пантелеев в рассказе «Лесная ночь»,— в любое время года, приходя на природу, я испытываю светлую радость встречи с ней. Мне всегда кажется: и леса, и реки, и долы, и все-все звери и зверюшки, и птицы на земле — мои давние друзья, и от сознания этого еще радостнее, еще светлее на душе. Но вот я начинаю приглядываться к деревьям, к траве, ко всему, окружающему меня, и мне становится грустно... что я, человек, самое разумное на свете существо... фактически ничего не знаю о своих деревьях, травах, реках, зверях и птицах, а если и знаю, то знания эти ой как скудны. Не потому ли подчас безжалостно кичась своим владычеством, мы насилуем природу, а иногда попросту умерщвляем ее?»

Птичьим гомоном, ласковым, по-детски доверчивым журчанием тихой речки, гулким и сердитым ворчанием стремительного горного потока, тревожным шумом вековой тайги входит природа как полноправная хозяйка в рассказы и повести Пантелеева. Писатель тонко чувствует ее красоту, никогда не умирающую животворящую силу. Его «профессиональная» рыбацкая наблюдательность, авторская способность разглядеть необыкновенное, прекрасное в обыкновенном и обыденном придает многообразным картинам сибирской природы мягкую лирическую окрашенность и теплоту.

Рассказы и повести Пантелеева для детей несут в себе заряд большой воспитательной силы и нравственного воздействия. Они воспитывают в будущих гражданах высокое чувство сыновней любви и привязанности к Родине, суровую и требовательную любовь к людям, добро и человечность.

К. Антошин

СОЧИНЕНИЯ

Щука: Рассказы для детей. Абакан: Хаккнигоиздат, 1958; Человек идет по степи: Рассказы и очерки. Абакан: Хаккнигоиздат, 1959; Экспедиция на Кияшку: Повесть. Абакан: Хаккнигоиздат, 1961; Тапочки: Рассказы. Иркутск: Кн. изд-во, 1962; Голубые звезды: Повести и рассказы. Красноярск: Кн. изд-во, 1966; Лебеденок: Повести и рассказы. Красноярск: Кн. изд-во.

1972; Синий снег: Повести и рассказы. Красноярск: Кн. изд-во, 1978; Алешка с Агула: Рассказы и повести. М.: Дет. лит., 1983; На Агуле: Повести и рассказы. Красноярск: Кн. изд-во, 1983.

ЛИТЕРАТУРА

Лифшиц Т. Лебеденок и его друзья. — Краснояр. рабочий, 1972, 17 окт.; Демина А. П. Тема героизма в произведениях И. Пантелеева. — В кн.: Вопр. сов. литературы. Красноярск, 1973, с. 31—39; Антошин К. В мире добра и человечности: К 50-летию со дня рожд. — Енисей, 1974, № 3, с. 31—34; Корытковская А. Слово о друге. — Дет. лит., 1976, № 2, с. 49—50; Пантелеев И. И. На заповедном Агуле: Автобиогр.]. — Краснояр. рабочий, 1984, 8 июня; Титенко В. Не проходит первая любовь; Певец с Агула: (К 60-летию И. И. Пантелеева). — Ирбейск. правда, 1984, 26 мая; О кн. «Человек идет по степи»: Михайлов М. «Смотрит — идет!». — В кн.: Литературный Абакан. Абакан, 1960, с. 154—157; Федоров В. Л. Однополчане. — В кн.: Федоров В .Л. Бойцы моей земли. М., 1973, с. 367—368; О кн. «Тапочки»: А. Р. Три книги — три друга. — Ангара, 1964, № 1, с. 138—139; О кн. «Голубые звезды»: Антошин К. Путешествие в страну голубых звезд. — Сиб. огни, 1968, № 4, с. 177—179; Соковнина Е. — Енисей, 1968, № 4, с. 110—115; О кн.: «На Агуле»: Размахнина В. День минувший — день будущий. — Енисей, 1984, № 3, с. 60—67.

БИБЛИОГРАФИЯ

Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 137—138; 60 лет со дня рождения красноярского писателя И. И. Пантелеева. — В кн.: Край наш красноярский. 1984. Красноярск, 1984, с. 14—16.

А. И. ЧМЫХАЛО (р. 1924)

Анатолий Иванович Чмыхало родился 24 декабря 1924 г. в селе Вострово Волчихинского района Алтайского края. В 1941 г. закончил алма-атинскую среднюю школу № 37 и поступил в юридический институт, но со второго курса ушел в артиллерийское училище, а затем на фронт. За боевые заслуги награжден орденом Отечественной войны II степени и несколькими медалями. В 1943 г. при форсировании реки Миус был тяжело ранен, несколько месяцев лечился в госпиталях. После демобилизации Чмыхало учился в Алма-Атинском юридическом институте, работал в республиканском театре драмы (1945—1947). В 1947 г. вернулся на родину, в Красноярский край, и с этого времени прочно связал свою жизнь с Сибирью, ставшей источником и содержанием его творчества. С 1947 по 1962 г. Чмыхало — журналист в краевой газете «Красноярский рабочий», где началась его литературная деятельность. Первые стихи («Молодежь») были опубликованы в книге «Сельская эстрада» (Красноярск, 1947). К 1949 г. относится начало сотрудничества Чмыхало с центральными издательствами: в журнале «Октябрь» появляется подборка его стихов.

Работая в газете, Чмыхало пишет репортажи, статьи, очерки, рассказы, стихи, оперативно откликаясь на актуальные и злободневные события нашей жизни. Очень своевременно появился его очерк «Гвардеец целины» (об А. Чигиндаеве — целиннике Абаканского зерносовхоза), не случайно он вошел в книгу «Боевая молодость» (из истории комсомольской организации Хакасии).

Как и у большинства писателей, принявших непосредственное участие в Великой Отечественной войне, стихи Чмыхало посвящены событиям недавнего военного прошлого («Солдат Сталинграда», «Спросите солдат», «Хирург» и др.), проблемам мира («Слово о мире», «Сибиряки», «Бессмертный Ленин», «Молодежь»). Постепенно на смену военной тематике приходит тематика современная, чаще — сельская: «Степные зарницы», «На заре», «В хакасской степи» и др. Его стихи охотно помещают газеты, журналы, альманахи: «Огни Хакасии», «Сибирские огни», «Советская Хакасия», «Енисей», «Абакан», «Ленинский путь». Первая книга стихов «Земляки» вышла в Абакане в 1951 г. (Хакгиз).

Своеобразным этапом в творчестве Чмыхало стал сборник «Страда (Абакан, 1953) и особенно поэма с тем же названием, в которой обнаружилось тяготение автора к широкому охвату событий, исследованию сложных проблем жизни. Но хотя А. И. Чмыхало написал немало стихов «хороших и разных» в тематическом и жанровом аспектах, пробовал себя и как переводчик, поэтом в истинном смысле этого слова он не стал. Зато стал заметным в советской литературе прозаиком.

Подлинный успех писателю принес его первый роман «Половодье» — о борьбе сибирских крестьян за власть Советов. Главы из него печатались в альманахе «Абакан» (1957, № 3), «Литературный Абакан» (1960). Полностью роман вышел в Барнауле (кн. 1, 1959; кн. 2, 1961). О том, что «Половодье» стало незаурядным событием литературной жизни, свидетельствуют его переиздания — (изд. 2-е, Красноярск, 1966; изд. 3-е перераб. с предисловием Б. Полевого, Красноярск, 1974; изд. 4, Красноярск, 1984).

В документальную основу романа автор положил не только архивные данные, но и воспоминания односельчан, бывших участников партизанского движения на Алтае. Писателю, по его словам, «захотелось рассказать людям ту правду о моих земляках, которую я слышал от партизан еще в детстве». «Красным партизанам родного села Вострово посвящаю» — это авторское посвящение определяет во многом и авторскую концепцию в оценке партизанского движения в Сибири, и даже жанровую природу произведения. Рассказывающий о борьбе с колчаковщиной в Алтайском крае, роман «Половодье» закономерно вписался в систему освоения историко-революционной темы писателями, чьи жизненные и творческие биографии тесно связаны с Сибирью (Г. Марков, С. Сартаков, К. Седых, Н. Рогаль, Ф. Таурин и другие). События романа хронологически ограничены 1918—1919 гг. и привязаны к Вопольскому уезду на Алтае, где в 1919 г. была сформирована и начала активно действовать народная армия под руководством партизанского вожака Ефима Мамонтова, ставшего впоследствии главнокомандующим. В задачу писателя входило передать глубинные изменения, происходившие в сознании сибирского мужика, показать коренной перелом в жизни сибирской деревни, уловить истинную логику событий народной истории. Сосредоточив действие вокруг семьи Макара Завгороднего, главного героя повествования, показывая сложный процесс его врастания в революцию, автор обращается непосредственно к народу, как творцу истории. В этом половодье общенародной судьбы — защиты завоеваний революции — находят свое место и братья-партизаны Завгородние, и бывший матрос Петруха Горбань, и питерский большевик Терентий Ливкин, и дед Гузырь (один из ходоков к Ленину от сибирских мужиков), и мадьяры-интернационалисты с командиром Иштваном Немешем и его помощником Лайо-

шем из Сегеда. Действие романа завершается разгромом Колчака и бегством белой армии.

Оценка в критике романа «Половодье» сразу же была достаточно высокой. В первых откликах на роман отмечалась «талантливость молодого писателя и серьезность его замысла». «Половодье» называли одним из «крупных достижений» историко-революционной прозы (Смирнова М. О чем шумел Касмалинский бор. Сов. Россия, 1968, 1 февр.). Исследователи отдавали должное умению автора «на новом жизненном материале» «своими художественными средствами» добиться постижения духа эпохи. В гуманистической направленности произведения, обращении к чувству патриотизма, как проявлению духовной силы народа, интернациональном пафосе книги, в «идее мира, пронизывающей всю борьбу народных масс за свою свободу», они видели достоинства этого произведения. Вместе с тем говорилось и о недостатках романа, как эпического повествования. Наиболее серьезные замечания к первой редакции произведения содержались в аргументированной статье Е. И. Беленького, который наряду со многими сильными сторонами романа увидел и его просчеты: «Но в этой насыщенной действием книге, пожалуй, недостает глубокого философского взгляда на события. Его персонажи в постоянном движении. Касмалинский бор кипит от огня человеческой страсти. Но размышляют герои мало, и редкие их раздумья не в состоянии увлечь читателя свежестью мысли, оригинальностью взгляда на мир» (Сиб. огни, 1960, № 4, с. 183—184). Значительный упрек, который справедливее было бы отнести к уровню развития исторического повествования в литературе 50-х годов. Критики скорее были правы тогда, когда говорили о «непрописанности» в романе А. И. Чмыхало отдельных персонажей, отсутствии «объемности и внутренней глубины» характеров, «функционировании» героев.

Роман «Половодье» был очень близок и дорог автору. Об этом свидетельствует гигантский масштаб работы, проделанной уже после выхода первого издания, те изменения и переделки, которые он внес в текст в последующих изданиях. В процессе многолетней работы над ним автор вырос и как художник, и как историк-исследователь. Он обнаружил и ввел в повествование целый ряд неизвестных и малоизвестных подробностей исторической эпохи. Особенно это относится к фигуре верховного правителя Колчака, личность которого в романе Чмыхало лишена стереотипа, сложившегося к тому времени и в нашей исторической науке, и в литературе. Для уточнения деталей эпохи писатель не жалел ни времени, ни сил. Ему удалось не только отыскать следы, но найти и разговорить «спутницу жизни» Колчака Анну Васильевну Тимиреву, которая поведала писателю о том, что было в 20-м г. Это способствовало глубине воссоздания конца колчаковщины в Сибири, о чем рассказал писатель исторически точно и психологически достоверно. Используя архивные материалы и свидетельства очевидцев, Чмыхало вписал свою, особую, страницу в летопись гражданской войны в Сибири.

А между тем собственный жизненный опыт и размышления о современности тоже требовали воплощения. Работа Чмыхало в районной и областной газетах пришлась на 50-е гг., когда в жизни нашего общества происходили грандиозные перемены. Особенно коснулись они сельского хозяйства.

В 1967 г. выходит роман А. И. Чмыхало «Нужно верить», посвященный освоению целины (главы из него печатались в 1963 г. в журнале «Енисей», № 3 (41).

Действие его происходит на си-

бирской станции Степная, сначала тихой и безлюдной, а затем с приездом целинников напряженно-деловой. Главный герой романа Иван Данилович Шерстюк, бывший фронтовик, коммунист, направленный для организации целинного совхоза, — руководитель нового типа. В духе времени действуют в романе молодые покорители целины Антон Погудин, Саша Дорофеев, Колька Заморыш, Таня Смирнова, мужественные и стойкие ребята.

Несмотря на актуальность темы и нешаблонность решения драматических конфликтов, роман «Нужно верить» не стал открытием в литературе. «По сравнению с «Половодьем», произведением композиционно стройным, насыщенным большими событиями и сложными человеческими судьбами, роман «Нужно верить», несмотря даже на наличие в нем серьезного, «проблемного» конфликта, кажется неровным, рыхлым, репортерски торопливым» (Шапошников В. Анатолий Чмыхало. Очерк творчества. Красноярск, 1974, с. 68). Действительно, роман о современности написан Чмыхало как оперативный отклик на быстротекущие события и важные перемены. В нем явно ощущается чрезмерное стремление к «непосредственной полезности», а не к художественному их осмыслению.

Зато следующий роман можно назвать творческой удачей автора. Роман «Три весны» (1969) о судьбе своего поколения, о его месте и значении в жизни — «самое задушевное произведение» писателя. Его герои — Алексей Колобов, Костя Воробьев и другие молодые люди, чья «первая весна» совпала с Великой Отечественной войной и кому пришлось уйти на фронт прямо со школьной скамьи. «Три весны» — произведение очень личностное, доброе и мужественное. Элемент автобиографизма в романе присутствует, но он не ослабляет, а, напротив, усиливает характер художественного обобщения, придавая широкому многостороннему охвату событий черты конкретности и лиризма. «Три весны» — 1941, 1943 и 1945 гг. — этапы жизни героев: весна школьная, военная и послевоенная, периоды становления, мужания и окончательного формирования характера в этом «прекрасном и яростном мире», в жизненных испытаниях, обретениях и потерях. Война показана у Чмыхало в суровых и жестоких окопных буднях фронтового быта без какого бы то ни было упрощения, ложной патетики и облегченных концепций героизма. Война как трудная, будничная и необходимая работа. Главная мысль автора — о верности памяти тем юношеским идеалам, которые герои книги «Три весны» достойно проносят вопреки трудностям жизни, невосполнимым утратам, подлости и предательству.

Роман занял достойное место среди произведений военной прозы, он был тепло встречен читателем, о нем с одобрением писала критика.

Следующее крупное произведение А. И. Чмыхало — исторический роман «Дикая кровь» (1977). Законченные главы романа печатались в газетах и журналах: Знамя Октября, 1973, 10 и 17 февр.; Енисей, 1973, № 4, 5, 6; 1974, № 1, 2. Роман «Дикая кровь» посвящен истории Красноярска, одного из первых городов-крепостей, возникших на перепутье исторических судеб многих народов Сибири, и является свидетельством неодолимого писательского притяжения к прошлому своего народа. Действие романа начинается в крепости Красный Яр, расположенной в Приенисейской губернии государства Российского и являющейся опорным пунктом в освоении русскими первопроходцами этих земель. Порубежный Красноярский город возник в 1628 г. у слияния Качи с Енисеем. Вначале это был острог, названный первым воеводой Андреем Дубенским Качин-

ским. «Зорким и неподкупным стражем поднялся острог на краю немирных разноязыких землиц. На северо-востоке от него кочевали тунгусы, на востоке — братские люди. С юга и запада острогу грозили воинственные киргизы и тубинцы, они никак не могли примириться с наступлением русских на Сибирь». Сюда на Красный Яр из Москвы с царской грамотой прибывает главный герой повествования инородец Ивашко Айканов, пасынок красноярского воеводы Акиндова. Рожденный в киргизской степи, но волею судьбы получивший воспитание в доме воеводы, Ивашко одержим благородной целью помочь своему народу. Степная кровь, зов предков в сочетании с русским образованием, знанием языков делают «ученого киргиза» посредником между русскими и аборигенами Сибири. Взгляд на сложную проблему взаимодействия народов изнутри укрепляет в сознании и действиях Ивашки веру в необходимость единения его родного народа с русскими, более того — в этом единственная возможность для него выжить и уцелеть. Чмыхало создает драматически сложный образ человека иной национальности, мысли и чувства которого не находят понимания ни у своих родичей, ни у тех, кому он верно служит. «Что сделает он для своего народа? Поймут ли его киргизы, ведь он хочет им добра, хочет мира терзаемой войнами земле... и не так ли, как Енисей и Чулим, текут рядом судьбы русских и киргизов».

В творчестве Чмыхало идея мира является центральной. Эта идея питает пафос его стихов и очерков, пронизывает борьбу народных масс за свою свободу в «Половодье». Победа мира в романе «Три весны» воспринимается как великое человеческое завоевание. Мысль о преодолении вражды народов в романе «Дикая кровь» сопрягает прошлое с настоящим и звучит злободневно. Битвы, сражения, набеги кочевников, монголов и джунгарцев, «межродовые жестокие споры», вражда между князьками, укрепление дружбы служилых людей с аборигенами Сибири — всему нашлось место в объемном повествовании Чмыхало. «Человеку поменять родную землю совсем невозможно» — вот к какой нелегкой и простой мудрости приходит Иштей, великий князь енисейских киргизов, много лет мечтавший о сильном киргизском государстве, но так и не сумевший преодолеть раздробленности народа и строптивости князьков. Он завещает перед смертью своим наследникам беречь мир и держаться русских. Идея мира ради жизни всего живого утверждается в романе и образом сладкоголосого апсаха Торгая, известного в степи певца, воплощающего память народную, народный опыт и мудрость жизни. Воспринимая историю и современность в диалектической взаимосвязи, писатель призывает не забывать уроков прошлого.

К переломному моменту нашей истории обращается Чмыхало и в своем новом романе «Отложенный выстрел» (Красноярск, 1981). Действие его происходит в первые годы установления советской власти на юге енисейской Сибири, когда гражданская война уже закончилась, а «села живут по-прежнему в смятении и страхе перед возможными грабежами и убийствами», так как людей терроризируют бандиты. Раскрывая события, насыщенные драматическими перипетиями схваток чоновцев с бандой Ивана Соловьева, писатель особое внимание уделяет характерам и психологии бандитов. Кто эти люди, что привело их в банду, в течение четырех лет наводившую ужас на местное население? В качестве эпиграфа к роману Чмыхало приводит восточную мудрость: «Под копытами отбившихся от стада трава заново не зазеленеет». И

хотя в романе представлены разные типы людей, оказавшихся в банде, то ли в силу идейной убежденности (бывший белогвардейский офицер Макаров), то ли националистической окраски (обрусевшие хакасы братья Кулаковы, честолюбивые, мечтающие о власти, всегда готовые драться с советской властью, «потому как она мешала им утвердить свое влияние в степи, сделать хакасскую степь самостоятельным кочевым государством»), то ли в силу особенностей характера (такой тип безжалостного разбойника, «нисколько не ценившего ни свою, ни чужую жизни», выведен автором в образе Чихачева), либо это политически наивные люди, такие, как бесшабашный степной бродяга Мирген Тайдонов и бесхарактерный чабан Муклай, большинство из них — именно «отбившиеся от стада», заблудившиеся люди. Но не таков Иван Соловьев, представляющий в романе своеобразный сибирский вариант Григория Мелехова. В прошлом бедняк, Иван родом из красноярских казаков, храбро сражался в Красной Армии, вернулся домой, надеялся выйти в люди, поправить хозяйство. Его насильно мобилизовали колчаковцы. Человек удачливый, нетерпеливый, вспыльчивый, банду он организовал из чувства обиды на слухи, что служил у Колчака добровольно. Вольнолюбивый сибирский мужик, в ожесточенных классовых битвах он ищет сиюминутной правды и справедливости, хочет в стороне переждать смутное время и все больше погружается в трясину злодейства, которая буквально засасывает его и близких ему людей, «все для него обратилось в прах». «Роман «Отложенный выстрел» написан в приключенческом жанре, богат разнообразием психологически достоверных типов и характеров противоборствующих сторон. Сложные характеры писатель находит и среди защитников советской власти. Здесь и комбат Дмитрий Горохов, присланный во главе чоновцев покончить с бандой, добрый, честный, беззаветно преданный народу человек, влюбленный в пролетарское братство и учительницу Татьяну. Именно он, этот мягкий, романтически настроенный человек бесстрашно отправляется к бандитам в их логово, пытаясь переубедить Соловьева и прекратить кровопролитие. Здесь и прямолинейный Дышлаков, в гражданскую — знаменитый вожак партизан, присвоивший себе от имени советской власти право «разоблачать и карать, если потребуется, своей честной, справедливой рукой». И судит он людей «не по законам страны, а по своим собственным законам, где много решали личные привязанности и обиды». Разъяснению принципов новой власти помогает «ученый кызылец» учитель Итыгин, просветитель по убеждению, ответственный работник Енисейского губисполкома, ищущий, смелый и решительный человек. Банда Соловьева долго держалась людьми, которые «не к тому берегу прибились». Николай Заруднев — начальник штаба отряда чоновцев, герой гражданской войны, на переговорах с Соловьевым говорит ему: «У советской власти силы найдутся. Только она до времени отложила свой выстрел, тебя жалеючи, потому как с тобою нищета да голь перекатная. Не испытывай великодушного терпения». Действие романа завершается разгромом банды, возвращением обманутых врагами советской власти людей к мирному труду. В романе немало жанровых сцен, воссоздающих трудовые будни и праздники сибирских крестьян, русских и хакасов. Но главное для писателя — постижение характера сибиряка.

«Определяющей в творчестве считаю тему сибирского характера»,— ответил однажды писатель на вопрос корреспондента газеты

«Красноярский комсомолец» (1974, 24 дек.). Собственно в этом ракурсе написаны все произведения А. И. Чмыхало, и исторические повествования и произведения о современности. Книга «Отложенный выстрел» была отмечена дипломом и Почетной грамотой КГБ.

Плодотворную творческую работу Чмыхало всегда сочетал с общественной. Он был депутатом Красноярского краевого совета депутатов трудящихся, членом Центрального райкома КПСС Красноярска. На съездах писателей России Чмыхало избирался членом правления Союза писателей РСФСР. На протяжении 12 лет он возглавлял Красноярскую писательскую организацию, много лет редактировал журнал «Енисей». За заслуги в развитии советской литературы награжден орденом «Знак Почета» и медалями, удостоен звания «Заслуженный работник культуры РСФСР» (1975).

С. Гимпель

СОЧИНЕНИЯ

Земляки: Стихи. Абакан. Хакгиз, 1951; Страда: Сб. стихов. Абакан: Кн. изд-во, 1955; Нужно верить: Роман. Красноярск: Кн. изд-во, 1964; Трясина: Докум. повесть. Абакан: Кн. изд-во, 1964; Половодье: Роман. Красноярск: Кн. изд-во, 1966; То же. Красноярск: Кн. изд-во, 1984; Три весны: Роман. Красноярск: Кн. изд-во, 1969; Дикая кровь: Роман. Красноярск: Кн. изд-во, 1977; Отложенный выстрел: Роман. Красноярск: Кн. изд-во, 1981.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамович А. Поэтическое и прозаическое: (О сб. стихов «Страда»). — Сиб. огни, 1956, № 11, с. 179—181; Чмыхало А. Творить для народа! (Писатель о своих творческих планах) — Енисей ,1963, № 1, с. 62—63; Самойлова Н. Вклад красноярских писателей: (О романе «Нужно верить»). — Енисей, 1964, № 1, с. 90—92; Гольд С. Книга о сибиряках. — Енисей, 1966, № 6, с. 132—137; Шапошников В. Анатолий Чмыхало: Очерк творчества. Красноярск: Кн. изд-во. 1974; Чмыхало А. Священное богатство: Заметки писателя о детстве и юности. — Краснояр. рабочий, 1982, 1 мая; Он же. Отложенный выстрел: (О прототипах героев кн. «Отложенный выстрел»). — Краснояр. рабочий, 1983, 15 янв.; О книге «Дикая кровь»: Быконя Г. Историческая основа романа. — Енисей, 1976, № 1, с. 58—61; Новоселова Н. Фольклорный пласт в романе А. Чмыхало «Дикая кровь». — Енисей, 1976, № 1, с. 61—66; Золотцев С. У истоков братства. — Лит. Киргизстан, 1979, № 6, с. 84—86; Перевалова С. Память родной земли. — Енисей, 1982, № 6, с .68—71; О книге «Три весны»: Антошин К. — Сиб. огни, 1970, № 5, с. 179—180; Граубин Г. Исповедь поколения.— Лит. Россия, 1970, 11 дек., с. 17; Бровман Г. Критика должна быть объективной. — Лит. Россия, 1972, 21 янв.; Шней-Красиков К. Современник в произведениях красноярских писателей. — Енисей, 1973, № 5, с. 63—69; Шапошников В. Шедшие в атаку. — В кн.: Шапошников В. Продолжение знакомства. Новосибирск, 1976, № 4—11; О книге «Половодье»: Беленький Е. Сорок лет назад. — Сиб. огни, 1960, № 4, с. 183—184; Беляев Б. Первый роман молодого писателя. — Краснояр. рабочий 1960, 2 февр.; Ореховский А. Как зарождалось народное половодье. — Алтай, 1960, № 14, с. 133—147; Пантелеев И. Книга о людских судьбах. — Краснояр. рабочий, 1966, 26 июля; Смирнова М. О чем шумел Космолинский бор. — Сов. Россия, 1968, 8 февр.

БИБЛИОГРАФИЯ

Чмыхало А. И. — В кн: Красноярские писатели. Красноярск, 1969, с. 57—59, портр.: Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 286—287; То же. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 212—214.

М. Д. СЕРГЕЕВ (р. 1926)

Марк Давидович Сергеев (Гантваргер) родился 11 мая 1926 г. в г. Енакиево на Украине в семье строителя. Его отец, сначала прораб, потом инженер, строил школы, больницы, шахты и вместе с семьей переезжал с одной стройки на другую. Так будущий поэт в 13 лет попал в Сибирь и с тех пор считает себя коренным сибиряком, а Иркутск — своей родиной. Здесь, в Иркутске, в многотиражной газете «Иркутский железнодорожник» в 1940 г. были опубликованы его первые стихи. В 1941 г. Сергеев вступил в комсомол, в 1942 г., окончив

9 классов, поступил в Иркутский университет, в ноябре 1943 г. со студенческой скамьи ушел в армию, был участником разгрома империалистической Японии. Стихи восемнадцатилетнего поэта-бойца печатались во фронтовой газете. В 1949 г. Сергеев окончил историко-филологический факультет Иркутского университета им. А. А. Жданова. До того, как стать профессиональным писателем, Сергеев был рабочим и военным журналистом, библиотекарем, лектором, пешком обошел берега Байкала, сплавлялся на лодке по Бие, измерил таежные тропы Тофаларии. Позже он объездит всю страну, побывает в самых отдаленных уголках Сибири и Севера. Богатство впечатлений, дух первопроходца, любовь к родной земле, щедрость души скажутся в разных жанрах его многообразной творческой деятельности, и прежде всего в поэзии. Его стихи публикуются в газетах, журналах и альманахах Восточной Сибири, в 1956 г. стихотворение «Огонь» напечатала «Комсомольская правда». В 1957 г. «Литературная газета» публикует стихи, которым будет суждена долгая и счастливая жизнь — «Баллада о тополях». Это стихотворение сразу же перепечатали многие газеты и журналы, в том числе «Сибирские огни» и «Пионер». Его многократно цитировали на писательских совещаниях и во всех критических отзывах на творчество Сергеева, перевели на многие языки. Этим трагическим стихотворением об одноклассниках, не вернувшихся с полей сражений («будто бы друзья мои — солдаты, стоят деревья в сомкнутом строю»), открывается первый поэтический сборник Сергеева «Спасибо вам, люди» (Иркутск, 1958). За ним последовали другие — «Первооткрыватели», «Подарю тебе город», «Вступление в осень», «Иней». Первая книга стихов, изданная в Москве,— сборник «Шпалы» (1964).

В стихах Сергеева 50—60-х гг. преобладают мажорные ноты, он воспевает радость бытия, восхищается красотой родного края, ему интересны встречи с разными людьми и их судьбы («Ты видела, как зацветает багульник?», «Люди и вода» — стихи об Ангаре, «У нас на Байкале и др.). Многие стихотворные строки навеяны поездками, дальними и близкими («Река Ока», «Деревня Матера», «В Дивногорске», «Пепел Лидице», «Байкальские зарисовки» и др.). Поэт создает портрет своего современника, «творца новых дорог», трудом которого творится история («Историю люди творят»). Его лирический герой — строитель в широком смысле этого слова: он участник большой жизни и новых человеческих отношений («Калужская улица» — стихи о строителях дороги Абакан—Тайшет, «Рабочие руки» — репортаж из котлована Братской ГЭС). Стихи Сергеева привлекли читателя гражданским пафосом и проникновенным лиризмом. Основные принципы своей поэзии Сергеев сформулировал так: «Лирические стихи — будь то стихи о фабрике, об осени или о солнце — это стихи не о фабрике, не об осени и не о солнце — это стихи о человеке, ибо в них, прежде всего,— внут-

реннее состояние человека». Муза поэта всегда в пути, всегда в поиске. Этим обусловлен «бег времени» его поэзии — от лирического дневника путешественника по родной стране, находящегося в круговороте жизни с ее героикой («Шпалы», «Бойцы», «Коммунисты») и повседневностью («обращайте вниманье на мелочи — все большое запрятано в них»), к усилению интонации раздумья о месте поэта, о назначении искусства, размышления об актуальных проблемах и вечных вопросах бытия.

В 70-е гг. публикуются книги стихов: «Резьба» (1971), «Баллада о тополях» (1972) в серии «Сибирская лира», «Стихотворения» (1976 г. в «Библиотеке сибирской поэзии»). Своего рода поэтическим итогом за 40 лет работы явилась книга «Связь времен» (1980), состоящая из трех разделов: «Вечерние птицы», «Дневные птицы», «Утренние птицы». В этой книге собрано все самое главное, существенное и характерное для Сергеева-поэта: стихи о Сибири, ее природе и людях, истории края, размышления «о времени и о себе». Книга построена несколько неожиданно: стихи в ней даются в обратной последовательности. В результате движение времени, эволюция поэта выглядят ретроспективно: от мудрой зрелости — назад, к романтической восторженности юного поэта, от результатов пути — к его истокам. И становится отчетливо видно, как проистекает «связь времен», как меняется поэт, «ни в чем себе не изменяя», как он мужает, оставаясь самим собой, с его поистине неиссякаемым запасом душевной щедрости, поисками добра и в жизни, и в человеческом сердце. Свидетельством этого может служить и новая книга стихотворений «Свободный полет» (Иркутск, 1986), состоящая из четырех циклов: «Отражения на воде», «Земля Гвездослава», «Возвращение на войну» и «Женщина под яблоней». Стихи эти — новый этап осмысления жизни, «диалог с миром», представляют собой размышления зрелого поэта о жизни, о своем месте в ней, об ответственности поэта, чья жизнь отдана неустанному труду, а сердце открыто всем горестям и болям мира. Суровость поэтического долга, мысль о поэте — «должнике вселенной» не позволяла автору торопиться с публикацией этих стихов, они долго отлеживались, слагались в циклы. Они отличаются неумолимой требовательностью к себе («неоплатный мой долг все растет и растет»), мудрой содержательностью, напряженностью духовных исканий. Это поистине интеллектуальная поэзия, для которой характерно углубление социально-исторического мышления.

Литературная деятельность Сергеева весьма разнообразна: лирика, проза, драматургия, публицистика, переводы, литературная критика. Большое место в его творчестве занимают произведения для детей. Первая стихотворная книга «В чудесном доме» вышла в 1950 г. С этого времени начинается плодотворная деятельность Сергеева — детского поэта, прозаика, драматурга, сценариста и переводчика. Причем, «волшебная тема» в его творчестве разрабатывается в разных жанрах: это и увлекательные детские стихотворения, и забавные сказки («Как краски пошли гулять», «Сказка о рассеянном музыканте и бурундуке — учителе пения»), и современные чудеса («Вот так чудеса», «Чудеса Байкала»), и научная фантастика («Машина времени Кольки Спиридонова»), и необычайные приключения. Огромный читательский успех сопутствовал книге «Волшебная галоша», получившей и высокую оценку критики. Изданная в 1958 г. в Иркутске, она была переписана автором специально для Детгиза (Москва, 1965), переведена на японский, венгер-

ский и др. языки. О его книге «Капелька по капельке» (Москва и Новосибирск, 1965) журнал «Детская литература» писал: «Это сказка о волшебной бутылке, которую ребята бросили в Байкал. Долгий путь был у волшебной бутылки — через всю Сибирь по Ангаре и Енисею. Герои этой книжки — почтальон и школьники из села Прибайкальское. Почтальон, нашедший волшебную бутылку, — писатель Марк Сергеев... Книга эта стала популярной у школьников, по ней устраивались игры-путешествия на уроках краеведения, многие главы читались во всесоюзном журнале «Пионерская зорька».

Действительно, без всякой снисходительности и назойливой дидактики, в веселой и занимательной форме Сергеев ведет с юным читателем серьезный разговор о жизни, о явлениях природы, красоте родной земли, радостях дружбы и любви, смелых поступках и добрых делах. Сам неутомимый труженик, Сергеев просто, увлекательно, а главное, доброжелательно и ненавязчиво рассказывает о труде как насущной потребности каждого человека, пробуждая чувства добрые и прекрасные.

Особое место в творчестве писателя занимает тема «Пушкин и декабристы». Любовь к А. С. Пушкину Сергеев пронес через всю свою жизнь, начиная с десятилетнего возраста, когда ему была поручена роль ведущего в школьном спектакле по «Сказке о рыбаке и рыбке». В Пушкине, пробном камне многих поколений русских писателей, ему все интересно: личность, творчество, родословная. Избегая сложившихся штампов и стереотипов, стремясь уберечься от повторения и не впадая в оригинальничанье, Сергеев создает свой образ Пушкина. Эволюция Сергеева-пушкиниста — от популяризации творчества великого поэта, нашей национальной гордости, к постижению его личности, истоков вдохновения. В 1960 г. публикуется композиция «Вся жизнь — один чудесный миг (А. С. Пушкин)», в 1971 г. — цикл стихотворений «Пушкин» («Ибрагим Ганнибал», «Иван Пущин», «Арина Родионовна», «Наталья Гончарова», «Павел Нащокин», «Екатерина Карамзина»). Итогом большой научно-изыскательской работы Сергеева явилась книга «Перо поэта» (1975), куда вошли документальные повести о Пушкине, о его знаменитом предке, стихи, посвященные поэту, и повествование об интересной судьбе пушкинского пера. Своеобразие авторского подхода к документу проявилось в самих названиях повестей. Книга начинается с повести «Сибирские злоключения арапа Петра Великого» (1870), которая имеет подзаголовок «историческое повествование в размышлениях, подлинных письмах, доношениях, указах и приговорах XVIII века», а повесть «Вся жизнь — один чудесный миг» — «документальная повесть, состоящая из стихотворений, дневников и писем Александра Сергеевича Пушкина, из воспоминаний и записок его родных и близких, из переписки его друзей и его врагов, со включением официальных бумаг XIX века». Эти подзаголовки определяют не только жанровую специфику, но и идейную направленность авторского повествования. Здесь и «преданья старины глубокой», и сибирский колорит, и связь с современностью. Сергееву удалось запечатлеть сложный облик поэта документально точно, и вместе с тем — это наше сегодняшнее представление о Пушкине. Восприятие современным человеком «вечно движущегося и развивающегося» творчества Пушкина (В. Г. Белинский) дается в сочетании с дыханием прошлого, самой истории.

Сближение истории и современности — один из важнейших творческих принципов Сергеева в поэзии и прозе. Ряд его книг основан на документальных, мемуарных и других фактических

источниках. В подходе Сергеева к документу сопрягается логика исследователя и интуиция художника, пафос изыскателя и поэтическое видение. Эта манера письма особенно сказалась в трактовке декабристской темы. В цикле стихотворений «Декабристы» («Иван Пущин», «Николай Бестужев», «Иван Горбачевский», «Михаил Лунин»), где главное — человеческий выбор, определивший судьбу,— преобладает поэтический элемент. В книгах о женах декабристов в основе — сюжетно активный документ и его авторская интерпретация. Первой книге, состоящей из пяти портретов, «Подвиг любви бескорыстной» (М., 1975), автор дал название «документальная повесть о женах декабристов, разделивших судьбу своих опальных мужей». Задуманные как повести-биографии, они печатаются в альманахе «Сибирь»: «Екатерина Ивановна Трубецкая» (1973, № 4); «Александра Григорьевна Муравьева» (1973, № 6); «Камилла Петровна Ивашева» (1974, № 4); в журнале «Сибирские огни» — о Трубецкой, Муравьевой, Волконской (1974, № 6); «Наталья Дмитриевна Фонвизина», «Прасковья Егоровна Анненкова» (1974, № 7). Все эти повести воспринимаются и как законченные произведения, каждое из которых имеет самостоятельную историческую и литературную ценность, и как главы единого художественного произведения о подвиге русских женщин. Книга «Несчастью верная сестра» (Иркутск, 1978) состоит из 12 глав (Е. И. Трубецкая, М. Н. Волконская, А. Г. Муравьева, Е. П. Нарышкина, А. В. Ентальцева, Н. Д. Фонвизина, А. И. Давыдова, П. Е. Анненкова (Полина Гебль), А. В. Розен, М. К. Юшневская, К. П. Ивашева, В. М. Шаховская). Это произведение — итог многолетней серьезной исследовательской работы М. Сергеева — вызвало большой общественный резонанс.

К декабристской теме Сергеев обратился не случайно. Она жила в нем с 14-летнего возраста, когда он поселился с родителями в деревне Малая Разводная, неподалеку от поселка Лисиха, где были дома декабристов Артамона Муравьева, братьев Борисовых, Юшевских. «Эта тема копилась исподволь: прежде чем я написал книгу о женах декабристов, я 17 лет собирал материал», — вспоминает Сергеев. Об этой книге справедливо писал Ю. С. Постнов: «Она написана не только глубоким и серьезным исследователем, но и зрелым художником, выступающим во всеоружии накопленного годами мастерства. Прежде всего книга подкупает особым интимным тоном повествования. Автор не отделяет себя от тех, о ком пишет, он как бы становится на их точку зрения и, прослеживая «поток сознания» своих героинь, делает его наглядным и покоряющим своей открытостью». (Постнов Ю. С. Светочи, озаряющие даль.— В кн.: Постнов Юрий. Литературные очерки. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1985, с. 200). Эта книга переведена на чешский язык (1978), болгарский (1983), армянский (1982), грузинский (1985), готовится к выходу в Литве.

Пушкинская и декабристская темы органичны для творчества Сергеева: «Все мои книги о Пушкине и декабристах — это дань нашей общей любви к замечательным сынам России, чья деятельность, чье творчество оставили неизгладимый след в родной истории» (Сергеев М. Стихи. Новосибирск, 1976, с. 10).

Сергеев — признанный пропагандист наследия декабристов. Он является ответственным секретарем серии «Полярная звезда», посвященной декабристам. Сергеев — редактор тома «А. Е. Розен. Записки декабриста» (Иркутск, 1984), составитель первого тома антологии «Декабристы в Сибири» (Иркутск, 1973—1975, т. 1—3). В него вошли тексты из записок и воспоминаний Н. В. Басаргина, А. П. Беляева, М. А. Бесту-

жева, И. И. Горбачевского, И. Д. Якушкина, П. Е. Анненковой и М. Н. Волконской, относящиеся к пребыванию в Сибири. Текстам предшествуют вступительные заметки Сергеева с краткими сведениями об авторах воспоминаний.

Он пишет о декабристах и в серьезных научных изданиях: «Актуальные задачи декабристоведения. Об изучении жизни жен декабристов» (в кн.: Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978); «Декабристы и сибирские сатрапы» (Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. Вып. 3, 1981) и в журнале «Детская литература» (1975, № 12 — «Сиять для будущих племен»). Многие страницы документальной повести о Пушкине «Вся жизнь один чудесный миг» (Молодая гвардия, 1969) посвящены связям поэта с декабристами. Сергеев — один из составителей важного для исторической науки труда «Сибирь и декабристы. Библиографический справочник» (Иркутск, 1985), автор сценария кинофильма «Своей судьбой гордимся мы» (о декабристах в Забайкалье), 1976 г., и пр. Кроме важности популяризации отечественной истории, ярких ее моментов, работа Сергеева в этой области имеет немалое нравственное значение, неустанно пробуждая «чувства добрые» в читателе.

Связанный с родным краем нерасторжимыми узами, Сергеев на протяжении ряда лет возглавлял Иркутскую писательскую организацию, отдавая много сил и времени воспитанию литературной молодежи, проявляя подлинную заинтересованность в развитии современного литературного процесса Сибири.

Являясь участником этого процесса, он проявил себя и как критик и литературовед. Первая его критическая статья «Писатели и читатели» появилась еще в 1950 г. («Новая Сибирь», кн. 23). С тех пор многие периодические издания — газеты, журналы, альманахи — публикуют рецензии, обзоры, литературные портреты, принадлежащие перу Сергеева. Среди серьезных литературоведческих исследований выделяются литературные портреты А. Вампилова (Очерки русской литературы Сибири: В 2-х т. Новосибирск: Наука, 1982, т. 2) и И. Калашникова (Калашников И. Дочь купца Жолобова. Иркутск, 1985). В этих работах, где сущность творчества писателя выявляется через время, обстоятельства жизни, человеческую судьбу, Сергеев показывает нерасторжимую связь времен, соединяя прошлое с настоящим.

В творчестве Сергеева ярко выражена просветительская традиция. Об этом свидетельствует его неутомимая деятельность в качестве члена редколлегии издания «Литературные памятники Сибири», «Полярной звезды» и других изданий отечественной истории и культуры.

Литератор широкого диапазона, подлинный деятель истории и культуры не только по званию (Указом Президиума Верховного Совета РСФСР в октябре 1971 г. за заслуги в области культуры М. Сергееву было присвоено звание заслуженного работника культуры РСФСР), а по существу своему, лауреат премии Иркутского обкома комсомола им. И. Уткина (1971 г. за поэму «Коммунисты»), Сергеев работает много и плодотворно. Поэт, прозаик, драматург, сценарист, переводчик, детский писатель, историк, песенник, он много выступает в газетах, на радио, по телевидению, в кино, участвует в самых различных обществах и начинаниях. Уже 15 лет он пишет сценарии для массовых представлений: Праздника Труда, который традиционно проводится в Иркутске, к юбилеям Победы, к 300-летию Иркутска. Сергеев — автор сценария творческого отчета Иркутской области в Кузбассе, в Центральном доме работников искусств в Москве.

В 1986 г. вышла первая книга из задуманного писателем цикла «С

Иркутском связанные судьбы», включающая документально-художественные очерки о славных людях прошлого и настоящего, чьи судьбы тесно соприкоснулись с Иркутском. Книга родилась из телепередач, которые автор вел из месяца в месяц на протяжении 10 лет, телевизионных рассказов, представляющих своеобразную летопись Сибири, и приурочена к 300-летию присвоения Иркутску статуса города, о котором писатель сказал: «Он частица России, один из ее сынов, стоящий на юру, на ветру времени, на сшибке эпох и событий. Его судьба связывает все остальные судьбы в неразрывную цепь, что называется историей, он приступает в каждой биографии по-своему, сообразно с тем — когда жил человек, чем был занят, к чему стремился, чего достиг». Подступа к этой книге автор искал 20 лет: «Сперва это были документальные повести об иркутянах—героях гражданской войны... Потом это были песни: «Пусть есть города и красивей и выше, но где бы пути иркутян ни легли, они тебя видят, они тебя слышат, любимый Иркутск — середина земли». Потом стихи и книги о декабристах, детские занимательные повести — путешествия, телевизионные рассказы о людях своеобразных профессий — библиотекаре краеведческого музея, театральном столяре, музыканте Театра юного зрителя, настройщике инструментов, пишущем музыку. Материал накапливался в архиве и в душе, искал выхода и не находил». Непосредственно над книгой автор работал семь лет, сумев воплотить в ней лишь небольшую часть задуманного. Она состоит из четырех частей: «Прадед Пушкина», «Русские американцы» (Григорий Шелихов и Александр Баранов), «Николай Полевой», «Сергей Трубецкой» — и высоким своим смыслом, гражданским и нравственным, непосредственно связана с другим юбилейным изданием «Иркутск. Три века. Страницы жизни». (Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1986) объемом более 600 страниц материалов и документов по истории сибирского города, пронизанных цельной исторической концепцией изыскателя и Поэта, влюбленного в свой город и ощущающего себя частицей его судьбы.

С. Гимпель

СОЧИНЕНИЯ

Спасибо вам, люди: Стихи. Иркутск: Кн. изд-во, 1958; Первооткрыватели: Стихи. Иркутск: Кн. изд-во, 1961; Подарю тебе город: Стихи. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1964; Шпалы: Стихи. М.: Сов. писатель, 1964; Вступление в осень: Кн. нов. стихов и переводов. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967; Иней: Стихи. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968; Коммунисты: Поэма. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1971; Резьба: Кн. стихотворений. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1971; Баллада о тополях: Сб. стихотворений /Предисл. А. Смольникова. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1972; Стихотворения. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1976; Связь времен: Стихи. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1980; Граница времени: Рассказы и очерки. Иркутск: Кн. изд-во, 1959; Сибирь, в которой живу: Фантазия на Ангаре. Лирич. повесть. Иркутск: Кн. изд-во, 1962; Души прекрасные порывы. М.: Мол. гвардия, 1968; Вся жизнь — один чудесный миг: (А. С. Пушкин). Композиция. М.: Мол. гвардия, 1969; У каждого есть свой Братск. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973; Перо поэта. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975; Подвиг любви бескорыстной. М.: Мол. гвардия, 1976; Несчастью верная сестра: Ист. рассказы о женах декабристов. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978; С Иркутском связанные судьбы. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1986; В чудесном доме. Иркутск: Облиздат, 1950; Твои ровесники: Стихи. Иркутск: Облгиз, 1952; Вот так дождик!: Загадки. Иркутск: Кн. изд-во, 1955; Звездочет: Стихи. Иркутск: Кн. изд-во, 1957; Китайские загадки. М.: Дет. мир, 1959; Как краски пошли гулять: Стихи. Иркутск: Кн. изд-во, 1961; Коньки Ильича. М.: Дет. мир, 1961; Сеня Оплошкин — рыболов и чемпион. М.: Дет. мир, 1962; Сказка о рассеянном музыканте и бурундуке — учителе пенья. Новосибирск: Кн. изд-во, 1962; Веселые беглецы: Сказки в стихах. М.: Дет. мир, 1963; Глоток океана. — Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1965; Как медведь решил бульдозером стать. Л.: Дет. лит., 1965; Капелька по капельке: Повесть. М.: Малыш, 1965; Книга веселого дятла: Стихи. М.: Дет. лит., 1966; Кусочек волшебного зеркала. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968; Забавные сказки. Йошкар-Ола:

Марийск. кн. изд-во, 1970; Что такое работа. М.: Малыш, 1970; Волшебная галоша, или Необыкновенные приключения Вадима Смирнова, его лучшего друга Паши Кашкина и 33 невидимок из 117-й школы; Машина времени Кольки Спиридонова. Красноярск: Кн. изд-во, 1971;; Сказка о нетающей снежинке и другие удивительные истории. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973; Олень-драчун: Стихи. М.: Дет. лит., 1974; Вот так чудеса: Повести и сказки. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1976; Море синее — Байкал: Рассказы. М.: Малыш, 1983; Ребята, пощупайте уши!: Стихи, сказки, переводы. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983; В соболином краю. М.: Малыш, 1984.

ЛИТЕРАТУРА

Кузнецова Н. Спасибо вам, люди. — Ангара, 1962, № 1, с. 137—141; Михайлов В. Чуть в стороне от главного. — Сиб. огни, 1968, № 11, с. 86—88; Раппопорт Е. Вступление в зрелость. — Вост.-Сиб. правда, 1968, 1 февр.; Герваш А. Здесь о Сибири каждая строка... — Ангара, 1969, № 5, с. 145—154; Яновская Ф., Яновский Н. М. Д. Сергеев. — В кн.: Литературная Сибирь. — Иркутск, 1971, с. 277—282; Яновский Н. Н. М. Сергеев. — Крат. лит. энциклопедия, 1971, т. 6, с. 794; Мутин В. Годы — это шпалы: Творч. портр. М. Сергеев. — Вост.-Сиб. правда, 1975, 6 апр.; Гайдук В. Единство истоков: [Поэзия М. Сергеева].— Сибирь, 1976, № 4, с. 96—98; Смирнов Р. Слово о друге. — Сов. молодежь, 1976, 11 мая; Трушкин В. С любовью к жизни. — Вост.-Сиб. правда, 1976, 8 мая; Мотяшов И. Живет в Сибири писатель. — Дет. лит., 1979, № 2, с. 21—24; Кобенков А. Путь неизбежный. Иркутск, 1983, с. 51—62; Фоняков И. Письма о поэзии другу в Иркутск. Иркутск, 1984, с. 34—54; Постнов Ю. Литературные очерки. Новосибирск, 1985, с. 199—205; Цейтлин Е. О том, что остается. Иркутск, 1985, с. 102—125; сб. «Спасибо Вам, люди»: Никульков А. О правде большой и маленькой. — Сиб. огни, 1959, № 6, с. 170—171; О сб. «Шпалы»: Верин Л. Нам нет житья без новостей. — Сов. молодежь, 1964, 4 июня; Золотарева Н. Облик современника. — Вост.-Сиб. правда, 1964, 8 июля; Ханбеков Л. Сбывшееся ожидание. — Байкал, 1964, № 4, с. 154—155; Трушкин В. «И нет житья без скоростей». — Сиб. огни, 1965, № 4, с. 184—186; О сб. «Иней»: Жилкина Е. Главное? Искренность. — Вост.-Сиб. правда, 1968, 19 окт.; О сб. «Резьба»: Гайдук В. Тревожная память поэта. — Вост.-Сиб. правда, 1972, 13 февр.; Мусаэлян К. Владеть мгновеньем.— Лит. газ., 1972, 26 июля, с. 5; О кн. «Перо поэта»: Сергеев М. Д. «Загадки его бесконечны»: Писатель о своей кн. /Записала Л. Ладик. — Сов. молодежь, 1975, 29 нояб.; О кн. «Несчастью верная сестра»: Миронов Г. — Лит. обозр., 1975, № 3, с. 41; Никульков А. Соль земли нашей. — Лит. обозр., 1975, № 12, с. 15; Тендитник Н. Мера мужества и доброты. — Сибирь, 1975, № 6, с. 117—123; Яковлев Н. — Нов. мир, 1975, № 12, с. 276; Постнов Ю. — Сиб. огни, 1977, № 12, с. 186—187; О сб. «Связь времен»: Георгиев Н. К чему нам годы? — Лит. обозр., 1982, № 2, с. 55—57; Цейтлин Е. — Звезда, 1982, № 3, с. 197—199.

БИБЛИОГРАФИЯ

Кряжинская Н. Ю. М. Д. Сергеев: Биобиблиогр. указ. Иркутск: 1973; Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 222—224; То же. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 166—175; Русская литература Сибири. Библиогр. указ. Новосибирск, 1977, ч. 2, с. 381—385.

А. Е. ЗЯБРЕВ
(р. 1926)

Анатолий Ефимович Зябрев родился 26 октября 1926 г. в поселке Никольск Колыванского района Новосибирской области. Учился в средней школе в родном поселке и селе Сидоровка, 6-й и 7-й классы заканчивал в Новосибирске. Здесь же закончил после войны заводской вечерний машиностроительный техникум. С 1941 г. пятнадцатилетним подростком он пошел работать на военный завод сверловщиком и электросварщиком. С 1944 по 1949 г служил в войсках МВД. После армии возвратился в Новосибирск на завод им. Чкалова, работал шлифовщиком. Затем перешел в заводскую многотиражку и уже окончательно посвятил свою жизнь литературе. В 1960 г. по рекомендации редакции журнала «Сибирские огни» был направлен на Енисей для сбора материала о строителях Красноярской ГЭС. Эта поездка была решающей в судьбе писателя. Увлеченный размахом стройки и энтузиазмом строителей,Зябрев сам стал рабочим — сначала плотником в комплексной бригаде, кессонщиком, монтажником, а затем уж и эксплуатационником Красноярской ГЭС. Пи-

сатель переехал в Красноярск и с этого времени стал «летописцем» крупнейших строек Сибири. Первым родился цикл о Красноярской ГЭС. Цикл очерков получил название «Енисейские тетради». Названия глав свидетельствуют о разных этапах строительства и в то же время профессиях автора: «Записки разнорабочего», «Записки монтажника», «Записки эксплуатационника».

Документальная проза принесла Зябреву всесоюзную известность, очерки о строительстве Красноярской ГЭС были опубликованы в журналах «Москва», «Октябрь», «Молодая гвардия», «Сибирские огни» и выходили отдельными книгами в Москве, Новосибирске и Красноярске (Енисейские тетради, 1962, 1981; Бог ты мой!, 1971).

По проблематике и стилистике очерки Зябрева близки к так называемой молодой прозе, литературным направлениям 60-х гг. Становление молодого героя, вхождение, не всегда простое, в рабочий коллектив, атмосфера переднего края жизни — все это передано автором в несколько ироничной, но очень теплой манере. Размышления о серьезных государственных, производственных вопросах пронизаны мощной лирической стихией.

Эта особенность обусловливает и жанр зябревского очерка. «Это особый жанр, документально-художественного повествования, рассказ о самом себе, о тех людях, с кем жизнь меня свела в лучшие годы, о моих взаимоотношениях с ними, — так определяет сам автор особость жанровой формы «Енисейских тетрадей». Это определение точно характеризует саму очерковую манеру, сам стиль писателя, его отличительную черту мастера публицистического жанра.

Разрабатывая тему индустриальной Сибири в публицистике, в рассказах и повестях, Зябрев стал поистине историком гидроэнер-

гетики страны в целом. Летопись гидростроек Сибири неразрывно связана в его очерках с историей строительства электростанций страны: от первых, Каширской, Волховстроя,— совсем маломощных по современным понятиям,— до таких гигантов, как Братская, Красноярская, Саяно-Шушенская ГЭС. Его очерки дают панорамное, обширное представление не только о ретроспективе советской гидроэнергетики, но и о современном состоянии этой проблемы в мировом масштабе. Автор сравнивает нашу систему гидростроительства с опытом Америки, Канады, Финляндии.

Герои Зябрева предстают перед читателем не только в производственной своей ипостаси, но и в бытовом, семейном окружении. Формирование сознания настоящих хозяев страны, лучших советских рабочих происходит, как показано автором, во всех сферах, составляющих жизнь человека. Зябрев остается верен своему художественному принципу — видеть в людях: рабочих, бригадирах и инженерах совсем не простые характеры и судьбы, рабочие люди под пером Зябрева величественны, мудры и лукавы, как вечные типы представителей народной жизни.

Этот же художественный прин-

цип является ключом и к постижению внутреннего мира молодого героя 80-х гг. в цикле очерков о КАТЭКе («Как живешь, Алеша?», 1983).

Жгучие проблемы современной Сибири — проблемы экологии,— ставшие вопросом номер один публицистики в 70—80-е гг., являлись с самого начала творческого пути Зябрева также его кровной темой. Цикл очерков, посвященных природе и людям родного края, занимает видное место в его публицистике. В основу легли рассказы о путешествиях по заповедным и малодоступным местам Восточной Сибири — Забайкалью, Хакасии и Туве. Очерки вошли в несколько сборников — «Голубой маршрут» (1962), «Дорога в легенду» (1966), «Отзовись, мое завтра» (1976). Промышленные, сельскохозяйственные, социально-бытовые проблемы жизни нашего общества поданы в ряде очерков на фоне исторических экскурсов в далекое прошлое.

Древняя история коренных народов Сибири, мифы и легенды этих народов не только орнаментируют публицистическое полотно, но и в свете исторической ретроспективы дают дополнительное понимание смысла событий, происходящих сегодня на древней сибирской земле.

Автор горячо заинтересован в будущей судьбе сибирских природных богатств. Проблемы совмещения крупных промышленных объектов и сохранения чистоты сибирской природы, обживания сибирских курортов, использования минеральных источников, целебных трав, проблемы пчеловодства и малые проблемы экологии Сибири освещал в своих очерках на протяжении двадцати лет Зябрев. Страстный публицист, он призывает к внимательному отношению к природе, к бережливости в освоении ее богатств. Горячая любовь к родному краю, гордость и боль за него — вот движущие начала его публицистики.

Отличительной особенностью творческой манеры Зябрева-публициста является прежде всего лирическая стихия, пронизывающая произведения.

Зябрев получил широкую признательность у читателя и критики как очеркист. Однако он начинал в конце 50-х гг. с рассказов. Первый рассказ «Когда бабушка спит» был опубликован в «Сибирских огнях» (1956, № 3), первый сборник рассказов «Толька-охотник» вышел в 1958 г. в Новосибирске. В последние годы писатель все чаще обращается к художественной прозе (Хроника жизни: Повести и рассказы. Красноярск, 1979; Путь героя. М., 1983).

Повесть «Поездка на Саяно-Шушенскую» — в другом издании «Осенний цвет» — история о грустной судьбе бригадира-строителя, отлученного несчастным случаем, обстоятельствами от жизни своей бригады. Поездка в гости к старым друзьям на праздник перекрытия реки, встреча с коллегами по стройке перевернула уже налаженную жизнь Семена Погожаева. Тихая, несмелая любовь героя, не успевшая расцвести в пору молодости, пробуждается именно сейчас, когда приходит известие о смерти его подруги. В короткой жизни Семена Погожева, как оказалось, нет и не было ничего более важного, чем большая стройка, чем бывшая его бригада, нет людей роднее и ближе, чем товарищи его по большой стройке. Повесть о несостоявшейся жизни хорошего, честного человека исполнена тонкого психологизма.

Действие второй повести («Комплекс») происходит на гигантской стройке энергетического комплекса в Восточной Сибири. Главный конфликт основан на противопоставлении двух типов мировоззрения — психологии хозяина, собственника, владельца большого дома, натурального хозяйства, и рабочих, честно выполняющих свой долг. Исследуя сложные движения души героев,

стремясь показать явления времени во всем их многообразии, Зябрев рисует многоаспектную картину человеческих характеров и типов, составляющих современный рабочий класс.

Повести Зябрева сплавлены в единое художественное целое с его публицистикой. Они рассказывают о тех же людях, что были героями его публицистики, чью жизнь он прекрасно знает, с кем он сроднился и познал суть их души, их жизненное содержание. И если очерковый материал строился на конкретном факте, на портретах реальных лиц, то в повестях выступают «обобщенные» герои, «обобщенное» представление о «крупной стройке в Сибири». Но повести построены по иным, четко проявляющимся жанровым канонам. Они передают иной взгляд на мир, иное умонастроение автора, не раскрывшуюся в очерках часть его души.

Н. Александрова

СОЧИНЕНИЯ

Толька-охотник: Рассказы. Новосибирск, 1958; Голубой маршрут: Очерки. Новосибирск: Кн. изд-во, 1962; Дорога в легенду; Снова к легендам: Повести. Красноярск: Кн. изд-во, 1965; Пожар под сибирскими кедрами: Повесть. М.: Сов. Россия, 1965; Чрезвычайное происшествие: Рассказы. Красноярск: Кн. изд-во, 1965; Бог ты мой!: Очерки. М.: Советский писатель, 1971; Строители: Енисейск. Тетради. Красноярск: Кн. изд-во, 1972; Отзовись, мое завтра: Очерки. Красноярск: Кн. изд-во, 1976; Борус яснолобый: Очерки. М.: Соверменник, 1978; Хроника жизни: Повесть. Рассказы. Очерки. Красноярск: Кн. изд-во, 1979; Енисейские тетради: Очерки. Красноярск: Кн. изд-во, 1981; Как живешь, Алеша?: Очерки. Красноярск: Кн. изд-во, 1983; Путь героя: Повести, очерки. М.: Современник, 1983.

ЛИТЕРАТУРА

Беляев Б. Енисейская тетрадь.— Октябрь, 1962, № 11, с. 215; Сизых В. Всегда ли современен современный герой? — Енисей, 1962, кн. 1, с. 124—130; Трошкина К. 182 дня из жизни строителя. — Москва, 1963, № 5, с. 217—218; Фоменко И. Мы здесь живем.— Сиб. огни, 1963, № 4, с. 185—186; Байгушев А. Найти себя. — Мол. гвардия, 1973, № 3, с. 309—312; Баландин Л. О глубинах «мелких» тем: [О кн. «Пожар под сибирскими кедрами»]. — Сиб. огни, 1967, № 2, с. 177—182; Нечаев Н. [О кн. «Дорога в легенду»]. — Октябрь, 1967, № 7, с. 223; Малютина А. Книга о гидростроителях: [О кн. «Бог ты мой!» .— Енисей, 1972, № 5, с. 72—74; Малютина А. [О кн. «Строители»]. — Сиб. огни, 1973, № 5, с. 179—180; Жуков Д. Взыскательность; Заветное. М.: Современник, 1981, с. 223—228; Город комсомолии — Дивногорск/Интервью с писателем А. Зябревым. — Мол. гвардия, 1983, № 11, с. 281—288; Кобяков В. Енисейские тетради. — Мол. гвардия, 1983, № 7, с. 282—284; Якимова Л. П., Юдалевич Б. М. Сибирский очерк: 20—70-е гг. Новосибирск: Наука, 1983, с. 144—145; Падерин И. О кн. «Как живешь, Алеша?»'. — Сиб. огни, 1984, № 11, с. 167—168; Мальцев В. [О кн.: «Путь героя»]. — Сиб. огни, 1985, № 1, с. 175—176.

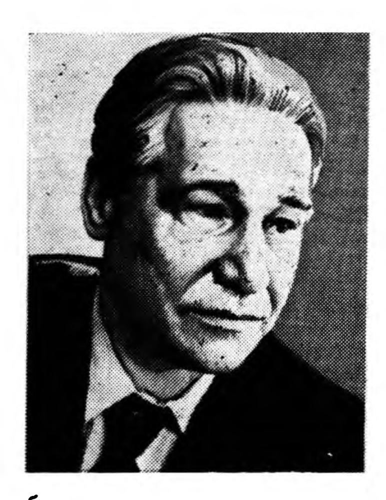
БИБЛИОГРАФИЯ

Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1973, с. 118; То же. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 78—80.

Ж. П. ТРОШЕВ (р. 1926)

«Есть много удивительных мест на нашей земле. Одни пленяют нас акварельной нежностью, другие — нетронутой дикостью первозданных красок. Мне удивительно повезло: я открыл край, где собрано все, что может дать величайший из художников — природа. Это Эвенкия — зеленый океан тайги, край диких скал и голубоглазых озер, хрустальных водопадов и перламутровых ночей. Это край, где норма поведения — неприметное мужество, простота и гостеприимность»,— так говорит Трошев в предисловии к одной из своих книг.

Правда, до этого уже существовала в литературе Эвенкия, открытая писателем М. Ошаровым. Но драматичная судьба этого человека, одного из первых «полпредов» Советской власти на Енисейском Севере, отразилась и на судьбе его книг. В течение долгих лет они были незаслуженно

забыты, часть его литературного наследия безвозвратно погибла.

И так уж получилось, что в 60-х гг. почти одновременно русские читатели смогли узнать и прежнюю, в основном дореволюционную, Эвенкию Ошарова, и Эвенкию советскую из книг Трошева. О новой, преобразованной Эвенкии Ошаров не успел рассказать, но он за нее боролся, ее созидал. Образ этого человека, посвятившего свою жизнь и творчество возрождению маленького северного народа, находившегося перед революцией на грани вымирания, стал центральным в самом крупном произведении Трошева — романе-дилогии «Большой Ошар». Этот роман писатель создавал более десяти лет, а изучал и исследовал Север с 1953 г. и по сей день. Такая привязанность к одному месту на Земле, верность одной теме, связанной с судьбой этого края, неудивительны, если это — родина пишущего. Трошев же впервые узнал Енисейский Север в годы взрослой самостоятельной жизни, и это определило его судьбу.

Родился Жорес Петрович в Перми 1 мая 1926 г. в семье потомственных уральских рабочих. Отец его до революции, как и дед, трудился на железоделательном заводе в Нытве. Воевал на германском фронте, участвовал в установлении Советской власти на Урале. После революции Петр Трошев работал в Перми в партийных и советских органах.

Позднее был направлен на учебу в Тимирязевскую академию, несколько лет семья жила в Москве. После завершения учебы местом работы отца был назначен Красноярск, куда Трошевы переехали в 1933 г. Здесь Жорес пошел в школу, занимался в детской технической станции, ходил в аэроклуб. Как и многие его сверстники в те романтичные времена полетов Чкалова, челюскинской эпопеи, мечтал стать полярным летчиком. В 1943 г. семнадцатилетним юношей ушел в армию, не успев получить аттестат зрелости. Уже в армии сдал экстерном экзамены за среднюю школу, закончил военное училище. Служил в Корее и Китае, получив воинскую специальность штурмана авиации. Там впервые попробовал свои силы в литературном труде. Первые рассказы, написанные под впечатлением Востока, Трошев послал в Красноярск Н. Устиновичу. Писатель поддержал начинающего автора, настоятельно советовал учиться, дал рекомендацию в Литературный институт. Но надо было продолжать службу. И Трошев заканчивает экстерном исторический факультет Владивостокского учительского института, а позднее — литературный факультет. В течение многих лет Н. Устинович был советчиком, старшим товарищем и строгим критиком молодого писателя. Когда в 1951 г. Трошев вернулся после демобилизации в Красноярск, Устинович посоветовал ему продолжать литературную работу. Но сам начинающий автор считал, что его жизненный опыт пока недостаточен.

Работать Трошев начал в крайкоме комсомола. А через два года он получает направление в Эвенкию, где в течение трех лет

заведует окружным отделом культуры. Этот период и оказался решающим в судьбе будущего писателя: детские романтические представления о Севере, прежние с ним краткие встречи, когда во время службы в армии приходилось бывать на Камчатке и Чукотке, новые впечатления, уже проявившийся вкус к литературной работе,— все это вместе и побудило снова взяться за перо. Север подсказал сюжеты, подарил молодому автору встречи с героями будущих книг, дал богатый запас личных впечатлений. В газете «Советская Эвенкия» в 1954 г. был опубликован рассказ «Смерть шаманки». Позднее, уже имея опыт журналистской и литературной работы, Трошев вернется к этому рассказу — его героиня станет одним из главных действующих лиц романа «Большой Ошар».

Во второй половине 50-х и в 60-е гг. Трошев работает в газетах «Речник Енисея», «Красноярский комсомолец», «Красноярский рабочий», в Бюро путешествий и экскурсий.

Для писателя это годы освоения главной темы, изучения фактического, документального материала, близкого соприкосновения с жизнью северного народа, а порой и непосредственного вмешательства в события — такова уж профессия журналиста. Рассказы и очерки этого периода написаны живо, в непринужденной манере, стиль повествования порой романтически приподнятый, не лишенный красивостей и журналистских штампов. Но это не мешает видеть искреннюю влюбленность автора в предмет изображения и его несомненные литературные способности. Тогда же выходит в свет первая книга рассказов об Эвенкии «Смерть шаманки», очерковые книжки «В поисках Ангариды», «От Саян до Енисея» (в соавторстве), «Самолет идет на поиск» (дань юношескому увлечению полярной авиацией), этнографическая работа «Эвенкийская сюита. Танцы народов Красноярского края». О серьезном интересе Трошева к истории края говорит его участие в экспедиции, организованной краеведческим музеем (по его личной инициативе) на Нижнюю Тунгуску. Очерки, рассказывающие о путешествии по следам русских землепроходцев XVII в., вошли, вместе с очерками о сегодняшней Эвенкии, в книгу «Открытие Ангариды». Переизданные, они были опубликованы в журнале «Наш современник», а позднее переведены и опубликованы во Франции в журнале «Произведения и мнения» (1963, № 3).

Исторические изыскания, касающиеся времен освоения Сибири русскими, были продолжены писателем. Результатом их стала «Повесть о забытом землепроходце», книга не строго документальная, но основанная на сведениях, почерпнутых автором из архивных и других достоверных источников. Интересно, что в послесловии к этой книге, вышедшей в 1985 г., уже после издания романа-дилогии о Михаиле Ошарове, Трошев пишет: «Свою «Повесть о забытом землепроходце» я рассматриваю как своеобразный пролог к роману «Большой Ошар», хотя, разумеется, нет никакой сюжетной линии и даже временной связи: героев разделяют ровно три века — 1620—1920 гг. И все же я чувствую связь времен, преемственность лучших традиций. С верой, что нашли землю обетованную, где будут жить без царя и бояр, пришли к тунгусам вольные землепроходцы. Но минуло три века, пока совершилось «вторичное присоединение Сибири», о чем мечтали декабристы».

Книга Трошева о декабристах «Словом и примером» интересна не только тем, что рассказывает широкому читателю о малоизвестных страницах истории. Привлекает другое — за этим историческим экскурсом читатель слышит

голос автора, нашего современника. Видит стремление писателя сделать достоянием всех «правду о лучших людях России, чьи труды, созданные на каторге и в ссылке, могли бы составить не одну новую страницу научной и литературной славы страны», скрываемую прежде царизмом и во многом оставшуюся неизвестной цивилизованному миру.

Есть в книге «Словом и примером» и страницы о «туземцах», как в те времена называли эвенков, об отношении к ним властей, о взаимоотношениях с ссыльными, о прошлой славе «златокипящей Мангазеи» и других сибирских поселений. Все это протягивает цепочку и к «Большому Ошару», и к «Повести о забытом землепроходце». Встречаем мы также «следы» пребывания декабристов на Енисейском Севере в дилогии о Михаиле Ошарове.

Действительно, в произведениях Трошева, как художественных, так и документальных, достаточно четко прослеживается эта «связь времен, преемственность традиций». Особенно если рассматривать их не в порядке написания, а в хронологической, событийной последовательности. Картина при этом получается, конечно, не исчерпывающая, но основные вехи истории освоения Сибири отражение в ней нашли.

Книга о декабристах была написана раньше, чем «Повесть о забытом землепроходце», хотя имя помора Пенды (так упоминали в первых источниках, найденных Трошевым, «русского Колумба», потом автор уточнил — Пянда) было известно читателям его более ранних произведений. Кажущаяся неожиданность обращения к новым театрам, новым пластам истории не была случайной, она диктовалась конкретной судьбой автора, событиями, встречами, документальными находками, увлекавшими писателя иногда даже для него самого в неожиданную сторону. Некоторая разбросанность, «разностильность», кажущаяся многотемность мешали своевременному признанию литературной и историко-документальной работы Трошева. В этом и одна из причин того, что писатель, с 1973 г. занимающийся профессиональной литературой, только в 1981 г. был принят в члены Союза писателей. Одной из причин, например, разного художественного уровня двух книг дилогии «Большой Ошар» является, по-видимому, значительный разрыв во времени написания. Столь же широко охватывающая жизнь Эвенкии, насыщенная событиями не менее первой, вторая книга ощутимо теряет в непосредственности повествования, эмоциональности, напряженности развития сюжета. Заметно, что автор невольно старается недостаток внутренней драматичности компенсировать средствами внешними. И тогда читателю бросаются в глаза многочисленные «сильные» выражения чувств, красивости, лексические повторы, переходящие в штампы.

И тем не менее следует признать, что в целом дилогия «Большой Ошар» — одно из примечательных произведений в ряду книг, раскрывающих тему становления Советской власти на окраинах России. Трошев рассказал о малоизвестных русскому читателю фактах, событиях истории маленького народа, показал его национальное своеобразие, удержавшись от внешней экзотики, не увлекаясь чрезмерно детективно-приключенческой стороной развития сюжета (что характерно для многих произведений подобной тематики).

То, что героем художественного произведения стал реально существовавший человек, значительно осложняло работу, наложило ограничительные рамки на возможности художественного вымысла. Тем более, что материалов о жизни и творчестве Ошарова было крайне мало. Но для рассказа об эвенкийском народе, о переломном моменте в

его судьбе, о становлении отношений между эвенками и русскими не стоило придумывать героя, в жизни которого все это было. Михаил Ошаров был именно таким человеком — проводником новой жизни, большим другом эвенков, исследователем, стремящимся изучить, понять быт, традиции и обычаи народа, его культуру. Классовая борьба была в Эвенкии, может быть, менее кровопролитной, чем в иных краях России, но не менее острой и трудной. И в ней Михаил Ошаров был борцом не столько «против», сколько «за» — за умы и сердца лучших представителей эвенкийского народа, за сохранение всего лучшего, накопленного вековым его опытом. Не всеми даже активными участниками социалистического строительства такая позиция понималась правильно. Тогда, в период становления новой жизни, было еще трудно отделить добрые обычаи и традиции, явления национальной культуры от отжившего уклада, от культовых явлений, от шаманства. Многое разумное отметалось, перечеркивалось. Сегодня мы понимаем, как прав был Ошаров. Однако проблема эта остается актуальной и по сей день. Ведь многие последствия коренной ломки сформированного столетиями уклада дали результаты не только положительные. И в этом — одна из причин обращения писателя сегодняшнего дня к человеку, предвидевшему отдельные сложности в жизни эвенков в будущем, сделавшему много, чтобы их по возможности предотвратить. К тому же Михаил Ошаров был писателем, рассказавшим об этом народе, сохранившим для нас его поэтические легенды и черты уходящего мира, писателем, чье творчество долгие годы было недоступно читателю. Но в годы своей работы на Севере Трошев еще встречал людей, которые знали, помнили Ошарова, еще ходили легенды о нем среди эвенков.

В этом выборе — одна из главных удач романа. Основной конфликт в сфере идеологической борьбы, борьбы за будущее эвенкийского народа, ставший и конфликтом глубоко человеческим, личным, нашел воплощение в любви — противостоянии — борьбе двух людей. С одной стороны,— Большой Ошар, как почтительно называли эвенки своего русского друга, с другой,— шаманка Сргок, плоть от плоти Эвенкии уходящей, Эвенкии покорных бедных тунгусов, князьков-многооленщиков и шаманов, хранительница вековечного родового уклада... И борьба тем сложнее, трагичнее, что в Соргок неотделимы мудрость и суеверие, стремление сохранить и справедливые, добрые народные традиции, и обычаи отжившие, удивительная прозорливость — и неумение увидеть и понять необходимость перемен в жизни эвенков, огромное самообладание — и слабость, покорность своим «духам», помешавшая перешагнуть через пропасть, отделявшую ее от любимого человека, а в конечном счете — и от своего народа. В ней, в Соргок, воплотились многие лучшие черты эвенков — мудрость и знание, унаследованные от Шамагир, некогда великого шаманского рода, красота и талант, во всем—в рукоделии и танце, в вырезывании по кости и врачевании. Тонкая, поэтичная душа, память, хранящая множество легенд и преданий, умеющее любить сердце... Горестна судьба этой женщины, обрекшей себя на изгнание и одиночество.

Драматична любовь Соргок и Ошара. И хотя ею не исчерпывается содержание романа, именно она — главный нерв повествования, в ней тепло и свет, ощущаемые едва ли не на всем протяжении дилогии.

Роман многоконфликтен и щедро населен эвенками и русскими, строителями, созидателями новой жизни и ее врагами, явными и тайными. Неудивительно, что меж-

ду ними нет четких границ, как и не было их в реальной жизни. И те, и другие обрисованы автором неоднозначно, не только белой или черной краской, характеры даны в динамике.

Примечательно, что Трошев, выбрав основой сюжета эвенкийский период жизни Михаила Ошарова, не ограничивается биографическими задачами и воссозданием исторического «фона». Он как бы принимает эстафету из рук предшественника и говорит о том, что Ошаров не успел досказать. Берет на себя смелость продолжить повествование об ошаровских героях, введя их в пространство романа рядом с самим Ошаровым. Своей дилогией, рассказывающей о судьбе писателя, Трошев развивает, отстаивает его идеи, убеждения, его заботы и беспокойство о будущем эвенков.

Мыслями об Эвенкии, о Севере и его людях наполнены написанные в разные годы документальные книги об Игарке, об Аврааме Завенягине, «Сказание об Иннокентии Увачане», ряд очерков в краевых газетах, в альманахе «Енисей». Любовью к Северу продиктовано и обращение Трошева к творчеству и одного из интереснейших художников края — Владимира Мешкова. Публикация в краевом альманахе дает пока только общее представление об этой работе писателя. Издание книги «Северная рапсодия», предполагается в ближайшие годы.

Закончена и еще одна рукопись о декабристах — «старые» темы не оставляют писателя. В историко-художественном повествовании «Мятежный ангел» Трошев продолжает их, но теперь главное внимание автора сосредоточено на судьбе декабристов, отбывавших ссылку на юге Красноярского края.

Т. Павская

СОЧИНЕНИЯ

Смерть шаманки. Красноярск: Кн. изд-во ,1961; Самолет идет на поиски: (О летчике М. Е. Сахарове). Очерк. Красноярск: Кн. изд-во, 1963; В поисках Ангариды. Красноярск: Кн. изд-во, 1967; Большой Ошар: Роман. Кн. 1. Красноярск Кн. изд-во, 1973; То же.— кн. 2. Красноярск: Кн. изд-во, 1981: Словом и примером: Декабристы в Енисейск. губ. Красноярск: Кн. изд-во. 1975; Повесть о забытом землепроходце. Красноярск: Кн. изд-во, 1985.

ЛИТЕРАТУРА

О кн.: «В поисках Ангариды»: Шеховцов И. Открытие Ангариды. — Сиб. огни, 1968, с. 179—181; О кн.: «Большой Ошар»: Чмыхало Б. Полномочный представитель. — Енисей. 1974, № 1, с. 70—74; Якимова Л. Интернациональная тема на современном этапе. — Енисей, 1975, № 5, с. 75—80; О кн. «Повесть о забытом землепроходце»: Коморин В. Пришла издалека легенда. — Краснояр. рабочий, 1985, 8 дек.

БИБЛИОГРАФИЯ

Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Иркутск, 1983, вып. 2, ч. 1, с. 195—196.

В. В. ЛИПАТОВ (1927—1979)

Виль Владимирович Липатов родился 10 апреля 1927 г. в Чите. Отец — старый большевик, журналист, широко известный в Забайкалье, мать — учительница русского языка и литературы, в прошлом активная участница борьбы с кулачеством, ликвидации неграмотности на селе.

Детство будущего писателя прошло в сибирской деревне. «Я благодарен родной деревне,— вспоминал Липатов.— Как всякий нормальный мальчишка, я жил на реке и в лесу, ходил босиком, дрался со сверстниками, пил по вечерам парное молоко»[1]. По признанию писателя, деревенское детство сыграло большую роль в становлении его как художника.

В 1942 г. Липатов сдал приемные экзамены в Новосибирский институт военных инженеров транспор-

[1] Первое прикосновение искусства.— В кн.: Липатов Виль. Собрание сочинений. В 4-х т. М.: Молодая гвардия, 1982, т. 1, с. 37.

та, некоторое время учился в нем. Но «инженерная карьера» не состоялась. В 1948 г. он поступил в Томский педагогический институт на отделение истории. Институт окончил экстерном (1952), так как после третьего курса был зачислен в штат томской областной газеты «Красное знамя», где поначалу работал литсотрудником отдела писем, а затем промышленного отдела. Журналистская практика Липатова была чрезвычайно интенсивной: на страницах «Красного знамени» постоянно появлялись его корреспонденции, статьи, очерки, зарисовки, репортажи. Тогда же он написал и свои первые рассказы «Самолетный кочегар» и «Двое в тельняшке», которые затем были опубликованы (1956) в только что открывшемся журнале «Юность». В 1958 г. в издательстве «Молодая гвардия» выходит первая книга — повесть «Шестеро». В том же году он переезжает в Читу, где работает ответственным секртарем газеты «На боевом посту». 1964—1966 гг. он был специальным корреспондентом газеты «Советская Россия». В 1963 г. Липатов — участник IV Всесоюзного совещания молодых писателей СССР. В 1965 г. он переезжает в г. Брянск. С 1967 г. жил в Москве. Липатов был секретарем правления Союза писателей РСФСР, много занимался с литературной молодежью.

Роман Липатова «И это все о нем» был удостоен первой премии на Всесоюзном литературном конкурсе им. Николая Островского за 1973—1974 гг. В 1978 г. Липатов был удостоен премии Ленинского комсомола за создание сценария телефильма «И это все о нем».

Умер Виль Владимирович 1 мая 1979 г. в. Москве.

Недолгий творческий путь Липатова отличался необычайным напряжением: почти каждый год в центральных журналах появлялись его новые рассказы, повести (в 70-е гг. — романы), в различных издательствах — новые книги. Притягательность его произведений

объясняется прежде всего неизменной авторской верностью современной теме, актуальностью проблематики, остротой ее воплощения. Люди труда, их облик, внутренний мир, микроклимат рабочего коллектива всегда находились в центре внимания писателя. Человек и его дело, НТР и личность, руководитель и коллектив, становление молодого рабочего, роль комсомольского вожака в наши дни — вот магистральные проблемы липатовской прозы.

Волновала писателя и проблема революционных традиций в сегодняшней нашей жизни, в идейной закалке нынешних поколений. Эта тема пройдет через все творчество художника, но уже в своей ранней повести «Смерть Егора Сузуна» (1963) Липатов создал замечательный образ старого коммуниста, неугомонного пенсионера Егора Ильича Сузуна, человека с «не остывающей душой, умным сердцем». Липатовский герой обладает завидной социальной активностью, высокой ответственностью, редким трудолюбием, наконец, незаурядным даром воспитателя молодых рабочих. И один день из его жизни, день последний,— это повествование о славном прошлом и настоящем Егора

Ильича, девиз которого до последней минуты оставался — «Не будь спокойным!»

Увлеченность «горячим» материалом, тяга к людям производства во многом объясняется тем, что Липатов пришел в литературу из газеты. Именно тогда в Томской области, на ее севере, писатель познакомился с прототипами многих героев своих будущих книг: таежниками, лесорубами, сплавщиками леса, шоферами, трактористами, речными капитанами, матросами, рыбаками. Немало дала ему журналистская работа и на его родине, в Читинской области.

Ранние рассказы Липатова, публиковавшиеся в альманахе «Томск», и «Молодая гвардия», представляли собой как бы подступы к более зрелым вещам писателя, в них определились существенные черты его поэтики, особенности его героев, круг волнующих его проблем и конфликтов. В этом плане наиболее показательны такие рассказы, как «Самолетный кочегар», «Двое в тельняшке» и «Капитан парохода» (1957).

Эти рассказы отличаются разнохарактерным жизненным материалом. В «Капитане парохода» показан рискованный, полный драматизма момент лесосплава. Капитан проводит огромный плот через узкую и быструю протоку у опасного поворота реки. Герой рассказа «Самолетный кочегар» — ученик тракториста Ваня Пыж, преодолевая насмешки, недоверие некоторых членов бригады, все же выдерживает испытательный срок, входит в рабочий коллектив, по праву снискав репутацию одаренного изобретателя (еще в детдоме, в кружке юных техников, Ваня изобрел мотоцикл, «который наверняка бы двигался, если бы Пыж достал некоторые части»). Примечательно, что этот рассказ явился своеобразным «эскизом» к повести «Зуб мудрости» (1961), повесть печаталась также под названием «Юноша и машина», 1962), в которой автор опоэтизировал шоферский труд, показал необычайно работящего и самозабвенно влюбленного в технику Ванюшку Чепрасова, парня из семьи потомственных водителей.

Эти конфликты углублялись, приобретали новые грани в ранних повестях прозаика, в произведениях, созданных в 60-е годы: «Шестеро» (1958), «Своя ноша не тянет» и «Капитан «Смелого» (1959), «Глухая Мята» (1960), «Стрежень» (1961), «Черный Яр» (1963), «Чужой» (1965).

Несмотря на различие жизнеосновы повестей, в них, как правило, изображено столкновение глубоких, содержательных натур, скромных людей, внешне как будто бы обыденных и неприметных, с людьми, на первый взгляд, поражающими своей необычностью, бывалостью, энергией, физической силой, но на поверку пустоватыми, лишенными внутреннего стержня.

Эти липатовские антигерои не только страшны сами по себе (хотя под личиной благопристойности их трудно распознать), но, как убедительно показывает писатель, тлетворно влияние этих «бездушных» на окружающих, особенно на тех, кто обманут их внешним обаянием, «грамотностью», ложным радением за дело.

Липатов — один из первых писателей 60-х гг., кто заговорил об опасности индивидуализма, «фальшивых людей», всякого рода стяжательства, бездуховности, равнодушия. Зато художник глубоко верил в натуры, не заласканные обстоятельствами, нередко с трудными, несложившимися судьбами. Эти герои вызывают у автора искреннюю боль, сострадание, желание вызвать у читателя стремление помогать таким людям, спасти их вовремя.

В ранних повестях и рассказах Липатов показал себя знатоком сибирского быта, характера сибиряка, сибирского речного и таежного пейзажа. Но наряду со всеми этими очевидными достоин-

ствами в произведениях начала 60-х гг. видны и существенные авторские просчеты. Очень точно сказал о них критик В. Хмара, отметивший, что подчас характеры у Липатова «не столько образуются, сколько обнаруживаются», что они несут в себе элементы статичности и схемы[2].

Уже в этих повестях сказалось то свойство таланта Виля Липатова, которое известный критик А. Макаров назвал «киномышлением», имея в виду зримость, композиционную завершенность фрагментарных эпизодов, напряженность действия.

В конце 60-х гг. критика заговорила о появлении «нового», более зрелого Липатова. В данном аспекте показателен его рассказ «Мистер-Твистер» (1967). Здесь автор в известной степени предвосхитил шукшинских чудаков.

В рабочем поселке Тагор появилась первая шляпа. Ее владельцем оказался приезжий печник, парикмахер и «великий артист» Семен Лукич Сюткин. Он мастерски сложил три печки «фантази», сделал прическу с подобным названием деревенским модницам и бесплатно подстриг мальчишек, затем сыграл на клубной сцене Любима Торцова, внося в классическое произведение изрядную долю отсебятины, и ранним утром исчез, к великому огорчению влюбленной в него вдовы Марфы.

Этот вечный странник, с его бескорыстием, выспренной речью, нелепым хвастовством не просто пустышка, не просто перекати-поле: за характером героя проглядывает подлинная драма. Война оставила на всем облике Сюткина свои горестные отметины. Видимо, она лишила этого человека семьи, приучила к скитаниям, не дала по-настоящему развиться его оригинальной натуре.

В рассказе «Мистер-Твистер» как бы расковался талант писателя, колоритнее стал его язык, зримее детали, сочнее юмор, получили развитие те качества писательского мастерства, которые позволили прозаику вскоре создать полюбившийся широкому читателю, а потом и кинозрителю образ сибирского Мегрэ, участкового уполномоченного Федора Анискина («Деревенский детектив», 1967—1968 гг.; в 1969 г. Центральная студия детских и юношеских фильмов им. М. Горького создала одноименный фильм, где с большим успехом образ Анискина воплотил известный советский артист М. И. Жаров).

Сила Анискина в кровной связи его с родной деревней, тридцать лет охраняет он в ней порядок и покой. Это корневая связь позволяет ему, человеку небольшого образования, не располагающему современной криминалистической техникой, распутывать довольно сложные происшествия, случающиеся в его сибирской Кедровке. Талант Анискина-детектива питается знанием жизни и характера своих земляков, тем, что он делит с ними радость и горе, уважительно относится к человеческой личности. Критика писала об Анискине, как о «человеке на своем месте», делающем дело, «которое знает лучше всего», в котором и проявляется добрая суть этого героя. Липатов наделил своего участкового многими чертами, как будто далекими от его беспокойной и суровой должности. И прежде всего юмором, хитринкой, крестьянской смекалкой. А главное — неподдельной любовью к людям, умением помочь человеку в беде, обрести себя.

Таким образом, здесь мы в новой интерпретации встречаемся с излюбленной темой автора — «человек и коллектив». И цикл рассказов и повестей об Анискине (рассказы «Лосиная кость», «Развод по-нарымски», «Панка Волошина», «Луна над Обью», повести

[2] Хмара В. Познание красоты, созидание красоты. Москва, 1961, № 12, с. 204. Позднее достоинства и недостатки поэтики В. Липатова убедительно проанализировал критик Е. Сидоров. (См.: Сидоров Е. Время, писатель, стиль. М., 1978, с. 228—233).

«Деревенский детектив», «Три зимних дня» и др.) — это многогранное повествование о сибирской деревне, о ее колоритных жителях.

Среди любимых героев В. Липатова, «жадно и весело» преобразующих жизнь, выделяется Олег Олегович Прончатов — директор могучей Тагорской сплавконторы на северном Томске («Сказание о директоре Прончатове», 1969). Критика и читатели в свое время горячо обсуждали вопрос о том, насколько директор Прончатов отвечает сложившимся представлениям о герое наших дней. Многие утверждали, что «хозяин страны Прончатии», над которой самолет пролетает целый час, территория которой могла бы легко вместить некоторые европейские государства, не чужд карьеризма, зазнайства, высокомерия. Другие же справедливо считали, что Прончатовым движут, прежде всего, патриотические чувства, любовь к своей профессии, увлеченность энтузиаста, вера в свой талант руководителя. Нельзя не видеть, что Прончатова отличает государственное мышление, масштабность личности, смелость, новаторский поиск, новый стиль руководителя.

На первый взгляд, несколько особняком в творчестве Липатова стоят две его повести — «Лида Вараксина» (1968) и «Серая мышь» (1970). Пафос этих произведений — в осуждении отрицательных явлений нашей жизни, тогда как ранее прозаик чаще всего воспевал созидательный труд и творческий поиск. Но и здесь мы обнаруживаем знакомую проблему — человек и коллектив, человек и его дело.

Лида окончила культпросветшколу, получила назначение в родное село, работает по специальности. Но автор ненавязчиво, точными психологическими деталями убеждает нас в том, что у героини по сути дела нет профессии. Ее работа в сельском клубе требует культуры, знаний, определенного такта — всего этого Лида лишена, хотя она и располагает соответствующим дипломом. Здесь перед нами тот случай, когда город, к сожалению, дал человеку лишь самые верхушки знаний, привив ему в то же время ненасытное стремление к модной одежде, пристрастие к расхожему и ложно понятому «этикету». Драма Лиды — это драма человека, оказавшегося не на своем месте, потерявшего связь с односельчанами, испытывающего крайнее одиночество, причины которого героиня так и не может осмыслить.

Отрыв от людей, бездуховность — печальная участь и четверки героев повести «Серая мышь». «Я хочу рассказать в повести о трагедии отчуждения личности,— говорил Липатов,— о том, как человек, злоупотребляющий алкоголем, добровольно обрекает себя на изоляцию от людей и общества».

Действие «Серой мыши» длится всего 18 часов — с раннего воскресного утра и до наступления ночи в таежном поселке Чила-Юл. Это один день из жизни сломленных личностей, безнадежных алкоголиков. Повествование отличает емкость, мастерство композиции. В поисках «зеленого змия» четверка «дружков» кружит по поселку. Их «поход» позволяет автору показать многообразие сельского бытия, контрастирующего с опустошенным прозябанием пьяниц. На этом же «кружении» раскрывает писатель характеры и судьбы этих опустившихся людей, исследует причины их падения. Среди четверки выделяется Семен Баландин, некогда уважаемый специалист, бывший главный инженер завода. Он еще лелеет надежду подняться над своим безволием, верит в легенду о серой мыши, которая должна прийти и спасти его. «Но в доме Семена Баландина не живут маленькие серые мыши: им нечего есть»,— так заканчивает автор свою повесть.

Нравственный урок, вытекаю-

щий из этого горького произведения, состоит, прежде всего, в том, что человек не может существовать в отрыве от общества, что отступление перед собственной слабостью неминуемо ведет за собой трагедию распада личности.

Продолжая активно работать в жанре повести, Липатов в начале 70-х гг. создает два известных романа: «И это все о нем» (1974) и «Игорь Саввович» (1977).

Роман «И это все о нем» приобрел самую широкую популярность у молодежного читателя. Автор посвятил его комсомольцам семидесятых годов. Роман генетически крепко связан со многими предыдущими произведениями писателя, в которых он говорил о преемственности революционных традиций, социальной активности молодого героя. Но наряду с этим в романе наглядно ощущается и продолжение той линии творчества Липатова, которая была направлена против мещанского благополучия, культа вещей, идеологии потребительства.

Повествование отличается сложным композиционным построением, «эффектом присутствия» центрального героя, жизнь которого воссоздается в ретроспекции и по воспоминаниям окружающих, психологической насыщенностью многих «второстепенных» образов и характеров. Сюжетное напряжение романа проистекает не от внешней детективной «оболочки», но от острой борьбы комсомольского вожака Евгения Столетова и его товарищей по бригаде с мастером Гасиловым. Конфликт между Столетовым и Гасиловым, как подчеркивал сам автор,— это «конфликт между созидателем и потребителем». Причем сложность этого конфликта усиливается еще и тем, что Гасилов умело рядится в одежды передовика, «доброго наставника и благодетеля» молодежи. На самом же деле, «бесцветный» мастер (таким он кажется слепому учителю Радину, в отличие от красного Столетова) давно уже живет по законам стяжательства и накопительства, обмана и очковтирательства. Имя Гасилова становится в произведении нарицательным; оно от слова — гасить. Гасиловщина — злостное и ядовитое явление и не только таежного поселка Сосновки, оно, к сожалению, живуче.

Липатов был уверен, что только люди, наделенные обостренной честностью, гражданским мужеством и рабочей гордостью, могут одолеть гасиловщину. И его Столетов как раз и является таким героем. Герой, который по праву произносит: «Я — рабочий. Пролетарий, которые всех стран соединяйтесь... Я не буду заботиться о высокой производительности труда, кто же будет заботиться?»

Образ Столетова, молодого нашего современника, большая удача писателя. Его герой органично фокусирует в себе лучшие черты сегодняшней молодежи, ее нравственное богатство, унаследованное от старшего поколения.

Романтическая приподнятость, метафоричность, гиперболизация свободно «проникают» в сугубо реалистическую ткань повествования, придают роману «И это все о нем» черты своеобразия и новаторства.

В одном из последних своих интервью Липатов подчеркивал, что он принадлежит к писателям, «работающим над темами сегодняшнего дня», что на этом пути возможны ошибки и неудачи. Но постоянный поиск не проходит незамеченным у читателя, ибо он находит в произведениях о сегодняшнем дне «отклик на свои думы и размышления».

Именно таков роман «Игорь Саввович», вызвавший жаркие споры, породивший критические дискуссии. В этом произведении Липатов одним из первых в нашей литературе остро сказал о таком сложном явлении сегодняшней действительности, как социальная пассивность молодого интеллигента, тяга к элитарности, духовное

иждивенчество, показал современных влиятельных «опекунов», порочность «механики» протекции.

Далеко неоднозначен образ центрального героя — заместителя главного инженера крупного лесосплавного треста, что находится в сибирском городе, старинном областном центре. Игорь Саввович Гольцов — незаурядный специалист, одаренный и тонкий человек, физически сильный, много занимавшийся спортом. Но он пассивен, подвержен дипрессиям. Инфантильность, безразличие, усталость определяют его поведение. Причина такого состояния тридцатилетнего Игоря Саввовича одна: внешнее благополучие молодого человека, комфорт и сверхзабота, которыми его окружают высокопоставленные родственники, мать, жена. Игорь Саввович освобожден от «прозы» жизни, его служебные продвижения также определяются родственными связями, скрытой протекцией. В результате происходит определенное крушение личности, атрофирование бойцовских качеств, исчезает вкус к жизни, стремление к самостоятельности, поступку, действию. Нужна была немалая драма в жизни Игоря Саввовича, чтобы герой осознал свои ошибки, переболел «детскими» болезнями, вышел из затянувшейся летаргической спячки.

С большой увлеченностью и мастерством автор живописует в романе нравы провинциального города, сибирские «устои», воссоздает колоритные типажи.

«Городской» роман Липатова «Игорь Саввович» стал заметным шагом в творчестве В. Липатова, органично «вписался» в известный ряд произведений современной прозы, повествующей о нравственных исканиях человека наших дней.

Личность в эпоху НТР, человек и общество, семья, любовь, женское счастье, борьба с мещанством — вот круг проблем, определяющих поиск Липатова в двух последних его повестях: «Повесть без названия, сюжета и конца...» и «Житие Ванюшки Мурзина, или Любовь в Старо-Короткине».

Значительность проблематики, острота художнического зрения, мастерство лепки характеров, сибирская «прописка» делают произведения Липатова заметным явлением в современной советской прозе, оставляют глубокий след в сознании и памяти читателя.

Б. Юдалевич

СОЧИНЕНИЯ

Собрание сочинений: В 4-х т./Предисл. А. Макарова, М. Синельникова. М.: Мол. гвардия, 1982—1984; Своя ноша не тянет: Повесть-хроника. Чита: Кн. изд-во, 1959; Юноша и машина: Повесть. Чита: Кн. изд-во, 1962; Черный Яр; Чужой: Повести. М.: Сов. писатель, 1965; Повести: Шестеро; Капитан «Смелого»; Глухая Мята; Стрежень. М.: Худож. лит., 1966; Смерть Егора Сузуна; М.: Мол. гвардия, 1966; Точка опоры: Повести, рассказы, очерки. Тула: Приок. кн. изд-во, 1967; Деревенский детектив: Кн. повестей и рассказов об участковом уполномоченном Федоре Анискине. М.: Мол. гвардия, 1968; Самолетный кочегар: Рассказы; Зуб. мудрости: Повесть. М.: Мол. гвардия, 1968; Сказание о директоре Прончатове: Повести. М.: Мол. гвардия, 1970; Зуб .мудрости: Повести. М.: Современник, 1971; Деревенский детектив/Послесл. Н. Подзоровой. М.: Россия, 1975; Черный Яр; Сказание о директоре Прончатове: Повести; И это все о нем: Роман. М.: Сов. писатель, 1977; Игорь Саввович: Роман. М.: Мол. гвардия, 1978; Дом на берегу. М.: Сов. Россия, 1983; И это все в нем. Роман. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983.

ЛИТЕРАТУРА

Хмара В. Познание красоты, созидание красоты. — Москва, 1961, № 12, с. 202—206; Николаев П. Личность, мораль, литература. — Москва, 1962, № 3, с. 165—167; Елькович Я. Об одной писательской пятилетке. — Байкал, 1964, № 3, с. 140—144; Кедрина З. В поисках главного. — Вопр. лит., 1964, № 4, с. 35—37; Новиков В. Героическому времени — героическое искусство. М., 1964, с. 99—106; Синенко В. «Человек предместья» и современность. — Урал, 1964, № 9, с. 145—155; Татуйко А. Литературное Забайкалье. — Дал. Восток, 1964, № 3, с. 161—170; Книпович Е. Сила правды. М., 1965, с. 170—173; Хмара В. Дуиховное богатство. Что это такое? — Дал. Восток, 1965, № 4, с. 168—175; Баранов В. Глубина образа — глубина жизни. — В кн.: Быть на земле человеком. Уфа, 1966,

с. 89—107; Макаров А. Виль Липатов. — В кн.: Макаров А. Поколения и судьбы. М., 1967, с. 257—275; Козлов И. Липатов радует, Липатов огорчает. — Вопр. лит., 1969, № 9, с. 31—79; Финк Л. Невыдуманные проблемы. — Сиб. огни, 1969, № 11, с. 174—179; Макаров А. Виль Липатов. — В кн.: Макаров А. Во глубине России. М., 1973, с. 379—396; Буханцов Н. С. В поле зрения судьбы рабочие. — В кн.: Писатель и жизнь. М., 1975, с. 3—16; Кузнецов Ф. Перекличка двух эпох. М., 1976, с. 204—226; Гринберг И. Судьбы, характеры, конфликты: К 50-летию В. Липатова. — Москва, 1977, № 4, с. 207—208; Кедрина З. В поисках своего героя. — Октябрь, 1977, № 4, с. 210—212; Сидоров Е. На пути к синтезу. — В кн.: Сидоров Е. Время, писатель, стиль. М., 1978, с. 227—233; Щербаков. К. На работе и около. — В кн.: Щербаков К. Проверка на деле. М., 1978, с. 28—47; Подзорова Н. Граждане «страны Прончатии». — В кн.: Подзорова Н. Корни и побеги. М., 1979, с. 59—85; В. В. Липатов: [Некролог]. — Лит. Росия, 1979, 12 мая, с. 12; Дворниченко Н. Вчера и сегодня забайкальской литературы. Иркутск, 1982, с. 186—202; Юдалевич Б. В. В. Липатов. — В кн.: Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982, т. 2, с. 514—518; О повести «Шестеро»: Воронин П. Их было шестеро. — Сиб. огни, 1959, № 9, с. 172—174; О повести «Капитан «Смелого»: Белоглазова Р. — Свет над Байкалом, 1960, № 2, с. 149—157; Минокин М. Романтика трудовых будней. — Сиб. огни, 1960, № 8, с. 185—186; О повести «Глухая Мята»: Турков А. Выросший мир. — Знамя, 1960, № 11, с. 220—224; Макаров А. Серьезная жизнь. — Знамя, 1961, 1, с. 189—191; Марченко А. Испытание работой. — Вопр. лит., 1961, № 12, с. 21—39; Шамота Н. В полную силу духа. — В кн.: Литература и современность. М., 1961, с. 104—109; О повести «Зуб мудрости»: Николаев П. Личность, мораль, литература. — Москва, 1962, № 3, с. 173—174; Панков В. Гуманизм в походе. — Москва, 1962, № 10, с. 204—211; Старикова В. Радость открытия. — Октябрь, 1962, № 4, с. 210—213; Яновский Н. В романтическом ключе. — Октябрь, 1963, № 1, с. 193—194; О повести «Стрежень»: Гус М. Столбовой дорогой жизни. — Октябрь, 1961, № 12, с. 188—197; Елкин А. Современники. — Мол. гвардия, 1961, № 10, с. 294—305; Татуйко А. На берегах Оби. — Сиб. огни, 1961, № 11, с. 182—184; Глинкин П. Герой в пути. — Звезда, 1962, № 6, с. 173—181; Панков В. Гражданское чувство. — Знамя, 1962, № 1, с. 191—205; Яновский Н. Во имя человека. — Сиб. огни, 1962, № 1, с. 155—164; О повести «Юноша и машина»: Золотусский И. На дальнем берегу. — Знамя, 1963, № 6, с. 204—217; О повести «Смерть Егора Сузуна»: Баранов В. Гармония и алгебра. — В кн.: Навстречу будущему. М., 1965, с. 32—35, Дремов А. Жизнь Егора Сузуна. — Октябрь, 1965, № 2, с. 183—192; О повести «Черный Яр»: Гейдеко В. Естественно — как дыхание. — Мол. гвардия, 1963, № 11, с. 278—281; Новиков В. Героическому времени — героическое искусство. — Знамя, 1963, № 9, с. 178—187; Софронова В. Аленочкин и другие. — Москва, 1963, № 10, с. 207—209; Батурина Т. Стоит ли спорить с солнцем? — Мол. гвардия, 1964, № 6, с. 301—302; Кузнецов Ф. Наступление новой нравственности. — Вопр. лит., 1964, № 2, с. 3—26; О повести «Чужой»: Колесникова Г. Воинствующие самозванцы. — Наш современник, 1964, № 6, с. 117—119; Тевекелян Д. «...Одинокий путь подобен смерти». — Москва, 1964, № 8, с. 210—212; О повести «Операция Икс два нуля»: Мотяшов И. Уважение к читателю. — Сиб. огни, 1967, № 4, с. 167—177; О кн. «Деревенский детектив»: Машовец Н. Анискин — человек справедливый. — Волга, 1968, № 8, с. 150—153; Роднянская И. К спорам вокруг Анискина. — Нов. мир, 1968, № 12, с. 235—241; Ермакова Г. В защиту человечности. — Звезда, 1969, № 2, с. 210—212; Файнберг Р. Приблизительность противопоказана. — Нева, 1970, № 2, с. 182—188; Тевекелян Д. «...Все сказанное должно быть правдой». — В кн.: Тевекелян Д. День забот. М., 1982, с. 269—275; О повести «Лида Вараксина»: Финк Л. Невыдуманные проблемы. — Сиб. огни, 1969, № 11, с. 174—179; Хайлов А. «Душа обязана трудиться...» — Север, 1971, № 1, с. 116—121; О повести «Сказание о директоре Прончатове»: Гринберг И. Сила характера. — Нева, 1969, № 7, с. 165—176; Ермакова Г. Движение жизни. — Звезда, 1969, № 8, с. 213—215; Коган А. Сказание и действительность. — Вопр. лит., 1969, № 9, с. 40—71; Козлов И. Развенчание... анти-Прончатова.— Вопр. лит., 1969, № 9, с. 71—79; Теракопян Л. Познание характера. — Дружба народов, 1969, № 10, с. 234—246; Ковский В. Человек в мире творчества. — Знамя, 1970, № 11, с. 212—226; Любацкая Г. Коммунист — вчера, сегодня, завтра. — Звезда, 1971, № 1, с. 200—208; Гус М. Жизнь и существование. — Знамя, 1972, № 8, с. 211—226; Медников А. Рабочая жизнь и литература наших дней. — Октябрь, 1972, № 4, с. 185—204; Метченко А. Важнейшая грань принципа народности. — Москва, 1972, № 4, с. 197—212; Кузнецов Ф. «Человек дела» или дело без человека. — Лит. обозр., 1973, № 1, с. 46—55; Кашинский М. С., Лопусов Ю. А. Рабочий характер. М., 1975, с. 146—160; Тевекелян Д. Сотри случайные черты. — Нов. мир, 1982, № 5, с. 242—243; Тевекелян Д. «...Одинокий путь подобен смерти». — Москва, 1964, № 8, с. 210—212; О повести «Операция Икс два нуля»: Мотяшов И. Уважение к чи-

тателю. — Сиб. огни, 1967, № 4, с. 167—177; О повести «Серая мышь»: Гринберг И. Почему люди сильны. — Нева, 1972, № 1, с. 169—179; Суровцев Ю. Неприятие мещанства. — Звезда, 1972, № 7, с. 198—213; О романе «И это все о нем»: Бровман Г. Нравственный выбор героя. — Москва, 1975, № 10, с. 202—210; Дедков И. Сто задач и сто ответов. — Лит. обозр., 1975, № 2, с. 37—44; Кедрина З. Важный конфликт времени; Федотов Г. Облик молодости, Тимофеева О. Случайно; От редакции. — Лит. обозр., 1975, № 4, с. 37—92; Кузнецов Ф. Быть человеком. — Октябрь, 1975, № 3, с. 177—189; Сидоров Е. На пути к синтезу. — Вопр. лит., 1975, № 6, с. 102—109; Шамота Н. О человечности нашей партийности. — Нов .мир, 1975, № 9, с. 237—251; Гринберг И. Строгая человечность эпохи. — Октябрь, 1976, № 12, с. 188—195; Клитко А. Движение к синтезу. — Сиб. огни, 1976, № 3, с. 161—166; Новиков В. Советская литература на современном этапе. М., 1981, с. 107—117; О романе «Игорь Саввович»: Бочаров А. Уроки гуманизма. — Лит. обозр., 1978, № 7, с. 29—37; Дмитриев В. Поиски нового героя. — Вопр. лит., 1978, № 2, с. 21—60; Норман Р. НТР и современный литературный процесс. — Дон, 1978, № 6, с. 163—167; Ракша И. Эффект инфантильности; Герасимова Л. Вдоль темы; От редакции. — Лит. обозр., 1978, № 3, с. 44—48; Горшенин А. Недоросли и опекуны. — Сиб .огни, 1979, № 4, с. 182—189; О повести «Житие Ванюшки Мурзина, или Любовь в Старо-Короткине»: Танфильев М. Приглашение к раздумью. — Нева, 1979, № 9, с. 186—187; О «Повести без названия, сюжета и конца...» Горшенин А. Еще раз о странностях любви. — Сиб. огни, 1979, № 9, с. 178—188; Цурикова Г. Современный бытовой сюжет.— Нева, 1979, № 1, с. 178—187.

БИБЛИОГРАФИЯ

Писатели Восточной Сибири. Иркутск, 1973, с. 149—151; Выходцев В. В .В. Липатов. — В кн.: Литературная Сибирь. Иркутск, 1971, с. 285—288; Русская литература Сибири. Новосибирск, 1977, ч. 2.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СОДЕРЖАНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРНАЯ СИБИРЬ
Биобиблиографический словарь писателей Восточной Сибири

Составители:
В. П. Трушкин
В. Г. Волкова

Редактор *Л. А. Васильева.* Художник *А. Е. Шпирко.* Художественный редактор *Е. Г. Касьянов.* Технический редактор *Т. А. Воронцова.* Корректор *А. С. Лысенко*

ИБ № 1095
Сдано в набор 08.05.87. Подписано к печати 20.01.88. НЕ 01058. Формат 84Х108 1/32. Бумага тип. № 2. Гарнитура журнально-рубл. Усл. печ. л. 18,48. Усл. кр.-отт. 18,74. Уч.-изд. л. 30,34. Тираж 3000 экз. Заказ 1698. Изд. № 6145. Цена 1 р. 50 к.
Восточно-Сибирское книжное издательство Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 664000, Иркутск, ул. Марата, 31.
Типография издательства «Восточно-Сибирская правда», 664009, Иркутск, ул. Советская, 109.

1 р.50 коп.